

NYELVÉSZETI ÉS IRODALMI FOLYÓIRAT
JOURNAL OF LINGUISTICS AND LITERARY SCIENCES
ČASOPIS ZA JEZIKOSLOVJE IN LITERARNE VEDE
REVUJA JEZIČNIH I KNUJŽEVNIH STUDIJA
ЖУРНАЛ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

2016

XI. NEMZETKÖZI
SZLAVISZTIKAI NAPOK

IN MEMORIAM
PÁVEL ÁGOSTON

STUDIA
SLAVICA 1-2
SAVARIENSIA

STUDIA SLAVICA SAVARIENSIA

NYUGAT-MAGYARORSZÁGI EGYETEM
KIADÓ

UNIVERSITY OF WEST HUNGARY
PRESS

Szerkesztő bizottság:
Editorial Committee:

T.E. Avtuhovics (Belarusz), Janus Bańcerowski, Barics Ernő,
Embersics Erzsébet, A.A. Fausztov (Oroszország), Fresli Mihály,
Jankovics Mária, Marko Jesenšek (Szlovénia), Kocsis Mihály, Kroó Katalin,
Mijo Lončarić (Horvátország), Mersich Zsuzsanna, V.E. Mojszejenko
(Ukrajna), V.M. Mokijenko (Oroszország), Molnár Angelika,
B.J. Norman (Belarusz), Nyomárkay István, Pozsgai István, Szabó Tünde,
Szőke Katalin, Jasmina Vojvodić (Horvátország)

Felelős szerkesztő:
Editor:

GADÁNYI KÁROLY

HU ISSN 1216-0016

A kéziratokat a felelős szerkesztő címére küldjék
Manuscripts should be sent to the editor Gadányi Károly

✉ Hungary 9700 Szombathely, Berzsényi tér 2.

☎ (Tel) 00-36-94-504-514

STUDIA SLAVICA SAVARIENSIA
1-2

A kiadvány megjelenését támogatta
az ISD Dunaferri Zrt.
és az Országos Szlovén Önkormányzat

**STUDIA
SLAVICA
SAVARIENSIA
1-2**

XI. Nemzetközi
Szlavisztikai Napok

In memoriam
Pável Ágoston

Szerkesztő:

Pozsgai István

A kötet gondozásában részt vett:

Mersich Zsuzsanna, Merkliné Doncsecz Ibolya
Mojszejenko Viktor, Denis Njari,
Skaperné Embersics Erzsébet

SZOMBATHELY
2016

Karel Gadanji
(Sombotel, Madžarska)

POGLED NA KONFERENCE PRETEKLIH 35 LET

Današnji dan je zame veliko veselje. Prvič zato, ker sem ga doživel. Drugič pa zato, ker lahko zdaj praznujem skupaj z vami. Pred več kot 35 leti smo zasnovali našo prvo prireditvev. Takrat nismo niti pomislili, da se srečamo tudi po 35 letih.

Ko smo leta 1980 ustanovili Katedro za slovenski jezik in književnost, smo skupaj s takrat že deset let delujočo Katedro za ruski jezik in književnost vedeli, da lahko slavistika v Sombotelu živi le tako, da odpre svoja vrata. Izoblikovali smo obsežne strokovne stike tako z visokošolskimi ustanovami v Sloveniji, na Hrvaškem in nadaljnjih petnajstih državah kot tudi z madžarskimi univerzami, kjer imajo slavistiko.

Leta 1990 smo ustanovili Katedro za hrvaški jezik in književnost. Katedra ima od začetka pomembno vlogo v domači kroatistiki in v naših mednarodnih stikih.

Minulih približno 40 let ni bilo z rožicami postlanih, vendar smo od Pedagoške, kasneje Filozofske fakultete Univerze v Mariboru, vedno dobili pomoč. Brez njihove podpore ne bi mogli obstati. Pomagali so nam takšni odlični strokovnjaki, kot so akademikinja Zinka Zorko, ki se je udeležila vseh naših konferenc, prof. dr. Marko Jesenšek, prof. dr. Janko Čar, Zlata Vokač, Jože Pogačnik, Jože Lipnik, Miran Štuhec, Mihaela Koletnik, Elizabeta Bernjak. Zdaj je naš edini pravi podpornik iz Maribora prorektor univerze, prof. dr. Marko Jesenšek. Z nami so bili tudi strokovnjaki Univerze v Ljubljani.

Tokratno konferenco posvečamo spominu na Avgusta Pavla, ki se je rodil pred 130 leti.

Duhovna dediščina Avgusta Pavla nas obvezuje, da se slovenistika, kroatistika in rusistika, to je slavistika, še naprej ohranja na sombotelski univerzi.

S prigaranim moramo dobro gospodariti. Kar so naši predniki z večdesetletnim trdnim delom zgradili in Sombotelu pridobili mednarodni sloves, ne smemo porušiti.

A mostani konferenciát a 130 évvel ezelőtt született Pável Ágoston emlékének szenteljük. Pável Ágoston szellemi öröksége arra kötelez bennünket, hogy a szombathelyi egyetemen a szlovenisztika, kroatisztika,

ruszisztika vagyis a szlavisztika tovább éljen. Az értékekkel jól kell gazdálkodni. Amit az elődök sok évtizedes kemény munkával felépítettek, nemzetközi elismertséget szereztek Szombathelynek, azt nem szabad lerombolni.

Pred nekaj tedni smo se v Sloveniji, na Cankovi, udeležili slovesnosti ob 130. obletnici rojstva Avgusta Pavla. Med nami posebej pozdravljam župana Cankove, gospoda Draga Vogrinčiča.

Častni gostje naše današnje konference so: Judita Pavel dr. Šimon, hči znanstvenika, polihistorja in učitelja v pravem pomenu besede Avgusta Pavla, redna članica Slovenske akademije znanosti in umetnosti prof. dr. Zinka Zorko, redni član Madžarske znanstvene akademije prof. dr. István Nyomárkay.

Mai nemzetközi konferenciánk díszvendégei: Dr. Simonné Pável Judit a tudós polihisztor és igaz tanár Pável Ágoston leánya, de itt van unokája, Vera is. Prof. Dr. Zinka Zorko a Szlovén Tudományos és Művészeti Akadémia tagja, Prof. Dr. Nyomárkay István a Magyar Tudományos Akadémia tagja.

V eni izmed sekcij se bomo spomnili na prof. dr. Imreja H. Tótha, ki je nedavno preminil. Imre H. Tóth je bil velik častilec dela Avgusta Pavla. Avgusta Pavla so na Univerzi v Szegedu imenovali za habilitiranega univerzitetnega izrednega profesorja. Duhovni, strokovni in prijateljski stiki tudi danes povezujejo slavistiko v Szegedu in Sombotelu.

Hvala mojim navzočim kolegom: Istvánu Ferinczu, Mihályu Kocsisu in Gáborju Balázsu.

Poštovani sudionici konferencije, dragi prijatelji!

U proteklih 35 godina kroatistika je uvijek bila značajno zastupljena na našoj konferenciji. Osim domaćih kroatista jezikoslovaca, povjesničara i teoretičara književnosti, etnologa, ovdje su bili prisutni i ugledni profesori iz Zagreba, Osijeka, Rijeke, Zadra, Čakovca: Antica Menac, Dalibor Brozović, Mijo Lončarić, Josip Silić, Ivo Pranjković, Marko Samardžija, Marija Turk, Stjepan Hranjec, Mate Šimundić, Petar Šimunović, Đuro Blažeka, Irena Vodopija, Antun Šojat, Dijana Stolac, Mile Mamić, Stanislav Marijanović, Đuro Vidmarović, a mogao bih nabrajati i dalje.

Ali bili su prisutni i predstavnici ostalih južnoslavenskih jezika, kao primjerice Srbi, Bugari, Makedonci i drugi.

Zahvalan sam kolegama Ernestu Bariću, Stjepanu Blažetinu, koji su sedamnaest godina s Pečuškog sveučilišta dolazali u Sambotel i predavali, neovisno o tome je li padala kiša, puhao vjetar ili je snijeg zatrpao puteve.

Redovito su sudjelovali na našim konferencijama i znanstvenici iz Austrije: Nikola Benčić, Robert Hajszan Panonski, Gerhard Neweklowsky, Herta

Lausegger, te iz Kanade profesor Tom Priestly. Više puta smo pozdravili slaviste iz Češke, Slovačke, Poljske i iz drugih zemalja.

Poštovana konferencijo!

Ovom prigodom želio bih se zahvaliti uime domaće slavistike gospodinu Istvánu Nyomárkayiju, akademiku, kome moraju biti zahvalni ne samo mađarski slavisti, nego i oni koji žive u inozemstvu. Desetljećima im je bio mentorom za doktorate i habilitacije i usmjeravao ih je na njihovom stručnom putu. I sambotelsko visoko školstvo je također mnogo profitiralo od njegovih stručnih, znanstvenih i ljudskih vrijednosti.

Most ezen a helyen szeretnék köszönetet mondani a hazai szlavisztika nevében Nyomárkay István akadémikus úrnak, akinek hálával tartozik sok hazai, de külföldön élő szlavista is. Évtizedeken át segítette a doktorálásra, habilitációra készülöket. Egyengette szakmai útjukat. A szombathelyi felsőoktatás pedig nagyon sokat profitált Nyomárkay professzor úr szakmai, tudományos és emberi értékeiből.

Уважаемые участники и гости конференции!

На всех одиннадцати Международных днях славистики русистика, украинистика и белорусистика занимали важное место. В Сомбатхее побывали сотни прекрасных специалистов из бывшего Советского Союза и бывших советских республик. За последние десятилетия в наших сборниках было опубликовано более четырёхсот научных статей. Высокий профессионализм характерен и для кафедр отечественных высших учебных заведений. Преподаватели-русисты-слависты Университета Этвеша Лоранда, Сегедского, Печского, Дебреценского университетов, Сегедского, Ньиредьхазского и Эгерского институтов (на сегодняшний день уже университетов) всегда принимали участие в конференции в Сомбатхее. Мы благодарны им за это!

Bio sam sretan kada sam prebrojio sudionike svih naših konferencija. Bilo ih je više od tisuću i petsto. Najbrojnija je bila peta konferencija sa svojih gotovo 450 sudionika. U zbornicima *Studia Slavica Savariensia* i u časopisu *Biblioteca Slavica Savariensis* objavljeno je blizu 2000 znanstvenih članaka, radova i monografija.

Najnovejša publikacija, ki smo jo izdali v spomin na rojstvo Avgusta Pavla, nosi naslov *Skupna usoda v književnosti v zrcalu prevajalskega dela Avgusta Pavla*. Delo, ki obsega 214 strani, je izšlo v XV. zvezku *Bibliothecae Slavicae Savariensis*. Izdaja vsebuje 6 študij, 15 slovenskih ljudskih balad, 14 slovenskih, hrvaških in srbskih junaških pesmi ter 14 izbranih del iz slovenske književnosti v mađarskem jeziku. Pavlove razlage besedil in zapiski so za

prevajanje ljudskega slovstva in književnosti zelo koristni. Urednici izdaje sta Judita Pavel in Marija Kozar. Zahvaljujem se za njuno skrbno delo. Posebej se zahvaljujem Mariji Kozar Mukič, da je zagotovila sredstva za izdajo.

Na žalost nekaj bivših udeležencev naših konferenc ni več med nami. Število umrlih je 42. Spomnimo se nanje.

Na žalost, mnogi sudionici naše konferencije više nisu među nama. Njih je već četrdeset i dvoje.

Ovih je dana preminuo naš kolega iz Pečuha prof. Đuro Franković, kroatist i etnolog. Odajmo im počast minutom šutnje.

Sajnos, az egykori konferenciáinkon résztvevő kollégáink, professoraink közül sokan már nem lehetnek közöttünk. Halottaink száma 42. Most emlékezzünk rájuk.

Köszönöm figyelmüket!

Hvala za pozornost!

Благодарю за внимание!

Hvala na pozornosti!

Dr. Simonné Pável Judit
(Szombathely, Magyarország)

PÁVEL ÁGOSTON SZLAVISZTIKAI MUNKÁSSÁGÁNAK ÁTTEKINTÉSE

Abstract: After graduating as a teacher of Hungarian and Latin languages in 1911, my father earned his living as a high school teacher his whole life. He did all of his creative work in part-time. He earned a doctoral degree in 1913 in comparative Slavic linguistics. He described the phonetics of the Slovene dialect of his home village Cankova, and later he wrote a grammar of the „domestic Slovene language”. He compiled a shorter and a longer Russian grammar. Avgust Pavel translated Slovene novels, short stories, poems and folk songs into Hungarian.

Keywords: Avgust Pavel, Phonetics of Cankova, „domestic Slovene” grammar, Russian grammar, translations from Slovene

Tisztelettel köszöntöm a Nemzetközi Szlavisztikai Napok résztvevőit. Nagy megtiszteltetés számomra prof. dr. Gadányi Károlynak ez a felkérése, aki műveiből ismerte meg Apámat – és lett igaz Barátja. Tevékeny életemet én más területen éltem, de mindenkor elsőrendű feladatomnak tekintettem Apám szerteágazó munkásságának megismerését, írásainak megőrzését, rendezését, gyakran a feldolgozását, a kutatók segítségét is. Szeretném most kéziratai, levelezése, családi irataink, a róla szóló gazdag irodalom legkiválóbb nyelvészeinek írásain keresztül bemutatni: hogyan érte el a cankovai kisfiú a Szegedi Tudományegyetem Bölcsészet-, Nyelv- és Történettudományi karán a magántanári kinevezést 1941. április 24-én a *Délszláv-magyar nyelvi és irodalmi kapcsolatok* című tárgykörből.

A történészek szerint minden alkotást, mint a tudományos és technikai felfedezéseket is, csak a maguk korának távlatába helyezve, történelmi és társadalmi viszonyait ismerve lehet valósan értékelni, megítélni. Köztudott – de azért szeretném kiemelni –, hogy Apám Magyarországon, Vas megyében, Vashidegkúton született (a mai Cankován) vend-szlovén nemzetiségi faluban, 130 évvel ezelőtt. Rendkívüli tehetségét és szorgalmát már tíz éves korában meglátta Borovnyák plébános úr, aki az elemi iskola után a magyar középiskolákba irányította őt. Itt érettségizett Szombathelyen a premontrei gimnáziumban. A budapesti Pázmány Péter Tudományegyetemen magyar–latin szakos tanárnak készült több mint 100 évvel ezelőtt, 1905-1909 között. Már az első félévtől kezdve – anyanyelve iránti hűségéből – hallgatta Margalits Edének

A horvát és szerb irodalom legújabb kora, a II. félévben emellett *A horvát és szerb irodalom ó- és középkora*, valamint *A horvát és szerb nyelvtan* című előadásait, amelyekből "jelesen colloquált, igen szorgalmas" eredménnyel vizsgázott is. Ezeket a tanulmányait a II. évben is folytatta, sőt hozzávette a szláv tanszék megalapítójának, Asbóth Oszkárnak az orosz nyelvtanról tartott előadásait. A III. évben Margalits Gundulics Iván költői munkáiról, valamint a horvát és szerb történetírókról, majd a raguzai horvát költészetről tartott előadásait. Asbóth a továbbiakban már eredetiben olvastatta Krylov meséit, Puskin kisebb költeményeit, Borisz Godunov drámáját, Kolycov dalait... Nem hiába ámult el tisztelettel 1945-ben az orosz ezredes Apám szép, folyékony orosz írásán. Bevallotta, hogy Apám sokkal jobban ismeri az orosz irodalmat, mint ő. De Apámnak ez sem volt elég! Hallgatta és kitűnő eredménnyel vizsgázott mindezekén túl még Asbóthnál az ó-bolgár, Deiches Jakabnál a lengyel, Patrubányinál az örmény nyelvi előadások anyagából. De nehogy azt a benyomást keltsem, talán ezekkel elhanyagolta kötelező magyar–latin tanulmányait? Nem! A kiváló magyar professzoroknál: Beöthy, Négyesy, Riedl, Simonyi, Szinnyi előadásaiból is mindenkor jelesen-kitűnően vizsgázott. Erről tanúskodik egyetemi indexe, melyet a család őriz. Pável Ágoston így alapozta meg szlavisztikai munkásságát.

Mint egyetemi hallgató kezdett el fordítani és írta meg első nyelvészeti munkáját, szülőfaluja vend nyelvének hangtanát, amellyel pályadíjat nyert. A MTA kiadta, mint *A szláv nyelvjárások* sorozat első kötetét (PÁVEL 1909). Ezt a nyelvtani alapmunkáját dolgozta ki Pável Ágoston 1941-re teljes, gazdag példatárral rendelkező nyelvkönyvvé, amely életében nem jelenhetett meg. Köszönet prof. Marko Jesenšeknek, aki kései kiadását 2013-ban lehetővé tette a legkiválóbb szlavisták és egyetemek támogatásával (PÁVEL 2013). Asbóth professzor 1910-ben az MTA kiadásában megjelenő Nyelvtudomány című szaklapban 2. füzetében a 127-140-ig terjedő oldalon részletesen ismerteti Apám pályamunkáját, imigyen: „Nem kívánok bírálatot írni e rendkívül becses értekezésről, hisz egyetemi hallgató írta, aki közben szorgalmasan készült a tanári vizsgálatra aki tudományos apparátussal alig rendelkezett – még Pleteršnik szlovén szótárát is csak munka közben kapta tőlem állandó használatra. Nem is a jelenségek tudományos megértése és fejtegetése itt a fő, hanem a gazdag, minden tekintetben megbízható anyag avatja ezt a dolgozatot elsőrendű forrássá, ez biztosít a szláv nyelvek terén végzett nyelvjárás-tanulmányok közt Pável munkájának kiváló helyet. De hogy félreértést ne keltsenek szavaim, ezzel világért sem mondom, hogy P.-nál csak az anyag becses, szó sincs róla. Egészben véve a nyelvi jelenségek megítélésében is sok sikerült részletet találni, különösen a hangzók bonyolult története, a hangsúlyos és hangsúlytalan hangzók egymáshoz való egészen sajátos viszonya egészen világosan kidomborodik, a nyelvjárás csaknem egész szókincse nagyjában helyesen be van állítva, úgy hogy e kincséből akár egy takaros kis szófejtő szótáracska lehetne összeállítani... Arról, hogy az itt közölt anyag nemcsak a szlovén nyelvvel foglalkozók, de az egész szláv nyelvészetre nézve

értékes, becses és fölötte tanulságos, hogy különösen a hangzóknak a szlovén irodalmi nyelvben annyira elmosódott eredeti quantitása itt a legtöbb esetben híven meg van őrizve, nem akarok bővebben értekezni, a szláv nyelvészet szempontjából amúgy is már behatóan méltattam más helyen a mindenkép figyelmet érdemlő értekezést, /Rocznik slawistyczny III. 177-203.1./ ott rámutattam a munka gyenge oldalaira is. Itt első sorban a magyar nyelvészt tartva szem előtt más szempontokat kívánok kiemelni. A magyar nyelvészeknek, akik Melich Szláv Jövevényszavaink c. művének eredményeit olyan készségesen elfogadták, mindenképpen el kellene P. értekezését olvasniok, ha az még olyan keserves munka is volna rájuk nézve...” Ezután 11 oldalon összeveti a professzor alaposágával egy kezdőnek, Pávelnek és egy már kollegájává nőtt régebbi tanítványának Margalitsnak értekezését és azzal fejezi be, hogy a magyar nyelvészek is tanulhatnak Pável értekezéséből valamit. Asbóth az előbb említett krakkói szlavisták szaklapjában megjelentetett méltatását német nyelven írta, azért, hogy a magyarul nem tudó szlavistáknak, elsősorban szlovenistáknak hozzáférhetővé tegye tanítványának fontos tanulmányát. Híradására szlovén részről melegen üdvözölték Apám hangtanának megjelenését. Vilko Novak szerint a grazi egyetem jeles tanára Murko Matija írt róla méltatást és a szlovén történeti hangtan írója Fran Ramovš is dicsérőleg írt Apám művéről a saját könyvében. A szláv nyelvekkel foglalkozó tudós barátaival továbbra is levelezést folytatott Apám.

Visszatérve Apám fiatal korának életkörülményeire, szeretném tisztázni több életrajzírójának téves megállapítását, ugyanis Apám tanári diplomájának 1911-ben való megszerzése után, egész életében, mint gimnáziumi tanár kereste meg a kenyerét. Minden más alkotó tevékenységét emellett végezte, olyan őserővel dolgozott, mint ahogyan az egyetemen tanult ifjú korában. Első tanári kinevezése Tordára szólt, az akkor ott induló állami gimnáziumba. Két szép és hasznos tanévet töltött el Tordán. Kidolgozta doktori dolgozatát és 1913. december 13-án Summa cum laude bölcsészeti doktori oklevelet szerzett az összehasonlító szláv nyelvészetből, amelyet már mint dombóvári gimnáziumi tanár vehetett kézbe. Az első világháború kitörése előtt két hónappal, 1914 áprilisában nősült meg Szentgotthárdon. Anyai nagyapám szintén vashidegkúti volt, de stájer családból származott. Szegeden tanult jogot, Pécsen volt joggyakornok, majd Szentgotthárdon élt, szülőfaluja közelében. Nagymamám pécsi magyar lány volt. Apámat – aki kötelező katonaidetűt a közös hadseregben töltötte le – azonnal behívták katonának. Súlyos sebesülése után, mint lábadozó tiszt is folytatta és megjelentette nyelvészeti munkáit. 1917-ben a spratzerni hadifogolytáborba, majd a pozsonyi hadbírószékra vezényelték tolmácsnak. Itt írt egy egyszerűen használható orosz nyelvkönyvet, amelyet még Schenk Ferenc könyvkereskedő és kiadó a népszerű Lingua sorozatban adott ki (PÁVEL 1925). Pozsonyban elkezdte összeállítani egy szerb kéziszótár anyagát is, amely a mai napig felhasználatlan maradt.

A háború végén leszerelve, 1920-ban hiába helyezték szülőföldje közelébe a szombathelyi leánygimnáziumba, az új határok és az alaposan megváltozott

politikai helyzet, megnehezítették tudományos munkájának a folytatását. Pável Ágostont azonban nem olyan fából faragták, hogy feladta volna eredeti elkötelezettségét és ne keresett és talált volna új utakat munkájának a folytatásához. Részből az íróasztalának dolgozott, hiszen kiteljesítette a vend nyelvtenát és a harmincas évek vége felé nekifogott egy új orosz nyelvkönyv írásának. Az összehasonlító nyelvészetben is dolgozott, de ebből csak morzsákat publikált az általa alapított Vasi, illetve Dunántúli Szemlében. Időszerűbbnek vélte a fordítói munkát, mert a háborús gyűlölködések után az irodalomban keresett olyan témát, amely közelebb viszi majd egymáshoz a szomszédos népeket. Történelmi helyzetünk, társadalmi gondjaink a múltban is sok hasonlóságot mutattak, sorsunk közössége – reménye szerint: majd összeköt minket!/? Alapelve volt, hogy: „ha megismerjük, meg is szeretjük egymást”. Valóban, a harmincas években folyamatosan jelentek meg fordításai az ország legkülönbözőbb folyóirataiban. Vilko Novak 1949-ben a Dunántúli Szemle XI. évfolyamának záró számába így emlékezik vissza erre az időre: „Pável Ágoston a szlovén irodalomból való műfordítások egész sorát indította meg. Ezekben a költő és a kitűnő nyelvész sikeres munkáját csodálhatjuk... Pável Ágoston mutatta be a közönségnek a szlovén próza büszkeségét: Cankar Ivánt zamatos magyarsággal. Cankar és más szlovén prózaírók novelláin kívül több szlovén költőből is fordított” (NOVAK 1949). Legnagyobb sikerét Cankar regényeinek lefordításával érte el. A Nyugat adta ki 1937-ben a *Hlapec Jernej in njegova pravica* és a *Potepuh Marko in Kralj Matjaž* című kisregény fordítását egy kötetben, amelyhez öt oldalas bevezetőt írt Apám. 1941-ben pedig a Cankar édesanyjának megrendítő emléket állítva írt *Na klancu* regényének fordítását (*A szegénysoron*) az Egyetemi Kiadó jelentette meg. A magyar és jugoszláv újságokból is sok lelkes kritikát megküldtek meg Apámnak a barátai, amelyeket ő egy albumban megőrizett. Fordítói tevékenységét értékelve Jože Filo 1976-ban a Szombathelyen elmondott és a Vasi Szemle az évi 3. kötetében megjelent tanulmányában ezt írta: „Cankar magyar nyelvű első könyv alakban való kiadásához – amely éppen az eredeti mű harmincadik évfordulóján jelent meg – Pável egy öt oldalnyi bevezetést írt, amelyben megállapítja, hogy: 'nemcsak a legnagyobb szlovén elbeszélő, hanem a szláv népek legnagyobb irodalmi klasszikusai közé tartozik...' A fordítás teljes egészében kitűnő. Jogosan beszélhetünk egyenértékű átköltésről, amelyben érvényesült a fordító művészi alkotó tehetsége és mindkét nyelv kitűnő ismerete. Nem található benne egyetlen gyenge pont sem, mindenütt megvalósul Cankar gondolata a legmegfelelőbb magyar nyelvi eszközökkel... Cankar művészi színvonalra emelt népi nyelvét úgy ültette át magyarra, hogy ő is a magyar népi metafora kincstárából merített.” (FILO 1976) Itt meg kell jegyeznem, hogy sajnos sem az Új Magyar Könyvkiadó 1955-ben, sem az Európa Könyvkiadó 1976-ban újra megjelentetett fordításai nem hűségeselek az eredetihez szó szerint. Ezt akkor, az 1950-es években nem tartották kötelezőnek, pedig néhol a zamatát, néhol még az értelmét is megváltoztatták így az eredetinek.

Pável Ágoston 70 éve meghalt – és ez nagy idő! Személyesen már csak Anton Vratuša akadémikus ismerte a szlavisták közül. Halála után jó barátja, Géfin Gyula felkérte Apám legközvetlenebb munkatársait, hogy a különböző területeken végzett értékes munkáját foglalják össze egy Emlékkönyvben, amely 1949. január 1-jén meg is jelent. Ebben akkor Vilko Novak méltatta először nyelvészeti munkásságát. Megemlékezett arról, hogy ő Apám hatására lett szlavista hallgató az egyetemen, mert elbűvölte Apám „nyelvi kérdések iránti fogékonysága, ösztönző ereje a magyar-szlovén kultúrkapcsolatok ápolása terén”. Ezt írja: „Pável Ágoston a szlovén irodalomból való műfordítások egész sorát indította meg... Magyar részről ő az egyetlen tudatos, rendszeres és legmélyebb előmozdítója a magyar szellemi kapcsolatoknak a szomszéd, de eddig ismeretlen szlovén néppel.” (NOVAK 1949) Ebben az Emlékkönyvben prof. Banner János a szegedi egyetem tanára, Pável habilitációjának fő sürgetője így emlékezik rá: „Az első tudományos grádust csakhamar elérte, aztán – mikor fiatalsága miatt a kormány nem terjesztette elő kinevezésre, a budapesti kar meghívása ellenére sem – a második lépést a magántanárságig már csak akkor tette meg, amikor barátai unszolták rá, meggyőzve arról, hogy a köznek tesz szolgálatot ezzel.” (BANNER 1949) A Szegedi Tudományegyetem Szláv Tanszékén prof. H. Tóth Imre és Ferincz István voltak Pável Ágoston emlékének és írásainak hű őrzői, sőt 1976-ban az Orosz Nyelv és Irodalom Tanszék kiadta *A szlovén irodalom vázlatos áttekintése* című munkáját.

Pável Ágoston nagy álma és reménye még a II. világháború veszedelmének közeledtét látva is az volt, hogy a körülöttünk élő szláv népekkel tudja építeni a kulturális kapcsolatot és ki tudja adadni a délszláv, elsősorban szlovén irodalomról felépített munkáinak nagy összefoglalását. Kézirata készen, és a nyomdában volt már a szlovén népballadákából és az irodalomból, sőt az orosz nyelvkönyve is ott volt. Ezek „nem vesztek el”, de a történelmi események, az emberi sors kiszámíthatatlansága közbeszólt. A kéziratok sorsát Csuka Zoltánnak 1940. III. hó 13-ától 1945. XI. 15-ig, ifj. Gayer Gyulának 1945-46-ban Édesapámhoz írt leveleiből elég egyértelműen végig lehet kísérni. Ezeket a leveleket megőrizte a család és a most megjelent *Sorsközösség az irodalomban* című könyvben közre is adtam (GADÁNYI – S. PÁVEL – M. KOZÁR 2016). Apám életcélját és szándékait kézíratai megvalósították valahol-valahogyan és szolgálták a közös sorsot viselő emberek testvéri barátságát.

Irodalom

- BANNER 1949 = BANNER J. Pavel Ágoston, az ember // Pavel Ágoston emlékkönyv, Dunántúli Szemle, 1944 (1949), 7-8. 7-9.
- FILO 1976 = FILO J. Pável Ágoston nyelvészeti, fordítói és kultúrközvetítói munkássága. // Vasi Szemle 1976, 3. 426-434.
- GADÁNYI – S. PÁVEL – M. KOZÁR 2016 = GADÁNYI K. – S. PÁVEL J. – M. KOZÁR M. (szerk.) Sorsközösség az irodalomban Pável Ágoston fordítói munkássága tükrében. Születésének 130. évfordulója tiszteletére. (BIBLIOTHECA SLAVICA SAVARIENSIS XV.) Szombathely, 2016.
- NOVAK 1949 = NOVAK V. Pavel Ágoston, a nyelvtudós // Pavel Ágoston emlékkönyv. Dunántúli Szemle, 1944 (1949), 7-8. 33-37.
- PÁVEL 1909 = PÁVEL Á. A vashidegkúti szlovén nyelvjárás hangtana. (Magyarországi szláv nyelvjárások 1.) Budapest, 1909.
- PAVEL 2013 = PAVEL A. Prekmurska slovenska slovnica / Vend nyelvtn. (Mednarodna knjižna zbirka Zora, 100) Maribor, 2013.
- PÁVEL 1925 = PÁVEL Á. Orosz nyelvtn. Az orosz nyelvnek szóban, írásban és olvasásban tanító nélkül való elsajátítására. 1. r. Budapest-Wien: Lingua-Mechithariszta ny. (Schenk gyakorlati zsebnyelvtanai magántanulásra.) 1925.

Галина Юсуповна Аманбаева
(Караганда, Казахстан)

ВИТАЛЬНОСТЬ РУССКОГО ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННОМ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Abstract: The article is devoted to a systematic approach in sociolinguistic monitoring of the language situation in post-Soviet space and, in particular, in Kazakhstan. The author argues that linguistic situation is not limited of local territory and a narrow chronological framework.

Keywords: sociolinguistic monitoring, language situation in post-Soviet space, language status, interlingual contacts

В социолингвистике с достаточной четкостью и детализированностью определены параметры, характеризующие языковую ситуацию как «контекст реального использования языка/языков в обществе, совокупность языков, форм существования языка, территориальных и социальных диалектов, функционирующих в данном административно-территориальном объединении в определенный исторический период» (СУЛЕЙМЕНОВА 2007: 278).

Объективно наблюдаемая вариативность языковых ситуаций с учетом специфики функционирования языков в определенном геополитическом пространстве, их коммуникативного потенциала, динамики межъязыковых контактов, отражена в системе типологических признаков языковых ситуаций.

Система обозначенных социолингвистических параметров позволяет классифицировать языковые ситуации по следующим критериям:

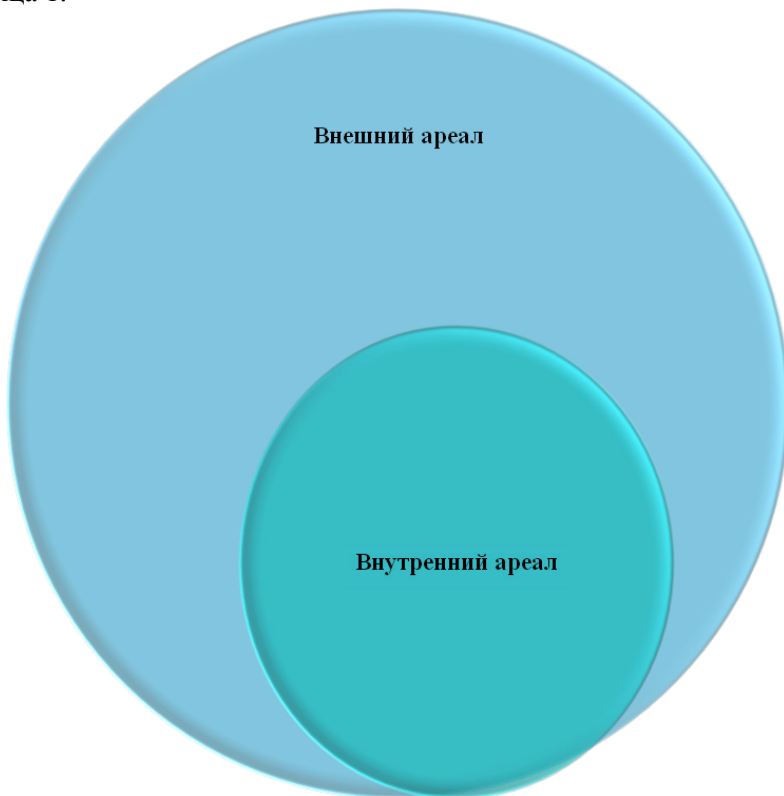
1. Количество языков, составляющих языковую ситуацию (степень ее языкового разнообразия);
2. Количество этнических языков, составляющих языковую ситуацию (степень этноязыкового разнообразия ЯС);
3. Процент населения, говорящего на каждом из языков;
4. Количество коммуникативных функций, выполняемых каждым языком, то есть коммуникативная мощь языков;
5. Юридический статус языков;
6. Степень генетической близости;
7. Оценка социумом престижности языка.

Социолингвисты, имея достаточный теоретический и терминологический арсенал и исследовательский инструментарий, в

качестве одной из приоритетных задач определяют стратегию социолингвистического мониторинга языковой ситуации, поскольку отдельные хронологические срезы и статистика эмпирических данных не формируют целостного представления о тенденциях и объективно сложившихся механизмах функционирования языка. Социолингвистический анализ функционирования языка в хронологической и пространственной протяженности актуализирует необходимость исследования влияния социолингвистических факторов в диапазоне хронологических и пространственных координат.

В данном случае речь идет о целесообразности применения такой модели, которая оперирует системным подходом в понимании языковой ситуации как социально и хронологически обусловленной внутренними и внешними факторами комбинаторики функционирования языков. То есть с точки зрения объективного социолингвистического мониторинга языковая ситуация не ограничивается пределами локального территориального пространства и узкими хронологическими рамками временного среза.

Таблица 1.

Протяженность пространственной оси координат моделирует языковую ситуацию во внешнем и внутреннем пространственном ареале.

На оси временной протяженности прослеживается динамика коммуникативного потенциала языков, его наращивания либо ослабления, объясняемого изменением социального фона, создающего объективные или субъективные предпосылки для сужения, либо расширения коммуникации на данном языке.

Калейдоскопичность современного мира, острота и дискуссионность решения политических, экономических, культурных проблем задают новый вектор социолингвистических исследований, синхронизированный с процессами глобализации, интеграции и мультикультурализма.

В этом плане показательна траектория функционирования русского языка в объеме внутреннего и внешнего ареалов, спроецированных на геополитическое пространство Российской Федерации, постсоветских государств и дальнего зарубежья.

Хронологическая протяженность разграничивает как исторически отдаленные периоды, так и современный этап эволюции русского языка, трансформации его коммуникативных функций под влиянием социальных переменных.

Изменчивость современной социальной и политической реальности, его гипертрофированный, а в ряде случаев, искаженный характер накладывают свой отпечаток на функционирование языков. Если в начале 2000-х годов в концепции доклада МИД РФ «Русский язык в мире» в рамках «внешнекультурной политики» была обозначена языковая политика, установки которой отражены в книге И.С. Иванова «Новая российской дипломатии. Десять лет внешней политики страны». Автор формулирует тезис о том, что «следует признать, что решение этой задачи дается весьма непросто. Более того, нередко именно культура, и в частности, такие факторы, как распространение русского языка, общность системы образования, наличие тесно связанных научных школ нуждаются в поддержке и защите со стороны Российского государства» (ИВАНОВ 2001: 201). Данный тезис обнаруживает необходимость устранения социальной, экономической, политической дистанции между государствами искусственно снижающими, либо административно исключаящими русский язык из числа коммуникативных игроков.

Наблюдаемая неоднородность витальности русского языка в пределах многополисного современного пространства свидетельствует о том, что диалектика категории «национальный язык» напрямую зависит от социальной базы, вмешательства политических сил и, как следствие, «культурного веса языка».

Современные социальные переменные, проявляющиеся в глобализации, постоянно идущем историческом процессе гомогенизации и универсализации мира, размывании национальных границ и универсализации культурных образов влияют на функционирование

языков. В ответ на глобализацию наблюдаются следующие процессы: мозаичная идентичность, фрагментация мира, сепаратистские движения, этнические и конфессиональные конфликты.

В нынешних условиях русскому языку с протяженной во времени и пространстве социолингвистической анкетой функционирования сохранение доминирующих позиций мирового языка эта задача, требующая не столько экономического, академического, сколько политического решения. Аргументируя тем, что на протяжении свыше тысячи лет существование русского, а затем российского и советского государства русский язык, выступая в роли и выполняя функцию основного средства межэтнического, межнационального общения, тем не менее не имел правового статуса и соответствующего юридического обеспечения. В советский период функция русского языка как средства межнационального общения не была подтверждена юридическим статусом государственного языка. «Тем самым русский язык до 1990 года был оставлен без правового обеспечения» (АЛЕКСЕЕВ, НЕРОЗНАК 2003: 330).

«Отправной точкой в правовом статуйровании титульных языков республик в составе СССР явились законы о языках, принятые в 1988-1990-х гг. не только в союзных республиках, но и в ряде автономных республик РСФСР (Тува, Чувашия). Необходимо отметить, что принятие законов о языках имело преимущественно национально-культурную, а не политическую мотивацию. Вместе с тем «триумфальное шествие» законов о языках завершилось приданием всем титульным языкам национальных республик статуса государственных. Национально-культурная доминанта законов о языках вскоре сменилась доминантой политической. Национально-языковая политика, развивающаяся в рамках «язык – право – культура» переросла в проблему «язык – право – государство». На всем геополитическом пространстве СССР, а позднее на всем постсоветском пространстве сформировалась принципиально новая парадигма» (АЛЕКСЕЕВ, НЕРОЗНАК 2003: 331).

Таблица 2.

Хронология правового статуса русского языка во внутреннем ареале.

	Нормативные и законодательные документы	Статус языка
Советский период	Закон о языках, 1990	Официальный язык и средство межнационального общения
Постсоветский период	Закон о языках, 1991	«Русский язык, являющийся основным средством межнационального общения народов РСФСР в соответствии со сложившимися историко-культурными традициями, имеет статус государственного языка на всей территории РСФСР»
	Конституция Российской Федерации, 1998	Государственный язык Российской Федерации по всей ее территории
	Федеральный закон Российской Федерации, 2003	«Настоящий федеральный закон, направлен на обеспечение использования русского языка как государственного языка на всей территории Российской Федерации, обеспечение прав граждан Российской Федерации на пользование русским языком как государственным языком Российской Федерации, защиту и развитие языковой культуры»

Степень витальности русского языка на территории Российской Федерации и правовая закреплённость константы его функционального статуса даёт основание прогнозировать стабильность и устойчивость его коммуникативной динамики.

Функционирование русского языка во внешнем ареале является неоднородным. Даже в пределах адаптированного функционального пространства постсоветских государств наблюдается очевидная неоднородность, демонстрирующая разнофункциональную палитру.

Э.Д. Сулейменова отмечает глобальные изменения в функционировании русского языка:

«В функционировании русского языка в странах Центральной и Восточной Европы «произошли буквально обвалы явления: русский язык стал факультативным и малоизучаемым предметом школьной и вузовской программ. В 2000-2002 годы положение несколько

стабилизировалось: увеличилось количество школ и классов с углубленным изучением русского языка; все больше студентов стали выбирать русский язык в качестве второго иностранного; растет интерес к овладению русским языком у будущих экономистов, управленцев, юристов.

Поддерживается русское образовательное пространство в государствах Азии, отмечается даже увеличение числа стран, в которых изучается русский язык (это не только Китай, Монголия, КНДР, Вьетнам, но и Индонезия и Филиппины).

Русская иммиграция во многих странах, а это достаточно большие массы русских и русскоязычных (напр., более 1 млн. насчитывается русская диаспора только в Израиле, более 1,5 млн. – русская диаспора в США и Канаде), создает для русского языка новое пространство функционирования (не только в качестве домашнего языка, но и комьюнити, концертах, газетах, сайтах и проч., а также в образовании (детских садах, воскресных школах, курсах русского языка и т.п.)» (СУЛЕЙМЕНОВА, СМАГУЛОВА 2005: 75).

Языковая ситуация в Казахстане, определяемая в качестве экзогlossной и поликомпонентной, характеризуется устойчивой перспективой функциональной востребованности русского языка в коммуникативном пространстве современного казахстанского общества.

Лингвисты Казахстана провели мониторинг демографической и коммуникативной мощности языков, которая сказалась на особенностях владения родным, казахским и русским языками представителями диаспор, сведения об этом приведены в таблице 3.

Таблица 3

Владение языками представителями крупных диаспор Казахстана

Владение языками Диаспора	Язык национальности	Казахский язык	Русский язык
Русская	100	14,9	100
Украинская	16,1	12,6	99,5
Узбекская	97,0	80,0	59,2
Немецкая	21,8	15,4	99,3
Татарская	37,1	63,6	96,9
Уйгурская	81,3	80,5	76,1
Белорусская	13,5	9,9	28,8
Корейская	25,8	28,8	97,7

Демографически и коммуникативно неравнозначные языки диаспор, создавая причудливый этноязыковой ландшафт страны, отражают богатейшее разнообразие истории разных народов, волею судеб оказавшихся на территории одного государства, однако своеобразие языковой ситуации Казахстана создается не столько тотальной и пестрой языковой многоголосицей, сколько софункционированием в едином коммуникативном пространстве двух мощных языков-партнеров – казахского и русского (СУЛЕЙМЕНОВА, СМАГУЛОВА 2005: 53).

Литература

- АЛЕКСЕЕВ, НЕРОЗНАК 2003 = Алексеев А.А. Нерознак В.Л. Русский как государственный в правовом и культурном измерении // Русское слово в мировой культуре. Сб. докладов. СПб, 2003.
- ИВАНОВ 2001 = Иванов И.С. Десять лет новой внешней политики России. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.
- СУЛЕЙМЕНОВА 2007 = Словарь социолингвистических терминов. Изд. 2-е дополн. под ред. Э.Д. Сулейменовой. – Алматы: Казак университеті, 2007.
- СУЛЕЙМЕНОВА, СМАГУЛОВА 2005 = Сулейменова Э.Д., Смагулова Ж.С. Языковая ситуация и языковое планирование в Казахстане. Под общ. ред. Алматы: Казак университеті, 2005.

Габор Л. Балаж
(Сегед, Венгрия)

К МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Abstract: General problems of the morphological typology of languages are, naturally, significant for Slavic linguistics, as well. In this paper a brief survey is presented of relevant current views and theories, including their applicability to Slavic linguistic research. In this respect, special attention is given to historical changes of the Bulgarian noun system.

Keywords: Typology, morphology, Slavic languages, Bulgarian

В лингвистической литературе для морфологической характеристики языков – в том числе и славянских – до сих пор очень часто употребляются термины *агглютинативный*, *флективный*, *изолирующий* и *инкорпорирующий*. Как известно, широкому распространению употребления названных терминов способствовала в первую очередь деятельность таких выдающихся языковедов 19 в. как Фридрих и Август фон Шлегель, Вильгельм фон Гумбольдт и Август Шлейхер. Несмотря на невероятную популярность данной типологической классификации, сравнительно рано начали проявляться и ее недостатки. Как справедливо отметил Гринберг: «Отличительные критерии отдельных типов никогда не определялись чётко и не употреблялись объективно» (перевод мой – Г.Л.Б.) (GREENBERG 1960: 182). Кроме того, согласно классической классификации, любой язык должен был соответствовать только одному из четырех типов, независимо от того, в какой мере выступали определенные свойства в его отдельных системах и подсистемах. На несостоятельность такого подхода указал и Сепир, создав более удачную систему, в которой языки группируются по нескольким независимым признакам. Традиционные термины сохраняются, но они употребляются как четко определенные параметры, которые уже не представляют взаимоисключающие единицы: «Один язык может быть и агглютинативным, и флективным, или и флективным, и полисинтетическим, или даже полисинтетическим и изолирующим...» (перевод мой – Г.Л.Б.) (SAPIR 1921: 123). Хотя типологическая классификация Сепира тоже не была свободна от недостатков, что препятствовало ее широкому распространению, наверное не случайно, что Гринберг выработал свою известную количественную морфологическую типологию языков именно на основе несколько

модифицированной классификации Сепира. Квантитативная типология Гринберга, однако, тоже не стала общепринятой, поэтому поиск новой, более убедительной теории продолжался. Возникает вопрос, как обстоит дело с этой проблемой в наши дни?

Немного суживая объект анализа, я сосредоточу внимание на современной интерпретации тех двух типов классической классификации, которые чаще всего выступают в связи с типологией европейских языков – агглютинации и флексии. Но так как вместо флексии более удачным и однозначным оказался термин *фузия*, в дальнейшем и я буду употреблять именно его. Итак, говоря об агглютинации и фузии, следует подчеркнуть, что эти категории не являются первичными и не поддаются эксплицитной дефиниции, так как они обе состоят из нескольких параметров. Однако единогласия относительно количества и сущности этих параметров нет, что осязаемо отражается на современной типологической литературе. Скаличка, например, приводит больше десяти признаков отдельно для агглютинации и фузии (СКАЛИЧКА 1966; SKALIČKA 1979: 36-54), в то время как Планк определяет одиннадцать пар параметров, где один член пары указывает на агглютинацию, а другой – на фузию (PLANK 1999: 282-284). Несомненно, что чем больше признаков, тем точнее можно определить языковые типы, но слишком много параметров нередко затрудняют анализ и осложняют интерпретацию результатов.

Новые исследования доказывают, что для однозначного установления типологической принадлежности достаточно оценивать не больше трех-четырёх параметров. Плуноян разграничивает следующие черты, различающие агглютинацию от фузии: 1) отсутствие фузии; 2) инвариантность корней и аффиксов; 3) отсутствие кумуляции (т.е. накопления грамматической информации в окончании) (PLUNGIAN 2001: 669-673). К подобному заключению пришел и Хаспельмат, который предполагает, что для основательного эмпирического теста при разграничении агглютинативных и фузионных черт и определении их пропорций достаточно исследовать четыре параметра, а именно: 1) кумуляция ~ сепарация; 2) чередование ~ инвариантность корня; 3) чередование ~ инвариантность аффиксов и 4) супплетивизм аффиксов (HASPELMATH 2009: 16-18). Очевидно, что параметры двух типологов, хотя и не совпадают полностью, вполне соизмеримы как между собой, так и с первыми тремя параметрами Планка, которыми являются: 1) сепарация ~ кумуляция; 2) инвариантность ~ вариантность и 3) различие ~ омонимия грамматических категорий и их маркеров (PLANK 1999: 282). В последнее время подчеркивается значительность трех параметров: 1) степень фонологической фузии; 2) экспонентность (т.е. число категорий, накапливаемых в одном маркере; ср. кумуляция) и 3) флективность (т.е. вариантность ~ инвариантность аффиксов) (BICKEL & NICHOLS 2007: 172-193; VELUPILLAI 2012: 95-110). Данная тройка

параметров принимается и авторским коллективом Всемирного атласа языковых структур (WALS).

В типологической системе т.н. *естественной морфологии* тоже значительную роль играют вышеуказанные параметры. Согласно этой теории, признаки, с помощью которых возможно описание любой словоизменительной системы, следующие:

- (а) набор категориальных комплексов и категорий, примыкающих к ним;
- (б) флексия, прикрепленная к основе, которая может функционировать как самостоятельное слово, или флексия, прикрепленная к основе, которая не может функционировать как самостоятельное слово (*base-form inflection versus stem inflection*);
- (в) отдельное или комбинированное обозначение категорий;
- (г) отсутствие или наличие типов синкретизма и их место внутри словоизменительных парадигм;
- (д) типы маркеров, применяемых для обозначения отдельных морфосинтаксических категорий;
- (е) наличие или отсутствие словоизменительных классов (WURZEL 1989: 74-77).

Нетрудно заметить, что приведенные шесть параметров не противоречат критериям Планка, Плуногяна, Хаспельмата и других, так как пункт (в) включает в себя сепарацию/кумуляцию, пункт (д) – чередование/инвариантность корня или вариантность/инвариантность, пункт (е) – чередование/инвариантность аффиксов, инвариантность/вариантность, а пункт (г) – различие/омонимию грамматических категорий и их маркеров. Особенно важен первый пункт, по которому предполагается, что в грамматических системах нет универсальных категориальных комплексов и соответствующих категорий, поскольку они устанавливаются для каждой языковой системы отдельно (ср. ARONSON 2007: 17). Каждый язык представляет собой особую систему и «выбирает» свои свойства по всем шести параметрам. Так как эти свойства являются отличительными чертами отдельных морфологических систем, они называются *системоопределяющими структурными признаками* (*system-defining structural properties*).

На основе выше представленных типологических параметров языковеды независимо друг от друга подчеркивают, что в естественных языках агглютинативные и фузионные признаки проявляются в смешанном виде, а «чистые» типы реально не существуют. Даже турецкий язык, «эталон» агглютинирующих языков, имеет известное количество фузионных признаков в связи с инвариантностью его аффиксов. В типологическом анализе Хаспельмата турецкий – вместе с венгерским, но вслед за финским – занимает только четырнадцатое место

среди тридцати языков различных групп. В другом конце списка латинский, который обыкновенно считается «типичным фузионным» языком, но по вариантности корня оказывается значительно более агглютинативным, чем, например, немецкий, арабский, венгерский или финский.

Благодаря многочисленным типологическим исследованиям вырисовался и другой, очень важный вывод, согласно которому нет обязательной корреляции между частными системами морфологии. Большое количество примеров показывает, что есть немало языков, именная система которых отличается от соответствующей глагольной системы по признаку агглютинативности/фузии. Следовательно, нет агглютинативных или фузионных языков, существуют лишь более или менее агглютинативные или фузионные (*под*)системы внутри отдельных языков.

В данном контексте интересное место занимает современный болгарский язык (вместе с македонским). Вследствие значительных исторических изменений в нем преобразовалась морфологическая система имен, в которой появились новые, изолирующие (аналитические) черты. В системе существительных и прилагательных исчезли падежи, а грамматические отношения вместо окончаний выражаются с помощью предлогов. Но как отражается это новое явление, отличающее болгарский (и македонский) от всех остальных славянских языков? Можно ли сказать, что он стал аналитическим языком? Чтобы убедительно ответить на этот вопрос, следует принять во внимание следующие обстоятельства.

Во-первых, сохранены такие фузионные признаки, как а) категория рода и обязательное согласование (не только у имен); б) вариантность флексий для выражения форм множественного числа; в) звательная форма; г) фузия типа *юнак – юнаци*, *бог – боже* и т.д.; д) случаи перегласовки типа *бряг – брегове*, *сянка – сенки* и т.д.; е) вариантность нулевого окончания с *-и* у некоторых прилагательных мужского рода в ед. ч.: *скъп – скъпи* (ср. МАСЛОВ 1986: 10-11).

Во-вторых, вместе с утратой падежей в именной системе появились новые, агглютинативные признаки, которые тоже являются синтетическими средствами: а) в этом отношении некоторые языковеды указывают на употребление постпозитивного определенного члена (SKALIČKA 1979: 39-40; ГЕРДЖИКОВ 1987: 39-40); б) в области словообразования наблюдается множество агглютинативных способов и маркеров; в) частицы *по-* и *най-* являются практически исключительными маркерами степеней сравнения, причем они могут употребляться не только с прилагательными, но и с существительными, предложными сочетаниями и даже глаголами; г) Маслов убедительно констатирует, что окончание мн. ч. *-и* у прилагательных и причастий является стандартным и инвариантным. Хотя окончание относительных местоимений *-то* употребляется вне именной системы, оно тем не менее представляет

очень типичный пример инвариантного маркера (ср. МАСЛОВ 1986: 12-13).

Приведенные факты не позволяют считать именную систему современного болгарского языка полностью аналитичной. Несмотря на некоторые признаки изолирующего типа (напр., отсутствие падежей) болгарский язык пока остался фузионным. Изменения отдельных его типологических параметров не привело к трансформации всей грамматической системы, а только к модификации одной (именной) подсистемы. В остальных подсистемах произошло гораздо меньше существенных изменений, причем они по-прежнему сохраняют – хоть частично – системоопределяющие структурные признаки древнеболгарской эпохи. Достаточно привести такие примеры, как сохранение отдельных падежей в системе местоимений, многочисленные случаи фузии, кумуляции и вариантности корня и аффиксов у глаголов, употребление аориста и имперфекта, отсутствующих в большинстве славянских языков и т.д. Несомненно, что некоторые типологические показатели аналитизма появляются и в названных подсистемах (ср. ГЕРДЖИКОВ 1983; 1987), но истинного перехода от синтетизма к аналитизму, конечно, и в этих случаях нет.

Морфологические отличия болгарской (и македонской) именной системы, по сути дела, противопоставляют ее именованным системам всех остальных славянских языков, поскольку между последними нельзя выявить подобных существенных типологических различий. Иными словами, структурное разнообразие большинства славянских языков остается практически скрытым. В отличие от более успешной фонологической классификации, разработанной Бодуэном де Куртенэ и Якобсоном, до сих пор нет надежной морфологической классификации славянских языков. Хотя есть попытки группировать эти языки по отдельным морфологическим маркерам, целостной типологической системы пока нет (H. TÓTH 2004: 49; BALÁZS 2015).

Существует, однако, интересная типологическая классификация европейских (в том числе и славянских) языков, которая основывается скорее на синтаксических параметрах, нежели на морфологических. Имеется в виду попытка Хаспельмата собрать доказательства о существовании лингвистического ареала, включающего в себя романские, германские, балто-славянские, балканские и, более маргинально, западные угро-финские языки. Следуя термину Уорфа, этот ареал часто называют *Языки средневропейского стандарта (СЕС)* (Standard Average European) (HASPELMATH 2001: 1492). Хаспельмат пользуется двенадцатью параметрами, выбранными на основе следующих принципов:

- (I) в подавляющем большинстве «ядерных» европейских языков данный признак существует;

- (II) в географически смежных языках (в кельтских, тюркских, восточных уральских, абхазо-адыгских и нахско-дагестанских) его нет;
- (III) в восточных индоевропейских языках (в армянском, иранских и индийских) его нет;
- (IV) данный признак существует в большинстве языков мира.

На такой основе Хаспельмат выделил следующие параметры:

- наличие определенного и неопределенного артиклей;
- относительные предложения с относительными местоимениями;
- форма перфекта с глаголом «иметь»;
- [выражение «экспериенцера» при помощи номинатива (чувства, восприятия и т.д.);]¹
- пассивная конструкция с пассивным причастием;
- [предпочтение производных декаузативных глаголов перед каузативами (типа *иметь/иметься*, *встречать/встречаться* и пр.);]
- выражение внешнего обладателя при помощи дательного падежа;
- отрицательные местоимения при отсутствии глагольного отрицания;
- использование частиц в сравнительных конструкциях;
- [эквативные конструкции на основе адвербиальных относительных предложений;]
- обязательное употребление субъектных местоимений;
- различие форм интенсификаторов и рефлексивов (ср. нем. *selbst* и *sich*) (HASPELMATH 2001: 1493-1501).

В результате применения приведенных параметров к языкам Европы получается своеобразная иерархия. В зависимости от того, сколько из девяти признаков, выбранных в конечном итоге, встречается в отдельных языках, Хаспельмат устанавливает, что ядром языков СЕС являются французский и немецкий (с 9 параметрами из 12), близко к ним стоят голландский, итальянский, испанский, португальский и албанский (по 8 параметров), а потом английский, румынский и греческий (по 7 параметров), шведский, норвежский, исландский и чешский (!) (по 6 параметров), литовский, латышский, венгерский, русский, украинский, польский, болгарский, сербский, хорватский и словенский (по 5 параметров). Остальные языки Европы, как например угро-финские (за

¹ Параметры в квадратных скобках не были включены Хаспельматом в конечный счет из-за отсутствия для них достаточной информации.

исключением венгерского), турецкий, армянский, кельтские и кавказские языки не входят в языковой союз СЕС (HASPELMATH 2001: 1505).

И сам Хаспельмат признает, что выбранные параметры не являются репрезентативными для европейских языков, так как они служат именно для иллюстрации и подтверждения гипотезы о языках СЕС. Кроме того, определение некоторых признаков для отдельных языков оспоримы, что может ослабить правдоподобность результатов. Также проблематична высокая степень субъективности и упрощенность анализа данных (ср. БАЛАЖ 2014: 172).

По поводу выше изложенной концепции Хаспельмата о языках СЕС важные уточнения добавил Томмола, по мнению которого признаки, предложенные как общие для европейских языков, не являются безусловно оптимальными для контрастивных исследований (ТОММОЛА 2011). В своей статье он рассматривает все 12 параметров и их подтипы путем многочисленных примеров, обращая особое внимание на угро-финские и славянские языки, и устанавливает, что критерии, принятые для определения типичных европейских признаков, оказались до известной степени противоречивыми, а применение этих признаков иногда слишком прямым. Другими словами, игнорируется значительное варьирование в употреблении альтернативных средств для выражения тех или иных значений, например, в славянских языках (ТОММОЛА 2011: 365).

К своему анализу Томмола прилагает таблицу с математически исчисленными статистическими корреляциями (величинами между -1 и $+1$)² между конкретными языками (см. ниже). На основе скалькулированных корреляций он приходит к значительным выводам, из которых я хочу здесь подчеркнуть лишь два: 1) среднее расстояние между родственными языками значительно меньше, чем их расстояние от других (неродственных) языков; 2) болгарский язык стоит далеко не только от угро-финских и германских языков, но и от русского, так как корреляция между болгарским и русским (0,41) чуть больше корреляции между, например, русским и эстонским (0,35). С другой стороны, болгарский язык проявляет высокую корреляцию относительно других славянских языков, особенно македонского (0,87), сербского и хорватского, словацкого, польского, белорусского (0,64) и чешского (0,56)³.

Следует добавить, что незначительное число типологических отличий в морфологии и синтаксисе славянских языков объясняется не столько недостатками выше упомянутых средств и способов типологических исследований, а скорее тем фактом, что языки славянства по сей день остались в структурном отношении близкими друг к другу, поэтому генетическая связь между ними сильнее, чем различия в той или иной классификации.

² Чем больше это число, тем ближе друг к другу данные два языка.

³ К сожалению, остальные славянские языки Томмола не включил в свой анализ.

Table 2. Correlations between the languages of the sample according to the specified features

Language	Grm	Dan	Nor	Swd	Bel	Rus	Cze	Pol	Slk	Blg	Mac	SCr	Hun	Est	Fin
English	0,34	0,67	0,74	0,67	0,04	-0,04	-0,29	0,04	0,22	-0,11	-0,11	-0,22	-0,09	-0,20	-0,10
German		0,11	0,07	0,11	0,21	0,21	-0,02	0,21	0,07	-0,03	-0,03	0,07	0,07	-0,10	-0,12
Danish			0,94	0,89	-0,02	-0,11	-0,22	-0,04	-0,15	0,07	0,21	-0,15	-0,15	-0,10	-0,04
Norwegian				0,94	0,04	-0,04	0,22	0,04	0,09	0,02	0,15	-0,09	0,09	-0,20	-0,10
Swedish					-0,02	-0,11	0,22	0	-0,15	0,06	0,07	-0,15	-0,02	-0,20	-0,04
Belorussian						0,82	0,68	1	0,74	0,64	0,51	0,74	-0,04	0,30	0,10
Russian							0,62	0,82	0,56	0,41	0,28	0,69	0,04	0,35	0,16
Czech								0,68	0,94	0,56	0,56	0,94	0,23	0,36	0,16
Polish									0,74	0,64	0,51	0,74	-0,04	0,30	0,10
Slovak										0,64	0,64	0,87	0,22	0,30	0,10
Bulgarian											0,87	0,64	-0,02	0,15	-0,04
Macedonian												0,64	-0,02	0,15	-0,04
Serbian /Croatian													0,22	0,30	0,10
Hungarian														0,30	0,49
Estonian															0,81

(TOMMOLA 2011: 388)

Литература

- БАЛАЖ 2014 = Балаж Г.Л. Типологически стереотипи относно статуса на българския език // *Studia Hungaro-Bulgarica*, Tomus 3. Sumen – Szeged, 2014. 165-174.
- ГЕРДЖИКОВ 1983 = Герджиков Г. Тенденцията към аналитизъм – определение, метод за измерване, причини, следствия // *Съпоставително езикознание*, 1983, № 5. 46-55.
- ГЕРДЖИКОВ 1987 = Герджиков Г. Неравномерният ход на развоя към аналитизъм в различните звена на системата и неговите причини // *Втори международен конгрес по българистика. Доклади 2. История на българския език*. София: БАН, 1987. 32-41.
- МАСЛОВ 1986 = Маслов Ю.С. К характеристике болгарского языка с точки зрения морфологической типологии // *Вопросы языка и литературы народов балканских стран: Межвуз. сб. Отв. ред. А.В. Десницкая*. Ленинград: Издательство ЛГУ, 1986. 9-14.
- СКАЛИЧКА 1966 = Скаличка В. К вопросу о типологии. *ВЯ* 1966, № 4. 22-30.
- ARONSON 2007 = Aronson H.J. *The Balkan Linguistic League, “Orientalism”, and Linguistic Typology*. Ann Arbor – New York: Beech Stave Press, 2007.
- BALÁZS 2015 = Balázs L.G. „Superstable markers” in Slavic historical morphology // *Балканско езикознание / Linguistique balkanique LIV*, 2-3 (2015). 183-196.
- BICKEL & NICHOLS 2007 = Bickel B., Nichols J. *Inflectional Morphology* // Shopen T. (ed.) *Language Typology and Syntactic Description, Volume III: Grammatical Categories and the Lexicon*. Second Edition. Cambridge, 2007. 169-240.
- GREENBERG 1960 = Greenberg J.H. A quantitative approach to the morphological typology of language // *International Journal of American Linguistics*, vol. XXVI (1960), № 3. 178-94.
- HASPELMATH 2001 = Haspelmath M. The European linguistic area: Standard Average European // *Language Typology and Language Universals*. M. Haspelmath, E. König, W. Oesterreicher, W. Raible (eds.). Vol. 2, 2001. 1492-1510.
- HASPELMATH 2009 = Haspelmath M. An empirical test of the Agglutination Hypothesis // *Universals of Language Today. Studies in Natural Language and Linguistic Theory*. Vol. 76. Scalise, S. – Magni, E. – Bisetto, A. (eds.), 2009. 13-29.
- H. TÓTH = H. Tóth I. *Bevezetés a nyelvtudományba*. Szeged – Szombathely, 2004.
- PLANK 1999 = Plank F. Split morphology: How agglutination and flecion mix // *Linguistic Typology* 3.3, 1999. 279-340.
- PLUNGIAN 2001 = Plungian V.A. *Agglutination and flecion* // *Language typology and language universals: An international handbook (HSK)*, vol. 1, Haspelmath, M. et al. (eds). Berlin: de Gruyter, 2001. 669-678.
- SAPIR 1921 = Sapir E. *Language. An Introduction to the Study of Speech*. New York: Harcourt, 1949.
- SKALIČKA 1979 = Skalička V. *Typologische Studien*. Braunschweig/Wiesbaden: Vieweg, 1979.
- TOMMOLA 2011 = Tommola H. On Slavic and Finno-Ugric vs. Standard Average European // *Formalization of Grammar in Slavic Languages*. Potsdam Linguistic Investigations. P. Kosta, L. Schürcks (eds.). Frankfurt am Main/Berlin/Bern/Bruxelles/New York/Oxford/Wien: Peter Lang, 2011. 365-390.

VELUPILLAI 2012 = Velupillai V. An Introduction to Linguistic Typology.
Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2012.
WALS = <http://wals.info>
WURZEL 1989 = Wurzel W.U. Inflectional Morphology and Naturalness. Dordrecht:
Kluwer, 1989.

Silvestar Balić
(Pečuh, Mađarska)

NAKLADNIČKA DJELATNOST HRVATA U MAĐARSKOJ – PRISTUP
KORPUSU, IZAZOVI, INTERPRETACIJSKE MOGUĆNOSTI

Abstract: We can talk about Croatians in Hungary as a special minority community under this name from the end of the First World War when they were separated from their mother country with state borders, too. After almost a century the publishing activity of this community – like many other intellectual and material products – has not been recorded, researched, interpreted, that is bibliologically processed. It has been tried to catch up with this lack within a project. As a first step of this project it is important to create an initial list of all Croatian editions in Hungary from 1920 onwards. Already during the creation of this database, the initial difficulties of Croatian publishing in Hungary are obvious, and by examining the resulting corpus some interpretive possibilities appear in the processing of the mentioned materials.

Keywords: Croatians in Hungary, publishing, book history

O Hrvatima u Mađarskoj, kao posebnoj manjinskoj zajednici pod ovim nazivom možemo govoriti od kraja Prvog svjetskog rata, od kada su od vlastitoga matičnog korpusa odvojeni i državnim granicama. Ni nakon blizu jednoga stoljeća nakladništvo ove zajednice – kao ni mnogi drugi intelektualni i materijalni proizvodi – nije detaljno evidentirana, istražena, interpretirana, dakle, bibliološki obrađena. Ovaj se nedostatak pokušava nadoknaditi u sklopu projekta čiji je prvi korak stvaranje inicijalnog popisa svih hrvatskih izdanja u Mađarskoj od kraja Prvog svjetskog rata naovamo. Već u prvim koracima stvaranja ove baze su bili očiti polazni problemi hrvatskoga nakladništva u Mađarskoj, navirala pitanja oko točnog definiranja građe, a uvidom u dobiveni korpus ubrzo su se pojavile neke interpretacijske mogućnosti, nametnula nova područja, koja iziskuju širi pristup. U ovom radu nastojat ćemo detaljno odrediti pojam hrvatskoga nakladništva u Mađarskoj, opisati proces prikupljanja podataka i ponuditi interpretacijske mogućnosti koje nam mogu dati odgovore na pitanja: što je bila, što je trenutno i što će biti nakladništvo Hrvata iliti hrvatska pisana riječ u Mađarskoj nakon tematiziranoga razdoblja.

Pristup hrvatskom nakladništvu u Mađarskoj

Sve do Drugog svjetskog rata pristup nemađarskim manjinskim izdanjima unutar Mađarske je neznatan. Nakon uvođenja komunističkog sustava Partija je pokazala poseban pristup narodnosnom pitanju, otvorene su nove mogućnosti za veća manjinska istraživanja, ali do takvih pothvata još dugo godina nije došlo. Do godine preokreta u slučaju narodnosnog istraživanja je došlo nakon odluke CK Komunističke stranke Mađarske 1968. godine, od kada država odvaja znatna proračunska sredstva za razne djelatnosti koje se odnose na manjinske zajednice (CHOLNOKY, FUTALA, KERTÉSZ 1994: 19). Rezultat ovih postupaka je utemeljenje Državne knjižnice Gorki (Állami Gorkij Könyvtár – Državna knjižnica Gorki, kasnije Országos Idegennyelvű Könyvtár és Zenei Gyűjtemény - Državna knjižnica za strane jezike i zbirka audio materijala), koja je postala bazičnom knjižnicom narodnosti u Mađarskoj i, pored dokumentacijske djelatnosti, bila je zadužena za sabiranje i bibliografsku obradu narodnosne literature. Plod ovih djelatnosti je obrađena građa manjinskih tiskovina i tekstova o manjinskim zajednicama u Mađarskoj u razdoblju 1945.-1975. godine, što je OIK u više navrata predstavio javnosti u obliku posebnih izdanja pod naslovom „Narodnosti u Mađarskoj“. Godine 1991. Državna knjižnica za strane jezike i zbirka audio materijala (OIK) objavila je dvotomnu retrospektivnu bibliografiju Hrvata, Srba i Slovenaca u Mađarskoj u spomenutoj seriji, kao peti svezak nakon bibliografije Nijemaca, Rumunja i Slovaka u Mađarskoj¹. Riječ je o selektivnoj bibliografiji koja obrađuje razdoblje između 1945.-1975. i uključuje „samo“ periodiku na mađarskom i hrvatskom (te srpskom i slovenskom) jeziku, dok knjige na hrvatskom jeziku nisu uvrštene u taj popis (ili samo djelomično).

Najveći bibliografski projekt Hrvata u Mađarskoj do sada potpisuje urednik István Käfer, a najveći dio građe sakupila je Bibliografska radna grupa Mađarske akademije znanosti pod vodstvom Gábora G. Keménya (KÁFER 1991: 13). Na ukupno 1279 stranica nalazi se 13491 bibliografska jedinica koje su razvrstane u šest većih tematskih skupina. Svaka veća tematska cjelina podijeljena je na bezbroj manjih, a na kraju, pomoću indeksa pojmova brzo i lako možemo naći sadržaj koji nas zanima.

OIK nastavlja ovu djelatnost izdavanjem godišnjaka pod naslovom „Narodnosti u Mađarskoj: Selektivna bibliografija narodnosne literature i domaće literature o narodnostima“ koja popisuje tekuću građu na jezicima manjinskih zajednica u Mađarskoj i tekstove o njima, te izlazi od 1986. do 1992. (obrađuje razdoblje 1985.-1991.)². Ova je serija OIK-a metodološki

¹ Käfer, István (ur.). Horvátok, szerbek, szlovének Magyarországon: Bibliográfia: 1945-1975 I.-II. = Hrvati, Srbi, Sloveni u Mađarskoj: Bibliografija: 1945-1975 I.-II. Budapest: OIK, 1991.

² Nádor B, Orsolya (ur.). Nemzetiségek Magyarországon. A nemzetiségi és a nemzetiségekre vonatkozó hazai válogatott irodalom bibliográfiája 1985-1991. Budapest: Állami Gorkij Könyvtár – Országos Idegennyelvű Könyvtár, 1986-1992.

slična prethodnoj bibliografiji, podijeljena je tematski i prema pojedinim narodnostima.

Sastavljanje takvih popisa nastavljeno je i nakon demokratskih promjena, također pod okriljem istraživačkih grupa OIK-a. Od 1993. godine izlazi nova serija pod skoro istim naslovom (podnaslov: Selektivna bibliografija literature o domaćim nacionalnim i etničkim manjinama), koja obrađuje narodnosnu produkciju od 1992. godine. Nakon ove serije OIK obustavlja svoju djelatnost objavljivanja manjinskih bibliografija, a prema planovima, publikacija manjinskih bibliografija nastavlja se u digitalnom obliku.

Pristup hrvatskom nakladništvu u Mađarskoj sa strane bibliografske prakse u Hrvatskoj možemo predstaviti pomoću nekoliko primjera, poput Hrvatske retrospektivne bibliografije knjiga 1835.-1940. (HRB) ili zbirke Inozemna Croatica, koji osim produkcije unutar Hrvatske kane obraditi i nakladništvo iseljeničtva, dakle i Hrvata u Mađarskoj, koje također pripada svekolikoj hrvatskoj kulturnoj baštini, stoga treba biti zastupljeno i u takvim popisima. To potvrđuju i riječi Urednika Hrvatske retrospektivne bibliografije knjiga, Slavka Harnija: „Uvrštavanje iseljeničkog tiska prikupljenog u ostvarenim vezama s iseljeničtvom nije samo predstavljanje do sada manje poznatih hrvatskih autora i njihovog rada široj javnosti - prilog je to brisanju podjele na domovinsku i iseljenu Hrvatsku kao negativnom povijesnom nasljeđu. Time se iskazuje integralni kulturni i povijesni identitet hrvatskog naroda u okviru zajedničkog jedinstvenog korpusa kulturnog nasljeđa“ (HARNI 2016).

Međutim, potpunost ili cjelovitost građe koja je nastala „u ostvarenim vezama s iseljeničtvom“ ovisi o samim naporima iseljene hrvatske zajednice oko stvaranja takvog popisa, a kako smo naveli, u slučaju Hrvata u Mađarskoj takva istraživanja nisu provedena. Zbog ovih okolnosti, na žalost, ni sama nacionalna građa ili bibliografija ne može biti cjelovita.

Približavanje matične domovine svojim zajednicama izvan granica Republike Hrvatske je i pokretanje posebnog odsjeka pod nazivom inozemna Croatica u sklopu NSK. Od 2007. godine ciljano se radi na prikupljanju građe koja je izdana izvan Hrvatske i na bilo koji način se može povezati s Hrvatima ili s Hrvatskom. Ovdje se ne nalaze isključivo izdanja manjinskoga karaktera, već i npr. prijevodi domaćih hrvatskih književnika na razne jezike svijeta ili znanstvena djela o nekom aspektu hrvatske povijesti, kulture, jezika itd. Građa se nabavlja kupnjom, donacijama ili zamjenom (LOVRENCIĆ 2009: 136). Danas se ona dijeli na tri cjeline:

- gore spomenuta građa iz svijeta, tj. prijevodi hrvatskih autora, tekstovi na hrvatskom jeziku ili pak knjige u čijem sastavljanju nekakvu ulogu igra osoba hrvatskoga porijekla;
- Iseljenička knjiga: zbirka hrvatskih knjiga Nacionalne i sveučilišne knjižnice koja se čuvala u zatvorenome spremištu, a objavljene su do 1990. godine izvan prostora Republike Hrvatske;

- Tisak hrvatskih manjina: sva izdanja koja se vezuju uz tematiku hrvatskih nacionalnih manjina u Austriji, Češkoj, Mađarskoj, Slovačkoj, Rumunjskoj, Italiji, Srbiji, Crnoj Gori i na Kosovu (MACHALA 2016: 8).

Vrijeme, prostor, jezik i čitatelji

Korpus koji se namjerava obraditi u okviru našega projekta, zvan nakladništvo Hrvata u Mađarskoj potrebno je odrediti detaljnije, jasno definirati koja izdanja pripadaju našem popisu, koja ne, i zbog čega. Tematizirana građa određena je prema trima glavnim kriterijima: vremenski, prostorni (geografski) i jezik publikacije (publika kao podkriterij). Kao poseban kriterij nije navedena vrsta građe jer se pod pojmom nakladništva podrazumijevaju produkti nakladničke produkcije u tradicionalnom obliku: knjige, serijska izdanja, te manji oblici poput brošura, kataloga izložaba, turističkih vodiča i sl.

Određivanje početnog razdoblja je povezano s nastankom fenomena „Hrvati u Mađarskoj“³. O toj zajednici (Hrvatima u Mađarskoj) pod ovim nazivom možemo govoriti tek od odvajanja dijela hrvatske zajednice od svoga matičnog korpusa, tj. od nastanka novih država nakon Prvog svjetskog rata, kada je dio Hrvata ostao na području Mađarske (BLAŽETIN 1998:6). Budući da je proces nastanka novih granica trajao nekoliko godina (1918.-1925., od završetka ratnih operacija sve do povlačenja vojske Kraljevine SHS s područja južne Mađarske i utvrđivanja novih granica na terenu) početnom godinom određujemo kraj Prvog svjetskog rata, 1918. godinu, kada je bilo jasno da će se odnosi na području gdje u većem broju žive Hrvati (Srednja i Jugoistočna Europa) radikalno promijeniti, a završnom 2015. godinu.

Prostorne granice građe su pomalo jasnije, njihovo određivanje je možda jednostavnije, ali isto, samo na prvi pogled. Naime, konačne granice Mađarske nakon Prvog svjetskog rata ostale su skoro iste sve do danas, stoga, razmatrat će se publikacije koje su izdane unutar granica Mađarske prema stanju nakon određivanja konačnih granica⁴. Međutim, ne smije se zaboraviti razdoblje Drugog svjetskog rata i tzv. Bečke odluke, putem kojih je Mađarska vratila jedan dio područja koja su nakon Prvog svjetskog rata pripojena susjednim državama. Mada je analiza nakladničke prakse okupiranih područja vrlo zahvalan posao, produkcija ovih prostora ne ulazi u predmet ovoga rada.

³ Pored pojma „mađarski Hrvati” koji je također u uporabi, prednost dajemo i koristimo oblik „Hrvati u Mađarskoj”.

⁴ Današnje granice Mađarske nisu u potpunosti identične s onima koje su određene temeljem mirovnog ugovora, ali razlike su minorne i odnose se na pogranična, nenastanjena područja gdje se nije vršila nakladnička djelatnost.

Možda od svih kriterija najvažniji je ključ jezika. Svako izdanje koje se nalazi na našem popisu djelomično ili potpuno je pisano hrvatskim jezikom⁵. Međutim, tijekom jednog stoljeća pismenosti Hrvata u Mađarskoj i ovdje možemo naići na siva područja, koja proizlaze iz statusa hrvatskoga jezika, koji ni dan danas u mnogim knjižnicama diljem svijeta ne uživa potpunu samostalnost, pa tako ni u Mađarskoj. Nameće se pitanje, trebamo li uzeti u obzir samo izdanja napisana na hrvatskom jeziku? Mišljenja smo da u ovom slučaju, i općenito kod svakog izdanja na našem popisu, trebamo razmotriti kome je tekst, publikacija namijenjena (kriterij publike). Ako je npr. udžbenik iz zemljopisa pisan srpskim jezikom, ćirilicom, ali je namijenjen i Hrvatima u Mađarskoj, i iz nje će učiti i Hrvati u Mađarskoj, onda ovo izdanje ulazi u naš popis.

Unutar kriterija jezika, odnosno po zastupljenosti hrvatskoga jezika unutar pojedinih izdanja, možemo razlikovati barem tri kvalitativne kategorije. U prvu skupinu spadaju knjige i periodike koje su pisane samo na hrvatskom jeziku. One su u slučaju naše analize najvrjednija izdanja.

Drugu skupinu predstavljaju dvojezična izdanja, često zbirke književnih djela ili u novije vrijeme projektna izdanja financirana iz fondova Europske Unije, a u treću skupinu možemo uvrstiti knjige ili serijska izdanja koja su izdana na mađarskom jeziku, ali sadrže tekstove i na hrvatskom jeziku. Česti primjeri takvih knjiga su zbornici znanstvenih skupova, u kojima nalazimo radove na raznim jezicima.

Metode prikupljanja

Prvi korak na putu sastavljanja ovog popisa je bilo formiranje metode prikupljanja jedinica. Proces prikupljanja podijeljen je na tri faze: 1. Pregled digitalnih kataloga državnih i regionalnih knjižnica; 2. Rezultati dosadašnjih istraživanja; 3. „Terenska“ istraživanja (prikupljanje podataka u kontaktu s lokalnim ustanovama, samoupravama, pojedincima).

Zahvaljujući digitalizaciji knjižničnih kataloga veliku većinu ovih izdanja možemo naći u bazama podataka spomenutih institucija. Pored državnih knjižnica pregledani su i katalozi većih regionalnih biblioteka u onim mađarskim gradovima u kojima tradicionalno bilježimo hrvatsko stanovništvo, ili gdje u okolnim naseljima i dan danas postoji aktivna hrvatska zajednica. Obradom digitalnih kataloga navedenih knjižnica prema definiranim kriterijima dobili smo popis od preko 900 jedinica.

Druga faza prikupljanja podataka sadrži one radove, novinske članke ili bilo koju publikaciju koji tematiziraju objavljena izdanja. Kako smo već naveli, bilo koji pothvat sličnih razmjera, stvaranje popisa ili bibliografije koji obrađuju

⁵ S time se isključuju publikacije koje govore o hrvatskoj zajednici u Mađarskoj na drugim jezicima, dakle isključuje se pogled izvana koji je također važan segment percepcije zajednice, ali tek nakon obrade, shvaćanja i razumijevanja procesa koji su se događali unutar same zajednice možemo prijeći na analizu pogleda izvana.

jedno razdoblje hrvatskog nakladništva u Mađarskoj ne postoji, stoga u ovoj drugoj fazi mogli smo se oslanjati samo na manje publikacije koje se bave s jednom (najčešće zaboravljenom serijskom) publikacijom. Takvi su tekstovi objavljeni u hrvatskim tjednicima, kalendarima, časopisima, zbornicima tijekom zadnjih 70 godina (*Naše/Narodne novine, Naš/Narodni kalendar, Hrvatski glasnik, Hrvatski kalendar, Pogledi, Riječ* itd.) u obliku stručnih i preglednih radova, prikaza, osvrti itd. Time dolazimo do začaranog kruga, budući da prikupljanje podataka na taj način predstavlja ozbiljan problem zbog nedostatka potrebne bibliografije koja obrađuje sadržaj spomenutih serijskih izdanja. U ovoj fazi zabilježeno je oko stotinjak izdanja.

S trećom fazom dolazimo do najzahtjevnijeg dijela prikupljanja materijala. Evidentiranje i arhiviranje pojedinih izdanja knjižnice ne odrađuju oduvijek, zbog čega mnoga starija izdanja ne možemo naći u katalozima, a nije rijetko da se i danas objavi poneko izdanje bez da je registrirano u Državnoj knjižnici Széchenyi, bez ISBN ili ISSN brojeva. Čim dublje prodiremo u prošlost, tim je manja mogućnost da će objavljeno izdanje biti prisutno u knjižnicama, a ova definicija se naročito odnosi na izdanja nacionalnih manjina.

Zbog toga, od izrazite je važnosti uključivanje ustanova, institucija i pojedinaca koji svoju djelatnost obavljaju na lokalnoj ili regionalnoj razini, kod kojih se mogu pronaći podaci koji u većim knjižnicama nisu registrirani. Ovo je ujedno i najdugotrajniji pothvat jer je potrebno doći do svih hrvatskih naselja diljem Mađarske. Riječ je o području od Gradišća do Bačke, više stotina kilometara udaljenosti, gdje djeluje 112 lokalnih hrvatskih samouprava, a broj naselja u kojima je u prošlosti bivalo hrvatsko stanovništvo je još veće⁶.

Glede prikupljanja podataka dolazimo do zaključka da je riječ o procesu koji se ne može smatrati dovršenim, uvije će se naći poneko izgubljeno izdanje koje bi trebalo biti na našem popisu. Tako i ovaj popis je tek inicijalan i autor se nada da će se tijekom godina nadopunjavati s nepoznatim jedinicama koje se možda ne čuvaju u državnim i regionalnim ustanovama, ali čine važan dio hrvatske pisane kulture ne samo u Mađarskoj, već i širem svijeta.

Autor, nakladnik, publika

Nakon prve i djelomično odrađene druge i treće faze prikupljanja podataka dobili smo popis od preko tisuću jedinica⁷. U slučaju bibliografskih jedinica zapisani su sljedeći podaci: autor (ili urednik); naslov (podnaslov, ako ima i na mađarskom jeziku); mjesto izdanja; izdavač; godina izdanja; opaske (npr. ako se iz naslova ne može naslutiti da u izdanju ima i hrvatskog sadržaja).

⁶ Ovdje bi najkorisnija bila mreža lokalnih hrvatskih samouprava, međutim rad dodatno otežava činjenica da često ni same lokalne zajednice ne vode evidenciju o izdanjima koja su bila u uporabi u naselju, ni pismeno, niti u obliku kolektivnog pamćenja, mada skoro u svakom većem naselju postoji dom kulture ili knjižnica.

⁷ Kako smo na to skrenuli pažnju, prikupljanje podataka se ne može smatrati završenim, stoga u vremenu čitanja ovoga teksta ovaj će broj vjerojatno biti veći.

Pored pukih podataka, same bibliografske obrade, naš korpus se namjerava analizirati detaljnije, namjerava se dati jedno tumačenje hrvatske nakladničke prakse u Mađarskoj kako bi dobili uvid u sustav nakladništva preko njenih glavnih aktera: autora, nakladnika i publike⁸.

U ovom trojstvu posebnu pozornost posvećujemo zadnjoj, prema našem mišljenju najvažnijoj komponenti (koja je, naravno, u izravnoj povezanosti s prvom) te ćemo pokušati opisati koji su vanjski čimbenici utjecali na recipijente i nakladnike hrvatskih izdanja u Mađarskoj.

Tematizirano razdoblje koje obuhvaća blizu jedno stoljeće, podijelit će se na tri veća perioda: 1. Između dva svjetska rata (1918.-1945.); 2. Od kraja Drugog svjetskog rata do osamostaljenja Hrvatske (1946.-1991.); 3. Nakon demokratskih promjena (od 1991.).

Kako bi se stvorio povijesno-društveni kontekst i shvatio odnos između tri glavna aktera nakladništva, potrebno je dati povijesni pregled o Hrvatima u Mađarskoj gdje će se istaknuti specifični povijesni i društveni događaji i procesi koji su utjecali na Hrvate u Mađarskoj.

Posebna pozornost se posvećuje književnim i kulturnim časopisima koji su se kod Hrvata u Mađarskoj pojavili tek krajem 20. stoljeća; ispitat će se njihova uloga u evoluciji književnosti Hrvata u Mađarskoj.

Druga velika skupina koja zavređuje poseban pregled su hrvatski udžbenici u Mađarskoj koji se u velikom broju pojavljuju nakon Drugog svjetskog rata sve do danas. Budući da oni izrazito utječu na čitateljsku publiku, formiraju buduće čitatelje, u otkrivanju čitateljskih navika trebaju biti pod povećalom naše interpretacije. Godišnja izdanja poput kalendara godinama su bila jedino štivo na hrvatskom jeziku na ovim prostorima, stoga, njihova obrada može dati važne odgovore na postavljena pitanja ovoga rada.

Ideologije i identiteti

Uvidom u dobiven korpus oblikovala se slika o nakladničkoj praksi na koju su izrazito utjecali organi izvan same hrvatske zajednice i zbog toga neprekidno, sve do demokratskih promjena, nakladnički i uređivački koncepti su pod utjecajem raznih ideologija, političkih pravaca i Crkve, ovisno o danom razdoblju.

Cilj nam je opisati ulogu takvih pravaca u manjinskim tiskovinama, njihov utjecaj na čitateljsku publiku i predstaviti posljedice takvih uređivačkih koncepcija na nacionalni identitet Hrvata u Mađarskoj. Do sada se kroatistika u Mađarskoj nije bavila pitanjem nacionalnog identiteta u hrvatskim izdanjima u Mađarskoj, stoga je analiza ovog područja ključna za razumijevanje drugih problematičnih pojava koje se događaju unutar ove zajednice.

⁸ O nakladništvu manjinskih zajednica u Mađarskoj postoji vrlo skromna literatura, vidi: Lukáts János: Szerkezet és tartalom. Kísérlet a magyarországi nemzetiségek könyvkiadásának elemzésére 1990-1999. In: Könyv, könyvtár, könyvtáros, 2001/3, 22-35

Na kraju ovog uvoda potrebno je naglasiti da zbog mnogih nedostataka kroatistike u Mađarskoj, bez većih, opsežnih pregleda raznih disciplina (povijest, jezik, etnologija itd.) na državnoj te na lokalnoj razini, ni uvodni pregledi ovoga rada ne mogu biti potpuni i odgovoriti na sva postavljena pitanja o Hrvatima u Mađarskoj.

Literatura

- BLAŽETIN 1998 = BLAŽETIN S. Književnost Hrvata u Mađarskoj od 1918. do danas. Matica hrvatska, Osijek, Hrvatski znanstveni zavod, Pečuh, 1998.
- CHOLNOKY, FUTALA, KERTÉSZ 1994. = CHOLNOKY GY., FUTALA T., KERTÉSZ GY. Nemzetiségi bibliográfia és dokumentáció hazánkban a kezdetektől napjainkig 2. // Könyvtári figyelő, 40, № 1. 5-28.
- HARNI = HARNI S. Hrvatska retrospektivna bibliografija knjiga. Nacionalna i sveučilišna knjižnica, Zagreb <http://bibliografija.nsk.hr/hrb/> Pristup ostvaren: 20.09.2016.
- KÄFER 1991 = KÄFER I. (ur.). Horvátok, szerbek, szlovének Magyarországon: Bibliográfia: 1945-1975 I.-II. / Hrvati, Srbi, Sloveni u Mađarskoj: Bibliografija: 1945-1975 I.-II. Budapest: OIK, 1991.
- LOVRENČIĆ 2009 = LOVRENČIĆ Ž. Inozemna Croatica u Nacionalnoj i sveučilišnoj knjižnici u Zagrebu // Vjesnik bibliotekara Hrvatske 52, № 1/4. 135-142.
- MACHALA = MACHALA L. (ur.). Smjernice za izgradnju zbirke Croatica. Zagreb: Nacionalna i sveučilišna knjižnica, 2016.

Baloghné Petkevics Olga
(Budapest, Magyarország)

БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫК: РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ УТОПИЯ?

Abstract: The language situation in Belarus is extremely complex. Although the majority of the population of the republic regard Belarusian language as their mother tongue, they do not use it. UNESCO classifies Belarusian as a vulnerable language. There are several reasons for identifying the endangerment: two official languages in the country (Russian and Belarusian); two varieties of orthography, grammar and language standards (official and taraškievica); the widespread use of trasyanka (everyday language); the existence of several regional dialects. Can Belarus language be saved and if so, whose task is it? What roles should be played in saving the language by the state, the Belarusian intelligentsia, representatives of the culture, young people, and, strange as it may seem, foreigners? What does it mean to be Belarusian?

Keywords: Belarusian language, language situation, problems

В предисловии учебного пособия “Мова нанова: 20 крокаў да беларускай мовы” её авторы пишут, что вместо него проще было бы издать “1000 прычын, чаму я не размаўляю па-беларуску” (ЛІТВИНОЎСКАЯ, ЛАБАДЗЕНКА 2016: 8). Здесь же приводится и оригинальный аргумент, что, дескать, белорусы настолько дорожат своим языком и берегут его, что не говорят на нём.

Именно своей сложностью и привлекательна языковая ситуация в Беларуси. На каком языке говорят в Беларуси? Ответ на такой, казалось бы, простой, но весьма чувствительный для белорусов вопрос, должен выглядеть примерно так: в Беларуси говорят, а вернее, должны говорить на белорусском языке, ведь говорят же в Болгарии на болгарском, в Венгрии на венгерском, в Греции на греческом и т.п. К сожалению, в действительности ситуация намного сложнее. Обычно попытка ответить на подобные болезненные для белорусов вопросы не лишена эмоциональности и только усложняет дело. Уже само название государства вызывает бурю эмоций. Действительно, как правильно: Беларусь или Белоруссия?

Исследование московских филологов Андрея Полия и Антона Сомина, посвященное этому вопросу, поможет разобраться, почему россияне говорят "Белоруссия" и почему белорусы на это обижаются

(МЕЛЬНИКОВА 2016). Выяснилось, что среди россиян существует двойная норма, хотя большинство из них предпочитает «Белоруссия». При этом можно было наблюдать следующую закономерность: чем выше уровень образования и возраст, тем вероятнее предпочтение варианту «Белоруссия». Проведенный среди белорусов опрос показал, что у них правильным считается «Беларусь». Заслуживает внимание личная реакция респондентов: более спокойное отношение к обоим названиям старшего поколения и непримиримость молодых людей в отношении «Белоруссия».

Россияне доказывают, что по нормам русского языка правильное название «Белоруссия» и ссылаются на письмо ИРЯ РАН, указывающее, что оба наименования — Белоруссия и Беларусь имеют право на существование и употребление в современном русском языке. Очевидно, что для россиян это совсем не политический вопрос, а, скорее, языковой, поэтому не стоит удивляться, что российские СМИ предпочитают «Белоруссию».

Очень оригинален довод сторонников названия «Беларусь» среди белорусов, которые утверждают, что статус русского языка как государственного языка Беларуси наряду с белорусским дает право белорусам влиять на его нормы. Андрей Полий объясняет предпочтение белорусов названию своего государства «Беларусь» и тем, что для белорусов этот вопрос важен потому, что вариант Белоруссия слишком уж советский. Народу хотелось бы совсем отделить себя от СССР, в том числе на уровне названия страны. Для многих это очень серьезный вопрос.

Если уже в отношении названия государства мнения о норме расходятся, как же обстоит дело с языком? Выше уже отмечалось, что на данный момент статус государственного языка Беларуси имеют два языка: русский и белорусский, причем перевес бесспорно в сторону русского. Явление это далеко не новое. Например, в 1920-е годы белорусский язык был только одним из официальных языков БССР, наряду с ним этот статус имели русский, польский и идиш.

На каком же языке говорят в современной Беларуси? Некоторые в шутку сравнивают языковую ситуацию в Беларуси со швейцарской. В довод приводятся четыре используемых языка: русский, белорусский, трасянка и тарашкевица (речь о них будет ниже). Конечно, это преувеличение и лучше обратиться к исследованиям.

Социолингвистические сведения, основанные на данных переписи населения Беларуси 2009 года свидетельствуют о том, что 53,22 % населения республики указали родным белорусский язык, а 13,49 % указали белорусский как второй язык, которым они свободно владеют.

Из этих заявлений можно было бы сделать поспешный вывод, что 2/3 проживающих на территории Беларуси свободно владеют белорусским языком. Следующие данные однако менее радужны: количество жителей

страны, утверждающих, что они разговаривают по-белорусски дома, составило 23,43 % всего населения Белоруссии. То есть почти 2/3 населения, владеющих белорусским языком, дома на этом языке не разговаривают. Цифры печальны и огорчительны, так как отражают тенденцию снижения использования белорусского языка. Согласно данным переписи 1999 года, 73,6 % жителей страны считали белорусский язык своим родным и 37 % общались на нём в семьях.

Не менее тревожны и данные Национального статистического комитета Белоруссии 2013 года. Согласно этим данным на белорусском языке в республике в школах обучаются 16,4 %, в детских садах 11,4 %, в учреждениях среднего образования 0,9 %, а в вузах всего 0,2 %.

Вопрос только в том, можно ли еще рассматривать русский язык как серьезного конкурента белорусскому или же стоит лучше признать его полную победу? Показательно, что и ЮНЕСКО классифицирует белорусский язык как уязвимый (BEDRONTE SPRACHE).

Уязвимость языка объясняется всей его историей. Если принять во внимание, что самостоятельная история старобелорусского языка приходится лишь на период многоязычного Великого Княжества Литовского, в котором он, по словам Андраша Золтана, однозначно стал самым распространенным официальным письменным языком (SZTANKEVICS, KATKITS 2006: 10), а в последующие столетия должен был противостоять то польскому, то русскому языкам; что из-за разрыва письменной традиции современный белорусский язык только в XIX веке был создан заново на основе белорусских устно-разговорных диалектов; что официальное признание и употребление в различных сферах жизнедеятельности, а также грамматику для единообразного нормированного письма современный белорусский язык получил только в начале XX века; что в перестроечный период принятый в 1990 году закон «О языках в Белорусской ССР», придававший белорусскому языку статус единственного языка в государстве, продержался лишь до референдума 1995 года, который снова придал русскому языку статус государственного наравне с белорусским, остается только удивляться, что он не исчез бесследно с лица земли и продолжает борьбу за существование. В новейшей истории бывали и более радостные моменты, например, когда в конце 1980-х годов в первую очередь благодаря усилиям белорусской городской интеллигенции, интерес к языку начал восстанавливаться.

Однако же остается фактом, что в настоящее время практически во всех сферах жизни белорусов доминирует русский язык, идет ли речь о языке в официальных документах, в коммерческом документообороте, в средствах массовой информации или в повседневном общении. В официальных документах белорусский язык используется в основном Министерством культуры.

Белорусскому языку очень трудно противостоять и стереотипу, согласно которому он является языком колхозников, деревенщины, необразованных людей. С другой стороны, в чистом виде он используется в основном интеллигенцией и патриотически настроенной частью общества, что тоже скореестораживает, чем способствует распространению.

Существует и третий языковой вариант, самый распространенный и довольно часто используемый в речах даже официальными лицами, хотя и не узаконенный никакими законами. Это так называемая трясанка, представляющая собой смесь белорусского и русского языков, в которой элементы и структуры обоих языков часто чередуются. В белорусском языке это слово буквально означает низкокачественное сено, или, по-другому, смесь соломы с сеном. В значении недоброкачественной смеси слово прочно прижилось и в сфере языка. Своё же новое значение, а именно смесь русского и белорусского языков термин получил относительно недавно, во второй половине 1980-х гг. Часто сказанное или написанное на так называемой трясанке не соответствует ни нормам русского, ни нормам белорусского языка.

Трясанка развилась во времена русификации Советской Белоруссии. Белорусам, особенно жителям деревни, не всегда удавалось усвоить нормативный русский язык, а их дети впитывали в себя смешанную речь в качестве своего первого, т.е. родного языка.

Первое эмпирическое исследование данного явления было проведено только в начале 2000-х гг. в Минске. А в период между 2008 и 2013 гг. был осуществлен научный проект по изучению употребления смешанной речи в Беларуси, прошедший в сотрудничестве лингвистов и социологов Ольденбургского университета с их коллегами из БГУ. Результаты проекта интересны своей противоречивостью: несмотря на то, что большинство опрошенных считают белорусский язык своим родным языком, первым языком, который они усвоили, называется трясанка, а преимущественно используемым — русский (разрешалось выбрать несколько ответов).

Родной язык	Первый язык	Основной язык
Белорусский (49%)	Смешанная речь (50%)	Русский (55%)
Смешанная речь (38%)	Русский (42%)	Смешанная речь (41%)
Русский (30%)	Белорусский (18%)	Белорусский (4%)

Интересен этот проект и тем, что его результаты противоречат распространенному мнению, якобы трясанку употребляют люди с низким уровнем образования, которые недостаточно владеют русским или белорусским нормативным языком. Как показали результаты, она

распространена среди белорусов с разным уровнем образования и разного возраста и употребляется параллельно с литературным языком.

На каком языке читают в Беларуси?

В 2014 году Социологическая Лаборатория «Новак» по заказу «Союза Белорусских писателей» провела исследование и установила, что 99,4 % респондентов читают художественную литературу на русском языке, предпочитают литературу на русском языке 93,7 % опрошенных и только 5 % дают предпочтение литературе на белорусском языке.

Но даже и с чтением на белорусском языке дело обстоит не так просто, так как существуют два варианта орфографии: официальная орфография и тарашкевица (классическое правописание с 1918 по 1933 год, ныне ограничено и неофициально).

Что значит быть белорусом в такой сложной языковой среде? Свои чувства очень своеобразно описывает Саша Филипенко, российский писатель белорусского происхождения (ФИЛИПЕНКО 2015).

Приводим некоторые из них:

Быть белорусом — значит всю жизнь обладать тайной, которая доступна немногим.

Быть белорусом — значит переходить с языка на язык в зависимости от компании.

Быть белорусом — значит жить в лингвистическом аду, потому что на первом уроке вам рассказывают, что «что» пишется через «ч», а на втором, што «што» пишется праз «ш», что корова пишется через «о», а на самой справе — праз «а».

Быть белорусом — значит ненавидеть, но однажды понять, принять, простить и даже полюбить трясанку.

Хочется надеяться, что несмотря на лингвистический ад белорусский язык выживет и обогатит мир новыми шедеврами писателей и поэтов страны, пишущих на родном, белорусском языке. Произведения таких белорусских современников как Владимир Некляев, Валентин Акудович, Игорь Бобков, Наталка Бабина, Александр Лукашук, Виктор Мартинович известны далеко за пределами Беларуси.

Хочется надеяться также, что государство и каждый белорусский гражданин осознает огромную ответственность перед потомками за сохранение и развитие белорусского языка. Маша Черякова и Марта Чернова, авторы пропитанной оптимизмом и любовью к родному языку книги «Гэта Беларусь, дзетка!», сравнивают сегодняшнюю ситуацию с началом XX столетия, когда обращение к белорусскому языку связывали с культурным возрождением и восстановлением белорусского самосознания. Они отмечают, что среди молодого поколения растет не только интерес к белорусскому языку, но и желание говорить на нем, причем некоторые даже стыдятся того, что не могут свободно говорить на родном языке. Доказательством уникальности ситуации является и тот факт, что в Беларуси по многим частным инициативам, число которых

растет, проводятся языковые курсы для соотечественников, т. е. курсы по родному языку у себя на родине (ЧАРАКОВА, ЧАРНОВА 2016: 19-20).

Будущее предсказать трудно, однако хочется верить, что белорусский язык сохранит свое существование и не только памятник, воздвигнутый уникальной букве «Ў», останется одиноким свидетелем того, что этот язык когда-то существовал. А в доказательство тому, что белорусский язык не утопия, приводим отрывок из СМИ, описывающих открытие этого памятника:

У Полацку адкрыты самы незвычайны помнік у краіне - у гонар чыста беларускай літары "ў", якая адрознівае наш алфавіт ад азбук іншых славянскіх моў. Усталяваны ў 2003 годзе, падчас святкавання Дня беларускага пісьменства (USE BELARUSY).

Літаратура

- ЛІТВИНОЎСКАЯ, ЛАБАДЗЕНКА 2016 = ЛІТВИНОЎСКАЯ А., Лабадзенка Г.
Мова нанова: 20 крокаў да беларускай мовы. Мінск, 2016.
- МЕЛЬНИКОВА 2016 = МЕЛЬНИКОВА Е. "Это вариант слишком советский".
Филологи из Москвы изучают, почему россияне говорят "Белоруссия".
<https://news.tut.by/society/488405.html>
- ФИЛИПЕНКО 2015 = ФИЛИПЕНКО С. Быть белорусом.
<http://bolshoi.by/kolumnist/byit-belorusom-sashafilipenko/>
- ЧАРАКОВА, ЧАРНОВА 2016 = ЧАРАКОВА М., ЧАРНОВА М. Гэта Беларусь,
дзетка! Мінск, 2016.
- BEDROHTE SPRACHE = Bedrohte Sprache. https://de.wikipedia.org/wiki/Bedrohte_Sprache
- SZTANKEVICS, KATKITS 2006 = SZTANKEVICS L., KATKITS ZS. 20 találkozás
Fehéroroszországgal. Budapest, 2006.
- USE BELARUSY = <http://www.usebelarusy.by/be/content/krayaglyady/24538/24539/25670>

Ernest Barić
(Pečuh, Mađarska)

PO ČEM SE RAZLIKUJE NAJNOVIJI HRVATSKO-MAĐARSKI
RJEČNIK OD PRETHODNIH

Abstract: The author of the Article in 2016 in Budapest, published mid-sized Croatian-Hungarian dictionary comprising about 40 thousand word items – and compares it with previously published large and small-scale bilingual dictionaries. In addition to the quantitative factors, the author considers it is important to point out that in the latest dictionary important part make the modern Croatian colloquial statements, containing the new expert and technical words and also words and phrases received from foreign languages, thereby for dictionary users it represents modern Croatian and Hungarian language reality and word meanings.

Keywords: Croatian-Hungarian dictionary, comparative analysis, bilingual dictionaries, language reality, word meanings

Kako bismo odgovorili na ovo, u naslovu izravno postavljeno pitanje, valja navesti o kojem je to najnovijem rječniku riječ i s kojim ga prethodnim rječnicima uspoređujemo s namjerom da pokažemo u čem se oni razlikuju. Najnoviji hrvatsko-mađarski rječnik (Horvát-magyar szótár) srednjega je formata, tiskan je u izdavačkoj kući Croatica u Budimpešti, obaseže 727 stranica, autori su Janja Prodan i Ernest Barić. Predstavljen je u sjedištu izdavačke kuće 31. svibnja 2016., a 12. listopada predstavljen je i na XI. Međunarodnoj slavističkoj konferenciji u Szombathelyu u Mađarskoj. U vezi pak s pitanjem koji su mu hrvatsko-mađarski rječnici prethodili, a s kojima ga želimo usporediti, evo triju kraćih napomena.

Prvo. Budući da su mađarsko-hrvatski i hrvatsko-mađarski rječnici Mavra Špicera i Ede Margalića objavljeni prije stotinu i više godina, Špicerov 1893. (Spicer Mór Magyar – horvát és Horvát-magyar szótár), a Margalićev 1898. (Margalits Ede Horvát-magyar és Magyar–horvát zsebszótár), preveliki vremenski odmak razlogom je zbog čega, inače u svoje vrijeme istaknuta djela, neće biti predmetom poredbene analize.

Drugo. Također se neće razmatrati ni srpskohrvatsko – mađarski rječnik Lászla Hadrovicsa, tiskan u Budimpešti 1957. (Hadrovics László Szerbhorvát-magyar szótár), kao ni 10 godina kasnije, 1967. objavljeni srpskohrvatsko-mađarski priručni rječnik autorskoga dvojca Eleméra Levasicsa i Magde

Surányi (Levasics Elemér – Surányi Magda Szerbhorvát–magyar kézisztár), a jednako tako ni trosvežačni Srpskohrvatsko-mađarski rečnik iz 1968., izdan u Novom Sadu (glavni urednik Kálmán Kovács), bez obzira što svaki od njih sadržava – neki više, drugi manje – samo za hrvatski jezik tipične lekseme, no ne i usustavljeno prikazane i objašnjene, već prikazane kao srpskohrvatske, tj. prepušta se neupućenu korisniku da se sam snalazi.

Treće. Nakon osamostaljenja Republike Hrvatske, dakle od 1991. do danas, u Mađarskoj je tiskano nekoliko rječnika džepnoga formata, prvenstveno za mađarske turiste koji u sve većem broju ljetuju na Jadranu. Sukladno su tomu i naslovljeni. Evo nekih od njih: Horvát kapd elő – társalgási zsebkönyv: Džepna knjižica za konverzaciju na hrvatskome, 2002. Godinu dana poslije, 2003. izlazi Kompakt útszótár – horvát: Kompaktni putni rječnik – hrvatski. Autorica je mađarsko-hrvatskoga i hrvatsko-mađarskoga putnoga rječnika iz 2011. Veres Marietta (Magyar–horvát, Horvát–magyar útszótár). Tu je i Udžbenik hrvatskoga jezika za početnike iz 2012.: Kezdők horvát nyelvkönyve te 2013. tiskani Hrvatski konverzacijski rječnik: Horvát társalgás. Svi navedeni rječnici, i neki koje nisam spomenuo, ni opsegom a ni namjenom i sadržajem u klasičnom smislu ne mogu se smatrati ozbiljnijim, zahtjevnijim dvojezičnim hrvatsko-mađarskim rječnicima.

Namjerno nisam spominjao Googleove prevoditelje, gdje se primjerice za natuknicu *proračun* kao mađarska istovrijednica ispisuju bizarni „biseri” poput: *községi adókvetés, beigazítás, rendfokozat*. Za one koji se manje više uz hrvatski služe i mađarskim jezikom ili obrnuto uz mađarski hrvatskim svaki je komentar suvišan.

Jedini je ozbiljniji rječnik u spomenutom razdoblju onaj koji je izdao ugledni, tada još neprivatizirani Akadémiai Kiadó, tj. Izdavačka kuća Mađarske akademije znanosti: Horvát–magyar kisszótár – Hrvatsko-mađarski rječnik, a autori su László Hadrovics i István Nyomárkay. Taj u Budimpešti 1996. tiskani, 2003. neznatno dopunjeni i 2010. pretiskani rječnik, ima 540 stranica maloga formata.

No prije same usporedbe navedenoga rječnika uglednih mađarskih akademika kroatista i hungarologa s rječnikom izdanim ove godine, nužno je upozoriti na činjenicu koju bismo mogli sažeti u obliku upitne rečenice: Koja su očekivanja tržišta, kupaca, spram dvojezičnih rječnika, a koja bi morala biti u prvom planu pri pisanju dvojezičnika, pa tako i u slučaju hrvatsko-mađarskog rječnika? Naime, imajući u vidu promjene koje su se proteklih 25 godina zbile u tranzicijskim zemljama srednje Europe, pa tako i u Mađarskoj i u Hrvatskoj, a što se odrazilo i na sadržaj rječnika standardnih jezika u tim prostorima, autor dvojezičnoga rječnika, bilo kojega formata, mora dobro razmisliti za koju će se jezičnu građu odlučiti, kako pri izboru ne bi iznevjerio očekivanja porabnika. Kupci su sve češće istraživači i proučavatelji danoga jezika, u našem slučaju hrvatskoga odnosno mađarskoga. S časnim iznimkama i s dužnim poštovanjem prema kupcima, neki su ipak samo potrošači s potrošačkim navikama, tj.

plaćaju za (nesubvencionirani) proizvod od kojega očekuju da bude valjan i suvremen, da zadovolji njihove (svje rjeđe, kao što rekoh, uže jezikoslovne ili beletristički poticane) prohtjeve i očekivanja. Tom tvrdnjom na neki način i anticipiram postojeće razlike među dvama navedenim rječnicima. Evo nekih od važnijih.

U najnovijem, ove godine objavljenom, hrvatsko-mađarskom rječniku svi su hrvatski leksemi akcentuirani, u drugom nisu. Istina, koju uostalom nitko ne osporava, a prema kojoj je pravogovorna, dodao bih i pravopisna, norma hrvatskoga standardnoga jezika u mnogom manje restriktivna od mađarske, no to ne znači da se može govoriti i pisati kako komu padne na pamet, bez ikakvih propisa i pravila glede naglašavanja i pravopisa. Imajući pak u vidu da je u mađarskom jeziku, za razliku od hrvatskoga standardnoga jezika naglasak uvijek na prvom slogu u riječi, što znači da mjesto naglasaka nije razlikovno u semantičkom pogledu, zbog čega se onda u rječnicima mađarske istovrijednice ne akcentuiraju. Bez obzira na to tvrdim da je važno i nužno obilježiti i naglasak riječi u hrvatskom jezičnom korpusu u hrvatsko-mađarskom rječniku većega formata. Pri zahtjevnijem izražavanju Mađara na hrvatskom jeziku ipak drugačije zvuči primjerice ista rečenica ako je izgovorimo ovako: „jedánaestā međunáródnā konferèncija organizīrāna je na zadovoljstvo svih kolēgīcā i kolēgā, pa očekujēmo da će zanimljivī referāti i predāvānja biti ipublicīrāni“, dok će – po naravi stvari – govornik mađarskoga jezika bez odgovarajućih uputa o naglašavanju na hrvatskom navedenu rečenicu izgovoriti ovako: „jĕdanaesta mĕđunarodna kŏnferencija ŏrganizirana je na zĕdovoljstvo svih kŏlegica i kŏlega, pa ŏčekujemo da će zĕnimljivi rĕferati i prĕdavanja biti pŭblicirani“.

1. Osnovna odlika riječi i drugih jezičnih jedinica koja ih čini prikladnima za rječnik kao prikaz suvremenoga stanja jezika i stanja u jeziku jest komunikativna valjanost, tj. prihvaćenost u jeziku izvornoga hrvatskoga govornika. Pri tom valja napomenuti i to da se u hrvatskoj filologiji, pedagogiji i u jezičnom savjetništvu održava mišljenje da „stranu riječ“ treba zamijeniti kad postoji dobra „domaća“ zamjena. U prvom redu mislimo na one riječi hrvatskoga standardnoga jezika koje se danas u Hrvatskoj rabe u neutralnom (denotativnom) značenju, a odražavaju njegovu purističku narav, dok se strana riječ češće rabi u razgovornom stilu. Mislimo na poznate primjere poput *izaslanstvo/delegacija – küldöttség/delegáció, liječnik/doktor- orvos/doktor, pobačaj/abortus – elvetélés/abortusz, knjižnica/biblioteka – könyvtár, računaló/kompjutor – számítógép/komputer, blagajna/kasa – pénztár/kassza, skladatelj/kompozitor – zeneszerző/komponista, glazba/muzika – zene/muzsika, stanika/pauza – szünet/pauza, prijevoz/transport/ – szállítás/transzport, odora/uniforma – egyenruha/uniformis, prosvjed/protest – tiltakozás/protestálás, ljekarnik/apotekar – gyógyszerész/patikus.*

2. Reklame i promidžbene poruke i na hrvatskoj i mađarskoj televiziji prepune su izjavama o djelotvornosti različitih lijekova i pripravaka s

obvezatnom primjedbom „o rizicima i nuspojavama upitajte svog liječnika ili ljekarnika” – „a kockázatokról és mellékhatásokról kérdezze meg kezelőorvosát, gyógyszerészét”. Ako, dakle, pogledamo kako se ponašaju leksikografi prema toj odlici hrvatskoga jezika, možemo reći da su razlike zanemarive uz ipak primjetno veći broj stranih rječi u odnosu na njihove hrvatske inačice u prethodnom hrvatskom korpusu rječnika, uz napomenu da nedostaju mnogi česti leksemi poput: *skupina – csoport, izbornik – szövetségi kapitány, ljestvica – táblázat/tabella* i dr.

3. S ozbirom na strukturu porabnika s pravom se očekuje da npr. leksemi vezani uz financijsko poslovanje, područje političkog života i djelovanja, športsko-rekreativne aktivnosti i sl. budu bolje i detaljnije oprimjereni. Razliku među dvama rječnicima u tom dijelu građe ilustrirat će se na primjeru natuknice: *porez – adó*. U rječniku Lászla Hadrovicsa i Istvána Nyomárkaya uz natuknicu *porez* stoji pravilno: *adó*. No bez ijednoga primjera. U najnovijem rječniku uz istu natuknicu imamo: *porez na dobit – nyereségadó, porez na dividendu – osztalékadó, porez na dodatnu vrijednost (PDV) – általános forgalmi adó (áfa), porez na financijske transakcije – tranzakciós adó, povrat poreza – adó-visszatérítés, razrez poreza – adókvetés, adóki szabás, vrsta poreza – adónem, oslobođen poreza – adómentes, plaćanje poreza – adófizetés, ubiranje poreza – adóbeszedés, utaja poreza – adócsalás, utjerivanje poreza – adóbehajtás, plaćati porez na što – adót fizet vmi után, prijaviti porez – adóbevallást tesz*.

4. Iskazivanjem vršiteljice radnje u hrvatskom i mađarskom jeziku sufiksalsnom se imeničkom tvorbom dobiva nekoliko značenjskih imeničkih skupina. Ovamo se ubrajaju i imenice koje znače žensku osobu. Tvorbeni način obilježavanja razlike u spolu poznat je pod nazivom imenička mocija. Njime se označava sposobnost jezika da pomoću određenih formanata gradi nazive za bića ženskoga spola od suodnosnih imenica muškoga roda. Te su imenice motivirane tvorenicom za mušku osobu i imaju isto tvorbeno značenje kao i osnovna imenica, tj. označuju: a/ vršiteljicu radnje, b/ nositeljicu osobine. Osvrnut ćemo se isključivo na imenice za označavanje vršiteljice radnje u analiziranim dvama rječnicima, pošto je u tom razlika najizraženija.

Spomenute se imenice najčešće tvore sufiksima: *-ica, -inja, -kinja, -ka*. Među navedenim sufiksima najplodniji je sufiks *-ica*. Uz ranije poznate i prihvaćene lekseme: *učiteljica, kuharica, čistačica, krojačica* dio su jezične prakse u Hrvatskoj i *ministrica, stručnjakinja, savjetnica, premijerka, predsjednica, veleposlanica, izaslanica, djelatnica, pročelnica, glasnogovornica, gradonačelnica, slikarica, blagajnica, arhitektica, lobistica, kustosica, ravnateljica, direktorica, ekonomistica, pravnica* i dr. Navedimo i tvorenice pomoću sufiksa *-kinja, -inja* i *-ka*, kojih ima poprilično u najnovijem rječniku, za razliku od ranijih hrvatsko-mađarskih dvojezičnika. Evo nekih od primjera: *kostimografinja, koreografinja, kadetkinja, akademikinja, tehnologinja, psihologinja, likovna kritičarka, novinarka, policajka, detektivka,*

misionarka, aranžerka, političarka i dr. Dio predočene građe pokazuje, s jedne strane, omjer čestotnosti njihove porabe, s druge pak strane neprijepornu činjenicu, valjanost teze, prema kojoj se u hrvatskim sredstvima javnog priopćavanja nastoji dosljedno udomaćiti praksa obličnoga razlikovanja vršitelja/vršiteljice radnje, nositelja/nositeljice, zanimanja i dužnosti. U tom su dijelu ranije objavljivani rječnici, prilično konzervativni jer takoreći nigdje ne navode vršiteljicu već isključivo vršitelja radnje odnosno zanimanja, čak ni u slučaju kada bi se, s obzirom na raniju jezičnu praksu, moglo očekivati jer u tim rječnicima nema npr. leksema *učiteljica, krojačica, čistačica* i dr. Poznato je da mađarski jezik ne poznaje kategoriju gramatičkoga roda, već se imenske riječi značenjski razlikuju prema oprjeci *živo / neživo*, pa prema tom ni u slučaju mocijjskih imenica ne postoje mocijjski parovi, odnosno, ako se želi ukazati na rod vršitelja radnje valja dodati osnovnomu obliku – *nő* (žena) – iz kojega se ne može raspoznati rod imenice. O problemima u komunikaciji nastalima zbog morfološke homonimije u slučaju iskazivanja vršitelja/vršiteljice radnje, gramatike mađarskoga jezika, uključujući i akademijinu, vrlo malo govore. Tako, primjerice Opisna gramatika mađarskoga jezika što ju je izdala Mađarska akademija znanosti zadovoljava se tvrdnjom da se u mađarskom jeziku, u slučaju da neko zanimanje obavlja ženska osoba, iskazuje tako da se imenici dodaje, kao što rekosmo, sufiksoidni član *-nő* (žena), tj. "annak kifejezésére, hogy valamely foglalkozásban nő dolgozik, mai nyelvünkben a képzőszerű *-nő* utótag használatos: *színesz-nő, tanár-nő*" (DEME, TOMPA 1970). U tradicionalno "ženskim" zanimanjima (uostalom kao i u drugim jezicima) primjerice: *szakácsnő* (kuharica), *takarítónő* (čistačica), pa i *óvónő* (odgojiteljica), *tanítónő* (učiteljica), *tanárnő* (nastavnica, profesorica) i dr. u praksi dosljedno funkcionira u gramatikama propisani tvorbeni mehanizam. Prije demokratskih promjena i privatizacije, koja je uskoro uslijedila nezamislive bi bile tvorenice kao: *üzletkötőnő* – *agentica, (parlamenti) képviselőnő* – (saborska) *zastupnica, ombudszmannő* – *pravobraniteljica, rendőrnő* – *policajka, bankárnő* – *bankarica* i dr. Drugim riječima, sve se češće, za razliku od ranije prakse, i uz "otmjenija" zanimanja dodaje ženski član. No vrlo se često događa da se pri prvom navođenju mocijjske imenice ne navodi i tvorenica sa ženskim članom (zapravo složenica, nastala kao rezultat spajanja dvaju leksema, toliko čestoga načina tvorbe novih riječi u mađarskom jeziku), nego samo pri drugom spominjanju osobe ženskoga spola spomenutoga zanimanja ili dužnosti. Iako mnogo rjeđe rabljeni, ipak postoje složeni imenski leksički oblici kada je riječ o mlađoj ženskoj osobi: imenica + *lány*: *táncoslány* – *plesačica, pénztároslány* – *blagajnica* i dr. Na nepisano pravilo lijepoga ponašanja upućuje leksička konstrukcija: imenica + *asszony*, prihvaćena u slučaju pismenoga ili usmenoga obraćanja ili oslovljavanja dužnosnica u političkom, društvenom ili znanstvenom životu: *tisztelt dékán/ректор asszony* – *poštovana gospođo dekanice/rektorice* *ректор*

asszony, tisztelt nagykövet asszony – poštovana gospođo veleposlanice, tisztelt miniszter asszony – poštovana gospođo ministrice i dr.

Postoje i neka druga, rjeđe primjenjivana rješenja u mađarskom jeziku za izricanje vršiteljice radnje, ali i bez nabranjanja svih mogućih tvorbenih inačica, a na temelju navedenih primjera iz hrvatskoga i mađarskoga jezika, nudi se zaključak: tvorbeno razlikovanje vršitelja/vršiteljice radnje sve više postaje jezičnom praksom ne samo u Hrvatskoj već i u Mađarskoj, bez obzira na genetske i tipološke različitosti dvaju jezika.

5. Kao prilog tvrdnji mnogih stručnjaka kako je nužno obnavljati dvojezične rječnike barem svake desete godine, ako ne i prije, navest ćemo samo neke primjere koji su danas već dio općeuporabnog leksika, stoga smo ih unijeli u najnoviji rječnik poput: *videozid – óriáskivetítő, tablet – táblagép, onečišćenje okoliša – környezetszennyezés, razvrstavanje otpada – szelektív hulladékgyűjtés, efekat staklenika – üvegház effektus, ekoproizvod – biotermék, podmetanje požara – szándékos gyűjtogatás, alternativna medicina – természetgyógyászat, kiropraktičar – csontkovács, ambrozija – parlagfű, lažna dojava – bombariadó, poučna staza – tanösvény, krajobrazni arhitekt – kertépítő mérnök* i dr.

Literatura

- BABIĆ 1991 = BABIĆ S. Tvorba riječi u hrvatskom književnom jeziku. Zagreb, 1991.
BABIĆ, HAM, MOGUŠ 2012 = BABIĆ S., HAM S., MOGUŠ M. Hrvatski školski pravopis. Zagreb, 2012.
TEŽAK, BABIĆ 2015 = TEŽAK S., BABIĆ S. Gramatika hrvatskoga jezika. Priručnik za osnovno jezično obrazovanje. Zagreb, 2015.
BARIĆ 1988 = BARIĆ E. Tvorbeni status ženskog mocijskog parnjaka // Rasprave Zavoda za jezik, Vol 14, № 1. 43-49.
DEME, TOMPA 1970 = DEME L., TOMPA J. A mai magyar nyelv rendszere. Leíró nyelvtan I. Budapest, 1970.
BENCÉDY, FÁBIÁN, RÁCZ, VELCSOV 1991 = BENCÉDY J., FÁBIÁN P., RÁCZ E., VELCSOV M. A mai magyar nyelv. Budapest, 1991.
ZSUFFA 1993 = ZSUFFA Z. Gyakorlati magyar nyelvtan. Budapest, 1993.

Юдит Бароти – Эржебет Шиллер
(Сомбатхей, Венгрия)

**К ВОПРОСАМ БИОГРАФИИ ЛЕОНИДА ПАСТЕРНАКА В СВЕТЕ
ВОСПОМИНАНИЙ – ЕГО И ДРУГИХ**

Abstract: The article presents and examines excerpts from some of the lesser-known autobiographical notes and reminiscences of the renowned painter, Leonid Pasternak (1862-1945), father of the writer Boris Pasternak. One of his childhood memories describes the 1871 pogrom in his native Odessa. This short, dramatic piece, written sixty years after the event, in exile, along with other writings referring to his Jewish roots, have been marginalized or simply omitted from his published *Memoirs*. This paper makes an attempt to put such omissions and silence – of his own, and of others’ – about the Jewish origin in the wider context of the artist’s oeuvre.

Keywords: Leonid Pasternak, reminiscences, Jewish, Russian art, Odessa

Известно, что еврейское происхождение во многом определило жизнь Леонида Пастернака. В биографиях, например, пишется, что он не стал профессором, потому что отказался принять православие, а для такой должности это было бы необходимо (см. ПЛАВИНСКАЯ 2012).

В определённые периоды еврейская тематика в творчестве Л. Пастернака играла существенную роль, а в другие влияние русской среды и культуры становилось более важным и вдохновительным. Сам Пастернак считал себя в первую очередь русским художником. И, конечно, имеет значение, что в России и в Советском Союзе он в первую очередь прославился как друг Льва Толстого и иллюстратор романа *Воскресение*. А некоторые знаменитые современники Л. Пастернака в России и в ещё большей мере вне её определяли его в первую очередь как еврейского художника.

После смерти Леонида Пастернака в Англии в 1945-ом году усиливается тенденция поиска его места исключительно в русской культуре. Его еврейское детство, работы и мысли, даже дружба с известными представителями еврейской интеллигенции после Октябрьской революции остаются в тени.

В отличие от многих мы не считаем нашим долгом судить, насколько правильно или неправильно поступали потомки Леонида Пастернака – в первую очередь дочь Жозефина –, когда они как бы стёрли еврейство из

творчества и жизни художника. У них вероятно были уважительные причины (стоит только упомянуть спор отца и сына Бориса по этому поводу). И с другой стороны, – сам Леонид Пастернак часто держал некую дистанцию от своего еврейского происхождения. В этой статье мы хотим только обратить внимание на некоторые малоизвестные, но, может быть, интересные тексты, высказывания и – на молчание Леонида Пастернака в связи со своим еврейским происхождением, и также на косвенные реакции на него, и опять – на молчание со стороны людей, представляющих художника после его смерти.

Через 30 лет после смерти отца, Жозефина Пастернак решила составить книгу из его разрозненных мемуарных заметок. В 1975-ом году в Москве вышла красивейшая книга под заглавием *Записи разных лет*, с множеством репродукций картин и рисунков. Книга состоит из четырёх частей: *Моя жизнь, Мои встречи и модели, Встречи с Толстым и Статьи, наблюдения, записи*. Книга такого рода не противоречила бы воле Леонида Пастернака, ведь в 1932 году в Берлине он хотел издать монографию «с большой статьёй известного художественного критика Макса Осборна, воспоминаниями художника о Льве Толстом и автобиографическими заметками. К несчастью, большую часть тиража не успели вывезти из типографии, так как она была уничтожена ворвавшимися в здание типографии нацистами» (ПАСТЕРНАКИ 2001). Сборник, составленный дочерью Жозефиной не содержит некоторые записи – ни русское издание, ни его немного сокращённый английский перевод (PASTERNAK 1982).

В Гуверовском архиве (при Стэнфордском университете) среди рукописей, документов и прочих материалов огромного семейного архива Пастернаков хранится машинописный текст Леонида Осиповича Пастернака под заглавием *Первый погром в Одессе (эпизод из детских воспоминаний...)* (ПАСТЕРНАК HOOVER 139:6). Текст интересен сам по себе, и говорит многое не только о грустном событии 1871-го года, а также о своём авторе. К тому же, рассмотрение судьбы этого текста даёт возможность задуматься о некоторых оттенках восприятия художника Леонида Пастернака. Этот текст на двух с небольшим листах не включён в *Записи*, инет его и в английском издании. Он вышел в свет намного позже в сборнике в 2013-ем, потом 2015-ом году – в последней книге с одним единственным комментарием к тексту: в сноске Ж. Пастернак, ссылаясь на книгу Ю. Гессена, замечает, что погром, о котором пишет Леонид Пастернак, не был первым в Одессе. Составители не сочли нужным дополнить публикацию текста ничем другим (ПАСТЕРНАК 2015: 157).

В этом коротком воспоминании о событии шестидесятилетней давности его автор сумел передать свои детские впечатления, делая воспоминание правдоподобным, реальным и тем, что из мозаик не вырисовывается целая картина – есть моменты, которые не остались в

памяти. Он умеет передать тревогу, опасения и сжато, но точно, не подробно, но всё-таки детально описывает окружение, тяжёлую атмосферу. В спасении детей в этой опасной ситуации в одесском дворе самую большую роль играет храбрая и мудрая мать. «Только наша семья: родители, две сестры, старший брат и я оставались в этом громадном пространстве двора и двух флигелей маленькой восьми-комнатной гостиницы [...] Вот за воротами уже прошли воюющие, стоном стонущие о потерянном, уничтоженном скарбе, вот гиканье передовых “вождей”, мальчишек и хулиганов, слышно у нашего дома, адский визг, свист и битье стекол – еще и сейчас в ушах у меня этот свист и “уррра”, когда что-то большое выбрасывалось на улицу из окон... и лязг стекол...

[...]

Когда толпа эта поравнялась с нашим домом, мать моя, – вообще худая, слабая с виду женщина – раскрыла окно нижнего этажа, выходявшего на улицу, выпрыгнула из него и бросилась на колени перед этой озверелой толпой, умоляя со слезами на глазах – пощадить ее детей!.. Это совсем неожиданное зрелище умоляющей за детей своих женщины так воздействовало на толпу, что “заправили” скомандовали – “ребята, дальше!..” – Так мама спасла нас своим материнским бесстрашием и героизмом...»

Хочется тут обратить внимание на монографию Леонида Пастернака, *Рембрандт и еврейство в его творчестве*, на лирическое отступление в нём при анализе картины *Яков благословляет детей Иосифа*.

«Как ни прекрасно написаны Яков, Иосиф и внуки, не в них дело. Сбоку, с правой стороны полотна, египтянка Аснат – жена Иосифа и мать внуков Якова. Но, Боже мой!.. Какая Аснат?! Разве она египтянка?.. Это же иудейка! И какая мать!.. И я вспоминаю свою... Святые иудейские матери! Сколько горя и скорби, сколько слез выплакали глаза ваши. Сколько тревожных и бессонных ночей провели вы над колыбелью детей ваших... Воистину, вы свято исполнили Завет Божий, ибо нет вам равных в материнской любви» (ПАСТЕРНАК 1923).

Это сходство матери и Аснат, увиденное Пастернаком, интересно и тем, что в воспоминании он не употребляет слово «еврей». Как мы указываем на это потом, он и в других своих текстах избегает этого слова.

Возвращаемся к воспоминанию о погроме. Описанные события читатель видит не только глазами мало понимающего, но впечатлительного мальчика, а также за текстом вырисовывается взрослый рассказчик. Этот взрослый человек текста уже много всего пережил и смотрит на происшествия с точки зрения исторической давности. И он знает не только то, что этот погром стал «образцом повторяющихся потом на юге России много раз». К моменту написания воспоминания этот опыт из детства повторялся и в других странах в более варварском виде («“погром” – эта дикая преступная расправа с беззащитными, инсценированная всюду властями – на разные лады – укоренилась

сначала у нас, а затем и в жизни “цивилизованных” народов Европы»). Но в этом его взрослом взгляде есть ещё один важный оттенок – это его сопереживание жертвам лишено ненависти к беспощадным людям. «Конечно, во мне – 7-8-летнем мальчишка дикая варварская (непонятная ребенку) расправа оставила навсегда неизгладимый след. Когда я подросток, это, якобы “народное” явление оставило в душе не чувство ненависти и мести, а душевную горечь за ни в чем не повинных жертв слепого преследования в течение 2000 лет беззащитных, бесправных людей...» Короткое воспоминание Л. Пастернака заканчивается этим предложением. Это характерный для Пастернака подход: говорить не просто о своём личном опыте, о своей скорби, и при этом не оправдывать простое, эмоциональное отношение к врагу. В других записях это сочетается с некой иронией.

Иронические фразы и самоирония родились в его записях связи с его судьбой в фашистской Германии, которую он впоследствии покинул в 1938. В воспоминаниях он утверждает, что были «слухи о выселении из Германии советских граждан [...] и будто бы начали уже выселять по алфавиту.» (ПАСТЕРНАК 1975: 95.) В книгу, составленную его дочерью, она поместила и более ироническую запись. Стоит обратить внимание на то, что в цитируемом нацистском документе и во всей книге сам Пастернак одинаково не употребляют слово «еврей».

«6-го января 1944 г.

Разбирая свои бумаги, нашел два курьезнейших документа, исторически очень ценных, но особенно нелепых в совокупности: один, официальный – запрещение мне (я бережно храню его), как не арийцу, “не могущему воплотить арийских идей”, заниматься живописью! Документ нацистского идиотизма, небывалого во всей истории искусства и жизни человечества [...]. Другой документ – заметка, пропущенная нацистской цензурой и опубликованная в официозном журнале “Die elegante Welt”, рекомендующая в лучших выражениях, как высокохудожественное произведение, мою литографию Бетховена (репродуцирована над чьим-то портретом Гинденбурга, но моя подпись уничтожена!). Рекомендует и его и Гинденбурга “в каждую немецкую семью!..” Это эпизод – на пять с плюсом...» (ПАСТЕРНАК 1975: 108.)

В *Записях* Пастернак относительно подробно пишет о своей «экспедиции» из Берлина в Палестину в 1924-ом году. Однако, описание Палестины, его эмоции, которые вызвали разные зрелища, в его записях ничем не отличаются от описаний Египта, например. Эта поездка, по-видимому, оказала на него глубокое впечатление – независимо от того, что в воспоминаниях нет ни одного намёка на то, что он имел больше отношений к этой культуре, чем любой человек, знающий Библию. Это были плодотворные дни: «Несмотря на короткий срок пребывания в Палестине, я все же успел сделать целый ряд картин, рисунков и эскизов, в которых старался запечатлеть виденное мною в этой стране. Часть моих

палестинских работ показана была на первой моей берлинской выставке, часть была опубликована.» (ПАСТЕРНАК 1975: 93) В русское издание *Записей* вошла репродукция одной картины – *Пейзаж с мавзолеем Рахили*, а в английское другой – *Street in Jerusalem (Иерусалимская улица)* (PASTERNAK 1982).

Картины на палестинскую и еврейскую темы ушли на второй план ещё при жизни художника – а после его смерти это стало ещё более заметным. В 1979-ом и 2001-ом годах были выставки его картин в Третьяковской галерее. Судя по рецензиям, на них тоже не особенно были представлены такие работы (см. например ТВОРЧЕСТВО 2001).

Ещё более любопытно стремление, стереть из биографии художника его происхождение, при том что говорится, в том числе, именно о его прошлом. Так поступает английский писатель Сесил Пэрротт, который написал радио пьесу о чете Пастернаков, об атмосфере, которая окружала их всемирного известного сына, Бориса (PARROTT 1975). В пьесе, которую транслировало радио Би-Би-Си в 1975-ом году (THE PASTERNAKS), слышны были и голоса Жозефины и Лидии Пастернак, конечно, влияние семьи на это произведение заметно. Актёры исполняли роли Марины Цветаевой, Р.-М. Рильке, Бориса Пастернака, Льва Толстого, художника Александра Бенуа.

Для каталога к выставке рисунков в Оксфорде 1990-го года Жозефина Пастернак написала о детстве художника. Здесь в повседневной жизни семьи своего отца она обнаруживает только влияния нееврейского мира. «Отец Леонида Осиповича Пастернака был беден. Но это была не нищета, а скорее умеренность во всем. Такой же была пуританская атмосфера в семье: долг прежде удовольствия. Шестилетний мальчик рисовал для дворника охотничьи сцены с борзыми. [...] Рисовал он также для добросердечной жены строгого православного священника» (PASTERNAK J. 1990).

Кохен в своей книге пишет о том, что Леонид Пастернак является одним из тех российских художников еврейского происхождения второй половины 19-го века, которые не хотели идентифицировать себя, как еврейские художники, а по убеждениям, стремлениям, в большей мере принадлежали к русскому (и международному) искусству. Но мышление Леонида Пастернака имеет особый характер. С одной стороны он считался ассимилированным, а с другой – Бубер, Бялик, Макс Осборн находят его место в еврейской истории искусства. Наверно, ещё важнее, что хотя он считал себя русским художником, на рубеже веков под влиянием погромов, анти-еврейских политических событий он повернулся к еврейской тематике, показывая этим, как глубоко касается его самого судьба евреев, как сильно он переживает эти события (COHEN 1998).

В творчестве художника в этом плане нет никакого противоречия – ведь закономерно, что на разных картинах различается тематика

изображённого – но не художественное убеждение. Все его картины, рисунки сделаны в русском реалистическом, потом импрессионистском стиле, причём Пастернак часто ищет новые способы изображения – благодаря этим поискам он стал знаменитым художником. Упрощённым трактовкам его жизни противостоит многослойность его работ и мыслей. Как всегда – искусство умеет больше сказать о художнике, чем самые близкие к нему люди.

Литература

- ПАСТЕРНАК HOOVER 139:6 = ПАСТЕРНАК Л. Первый погром в Одессе (из детских воспоминаний...) Hoover Institution Archives, Stanford (California) Box/Folder 139:6, машинопись, без даты.
- ПАСТЕРНАК 2015 = ПАСТЕРНАК Л.О. Заметки об искусстве. Переписка. Москва, 2015.
- ПАСТЕРНАК 1923 = ПАСТЕРНАК Л. О. Рембрандт и еврейство в его творчестве. Берлин, 1923. <http://litbook.ru/article/7187/>
- ПАСТЕРНАКИ 2001 = ПАСТЕРНАКИ Евгений и Елена, Пастернаки в Англии // Наше Наследие, 2001. №58. <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/5806.php>
- ПЛАВИНСКАЯ 2012 = ПЛАВИНСКАЯ Л. «Я не могу быть чисто русским художником». <http://lechaim.ru/ARHIV/241/plavinskaya.htm>
- ТВОРЧЕСТВО 2001 = Творчество Л.О. Пастернака в России и Германии // <http://www.museum.ru/N4224>
- COHEN 1998 = COHEN R.I. Jewish Icons. Art and Society in Modern Europe. Berkeley, Los Angeles, London, 1998.
- PARROTT 1975 = PARROTT C. Leonid and Rosa Pasternak. Hoover Institution Archives, Stanford (California), Box/Folder 3:4.
- PASTERNAK J. 1990 = Drawings by Leonid Pasternak (1890-1945), with an Introduction by Josephine PASTERNAK, Ashmolean Museum, Oxford, [1990] машинопись // Hoover Institution Archives, Stanford (California) Box/Folder 4:12.
- PASTERNAK 1982 = PASTERNAK L. The Memoirs of Leonid Pasternak. Translated by Jennifer Bradshaw. With an Introduction by Josephine Pasternak. London, 1982.
- THE PASTERNAKS = The Pasternaks. <http://genome.ch.bbc.co.uk/f2ea036f455a4acdbf5a43d79d59cbd4>

Đuro Blažeka
(Zagreb, Hrvatska)

„RAZLIKOVNI RJEČNICI“ IZMEĐU 2 BLISKA MJESNA GOVORA

Abstract: Lexicons of two adjacent local speeches of the same dialect differ, but usually not so much that for each of them a new dictionary should be compiled. This is especially the case if an extensive dictionary of one of those two speeches has already been written and published. The paper discusses the draft of a possible concept of such a dictionary of distinctive features on an example of the Speech of Sveti Đurđ (Ludbreg Podravina Region), the Speech of Podturen and the Speech of Prelog. Words that such a dictionary would contain would have some "interesting things" in relation to the lexicon of the speech that is being compared (the author has defined six categories of these "interesting things"). Those words that in no relevant way differ from the equivalent word in the "main" dictionary would be left out. That would make it easier for readers to track the processes of the expansion and spread of various linguistic phenomena in the field of semantics and word formation, and not only of the usually widely known language isoglosses that are mainly concerned with phonology.

Keywords: dictionaries of distinctive features of closely related local speeches, speech of Sveti Đurđ, speech of Podturen, speech of Prelog, six categories of distinctive features

1. Uvod

Primjeri za ovaj rad nastali su na temelju usporedbe dvije građe u rukopisu (Podturen, Prelog) i objavljenog znanstvenog dijalektološkog rječnika Svetog Đurđa u ludbreškoj Podravini (BELOVIĆ – BLAŽEKA 2009). Taj rječnik ima oko 10000 natuknica i plod je moje višegodišnje suradnje s gospodinom Stjepanom Belovićem, umirovljenim ludbreškim učiteljem, pedagogom i istraživačem zavičajne baštine ludbreške Podravine. Druga građa je ona za budući rječnik Podturna koju je skupio gospodin Danijel Jutreša (građa sada ima oko 5000 natuknica). Treća je građa, najobimnija, ona za rječnik Preloga koju skupljam već preko 20 godina (preko 30 000 riječi) i pred samim je objavljivanjem. Sve sam to iskoristio kako bih inicijalno obradio problematiku „razlikovnih dijalektalnih rječnika” prema leksiku drugih, relativno bliskih, govora i istaknuo potrebu za izradom takvih rječnika.

2. Razlikovni rječnik jednog mjesnog govora prema drugom, relativno bliskom, mjesnom govoru

Proučavanjem razlikovnog leksika bavili su se do sada stručnjaci uglavnom samo na razini razlika između hrvatskog, srpskog i bosanskog standardnog jezika¹, a nedostaje nam sustavnih istraživanja unutar različitih mjesnih govora hrvatskog jezika. O takvim sam istraživanjima počeo razmišljati nakon što su mi gospodin Stjepan Belović i gospodin Danijel Jutreša predali popis od desetak tisuća riječi (po principu *riječ - značenje*) i zamolili me da ga pregledam i pomognem u objavi. Njihova prvotna intencija bila je, kao i kod mnogih poštovatelja zavičajnih idioma koji nisu jezikoslovci, da se rječnik objavi po jednostavnom načelu *natuknica – značenje*. Kako imam poveće iskustvo u skupljanju leksičke građe kajkavskih govora, posebice međimurskog dijalekta u kojem sam skupio oko 50000 riječi, prije nego što sam uzeo u ruke te popis riječi, pomislio sam kako u njima neću vidjeti bogzna koliko meni nepoznatog leksika, posebice zato jer se radi o govorima koji su po svojim fonološkim i morfološkim osobinama, a u relativnom smislu i geografski (12 kilometara: Podturen prema sjeverozapadu, a Sveti Đurđ prema jugu), vrlo bliski preloškoj skupini govora – skupini međimurskog dijalekta. No vrlo sam brzo shvatio da nisam u pravu jer sam na svakoj stranici ugledao barem nekoliko riječi koje su mi bile potpuno nepoznate (posebice iz područja poljoprivrednog života), a broj riječi koje se odlikuju ili različitim tvorbom ili nekom posebnom fonološkom osobitošću ili posebnom značenjskom nijansom u odnosu na srodne riječi u bliskim međimurskim govorima bio je doista iznenađujuće velik. U tijeku izrade oba rječnika bilježio sam takve razlike i razmišljao o potrebi promišljanja metodologije izrade rječnika razlikovnog leksika bliskih govora. Pojam razlikovnog leksika² u dijalektnoj leksikografiji uglavnom upotrebljavaju dijalektni leksikografi u relaciji prema standardnom jeziku kad žele istaknuti da u rječnik neće uvrstiti riječi „koje su jednake standardnima” (u vrlo širokom smislu te riječi). Izrada cjelovitog znanstvenog rječnika nekog mjesnog govora velik je i dugotrajan posao, a vrlo često je povezan i s vrlo realnim poteškoćama poput iznalaženja sredstava za objavljivanje. Čak i kad se nađu sredstva za objavljivanje, problem je daljnja prodaja rječnika jer osim uske znanstvene zajednice, jedini potencijalni zainteresirani „konzumenti” rječnika govornici su tog mjesnog govora, a znamo da je većina sela danas sastavljena od staračkih domaćinstava. Zato bi u

¹ Dobar pregled te tematike može se vidjeti u Durić (DURIĆ 2010).

² „U rječnik je uvrštavan većim dijelom razlikovni leksik, tj. one riječi koje se i u izrazu i sadržaju razlikuju od književnojezičnih. To u dijalektnoj leksikografiji ima opravdanje, iako se u posljednje vrijeme zagovara cjelovit pristup prikupljanju leksika. Bilježenjem svih riječi, bez obzira razlikuju li se u čemu od književnojezičnih, dobiva se cjelovit leksički sustav pojedinoga govora u kojemu se razmatrati različiti semantički odnosi kao što su polisemija, sinonimija, hiperonimija i dr.” (MAREŠIĆ 2009).

slučajevima kad je već izašao obimniji znanstveni rječnik nekog mjesnog govora, a skupljena je povećana građa iz nekog relativno bližeg i jezično mjesnog govora, svrsishodniji bio razlikovni rječnik u kojem bi bio izostavljene one riječi koje se ni po čemu relevantnom ne razlikuju od istovrsne riječi u „glavnom” rječniku. Na taj bi se način lakše pratili procesi širenja i rasprostranjenosti najrazličitijih jezičnih pojava iz područja i tvorbe riječi, a ne samo općepoznatih jezičnih izoglosa koje se tiču fonologije. Npr., prostor međimurskog dijalekta podijeljen je na područja se razlikuju po sljedećim leksičkim izoglosama: *gl'oden / l'ačen, zd'enj / mar'ostec* ‘nerast’ / *kanž'or, k'ocen* ‘okomak’ / *r'ucek, r'užžiti* ‘kruniti kukuruz’ / *l'upati, l'upec* ‘prečka na ljestvama’ / *kuz'olec / šprl'ič, t'akuf / t'akši*.

3. Kriteriji za izbor riječi u dijalektnom „razlikovnom rječniku” prema drugom mjesnom govoru

U takav razlikovni rječnik ne bi ulazile riječi koje se razlikuju samo po nekim općepoznatim fonološkim izoglosama koje su dosljedno provedene u jednom od obrađivanih govora, kao što su ovom slučaju *ń* (Prelog) // *ǰ* (Podturen, Sveti Đurđ), *j / ž* (kao refleksi palatalnog *đ* u Prelogu) // *j* (kao refleksi palatalnog *đ* u Podturnu) // *ž* (kao refleksi palatalnog *đ* u Svetom Đurđu), prijelaz otvorenih samoglasnika u zatvorene pod utjecajem nazala (Sveti Đurđ, Podturen) // nema takva prijelaza (Prelog), refleksi slogotvornog *l* je *u* (Podturen) // refleksi slogotvornog *l* je *o* (Prelog, Sveti Đurđ), protetsko *j* ispred *o* (Prelog) // nema protetskog *j* ispred *o* (Sveti Đurđ, Podturen), nastavak za prid. rad. m.r. jd. je *l* (Prelog, Sveti Đurđ) // nastavak za prid. rad. m.r. jd. je *u* (Podturen)...

4. Vrste razlikovnosti:

Za potrebe ovog rada napravio sam 6 kategorija razlikovnosti. U daljnjim istraživanjima sigurno će ih se utvrditi i mnogo veći broj.

(A) različiti tvorbeni nastavci (*c'icek / c'eček* SĐ / PR)

(B) dolazi do određene glasovne promjene / ne dolazi do određene glasovne promjene (*c'erkva / c'irkva* SĐ / PR)

(C) leksemi koji su onomatopeje s istim značenjem, a različitim planom izraza (*kv'apati / čv'apati* SĐ / PR)

(D) za isto se značenje u jednom mjesnom govoru upotrebljava jedan leksem, a u drugom mjesnom govoru drugi (*črvut'očen* ‘crvotočan’ / *črvuj'čeden* SĐ / PR)

(E) potpuna ili djelomična pseudoanalogonomija (*dih'ople* ‘začin’ / *dih'ople* ‘kozmetika’ SĐ / PR)

(F) različit gramatički rod ili različitosti u mocijskoj tvorbi (*r'ëym / r'ëyma* SĐ / PR; *h'arijak* 'vragolan' SĐ / U Prelogu postoji imenica s istim korijenom, ali samo za žensku osobu: *harl'ëtkä*)

Jasno je da u istom paru leksemu može biti više kategorija razlikovnosti.

5. Izabrani primjeri iz razlikovnog rječnika Svetog Đurđa, Preloga i Podturna

Svaku sam kategoriju oprimjerio s nekoliko primjera.

BRAČA [**br'očä** br'očë] *m* naziv iz poštovanja za najstarijeg muževog brata. ★ Sn'ëhe sų m'ožëvųm 'ocų ĩ m'aterĳ gųv'orĳle j'apa ĩ m'ama, a st'arešemų br'atu br'očä. SĐ (U Prelogu je br'ača zb. im. < br'at) (E)

CICEK [**c'icek** c'iceka] *m* HIP. < c'ëcek. ★ N'ačëvĳ d'ëklĳĳ sų p'očëlj c'icekĳ r'õstĳ, a st'opram je navrš'ila dvan'õjst l'ëť. SĐ (U Prelogu je c'ëckec.) (A) (B)

CIGLIN [**c'iglin** c'iglinä] *m* opeka. SĐ (U Prelogu je c'igel.) (A)

CIRKVA [**c'ërkva** c'erkve] *f* crkva. SĐ (U Prelogu je c'irkva - nije došlo do sekundarnog jata od i ispred r.) (B)

CUC CUC [**c'uc c'uc**] *uzv.* uzvik za poticanje djeteta na mokrenje. ★ Pu n'očĳ nam'ëčëem d'ëčëca na k'õhlĳcų ĩ p'õr p'õt vel'im c'uc c'uc ĩ 'un se bez s'ë br'ige pušć'i. SĐ (U Prelogu je p'iš p'iš.) (C)

CUCEK [**c'ucek** c'ucka] *m* PEJ. pas. ★ C'uckĳ sų l'ajalĳ na m'ëne. ★ D'ëj mĳ b'otų ka t'oga c'ucka z dv'ora st'iram. □ Ž'al mĳ je k'aj c'ucky! PR (U Podturnu je c'ucek muški spolni organ - svojevrsna mocijska tvorba prema c'uca 'ženski spolni organ') (E, F)

ČIFUT [**Č'ifut** Č'ifuta] *m* PEJ. Židov. □ m'ëtĳ n'osa k'aj Č'ifut □ T'ak sĳ k'aj Č'ifut! (Smrdiš!) PR (U Podturnu je č'ifut dijete.) (E)

ČONITI SE [**č'õnitĳ se** č'õnim se] *adj.* voziti se čamcem. ★ Dųk sų n'ë napr'avĳlj m'osta, smų se pr'ëk Dr'õve č'õnĳlj. SĐ (U Prelogu i Podturnu nije zabilježen glagol u tom značenju.) (D)

ČRNINA [**črn'ina** črn'ine] *f* 1. crnina, žalobna odjeća. ★ N'ëgda sų ž'ëne d'okše n'ošĳle črn'inų. 2. crno grožđe. ★ Črn'ina v'ëč dųzr'ëva. SĐ (U Prelogu

nema značenja 2., a za crno grožđe upotrebljava se imenica č'rnų koja je nastala supstantivizacijom pridjeva. ★ Č'rnų smų v'ęć pųj'ęlj.) (E)

ČRVOTOČEN [č'rvųt'očen č'rvųt'očnųga] **adj.** crvotočan. ★ T'ọ dr'ęvų je č'rvųt'očnų. SĐ (U Prelogu je č'rvųj'ęden.) (D)

DECNATI [d'ęcnatį / decn'ọtį d'ęcnatųga / decn'ọtųga] **adj.** koji sadrži 1 decilitar. ★ D'ej mį onų d'ęcnatų č'ašu! (U Podturnu je d'ęcnatį.) (B)

DEČEŠINEC [dečeš'inec dečeš'inca] **m** dječarac. PR (U Podturnu je dečeš'inec) (B)

DIČITI (SE) [d'ičitį(se) d'ičim (se)] **impf.** I. PREL. uzvisivati koga. ★ D'ičį ga kak B'oga. II. REFL. ponositi se. □ d'ičitį se k'ak kral'ica PR (U Podturnu je dįč'ęritį (se)) (A)

DIHALJE [dįh'ọle dįh'ọla] **n** začin. ★ Č'urke sų vam b'aš n'ę j'ọko t'ęčne. įzgl'eda da vam je sfal'ęlų dįh'ọle da ste je nad'ęvali. SĐ (U Prelogu je dįh'ọle kozmetika. ★ Pr'ęveć sį sį dįh'ọla d'ęla n'ọ se. 'Očem se zad'ušitį.) (E)

DRNJKATI (SE) [d'rńkatį (se) d'rńkam (se)] **impf.** tresti se tijekom vožnje. ★ N'ęgda se š'est v'ur d'rńkalų z c'ugųm dų Z'ọgreba. ★ J'ọkų bųde d'rńkalų pų t'ęm kam'eńų. PR (U Podturnu je d'rńkatį se.) (C)

DUPLIT¹ [d'uplit¹] **adj. indekl.** dvostruk. ★ Rįsk'ęral je į d'uplit p'ęneze d'obil. PR

DUPLIT² [d'uplit²] **adv.** dvostruko. ★ D'uplit bųš pl'atį! PR
U Podturnu je za jedno i drugo d'uplik. (C)

DURCUG [d'urc'uk d'urc'uga] **m** propuh. ★ Dųk je B'olta b'il m'alį, pųt'egel ga je d'urc'uk t'ak da mų j'oš v'ę l'alųfka stųj'i na j'ędnų str'ọn. SĐ (U Prelogu nije zabilježen taj germanizam već samo domaća riječ pr'opuh.) (D)

FČINITI [fč'iniņtį fč'inim] **pf.** učiniti. ★ K'ulųkų p'ọt mį m'ọj Fr'anc zn'ọ n'ękaj g'rđųga fč'iniņtį, a j'ọ sį r'ajšį zamag'ọđim nek bį se sv'ọđila. SĐ (U Prelogu je fč'iniņtį 'začiniti': Sl'abų sį fč'inįl j'uhų.) (E)

FEJRONT [f'ęjrųnt f'ęjrųnta] **m** 1. završetak posla. ★ M'i bį v'ęć sej'ọtvųm b'ilį f'ęjrųnt da nam je n'ę C'ifra zbet'ęžela. 2. završetak radnog vremena. ★ Dųk krčm'or r'ęče „F'ęjrųnt!“, s'i pij'ọncį se m'ọrajų d'imų pųbr'atį, m'akar jįm je n'ę pr'af. SĐ (U Prelogu je f'ajrųnt. Ne mijenja se a u

ę ispred j u toj riječi. Inače je u tom položaju u Prelogu ta promjena česta, npr. d'ej, fkr'ej, n'ej) (B)

GOLOMBOŠ [gʉl'ombuš gʉl'ombuš] *m* dječji metak od kudjelje. PR (U Podturnu je gl'ombuš). (B)

GNOJŠČINA [gn'ojščina gn'ojščice] *f* gnojnica. ★ S'osedom se zašt'opala c'ĕf za gn'ojščinu pak su ju z d'ogem žel'ezum ūdšt'opali. SĐ (U Prelogu je gn'ojščica.) (A)

GUVNO [g'uvnu g'uvna] *n* gumno. ★ Ste pušpr'ajli k'ola na g'uvnu? ★ Na g'uvni smu drž'alj puřud'elje. PR (U Podturnu je g'uhnū). (B)

HARIJAK [h'arijak h'arijaka] *m* vragolan. ★ T'ĕ h'arijak je b'il vr'ožj j'oš duk je d'ęcec b'il. SĐ (U Prelogu postoji imenica s istim korijenom, ali samo za žensku osobu: harl'ĕtka) (A, F)

HASNETI [h'asnetj h'ošnij, imp. h'asnj, prid. rad. h'asnel, h'ošnela, h'asnelj] *impf.* raditi nešto korisno. ★ J'ona je d'anguba k'oja c'ĕle buřuv'ĕtne dn'eve n'išt ne h'ošne, s'amū se pu s'ęlj st'ęple. SĐ (U Prelogu je značenje 'koristiti', ali samo od strane nečeg neživog: ★ Tj k'aj h'ošnjij t'e tabl'ĕte?) (B)

HLENCATI [hl'encatj hl'encatj] *impf.* jecati. ★ J'oš sam n'ikuęa n'ĕ č'ul t'ak hl'encati k'ak K'atū da jĭ je m'ama hm'rla. SĐ (U Prelogu se u tom značenju upotrebljava glagol hl'iktati.) (D)

HMENJATI (SE) [hm'ĕnatj (se) hm'ĕnam (se)] *impf.* mijenjati se. ★ Da smu se hm'ĕjalj za kuĕ'ile, Dr'ořu sam j'oš n'ękaj pen'es d'ol 'iber. SĐ (U Prelogu je m'ĕnatj se. Nije jasno značenje prefiksacije toga glagola u Svetom Durđu.) (B)

HORA [h'ora h'ore] *f* situacija u kojoj treba žurno djelovati. ★ V'ę je h'ora za puřprav'iti k'rmu, n'ĕmamū č'as puřed'ovati. SĐ (U Prelogu je h'ura, i to u 3 značenja: 1. oluja. ★ H'ura je d'ořla. ★ Spr'ovla se h'ura. 2. napeta situacija. ★ Tr'e puč'akatj ka pr'ejde h'ura pa 'unda v'idetj k'aj buřmū. ★ N'ęj d'elatj h'uru! ★ K'akvu h'uru je zd'igel. 3. žurba. ★ St'anj se pr'edj ka n'amū v h'urj.) (B) (E)

HURMALIJA [hʉrmal'ija hʉrmal'ije] *f* nepodopština. ★ N'ęj v'ę zv'ořatj n'ikakve hʉrmal'ije nego se h'odj v'učjt j p'isat z'adačū. SĐ (U Prelogu je hamal'ija.) (B)

JAPEK [j'apek j'apeka] *m* HIP. DEM. < j'apa. ★ T'ęškų je d'ęci duk m'ala ęst'onejų bez j'apeka, a m'ama sį dr'ugęga n'ojde. SĐ (*U Prelogu je j'apek samo hipokoristik od j'apęca 'djed'.*) (E)

KAJDER [k'ajder] *uzv. nego što.* ★ K'ajder da je pr'ęva B'ęža 'istęna t'ę kaj se za Fr'anco pų s'eli prepov'ęda! SĐ (*U Prelogu se u tom značenju upotrebljava uzvik negų k'aj.*) (D)

KOBOCATI [kųb'ocatį kųb'ocam] *impf. kretati se teškom mukom.* ★ J'ęga č'udaj ž'en k'oje pųd st'ęre dn'eve, k'ak r'ace, pų gr'untų kųb'ocajų. S'igurnų je sįr'ote k'ęki f'ęjst bųl'ijų. SĐ (*U Prelogu nema tog glagola, ali ih postoji čitav niz koji se odnose na različite vrste teškog hoda, npr. g'ebatį se, g'rbatį, hl'empatį, šl'ępatį, klep'indritį, kl'ęčitį...*) (D)

KOMERITI SE [kųm'ęritį se 3. kųm'ęri se] *impf. početi se oblačiti - o vremenu.* ★ M'ęralį bųmų 'iti k'rmų pųk'upčatį. P'ęčelų se kųm'ęritį, k'aj jų n'ęj d'ęšč nam'ęčil. SĐ (*U Prelogu je kųm'ęritį se*) (B)

KOSTURITI SE [kųst'urįtį se kųst'urįm se] *impf. junačiti se.* ★ J'ęžek se med p'uckamį kųst'urį k'ak p'ęfček, a duk d'ęjde ne'ęče j'akšį, m'ęm d'imų ętk'urdį. SĐ (*U Prelogu nije zabilježen taj glagol.*) (D)

KRIŠČATI [kr'iščatį krįšč'i] *impf. derati se.* ★ Šk'ęlcį na 'odmųrų krįšč'ijų k'ak da se sv'ędijų, a s'amų se 'igrąjų. SĐ (*U Prelogu je kr'ičatį. Sekundarno š u glagolu iz Svetog Đurđa zanimljiva je pojava izazvana željom za jačom onomatopejnošću.*) (B)

KVAPATI [kv'apatį 3. kv'ępa, *imp. kv'ępaj, part. perf. act. kv'apal, kv'ępala, kv'apalų, sup. k v'apat*] *impf. kapatį.* ★ Duk se str'ęhe kv'apale, m'i smų sį t'rgalį sv'ęče pųk smų įh cm'ukalį. SĐ (*U Prelogu je čv'apatį.*) (C)

LEBIVI [leb'ivį leb'ivųga] *adj. krt - o mesu.* ★ D'ęca sų r'ajšį m'ęla leb'ivų m'esų, a st'ęrcį sų št'ęli m'asnų, 'unų kaj d'r'fče. SĐ (*U Prelogu je l'ęjšį.*) (D)

MERIKA [M'ęriķa M'ęriķe] *f Amerika.* ★ N'ęgda se š'ifųm pr'ęk dv'ę tį'edne v'ozįlų dų M'ęriķe. SĐ (*U Prelogu je Am'ęriķa.*) (B)

MERIKANEC [Merįk'ęnec Merįk'ęnca] *m Amerikanac.* ★ Fr'ajnk į br'at mų T'oma sų l'ętįma ž'ivelį v M'ęriķį. Duk sų d'ošlį v K'ęrlovec pųh'odįtį r'odbįnų, pųn'ęšalį sų se kak pr'ęvi Merįk'ęncį. SĐ (*U Prelogu je Amerįk'ęnec.*) (B)

MERITI [m'ɛrɨtɨ m'ɛrɨm] *impf.* miriti. ★ S'elskɨ glav'or je m'oral m'ɛrɨtɨ pʊsv'ožene l'ude. SĐ (*U Prelogu je m'irɨtɨ, a do sekundarnog jata nije došlo jer bi došlo do homonimije s glagolom m'ɛrɨtɨ 'mjeriti'*). (B)

MIJEVATI SE [mij'ɛvatɨ se mij'ɛvam se] *impf.* mimoilaziti se u uskom prostoru. ★ V š'umɨ smʊ se mij'ɛvalɨ t'ak da smʊ čez kl'ođec prep'uščalɨ natʊv'arjene f'orɨnge, a pr'ožni smʊ č'ekalɨ da se 'unɨ zr'edajʊ. SĐ (*U Prelogu je mej'oivatɨ se*) (A)

MINDA [m'inʒa m'inʒe] *f* ženski spolni organ. ★ J'ona je d'obrʊ zn'ola sv'oju m'inʒʊ skʊr'istɨtɨ đʊk je m'l'ajša b'ila. V'ę jʊ v'iše m'uški neti ne gled'ijʊ. SĐ (*U Prelogu nije zabilježena ta imenica, a u značenju ženskog spolnog organa upotrebljava se imenica c'uca.*) (D)

MOČJENK [m'očjenk m'očjenka] *m* jelo od kukuruznog brašna. SĐ (*U Prelogu je m'očnak. U Svetom Đurđu je došlo do prelaska n u oblik s anticipiranim j u slijedu jn, a zanimljivo je da se e iz tvorbenog nastavka pomaklo između j i n.*) (A)

NACIGATI [nac'igatɨ nac'igam] *pf.* napraviti nabore. ★ L'epše sʊ mɨ nac'igane k'ikle nego gl'at. SĐ (*U Prelogu je nař'oldatɨ*). (D)

NAJNER [n'ajner n'ajnera] *m* devetka u kartanju. ★ N'ajner je j'oķʊ d'obra k'ořta đʊk se 'igra na 'ęnc. Na j'o p'aše s'aka dr'uĝa k'ořta. SĐ (*U Prelogu je naziv za tu kartu dev'etka*). (D)

NEJDZODNJI [n'ejdz'ođjɨ n'ejdz'ođjega] *adj.* posljednji. ★ P'rvɨ pre j'elʊ, n'ejdz'ođjɨ na d'elʊ. SĐ (*U Prelogu je n'ajz'ođnɨ. Ne mijenja se a u ę ispred j u prefiksu za superlativ.*) (B)

NERETKO(MA) [n'ɛr'ɛtkʊ(ma)] *adv.* nerijetko, prilično često. ★ Na Pʊredj'o mɨ n'ęšće v kʊr'užɨ ner'ɛtkʊma kv'ořa d'ɛla. SĐ (*U Prelogu ne dolazi navezak na taj prilog: samo n'ɛretkʊ.*) (A)

NEROVOZA [nerʊv'oza] *f* nervoza, stanje živčane napetosti. ★ Za Tr'ęzʊ je n'ɛ č'udʊ kaj jʊ lʊv'i nerʊv'oza kad 'ima d'ęset kʊm'ođi d'ęce. Tr'ęba t'uļkʊ deč'urlijʊ ʊbl'ɛčɨ, nahr'oņitɨ j v r'edʊ dr'žatɨ. SĐ (*U Prelogu je nerv'oza. U Svetom Đurđu je zanimljivo umetanje ʊ između r i v.*) (B)

NESUMLJIF [nes'umljɨf nes'umljɨvʊĝa] *adj.* koji nije sumnjiv. ★ Taj'ič je l'ofcam nes'umljɨf, a pʊ m'ękɨ jɨm d'ivjač str'ɛlal. SĐ (*U Prelogu postoji samo konstrukcija n'ɛ sʊmŋ'ivɨ: 'Oŋ jɨm je pʊl'icijɨ n'ɛ sʊmŋ'ivɨ.*) (A)

NEVALJANI [neval'ǫni neval'ǫnuga] *adj.* *lijen.* ★ K'akuf bu t'ǫ č'ovek z ĵ'ęga ak je v'ęč v'ę t'ak neval'ǫni! SĐ (*U Prelogu je neval'ǫni - dolazi do blagoglasja s e iz prefiksa, a uz značenje koje je jednako onom u Svetom Durđu, taj pridjev još ima i značenje 'koji nije za upotrebu'.* ★ N'ekvu neval'ǫnu v'inu nam je nat'očil.) (B) (E)

NEVREDNI [nevr'ędni nevr'ędnuga] *adj.* *neuredan, zapušten.* ★ T'ǫ je n'ĕ št'unt k'ak su ĵim d'ęca nevr'ędna k'ak da n'ĕmaju v'odi pr h'iži. SĐ (*U Prelogu je n'ĕ kr'ęden.* ★ K'ak m'ore t'ak n'ĕ kr'ędni d'ojti k m'ęši?) (A)

OBOŽEVATI [ǫbuž'evati ǫbuž'evam] *pf.* *obožavati.* ★ Ml'ajši br'at je n'afčeni da ga s'i pu r'edǫ ǫbuž'evaju. SĐ (*U Prelogu je ǫbuž'ovati.*) (A)

OPRASNICA ['oprasnica 'oprasnice] *f* *krmača.* SĐ (*U Prelogu je s'oprsnica.*) (A) (B)

OTKURDITI [ǫtk'urditi ǫtk'urdim] *pf.* *PEJ. odjuriti.* ★ Đuk je p'očelu g'rmeti, Sl'afku je ǫd str'ǫha ǫtk'urdil d'imǫ. SĐ (*U Prelogu za to značenje ima više glagola, npr. ǫdj'uriti, ǫdj'ordati, ǫdlet'ęti.*) (D)

POČOBRATI [puč'ǫbrati puč'ǫbram] *pf.* *EUF. pokrasti.* ★ T'ǫtu je l'ęži n'ęku puč'ǫbrati nek pl'unuti v š'ake i pušt'ęnu d'ęlati. SĐ (*U Prelogu je zabilježeno više glagola u eufemističkom značenju 'pokrasti', npr. č'ornuti, k'ębnuti, fč'ępiti, g'ępiti, pušč'ępčiti.*) (D)

POHLJUKNOTI [puhl'uknuti puhl'uknem] *pf.* *naglo posrkati tekućinu.* ★ M'artin je puhl'uknul k'upicu hut'ele đuk si z j'okum tr'ępnul. V'ujna Št'ęfa je nav'ęk p'rva j'uhǫ puhl'uknula, b'ila vr'ęča ilj zd'ena. SĐ (*U Prelogu je puš'oknuti.*) (C)

POPOKLI [pup'okli] *adv.* *po prstima.* ★ Vu šk'ǫli buš t'i d'obil š'ibum pup'okli 'aku buš hm'ǫji ilj n'aš n'ękaj zn'al. SĐ (*U Prelogu se u tom značenju upotrebljava prijedložni izraz pušč'epci.*) (D)

PRALIŠĆE [pral'išće pral'išća] *n* *uređeno mjesto na izvoru ili potoku za pranje rublja.* ★ Puł'ǫnske ž'ęne se na pral'išču v kur'itaj pr'ǫle pr'ęžu i pl'ǫfte. SĐ (*U Prelogu je pral'išće 'krpa za pranje suđa'.* ★ T'ǫ st'ǫru m'ajcu bum st'rgala za pral'išće.) (E)

PRAŠĆE [pr'ǫšće pr'ǫšća] *m* *prase.* ★ M'oja 'oprasnica vr'ędi č'udaj v'iše s pr'ǫšč, negǫ da sam ju br'ęžu pr'odal. SĐ (*U Prelogu je pr'ǫse.*) (A)

PRERAMNATI (SE) [**prer'amnatī (se)** prer'amnam (se)] *pf.* I. TRANS. *pripraviti*. ★ Prer'amnala sam tī p'ostelū. M'oreš 'itī sp'ot. II. REFL. *pripremiti pripremiti se za posao*. ★ M'oraš se zn'atī prer'amnatī s'akūmū p'oslū. SĐ (*U Prelogu je prer'avnatī (se)*). (B)

PRŠNJAK [**pršń'ok** pršń'oka] *m* *vrsta jednostavnog bezkvasnog kolača*. SĐ (*U Prelogu je pršń'ača*). (A)

RAJTATI [**r'ojtatī** r'ojtam] *impf.* *naporno raditi*. ★ Sī'uge sū pre g'azdī c'ĕlū l'ētū r'ojtalī za st'on, k'oštī j' an c'ajganī 'ancūk. SĐ (*U Prelogu se u tom značenju upotrebljava glagol h'rmbatī*). (D)

RAZBEČARITI SE [**razbeč'oritī se** razbeč'orīm se] *pf.* *raspustiti se - o muškarcima*. ★ J'oš sam n'ĭē v'idla tv'ojega B'oltū t'ak se razbeč'oritī. SĐ (*U Prelogu ne postoji imenica beč'or ni bilo kakva izvedenica od nje. Najbliža tom značenju jest imenica kūrviš*). (D)

REUM [**r'ēum**] *m* *reuma*. ★ M'artīna je r'ēum zm'očil t'ak da se držī naj'ankraj. SĐ (*U Prelogu je ž.r.: r'ēuma*). (F)

SED CE [**s'ed c'ĕ**] *interj.* *uzvik za tjeranje kokoši u kokošinjac*. ★ S'ed c'ĕ v k'otec! SĐ (*U Prelogu je samo C'ĕ!*). (A)

SHODATI SE [**sh'odatī se** sh'odam se] *pf.* *nahodati se*. ★ N'ēgda sū se l'udī m'ēlī pr'ilīkū sh'odatī. Ne n'ĭē b'ilū č'udaj pec'iklīnī, a za 'alte se n'ĭē nitī zn'alū. SĐ (*U Prelogu je sh'odatī 'ushodati se*). ★ Sh'odala se kuļī d'okturī, alī sū juj n'ikaj n'ĭē n'ašlī. (*U značenju iz Svetog Đurđa upotrebljava se glagol nah'odatī se*). (E) (D)

SHRANITI [**shr'onitī** shr'onīm] *pf.* *utoviti*. ★ J'ēnyga st'okil'ōša būmū shr'onīlī z'ō se, a dr'ugūga za prūd'atī. SĐ (*U Prelogu je prehr'onitī*). (A)

SKOPI [**sk'opī** sk'opūga] *adj.* *skup*. ★ 'Imam n'ēkaj gr'aha za prūd'atī, a n'ēj ga št'el f'al d'atī. B'om puč'akal duk bū sk'oplēšī. SĐ (*U Prelogu je sk'opī 'škrť*). ★ 'On tī je pr'ēveč sk'opī. N'ikaj tī n'a d'ol.) (E)

SMETLJIVI [**smetl'ivī** smetl'ivūga] *adj.* *pun korova*. ★ Ž'itū mī je j'okū smetl'ivū ud k'okūla, m'oralī ga b'omū pl'ētī. SĐ (*U Prelogu je sm'ēten*). (A)

SOČIVO [**s'očivū** s'očiva] *n* *samo u □ vr'ožje s'očivū (nestaško)*. ★ V'aš d'ēčec je vr'ožje s'očivū. S'ikam d'ospe j' s'ē ft'igne. SĐ (*Imenica s'očivū nije zabilježena u Prelogu, a i u Svetom Đurđu je unikalna komponenta samo navedenog frazema i nitko ne zna što znači sama za sebe*). (D)

SOMLJIČAVI [sʊmlj'ičavj s'umlj'ičavʋga] *adj.* *sumnjičav.* ★ Uđ d'a sʋ ga ʋn'ak g'rdʋ fk'anilj, k'um F'ilip je j'okʋ sʋmń'ičavj. (*U Prelogu je sʋmń'ičavj.*) (B)

SPATEK [sp'otek] *adv.* HIP. *uzvik kojim se dijete potiče da ide spavati.* ★ V'ę pa m'oj d'ęćec sp'otek kaj v'ęlkj zr'oste! SĐ (*U Prelogu nema uzvika u tom značenju s nastavkom -ek.*) (A)

SREDEK [sr'ędek sr'ętk] *m* *dio kruha bez kore.* ★ D'ęca r'ajšj j'ęjʋ kʋr'ice,a b'abjca j d'ędek v'oljijʋ sr'ętk. SĐ (*U Prelogu je to sred'ina.*) (A)

STEPATI SE [st'ępatj se st'ęplēm se] *impf.* *skitati se.* ★ J'ona se pʋ c'ęle dn'eve st'ęplē pʋ s'ęlj. SĐ (*U Prelogu je pʋt'ępatj se.*) (A)

STRINKA [str'inka str'inke] *f* HIP. < str'ina. ★ 'Ivek je sv'ojʋm str'inkʋm s'akʋ j'utry h'odal k'okʋšam v p'išek p'rsta r'ivat da be z'ęznalj k'ułkʋ bʋ j'ęcj zneš'enʋ. SĐ (*U Prelogu je hipokoristik od str'ina str'injca*) (A)

SUHARLJIVI [sʋharlj'ivj sʋharlj'ivʋga] *adj.* PEJ. *mršav.* ★ T'ak je b'il sʋharlj'ivj ka bj ga sk'oru v'ęter dn'esel. SĐ (*U Prelogu je sʋhʋt'ęrnj.*) (A)

ŠČUNJKATI [šč'ujnkati šč'ujnkam] *impf.* *tinjati - o bolu.* ★ Pr'ękpred'ęfčerʋm me z'op zab'olel j j'oš mj v'ę pʋm'alem šč'ujnka. SĐ (*U Prelogu se u tom značenju upotrebljava glagol kļ'uvatj: ★ Z'op me n'ękak c'ęlʋ n'oč kļ'uje.*) (D)

ŠKOLEC [šk'olec šk'olca] *m* *školarac.* ★ 'Imamʋ dv'og šk'olce j č'udaj br'igj k'ak jh ʋbl'ęćj j ʋb'utj. SĐ (*U Prelogu je škʋl'oš i škʋl'orec.*) (A)

ŠKULJATI [šk'ułatj šk'ułam] *impf.* *pretraživati kako bi se nešto ukralo (sitne vrijednosti).* ★ Dʋk je T'oma d'ošel k t'užj h'ižj, m'om je šk'ułal 'alj j'ęga k'aj za pʋt'ęćj. SĐ (*U Prelogu je f'okšjtj.*) (D)

ŠLAJFAR [šl'ajfar šl'ajfara] *m* 1. *putujući brusač.* ★ Šl'ajfarj sʋ br'usilj šk'orje, br'itve j n'oze. 2. *osobe niskog socijalnog statusa koje se bave sitnim poslovima kako bi što ušičarili.* ★ --- sʋ nav'ęk b'ilj šl'ajfarj. PR (*U Podturnu je žl'ajfar.* Došlo je do promjene š u ž od njemačkog modela *schleifen*) (B)

TEČIKA [t'ęćjka t'ęćjke] *f* HIP. DEM. < t'ęca. SĐ (*U Prelogu je t'ęćjka.*) (B)

TEPČIJA [tepč'ija tepč'ije] *f skitnja*. ★ Č'ēm se už'eniš, bŭ d'ošel kr'aj tv'ojuj tepč'iji. SĐ (U *Prelogu je t'epnava i tepeš'ija.*) (A)

TOLAŽITI [tŭl'ažiti tŭl'ožim, *imp.tŭl'aži, prid. rad. tŭl'ažil, tŭl'ožila, tŭl'ažila*] *impf. tješiti*. ★ Da je s'osedam žreb'ička c'rkla, s'i smŭ je tŭl'ažili. B'aš nam je b'ilŭ ž'al kaj sŭ b'okci t'ak pr'ešli. SĐ (U *Prelogu je t'ožiti.*) (B)

TREMLJAVI [tr'empļavi tr'empļavŭga] *adj. nespretan zbog prekomjerne težine*. ★ T'ak je tr'empavi ka se n'emre niŭi na bŭ'iklinŭ peļ'ati. SĐ (U *Prelogu je tr'empavi.*) (A)

TUKMEŠ [t'ukmeš t'ukmeša] *m tupan*. ★ J'olžin m'oš je t'akŭf t'ukmeš ka se v n'išt ne r'azme, s'amŭ zn'o d'eču d'eļati. SĐ (U *Prelogu je t'okač.*) (A) (B)

TULJAFKA [t'uljefka t'uljefke] *f obrub bunara*. ★ N'ekujŭ zd'eñci sŭ m'eļi t'uljefke, a n'ekuje je zdenč'or ŭbz'idal s c'igli. SĐ (U *Prelogu je t'ulafka, i to u značenju 'gornji dio šešira'.* ★ M'oj škrļ'ok 'ima vŭs'oķŭ t'ulafkŭ.) (A, E)

UN ['un 'unŭga] *z. on*. SĐ (U *Prelogu je 'on.*) (B)

VALJA [V'aļa V'aļe] *m HIP. < V'alent*. SĐ (U *Prelogu je oblik tog imena V'alj.*) (A)

VETERPANT [v'eterp'ant v'eterp'anta] *m greda ili daska koja spaja krovšte radi zaštite od vjetra*. SĐ (U *Prelogu se to opisno naziva pr'iečna gr'eda kr'ova*) (D)

VİČEN [v'ičen v'ičnŭga] *adj. vičan*. ★ M'oj z'eť je n'ie v'ičen d'eļati na p'oļŭ. SĐ (U *Prelogu je v'učen*. ★ 'On je n'ie v'učen č'itañŭ.) (E)

VİŠE [v'iše] *m više*. ★ 'On 'ima v'iše pen'es negŭ m'i. SĐ (U *Prelogu se u tom značenju upotrebljava v'eč*. ★ S'e v'eč i v'eč pen'es mŭ je tr'e. V'iše znači 'na većoj visini'.) (E) (D)

ZADOBE [zad'oĭbe] *adv. na vrijeme*. ★ M'i smŭ zad'oĭbe k'rmŭ pušpr'avili. V'e bŭ nam se na d'iežžŭ pl'oĭhala. SĐ (U *Prelogu je popriložena sveza gdje je u osnovi imenica srednjeg roda, za razliku od Svetog Đurđa gdje je u osnovi imenica ženskog roda: zad'oĭba*. ★ Zad'oĭba smŭ d'ošli d'imŭ pred d'iežžŭm.) (F)

ZAGRIZAVATI [zagriž'ovati] *zagriž'ovljem / zagriž'ovam*] *impf. ITER. < zagrišti* ★ S'am zagriž'ovlje j'abuķe, a niŭi j'anŭ ne puŭ'e dŭ kr'a. PR (U *Podturnu taj glagol uz značenje u Prelogu još i znači duševno izjedati*. ★ N'ema m'ira, n'eķaj ga zagriž'ovle.)

ZAHOD [z'ahŭt z'ahŭda] *m zahod*. ★ M'i 'imamŭ z'ahŭda na gn'oju. T'ešku je pu n'očj 'itiŭ n'a ņega. PR (*U Podturnu je z'ahŭt i zapad*.)

ZAKREKOLITI [zakrek'oliti zakrek'olim] *pf. zapjevati u pijanom stanju*. ★ Duŭ sŭ se puŭn'apili, t'ak sŭ zakrek'olili k'aj je b'ilŭ g'rdo č'uti. (*U Prelogu nije zabilježen glagol u tom značenju*.) (D)

ZALIHA [z'alija z'alije, L z'olihj] *f zaliha*. ★ Za v'e 'imamŭ d'ost ž'ita na z'olihj, ali m'ošča nam b'o zm'ejnkala. SĐ (*U Prelogu je z'olih m.r.* ★ 'Imaš k'aj pen'es v z'alihŭ?) (F)

ZDERJATI SE [zd'ěrjati se zd'ěrjam se] *impf. izdirati se*. ★ M'ortj 'imaš š'ocu? Z'oŭ se zd'ěrjaš n'a mene? SĐ (*U Prelogu je zd'irjati se*.) (B)

ZDRČIŠČE [zdrč'išče zdrč'išča] *n strka*. ★ Pre R'okičevaj se n'ekaj h'udŭga duŭg'odilŭ kad 'imaju t'akvŭ zdrč'išče. (*U Prelogu se za to značenje upotrebljava imenica strka*.) (D)

ZMOTRLIGUŠ [zmuŭtrl'iguš zmuŭtrl'iguša] *m smotan čovjek*. ★ Na t'oga zmuŭtrl'iguša n'ebreš rač'unati. S'iguŭnŭ bŭ n'ekaj puŭz'abiju. PO (*U Prelogu se za to značenje upotrebljava imenica zmotanec*) (D)

ZMROČITI SE [zmr'očiti se 3. zmr'oči se] *impf. smračiti se*. ★ N'ĕmam v š'tali sv'etla puŭk m'oŕam m'oŕhŭ nap'oŭjiti pr'ejdj nego se zmr'oči. SĐ (*U Prelogu je smr'očiti se*.) (B)

ZLEČI [zl'eči zl'egnem] *pf. donijeti na svijet - o životinji*. ★ Zaj'ica je zl'egla p'et z'ajčekj. SĐ (*U Prelogu je sk'otiti*.) (D)

ZUMITI [z'umiti z'umim] *pf. izumiti*. ★ K'aj je 'on v'eč s'eŭga z'umil, a n'ĕje n'ikaj vr'ĕden! SĐ (*U Prelogu je iz'umiti: Gubljenje početnog nenaglašenog i u Prelogu nije tako dosljedno*) (B)

ZUNKRAJ [z'unkr'aj] *prij. s one strane*. ★ Z'unkr'aj Dr'oŭe je Mež'imurje. SĐ (*U Prelogu je z'onkr'aj. U leksemu u Svetom Đurđu došlo je do promjene o > u ispred nazala*.) (B)

ZUVAČ [zŭv'oč zŭv'oča] *m naprava za izuvanje čizama*. ★ Zŭv'oč je b'ila dešč'ička š'tera je st'ola na n'ogicj. Napr'ĕ je m'ĕla zr'ĕzanŭ sl'ovŭ u ka se n'uter m'ogla č'ižma d'eti. PR (*U Podturnu je zŭval'in*.) (A)

ZVAJKUŠITI SE [zvajk'ušiti se jd. 3. zvajk'ušj se] *pf. izobličiti se zbog prejakog klepanja - o ostrici kose. prejakim klepanjem ostrica kose se*

izobličila. ★ K'osų je t'ak skl'ępal ka se zvjak'ušila. K'osų je tak skl'ępal ka se zvjakušila. PO (*U Prelogu nema posebnog leksema za tu realiju.*) (D)

ZVIŠKA [zv'iška] *adj.* *iznad predviđene ili uobičajene količine čega.* ★ S'ę k'aj nam ũbrud'i zv'iška, t'ę bųmų pr'odalj v štac'unų. SĐ (*U Prelogu je zv'iška iznad predviđene ili uobičajene količine čega (u negativnom smislu).*) ★ T'i sj nam t'u zv'iška. *U pozitivnom smislu je oblik bez prefiksa: v'iška* ★ 'Imam n'ękaj v'iška pen'es.) (A) (E)

ŽEGETLJIVI [žegetl'ivj] *adj.* *škakljiv.* ★ K'aj sj t'ak žegetl'ivj! PR (*U Podturnu je žegečl'ivj.*) (B)

ŽMUKLER [žm'ukler žm'uklera] *m nespretnjaković.* ★ N'ęsam zn'al da je J'akų t'akųf žm'ukler k'oj n'ikųt n'ikam ne d'ospe. ũb'ęčal mj je da bų mj napr'avil št'ila za sek'irų, a j'oš je netj dr'ęvų ne z'ębral. SĐ (*U Prelogu je žm'ukleš, i to sa značenjem 'sitni prevarant'.*) (A) (E)

ŽVERCKATI [žv'erckatj 3. žv'ercka] *impf.* 1. *proizvoditi zvuk poput vode koja uđe u obuču.* ★ V ũbedv'ej c'ipelj mj je p'očelų žv'erckatj. M'oram ih sj prez'utj. 2. *proizvoditi zvuk poput materijala koji je pregorio u nekom elektroničkom sklopu.* ★ N'ękaj žv'ercka v telev'izurų, fl'ętnų ga vg'asj. 3. *proizvoditi zvuk kod hodanja po tlu na kojem se otapa snijeg.* ★ S'ę na gr'untų žv'ercka. PR (*U Podturnu je žv'arckatj*) (C)

6. Zaključak

Izrada razlikovnih rječnika između manje ili više bliskih mjesnih govora važan je lingvistički zadatak jer bi se pomoću njih moglo dobiti uvid u procese jezične divergencije u jednom manjem geografskom prostoru. Na taj način lakše bi se pratili procesi širenja i rasprostranjenosti najrazličitijih jezičnih pojava iz područja semantike i tvorbe riječi, a ne samo općepoznatih jezičnih izoglosa koje se tiču uglavnom fonologije. Prije izrade rječnika potrebno je napraviti kriterije za izbor riječi kako se ne bi opteretio leksemima koji se razlikuju po „očekivanim” razlikovnostima po izoglosoma po kojima se ta dva mjesna govora razlikuju.

Literatura

- BLAŽEKA 2008 = BLAŽEKA Đ. Međimurski dijalekt (Hrvatski kajkavski govori Međimurja). Čakovec: Matica hrvatska, 2008.
- BELOVIĆ – BLAŽEKA 2009 = BELOVIĆ S. - BLAŽEKA Đ. Rječnik Svetog Đurđa (Rječnik ludbreške Podravine). Zagreb: Učiteljski fakultet Sveučilišta u Zagrebu, 2009.
- BLAŽEKA – NYOMÁRKAY – RÁCZ 2009 = BLAŽEKA Đ. – NYOMÁRKAY I. – RÁCZ E. Mura menti horvát tájszótár – Rječnik pomurskih Hrvata. Budapest: Tinta Könyvkiadó, 2009.
- BLAŽEKA 2011a = BLAŽEKA Đ. Raznolikost međimurskog dijalekta kao izazov za dijalektnu leksikografiju // Globinska moč besede – Zbornik u čast Red. prof. dr. Martini Orožen ob 80-letnici (uredio Marko Jesenšek). Kansas, Maribor, Praha: Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti. Filozofska fakulteta. Univerza v Mariboru – Bielsko-Biala. (Zbirka Zora; 80), 2011. 444-460.
- BLAŽEKA 2011b = BLAŽEKA Đ. 'Lažni prijatelji' između hrvatskoga standardnoga jezika i međimurskoga dijalekta // Filologija 57. Zagreb: Zavod za lingvistička istraživanja HAZU, 2011. 1-33.
- DURIĆ 2010 = DURIĆ R. O leksičkom osjećanju novoštokavštine kroz kroatizme, srbizme i bosnizme na neutralnoj razini // Filologija 55, Zagreb: Zavod za lingvistička istraživanja HAZU, 2010. 117-141.
- GREENBERG 1999 = GREENBERG M.L. Slovarček središkega govora na osnovi zapisov Karla Ozvalda (A glossarij of the Središče dialect on the basis of Karol Ozvald's notes) // Slovenski jezik / Slovene Linguistic Studies 2., 1999. 128-175.
- MARESIĆ 2009 = MARESIĆ J. Izvješće o dijalektološkom istraživanju u Goli kraj Koprivnice 2009. godine, // Kaj Vol. 43 (215) № 5-6, Zagreb, 2009. 93-100.

Timea Bockovac
(Pečuh, Mađarska)

AKTUALNI ZADACI JEZIČNE POLITIKE HRVATA U MAĐARSKOJ

Abstract: The present paper discusses the concept, place and role of language policy as part of the interdisciplinary science of applied linguistics. In the context of language policy of the European Union, there is always discussion about the Hungarian practice, especially in the segment of minority language rights, and the possibility of the minority language policy. Among the current tasks of the language policy of Croats in Hungary there is especially the need for a language strategy and empirical research emphasized, that may contribute to language planning. Apart of planning the status and corpus, there is much emphasis put on the planning of the language reacquisition, as well as of developing the state of balanced bilingualism.

Keywords: sociolinguistics, linguistic reality, Croats in Hungary, language policy, language planning

Uvod

U naslovu određeno područje jezične politike spada pod sociolingvistiku koja pak čini dio interdisciplinarnе znanosti primijenjene lingvistike. Primijenjena lingvistika proučava odnos između jezika i društva, jezika i djelovanja, jezika i uma te jezika i ljudske individualne i kolektivne svijesti, te primjenom lingvističke teorije i njezinih spoznaja na pojašnjavanje i rješavanje jezičnih problema koji se javljaju u nekim drugim bliskim praktičnim područjima. Korespondirajuće znanosti su joj antropološka lingvistika, jezična politika, dijalektologija, etnolingvistika, istraživanje jezičnih kontakata te jezična sociologija.

Jezična politika

Jezična politika je relativna mlada disciplina (1960), ali provođenje jezično političkih postupaka ima drevnu tradiciju, jezično političkim djelatnostima državne institucije nastoje nadzirati i mijenjati jezičnu praksu ili ideologiju. Ove djelatnosti u prvome su redu usmjerene na razvoj, očuvanje, uporabu, učenje i širenje nacionalnih idioma te potvrđivanje njihova službenoga statusa. U širem smislu odnose se i na druge jezične resurse u državi (nestandardne idiome, idiome nacionalnih manjina ili useljenika), kao i na učenje i širenje drugih nacionalnih idioma (tzv. učenje stranih jezika). Škiljan u svojoj definiciji ističe kako je to “skup racionalnih i uglavnom institucionaliziranih

postupaka kojima neko društvo utječe na jezične oblike javne komunikacije i na formiranje svijesti svojih sudionika o tim oblicima” (ŠKILJAN 1998: 88). Istaknuta područja jezične politike su: deklarirana jezična prava, jezična diskriminacija, komunikacijski konflikti, odnos službenoga i manjinskoga jezika, podučavanje stranih jezika.

Razlikujemo nekoliko vrsti jezičnih politika, najosnovnija je podjela na jednojezičnu i višejezičnu politiku, dok je najčešća na eksplicitne i implicitne jezične politike. Eksplicitne jezične politike točno određuje pravila etnolingvističkih skupina, dok implicitne (prešutne) jezična prava manjina ne definiraju posebnim pravnim dokumentima, nego se oni mogu iščitati samo iz općepravnih tekstova (poput ustava), koji ne reguliraju isto detaljno ili konkretno. Postoji još i podržavajuća jezična politika - ona osigurava uporabu jezika ustavnim, administrativnim i pravnim instrumentarijem, određuje i osigurava djelokrug te jamči i potrebna financijska sredstva - i miješana jezična politika prema kojoj većina demokratskih država tolerira manjine i osigurava, - tj. zakonom regulira - njihova jezična prava, ali prvenstveno podržavaju većinski jezik. Tolerantna jezična politika ne ograničuje uporabu manjinskih jezika, ali ni ne određuje posebna sredstva za njih, kao ni spektar njihovih uporaba. Prema egalitarnoj jezičnoj politici svi su jezici ravnopravni, pa se svi svugdje i koriste.

Zaključno: jezična politika je zbir pravila pojedinih država koji se odnose na uporabu jezičnog repertoara govornika. Zadatke jezične politike određuju društveno uređenje date države, društvene klase, politike, ideologije i jezična situacija. Važno je napomenuti i jezičnu geopolitiku, kao skup jezičnopolitičkih postupaka koji nastaju uslijed zemljopisnih kontakata, kao temeljno pitanje tu se javlja pitanje statusa jezika, uloga jezika i regionalna uporaba, pitanje jezičnoga identiteta, pitanja dvojezičnosti i višejezičnosti.

Jezična politika Europske Unije

U globaliziranom svijetu današnjice kao i u multikulturalnoj europskoj sredini se na teoretskoj razini sve veći naglasak stavlja na sačuvanje etničkih raznovrsnosti i jezika, međutim birokratska praksa, pa i financijski pokazatelji provedbu načela jednakosti svih europskih jezika znatno osporavaju, pa i onemogućuju. Na taj način demokratsko i tržišno načelo stoje u oprjeci i razvijaju dvopolnu strukturu, a dok se možebitna jezična politika EU zasniva na naglašavanju višejezičnosti, iz jezične je prakse jasno vidljivo koliko prednjače neki jezici, a posebice engleski kao nova lingua franca našega vremena.

Jezici EU dijele se na službene, radne, regionalne, manjinske, a treba razlikovati i status malih, ali i državnih jezika od statusa autohtonih ali bezdržavnih jezika. Uslijed te jezične šarolikosti najpopularnija europska jezična politika je politika dvojezičnosti, premda prema Györgyü Szépe Europska Unija zapravo i nema svoju jezičnu politiku, a i izostanak formalne jezične politike također je nekakva jezična politika, ali prvenstveno

etnolingvističke manjine postaju dvojezičnima kojima je osigurana edukacija sa značajnom prevagom većinskog jezika (SZÉPE 2001: 210). Osim sudbonosnih promjena društveno-političkih prilika u Europi, u proteklih dvadesetak godina značajno se promijenila jezična stvarnost u Mađarskoj, a i u Hrvatskoj. U Mađarskoj je došlo do prestanka obvezatnoga učenja ruskoga jezika, koji je činio dio onodobnoga jezičnoga imperijalizma, u Hrvatskoj je jezična zbilja bila uvjetovana ratnim i poratnim događanjima, iza tih jezičnih promjena također se kriju razne vrste jezičnih politika koje se grupiraju prema posebnim kriterijima.

Mađarska jezična politika i manjine

Aktualna vlast ima neusporedivi utjecaj na uporabu jezika. Mađarska je među potpisnicima Europske povelje o regionalnim i manjinskim jezicima (1992., 1998.), a i u (novom) mađarskom ustavu (2011.) se na više mjesta donose odredbe o uporabi jezika već i u Preambuli gdje stoji: „prihvaćamo zadatak prenošenja vlastite baštine na nova pokoljenja, jedinstvenog nam mađarskog jezika i kulture, kao i jezika i kultura narodnosti kao i prirodnom date i od čovjeka stvorene vrijednosti u Karpatskom bazenu, koje ćemo njegovati i sačuvati” da bi se kasnije u stavku pod brojem XXIX. istaknulo „Narodnosti koji žive na području Mađarske raspolažu pravom na svoj materinski jezik, na uporabu osobnog i kolektivnog naziva, na njegovanje svoje kulture i na školstvo na materinskom jeziku.” (MAGYARORSZÁG ALAPTÖRVÉNYE 2016: 39)

Osim ustava i ustavnih zakona i Zakon o narodnostima (2011.) jamči pripadnicima manjina služenje svojim jezikom i pismom u privatnom i javnom životu, s jedne strane je broj zajamčenih prava sve veći, međutim ipak pratimo pojačanu asimilaciju, razlog tomu je možda i to da ustav obično osigurava uporabu jezika, ali skoro uvijek i ograničava to zakonima i propisima. Pojedinac se prvenstveno definira kao državljanin jedne zemlje, a poslije kao pripadnik manjinske skupine. Upravo je jezik onaj sustav simbola, koji će se naučiti unutar zajednice, ali tijekom socijaliziranja pojedinca ta identifikacija se može promijeniti pogotovo danas kada se primodalna važnost pripadanju jednoj zajednici opada, dok nastaje nova kategorija govornika s dvojakim jezičnim identitetom.

Jezična politika ima značajnu ulogu u životu svake manjine, jer su manjine izložene etnicizmu i lingvizmu, te njihova prava uveliko ovise o pravnoj pozadini među kojom ima relativno malo dobrih primjera u praksi, naime većina postupaka služi homogenizaciji. Prema Szépeu „manjine si rijetko mogu dopustiti luksuzno stanje jednojezičnosti“ (SZÉPE 2001: 215), već i semantično polje izraza manjina nosi u sebi stigmatiziranost, podređenost i hijerarhiziranost. Manjina ima raznovrsnih, npr. nacionalna, jezična, vjerska, rasna, imigrantska, etnička, premda njihova definicija nije općeprihvaćena i točno razrađena. U višenacionalnim sredinama okvirna jezična prava manjina reguliraju međudržavni sporazumi, ugovori i deklaracije, međutim oni su samo

smjernice, bez sankcija i bez konačnih rješenja. Polazeći od prihvaćene teze kako je jezik dokaz kulturno-povijesnoga identiteta i neophodno sredstvo formiranja svijesti o identitetu, a dodajući i to kako postoje stereotipije o jezicima, temeljem kojih se stvara mit o prestižu pojedinih izabраниh jezika na kraju se javljaju i unutar jedne države različiti statusni tipovi jezika.

Poznati slavist, Gustawson izvršio je sociolingvističku tipologizaciju slavenskih jezika, njegovo polazište je da u svakoj europskoj zemlji žive Slaveni koji čine manjinu u datoj zemlji, a nisu autohtoni, znači oni pretežito žive u neslavenskim državama te dolaze u kontakt s većinskim jezikom koji se uveliko razlikuje od manjinskoga. Manjinski slavenski jezici se nadalje dijele na one koje imaju matičnu zemlju i na one koje to nemaju, stoga se nazivaju još i mikrojezicima. Oni imaju svoju pismenost, ali su dosta izolirani, npr. gradišćanskohrvatski jezik. Jezično stanje govornika tih jezika može biti četverostruko: s obzirom da moraju poznavati svoj dijalekt, a i standardizirani oblik, odnosno mjesni govor većinskog jezika, a i njegov standard također. Za slavenske jezike u dijaspori karakteristična je pojava tetraglosije, tj. četverojezičnosti (GUSTAWSON 2001).

Prema toj podjeli kod Hrvata u Mađarskoj bi pojava višejezičnosti trebala biti prirodna, ali Mađarska je u velikoj mjeri jednojezična zemlja, o tome svjedoči i indeks jezične varijabilnosti, koji iznosi 0,033, dakle 85% cjelokupnog broja govornika (www.ethnologue.com), a sve one dvojezične manjine čiji je materinski jezik neslužbeni jezik države su u dvostrukoj mjeri diskriminirani, kao prvo savladali su nestandardizirani oblik materinskoga jezika, a osim toga su okruženi jezikom većinske zajednice. Realizacija deklariranih jezičnih prava i jezične ravnopravnosti iziskuje uporabu manjinskoga jezika kao službenoga, obrazovni i odgojni sustav koji omogućava potpunost školovanja na materinskom jeziku, a i pristup jeziku većinskoga naroda. Reguliranja jezičnih prava ovisi o aktualnoj političkoj ideologiji i često se argumentira kako je to dio unutrašnje politike date države, međutim brojni međunarodni sporazumi, ugovori i dekreti svjedoče o potrebi pravno-političkog konteksta i sugeriraju provedbu zajamčenih prava.

Očuvanje manjinskih jezika osim tih pravnih okvira određuju četiri bitna čimbenika, a to su demografski faktor, tj. govornici datog jezika, situacije, jezični prostor u kojem se jezik osim sakralne funkcije može obavljati i praktičnu funkciju znači ispunjava pravu komunikacijsku potrebu (čimbenik korisnosti), prava koja osiguravaju mogućnost uporabe jezika (politički čimbenik) i namjera govornika, tj. da oni zaista žele koristiti svoj jezik i prenijeti ga svojim potomcima (simbolična vrijednost) (CSERNICSKO-FERENC 2012: 199). U sklopu jezične strategije treba uzeti u obzir sve te čimbenike jer se to usko vezuje uz jezičnu perspektivu manjinske zajednice i jezične skupine.

U Mađarskoj jezičnoj politici, koja je višejezična, eksplicitna i podržavajuća, središnja mjesta zauzimaju problemi, status i uporaba mađarskoga jezika izvan

Mađarske, pitanje standardizacije romskog jezika u Mađarskoj, zakonska zaštita znakovnoga jezika te jezična prava manjina.

Polazeći od navedenih rezultata zadnja tri popisa stanovništva jasno je vidljiva diskrepancija između onih koji se izjašnjavaju Hrvatima i onih čiji je materinski jezik hrvatski, smatram da se među zadatcima manjinske jezične politike primarno ističe podržavanje dominancije materinskog jezika ili balansirane dvojezičnosti, a uvjet tomu je realiziranje sociolingvističkih istraživanja, koji se bave raznim segmentima jezične varijabilnosti, dvojezičnosti i višejezičnosti, jezičnoga deficita, jezičnih utjecaja, diglosije, jezične stvarnosti, jezičnoga identiteta i jezične asimilacije, kako bi doprinijeli uspješnom jezičnom planiranju.

Godina	1990.	2001.	2011.
Narodnost:Hrvat/Hrvatica	13 570	15 594	23 561
Materinski jezik: hrvatski	17 326	14 326	13 716

(Központi Statisztikai Hivatal,

http://www.ksh.hu/docs/hun/xftp/idoszaki/nepsz2011/nepsz_03_00_2011.pdf)

Jezična politika Hrvata danas (2016.) u prvom se planu očituje vezano za pitanje školstva, preuzimanje ustanova, izrade udžbenika i nastavnih pomagala, međutim nedostaju empirijska istraživanja o kognitivnim jezičnim reprezentacijama i o stupnju dvojezičnosti i višejezičnosti, državna mjerenja, jezični korpusi, makrosociolingvistička istraživanja. Pri planiranju zadataka jezične politike Hrvata u Mađarskoj potrebno je uzeti u obzir sociokulturalne čimbenike, odgojno-obrazovnu strukturu i ljudske resurse.

Zaključak

Dužnost države je da štiti jezični i drugi identitet pripadnika nacionalnih manjina, a ustav bi trebao biti pravni, politički i nacionalni putokaz, kojim je zajamčen pravni okvir prava manjina, ali naglasak je na ostvarivanju prava, do kojih se ne dolazi zbog manjka strategijskih postupaka i jezičnoga planiranja, kao i zbog nedovoljnog naglašavanja kompatibilnih vrijednosti narodnosne biti među kojima se ponajprije ističe dvojezičnost i višejezičnost pojedinca. Uspješnom realiziranju pridonosi proces jezičnoga planiranja, u kojemu je velika odgovornost manjinskih intelektualaca, oni mogu doprinijeti razradi jezične strategije, definiranju novih sadržaja i ciljeva, koji će ujedno poslužiti temeljem izgradnje manjinske jezične politike.

Literatura

- CSERNICSKÓ – FERENC 2012 = CSERNICSKÓ I. – FERENC V. A kisebbségi nyelvhasználat jogi keretei és azok gyakorlati alkalmazhatósága Kárpátalján // Térvesztés és határtalanítás. A magyar nyelvpolitika 21. századi kihívásai. Nemzetpolitikai Kutatóintézet, Nemzetpolitikai Könyvek 1. Sorozatszerkesztő: Kántor Zoltán. Budapest: Lucidus Kiadó, 2012. 199-236.
<http://docplayer.hu/3982823-Terveztes-es-hatartalanitas-a-magyar-nyelvpolitika-21-szazadi-kihivasai.html>
- GUSTAWSON 2001 = GUSTAWSON S A kisebbségi szláv nyelvek szociolingvisztikai tipológiája // Kisebbségkutatás 10. évf. 1., 2001.
<http://epa.oszk.hu/00400/00462/00009/25.htm>
- MAGYARORSZÁG ALAPTÖRVÉNYE = Magyarország Alaptörvénye. Budapest: Magyar Közlöny Lap- és Könyvkiadó Kft., 2016.
- ŠKILJAN = ŠKILJAN D. Jezična politika. Zagreb, 1999.
- SZÉPE 2001 = SZÉPE GY. Nyelvpolitika: múlt és jövő. Pécs: Iskolakultúra, 2001.

Dubravka Božić Bogović
(Osijek, Hrvatska)

OSOBNNA IMENA U MATIČNOJ KNJIZI KRŠTENIH JUŽNOBARANJSKE
ŽUPE ZMAJEVAC ZA HRVATSKO NASELJE PODOLJE U DRUGOJ
POLOVICI 18. STOLJEĆA

Abstract: An analysis of records in parish baptismal registers of the parish of Zmajevac for the settlement Popovac in the northern part of southern Baranya for the period from 1755 until the end of the 18th century has shown that there were no significant differences among male and female names, except for somewhat stronger nominal entropy among female names. In this period, the parish baptismal register recorded 47 different male and 23 different female names. All the names in the parish baptismal registers were recorded in the contemporary official language, Latin; all of them were Christian names.

Keywords: personal names, register of baptisims, Popovac, Southern Baranya, 18th century

Podolje je naselje smještno u sjevernom kutu "baranjskog trokuta" i u 18. stoljeću nalazilo se u sastavu Beljskog vlastelinstva. Tijekom cijelog 18. stoljeća bilo je naseljeno gotovo isključivo hrvatskim katoličkim stanovništvom. Kanonske vizitacije zabilježile su da je Podolje u 18. stoljeću bilo filijala nekoliko katoličkih župa,¹ a tijekom druge polovice 18. stoljeća Podolje je bilo filijala novoosnovane župe sa sjedištem u Zmajevcu. Po broju stanovnika ovo je naselje pripadalo među srednje velika naselja "baranjskog trokuta", a slijedilo trend povećanja broja stanovnika koji je bio karakterističan za cijelo područje tijekom stoljeća koje je slijedilo nakon oslobođenja od osmanske vlasti. Tako je popis stanovnika i naselja iz 1713. godine Podolje zabilježio kao katoličko naselje s 14 hrvatskih i jednom mađarskom obitelji, da bi oko dva desetljeća kasnije broj stanovnika već porastao na 270, kako je zabilježeno prilikom kanonske vizitacije. Vizitator je tijekom sljedeće vizitacije sredinom 18. stoljeća zabilježio 362 stanovnika, 1782. godine bilo ih je 360, a civilni popis proveden tri godine kasnije govori o 358 stanovnika. U svim se vizitacijama navodi da su svi stanovnici Hrvati katolici, osim u posljednjoj u 18. stoljeću koja je zabilježila da u naselju živi i 6 pravoslavnih stanovnika, a isti je podatak zabilježio i spomenuti civilni popis.

¹ Kanonska vizitacija 1729. godine Podolje je zabilježila kao filijalu župe Topolje, a 1738. kao filijalu župe Draž.

Matične knjige katoličke župe u Zmajevcu počele su se voditi odmah po njenom osnivanju pa najstariji zapisi potječu iz 1755. godine. Upravo od toga vremena datiraju i najstariji podaci o stanovništvu naselja Podolje zabilježeni u matičnim knjigama.² Matična knjiga krštenih, koja je izvor podataka na kojima se temelji analiza, nalazi se u zajedničkom svesku s matičnim knjigama vjenčanih i umrlih, na samom početku sveska, te obuhvaća zapise do 1798. godine (ZMAJEVAC-ŽU-RVM-1755.-1832.). Svezak se čuva u zmajevačkom župnom uredu, tvrdo je ukoričen i dobro očuvan. Podaci u matičnoj knjizi krštenih bilježeni su u kronološkom slijedu, u narativnom i tabelarnom obliku. Sam je rukopis čitak, pisan latinskim jezikom i kurzivnom humanistikom, s tek rijetkim oštećenjima ili nečitkim dijelovima. U razdoblju od prosinca 1755. do travnja 1798. godine u matičnu knjigu za cijelu je župu upisano 3.327 krštenja, a za filijalu Podolje 810.

U matičnim knjigama nalazi se bogata antroponimijska građa koja nije zanimljiva samo s gledišta onomastike, odnosno konkretno antroponomastike. Imenovanje je opći proces, ali se postupak imenovanja i uloga imena u društvu razlikuju u pojedinim kulturnim sredinama. Tako je davanje imena rijetko kada bez ikakvoga značenja. Ono, primjerice, može ukazivati na vjersku ili nacionalnu pripadnost, može govoriti o odnosima unutar obitelji ili služiti kao sredstvo kojim se ukazuje na šire društvene odnose, može predstavljati određenu namjeru ili želju, izražavati potrebu zaštite od nedaća i mnogo toga drugoga (ŠIMUNDIĆ 1988: VII). Stoga analiza antroponimijske građe sačuvane u matičnim knjigama omogućava istraživanje i osvjetljavanje određenih vidova društvene i kulturne povijesti te povijesti mentaliteta i svakodnevice. Tako se sustavnom analizom osobnih imena u matičnim knjigama krštenih može utvrditi brojnost pojedinih muških i ženskih imena, odnosno fond osobnih imena dodijeljenih djeci u nekoj zajednici u određenom razdoblju kao i načini na koje su imena dodjeljivana. Ako se analiziraju serije podataka kroz duže razdoblje mogu se pratiti promjene trendova, a usporedbom s rezultatima drugih istraživanja mogu se utvrditi razlike ili sličnosti koje temelj imaju u etničkoj, vjerskoj ili nekoj drugoj pripadnosti (BOŽIĆ BOGOVIĆ 2011a: 177).

U Podolju je u drugoj polovici 18. stoljeća bilo kršteno gotovo jednako dječaka i djevojčica, odnosno 413 dječaka i 397 djevojčica (51% dječaka i 49% djevojčica). Svim su krštenicima osobna imena zabilježena, sva su zapisana u svom latinskom obliku te se stoga ne može doći do njihove moguće uporabne inačice. Međutim, kako je Podolje naseljavalo isključivo hrvatsko stanovništvo može se pretpostaviti da bi i za njega mogla važiti tvrdnja koju je iznio Petar Šimunović, odnosno da su među Hrvatima bile znatno raširene hipokorističke

² Podaci o stanovnicima Podolja pojavljuju se u matičnim knjigama tek od vremena kada je naselje postalo filijalom novoosnovane župe u Zmajevcu zbog toga što matične knjige župa Topolje i Draž, kojima je podolje do tada pripadalo, nisu sačuvane za prvu polovicu 18. stoljeća.

tvorbe od kršćanskih imena koja su u maticama bila zapisivana u temeljnom stilistički neutralnom službenom imenskom liku te da je od kraja 18. stoljeća hrvatsko pučanstvo iznova koristilo narodna imena kao prijevode svetačkih imena. U prilog ovoj pretpostavci može ići i relativno oskudan kršćanski imenski izbor, odnosno imenska entropija koja je svakako otežavala antoroponimijsku komunikaciju budući da je više, odnosno mnogo osoba nosilo isto ime čemu se u svakodnevnoj uporabi donekle moglo doskočiti korištenjem hiperkoristika ili, primjerice, deminutiva službenog kršćanskog osobnog imena (ŠIMUNOVIĆ 2009: 147, 148, 161-162).

Kao što je za katolike i bilo obvezno od Tridentskog koncila, dakle od sredine 16. stoljeća, sva su navedena imena kršćanske provenijencije. Uglavnom se radi o novozavjetnim ili starozavjetnim imenima koja imaju latinsko, grčko ili hebrejsko podrijetlo, a tek su dva imena slavenska (*Stanislav* i *Ladislav*) dok je jedno germanskog podrijetla (*Emerik*). Velika većina imena u matičnoj knjizi bilježena je dosljedno u jednom obliku, dok se tek poneka od njih u zapisima pojavljuju u različitim inačicama (*Aloisius/Aloysius*, *Casparus/Gasparus*, *Marianus/Marjanus*, *Vincentius/Vincentus*, *Caecilia/Cecilia*, *Marianna/Marianna*). Pokraćeni oblici imena zabilježeni su samo kod imena *Rosalia* koje se u samo jednom slučaju pojavljuje u svom pokraćenom obliku *Rosa*. Običaj dodjeljivanja dvaju imena krštenicima u Podolju nije bio raširen, kao u ostalom ni u drugim hrvatskim naseljima u južnoj Baranji u 18. stoljeću, za razliku od njemačkih naselja gdje su roditelji svojoj djeci znatno češće dodjeljivali dva pa čak i tri, a ponekad i više osobnih imena (BOŽIĆ BOGOVIĆ 2011b: 190). U Podolju je, u slučaju dječaka, zabilježen samo jedan dječak kojem su pri krštenju dodijeljena dva imena – *Petrus Nicolaus*, te dvije djevojčice – jedna *Anna Margaretha* i jedna *Maria Magdalena*.

U matičnoj knjizi krštenih u naselju Podolje tijekom druge polovice 18. stoljeća ukupno je zabilježeno 47 različitih muških i 23 različita ženska imena. Pri tome se čak osam muških i tri ženska imena pojavljuju samo po jedan put tijekom cijelog promatranog razdoblja. Iz navedenoga je jasno da je imenski fond bio relativno oskudan te da je imenska entropija bila značajno izraženija kod ženskih nego kod muških imena što se vidi ne samo po broju različitih imena, gdje je ženskih gotovo dvostruko manje nego muških, nego i po znatno izraženijoj koncentraciji na nekoliko najpopularnijih imena. Primjerice, samo jedno najpopularnije muško ime *Josephus* čini 10,41% svih muških imena, dok najpopularnije žensko ime *Eva* ima udio od čak 18,90% u svim ženskim imenima, a sljedeća četiri najpopularnija ženska imena (*Catharina*, *Anna*, *Maria* i *Clara*) sva prelaze 10% udjela u ukupnom broju ženskih imena. Drugim riječima, pet najčešćih ženskih imena čini čak 72,04% svih ženskih imena, dok pet najpopularnijih muških imena (*Josephus*, *Joannes*, *Adamus*, *Lucas* i *Mathias*) čini 34,38% svih muških imena.

U promatranom polustoljetnom razdoblju pet najčešćih muških imena zastupljena su na sljedeći način: najpopularnije ime *Josephus* zabilježeno je 43 puta (što je 10,41%), *Joannes* 28 puta (6,78%), *Adamus* i *Lucas* svaki po 24 puta (5,81%) i *Mathias* 23 puta (5,57%). Kada se ovi podaci usporede s podacima za ukupno katoličko stanovništvo u južnoj Baranji u 18. stoljeću može se vidjeti da popularnost muških imena u Podolju uglavnom slijedi trend za cijelo područje, uz manje razlike. Primjerice, u cijeloj južnobaranjskoj katoličkoj populaciji najčešće je ime *Joannes*, a *Josephus* je drugo po popularnosti, dakle obrnuto nego u Podolju. Među pet najpopularnijih muških imena u cijelom "baranjskom trokutu" nalazi se, kao i u Podolju, i osobno ime *Mathias*, ali ne *Adamus* i *Luca*, muška imena koja su pripadala među ona koje su stanovnici Podolja najradije davali svojim sinovima (BOŽIĆ BOGOVIĆ 2013: 105).

Što se ženskih imena tiče, zastupljenost prema popularnosti je sljedeća: *Eva* je zabilježena 75 puta (18,89%), *Catharina* 57 puta (14,36%), *Anna* i *Maria* svaka po 54 puta (13,60%) te *Clara* 46 puta (11,59%). Kada se ovi podaci usporede s podacima za cijelu katoličku populaciju u južnoj Baranji, može se primijetiti sličan trend kao i u slučaju muških imena. Tako je *Catharina* najpopularnije žensko ime među katoličkim stanovništvom u južnoj Baranji, dok *Eva*, međutim, uopće ne ulazi među najčešća ženska imena kada se u obzir uzme cijela katolička populacija. Osobno ime *Anna* je i u Podolju kao i u cijeloj južnoj Baranji među onim ženskim osobnim imenima koje su stanovnici najradije dodjeljivali svojim kćerima (BOŽIĆ BOGOVIĆ 2013: 105).

Što se tiče načina dodjeljivanja imena djeci koje je moguće utvrditi s obzirom na osobine matične knjige krštenih župe Zmajevac za drugu polovicu 18. stoljeća, utvrđeno je da su i dječaci i djevojčice razmjerno rijetko imena dobivali po krsnim kumovima odnosno kumama (otprilike šestina djece ponijela je isto ime kao i njihov kršteni kum, odnosno kuma), rjeđe nego je to slučaj u nekim drugim hrvatskim katoličkim naseljima u južnoj Baranji u istom razdoblju. Davanje imena prema mučenicima ili svecima odnosno mučenicama ili sveticama spomendan kojih se točno ili otprilike podudara s danom krštenja također nije bilo osobito rašireno, odnosno moguće je utvrditi takav način dodjeljivanja imena u otprilike 20% slučajeva kod dječaka te oko 10% kod djevojčica. Ovdje treba napomenuti da i u onim slučajevima u kojima se datum krštenja točno ili otprilike podudara sa spomendanom istoimenog sveca ili mučenika, još se uvijek nije moguće sa sigurnošću utvrditi motivacija za odabir imena, odnosno ne može se isključiti slučajno podudaranje iza kojega se nalazi neka druga motivacija. Što se ovog načina dodjeljivanja imena tiče, uočljivo je da je učestalije kod onih imena koja su općenito rijetko zastupljena. Tako su, primjerice, jedina dva Bartholomeusa obojica krštena točno na spomendan ovoga sveca, odnosno 24. kolovoza (JARM 1996: 19). Djeca su još rjeđe imena dobivala prema ocu odnosno majci. Tako je svega 24 dječaka (5,91%) i 18

djevojčica (4,53%) dobilo ime na taj način. Može se, međutim, pretpostaviti da su roditelji imena svojoj djeci nerijetko odabirali po djedovima i bakama ili nekome od drugih rođaka ili starijih predaka, što je u hrvatskoj populaciji općenito u promatranom razdoblju bilo razmjerno uobičajeno, ali zbog nemogućnosti primjene genealoške metode ovu tvrdnju nije moguće sustavno provjeriti. U Podolju je filijalna crkva posvećena sv. Ani, međutim mogućnost razmatranja davanja imena prema mjesnom svecu zaštitniku ograničena je činjenicom da je ime Anna jedno od najpopularnijih ženskih imena u Podolju, kao i cijeloj katoličkoj populaciji u "baranjskom trokutu". Na kraju valja napomenuti da je i u Podolju, kao i cijeloj južnoj Baranji, ali i drugdje, zacijelo postojao običaj da roditeljski par daje isto ime mlađoj djeci u slučaju smrti starijega djeteta, te se u tome, i vrlo visokoj smrtnosti dojenčadi i djece do četvrte godine života, vjerojatno može naći i dio objašnjenja za vrlo izraženu imensku entropiju. Nažalost, zbog nemogućnosti primjene genealoške metode ni ovu tvrdnju nije moguće sustavno provjeriti.

Zaključno se može reći da je analiza zapisa matične knjige krštenih župe Zmajevac za naselje Podolje u drugoj polovici 18. stoljeća dovela do utvrđivanja fonda osobnih imena koja su bila dodjeljivana novorođenoj djeci prilikom krštenja kao i neke od uobičajenih načina na koje su imena bila odabirana. Zasebno su analizirana muška i ženska osobna imena, ali među njima ni u jednom vidu nisu uočene znatnije razlike, osim što je općenito prisutna imenska entropija izraženija kada su u pitanju ženska imena. Imena su kršćanske provenijencije, zabilježena su u latinskoj inačici pa se na osnovu tako zabilježenih oblika ne može doći do njihove moguće uporabne inačice. Na temelju analize može se zaključiti da je katoličko stanovništvo Podolja u drugoj polovici 18. stoljeća po pitanju osobnih imena koja su dodjeljivali svojoj djeci uglavnom slijedilo trendove koji su prevladavali i u njima susjednim naseljima u cijeloj južnoj Baranji što svjedoči o zajedničkoj tradiciji, istom kulturnom krugu kojem su pripadali te običajima kojih su se držali.

Tablica 1. Muška osobna imena u Podolju u drugoj polovici 18. stoljeća

Ime	Broj	Udio	Ime	Broj	Udio
Josephus	43	10,41	Thomas	5	1,21
Joanes	28	6,78	Elias	4	0,97
Adamus	24	5,81	Fabianus	3	0,73
Lucas	24	5,81	Petrus	3	0,73
Mathias	23	5,57	Stanislaus	3	0,73
Nicolaus	22	5,33	Thadeus	3	0,73
Antonius	20	4,84	Vincentius/Vincentus	3	0,73
Stephanus	19	4,60	Bartholomeus	2	0,48
Georgius	18	4,36	Casparus/Gasparus	2	0,48
Matheus	16	3,87	Damianus	2	0,48
Michaelis	16	3,87	Gregorius	2	0,48
Andreas	15	3,63	Ladislaus	2	0,48
Marcus	15	3,63	Marianus/Marjanus	2	0,48
Blasius	14	3,39	Vitalis	2	0,48
Paulus	11	2,66	Bonus	1	0,24
Jacobus	10	2,42	Florianus	1	0,24
Aloisius/Aloysius	9	2,18	Franciscus	1	0,24
Emericus	9	2,18	Hyeronimus	1	0,24
Philippus	9	2,18	Laurentius	1	0,24
Simon	8	1,94	Natalis	1	0,24
Martinus	7	1,69	Raphael	1	0,24
Ignatius	6	1,45	Szamuclus	1	0,24

Tablica 2. Ženska osobna imena u Podolju u drugoj polovici 18. stoljeća

Ime	Broj	Udio	Ime	Broj	Udio
Eva	75	18,89	Margaretha	4	1,01
Catharina	57	14,36	Rosalia/Rosa	4	1,01
Anna	54	13,60	Christina	2	0,50
Maria	54	13,60	Elisabetha	2	0,50
Clara	46	11,59	Lucia	2	0,50
Martha	28	7,05	Mariana/Marianna	2	0,50
Magdalena	23	5,79	Ursula	2	0,50
Theresia	11	2,77	Veronika	2	0,50
Helena	8	2,02	Joanna	1	0,25
Anastasia	6	1,51	Orka	1	0,25
Caecilia/Cecilia	6	1,51	Paula	1	0,25
Juliana	4	1,01	Margaretha	4	1,01
Margaretha	4	1,01			

Literatura

BOŽIĆ BOGOVIĆ 2011a = BOŽIĆ BOGOVIĆ D. Osobna imena u matičnim knjigama krštenih za naselja Draž i Popovac krajem 18. stoljeća // Povijesni prilozi, 2011, № 40. 177-194.

BOŽIĆ BOGOVIĆ 2011b = BOŽIĆ BOGOVIĆ D. Osobna imena u matičnoj knjizi krštenih župne matice Luč krajem 18. stoljeća // Croatica Christiana periodica, 2011, № 68. 59-68.

BOŽIĆ BOGOVIĆ 2013 = BOŽIĆ BOGOVIĆ D. Rođenje, brak i smrt – stanovništvo južne Baranje u 18. stoljeću. Beli Manastir, 2013.

JARM 1996 = Imena i imendani - obiteljski imenar. Zadar, 1996.

ŠIMUNDIĆ 1988 = ŠIMUNDIĆ M. Rječnik osobnih imena. Zagreb, 1988.

ŠIMUNOVIĆ 2009 = Uvod u hrvatsko imenoslovlje. Zagreb, 2009.

Neobjavljeni arhivski izvori

ZMAJEVAC-ŽU-RVM-1755.-1832. = Matična knjiga krštenih župe Zmajevac (1755.-1832.)

Валентина Даниловна Черняк
(Санкт-Петербург, Россия)

О ЧЕМ ГОВОРЯТ НАЗВАНИЯ СЛОВАРЕЙ?
(СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ
ЛЕКСИКОГРАФИИ)

Abstract: The titles of dictionaries, especially those of the last decades, being the essential components of the text, inform us not only about the subject of description and the means of presentation, but also about the addressee. The direction for the addressee determines many components in the titles of dictionaries with the aim of convincing the users in the exceptional qualities of the publication. This determines the place of such frequent lexemes as *new*, *newest*, *big*, *contemporary*, *up-to-date*, *complete*. Psycholinguistic studies of the “image of dictionaries” in the commonplace mind and also the questioning of students, pupils, teachers, librarians show that the steady ideas of native speakers about the “ideal dictionary” are taken into account both by the compilers and the publishers. It appears that in the contemporary dictionary matter the commercial component is essential and it determines also the frequent exploitation of the names of famous lexicographers.

Keywords: titles of dictionaries, text of dictionaries, factor of the addressee

Связь словарной продукции с социокультурными доминантами эпохи справедлива для любого времени, однако для начала XXI века она наполняется особым содержанием. В последние два десятилетия период острого словарного дефицита 70–90-х гг. XX века сменился своеобразным лексикографическим бумом, обусловленным свойствами словаря как социокультурного феномена. Интерес к словарям и энциклопедиям связывается с технологизацией мировосприятия людей XXI века. Жесткая структура словарной формы органично сочетается с возможностью свободного перемещения внутри словаря. Эти свойства определяют особую привлекательность этого типа книжных изданий. Не случайно в последние годы словарная форма оказывается чрезвычайно востребованной при интерпретации различных явлений современного мира. Появление на рубеже веков огромного количества новых изданий, интенсивное развитие типологии словарей, стирание жестких граней между словарями и энциклопедиями требуют своего осмысления. При этом чрезвычайно важным представляется обращение ко всему массиву лексикографических изданий, а не только к тем, которые выдержали

проверку временем или знаменуют новые тенденции в лексикографии, воплощают новые достижения лингвистики.

Опыт максимально полной фиксации словарей на русском языке, изданных в России (за исключением двуязычных и терминологических, представляющих две самостоятельные, активно развивающиеся отрасли лексикографии), был осуществлен нами в книге «Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший» (КОЗЫРЕВ, ЧЕРНЯК 2015). В ней представлено с полной фиксацией всех библиографических компонентов 3198 словарей, созданных в период с конца XVIII века по 2015 г. Такая широкая историческая перспектива позволяет увидеть тенденции в словарном деле, развитие лексикографической науки, ее стремление отразить в словарной форме всё новое, что появляется в лингвистике. Чрезвычайно важными оказываются и внешние социокультурными факторы: всё возрастающая значимость различных источников информации, попытка авторов словарей ответить на разнообразные запросы пользователей, максимально учесть фактор адресата, а также несомненная коммерческая составляющая в словарном деле, особенно актуализировавшаяся в последние два десятилетия. Издание наиболее востребованных типов словарей нередко является коммерческим проектом (таков, например, масштабный проект издательства АСТ «Словари XXI века»).

Наше исследование показало, что заглавие (название) как очень значимый компонент любого текста выполняет важную роль и в тексте словаря. Во-первых, название словаря определяет (хотя и не во всех случаях) его место в словарной типологии (ср. ключевые слова названий: *толковый, орфографический, орфоэтический, этимологический, исторический* и т.п.). Традиционно именно подобные ключевые слова и формировали названия. Однако отмеченная выше роль фактора адресата во все времена, а в наши дни особенно определила появление прагматически заряженных компонентов названий, которые должны привлечь потенциального читателя / покупателя. Так, в последние годы появилось множество словарей с броскими названиями: «большой» (около 70 изданий), «новый» (около 40), «универсальный» (10), «современный» (40), комплексный – (12). Стремясь выделиться в этом ряду «самых новых» словарей, составители готовы пойти даже на банальное нарушение грамматической нормы, соединяя, например, два способа образования суперлатива. Ср.: *Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века: [около 1500 слов]*.

Большой объем словаря как прагматически значимый признак, фиксируемый в названии, конкурирует с противоположным семантическим компонентом: компактность издания, ограниченный объем обеспечивают быстроту, простоту и удобство использования. Поэтому на книжных полках соседствуют «большие» и «самые полные» словари и многочисленные «карманные», «школьные», «малые»,

«краткие». Подчеркнем, что прагматически значимые компоненты, вынесенные в названия многих современных словарей, соответствуют тем обыденным представлениям и ценностным характеристикам, которые связываются в сознании носителя языка с концептом словарь (об этом свидетельствуют проведенные опросы и ассоциативные эксперименты). Следует отметить, что очень заметная в последние годы тенденция номинации словарей имеет давнюю традицию. Приведем названия нескольких изданий второй половины XIX века: *Самый полный общедоступный словотолкователь и объяснитель 150 000 иностранных слов, вошедших в русский язык, с подробным, всесторонним исследованием о значении и понятии каждого слова; Всеобщий объяснительный словарь иностранных слов, сплошь и рядом встречающихся в русских книгах, газетах и журналах, которые для людей, не посвященных специально наукам и иностранным языкам, бывают совершенно непонятны; Самый полнейший толковый словарь, который вмещает в себе 200 000 иностранных слов, вошедших в русский язык нашей русской литературы* (полные библиографические сведения обо всех упоминаемых словарях представлены в книге КОЗЫРЕВ, ЧЕРНЯК 2014, размещенной на сайте фразеологического семинара проф. В.М. Мокиенко <http://phraseoseminar.slovo-spb.ru>).

Словари-объяснители, словотолкователи, разъяснители (это ключевые слова названий многих словарей прошлого века) описывали, в первую очередь, заимствованные лексические единицы. И сегодня словари иностранных (заимствованных) слов являются одним из наиболее распространенных типов изданий. При этом тенденция привлечения внимания читателей наблюдается в ряде нетрадиционных изданий: *Ненаши слова в нашем языке: словарь-справочник; 555 ненаших слов в нашем языке: опыт словаря заимствований; Краткий исторический словарь галлицизмов русского языка: («амур бонжур тужур» и другие французские слова и выражения в русском языке и речи).*

Частые конфликты между узусом и нормой, особенно заметные в средствах массовой информации, игровая стихия современной речи предполагают особую значимость эталона, своеобразного речевого ориентира, роль которого, в первую очередь, выполняют ортологические словари (словари правильности и словари трудностей), необходимые для оперативного решения целого ряда практических проблем, возникающих в процессе коммуникации. Роль таких словарей возрастает в периоды языковой нестабильности, в периоды расшатывания норм (в нашем списке 161 *орфографический словарь*, 52 *орфоэтических*, 53 *словаря трудностей*, 35 *словарей редких и забытых слов*). Примером

«лексикографического отклика» на социальный заказ общества может служить серия аспектных словарей *«Давайте говорить правильно!»* (ортологических, фразеологических, грамматических, а также словарей, описывающих базовую лексику отдельных областей знания – медицине, спорте, строительстве, экономике, политике, точных науках и т.п.), созданная в Санкт-Петербургском университете (сейчас издано около 30 словарей серии). Ортологические словари рассматриваются как руководство к действию, именно поэтому в названиях словарей нередко включаются глаголы-императивы: *Говори правильно: орфографический словарь; Пиши по-русски правильно; Различай слова: трудные случаи современного русского словоупотребления; Пишите правильно: орфографический словарь для младших школьников; Пишите и говорите грамотно.*

Словари вступают в диалог с потенциальным читателем, приглашают вместе искать ответы на вопросы. Ср.: *Откуда пришли слова: занимательная этимология слов; Что это? Кто это?: толковый словарь для учащихся начальных классов; Почему мы так говорим: занимательный фразеологический словарь; Как сделаны слова в русском языке: справочник служебных морфем; Как правильно? Две согласных или одна?: орфографический словарь; Какое слово выбрать?: лексические и грамматические нормы русского литературного языка: [словарь-справочник]; Откуда пришли названия?: опыт топонимического словаря.*

Приведенные названия словарей являются весьма типичными и свидетельствуют о том, что последние десятилетия явились периодом активного развития учебной лексикографии. В. Г. Гак, размышляя о закономерностях ее становления, писал: «Всякий словарь – прежде всего дидактическое, т. е. предназначенное для обучения, произведение. Анализ словарных формулировок, характер отношения словарных высказываний к описываемому миру, самый тип сообщения, свойственный словарю, показывают, что словарь относится к дидактическому жанру и обладает всеми основными признаками педагогической речи... Лексикограф, как и автор учебника, говорит не вполне “от своего имени”, он выступает как посредник между обществом – коллективным носителем речи – и индивидуумом, который, обращаясь за справкой к словарю, как бы задает вопрос лексикографу. Ответы лексикографа (носителя коллективного знания) воспринимаются как более или менее обязательные предписания для читателя словаря, поскольку словарь предназначен для того, чтобы устранить расхождение между индивидуальным знанием и знанием всего коллектива» (ГАК 1977: 12). Востребованность учебных словарей обнаруживается в том, что около 190 словарей содержит в своем названии слово *школьный*, около 100 – *учебный* (появился даже своеобразный жанр *«словарь-учебник»*). В условиях конкуренции составители словарей используют в названиях учебных словарей рекламные ходы: *Три главных словаря русского языка в одной книге; Словарь для начальной школы «4 в*

одном»; Универсальный словарь русского языка: все словари под одной обложкой; Орфоэпия в кармане: нормы русского литературного произношения и ударения: словарь и практикум; Заметим, однако, что далеко не все словари, формально относящиеся к учебным, отвечают указанной выше характеристике: нередко дидактический параметр или вообще не учитывается, или является лишь мотивацией сокращения словника.

Анализ названий всей совокупности лексикографических изданий позволяет говорить о том, что в последние годы появляются или активно развиваются новые типы словарей (*идеографические, ассоциативные, синтаксические, словари детской речи*); новый импульс, связанный прежде всего с освоением лексикографией современных технологий, получили, например, диалектные и *авторские (писательские)* словари.

Лексикографическая практика не только отражает социокультурные изменения, но и откликается на фактор моды. Многие явления, находящиеся за пределами литературного языка, становятся самостоятельным объектом лексикографического описания, в связи с чем наблюдается чрезвычайное разрастание некоторых типов словарей. Так, например, в составленном нами списке с одной стороны, более 200 ортологических словарей (орфографических, орфоэпических, словарей трудностей), с другой – более 150 словарей, отражающих жаргонизацию речи. Если первая цифра отвечает на потребность пользователей в нормативных словарях «скорой помощи», то вторая – отклик на либерализацию современной речи. Показательны некоторые заглавия словарей субстандарта, безусловно, призванные привлечь массового читателя: *«Ругайтесь правильно: современный словарь русской брани», «Русский народный мат: толковый словарь», «"Врубись, какой приколы!" : русский молодежный жаргон», «Фильтруй базар: словарь молодежного жаргона г. Магнитогорска», «Бизнес-сленг для "новых русских"», «Толковый словарь молодежного сленга от Светы и Ромы Букиных: [по сериалу "Счастливы вместе"] : родителям читать не рекомендуется», «Яблоко раздора, или Понимаем ли всё, что говорим?: [опыт единого лексикона для "новых" и "старых" русских]»; «Все менты – мои кенты...».*

Нельзя не отметить, что в названиях словарей активно эксплуатируются имена выдающихся лексикографов, прежде всего В.И. Даля и Д.Н. Ушакова. Трудно переоценить роль «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля не только в русской лексикографии, но и вообще в русской культуре. Понятно желание многих иметь Словарь Даля дома, тем более что этот словарь на протяжении многих десятилетий не только выполнял роль ценнейшего справочного пособия, но и имел огромное образовательное и воспитательное значение. Этот поистине монументальный труд связан с

именем одного человека, который существует в персонифицированной русской культуре как «человек-словарь». Не случайно в общем списке словарей, пятьдесят один пункт занимают переиздания толкового словаря русского языка В.И. Даля. Девять из них имеют такое же наименование, как и у оригинала, но различаются редакторами и количеством страниц. Три издания выпущены с названием «“Толковый словарь живого великорусского языка” для детей», семь словарей дополняют толкования иллюстрациями, что отражается в названии («Иллюстрированный словарь»), четырнадцать изданий содержат пословицы и поговорки, собранные В.И. Далем. Семь словарей имеют современную обработку, что отражено в заглавии, как «современная версия». Таким образом, пользователь нередко сталкивается с недобросовестной переделкой классического словаря.

Та же судьба постигла и знаменитый «Толковый словарь русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова, первый советский толковый словарь. Кроме нескольких аутентичных изданий, появляются «исправленные и дополненные», «сокращенные» и даже «карманные» издания, при этом во многих случаях Д.Н. Ушаков указан на обложке как автор, что является грубым искажением реального места выдающегося лексикографа в коллективной работе.

Таким образом, современная лексикография реализуя две тенденции – системоцентрическую и антропоцентрическую, чутко реагирует на запросы пользователей, при этом принцип научности, к сожалению, нередко уступает принципу экономической целесообразности. Низкий уровень лексикографической компетенции массового пользователя создает благоприятные условия для коммерциализации словарного дела и даже разного рода лексикографических спекуляций, что отражается, прежде всего, и в названиях словарей. Концептуальная идеология словарной продукции оказывается экономически обусловленной прагматической установкой на адресата. Именно поэтому название словаря является не только ориентиром при выборе, указателем в типологических классификациях, но и определенным сигналом манипулирования пользовательскими предпочтениями. Необходимой защитой от такого манипулирования является лексикографическая компетенция, которую необходимо формировать уже с детства.

Литература

- ГАК 1977 = ГАК В.Г. О некоторых закономерностях развития лексикографии (учебная и общая лексикография в историческом аспекте) // Актуальные проблемы учебной лексикографии. Москва, 1977. 11-27.
- КОЗЫРЕВ, ЧЕРНЯК 2015 = КОЗЫРЕВ В.А., ЧЕРНЯК В.Д. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший. Санкт-Петербург, 2015.

Эржебет Ч. Йонаш
(Ньиредьхаза, Венгрия)

О НОВОМ ПЕРЕВОДЕ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
«ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» НА ВЕНГЕРСКИЙ ЯЗЫК

Abstract: Crime and Punishment is one of Dostoyevsky's most known novels; it was first published in Russian in 1866. Its newest, fifth Hungarian translation by Andras Soproni was published in 2015. We study the original text in relation to the temporal dimension (due to the elapsed time between the original novel and the new translation), the translational behaviour and finally the reader's horizon supposed by the translator. Analysing the translation in the target language this way gives us primarily a linguistic view of the world.

Keywords: translational stylistics, text variant, translational behaviour, language usage, cultural reality

1. Когнитивная лингвистика и анализ художественного перевода

Когниция как процесс познания, отражения в сознании человека окружающей действительности и преобразования этой информации в сознании (КУБРЯКОВА 2004: 9, цитируем по: ПОПОВА, СТЕРНИН 2007:10). Когнитивная лингвистика исследует ментальные процессы, происходящие при восприятии, осмыслении и познании действительности сознанием, а также виды и формы их ментальных репрезентаций (ср. TOLCSVAI NAGY 2013, TÁTRAI 2011). Когнитивная лингвистика, как самостоятельная область современной лингвистической науки, выделилась из когнитивной науки. Она складывается в последние два десятилетия XX века, но её предмет – особенности усвоения и обработки информации, способы ментальной репрезентации знаний с помощью языка – был намечен ещё в 19 веке (ср. А. А. ПОТЕБНЯ о Гумбольдте In: ПОПОВА, СТЕРНИН 2007: 8).

В художественном переводе задача переводчика сохранить смысловую ёмкость художественного текста, передавая прежде всего образ образом (ср. ФЕДОРОВ 2002: 374-387). Если переводчику удастся хоть частично передать не только лексическую семантику текста, но и стилистические средства оригинала, то это несомненно повышает уровень стилистической эквивалентности перевода.

Коммуникативные аспекты и семантизация текста оригинала переводчиком связывает когнитивную лингвистику и исследование

художественного перевода. В основе же восприятия чужого текста лежит *языковая картина мира*.

«*Языковая картина мира* – это совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе развития народа, представление о действительности, отраженное в значениях языковых знаков – языковое членение мира, языковое упорядочение предметов и явлений, заложенная в системных значениях слов информация о мире» (ПОПОВА, СТЕРНИН 2007: 54).

По мнению Гадамера, из окружающего мира мы обладаем только теми фрагментами, которые можем называть языковыми формами (ср. GADAMER 1994).

Но на основании языковой картины мира нельзя достоверно судить о современных представлениях о мире, об актуальной *концептосфере* говорящего. Изучение представлений о действительности, зафиксированных в языке определенного периода, позволяет косвенно судить и о том, каково было мышление данного народа, реконструировать в основных чертах его когнитивную картину мира в этот период.

Когнитивная картина мира и языковая картина мира связаны между собой как первичное и вторичное, как ментальное явление и его вербальное овнешнение, как содержание сознания и средство доступа исследователя к этому содержанию.

Художественная картина мира тоже вторичная, подобно языковой. Она возникает в сознании читателя при восприятии произведения. Такое восприятие на первом этапе перевода имеет сам переводчик. Картина мира в художественном тексте создаётся языковыми средствами, с помощью которых отражается индивидуальная картина мира в сознании писателя. А в переводе отражается так же индивидуальная картина мира и переводчика, и его эпохи. Это объясняет то, что появляются новые и новые переводческие интерпретации произведений (КУБРЯКОВА 2004: 9-11, МАСЛОВА 2007: 52-73).

2. Роман Достоевского на венгерском языке

Произведения Ф. И. Достоевского хорошо известны венгерскому читателю, они стали издаваться ещё при жизни писателя, и к нынешнему моменту все его значительные произведения доступны на венгерском языке, некоторые из них в двух и даже в трёх переводах. Одним из таких произведений является самый известный его роман, написанный 150 лет тому назад, «*Преступление и наказание*» (1866). Первый перевод – работа Эндре Сабо (Szabó Endre) появился в 1888 году и сразу имел большой успех. Через полвека появился перевод Имре Герег (Görög Imre), этот перевод в переработке Маргит Г. Беке (G. Beke Margit) и по сей день является самым известным. В 2004 году вышел перевод Эржебет Вари (Vári Erzsébet). В 2015 году издательство „Syllabux” с финансовой

поддержкой фонда «Институт перевода» решило издать новый перевод Андраша Шопрони (Soproni András) (HETENYI 2009).

2.1. Вопрос перевода заглавия романа

Общеизвестное, ставшее идиоматическим венгерское название романа *Преступление и наказание* „*Bűn és bűnhődés*” было дано Имре Герег. Оно же было использовано и Эржебет Вари. А. Шопрони тоже не изменил традиционное название, хотя значения слов в названии не совпадают полностью со словами русского названия. Как в русском, так и в венгерском существует несколько синонимов, обозначающих нарушение моральных и юридических законов. В русском такими являются *преступление, вина, грех*, а в венгерском *bűn, bűncselekmény, bűntett, véték*. Полного соответствия между этими словами нет. В этом значении к слову *преступление* ближе всего венгерские слова *bűntett, bűncselekmény, bűnelkövetés, törvényszegés*, однако они слишком плоские, официальные для названия такого романа, как «*Преступление и наказание*». Слово *bűn* в первую очередь означает нарушение моральных законов. Венгерское название таким образом стилистически как-бы возвышает название романа. Однако русское слово происходит от глагола *преступать, переступать*, и в романе речь идёт не просто об убийстве процентщицы, но в первую очередь о том, можно ли переступить моральные, человеческие законы. Значение венгерского слова *bűnhődés* тоже имеет более возвышенную стилистическую окраску, чем русское слово *наказание*, и, кроме наказания, внешними силами носит ещё и оттенок внутреннего морального процесса, которое, возможно, не так ярко выражено в русском слове *наказание*, однако исходя из всего содержания романа и в этом случае можно подтвердить выбор слова *bűnhődés* переводчиками.

Сохранение венгерского заглавия объясняется прежде всего тем, что оно имеет особую ценность – венгерское название представляет собой стилистическую фигуру как антитеза, аллюзия (намёк на Библию) и этимологическая фигура (контактный корневой повтор) (МОСКВИН 2006).

2.2. Стилистические вопросы перевода

Первое впечатление читателя от перевода А. Шопрони – текст читается легко, нигде не тормозит читателя, наоборот, захватывает и несёт его с собой. На протяжении всей книги сохраняется живой голос самого автора.

Характерной чертой книги является драматизм, который проявляется в взволнованных монологах и диалогах. А. Шопрони блестяще передает языковые особенности каждого персонажа.

2.2.1. Социо-культурные основы речи героев: Ненормативная речь, народные говоры, реалии

Особую задачу задают переводчику такие стилистические приёмы, как народный говор, иностранный акцент и детский лепет. Переводчик владеет приёмами передачи этих речевых особенностей, разработанных поколениями венгерских писателей и переводчиков. Сложнее обстоит дело в случае с еврейским пожарником, когда встречается с Свидригайловым и начинается разговор. Достоевский чётко передаёт его своеобразный акцент, эквивалент который в современном венгерском существует рудиментарно, в основном в лексике, и имеет явно городской оттенок. Поэтому переводчик вынужден эксплицитно указать на то, что пожарник говорит еврейским акцентом:

Свидригайлов вынул револьвер и взвел курок. Ахиллес приподнял брови.

– **А-зе, сто-зе, эти сутки (шутки) здесь не места!**

– Да почему же бы и не место?

– **А потому-зе, сто не места.**

– **Ну, брат**, это всё равно. Место хорошее; коли тебя станут спрашивать, так и отвечай, что поехал, дескать, в Америку.

Он приставил револьвер к своему правому виску.

– **А-зе здесь нельзя, здесь не места!** – встрепнулся Ахиллес, расширяя всё больше и больше зрачки.

Свидригайлов спустил курок. (ДОСТОЕВСКИЙ 1866: V/6)

Перевод Герег и Беке:

Szvidrigajlov most elővette a pisztolyát, és felhúzta a kakast. Achilles a homlokát ráncolta.

– **Hát ez mi? Ne tréfáljon, itt nem szabad...**

– Aztán mért épp itt ne volna szabad...

– **Mert nem szabad.**

– Sebj. Jó hely ez, **barátom**. Ha kérdeznék, mondd azt, hogy Amerikába utaztam.

És jobb halántékára illesztette a pisztolyt.

– **Hallja, izé, itt nem szabad, tilos!** - Achilles felkapta a fejét, szeme mind tágabbra nyílt.

Szvidrigajlov meghúzta a ravaszt. (DOSZTOJEVSZKIJ 1958: 323)

Перевод Шопрони:

Szvidrigajlov elővette a revolvért, és felhúzta a kakast. Az Achilles felvonta a szemöldökét.

– **Hajja, kérem, itt tilos viccölődni!**

– Aztán miért?

– **Mer' tilos.**

– Ugyan, **testvér**, ne törődj vele. Jó hely ez; ha majd megkérdeznek, mondd azt, hogy az úr Amerikába utazott.
Azzal a jobb halántékához emelte a revolvért.
– **Hajja, tilos!** – riadt meg az Achilles, és pupillája még jobban kitágult. Szvidrigajlov meghúzta a ravaszt. (DOSZTOJEVSZKIJ 2015: 438)

Перевод реалий, неизвестных для венгерских читателей – это особая задача для переводчика. Переводчик может излагать прагматическую функцию. Реалия «думая **о царе Горохе**»¹ в размышлении Раскольникова происходит из сказок. Выражение пришло из русского фольклора, где был такой герой царь Горох. Неправдоподобие такого царя и придаёт выражению значение «невероятно давно». Подобные выражения есть и в славянских, и в неславянских языках: «при царе Копыле», «при царице Чечевице». В Польше, например, скажут: «при короле Сверчке» или «при короле Гольше». Царь Горох, вполне симпатичный, добрый, нестрашный. Жил он очень, очень давно, когда – и не упомнишь². Оборот означает «*что-то неважное, что было давним давно*».

"На какое дело хочу покуситься и в то же время каких пустяков боюсь! – подумал он с странною улыбкой. (...) Это я в этот последний месяц выучился болтать, лежа по целым суткам в углу и думая... **о царе Горохе**. Ну зачем я теперь иду? Разве я способен на *это*? Разве *это* серьезно? Совсем не серьезно. Так, ради фантазии сам себя тешу; игрушки! Да, пожалуй что и игрушки!" (ДОСТОЕВСКИЙ 1866: I/1)

Перевод Герег и Беке:

„Micsoda vakmerő dolgot tervezek, és közben ilyen ostobaságotól rettegek! – gondolta különös mosollyal. (...) Most az utóbbi hónapban szoktam rá, mert naphosszat csak heverek az odúmban, és elmélkedem... **sok semmiről**. Minek is megyek ma oda? Hát meg tudom én tenni... *azt*? Hát komolyan gondolom? Eh, dehogyis. Képzeteletem mulattatom vele. Játszom. Ez az: játék.” (Ford. Görög Imre – G. Beke Margit In: DOSZTOJEVSZKIJ 1958: 3)

¹ Царь Горох

https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A6%D0%B0%D1%80%D1%8C_%D0%93%D0%BE%D1%80%D0%BE%D1%85 (2016-06-20)

² Когда жил царь Горох?

<https://www.nkj.ru/archive/articles/13600/> (2016-09-29)

Перевод Шопрони:

Micsoda tette akarom elszánni magam, és közben semmiségektől félek! – gondolta furcsa mosollyal. (...) Az utóbbi hetekben szoktam rá a szájalásra, amióta naphosszat csak heverek a zugomban, és csak gondolkodom... Miről? **Ködképekről**. Most is minnek megyek? Hát képes vagyok én *arra*? Komolyan gondolom *azt a dolgot*? Dehogy. Csak fantáziálok, passzióból. Játszozom! Hát persze, csak játszozom!” (DOSZTOJEVSZKIJ 2015:6)

2.2.2. Стил ь эпохи 19-го века: Эмоциональный колорит

Взволнованность Раскольников а выражается резкими словами, восклицаниями, незаконченными предложениями. Повышенная экспрессивность его речи достигается наличием эмоционально-оценочных эпитетов, сравнений, восклицаний. Как выражение наивысшего напряжения чувств – приёмом психологического умолчания, недоговорённости:

«О боже! как это всё **отвратительно!** И неужели, неужели я... нет, это **вздор**, это **нелепость!** – прибавил он решительно. – И неужели такой **ужас** мог прийти мне в голову? На какую **грязь** способно, однако, мое сердце! Главное: **грязно, пакостно, гадко, гадко!**.. И я, целый месяц...» (ДОСТОЕВСКИЙ 1866: I/1)

Перевод Герег и Беке:

Egek, micsoda **förtelem!** Hát lehet az... hát lehet az, hogy én... Eh, **ostobaság! Badarság!**... – mondta meggyőződéssel. – Hogy is férközhett a fejembe ilyen **ocsmányság!**? Mennyi **mocskot** rejt mégis a szívem! Igen, elsősorban **mocskos, ocsmány, undok...** Ó, milyen **undok!** És én egy egész hónapja... (DOSZTOJEVSZKIJ 1958: 6)

Переводческий вариант Шопрони:

„Uramisten! Milyen **undorító** ez az egész! Méghogy én, én... nem, ez **marhaság**, ez **képtelenség!** – tette hozzá határozottan. – Hogy juthatott ilyen **szőrnyűség** akár csak az eszembe? Hanem a szívem... micsoda **förtelemre** képes! Igen: **mocskos, undorító, ocsmány, ocsmány!**.. Én pedig egy álló hónapja...” (DOSZTOJEVSZKIJ 2015:11)

Переводчикам удалось, используя подходящие синонимы венгерского языка, стилистически адекватно передать оценочное отношение героя к ситуации, к своему размышлению о преступлении.

2.2.3. Темпоральные димензии текста: Архаизмы

Когда речь идёт о переводе произведения классической литературы, одним из вопросов общего читательского впечатления является насколько язык перевода должен быть стилизован под язык эпохи создания произведения. А. Шопрони нашёл необходимый здесь компромис: описательную часть текста – слова автора – передает в стиле классического реализма первой половины двадцатого века, что чуть-чуть отдаляет текст во времени. Архаизмы девятнадцатого века употребляются в первую очередь в диалогах, и являются инструментом характеристики данного персонажа.

Такая речь характерна, например, для Лужина:

– ...Ваша **мамаша**, еще в **бытность мою** при них, начала к вам письмо. Приехав сюда, я нарочно пропустил несколько дней и не приходил к вам, чтоб уж **быть вполне уверенным**, что вы **извещены** обо всем; но теперь, к удивлению моему...(ДОСТОЕВСКИЙ 1866: II/5)

Перевод Герег и Беке:

– A **kedves édesmamája** már **akkor** elkezdte azt a levelet, amikor én **ott tartózkodtam** náluk. Ideérkezésem után szándékosan vártam néhány napig a látogatással, azt hittem, így teljes **bizonyossággal** számíthatok **rá, hogy addigra** mindenről **értesült**. És most, a legnagyobb csodálkozásomra... (DOSZTOJEVSZKIJ 1958: 89)

Перевод Шопрони:

– **Uraságod** édesanyja, **midőn** még náluk **tartózkodtam volt**, levélírásba fogott uraságod számára. Amikor megérkeztem, szándékosan vártam néhány napot, s nem jöttem ide, hogy **tökéletesen** biztos legyek **afelől, miszerint** uraságod **értesítve lett** mindenről; most azonban csodálkozásomra... (DOSZTOJEVSZKIJ 2015: 124)

3. Выводы

Перевод тесно связывается с прагматикой, ибо она изучает не саму языковую систему, а отношение человека к знаковым системам, в том числе и к языковой системе. Анализируя переводы, нами изучается и совокупность экстралингвистических факторов, обеспечивающих коммуникативный акт перевода. Для переводчика текст интегративная семантико-понятийная единица. В контексте текста реализуются не собственно вербальные параметры языка, а синтезированные речемыслительные категории, которые определяют когнитивную и языковую картину каждого переводчика (ср. ФЕФИНОВ 2010: 142).

Лексическая точность перевода никак не означает механическое употребление словарного значения слова. Перевод всегда требует выбора

между стилистическими оттенками синонимов. Бывают случаи, когда слово в языке источника более колоритно, чем его эквивалент в языке перевода, и поэтому перевод теряет богатство. В таких случаях переводчик имеет право и даже должен обогатить свой перевод более колоритными словами. Точность перевода наблюдается не только на уровне слова, но также на уровне предложения и более крупных единиц (ALBERT 2014: 73–111, BENJAMIN 2007: 185, DE MAN 2007: 185).

Тематизированные выше примеры свидетельствуют не только о глубоком знании языка оригинала и языка перевода, но и о высоком мастерстве и даже, можно сказать, о литературном таланте переводчика (ср. РЕТНӦ 2011). Он позволяет ему наиболее точно передать намерения самого автора, и в ни коей мере не заслоняет писателя от читателя. Если вернуться к вопросу, стоило ли взяться за новый перевод, то можно сказать, что – не оспаривая достоинства предыдущих переводов – Андраш Шопрони дал во многих отношениях более точный и живой вариант великого романа. Он таким образом обогатил не только венгерскую переводную литературу, а тем самым венгерскую культуру.

Литература

- ДОСТОЕВСКИЙ 1866 = ДОСТОЕВСКИЙ Ф.М. Преступление и наказание. 1866. http://az.lib.ru/d/dostoevskij_f_m/text_0060.shtml (2016-06-07)
- КУБРЯКОВА 2004 = КУБРЯКОВА Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. №1. 6-17.
- МАСЛОВА 2007 = МАСЛОВА В.А. Введение в когнитивную лингвистику. Москва: Изд. «Флинта», Изд. «Наука», 2007.
- МОСКВИН 2006 = МОСКВИН В.П. Стилистика русского языка. Ростов-на Дону: Изд. «Феникс», 2006.
- ПОПОВА, СТЕРНИН 2007 = ПОПОВА З.Д., СТЕРНИН И.А. Когнитивная лингвистика. Москва: «Восток–Запад», 2007.
- ФЕДОРОВ 2002 = ФЕДОРОВ А.В. Основы общей теории перевод. Москва, Санкт-Петербург: Филология-три, 2002.
- ФЕФИНОВ 2010 = ФЕФИНОВ А.И. Введение в когитологию. Москва: Изд. «Флинта», Изд. «Наука», 2010.
- ALBERT 2014 = ALBERT S. Fordítás – nyelv – filozófia. Budapest: Áron Kiadó, 2014.
- BENJAMIN 2007 = BENJAMIN W. A műfordítás feladata // Kettős megvilágítás. Fordításelméleti írások. (Ред.). Józán I., Jeney É. Hajdú P. Budapest: Balassi Kiadó, 2007 (1923). 183-195.
- DOSZTOJEVSZKIJ 1958 = DOSZTOJEVSZKIJ F.M. Bűn és bűnhődés. (Перевод Герер и Беке, Görög I. и Beke K.) Budapest: Est Lapkiadó Rt. és a Pesti Napló Rt., 1958. <http://mek.oszk.hu/00300/00370/00370.pdf> (2016-06-07)
- DOSZTOJEVSZKIJ 2015 = DOSZTOJEVSZKIJ F.M. Bűn és bűnhődés. (Перевод Шопрони, Soproni A.) Budapest: Syllabux Könyvkiadó, 2015.

- GADAMER 1994 = GADAMER H. A szép aktualitása. Budapest: T-Twins Kiadó, 1994.
- HETÉNYI 2009 = HETÉNYI Zs. A fordítások bűne és vétke // Holmi, 2009. № 6. <http://www.holmi.org/2009/06/hetenyi-zsuzsa-a-forditasok-bune-es-vetke> (2016-06-09).
- KLAUDY 2007 = KLAUDY K. Nyelv és fordítás. Válogatott fordítástudományi tanulmányok. Budapest: Tinta Könyvkiadó, 2007.
- DE MAN 2007 = De MAN P. W. B. A műfordító feladata című írásáról // Kettős megvilágításban. Fordításelméleti írások. (Ред.). Józán I., Jeney É., Hajdú P. Budapest: Balassi Kiadó, 2007. (1983). 240-267.
- PETHŐ 2011 = PETHŐ J. Alakzat és jelentés. Az alakzatok stílus- és jelentésképző szerepe a szövegben. Budapest: Tinta Könyvkiadó, 2011.
- TÁTRAI 2011 = TÁTRAI Sz. Bevezetés a pragmatikába. Funkcionális kognitív megközelítés. Budapest: Tinta Kiadó, 2011.
- TOLCSVAI NAGY 2013 = TOLCSVAI NAGY G. Bevezetés a kognitív nyelvészetbe. Budapest: Osiris Kiadó, 2013.

Йосеф Догнал
(Брно, Чехия – Трнава, Словакия)

К ВОПРОСУ О ДОБРЕ В ПОВЕСТИ М.П. АРЦЫБАШЕВА
«СМЕРТЬ ЛАНДЕ»

Abstract: The article concentrates on the question of good as shown in the hero of the story by Mikhail Artsybashev. While the hero embodies the life in absolute good in accordance with his belief his life ends by death in solitude in an unknown forest. Trying to be good and not to use violence Lande tries to act only by his words. His way of handling situations could hardly be understood by others causing them problems and bringing them in very strange situations sometimes. At the end there is a wall of misunderstanding between Lande and the other heroes of the story. The perfectly good man seems therefore as a writer's construct used to prove that good has to be compatible with the natural needs of men and women including also the needs of the flesh. The story seems to stand in opposition to another work by Artsybashev – to his novel Sanin.

Keywords: M. P. Artsybashev, The Death of (Ivan) Lande, good and evil

Конец века приносит целый ряд изменений, которые заставляют задуматься над человеческой личностью и нормами ее поведения так же, как и над тем, откуда эти нормы берутся, кем и как они заданы. Неудивительно, что появляются произведения, в которых отчетливее, чем раньше, поднимаются именно вопросы об основных моральных категориях, к которым принадлежит в качестве одной из основных и вопрос о добре.

Одним из произведений, которые можно приурочить именно к разряду «о морали и ее корнях спрашивающих», принадлежит, несомненно, и повесть Михаила Петровича Арцыбашева «Смерть Ланде». Она появилась впервые в 1904 году и является, по нашему мнению, важной попыткой писателя откликнуться на один по сути дела экстремальный подход к добру. Интересна история создания повести, которая возникла позже, чем «скандальный» роман писателя – «Санин» написан в 1902 или в 1903 году. Кажется, что после того, как от возможности напечатать роман отказался журнал «Мир Божий» (МОГИЛНЕР 1999: 122), Арцыбашев решил написать повесть о совсем противоположном герое, абсолютном альтруисте; в таком случае многое в намерении писателя изобразить именно такой характер, каким представлен Ланде, стало бы

понятнее: это мог быть отчасти каприз, отчасти попытка выстроить контрастный тип человека и дать повод к сравнению.

Начнем с конца – или с начала? Рассказ ведь называется «Смерть Ланде» – и Ланде в конце действительно умирает. Он умирает один, в лесу, всеми забытый, больной, на мгновение на него недоверчиво смотрит только заяц. Даже мужики, которые нашли его труп, не похоронили его – слишком сильный дурной запах, идущий от трупа, воспрепятствовал им это сделать. Как говорится в последнем предложении рассказа: *«На этом месте из года в год особенно густо и радостно рос папоротник.»* (АРЦЫБАШЕВ 1994). Разве так – одинаковыми, в лесу, далеко от всех – умирают те, кто делают добро? Не напоминает ли это последнее предложение повести высказывание Базарова в беседе с Аркадием Кирсановым: *«А я и возненавидел этого последнего мужика, Филиппа или Сидора, для которого я должен из кожи лезть и который мне даже спасибо не скажет... да и на что мне его спасибо? Ну, будет он жить в белой избе, а из меня лопух расти будет; ну, а дальше?»* (ТУРГЕНЕВ 1897: 149) Но Базаров – один из прототипов лишнего человека. Вряд ли можно предполагать, что Арцыбашев воспользовался такой параллелью нечаянно – она же очевидна. Значит, стоит задуматься над тем, какое добро и по отношению к кому представляет собой Ланде и его деятельность.

Вопрос о добре, альтруизме, помощи угнетенным и т.д. стал насущим на рубеже 19-20 веков, тогда, когда его стали подчеркивать и Достоевский в Братьях Карамазовых и Идиоте, и Вл. Соловьев в своей триаде добро – красота – истина и в теоретической работе «Оправдание добра», и Л.Н. Толстой, который в своей «Исповеди» и «В чем моя вера» разработал теорию непротивления злу насилеи. Все по-своему решили не только назревший вопрос, связанный с вышеприведенной ломкой в обществе, загружающей индивида ответственностью за самого себя больше, чем когда-либо в истории. Нельзя не привести тут имя Ницше, сверхчеловек которого, наделенный правом играть другими в своих целях, многих провоцировал к размышлениям над вопросом о добре.

Задумываясь над вопросом о том, насколько все поступки Ланде представляют собой олицетворение добра, надо задать вопрос: Какое добро Ланде, по сути дела, сотворил? По отношению к кому он оказался добрым; как его поступки помогли тем, кто его окружали и кому надо было оказать помощь, кого надо было поддержать, кого надо было оберегать от зла?

По отношению к рабочим вершиловской мельницы Ланде поступает так, что деньги, сбереженные его отцом и доставшиеся ему по наследству, передает посреднику Шишмареву, чтобы тот передал их рабочим, причем не требует, чтобы деньги использовались на определенные формы помощи. Четыре тысячи рублей, о которых никто не просил, а которые Ланде сам решил отдать, могут, значит, и помочь рабочим, но могут

и растратиться полностью или отчасти – текст повести не дает ответа на вопрос о целесообразном использовании этих денег. Рабочие не поблагодарили Ланде за помощь, так что под вопросом остается, получили ли они эти деньги, помогли ли им они. Во всяком случае – текст не содержит никакой информации о содеянном добре, а лишь о жесте, о благодарном поступке Ланде.

Вторым, кто по мнению Ланде, нуждается в помощи, является Семенов – человек больной, обреченный на смерть, постепенно злящийся не весь мир и принимающий смерть только так, что желает ее всем другим существам, которые обречены на то, что его ждет в близком будущем. Уехав в Ялту на лечение, написав Ланде отчаянное и злящееся на весь мир письмо, он – по мнению Ланде – нуждается в помощи. Ланде решается поехать в Ялту, но, не собрав деньги на поезд, идет туда пешком. Простудившись, Ланде гибнет на пути к Семенову – захотев помочь другу (причем под вопросом стоит, насколько Ланде и Семенов остаются друзьями после отбытия Семенова в Ялту, так как их последний разговор оказался не очень дружеским), не сумел ничего для него сделать. Семенов, даже, кажется, никогда не узнает, что Ланде сочувствовал ему и что умер в дороге к нему. Значит, оказать ему помощь на деле, какой бы она ни была, Ланде не смог.

Не помог Ланде и Ткачеву – тот сначала последовал за идеями Ланде, но он не смог при их помощи улучшить свое голодное существование и стал красть. Вместо почтения наступило разочарование и даже желание отомстить Ланде, так как Ткачев мнит, что именно идеи Ланде воспрепятствовали ему вести себя так, чтобы можно было нормально существовать в обществе таком, какое оно и есть. Когда после нескольких перипетий, включающих эпизод попытки обокрасть самого Ланде, Ткачев возвращается к Ланде, усмотрев в нем нового проповедника, Ланде отказался от такой роли и, значит, обманул его доверие. Ткачев, кажется, представляет собой тип человека, которому нужна какая-нибудь вера, «путь», по которому надо идти, но сам такого пути не знает, не находит, а ждет направления извне. Когда он убедился, что Ланде по своей вере действительно поступает, он к нему возвращается, усмотрев в нем именно того, кого он ищет – праведника, который способен будет направлять на правильный путь не только его, а всех. Когда ему Ланде отказывает, Ткачев терпит крушение. Кажется, и по отношению к Ткачеву никакого добра не выходит, так как он чувствует себя обманутым, покинутым, оставленным без помощи и как одиночка, и как «изобретатель» новой религии.

Ланде не сотворил добра и по отношению к Молочаеву. Молочаев стоял отчасти в стороне, идеи Ланде его не очень интересовали, но он представлен в тексте повести как герой, обладающий физической силой. Он способен ее применить, защитить себя и других от физического насилия – Ланде в таком случае, как показывает текст повести, не

способен уберечь ни себя, ни Марью Николаевну. Хуже того – Ланде и в голову не приходит, что можно было бы защищаться. В отличие от Ланде, Молочаев действует не словом, а реально, прямо. Ланде помешал ему в любви к Марье Николаевне, так что Молочаев стал Ланде ненавидеть. И в этом, однако, проявляется основное противоречие между Ланде и Молочаевым – Молочаев наделен не только силой, но и эмоциями, которые взаимосвязаны с ней. У Ланде таких нет ни энергичных эмоций, ни физической силы. Он даже неспособен на активную физическую любовь к Марье Николаевне, которая ее естественно ожидает. Ее женское начало проявляет себя в ожидании не только склонности, вежливости, почтения, но и в ожидании физической любви.

Сама Марья Николаевна в момент, когда ей пришлось выбирать между Молочаевым и Ланде, выбрала именно Ланде. Потом она стала в глазах города его невестой, заботясь о нем, когда заболел, но в решающий момент получает от Ланде отказ. Он не способен на физическую любовь, для него любовь возможна лишь на уровне единения душ. Марья Ивановна чувствует себя осрамленной по сути дела дважды: во-первых, в глазах города, так как провела ночь с Ланде, во-вторых, в своих мыслях, так как ее тело чувствовало, что не только единение душ, но и единение тел создают полную любовь. (Опять можно напомнить о тургеневских героях – они не способны серьезно любить, отношение к женщине становится для них камнем преткновения и специфической проверкой их характера.) Помог ли ей Ланде тем, что отказал ей в том, что она считала само собой разумеющейся составной частью настоящей любви? Оказался он тем, кто способен вносить добро, гармонию, счастье в жизнь и мысли окружающих его людей?

Фирсов и его сын, в чью жизнь Ланде тоже вмешался, пытаясь воспрепятствовать физическому наказанию и травле ребенка, не имеют никакой пользы от его поступка, когда Ланде на короткое время спас мальчика от порки. Фирсов Ланде возненавидел и пишет на него донос, а своего сына он будет «воспитывать», т.е. пороть, и в будущем.

Остается Соня. Она, кажется, является единственным человеком, который верит в Ланде и в им проповедуемые идеалы еще и тогда, когда он уходит из города к Семенову. Но она слаба, она несамостоятельна, она – только тень Ланде, без него, т.е. без поддержки кого-нибудь, ничего не выйдет.

С матерью Ланде давно разошелся, между ними встала стена, когда она стала переубеждать Ланде и стала защищать имущество, доставшееся Ланде в качестве наследства. Все последующие контакты Ланде с матерью оборачиваются провалом возобновить теплые чувства и гармонию между ними.

Ланде, проповедующий любовь, понимание, помощь кому-угодно, действующий всегда так, чтобы никого не обидеть, никому не причинить зла, а преподносящий только добро, терпит крушение. Как только

натывается на активно действующего персонажа, Ланде оказывается пассивным, уступающим. В чем дело? Никто не понимает Ланде? Кажется, нет – все они понимают, о чем он говорит, чувствуют, что он живет по своим словам, не обманывая ни других, ни себя. Но их чувство жизни – плотской, «материальной», активной – не совпадает с тихим, покорным, каким-то даже безжизненным поведением Ланде.

Окружение не понимает Ланде или Ланде не понимает никого из своего окружения? Ведь такой абсолютный разлад трудно понять в случае героя, который проповедует добро и во имя добра способен терпеть, отказаться от имущества, от комфорта, от своей пользы, от своей личной жизни, от любви, даже от тех, кто способны считать его святым, что однако, близко почти ироническому выражению блаженнейший, как назвал его Семенов, или суровому определению Молочаева – юродивый.

Неудивительно, что в тексте очень часто в связи с Ланде встречаются выражения *один* или *одинокий*. Таким он и умирает – одиноким.

К счастью – литература не сама реальная жизнь. Арцыбашев пользуется возможностью создать модель абсолютно доброго человека, почти праведника и в критических ситуациях показать некоторые из возможных поступков последовательно действующего персонажа. Совершенно альтруистический Ланде служит писателю моделью, своеобразным пробным камнем. Оказывается, насколько можно судить по тексту повести, последовательное идеальное добро и реальная жизнь как-то не ладят.

Наиболее наглядным это становится именно в отношении Ланде и Марьи Николаевны. В определенном смысле смерть Ланде намечается не только в конце повести, а именно в том, что он не способен на физическую любовь, или же, она ему чужда, не вмещается в его понимание любви. Марья Николаевна, чувствуя любовь к Ланде, несколько раз ощущает свое тело, свое плотское бытие – оно ей подсказывает, что вместе с любовью душевной связаны и физические приметы любви. Она как молодая женщина ожидает от любви и физическое наслаждение, она хочет любить плотской любовью, она готова рожать детей. Отказ Ланде от физической любви – это по сути дела отказ от рождения детей, т.е. от продолжения жизни. Это – тест учения Ланде. Ланде не выдерживает этот тест – истинное добро, учитывающее сущность человека, добро так сказать естественного порядка ведь не может приводить к тому, что не станет детей. Именно в этой ситуации наиболее наглядно отвлеченное начало идей Ланде.

Ланде как проповедник действует так, что по сути дела предлагает от себя и идеи, и, в определенной мере, практические примеры того, как он себе представляет добро. Но если Вл. Соловьев в своей работе учитывает факт, что надо поддерживать в людях не все, чего они захотят, а только то, что считается положительным, то Ланде защищает и вора

и насильника Ткачева, зная, что он когда-то был сторонником его учения и что только определенные неблагоприятные условия привели его к краже и к насилию. Дело в том, что Ланде не осуждает его насильственное поведение, а принимает все, что Ткачев делает, защищает его и в момент, когда бешенный от злости Молочаев защищает Марью Николаевну от нападения. Интересно в данный момент то, что как раз – кажется в первый и в последний раз – Ланде способен на определенное проявление силы, энергии.

Ланде преподносит свое понимание добра другим, не спрашивая их, хотят ли они этого или нет. Это касается и Фирсова, и Молочаева, и рабочих, и наконец, Семенова. Все как индивидуумы обрисованные персонажи, однако, постепенно убеждаются в том, что такое добро, т.е. добро по идеям Ланде, не помогает им жить такой жизнью, которой они жаждут. Именно поэтому Ланде оказывается без друзей, без их поддержки. Он не стал новым Христом, которого на смерть осудили враги, а он гибнет сам от себя, не от врагов.

Факт, что Арцыбашев намекает на толстовство, ясен. Он пытается в своей модели такого поведения, доведенного до ландевского абсолюта, показать, что такое полное добро в реальной жизни вряд ли возможно. Он подбирает эпизоды, которые позволяют в обостренном виде подвергнуть главного персонажа тесту, позволяющему показать, насколько живущим и реальным является такой идеал добра. Оказывается, добро как этическая категория, отождествляется с определенным абсолютом, который, однако, стоит подвергнуть проверке в реальной жизни. В ней человек ищет совмещения этических принципов с тем, что подсказывают ему и его телесные, плотские чаяния, и его тяготение к личному счастью. Совместить личные интересы с интересами других так же, как и найти гармоническое соотношение возвышенных идеалов духовного порядка с самыми элементарными требованиями физической жизни – сложно. Одностороннее, полное предпочтение одного или другого начала бессмысленно. Стоит в этой связи напомнить о том, как именно к этой проблеме подходит Вл. Соловьев в своей работе «Оправдание добра»: *«Основное нравственное чувство стыда фактически заключает в себе отрицательное отношение человека к овладевающей им животной природе. Самому яркому и сильному проявлению этой природы дух человеческий, даже на очень низких степенях развития, противопоставляет сознание своего достоинства: мне стыдно подчиняться плотскому влечению, мне стыдно быть как животное, низшая сторона моего существа не должна преобладать во мне, — такое преобладание есть нечто постыдное, греховное. Это самоутверждение нравственного достоинства – полусознательное и неустойчивое в простом чувстве стыда действием разума возводится в принцип аскетизма.*

Предмет отрицательного отношения в аскетизме не есть материальная природа вообще. Нельзя найти такой точки зрения, с которой бы можно было разумно утверждать, что эта природа, объективно созерцаемая – в сущности ли своей или в явлениях, – есть зло» (СОЛОВЬЕВ). Значит, и такой авторитетный мыслитель 19-го века признает человеку право на проявления своих естественных потребностей, не считает их несочетаемыми с добром. Ланде по сути дела – проповедник аскетизма. И хотя Соловьев предполагает, что это чисто рациональная операция, у Ланде она становится сочетаемой с божественным. Рациональное начало, кажется, сокрыто в том, что Ланде отождествляет аскетическое по сути дела отречение от имущества, от благополучия, от телесной любви. Проблема Ланде заключается в том, что он идеалы аскетизма доводит до абсолюта и живет по этому абсолюту. Его окружение это видит и оценивает. Ланде для них, с одной стороны, пример, с другой стороны он для них неприемлем, потому что они не хотят стать аскетами. Когда дело доходит до конфронтации их жизненных целей с идеями, проповедуемыми Ланде, то они чувствуют, что ландевские идеи препятствуют им жить по-своему, по своим идеалам – и Ланде становится для них то неприемлемым, то даже врагом, диктующим им своим поведением и иногда и словами его же идеалы. На примере Ланде Арцыбашев как будто демонстрирует то, что утверждает Заратустра Ницше: *«...повелевать труднее, чем повиноваться. И не потому только, что повелевающий несет бремя всех повинующихся и что легко может это бремя раздавить его.»* (НИЦШЕ) Ланде воспринимается в конце концов как тот, кто своим примером и своими действиями навязывает, (т.е. в определенном смысле повелевает) окружающим его людям свой способ мышления и поведения, иногда даже добровольно берет на себя их судьбы. И кончается раздавленным...

По нашему мнению, Арцыбашев этим тестом готовил почву для подобного, уже проделанного эксперимента, однако с совершенно другим героем. Через довольно короткий промежуток времени писателю, наконец, удалось опубликовать роман «Санин», героем которого стал еще до Ланде во многих своих качествах как раз противоположный тип молодого человека. Но это – особая история.

Литература

- АРЦЫБАШЕВ 1994 = АРЦЫБАШЕВ М.П. Смерть Ланде // Арцыбашев М.П. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. Москва, 1994. Цитируется по: http://az.lib.ru/a/arcybashew_m_p/text_0170.shtml (доступ 17. 11. 2016)
- МОГИЛНЕР 1999 = МОГИЛНЕР М. Мифология „подпольного человека». Радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. Москва, 1999.
- НИЦШЕ = НИЦШЕ Ф. Так говорил Заратустра. Цитируется по: <http://lib.ru/NICSHF/zaratusra.txt> (доступ 18. 11. 2016)
- СОЛОВЬЕВ = СОЛОВЬЕВ В. Оправдание добра. <http://predanie.ru/solovev-vladimir-sergeevich/book/71554-opravdanie-dobra/> (доступ 18. 11. 2016)
- ТУРГЕНЕВ 1897 = ТУРГЕНЕВ И.С. Отцы и дети // ТУРГЕНЕВ И.С. Полное собрание сочинений И.С. Тургенева. Т. 2. С.-Петербург, 1897. 1-237.

Dudás Előd
(Budimpešta, Mađarska)

MAĐARSKI UTJECAJ NA RAZVOJ KAJKAVSKE GRAFIJE

Abstract: This article presents the historical development of Kajkavian Croatian spelling in the second half of the 16th century. It focuses on graphemes not in the Latin alphabet whose representation posed a major problem for the first writers of Kajkavian Croatian. It discusses the Hungarian influence of individual graphemes in the first three books of the Kajkavian Croatian literary language.

Keywords: development of Kajkavian Croatian spelling, linguistic contact, Hungarian influence, consonants

0. Uvod

Povijest hrvatske grafije je jako zanimljiva i dinamična, puna promjena i različitih utjecaja. Možemo reći da važi za jednu od najzanimljivijih na srednjoeuropskom prostoru, mada su se i grafije drugih srednjoeuropskih naroda razvijale i mijenjale također pod utjecajem različitih tokova. Možemo se složiti s Lászlom Hadrovicsem koji kaže da hrvatska grafija „*nije organički povezana zgrada nego mukom sastavljeni mozaik*” [moj prijevod sa njemačkog, E.D.] (HADROVICS 1994: 8).

U Hrvata je bilo u uporabi više pisama: najprije, od početka pismenosti glagoljica, zatim ćirilica/bosančica, dok se u 14. stoljeću pojavljuje i latinica. Prvi hrvatski tekst koji je pisan latinicom jest *Red i zakon sestara dominikanki u Zadru* iz 1345 g. Iz istog doba imamo još i *Šibensku molitvu*, ali se latinica proširila tek tijekom 15. stoljeća (VINCE 1978: 72).

1. Dvojna tradicija latinske grafije kod Hrvata

Na razvoj latinice su na srednjoeuropskom prostoru utjecali crkva i izgovor određenih latinskih glasova (HADROVICS 1951: 165). Što se tiče povijesti latinice u Hrvata, možemo vidjeti da postoje dvije tradicije, vezane uz određeno područje, koje su utjecale na razvoj grafije na različiti način. Dvojna je tradicija sačuvana sve do nastupa Ljudevita Gaja u 19. stoljeću, mada su i prije postojali pokušaji reformiranja hrvatske grafije (usp. HADROVICS 1966). U Primorju, Dalmaciji i na otocima očit je talijanski utjecaj, što je sasvim razumljivo, jer su ova područja bila u neposrednome dodiru s Talijanima i Mletačkom Republikom kroz stoljeća. Na ovom području visoko

je svećenstvo bilo talijanskoga podrijetla, dok su niži svećenici svi bili hrvatskog porijekla, mada su svi dobro znali i talijanski pored svog materinskog jezika. (HADROVICS 1994: 9). Sve to je utjecalo na razvoj latinice, što se da vidjeti iz latinskoga suglasničkog skupa /-gn-/ > /nj/, npr. lat. *regnum* > hrv. *renjum*; iz latinskoga suglasničkog skupa /-sc-/ > /š/, npr. lat. *descendo* > hrv. *dešendo* (HADROVICS 1994: 9).

Tradicija je bila sasvim drugačija na sjevernom dijelu Hrvatske, zapravo na području Zagrebačke biskupije (osnovao ju je 1094 g. kralj Sveti Ladislav), gdje vidimo utjecaj mađarskog izgovora latinskih glasova. U srednjovjekovnom mađarskom jeziku su lat. /s/ izgovarali kao [š], a u međusamoglasničkom položaju kao [ž], npr. lat. *sanctus* > hrv. *šanktuš*, lat. *rosa* > hrv. *roža*. Ovaj su način izgovora latinskog /s/ mađarski istraživači obrazlagali sjevernotalijanskim ili njemačkim utjecajem (BALÁZS 1989: 121; KNIEZSA 1952: 69). Izgovor latinskog /s/ prema mađarskoj tradiciji bio je proširen na cijelom području Zagrebačke biskupije. Poznata je i činjenica da Zagrebačka je biskupija bila pod nadzorom Ostrogoanske, kasnije Kaločke nadbiskupije, što je značilo da su i liturgičke knjige stizale do Hrvata mađarskim posredovanjem. Time je također bio osiguran utjecaj srednjovjekovnog mađarskog latiniteta. Naravno, ne smijemo zaboraviti ni utjecaj grafije mađarske kraljevske kancelarije. Zvali su je kancelarijska grafija i upotrebljavali je od 11. do 15. stoljeća. Ova se grafija mijenjala gotovo u svakom stoljeću. Grafemi te grafije stizali su i do Hrvata uz pomoć liturgičkih knjiga i zbornika.

Najveću je teškoću predstavljalo označavanje onih glasova koji ne postoje u latinskome jeziku. Ovu su teškoću rješavali na različite načine, npr. uporabom dijakritičkih znakova ili kombinacijama više slova (KOROMPAY 2005: 281). Budući da i hrvatski i mađarski jezik imaju zajedničke glasove koji ne postoje u latinskom jeziku, najjači mađarski utjecaj možemo očekivati u njihovu označavanju. Zbog tijesnih i intenzivnih dodira između Hrvata i Mađara kroz cijeli srednji vijek čini se sasvim razumljivim da su slijedili mađarski način označavanja pojedinih glasova.

2. Kajkavski književni jezik i grafija

Početke kajkavskog književnog jezika nalazimo u drugoj polovici 16. stoljeća. Prva je tiskana knjiga na kajkavskom jeziku bila prijevod poznatog zakonika Istvána Werbőczya. Prijevod je djelo varaždinskog bilježnika Ivana Pergošića. Objelodanjen je bio 1574. g. u Nedelišću. Pored Pergošića imamo još jednog pisca iz ovog razdoblja, Antuna Vramca, koji je 1578. g. izdao jednu kroniku svijeta. Nakon te knjige je sastavio i zbirku propovijedi koja je bila objelodanjena 1586. g. pod naslovom *Postilla*.

Dosad su o razvoju kajkavske grafije najviše pisali Tomo Maretić i Antun Šojat. Tomo Maretić (1889) je u svojem poznatome djelu o povijesnom razvoju latinske grafije kod Hrvata dao je kratak pregled i o razvoju kajkavske grafije

kod pojedinih pisaca. Antun Šojat (1970) se u svojoj raspravi bavio početcima kajkavske grafije, zapravo onim razdobljem njezinog razvoja koje jest predmet i našeg sljedećeg istraživanja. Mađarski utjecaj na kajkavsku grafiju obrazlaže ovako: „*Vjekovna povezanost s Mađarima, odvojenost, politička i stvarna, od dalmatinskih Hrvata i utjecaja talijanske kulture, odbojnost prema njemačkoj kulturnoj sferi, reprezentiranoj politikom carske Austrije, upućuju prve kajkavske pisce na široko otvaranje vrata mađarskom utjecaju, pa su oni, u tom smislu, prihvatili i označivanje svojih glasova grafemima i načinom bilježenja paralelnih ili sličnih mađarskih glasova.*” (ŠOJAT 1970: 266).

U sljedećoj ću raspravi potanko predstaviti sve one grafeme u čijoj se uporabi vidi mađarski utjecaj.

3. Mađarski utjecaj na razvoj kajkavskih grafema

Za istraživanje mađarskog utjecaja na kajkavsku grafiju glavni izvori bila su mi prva tri izdanja kajkavskog književnog jezika. Kajkavska se grafija oblikovala u prvim tiskanim knjigama, što znači da kasnije nije doživjela veće promjene. Način pisanja prvih autora bio je uzor i za pisce 17., čak i 18. stoljeća, a u međuvremenu je dolazilo samo do manjih preciziranja pri uporabi pojedinih grafema. Mađarski se utjecaj vidi po uporabi grafema u označavanju glasova *c, č, lj, nj, s, š* i *ž*. Predstavljam grafeme za označavanje spomenutih glasova iz svih triju tiskanih knjiga 16. stoljeća po pojedinim izdanjima.

Preglednica grafema

	Pergošić, 1574.	Vramec, 1578.	Vramec, 1586.
/c/	cz, c	cz	cz
/č/	ch	ch	ch
/lj/	ly		
/nj/	ny	ni	ni
/š/	ſ, ſſ - u međusamoglasničkom položaju	ſ, ſſ - u međusamoglasničkom položaju, s	ſ, ſſ - u međusamoglasničkom položaju, s
/s/	sz, β	sz, z - ispred suglasnika t i samoglasnika, ſz	sz, z - ispred suglasnika t i samoglasnika, ſz
/ž/	ſ	ſ, sh - na početku riječi, s	ſ, sh - na početku riječi, s

Grafem *cz* je jedan od najstarijih slova mađarske grafije koji se prvi put pojavljuje oko 1430. g. i potječe iz češke grafije Jana Husa (KNIEZSA 1959: 7). U mađarskoj je grafiji bio u uporabi do 1922. g. Grafem *c* pojavljuje se već i u određenim poveljama iz 11. stoljeća, ali se širi tek tijekom 20. stoljeća i još ga i dan-danas upotrebljavamo.

Označavanje glasa *č* bilo je jedinstveno u prvim kajkavskim knjigama uporabom grafema *ch* koji je mađarska grafija imala već u 11. stoljeću, a širi se tek s katoličkom grafijom u 16. stoljeću.

Grafem *ly* i *ny* nalazimo isključivo u Pergošićevu prijevodu. Oba su iz 13. stoljeća i još i danas ih upotrebljavamo u suvremenoj mađarskoj grafiji (KNIEZSA 1959: 34).

Među grafemima za označavanje glasa *š* mađarski utjecaj odražava jedino slovo *s* koje se prvi put pojavljuje u 11. stoljeću i još i danas je u uporabi. Uporabu drugih grafema možemo obrazlagati njemačkim utjecajem.

U uporabi grafema za označavanje glasa *s*, slova *sz* i *ŝz* odražavaju mađarski utjecaj. Posljednje se pak pojavljuje isključivo u Vramčevim knjigama. Oba slova potječu iz protestantskih grafija 16. stoljeća. Slovo *sz* se prvi put pojavljuje u grafiji Jánosa Sylvestera (KNIEZSA 1959: 34), dok je slovo *ŝz* iz grafije Gáspára Heltaia iz šezdesetih godina 16. stoljeća (KNIEZSA 1959: 18). Osim toga, možemo dodati da su i grafem *z* upotrebljavali u mađarskoj grafiji od 11. stoljeća za označavanje glasa *s* (KNIEZSA 1959: 6).

Označavanje glasa *ž* odražava mađarski utjecaj jedino u slučaju slova *s* koje su prvi put upotrijebili za to 1549. g. u knjizi *Ortographia Ungarica* Mátyása Dévaia Bíróa.

4. Zaključak

U raspravi sam predstavio mađarski utjecaj na razvoj kajkavske grafije u 16. stoljeću. Ovim kratkim pregledom pokazao sam da je mađarski utjecaj vidljiv ne samo u posuđenicama i prevedenicama, nego i kod pojedinih grafema. Temeljitiše istraživanje ovog područja bi svakako obogatilo naše znanje o mađarsko-hrvatskim jezičnim vezama, te stoga predstavlja još jedan u nizu jezikoslovnih izazova. Pored toga možemo ukazati i na uporedne pojave u razvoju grafije prekomursko-slovenskog književnog jezika (up. DUDÁS 2012) i gradišćanskog književnog jezika. Potonji je temeljitije predstavio László Hadrovics (1974: 46-53) u svojoj opsežnoj monografiji o gradišćansko-hrvatskom književnom jeziku 18. i 19. stoljeća. Sve to nam kazuje da su se grafije ovih regionalnih književnih jezika razvijale pod utjecajem pojedinih mađarskih grafija kroz stoljeća. Naravno, ima i razlike u njihovu razvoju te bi bio zanimljiv zadatak predstaviti zajedničke točke razvoja a tako izvedena poredbena analiza bi svakako pokazala zanimljive rezultate.

Literatura

- BALÁZS 1989 = BALÁZS J. A latin a Duna-tájon // Nyelvünk a Duna-tájon. Ur. János Balázs. Budapest, 1989. 95-140.
- DUDÁS 2012 = DUDÁS E. Primerjalni zgodovinski razvoj prekmurskega črkopisa // Jezikoslovni zapiski, 2012. № 2. 149-165.
- HADROVICS 1951 = HADROVICS L. A XVI. századi protestáns horvát nyomtatványok helyesírása // A Magyar Tudományos Akadémia Nyelv- és Irodalomtudományi Osztályának Közleményei, 1951. 164-172.
- HADROVICS 1966 = HADROVICS L. Pokušaj reforme latiničkog pravopisa 1785 godine // Beogradski universitet. Anali filološkog fakulteta, 1966. № 5. 268-272.
- HADROVICS 1974 = HADROVICS L. Schrifttum und Sprache der burgenländischen Kroaten im 18. und 19. Jahrhundert. Budapest, 1974.
- HADROVICS 1994 = HADROVICS L. Zur Geschichte der kroatischen Rechtschreibung im XVIII. Jahrhundert // Segédkönyv a szlavisztikai szemináriumi gyakorlatokhoz. Hadrovics László válogatott írásaiból. Ur. István Nyomárkay. Budapest, 1994. 7-40.
- KNIEZSA 1952 = KNIEZSA I. A magyar helyesírás története. Budapest, 1952.
- KNIEZSA 1959 = KNIEZSA I. A magyar helyesírás története: második, javított kiadás. Budapest, 1959.
- KOROMPAY 2005 = KOROMPAY K. Helyesírás-történet // Magyar nyelvtörténet. Ur. Jenő Kiss, Ferenc Pusztai. Budapest, 2005.
- MARETIĆ 1889 = MARETIĆ T. Istorija hrvatskoga pravopisa latinskijem slovima. Zagreb, 1889.
- ŠOJAT 1970 = ŠOJAT A. Pravopis stare kajkavske književnosti // Filologija, 1970. № 6. 265-282.
- VINCE 1978 = VINCE Z. Putovima hrvatskoga književnog jezika. Zagreb, 1978.

Dudás Mária
(Budapest, Magyarország)

A *HARAG* KONCEPCIÓJA A MAGYAR ÉS
A BOLGÁR FRAZEOLÓGIÁBAN

Abstract: The study presents the manifestations of anger in the Bulgarian and Hungarian phraseology. The corpus of the study includes more than 200 Hungarian and Bulgarian phrasemes. Anger is a strong uncomfortable and emotional response to a perceived provocation, hurt or threat. It is a hostile and negative but natural emotion necessary for survival. It is one of the ten basic emotions and one of the seven deadly sins. Anger has many synonyms in both languages. In the Bulgarian and Hungarian phraseology anger appears as a poison, a dangerous animal, killing etc. Besides emotional level it can manifest on body level in high blood pressure or increased body temperature, it often appears in the eyes and influences someone's look.

Keywords: anger, wrath, emotion, phraseology

A világ nyelvi képe mindig is foglalkoztatta a nyelvészeket. Bańczerowski 2008-ban megjelent monográfiája a témát több oldalról is megközelíti. Pontosítja a világ nyelvi képének meghatározását: „azok által a nyelvhasználók által tapasztalt objektívan létező valóságnak a képe, akik hasonló tapasztalatokkal rendelkeznek, és hasonló elveket vallanak”, valamint „a valóságról szóló tudásfajta [...], amely egyidejűleg a tudás hordozóját is feltételezi” (BAŃCZEROWSKI 2008: 142). A második valóság az első, objektív, fizikális valóság metaképe, amelyet az ember alkot meg saját világnézete szerint, és amely a világ nyelvi, tudományos és kultúrképét is magában foglalja. A világ nyelvi képe Bańczerowski szerint a következőkben manifesztálódhat: grammatikai struktúrák, szókészlet és frazeológia, szintaxis és a szöveg struktúrái, szemantika, etimológia, stilisztika, onomasztika és a nyelvi etikett (BAŃCZEROWSKI 2008).

A világ nyelvi képének elemzése lehet tematikus, komparatív; a kutatások jelentés, összetevő, grammatikai felépítés szerint épülnek fel. A komparatív frazeológiai kutatások előtérbe kerültek az utóbbi években, sokan elemzik két vagy több nyelv frazeológiai állományát különös tekintettel a szláv nyelvekre, ld. magyar és lengyel (BAŃCZEROWSKI 2007, DZIEWOŃSKA-KISS 2010), szláv és litván (ПООБОА 2010).

A tanulmány a harag manifesztációját mutatja be a magyar és a bolgár frazeológiában. A *harag* a magyar értelmező szótárak szerint vélt sérelem, igazságtalanság vagy erős nemtetszés keltette bosszús indulat, illetve indulatos lelki állapot. Sértődésből, neheztelésből fakadó ellenséges viszony (MÉK 2003: 491). A pszichológusok szerint elsődleges, természetes érzelmi reakció, amely elengedhetetlen a túléléshez. Mind a két nyelvben több szinonimája van. A magyarban: *düh*, *bosszankodás*, *méreg*, *zsörtölődés*, *duzzogás*. A bolgárban: *яд* „düh, harag”, *раздразненост* „ingerültség, felindultság”, *ядовитост* „haragosság”, *ярост* „dühöngés, tombolás”, *свирепост* „dühödtség”, *людост* „örültség”, *бяс* „bősz harag”.

A tíz alapérzelem egyike: öröm, fájdalom (bánat), érdeklődés (izgalom), meglepődés, harag (düh), undor, megvetés, félelem, szégyen, büntudat (JUHÁSZ–TAKÁCS 2006: 85). A keresztény vallásban ismert hét főbűn egyike: kevélység, fősvénység, bujaság, irigység, torkosság, harag, jóra való restség.

A tanulmány korpusza több mint 200 magyar és bolgár frazémából áll. A tanulmányban először azokat a frazémákat mutatjuk be, amelyek mind a két nyelvben megtalálhatók. Végül pedig azokat, amelyek csak az egyik nyelvre jellemzők. A frazémák elsődleges jelentése dühös, haragos, nagyon mérges, ingerlékeny, amennyiben ettől eltér a jelentés, a példánál feltüntetjük. A csoportosítás a frazémák összetevői szerint történik. A bolgár példánál feltüntetjük a szó szerinti magyar jelentést. A bolgár frazémák egyes szám első személyűek, de a fordítás során a magyar nyelvre jellemző általános, egyes szám harmadik alakot adjuk meg. A bolgár példák osztályozásánál Popova csoportosítását követjük¹.

A *harag* mind a két nyelvben méregként jelenik meg. A magyarban lehet bennünk lévő méreg, amely el akar pusztítani: *méregbe gurul*; *pukkadozik a méregtől*; *majd felrobban méregében/a méregtől*; *majd megesz/megöl/szétvet a méreg*; *majd megpukkad/szétrobban/szétpattan a méregtől*.

A bolgárban olyan méreg, amelytől meg akarunk szabadulni: *блювам гущери и чемери* „gyíkot és gyötrelmet okád”; *блювам зехур* „mérget hány”; *бълвам отрова* „mérget hány” – tehát egy rendkívül erős indulat, düh, amelytől csak hányás segítségével tudunk megkönnyebbülni. A *бълвам* és *блювам* igék (régies, elavult nyelvjárási alakok) jelentése: valamit nagy erővel kivetek magamból, kihányok, kiokádok. Érdekes a *чемер* és *зехур* komponens megjelenése. A rodopei nyelvjárásokban előforduló *чемер* jelentése „mérreg, gyötrellem, átok, ördög” és nagy valószínűséggel kapcsolatban áll *чемерика* növényt, amely egy mérgező gyógynövény (magyarul Zászpa). A *зехур* szintén nyelvjárási alak, jelentése „mérreg, düh, gonoszság”.

A *haragot* gyakran betegséggel párosítjuk, hiszen egy sor fizikai, testi reakció kíséri. Hatással van az emberi közérzetre, súlyos esetben az egészségre és testi épségre. A *harag* mint erős érzelmi állapot fizikai

¹ Popova Kataszina 2016-ban tartott előadást az ELTE-n a *harag* fogalmáról a bolgár frazeológiában. A bolgár példaanyag az elhangzott előadást követi.

tüneteket okozhat, például felboríthatja a hőháztartást: *gőzöl a feje; forr benne a düh; forr a haragtól; forr benne a méreg; forr az epe; felforr az agyvize/vére/az epéje*. Panaszt okozhat a belső szervekben: *epeömlést kap; megszakad a lépe*; egy betegség veszélye megjelenhet: *eldurran/bedurran/szétdurran az agya; agyvérzést kap; elveszti a józan esztét; guta kerülgeti/majd megüti a guta; ideget kap*. Azok a frazémák, amelyekben megjelenik a guta kifejezés egy második jelentéssel is kiegészülnek. Akkor is használja őket a magyar nyelv, ha azt akarja kifejezni, hogy nagyon melege van, a hőségétől is lehet gutaütést kapni.

A bolgárban is megjelennek a betegségre utaló tünetek, esetleg maga a betegség is: *възвиря ми/възври ми дроба* „felforr a mája”; *възвират ми/възврат ми червата* „felforrnak a belei”; *смъдва ме/смъдне ме под лъжичката* „megsajdul az epém alatt”.

A szláv kultúrában a *haragot* a májjal vagy az epével azonosítják, amelytől a szervezet meg akar szabadulni: *изливам си/изляя си жлъчката, срещу някого* „kiönti az epéjét vki ellen”; *пукна ми се/пукне ми се, спуква ми се/спука ми се жлъчката* „kipukkant/kidurran az epéje”.

Erős indulatában az ember veszít fizikai és érzelmi stabilitásából, kitartásából. Eljőhet a pillanat, amikor a *harag* elhatalmasodik az emberen és elveszti türelmét, és már a *harag* irányít: *kijön/kihoz a béketűrésből/ a sodrából; скъсвам/скъсам нервите, на някого* „eltépi az idegeit vkinek”; *изваждам/извадя, изкарвам/изкарам от релсите/от (из) търпение, някого* „kihozza a sorompók közül (a béketűrésből)”; *излизам/изляза от (из) търпение* „elveszti türelmét”.

Sokszor a *harag* vérnyomás emelkedéssel jár, kitágulnak az erek és mindent előnt a vér: *a vér az arcába szökik/ a fejébe tódul; качва ми се/качи ми се кръвта в главата* „felszállt a vér az agyába”; *разиграва ми се/разиграе ми се кръвта* „jár bennem a vér”.

A vérbe boruló arc, szem is indulatos érzelmi állapotról árulkodik: *vérbe borul a szeme; vérben forog a szeme; vérben forgó szemekkel; наливам ми се/наляят ми се очите < с кръв >* „előnti a szemét a vér”; *става ми/стане ми кръв пред очите* „vér jelenik meg a szeme előtt”.

Az érzelmekhez színek kapcsolódnak. A piros/vörös szín a *haragra* utal: *vörös lesz a feje*. Hasonlatokkal kifejezve: *olyan piros/vörös a feje/az arca, mint a cékla; vörös, mint a (főtt) rák/a paprika/a pulyka*. Más színek is kapcsolódnak a *haraghoz*: *kékre, zöldre válik; ставам/стана син-зелен* „kék-zöldre válik”; *belilul a feje/az agya; lila lesz a feje; почернял като незул* „elfeketedik, mint egy falmélyedés”. A konkrét színeken kívül az elsötétedés is jellemzi a *haragot*: *a szeme előtt elsötétül a világ; притъмнява ми/притъмнее, причернява ми/причернее ме пред (на) очите* „elsötétedik/elfeketedik a szeme előtt”.

A habzó száj vagy csikorgó fogak is elárulják az ember érzelmeit: *habzik a szája; пяна ми излиза/излезе от устата* „hab jön ki a szájából”; *с пяна на уста <та >* „habbal a száján”; *csikorgatja a fogát; скърцам < със > зъби* „csikorgatja a fogát”.

A szem a lélek tükre tartja a mondás, amely a *haragra* is igaz, hiszen a szemben tükröződik. A *haragos* embert a leggyakrabban a tekintete árulja el: *szúrós szemmel méreget; vasvillaszemekkel néz; úgy néz vkire, mintha apját-anyját megölte volna; gyilkol/öl a tekintete/a szeme; gyilkos szemmel méreget; majd felnyársal a szemével; изпод (под) вежди, гледам/поглеждам* „a szemöldöke alól néz”; *не се седи насреца ми* „nem lehet vele szembe ülni”.

A *harag* egyik tipikus megjelenési formája a rombolás, a pusztítás. Amikor az ember elveszíti a nyugalmát, a *harag* elhatalmasodik fölötte, tör-zúz: *tépi a haját; дера кърпи* „szétszakítja a kendőket”; *разцених си пазвата* „kettéhasítja a ruha dekoltázsát”.

A *harag* megjelenhet természeti csapás képében: *villámokat szór a szeme; szikrákat hány a szeme; мятам мълниш/светкавици* „villámokat szór/hány”. Magas hőmérséklettel járó csapás: *tüzet hány; огън и пламник* „tűz és láng”; *огън и пламък* „tűz és láng” – ezt olyan emberre mondják, aki rettentően mérges, dühös; *горя, не кадя* „ég, nem füstöl”.

A következő példák már csak az egyik nyelvben fordulnak elő, nem találtunk megegyező frazémákat. A magyar és bolgár nyelv frazeológiáját elemezve megállapíthatjuk, hogy a magyar nyelvre oly jellemző hasonlatok, a bolgárban nem vagy csak nagyon ritkán található meg (ld. DUDÁS 2016).

A harag kifejezésére is számos hasonlat ismert. *Mérges, mint a kutya; mérges, mint a (kurta) kígyó; mérges, mint a hörcsög; mérges, mint a pulyka; mérges, mint a paprika; olyan, mint a kakas; olyan, mint a küldött farkas; olyan, mint a pulykakakas; olyan, mint a puskapor; hamar felrottyan, mint a forró kása.* A magyarban a *haragot* főként állatokhoz hasonlítjuk, amelyek természetére is jellemző a harag.

A magyar nyelvben a *harag* képes ölni: *gyilkos kedvében van; szinte gyilkol/öl a tekintete; úgy néz valakire, mintha apját-anyját megölte volna.*

A bolgár nyelvben *harag* rossz étel, kellemetlen íz, fájdalmat okozó növény képében is megjelenik. A csalán csípős, mint a *harag*: *гъби и коприва ям* „gombát és csalán esik” – fenyeget vkit haragjában, rosszindulattal, fenyegetően beszél vki ellen; *никал на коприва* „csalánra vizelt” – nagyon dühös. A *harag* íze kellemetlen, mint az ecet: *изтурям си/изтуря си оцета* „kiteszi az ecetét”, azaz kiönti a haragját; *кисел като турчин през (на) рамазан* „savanyú, mint a török a ramadán idején” nagyon dühös, *haragos*. A harag és a kátrány között is van párhuzam: *катран ми капе от брадата* „kátrány csöpög az államból”, vagyis elfeketedtem dühömben. Az erős *harag* bolgárul яд „düh”, amelyből *ягорида* szót képezték „eretlen, savanyú szőlő” jelentésben, amely az erős felindultság, harag, düh szimbóluma.

A *harag* lehet rossz erő. A *harag* negatív érzelem, amely a lehető legrosszabb erővel azonosítható – magával az ördöggel. *Вземат ме/хващат ме/хванат ме/прихващат ме/прихванат ме дяволите* „elvisz/elfog/elkap az ördög”; *перват ме/пернат ме дяволите* „meglegyint az ördög”; *не съм на*

себе си „nem vagyok magamnál”. Egy régi bolgár szokáshoz kapcsolódik a *превземат ме русалиште* „meghódítanak a ruszalik” frazéma, amely nagyon erős *haragot*, dühöt jelent. A *ruszalik* gonosz, ártó tündérek, akik néha segítettek egy-egy súlyos betegség gyógyulásban. A népi mondákban mitikus női teremtmények voltak, akik az erdőkben vagy vizekben éltek, a görög nimfákhoz hasonlóan. Léteztek férfi teremtmények is, akik termékenységet hoztak, gyógyítottak és elkergették a démonokat. Ez a frazéma a bolgár nép kultúrájához kapcsolódik, amely egy régi népszokásra utal vissza, melynek köszönhetően ma pontosan értelmezhető (ГЕОРГИЕВА 1993: 161-162).

A *harag* egy olyan veszélyes állapot, amelyik bennünk van, ezért szeretnénk tőle megszabadulni, kilöknünk magunkból. Olyan állatok képében, mint a gyík, béka, kígyó, darázs, kutya. Haragnak, marnak, csípnek, mérget választanak ki: *блюдам гущери и жаби* „gyíkot és békát okád”; *блюдам <зелени> гущери* „zöld gyíkot okád”; *бълвам <зелени> гущери; бълвам змии <и гущери>* „zöld gyíkot/ kígyót és gyíkot hány”; *змии варя* „kígyót főz” – fortyog a haragtól; *заяли са ме кучетата* „megeszik a kutyák”; *на оса (осу) пикал* „darázsra vizelt”. A szláv népeknél a kígyó a gyűlölet szimbóluma (ГЕОРГИЕВА 1993: 20-21). A gyík testén a zöld és barna színek különböző árnyalatai a bolgár köztudatban *harag* színét jelentik: *позеленявам/позеленея като гущер* „megzöldül mint a gyík”.

A *harag* is megjelenhet mint összetevő a frazémákban. A magyar ember bosszanthatja a másikat, azaz *haragra ingerel*. Így a másik fél *éktelen haragra gerjed/gyullad/lobban*, de állhatatos is a magyar, hiszen *haragot tart/haragban áll*. Van, hogy *haragját elteszi holnapra*, vagyis dühének kinyilvánítását későbbi időpontra halasztja. Vigyázni kell, mivel a *harag rossz tanácsadó*, mérgünkben olyan dolgot tehetünk, amit később megbánunk. Tréfás kifejezésekben is megjelenik – a *harag árt a szépségnek*, mivel aki haragszik, sokszor csak magának árt. És egy jó tanács: *a szakáccsal nem jó haragban lenni*, legyünk jóban azokkal, akiktől jót várunk.

A bolgárban is megtaláljuk a *яд* „harag” kifejezést a következő frazémákban: *бера ядове* „haragot szed”; *яд ми капе на сърцето* „harag csepeg a szívére” haragszik jelentésben, de a bolgár ember nem tartja magában a haragot, inkább kiadja azt: *вадя си/изваждам си/изкарвам си яда* „kiadja a haragját” vagy *изливам си яда* „kiönti a haragját”.

A *harag*, mint alapérzelem mind a két nyelv frazeológiai készletében nagy számban fordul elő. Sok a közös vonás, de vannak csak az egyik nyelvet jellemző sajátosságok. Mind a két nyelvben a *harag*, mint mérge, mint testi tünet, mint betegségre utaló jel jelenik meg, amelytől a test meg szeretne szabadulni, ezért a frazémákban gyakran fordul elő (kifelé történő) mozgást jelentő ige. A belső szervek is felbukkannak a frazémákban. A magyarban az epe és a lép, a bolgárban az epe, a máj és a belek. A vér két helyzetben képezi kifejezések részét, amikor megemelkedik a vérnyomás és a fejbe tódul,

valamint a szemekben megjelenő vér utalhat az erős negatív érzelmekre. Mind a két esetben a vér látványosan feltűnik és a másik fél számára láthatóvá válik. Színek szintén kapcsolódnak a haraghoz, a piros és vörös szín utal az erős felindulásra, a kék és zöld az arc sápadtságára, a lila az irányíthatatlan indulatra és végül a fekete, az elsötétedés, amely az indulatainak áldozatul esett embert jellemzi. Mind a két nép frazéma készletében a haraghoz kapcsolódnak állatok és növények. A magyarban a rák, a pulyka, a kutya, a kígyó, a hörcsög, a kakas, a farkas, a bolgárban a gyík, a béka, a kígyó, a darázs és a kutya. Közös pont a kutya és a kígyó. A növények tekintetében nincs ilyen választékosság. A magyarban a cékla, a paprika, a bolgárban a csalán és gomba jelenik meg. A magyarban sok a hasonlat. A bolgárban a színek és az állatok fordulnak elő gyakrabban, több frazéma összetevőit képezik. A bemutatott példák alapján levonható összegzés, hogy a *harag* negatív fogalmak és jelenségek széles spektrumát fedi le: mérge, rossz erő, betegség, természeti csapás, rombolás, pusztítás.

Irodalom

- BAŃCZEROWSKI 2007 = BAŃCZEROWSKI J. Nemzeti sztereotípiák a magyar és a lengyel közmondásokban és frazeológiai kapcsolatokban // Magyar Nyelvőr, 2007. № 1. 74-78.
- BAŃCZEROWSKI 2008 = BAŃCZEROWSKI J. A világ nyelvi képe. Budapest, 2008.
- ГЕОРГИЕВА 1993 = ГЕОРГИЕВА И. Народна митология. София, 1993.
- DUDÁS 2016 = DUDÁS M. Национални стереотипи в българската и унгарската фразеология // Krejčí P. – Krejčová E. (szerk.) Jihoslovanská frazeologie kontrastivně. Brno, 2016, 86-93.
- DZIEWOŃSKA-KISS 2010 = DZIEWOŃSKA-KISS D. A nyelvi világgép fogalmának szerepe a glottodidaktikában (lengyel és magyar nyelvű anyagok alapján) // Studia Slavica Savariensia, 2010. 1-2. 161-171.
- JUHÁSZ – TAKÁCS 2006 = JUHÁSZ M. – TAKÁCS I. (szerk.) Pszichológia. Budapest, 2006.
- MÉK 2003 = KOVALOVSKY M. – JUHÁSZ J. – SZÓKE I. – O. NAGY G. Magyar Értelmező Kéziszótár. Budapest, 2003.
- ПОПОВА 2010 = ПОПОВА К. Названията на дървета и храсти в езиковата картина на света (върху славянски и литовски материал). Габрово, 2010.

Felhasznált szótárak

- BÁRDOSI V. (főszerk.). Magyar szólástár. Budapest, 2003.
- O. NAGY G. Magyar szólások és közmondások. Budapest, 1976.
- T. LITOVKINA A. Magyar Közmondástár. Budapest, 2005. <http://mek.oszk.hu/09100/09112/html/index.html>
- DUGONICS A. Magyar példabeszédek és jeles mondások. Szeged, 1820.
- ERDÉLYI J. Magyar közmondások könyve. Pest, 1851.
- MARGALITS E. Magyar közmondások és közmondásszerű szólások. Budapest, 1896.

SIRISAKA A. Magyar közmondások könyve. Pécs, 1891.

Български национален корпус. <http://dcl.bas.bg/bulnc/>

НИЧЕВА К. – СПАСОВА-МИХАЙЛОВА С. – ЧОЛАКОВА КР. Фразеологичен речник на българския език. Том първи А–Н. София, 1974

НИЧЕВА К. – СПАСОВА-МИХАЙЛОВА С. – ЧОЛАКОВА КР. Фразеологичен речник на българския език. Том втори О–Я. София, 1975.

НИЧЕВА К. Нов фразеологичен речник на българския език. София, 1993.

Dziewońska-Kiss Dorota
(Budapest, Magyarország)

A NŐ ÉS A FÉRFI NYELVI KÉPE A MAGYAR ÉS A LENGYEL
NYELVBEN (A FRAZEOLÓGIAI KAPCSOLATOK TÜKRÉBEN)

Abstract: Idioms, proverbs, maxims, metaphors, colloquial expressions all reflect the past and present views of language users, how to conceptualize and categorize the surrounding reality and the phenomena appearing in it. This article is an attempt to reconstruct the image of a woman and a man in both Hungarian and Polish language, as well as their roles within the society.

Keywords: Hungarian and Polish phraseology, women, man, linguistic image of the world

A világ nyelvi képének kutatásában rendkívüli fontos helyet kapnak a frazeológiai kapcsolatok, közmondások, szólások, metaforák, maximák, hétköznapi kifejezések stb.

Jelen cikkemben kísérletet teszek arra, hogy rekonstruáljam a *férfi* és a *nő* szó által jelölt fogalomnak a magyar és a lengyel nyelvben rögzült képet. A mai magyar és lengyel nyelvhasználókban rögzült *férfi* és *nő* nyelvi képének feltárásához magyar és lengyel frazeológiai szótárak adatait gyűjtöttem össze, amelyeket a bibliográfiában helyeztem el.

Az anyag nagy terjedelme miatt a munka első részében olyan példákat idézek, melyekben a *nő* és a *férfi* fogalmának központi jelentése: nő – feleség és anya, férfi – férj és atya fordul elő. Munkámban olyan példákat is bemutatok, amelyekben a leggyakoribb női és férfi belső és külső tulajdonságok rögzültek.

A társadalomban a nő elsődleges szerepe a feleség és az anya. A példákban az tükröződik, hogy a feleség több olyan jegyet kap, amely a családi békével, a feleség-férj viszonyával és a társadalmi szerepével függ össze. Íme a példák: *Az asszony két oszlopot tart a háznál; Az asszony az úr a háznál; Az asszony a lányát nem magának tartja; Szép asszony a ház szeme fénye; Jó férj mellett van jó feleség; Ne menjen férjhez a lány, míg kenyeret nem tud sütni; Dobra żona męża korona = Jó asszony a háznak koronája; Az egész ház gondja a háziasszony vállán nyugszik = Cały dom na głowie gospodyni [Az egész ház gondja a háziasszony fején van], Kobieta bez męża jest ni to, ni owo [A nő férj nélkül semmilyen] stb.*

A lengyel nyelvben a feleséget negatívan jellemzik, ha nem megfelelő módon teszi a dolgát, pl.: *Gdzie zła żona, tam piekło w domu* [Ahol rossz a

feleség, ott pokol van a házban], ahogy a férjet is, aki iszik, pl.: *Biedna żona taka, która ma pijaka* [Szegény az a nő, akinek részeges a férje] vagy aki gonosz: *Co mąż, to wąż* [Minden férj vipera] stb. A magyar nyelvben a férj lexéma pozitív értékelést is kaphat, pl.: *Jó férj hóna alól ugrik ki a kövér menyecske; Jó ura van; Jól tartják; Jó férj mellett van a jó feleség* stb.

A férfinak mint férjnek és családapának legfontosabb dolga a család megfelelő anyagi biztonságáról gondoskodni, pl.: *Ha nincz teremjen, apja is ezzel kereste, ami nincz, Do ojca po grosz do matki po koszule* [Apjához pénzért, anyához ingért], *Tato ma prace, a mama ma rozum* [Apunál a munka, az anyánál az ész] stb.

Néhány lengyel példa arra is utal, hogy a férfinak nagyon óvatosnak kell lennie a nővel szemben, pl.: *Biada temu domowi, gdzie żona przewodzi mężowi* [Már régen rossz, ha a feleség a férjének parancsol], *Mąż doradza, a przy żonie władza* [A férj tanácsol, de a hatalom a feleségnél van], *Jak kobieta idzie za mąż, to siedmiu diabłów pod pachą trzyma* [Amikor a nő férjhez megy, hét ördögöt karol fel], de néha a feleség hasznos: *Rabja ne légy, ha ura lehetsz feleségednek; Stare wino, żona młoda, niejednemu życia doda* [Régi bor, fiatal feleség többeknek gazdagítja az életét] stb.

Mind a magyar mind a lengyel nyelvhasználók úgy gondolják, hogy az asszonyt időnként meg kell verni, pl.: *Pénz számolva, asszony verve jó; Az asszonyt az első ingében kell megverni; Ha az asszony csendes, a konyha rendes; Gdy mąż żony nie bije, to jej wątroba gnije* [Amikor a férj nem veri az asszonyt, akkor a mája rothad benne] 'ver, tehát szeret' stb.

Vannak olyan példák is, amelyekben a nő az ördögnél is erősebb, pl.: *Hova az ördög nem mehet, vénasszonyt küld maga helyett = Gdzie diabeł nie może tam babę posle; Nie wdawaj się z kobietą, co ma diabła w oczach* [Ne állj szóba olyan nővel, akinek az ördög van a szemében], *Kiedy gwizdże kobieta, diabeł kościół zamieta* [Amikor az asszony füttyül, az ördög templomot söpör], *W kobiecym sercu społem mieszka diabeł z aniołem* [A nő szívében az ördög és az angyal együtt lakik], *Co w kobiecym sercu na dzień, to i diabeł nie odgadnie* [Ami a nő szívének mélyén lapul, azt az ördög sem tudja kideríteni], *Kobiety, jak zechcą, to i samemu diabłu dadzą radę* [Ha a nő akar valamit, az ördögöt is legyőzi], *Gdy się baba rozpanoszy, to i diabła wypłoszy* [Ahol a nő terjeszkedik, onnan az ördög is menekül], *Nad diabła rogatego gorsza zła kobieta* [A rossz nő rosszabb, mint az ördög szarvakkal] stb. A lengyelek szerint a nő erős is lehet mint a tulok és a répa: *Kobieta jak tur* [Az asszony, mint a tulok], *Baba jak rzepa* [Az asszony, mint a répa].

A férfiaknál a bátorságot és az erőt inkább állatokhoz, illetve fákhoz hasonlítják: *Erős, mint a marha; Erős, mint a somfa; Harcol, mint az oroszlán = Walczyć jak lew; Bátor, mint az oroszlán = Odważny jak lew; Úgy viselkedik, mint egy oroszlán = Zachowywać się jak lew; Erős, mint a medve = Mocny jak niedźwiedź; Silny jak niedźwiedź; Erős, mint egy bivaly = Silny jak bawół; Erős, mint az ökör = Silny jak wół; Chłop jak dąb* [Legény, mint a tölgy], *Silny jak dąb* [Erős, mint a tölgy] 'magas, jó felépítésű, erős' stb.

Az anya szerepe elsősorban a szülésről, a gyermeknevelésről, az anya-gyermek viszonyról és az anyai szeretetről szól. Például: *Anyáé a tanítás, apáé a fegyelem; Amely gyermek megijed, anyja ölébe siet; Árva vagyok anya nélkül, mint gerlice párja nélkül; Anyám szájából édes volt az étel; Anya, anya, még ha rossz is, mégiscsak anya marad; Az anya hasában sem volt jobb dolga; Anya után csiripel a veréb; Szalad mint csikó az anyja után; Az anyja szoknyáján ül, Minden anyának szép a maga gyermeke = Dla każdej matki milej jej dziatki; Amilyen az anya, olyan a leánya = Jaka mać, taka nać; anyai szeretet = miłość matczyzna; anyai szív = matczyne serce; anyai érzések = matczyne uczucia; Matka rodzi, ojciec płodzi [Anya szüli, az apa nemzi], Do ludzi po rozum, do matki po serce [Az emberekhez észért, az anyához szívért], Dobra matka więcej nauczy niż sto nauczycieli [A jó anya többet tanít, mint száz tanár], Jak ojciec umrze, dziecko pólsierota, ale jak matka, to cała sierota [Amikor az apa meghal, a gyerek félárva, amikor az anya, akkor teljesen], Jedna matka wyżywi (wychowa) dziesięciu synów, ale dziesięciu synów nie wyżywi jednej matki [Egy anya tíz fiút megetet (felnevel), de tíz fiú egy anyát sem], Matka daje, a macocha pyta dzieci: czy chcecie? [Az anya ad, a mostoha megkérdezi a gyerekektől: akartok-e?] stb.*

A magyar nyelvben az apa mint szülő, olyan küldetést teljesít, amelyben során ő a felelős a gyermek társadalomba való beilleszkedéséért, pl.: *A gondos apa korán észrevette fia rendkívüli értelmességét; Atyának szigorú nevelése látszik meg rajta; Az apa a nagyon értelmes fiút pénzkeresésre akarja szoktatni; Egy jó apa megtanítja a fiát mindenre* stb.

Az apa úgy éri el a célját, hogy életvitelével példát mutat a fiának: *Amilyen az apja, olyan a fia = Jaki ojciec, taki syn; Apja fia = Syn swojego ojca; Kiköpött apja, tiszta apja = Cały ojciec, wykapany ojciec; Apáról fiúra száll = Z ojca na syna; Jakie drzewo, taki klin, jaki ojciec taki syn* [Milyen a fa, olyan a faék, milyen az apa, olyan a fia], *Odziedziczyc co po ojcu* [Apától örökölni], *Jaka woda, taki młyn, jaki ojciec, taki syn* [Milyen a víz, olyan a malom, milyen az apa, olyan a fia]; *Ojca dobrego dobry syn, ojca zlego zły syn* [Jó apának jó a fia, rossz apának rossz a fia] stb.

Az apa rossz példát is mutathat: *Az ördögfi is ördögatyától származik; Rossz apának még rosszabb a fia; Rút apának ritkán szép a fia; Ennek az apja is ember volt; Apja sem volt harangöntő; Apja sem mondott igazat; Pálinkás apának boros a fia; Rossz atyának ritka jó fia = Zły ojciec rzadko ma dobrego syna; Jakoś chował syna, tak on z tobą poczyna* [Ahogyan nevelted a fiad, úgy bánik majd veled] stb.

A sacrum doménben a feleség az isteni ajándék profilja, pl.: *Első feleség Istentől, második embertől, harmadik ördögtől való; Jámbor feleséget csak az Isten adhat; Okos feleség nagy istenajándék; Śmierć i żona od Boga przeznaczona* [A halál és a feleség Istentől kapott] stb.

Az anya profilját pedig az *Istenanya = Matka Boga; Szűzanya = Matka Dziewica; Jézus Krisztus Édesanyja = Matka Jezusa Chrystusa; Mária = Maria; Matka Boska* [Az Isten Anya] hívja elő (ld. BAŃCZEROWSKI 2008:

183). További példák: *Dzień Matki Boskiej* [Isten Anyjának napja], *Święto Matki Boskiej* [Isten Anyjának ünnepe], *Do Bożej Matki mówcie, ojcy i dziatki* [Az atyák és gyermekek, Isten Anyához beszéljétek] 'imádkozzatok', *Matka święta o każdym pamięta* [A szent anya mindenkire emlékszik], *Matka rodzaju ludzkiego – Ewa* [Az emberiség anyja – Éva], *Głos matki – głos Boga* [Az anya hangja – az Isten hangja] stb.

A sacrum kategóriában a férfi mint atya az Isten profilját hívja elő, pl.: *Atyaúristenit; Az atyaúristennek sem; Megtér atyáihoz; Azt hiszi magáról, hogy ő az atyaisten / atyaistennek képzele magát; Ő az atyaisten ebben az üzemben; Miatyánk = Ojciec nasz, Teremtő szentatya = Święty twórca* (BANCZEROWSKI 2008: 199).

Érdekes hozzátenni, hogy az *anya* lexéma a köznyelvben a feleség szinonimája is. „Például: (a férj megszólítja a feleségét): *Anya főzzél egy kis kávé!*; *Anya, gyere már, itt vannak a vendégek; Gyere anyjukom!* (népi) stb.” (BANCZEROWSKI 2008: 183).

A *férj* lexémának az apa/atya szinonimája. „Például: (az anya megszólítja a férjét): *Nézd meg már apja, miért sír a gyerek?; Apa főzzél egy kis kávé!*; *Apa kapsold be a tévét! Gyere apjukom (népi); apjuk!*” (BANCZEROWSKI 2008: 197).

Nézzünk még néhány példát, amelyekben a női és a férfi belső és külső tulajdonságok rögzültek.

A frazeológiai kifejezések szerint sem a nőnek, sem a férfinak nem szabad hinni: *Asszonysírásnak ritkán lehet hinni = Rzadko trzeba wierzyć kiedy białogłowa płacze; Ne higgy az asszonynak, Az asszonynak csak akkor lehet hinni, mikor liba gyepel a sírján, Mennél jobban sír az asszony, annál hamarabb akarja megcsalni a férfit* stb., *Koło krzaku, koło bzu, nie wierz mężczyźnie jako psu* [Bokor mellett, orgona mellett, ne higgy a férfinak, ahogy a kutyának se], *Nie wierz każdemu mężczyźnie, bo to jest karmelek w truciznie* [Ne higgy minden férfinak, mert az karamella a méregben] stb.

Az összegyűjtött anyag azt mutatja, hogy a nőt a következő tulajdonságok jellemzik: KIVÁNCSISÁG – *Zaspokoić ciekawość kobiety to jak napelnić wodą przetak* [A nő kíváncsiságát kielégíteni, mint a szűrőt vízzel tele önteni], *Ciekawość nalogiem niewiasty* [Kíváncsiság a nő függősége], *Teli van kíváncsisággal, mint a terhes asszony = Ciekawy jak baba* stb., INGATAGSÁG – *Higgy az asszonynépnak, mint az áprilisi időjárásnak; Az asszony ingatag = Kobieta zmienną jest; Az asszony vagy szeret, vagy gyűlöl, harmadik eset nincs = Kobieta kocha albo nienawidzi, trzeciej możliwości brak; Gust kobiet, pogody jesienne wszystko to odmienne* [Az asszonyok ízlése, az őszi idő változékony] stb., MAKACSSÁG – *Nehéz dolog a haragos asszony a háznál; Każda baba z natury uparta* [Minden nő a természeténél fogva makacs], *Łatwiej wroga pokonać, niż kobietę przekonać* [Könnyebb az ellenséget legyőzni, mint az asszonyt meggyőzni] stb., GONOSZSÁG – *Przyjaźń dwóch kobiet jest tylko złością przeciw trzeciej* [Két nő barátsága, csak harag a harmadik ellen], VESZEKEDÉS – *Nehéz dolog a haragos asszony*

a háznál; *Nie masz na świecie małżonka, na którego by nie krakala małżonka* [Nincs a világon olyan férj, akire nem károg a felesége], *Nie trzeba mu psa, bo go baba obszczeka* [Nem kell neki kutya, az asszony ugat rá] stb.

A nő szeret BESZÉLNI és PLETYKÁLNI: *Asszonya ne bíz a titkot, mert a könyökén is kiszalad; Nem jó az asszonynak mindent az orrára kötni; Nem titok az, mit két asszony tud; Zachować co w sekrecie, najciężej jest kobiecie* [Valamit titokban tartani, a legnehezebb egy nőnek], *Cud nad cudami – niegadatiwi między niewiastami* [A csodák csodája egy hallgatag nő a nők között], *Wól rogami, a baba językiem kole* [A bivaly a szarvával, az öregasszony a nyelvével kerget] stb. A lengyelek szerint a férfiak is képesek pletykálni: *Co wie Grześ, to i cała wieś* [Amit a Gergő tud, az egész falu tudja].

Néhány példában a nő intelligenciája, illetve ennek hiánya tükröződik: *Kobiety, choć się nie uczą w szkole, zawsze wywiadą w pole* [Annak ellenére, hogy a nők az iskolában nem tanulnak, mégis mindig félre vezetnek], *Elég, ha annyi esze van az asszonynak, hogy nem áll a csorgó alá, ha esik az eső; Hosszu haj, rövid ész = U kobiety włos długi, a rozum krótki; buta liba = głupia geś; buta tyúk = głupia kura; Ile białych wron, tyle mądrych żon* [Ahány a fehér holló, annyi az okos feleség], *Wysoka jak brzoza, a głupia jak goza* [Magas, mint a nyírfa és hülye, mint egy kecske], *Wysoka jak topola, a głupia jak fasola* [Magas, mint a jegenye, buta, mint a bab] stb.

Vannak olyan példák, amelyekben a nő értelmi szintje és ügyessége befolyásolja a férfi döntéseit, pl.: *A jó asszony gyakori haszon; Feleség fél segítség; Az asszony hordja a nadrágot; Minden sikeres férfi mögött egy nő áll = Za każdym wielkim mężczyzną stoi jeszcze większa kobieta; Nő keze van a dologban = Widać w tym kobiecą rękę; My rządzymy światem a nami kobiety* [Mi irányítjuk a világot, minket pedig a nők] stb.

Olyan kifejezések mint a *férfi logika = męska logika; férfi agy = chłopski rozum* arra utalnak, hogy a férfiaknál a gondolkodás forrása nem a tudás, hanem tapasztalat és intuíció. A lengyelek szerint a férfinak a tudás nem szükséges, csak az ostor: *Chłopu baty, a nie oświaty* [A férfinak az ostor, nem a közoktatás] stb.

A következő domén az idő doménje, amelyben a nő lexéma az életkor és a szépség profilját hívja elő, pl.: *Nem mai csirke; Vén tyúk; Eladó korban van; Csak nem akarod anyádat feleségül venni!; Akármilyen vénasszony, ha férjhez megy menyasszony = Ta panna ładna, co za mąż idzie; anyóka = babka; öregasszony = baba; vénasszony = stara baba; A nő virágzik, kivirul = Kobieta rozkwita, jest w rozkwicie; Virágkorában van = W kwiecie wieku; Kobieta rozkwita jak kwiat* [A nő virágzik, mint egy virág], *Kobieta wiadnie jak kwiat* [A nő hervad, mint a virág], *Kobieta przekwita* [A nő elvirágzik], *Kobieta ma tyle lat, na ile wygląda, mężczyzna – na ile się czuje* [A nő annyi idős, amennyinek látszik, a férfi, amennyinek érzi magát] stb.

A férfi életkorára vonatkozó kifejezések a következők: *öreg csont; vén szivár; vén kujon = stary babiarcz; vén róka = stary lis; öregapó = dziad; vén szamár = stary osioł; vén krampusz = stary diabeł* stb.

A férfinál a külső kinézet nem annyira fontos, mint a nőnél, pl.: *Elég szép a férfi csak azért, hogy férfi; A férfi, ha szebb az ördögnél, már elég szép = Mężczyzna aby był trochę ładniejszy od diabła to już dosyć ładny; A férfinak csak egy fokkal kell szebbnek lennie az ördögnél = Mężczyzna powinien być tylko troszkę ładniejszy od diabła; Mężczyźni dość być trochę piękniejszym od diabła, aby się kobietom podobać* [A férfinak elég ha csak egy kicsit szebb az ördögnél, hogy tessen a nőknek], *Mężczyzna powinien być tylko troszkę ładniejszy od diabła, a panna tylko trochę brzydsza od aniola* [A férfinak csak egy kicsit kell szebbnek lenni az ördögnél, a nőnek pedig egy kicsit csúnyábbnak az angyalnál], *Chłop byle był nie brzydszy od diabła już ujdzie* [A fickó ne legyen csúnyább az ördögnél és már elmegy] stb.

A férfi *mackó alkatú* is lehet vagy *sovány, mint a hering*. A lengyelben a férfi soványságát a *Wygląda jak szczypiorek* [Úgy néz ki, mint a metélőhagyma] szólás fejezi ki. Mindkét nyelvben pejoratív kicsengésű a *Kövér, mint a disznó = Tłusty jak wieprz; Spasiony jak wieprz; Kövér, mint a bika = Gruby jak byk, Tęgi jak byk* kifejezések.

A magyar nyelvhasználók szerint a férfi egyik fontos jellemzője a bajusz, ami a férfi és a magyarság jelképe, pl.: *Bajusz és szakáll férfi embert illet; Nincsen kocsis ostor nélkül, magyar ember bajusz nélkül; Bajuszáról másodszer iszik a magyar; Bajusz kell a magyarnak; Ritka, mint a magyar bajusz nélkül*. A lengyelben a közmondás szerint *Miłość bez zazdrości jest jak Polak bez wąsów* [A szerelem féltékenység nélkül olyan, mint lengyel bajusz nélkül].

Mind a magyar mind a lengyel nyelvben nagy számban találunk olyan kifejezéseket és frazeologizmusokat, amelyek a női és a férfi lexémát tartalmazzák. Ezek a kifejezések és frazeologizmusok roppant széles, gazdag és színes képet mutatnak a fent említett lexémákról. Azonban további kérdések vetődhetnek fel. Vajon a nő rosszabb, mint az ördög, és buta, mint a tyúk? Vajon a férfiaknál a gondolkodás forrása nem a tudás, hanem a tapasztalat és az intuíció? Vajon a mai világban a férfinak mint férjnek az a legfontosabb dolga, hogy megteremtse a család anyagi és létbiztonságát? Vagy változott valami a társadalomban, és a férfiszerep egy részét a nő vette át? Nagy a valószínűsége, hogy a válaszokat a frazeológiai kapcsolatokban nem találjuk meg, inkább érdemes a mai nyelvhasználókat megkérdezni, mennyire valós a nyelvben rögzült kép.

Irodalom

- BAŃCZEROWSKI 2008 = BAŃCZEROWSKI J. A világ nyelvi képe. A világkép mint a valóság metaképe a nyelvben és a nyelvhasználatban. Budapest, 2008.
- BAŃKO 2005 = BAŃKO M. Wielki słownik frazeologiczny PWN z przysłowiami. Warszawa, 2005.
- BÁRDOSI 2004 = BÁRDOSI V. Magyar szólástár. Szólások, helyzetmondatok, közmondások értelmező szótára és fogalmi köri szótára. Budapest, 2004.

- BARTMIŃSKI 2001 = BARTMIŃSKI J. Współczesny język polski. Lublin, 2001.
- BARTMIŃSKI 2006 = BARTMIŃSKI J. Językowe podstawy obrazu świata. Lublin, 2006.
- DOBRZYŃSKA 1994 = DOBRZYŃSKA T. Mówiąc przenośnie... studia o metaforze. Warszawa, 1994.
- DUBISZ & SOBOL 2005 = DUBISZ S. & SOBOL E. (ed.). Wielki słownik frazeologiczny. Warszawa, 2005.
- DZIEWOŃSKA-KISS 2010 = DZIEWOŃSKA-KISS D. Állatnevek és állati testrészek a lengyel és magyar nyelvi minősítésben // Bárdosi V. 2010: Világkép a nyelvben és a nyelvhasználatban. Budapest, 2010. 69-77.
- FORGÁCS 2004 = FORGÁCS T. Magyar szólások és közmondások szótára. Budapest, 2004.
- HADROVICS 1995 = HADROVICS L. Magyar frazeológia. Történeti áttekintés. Budapest, 1995.
- GRZEGORCZYKOWA & WASZAKOWA 2003 = GRZEGORCZYKOWA R. & WASZAKOWA K. Studia z semantyki porównawczej. Część I i II. Warszawa, 2003.
- KARWATOWSKA & SZPYRA KOZŁOWSKA 2010 = KARWATOWSKA M. & SZPYRA KOZŁOWSKA J. Lingwistyka płci on i ona w języku polskim. Lublin, 2010.
- KÖVECSES 2005 = KÖVECSES Z. A metafora. Gyakorlati bevezetés a kognitív metaforaelméletbe. Budapest, 2005.
- KRZYŻANOWSKI 1972 = KRZYŻANOWSKI J. Nowa księga przysłów polskich i wyrażen przysłowiowych polskich. Warszawa, 1972.
- LAKOFF & JOHNSON 1988 = LAKOFF G. & JOHNSON M. Metafory w naszym życiu. Warszawa, 1988.
- MARGALITS 1995 = MARGALITS E. Magyar közmondások és közmondásszerű szólások. Budapest, 1995.
- MASŁOWSCY 2000 = MASŁOWSCY D., W. Księga przysłów polskich. Kęty, 2000.
- O. NAGY 1996 = O. NAGY G. Magyar szólások és közmondások. Budapest, 1966.
- PAJDZIŃSKA 2006 = PAJDZIŃSKA A. Studia frazeologiczne. Łask, 2006.
- RÁDULY 2013 = RÁDULY Zs. 2013. Az emberi külső ábrázolása a magyar és a lengyel frazeológiában (A növény és az állatvilág tükrében) // Studia Slavica Savariensia 1-2. Szombathely, 2013. 399-405. DOI: [10.17668/SSS.2013.1-2.399](https://doi.org/10.17668/SSS.2013.1-2.399)
- SKORUPKA 1977 = SKORUPKA S. Słownik frazeologiczny języka polskiego. Warszawa, 1977.
- SZEMERKÉNYI 2009 = SZEMERKÉNYI Á. Szólások és közmondások. Budapest, 2009.

Rövidítések:

= ekvivalens

[] szó szerinti fordítás

” jelentése

Elizabeta Emberšič Škaper – Ibolya Dončec Merkli
(Sombotel, Madžarska)

KMETIJSKO IZRAZJE NA SAMOOSKRBOVALNI PORABSKI KMETIJI

Abstract: In the paper the authors examine the terms in connection with the agricultural products of the Porabje district. These are special terms that due to the changing way of life gradually disappear from the active vocabulary of the Slovenian people in the Porabje district. Nowadays the names of agricultural products and terms in connection with them are part of the vocabulary of the older generation, the old Slavic terms are being forgotten by the members of the middle generation and are not known by the younger generation at all.

The Slovenian Porabje district (and similarly the Prekmurje region too) was the organic part of the Hungarian Kingdom separated from other Slovenian regions. This is why the inhabitants of the Porabje district preserved lots of archaic expressions in their language. The loan words of the agricultural terminology in this dialect are mostly of German and Romanian origin and at present more and more Hungarian terms are contributed.

Keywords: Slovenian language, dialectology, dialect of the Porabje district, agricultural products

Uvod

Porabski Slovenci živijo na območju, ki je gospodarsko povsem nerazvito. Glavna gospodarska panoga v okolici Monoštra je bilo nekoč kmetijstvo oz. poljedelstvo, ki pa ni imelo najugodnejših pogojev. Peščena, prodnata in ilovnata zemlja nikoli ni bila dovolj rodovitna.

Kmetovalci, ki danes še nadaljujejo stoletno tradicijo samopreskrbe, so večinoma starejši in obdelujejo manjši kos zemlje zato, ker so živeli in ostali v rodnem kraju ter so na zemljo vezani. Število porabskih kmetovalcev iz leta v leto pada, največji udarec pa so za kmeta pomenila 90-a leta prejšnjega stoletja, ko so se v Porabju postopoma zapirala zbirališča mleka in sčasoma pridelanega mleka niso mogli prodati, kar je pripeljalo do odprodaje krav. S tem pa se je začelo tudi zanemarjanje zemljišč (orne zemlje, travnikov), tako je danes gričevnato območje Porabja v veliki meri poraslo z gozdom.

Za zahodni obmejni del Madžarske je bilo nekoč značilno polikulturno kmetijsko gospodarstvo, gojili so več kot dvajset kultur za domače potrebe (pšenico, rž, ajdo ...). Z živinorejo so se ukvarjali kot z dopolnilno dejavnostjo.

Poljska dela so v Porabju opravljali na podlagi kmečkega koledarja, kjer so imeli prazniki pomen nekakšnega katalizatorja, da sta bila delo in počitek v ravnotežju. Pozimi so se ženske ob gospodinjskih opravilih ukvarjale še zlasti s predelovanjem lanu. Moški so popravljali ali izdelovali orodje. Kmečka dela so se začinjala spomladi: gnojenje, oranje, sajenje in setev.

Kolobar na 7 let so uporabljali v Porabju od sredine 19. stoletja. Žito se je menjalo z drugimi pridelki (koruzo, krompirjem, lucerno, krmno repo, ajdo). Na eni sami njivi so gojili istočasno tudi več kultur (koruzo, fižol, buče), kasneje in tudi danes vse kulture že pridelujejo posebej. V porabskem kolobarju so se posamezni pridelki vrstili takole: 1. leto: lucerna, 2. leto: koruza, fižol, buče, 3. leto: pšenica (ajda, okrogla repa), 4. leto: krompir, 5. leto: oves (ali ječmen, soržica), nato praha (praja), 6. leto: rž, lucerna, 7. leto: lucerna. Po ovsu so preorali njivo in jo 3–4 tedne pustili ležati. Temu pravijo praha (praja). Nato so zemljo pognojili in jo še enkrat preorali. Praha se je verjetno ohranila še iz natriletnega kolobarjenja. Tudi pri tem so pustili zemljo v prahi pred spomladanskim žitom (oves, ječmen) in pred zimskim žitom (pšenica, rž).

Poletje je bil čas velikih del: čas žetve in mlačve. Travnike so kosili drugič avgusta (*o:utava*).

Jesen je bil čas za pospravilo koruze, buč, krompirja in zelja. Po jesenskem gnojenju in oranju so sejali krušno žito: rž in pšenico (MUKIČ-KOZAR 2000: 144-147).

Večina mlajših ljudi ne pozna več starih narečnih poimenovanj za kmečka opravila, kmečka orodja, pridelke in za ostalo, kar je povezano s poljedelstvom, zato se nama je zdelo prav, da se zberejo in popišejo besede, ki so jih naši predniki uporabljali na samooskrbovalni kmetiji.

V jeziku porabskih Slovencev najdemo veliko poimenovanj, povezanih s kmetijstvom, ki bi jih lahko na različne načine obdelali oz. analizirali. V članku z naslovom Kmetijsko izrazje v porabskih vaseh v zborniku Rojena v narečje, ki je izšel ob 80-letnici akademikinje prof. dr. Zinke Zorko, sva podrobno predstavili in analizirali dve pomenski skupini, in sicer kmečka opravila in kmečka orodja. V tem članku pa obravnavava poimenovanja za pridelke na polju in vrtu ter z njimi povezane pridevnike.

Za obravnavo in analizo sta nama kot izhodišče služila dva porabska narečna slovarja, in sicer slovar Franceka Mukiča z naslovom Porabsko-knjižnoslovensko-madžarski slovar, ki vsebuje večino izrazov s področja kmetijstva, ter slovar Marije Bajzek Lukač z naslovom Slovar Gornjega Senika A–L. Kmetijsko izrazje sva zbrali s pomočjo omenjenih narečnih slovarjev ter izrazje preverili in dopolnili s pomočjo porabskih informatorjev. Tako zbrana poimenovanja sva uvrstili v abecedno urejen slovarček. V slovarček je zajeto v glavnem staro besedje, ki izginja in ga pozna le še najstarejša generacija porabskih govorcev. Besede v slovarčku za oba tematska sklopa so razvrščene po abecednem redu, knjižni ali poknjiženi različici sledi z znanstveno dialektološko transkripcijo zapisano in onaglašeno narečno poimenovanje v

osnovni slovarski obliki. Nato je dodana knjižna oblika besede ali pa pomenska razlaga. Za vsako geslo je navedena tudi raba določenega poimenovanja.

Slovarček porabskega kmetijskega izrazja

Poimenovanja za pridelke na polju in vrtu

aubrika/bubartje/bubritje: 'o:ubreka/'bubart'e/'bubret'e *kumara* – 'Sákšë'den tar'bej 'o:ubreke 'doj'pob'râte.

autava: 'o:utava *otava* – 'O:utavo so ko'si:lë 'augustuša.

bagundli/bogungli: ba'gundlë/bo'gunglë *krmna pesa* – Ba'gundlë tar'bëlo na'go:ustë o'ka:pate.

bala: 'ba:la *bala* – S'lâmo so v 'ba:le z've:zale.

betva: 'betfa *bilka* – 'Betfa t'ra:ve, pšë'nice, 'krme. 'Sâmo 'eno 'betfo 'prpla me 'da:j.

bildje/bila: 'bild'e/'bila *koruznica, koruzno steblovje* – 'Kukarčno 'bild'e je de'cembra 'itak na 'ñivë s'tâlo.

cejp/cepke: 'ce:j'p/cep'kë:/cap'kë: *cepič* – Cep'kë: je 'dojs'trgala.

cepika: ca'pika *drevesna sadika* – M'la:do ca'piko je po'sa:do.

cukarna repa: 'cukarna 'repa *sladkorna pesa* – 'Cukarno 're'po so 'ojdlë o'ka:pat na Vo'grsko.

čepincli: čë'pinclë/ča'pinclë/čo'pinclë *motovilec* – 'Ge'le so čo'pinclëne s k'rumplëname.

česnek: 'česnek *česen* – 'Sákšo 'leto so sa'di:lë ge'sënskë pa sparto'le:jšñë 'česnek.

dožnjek: 'dožnjek *žetveni venec* – 'Dâ so zgo'tovë'le z 'žëtfof, je ve'za:č s s'le:jdnë par'giške šë'nice 'dožnjek sp'leu.

flanca: f'la:nca *sadika* – 'Prplëno f'la:nco smo 'râno posa'di:lë.

gečmen: 'gečmen/'gečman *ječmen* – 'Dosta geč'mëna smo par'po:uvalë.

goškica/goščica/koščica: goš'kica/goš'čica/koš'čica *koščica, bučno seme* – 'V'zimë smo 'dosta koš'čiče 'lü:pali.

gospočka tikev: gos'pöčka 'tikef *jedilna buča* – Ž'mâne gos'pöčke 'tikfë smo par'po:uvalë.

gra: g'râ *fizol* – 'Ge'le so 'pečëne g'râ z 'vrñon m'le:jkon.

grajšček: g'ra:jšček/g'ra:jškek *grah* – V g'râčenkë je posa'di:la g'ra:jšček.

kamül: ka'müu *kamilica* – M'la:jšë so 'mög'le b'râte ka'müu.

kapüsta: ka'püsta *zelje* – 'Veulke gla've: ka'püste smo par'po:uvalë.

keber: 'këber *velik fizol* – 'Këber (g'râ) je s'küjala za ša'la:to.

kilaraba: kila'ra:ba/këla'ra:ba *koleraba* – 'Pečëna kila'ra:ba je s'la:tka 'bi:la.

klas/klasovge/klasauvge: k'la:s/klasov'gë:/kla'so:uvge *klas* – 'Žito 'ma: 'le:jpo klasov'gë:.

komanca: 'komanca *detelja* – 'So:uset je po'se'jo 'komanco pa 'lucerno.

konaupla: ko'no:upla *konoplja* – 'Indas've:jta so 'sejalë ko'no:uplo.

koper: 'köper *koper* – 'Köper na 'o:ubreke 'de:jvajo.

krma: 'krma *seno* – K'râvan 'krmo po'la:gajo
 krpliva/krplivdje: karp'liva/karp'livd'e/karp'livge *kopriva* – Karp'livd'e so
 sve'ña:n 'dojpo'žele.
 krumpič/krumpli/krumplinge: k'rumpeč/k'rumple/k'rumplenge *krompir* – 'Letos
 smo 'dosta k'rumplēnof do'bi:le.
 kukarca: 'kukarca *koruza* – Po vača'ra:j smo 'kukarco 'lū:pale.
 kūn: 'kūn *kumina* – Na 'ograde je 'kūn b'ra:la.
 len: 'leŋ *lan* – 'Ženske so 'leŋ 'trle.
 letina: 'leŋa *letina* – 'Letos je 'dobra 'leŋa 'bi:la.
 list/liske: 'list/'liske *listje* – Ba'gundlovo 'liske smo 'pujčkon po'lāgale.
 lucerna: 'lucerna *lucerna* – 'Moške so 'lucerno 'dojpoko'si:le.
 lūčičec/lūčiček/lūkec: 'lū:čēčec/'lū:čēček/'lūkec *čebulček* – Sparto'le:jtkje je
 'lū:čēček 'nūsp'ra:veľa.
 lūk: 'lūk *čebula* – 'Kustę 'lūk je z'ra:so.
 mak: 'māk *mak* – 'En s'lōk 'māka so po'sejale.
 mela: 'mela *moka* – Pše'nico so v m'li:n 'pelale pa 'ta:n v 'melo zm'lele.
 mrkevca: 'mrkefca *korenje* – 'Kusta 'mrkefca je z'ra:sla.
 nat: 'na:t *listje (pri repi)* – 'Na:t so do'mo:u z'vozele pa so s'lāmof k'râvan
 spo'lāgale.
 okrada: 'okrada *ohrov* – F'ča:sēk smo 'okrado 'tō po'sejali do'ma:.
 oves: 'oves *oves* – 'Oves so 'koŋon po'lāgale.
 paradajs: para'da:js *paradižnik* – Para'da:js smo 'vōposa'di:le na 'nivo.
 pauv: 'po:uf *letina* – Čę je 'dōbro 'leto be'lo:u, je 'po:ufdōber 'būu.
 petraža/petrož: 'petraža/'petrož *peteršilj* – 'Petražo na'go:ustę tar'be:j o'ka:pate.
 pleve: p'leve *drobno pleve* – P'leve so po'nū:cale za nas'tilaŋe.
 polaganje: po'la:gaŋe *živalska hrana, polaganje za maro* – 'Sākšę z'ra:nek smo
 po'la:gaŋe ko'si:le.
 pošena/pšenica: poše'nica/pše'nica/še'nica *pšenica* – 'Na:j'več 'pa:vrof je
 pše'nico 'sejalo.
 proso/prosa: p'roso/p'roša *proso* – 'Indas've:jta so p'rošo 'tō 'sejale.
 prpeu: 'prpeu *paprika* – 'Veuke 'prpeu smo 'dojpob'rāle.
 rdeča repa: ra'deča 'repa *rdeča pesa* – Ra'dečo 'repo smo s'kūjale na masa'rijo.
 repa: 'repa *repa* – 'Na:jra'ne:jša 'repa je Magda'leŋova, 'na:jkas'ne:jša pa
 'A:nova.
 repca: 'repca *repica* – 'Veuke ma'zeve 'repce so po'sejale.
 ritonje: 'ritōŋe *škopa* – 'Dā so 'žito m'la:tele, so 'ritōŋe fk'rāj'd'a:le.
 sečka/šečka: 'sečka/'šečka *rezanica* – Po'zi:mę so 'sečko 'režale.
 semen/semenje: 'semen/sa'meŋe *seme, semenje* – 'Sākšo 'po:ut so sa'meŋe
 fk'rāj'd'a:le.
 senau: sa'no:u *seno* – Sa'no:u se 'prva ko'si: 'kāk 'o:utava.
 sildje: 'sild'e *žito* – 'Sild'e so na po'ña:ve se'ši:le.

snop/snopke: s'nop/s'nopke *snop* – 'Dojpo'košeno 'žito smo f s'nopke z've:zale.
 sunčavnica/sunčarnica: 'sunčavneča/'sunčarniča *sončnica* – 'Tü pa 'ta:n so
 'sunčarničo posa'di:lë.
 šalata: ša'la:ta *solata* – Ša'la:to so 'râno po'sejalë.
 ščabe: š'čâbe *kislíce* – M'la:jšë so š'čâbe b'râlë za 'obet.
 tikev: 'tikef *buča* – 'Tikfë smo s 'kordamë do'mo:u 'voz(ë)lë.
 trava: t'ra:va *trava* – Čë 'dosta 'deš 'dë:, 'veuka t'ra:va zras'të:.
 tritikale: t'ritë'ka:lë *vrsta žita* –T'ritë'ka:lë so 'na:j'boła kas'no:u 'zâčnëlë
 'po:uvatë.
 vlat: v'la:t *storž* – 'Kukarca je 'le:jpe vla'ti: 'me:jla.
 vlatovge: vlatov'gë: *latje* – Vlatov'gë: je 'pu:no 'semena bë'lo:u.
 zrna/zrnje: 'zrna/'zrnë *zrno* – 'Zrnë so na 'sunčë se'š:i:lë.
 žito: 'žito *rž* – 'Žito so 'ne:j par 'sâkšoj 'izë 'po:uvalë.

Pridevniki, povezani s pridelki

bel: 'be:jlë *bel* – 'be:jla 'repa, 'be:jlë g'râ
 cepleni: 'ceplënë *cepljen* – 'ceplënë g'râ
 cukerni: 'cukarnë *sladkoren* – 'cukarna 'repa
 čečkati: čeč'ka:të *cimast, kličen* – čeč'ka:të k'rumplenge, čeč'ka:ta 'kukarca
 česnekovi: 'česnekovë *česnov* – 'česnekova g'la:va
 čopinclovi: čo'pinclovë *nanašajoč se na motovilec* – čo'pinclova ša'la:ta
 črvivi: čar'vivë *črviv* – čar'viva 'repa, čar'viva 'mrkefca
 čutriški: 'čutřëškë *koleraben* – 'čutřëško 'liske, 'čutřëškë 'reťaške
 deneči: de'nečë *dišeči* – de'neča 'lucerna
 dinski: 'dinskë *ajdov* – 'dinska s'lâma, 'dinsko star'nišče, 'dinska 'mela
 djačmeni/djačmenovi/gečmenovi: d'ač'mëne/d'ač'mënovë/geč'mënovë *ječmenov*
 – d'ač'mënova s'lâma, d'ač'mënovë 'zrnë, geč'mënovë star'niške
 djesenski: d'e'sënskë *jesenski* – d'e'sënska pšë'nica
 dober: 'döber *dober* – 'döbra 'lețëna, 'döber 'po:uf
 dojpošprickani: 'dojpoš'prickanë *škropljen* – 'dojpoš'prickanë k'rumplenge,
 'dojpoš'prickanë 'kukarca
 dojpovegnjeni: 'dojpo'vegñënë *ovenel* – 'dojpo'vegñënafla:nca, 'dojpo'vegñënë
 'prpeu, 'dojpo'vegñënë para'da:js
 dojzbinklivi: 'dojz'binklëvanë *zvejan* – 'dojz'binklëvano 'zrnë,
 'dojz'binklëvana šë'nica
 drauben: d'ro:uven *droben* – d'ro:uvene p'lëve, d'ro:uvene k'rumplenge
 gauli: 'go:ulë *gol* – 'go:ule koš'čice/koš'kice
 gausti: 'go:ustë *gost* – 'go:usta 'repa, 'go:usta fla:nca, 'go:usta ša'la:ta
 gesenski: ge'sënskë *jesenski* – 'Po:uvalë sogë'sënskë pa sparto'le:jšnë 'česnek.
 gnili: g'ni:lë *gnil* – g'ni:lë k'rumplenge, g'ni:lë para'da:js, g'ni:la 'repa
 gobavi: 'göbavë *gobav* – 'göbava 'repa, 'göbavë k'rumplenge
 gorpostavljeni: 'gorpos'ta:vlënë *pokonci postavljen* – 'gorpos'ta:vlënë s'nopkë
 gospočki: gos'pöčkë *nanašajoč se na jedilno bučo* – gos'pöčke 'tikfë

goškicin/goščicin: goš'kicēn/goš'čicēn *koščičast* – goš'kicēno 'semen
 grajovi: g'raǰovę *fižolov* – g'raǰovo loš'kiņę
 grajškekovi: g'ra:jškekovę *grahov* – g'ra:jškekovo lo'piņę
 gresen: g'ręsen *oster* – g'ręsna 'mela
 kamülovi: ka'mülovę *kamiličen* – ka'mülovo 'semen
 kapüsen/kapüsten: ka'püsen/ka'püsten *zeljen* – ka'püstęna g'la:va, ka'püstęna
 f'la:nca, ka'püstęna 'betva, ka'püstęno 'liske
 kesen: 'kęsen *pozen* – 'kęsna ka'püsta, 'kęsen para'da:jš
 kiklati: keķ'la:tę *oglat* – keķ'la:ta 'ba:la
 kiseli: 'kisalę *kisel* – 'kisala 'repa, 'kisala ka'püsta
 klasovnati: klasov'na:tę *klasnat* – klasov'na:ta pše'nica, klasov'na:to 'žito
 kraugel: k'ro:ugeu *okrogel* – k'ro:ugla 'ba:la
 krumplovi: k'rumplovę *krompirjev* – k'rumplova 'ńiva, k'rumplova g'ręda
 kukarčin: 'kukarčęn *koruzen* – 'kukarčęno 'bild'e, 'kukarčęna v'la:t, 'kukarčęno 'zrńę
 künovi: 'künovę *kuminov* – 'künovo 'semen, 'künovę 'te:j
 kusti: 'kustę *debel* – 'kusta 'repa, 'kustę k'rumpļęge
 lüknjavi: 'lükńavę *luknjast* – 'lükńava ka'püsta, 'lükńava ša'la:ta
 lükovi: 'lükovę *čebulji* – 'lükovo 'semen, 'lükovo lo'piņę
 makovi: 'mąkovę *makov* – 'mąkova g'ręda, 'mąkova se'süla
 nabrane: nab'ra:nę *nabran* – nab'ra:na 'kukarca, nab'ra:nę g'rą, nab'ra:nę
 g'ra:jšček
 nakvašeni: nak'vąšęnę/nak'va:šęnę *nakvašen* – nak'vąšęna 'repa, nak'vąšęna
 ka'püsta, nak'vąšęna 'o:ubręke
 nizki: 'nisķę *nizek* – 'nisķę g'rą
 nütsppravleni/nutsppravleni: 'nütsp'ra:vlenę/nutsp'ra:vlenę *pospravljen* –
 'nütsp'ra:vlena 'repa, 'nütsp'ra:vlena 'kukarca, 'nütsp'ra:vlenę k'rumpļęge
 nützakopani/nutzakopani: 'nütza'kořanę/'nutza'kořanę *zakopan* – 'nütza'kořana
 'repa, 'nütza'kořanę ba'gundļę
 nützarašćeni/nutzarašćani: 'nütza'rąšćęnę/'nutza'rąšćanę *zarašćen* –
 'nütza'rąšćęnę še'nica, 'nütza'rąšćęnę 'oves
 nützatrnateni/nutzatrnateni: 'nützatar'nątenę/'nutzatar'nątenę *zapeleveljen* –
 'nützatar'nątenę 'gečman, 'nützatar'nąteno 'žito
 okopani: o'kořanę *okopan* – o'kořana 'repa, o'kořana 'kukarca, o'kořanę
 k'rumpļęge, o'kořanę 'mąk
 okraden: 'okradęn *ohrovtov* – 'okradęno 'liske
 ovcov: 'ořcof *ovsen* – 'ořcova s'ląma, 'ořcovo star'ńišće
 paradajsovi: para'da:jsovę *paradižnikov* – para'da:jsova f'la:nca
 petaržovi/petražovi: petar'žovę/petra'žovę *peteršiljev* – petar'žovo 'liske
 prpłovi: 'prpłovę *paprikov* – 'prpłova f'la:nca, 'prpłova 'betva
 pšeničen/šeničen: pše'ničen/še'ničen *pšeničen* – pše'nična s'ląma, pše'nično
 star'ńišće, pše'nična 'mela
 rani: 'ra:nę *zgodnji*, *ran* – 'ra:nę k'rumpļęge, 'ra:na ša'la:ta, 'ra:na ka'püsta
 rdeči: ra'dęčę *rdeč* – ra'dęča ka'püsta, ra'dęča 'repa
 rejdkı: 're:jtkę *redęk* – 're:jtko 'sild'e, 're:jtka 'kukarca, 're:jtka 'repa

repin: 'reṗen *repen* – 'reṗeno 'semen, 'reṗeno 'liske
semenski: 'semenske *semenski* – 'semenske k'rumplenge, 'semenska 'kukarca
smetlavi: s'metlave *smeten* – s'metlava pše'nica, s'metlavo 'žito, s'metlavo 'sild'e
sprtolejšnji/sprtolejšen: sparto'le:jšnje/sparto'le:jšen *pomladanski* – sparto'le:jšnja
še'nica, sparto'le:jšnja ša'la:ta
srauvo: s'ro:uṗe *nezrelo* – s'ro:uvo 'semen, s'ro:uvo 'sild'e
šalatin: ša'la:teṗ *solaten* – ša'la:teṗa g'la:va, ša'la:teṗo 'liske
tikvin: 'tikfeṗ *bučen* – 'tikfeṗe koš'kice, 'tikfeṗo 'semen
trnati: tar'nâteṗ *plevelast* – tar'nâta 'reṗa, tar'nâto 'sild'e
zbožen: z'bōžen *skromen* – z'bōžna 'leṗena, z'bōžen 'po:uf
zrejli:z're:jle *zrel* – z're:jlo 'žito, z're:jla ša'nica, z're:jle 'gečman
žitovi/žitvin: 'žitoveṗ/'žitveṗ *ržen* – 'žitova s'lâma, 'žitovo star'nišče

Kratka analiza predstavljenega narečnega gradiva

Slovarček obsega izraze za pridelke na polju in vrtu in tudi pridevnike, povezane z njimi, ki so jih Porabci uporabljali več stoletij na samooskrbovalni kmetiji. Besedišče za predstavljeni tematski sklop Pridelki na polju in vrtu lahko glede na izvor razdelimo na neprevzeto ('*betva*, '*mrkefca*, '*na:t*, '*o:utava*, '*šečka*, '*sa'no:u*, '*tikef*, '*žito*) in prevzeto besedje ('*dina*, '*ba:la*, '*ba'gundle/bo'gungle*, '*fla:nca*, '*ka'miu*, '*okrada*, '*para'da:js*, '*kila'ra:ba/kela'ra:ba*, '*lucerna*, '*petraža/petroš*), največji delež besed je neprevzetih oz. slovanskega izvora.

Besedje tujega izvora v narečni kmetijski terminologiji je zlasti germansko ('*fla:nca*, '*para'da:js*, '*okrada*, '*ba'gundle/bo'gungle*) in romansko ('*kila'ra:ba/kela'ra:ba*, '*če'pincle/ča'pincle*, '*petraža/petroš*, '*ka'miu*), v najnovjšem času tudi madžarsko ('*reték*, '*kârfiol*, '*zeler*, '*cukini*, '*pâtison*, '*trite'ka:le*, '*törke*, '*š'penot*, '*boršo*). Romanski izrazi, predvsem latinski, so bili tudi v porabsčino sprejeti preko nemščine. Poimenovanja za pridelke, ki so se v porabskem vrtu pojavili pred nekaj desetletji ('*reték*, '*kârfiol*, '*zeler*, '*cukini*, '*š'penot*, '*boršo*), so v porabsčino prišla preko madžarsčine.

Za besedišče s področja Pridelki na polju in vrtu so značilni tudi dobesedni prevodi (t. i. kalki) iz madžarsčine, ki se pojavljajo zlasti za izražanje določene vrste na novo pojavljajočega se pridelka (*ra'deča* 'reṗa, 'cukarna 'reṗa, *gos'počka* 'tikef).

Med narečnimi izrazi za poimenovanje pridelkov se pojavljajo tudi manjšalnice, npr. 'lûk – 'lû:čeček.

V slovarček sva uvrstili dve vrsti pridevnikov, in sicer lastnostne in vrstne pridevnike, ki se nanašajo na pridelke (*čeč'ka:te*, *čar'vive*, '*døjpošp'rickane*, '*gobave*, '*klasov'na:te*, '*ceplene*, '*cukarne*, '*d'e'senske*, '*kesen*, '*ra'deče*, '*semenske*, '*sparto'le:jšnje/sparto'le:jšen*), ter tvorjene pridevnike, ki so nastali iz poimenovanj pridelkov ('*žitoveṗ/'žitveṗ*, '*tikfeṗ*, '*ša'la:teṗ*, '*reṗen*, '*pše'ničen/še'ničen*, '*prploṗe*, '*para'da:jsoṗe*, '*kukarčen*, '*ka'püsen/ka'püsten*, '*g'râjove*).

Pridevniki, povezani s pridelki, so v celoti neprevzete besede, tj. ali slovanskega izvora (*'ceplene*, *z're:jlę*, *d'e'sęnske*, *'kęsen*, *ra'dęęę*, *'semenske*) ali pa so tvorjeni iz prevzetih podstav iz nemščine oz. madžarščine s pomočjo domačih besedotvornih obrazil (*'cukarne*, *ka'mülove*, *'okradęn*, *ka'püsen/ka'püsten*, *para'da:jsove*).

Pridevniki, povezani s pridelki, se v narečnem gradivu večinoma pojavljajo v določni obliki (*čęč'ka:tę*, *čar'vivę*, *'dojpošp'rickane*, *'gobave*, *klasov'na:tę*, *'ceplene*, *'cukarne*, *d'e'sęnske*, *ra'dęęę*, *'semenske*, *sparto'le:jšńę*, *'cukarne*, *ka'mülove*), obstaja pa tudi nekaj primerov z nedoločno obliko (*'tikfęn*, *ša'la:tęn*, *'reęęn*, *pše'ničen/še'ničen*, *ka'püsen/ka'püsten*). Med predstavljenimi pridevniki, tako vrstnimi kot lastnostnimi, se pojavljajo primeri v določni in tudi nedoločni obliki (*sparto'le:jšńę/sparto'le:jšen*, *'žitove/'žitven*).

Povzetek

Prispevek obravnava porabsko poimenovalno besedje s področja poljedelskih pridelkov in z njimi povezane pridevnike. Gre za strokovno izrazje, ki zaradi spreminjajočega se načina življenja izginja iz aktivnega besednega zaklada porabskih govorcev. Porabski izrazi za kmetijske pridelke in vse, kar je povezano z njimi, sicer še danes tvorijo bogat besedni zaklad starejših porabskih Slovencev, vendar pa stara slovanska terminologija pri srednji generaciji govorcev hitro tone v pozabo, mlajša pa je sploh ne pozna več.

Največji vpliv na porabsko besedje je v preteklosti imela nemščina, v novejšem času pa madžarščina. Najstarejše germanske izposojenke, ki so prišle v narečje preko nemščine, se danes ne občutijo več kot prevzete, saj so se popolnoma prilagodile porabskemu govoru. Najnovejše madžarske izposojenke (*'retęk*, *'kârfiol*, *'zeler*, *'cukini*, *'pâtison*, *t'rite'ka:lę*, *'törkę*, *š'penot*, *'böršo*) s področja Pridelki na polju in na vrtu občutimo kot tuje besede, ki jih govorce niso prilagodili svojemu govoru.

Pri pridevnikih, povezanih s pridelki, ne najdemo prevzetih besed, tj. ali so slovanskega izvora ali so tvorjenke iz tujih podstav (*'ceplene*, *z're:jlę*, *d'e'sęnske*, *'kęsen*, *ra'dęęę*, *'semenske*; *'cukarne*, *ka'mülove*, *'okradęn*, *ka'püsen/ka'püsten*).

V prispevku sta predstavljeni le dve področji kmetijskega izrazja, tj. pridelki na polju in vrtu in z njimi povezani pridevniki, in sicer kot nadaljevanje članka *Kmetijsko izrazje v porabskih vaseh*, objavljeno v zborniku Rojena v narečje, ki je izšel ob 80-letnici akademikinje prof. dr. Zinke Zorko, v katerem sva obravnavali poimenovanja za kmečka opravila in kmečka orodja. Brez pomoči starejših informatorjev bi danes težko zbrali nekdanja poimenovanja za kmetijske pridelke in lastnosti le-teh. Pomembna in zanimiva pa bi bila nadaljnja analiza ostalega porabskega narečnega izrazja s področja kmetijstva.

Literatura

- BAJZEK L. 2009 = BAJZEK L. M. Slovar Gornjega Senika A–L. (Mednarodna knjižna zbirka Zora, 66). Maribor, 2009.
- BEZLAJ 1997-2005 = BEZLAJ F. Etimološki slovar slovenskega jezika. Ljubljana, 1997- 2005.
- EMBERŠIČ Š. – DONČEC M. 2016 = EMBERŠIČ Š. E. – DONČEC M. I. Kmetijsko izrazje v porabskih vaseh // Rojena v narečje (Akademikinji prof. dr. Zinki Zorko ob 80-letnici). Ur. Marko Jesenšek. Maribor, 2016. 190-205.
- KOLETNIK 2008 = KOLETNIK M. Panonsko lončarsko in kmetijsko izrazje ter druge dialektološke razprave. (Mednarodna knjižna zbirka Zora, 60). Maribor, 2008.
- KOZAR M. 1984 = KOZAR M. M. Slovensko Porabje. Ljubljana – Szombathely, 1984.
- KOZAR M. 1988 = KOZAR M. M. Gornji Senik – Felsőszölnök. Szombathely – Ljubljana, 1988.
- KOZAR M. 1996 = KOZAR M. M. Etnološki slovar Slovencev na Madžarskem – A magyarországi szlovének néprajzi szótára. Monošter – Szombathely, 1996.
- LOGAR 1975 = LOGAR T. Slovenska narečja. Ljubljana, 1975.
- MUKIČ 2005 = MUKIČ F. Porabsko-knjižnoslovensko-madžarski slovar. Szombathely, 2005.
- NOVAK F. – NOVAK V. 1996 = NOVAK F. – NOVAK V. Slovar beltinskega prekmurskega govora. Murska Sobota, 1996.
- PLETERŠNIK 1894-95 = PLETERŠNIK.M. Slovensko-nemški slovar. Ljubljana, 1894-95.
- SLOVAR 1995 = Slovar slovenskega knjižnega jezika (elektronska oblika). Ljubljana, 1995.

Иштван Феринц
(Сегед, Венгрия)

ОБРАЗ КОНСТАНТИНА-КИРИЛЛА
В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПРОФЕССОРА ИМРЕ Х. ТОТА

Abstract: The author of the paper as Prof. Imre H. Tóth's disciple, and – later – colleague was familiar closely with his teacher's educational principles and demands which led to Prof. H. Tóth's successful investigational, scholarly and school-establishing activities. The author of the paper purports to elucidate the life-path of the establishers of Slavic literacy and culture referring to Prof. H. Tóth's book and other studies on Constantine-Cyril and Methodius while throwing light on the interrelationship of the exceptionally talented young Constantine's theoretical knowledge and practical deeds. The unity of these manifested itself with extraordinary efficiency in their missionary and expedient activities. It was especially important for Prof. H. Tóth to present Constantine as a scholar in his writings.

Keywords: Byzantine culture, 9th century, the rise of Slavic literacy, Constantine Cyril and Methodius, Imre H. Tóth

Свой доклад я хочу посвятить памяти нашего учителя, профессора Имре Х. Тота (21 мая 1932 – 19 октября 2014), к которому мы, его ученики, обращались уважительно: «Господин Преподаватель» («Tanár Úr!»). Я знал его с того времени, как он стал преподавать на Кафедре русского языка и литературы Сегедского университета. Это было в 1961 году, когда нам, студентам 2-го курса, он читал лекции и вел семинарские занятия по исторической грамматике русского языка. С этого времени до самой кончины в течение более сорока лет его деятельность была связана с Сегедским университетом. Как студент, а потом как его молодой коллега я был свидетелем того, как его преподавательская, научная и исследовательская деятельность приобретала все более определяющее значение в истории Кафедры русского языка и литературы, а затем в создании Института славистики Сегедского университета.

За долгие годы его научной деятельности в венгерских и зарубежных журналах было опубликовано множество его научных статей, а его книги переведены на иностранные языки. Кроме того, профессор Имре Х. Тот неоднократно выступал с докладами на международных съездах славистов, на симпозиумах и конференциях, завоевав признание и

уважение учёного сообщества к своим научным достижениям. Профессор Имре Х. Тот пользовался заслуженной международной репутацией крупного учёного, имел многосторонние научные связи с коллегами в самых разных странах. О своих преподавателях, коллегах – венгерских и иностранных – он всегда говорил с любовью и чувством глубокой благодарности (Н. ТÓТН IMRE 2000: 5-8).

Важно отметить, что преподавательскую работу профессор Имре Х. Тот считал своим призванием. Это выразилось и в том, что он был неутомимым и увлечённым наставником многих поколений талантливых студентов-русистов, которые получили от него глубокие и многосторонние знания. Кроме того, профессор Имре Х. Тот долгие годы руководил научной работой студентов в области истории русского языка в НСО. Многочисленные студенческие работы, получившие признание и высокие оценки в масштабах Венгрии, свидетельствовали о его умелом и успешном научном руководстве. Имре Х. Тот всегда подчёркивал значение в преподавательской работе лекционных курсов, которые формируют у студентов способность к научному мышлению. Именно поэтому, он требовал от своих студентов регулярного посещения лекций и систематической подготовки к занятиям. Как преподаватель он был требователен и по отношению к самому себе, и к своим лекциям, которые он год от года регулярно дополнял и углублял. Уже с самого начала своей преподавательской деятельности, он с особым интересом и вниманием относился к так называемым основополагающим предметам, таким как *Введение в славянское языкознание* (Н. ТÓТН 1973) или *Введение в русистику* (BINARI – Н. ТÓТН 1982). Проблематика введения в славянское языкознание не переставала волновать его всю жизнь, о чём свидетельствуют многочисленные дополненные или исправленные переиздания его учебников (Н. ТÓТН 1989, 1996, 2004).

Важную область исследовательских интересов профессора составляли ранние русские памятники, а также памятники старославянского языка русской редакции. Поэтому в начале 70-х годов Имре Х. Тот начинает изучать и издавать небольшие по объёму ранние памятники русского языка, полагая, что без конкретных данных о языке не может быть ценных и долговечных обобщений и теорий. Результатом многолетних исследований и изданий памятников стала его докторская диссертация, защищённая им в Будапеште в 1985 г., на тему: *Русская редакция древнеболгарского языка в конце XI – начале XII вв.* (Н. ТÓТН 1985) Диссертация была издана в том же году в Болгарии под заглавием: *Русская редакция древнеболгарского языка в конце XI – начале XII вв.* (София: БАН, 358 с.).

В то же время он придавал большое значение и семинарским занятиям, на которых студенты могли задавать вопросы, побуждающие преподавателя к дальнейшему анализу и изучению возникших проблем.

Одним из таких спецсеминаров, выросших из курса его лекций, стал семинар, посвящённый жизни и деятельности первых славянских учителей – Кирилла и Мефодия. Многие его статьи и сообщения на эту тему, опубликованные им во второй половине 70-х годов, свидетельствуют об этом.

В 1981 году как итог многолетней работы со студентами над этой темой появилась его книга *Жизнь и дело Константина-Кирилла и Мефодия* (Н. ТÓТН 1981). В Венгрии книга Имре Х. Тота разошлась быстро, что позволило Кафедре славянской филологии Сегедского университета в 1991 г. издать её вторично, уже в переработанном и дополненном виде (Н. ТÓТН 1991). Второе издание книги отличается от первого более широким охватом вопросов культуры, и потому автор дал ей подзаголовок *Введение в историю славянской культуры*. Эта книга ещё раз подтвердила то, в чём мы, его ученики и коллеги, не раз могли убедиться в личном общении с ним, а именно, его прекрасную осведомленность в вопросах культуры Средневековья, его начитанность и широту охвата предмета изучения. Важно подчеркнуть, что от личности профессора Имре Х. Тота неотделима была любовь к книгам, жажда знаний и любознательность большого учёного.

Книга профессора Тота была издана в Болгарии ещё в 1981 году в переводе на болгарский язык, затем в 2002 году там же в переработанном виде (ТОТ 1981, 2002). За эту работу правительство Болгарии наградило автора орденом Кирилла и Мефодия первой степени.

В своей книге профессор Х. Тот поставил себе целью представить жизненный путь и деятельность Кирилла и Мефодия – создателей древнейшей азбуки и литературного языка славян как можно многостороннее, но с единой точки зрения путем тщательного анализа источников, а также использованием достижений специальной литературы. Изучение богатой специальной литературы убедило профессора Тота в том, что жизнь основоположников славянской письменности и культуры следует рассматривать в трёх аспектах.

Первый аспект автор книги называет византийским, так как Константин-Кирилл и Мефодий были выдающимися учеными византийской науки IX века, и их деятельность нельзя понять без знания византийского культурного фона. Высокий уровень духовной жизни Византии того времени, высокий уровень византийского образования, а также духовное возрождение, называемое первым византийским ренессансом, служили той прочной научной основой, опираясь на которую, Кирилл смог создать главное дело своей жизни – славянскую письменность и защитить её от противников.

Сказанное выше о преподавательских взглядах Имре Х. Тота о значении учёбы и образования молодежи объясняет, почему в своей книге о Константине-Кирилле и Мефодии он так подробно останавливается на

вопросах византийской системы воспитания и образования, ведь Константин значительную часть своей жизни, годы молодости, провёл в Царьграде. Этот период определяющим образом повлиял на его характер. Профессор Тот подчеркивает, что Константин стал личностью мирового значения не только благодаря своему огромному таланту, но и системе византийского образования. Отличные преподаватели Константина (Лев и Фотий), установившаяся в столице научная атмосфера, так называемый первый византийский ренессанс середины IX в., существенно способствовали формированию Константина-Философа как крупнейшего ученого-филолога и богослова своего времени. Восприятие светской науки как подготовительного этапа к постижению богословия способствовало тому, что Константин получил великолепное разностороннее светское образование.

В кружке Фотия Константин усвоил правила ведения полемики, основанной на терпимости к своему оппоненту, на многообразии взглядов на одну и ту же проблему. Там же Константин получил фундаментальные знания и обрёл специальный интерес к филологии. Разностороннее светское образование, в том числе фундаментальные грамматические знания позволили ему осуществить историческую миссию создания славянской письменности. Его способности впоследствии не раз использовались императором, но они пригодились ему и в его просветительской деятельности среди славян. По словам автора книги, в лице Константина мы можем видеть отличного учёного IX века, лингвистическая и философская подготовка которого составляли органическое целое, элементы которого были тесно связаны между собой, и действительно проявлялись в теоретической и практической деятельности этого крупного учёного-миссионера.

Второй аспект исследования, пишет профессор Тот, выражается в сложных церковно-исторических и политических отношениях IX века. Эти сложные политические и церковно-исторические моменты в своей сложности и противоречивости сделали возможным появление, употребление, и распространение славянской письменности. Эта письменность с момента своего зарождения вызывала ожесточённые нападки сторонников триглоссии. Константин, а после его смерти Мефодий, ссылаясь на принципы *ratio* и авторитета, всякими дипломатическими маневрами защищали созданную для славян письменность и литературу на ней, так как оба прекрасно понимали, что создание славянской письменности, её развитие, и совершенствование открывают путь славянским народам, дают им возможность приобщиться к мировой сокровищнице науки и культуры, созданной на протяжении столетий, а также путь к слову Божьему. Благодаря этому литературному языку на наречиях славян заговорили крупнейшие античные и средневековые авторы. Именно в этих сложных исторических, церковно-

исторических и политических условиях развёртывалась миссионерская деятельность Кирилла и Мефодия в Моравии и Паннонии.

Третий аспект – болгарский, ведь после смерти Мефодия в 885 г. немецкое духовенство изгнало учеников Мефодия из Моравии и уничтожило богослужение на славянском языке. Дело Константина-Кирилла и Мефодия спасла Болгария, именно благодаря Болгарии дело славянской письменности продолжало процветать и получило распространение у других славянских народов.

Приступая к описанию жизненного пути Кирилла и Мефодия и их просветительской деятельности в славянских землях, профессор Имре Х. Тот обращается к пространным житиям Константина и Мефодия, так называемым «Паннонским легендам». Пространное Житие Константина содержит ценные сведения о жизни и деятельности Константина Философа, агиограф показывает его не только создателем славянской письменности, но миссионером и замечательным проповедником-полюемистом. Профессор Х. Тот вместе с другими исследователями считает, что значительная часть пространного Жития восходит к трудам самого Константина: в тексте жития обнаруживаются фрагменты произведений самого Константина Философа – стихотворений, молитв, отчётов о миссионерских поездках и пр. К ним, например, относится диспут Константина с хазарскими мудрецами, который позднее был вкратце переведен Мефодием на славянский язык и вставлен автором в текст Жития Константина. Как художественное произведение, вышедшее из-под его пера, рассматривается учеными речь первоучителя в Венеции в защиту равноценности славянской письменности. Многие из них подтверждаются позднейшей рукописной традицией. Агиограф Константина объединил и отредактировал их. Таким образом, пространное Житие стало своеобразной антологией произведений Константина.

Специфика жития состоит и в особенности образа центрального героя. Так, Хр. Трендафилов отмечает: «Подвиги святого рассматриваются в плане интеллектуальных достижений, отсюда проистекает “софийность” жития – важнейшая его особенность, Интересно, везде Константин побеждает своих противников мудростью, изобретательностью, находчивостью» (СЛОВАРЬ КНИЖНИКОВ 1987: 156).

Правда, в начале жития мы находим характерные для памятников агиографии мотивы, указывающие на богоизбранность Константина, например, отказ младенца от молока кормилицы или отказ родителей героя после его рождения от плотских отношений. Два примера из отрочества Константина приводит профессор Х. Тот в своей книге, так как оба они имеют символическое значение. Агиограф рассказывает, например: когда отроку было семь лет, увидел он сон и поведал отцу и матери. И сказал: «Собрал стратиг всех девиц нашего города и обратился

ко мне: “Выбери себе из них ту, которую хочешь иметь женой на помощь себе и супружество”. Я же, взглянув и рассмотрев всех, увидел одну прекраснее всех: сверкающую лицом и украшенную золотыми ожерельями и жемчугом и всеми украшениями. Имя же её было София, то есть мудрость. Ее избрал». Подобный сон видел и Григорий Богослов (IV в.), которого Константин выбрал своим идеалом. Григорий выбрал чистоту и воздержание («Чистота, Целомудрие»). Таким образом автор жития подчеркнул сходство между ними.

Второе событие имеет, скорее, символическое значение. В один из дней, когда по обычаю дети богатых забавлялись охотой, Константин вышел с ними в поле, взяв своего ястреба. И когда он пустил его, поднялся ветер по Божиему предначертанию и унёс его. Отрок же с этого времени, впав в печаль и уныние, два дня хлеба не ел. Милостивый Бог по своему человеколюбию, не разрешая ему привыкать к житейским делам, умело уловил его. Поразмыслив о удовольствиях жизни сей, каялся он, говоря: «Что это за жизнь, если на место радости приходит печаль? С сегодняшнего дня направляюсь по другому пути, который лучше этого. А в хлопотах этой жизни дней своих не окончу». И взялся за учение, сидя в доме своём, уча наизусть книги святого Григория Богослова. И...похвалу такую написал святому Григорию: «О Григорий, телом человек, а душою ангел! Ты плотью человек, ангелам уподобился. Уста твои, как одного из серафимов, Бога прославляют и вселенную просвещают учением истинной веры. И меня, припадающего к тебе с любовью и верой, прими и будь мне просветитель и учитель». Для Константина Григорий Богослов стал идеалом, образцом, которому он будет следовать всю свою жизнь. Как Григорий Богослов стремился жить в условиях „otium cum dignitate,” так и Константин в разных периодах своей жизни ищет возможностей для творческого уединения.

Отроческие годы и годы учения Константина в Константинополе агиограф описывает следующим образом: «Когда же пришёл в Царьград, отдал его учителям, чтобы учился. И в три месяца выучился грамматике и за другие науки принялся. Обучился же Гомеру и геометрии, и у Льва и у Фотия диалектике и всем философским наукам вдобавок: и риторике, и арифметике, и астрономии, и музыке, и всем прочим эллинским искусствам. Так научился всему, как кто-нибудь мог бы научиться одному <лишь> из них. Соединились в нем быстрота с прилежанием, помогая друг другу: с ними постигаются науки и искусства. Больше, чем <способность> к наукам, являл он образец скромности: с теми беседовал, с кем полезнее, избегая уклоняющихся с истинного пути на ложный, и помышлял, как бы, сменив земное на небесное, вырваться из плоти и с Богом пребывать». Благодаря агиографу, в этом эпизоде мы становимся свидетелями становления характера одарённого молодого человека, для которого основной принцип – любовь к наукам.

Деяния Константина-Кирилла начинаются сразу после обширного эпизода о книжном учении и представляют собой цепь одноструктурных частей, связанных между собой единой идеей. При этом в содержании каждой последующей части меняется место действия и персонажи, за исключением главного лица – Константина. В целом же содержание и структура частей однотипны и представляют собой набор конкретных сюжетных топосов: сообщение о ереси (язычестве) или о необходимости проповедовать в определённой земле – император отправляет в то место Константина, человека, способного в любом споре отстаивать истинную веру. Сюжетно-композиционно эпизоды основаны на конфликтах агиографического героя с вероотступниками или представителями других вероисповеданий. Полемика Константина-Кирилла с патриархом-иконоборцем Иоанном VIII Грамматиком, с мусульманами, хазарами и представителями «трёхъязычной» ереси составляет главное содержание четырёх частей житийного повествования.

Деяния Константина начинаются с сообщения о распространении ереси патриархом Иоанном: «Некогда Анний патриарх воздвиг ересь, говоря, чтобы не оказывали чести святым [иконам]». Император посылает Константина к вероотступнику, и святой побеждает в прениях. Завершается часть сообщением о посрамлении Иоанна.

Новый эпизод деяний начинается сообщением о том, что «После того агаряне, называемые сарацинами, воздвигли хулу на единое божество Святой Троицы». И вновь на соборе решено было послать Константина. Прекрасное знание Библии, античных писателей, кроме того, превосходное владение правилами риторики позволяет герою блестяще победить. Желая подчеркнуть лежащую на святом благодать, автор заканчивает эту часть таким сообщением: озлобившись, агаряне дали пить Константину отраву, но тот вернулся домой здоровым, что также чудесным образом знаменует победу святого. Последующие эпизоды повествуют о Константине не только как о блестящем полемисте, но и учителе, чья деятельность заключалась в том числе в переложении богослужебной литературы на родной язык того или иного народа. Так, третья часть деяний начинается просьбой хазар к царю послать им учителя, такого, который смог бы победить в споре евреев и сарацин и к вере христианской обратить народ хазарский. Император с напутствием отпускает Константина Философа.

В эту часть вклинивается несколько эпизодов, которые, очевидно, по отношению к агиобиографии имеют хронологический характер, но «разрезают» повествование, имеющее сюжетно-композиционную параллель в предшествующих частях. Святой, не зная языков своих оппонентов, затворяется в храме, молится и начинает обучаться грамматике евреев и самаритян, после чего, « приняв знание от Бога, начал читать (эти) книги без ошибок».

Вставка об обретении Константином святых мощей Климента призвана подчеркнуть его святость и богоугодность. Подобную направленность носит и вставка в повествование эпизода об укрощении хазарского воеводы, который осадил христианский город. После беседы с Константином, воевода снял осаду и ушёл, пообещав креститься. После этого «возвратился же и Философ в свой путь» В хазарской земле Константин начинает проповедовать христианство, побеждая в беседах. Результатом становится крещение: «Крестилось же из них двести человек, отказавшись от мерзостей языческих и браков незаконных». Возвращаясь в свои земли, творил Константин чудеса и обращал встречный народ в христианство.

Четвертая сюжетно-композиционная часть деяний также составляет параллель к предшествующим. Константин Философ продолжает осуществлять свой путь подвижничества через учительную деятельность, борьбу с ересями. Моравский князь просит учителя – «...нет у нас такого учителя, чтобы нам на языке нашем изложил правую христианскую веру» – и император посылает святого в моравскую землю. По молитве Константина наделяет Господь его знанием языка. Вскоре были переведены святым богослужебные книги и тот отправляется в Моравию. Константин собирает учеников и обучает их службе церковной. Злой завистник дьявол пытается воздвигнуть хулу на святого, и книжники начинают прения с Константином, но тот мудро проповедует истину Божьего закона и побеждает противников. Этот эпизод отличается от предшествующих картин прений святого, поскольку в нём не изображается сюжетная ситуация, а лишь передается содержание еретических высказываний, с одной стороны, и ответные речи Константина-Кирилла – с другой. После информации о рукоположении учеников святого продолжается повествование о борьбе святого с «трёхъязычниками». Теперь рассказ, как и в других частях, имеет характер изображения диалога между противниками. В Венеции Философ участвует в прениях с епископами, попами и черноризцами и побеждает их в споре, доказывая при помощи многочисленных и весьма пространных цитат из Священного Писания необходимость проповедовать Слово Божие на многих языках. Победа над противниками реализуется не только сообщением об их посрамлении, но и сценой приёма Константина-Кирилла римским папой, и сообщением о произошедших в то время чудесах. Как видим, данная часть строится по уже знакомой схеме: святому поручают проповедовать в Моравских землях – первые прения с «трёхъязычниками» и победа над ними (рукоположение учеников) – вторые прения с трёхъязычниками – победа на ересью.

Таким образом, анализ Жития Константина-Кирилла показывает, что сюжетно-композиционный параллелизм является достаточно устойчивым

приёмом построения агиографического текста. В рассматриваемом произведении сюжетно-композиционные эпизоды, с одной стороны, соотносятся с агио-биографической хронологической линией повествования, а с другой – вновь и вновь демонстрируют уникальный проповеднический дар героя, а также представляют читателю возможность понять преимущества христианства перед другими вероисповеданиями и еретическими учениями.

Житие исторично, его пафос состоит в осмыслении дела Константина Философа. Все его подвиги описываются в произведении как подготовка к созданию славянской письменности и фундамента новой славянской культуры, а моравская миссия Константина рассматривается как финальный акт деятельности вселенского проповедника. В Житии видна тенденция представить героя как мирового учителя, жизнь Константина соотносится с деяниями апостола Павла.

Константину-Кириллу как выдающемуся учёному IX в. профессор Тот уделяет большое внимание не только в своей книге, но и в ряде статей. В одной из них он пишет: «Результат нашего исследования можно сформулировать следующим образом: Константин взялся за создание славянской письменности и перевод Евангелия и Апостола задолго до моравской миссии. Не получив поддержки и одобрения ни от императорского двора, ни от византийской церкви, как лояльный подданный он оставил свои попытки. Однако, когда благодаря моравской миссии Константин получил возможность закончить свой труд по созданию славянской письменности и переводов, работа была закончена» (ТОТ 2007). В другой статье Имре Х. Тот ставит своей целью дать представление о Константине Философе как выдающемся учёном IX века: «Лучшим доказательством того, что Константин был отличным учёным, является созданное им славянское письмо, которое он не мог бы составить без глубоких грамматических знаний. В системе письма Константина осуществился тот принцип, согласно которому каждая буква имеет лишь одно звуковое значение. Этой точностью Константин создал в истории письма новое и значительное. Своим методом он устранил колебания и двусмысленности в обозначении звуков» (ТОТ 1983: 3-31).

Литература

- СЛОВАРЬ КНИЖНИКОВ 1987 = Словарь книжников и книжности Древней Руси вып. I (XI – первая половина XIV в.) Ленинград: Издательство «Наука» 1987.
- ТОТ 1981, 2002 = ТОТ И. Константин-Кирилл и Методий, Под редакцията на проф. Кую Куев. Перевела от унгарски Марта Бур-Марковска. София: Издательство на Отечествения фронт, 1981. ТОТ И. Светите братя Константин-Кирилл и Методий. Перевела от унгарски Марта Бур-Марковска. София: Унгарски Културен Институт, Издателска Къща «Гутенберг», София, 2002.

- TOT 1983 = TOT И. Константин-Кирилл – ученый // *Studia Slavica Hung.* 29 (1983). 3-31.
- TOT 2007 = TOT И. К вопросу о возникновении славянской письменности и первых славянских переводных книг // *Балканско езиковзнание* 46 (2007). 241-248.
- BIHARI – H. TÓTH 1982 = BIHARI J. – H. TÓTH I. Bevezetés a russzisztikába, Budapest: Tankönyvkiadó, 1982.
- H. TÓTH 1973 = H. TÓTH I. Bevezetés a szláv nyelvtudományba. Budapest: Tankönyvkiadó, 1973.
- H. TÓTH 1981 = H. TÓTH I. Konstantin-Cirill és Metód élete és működése. Budapest: Magvető Kiadó, 1981.
- H. TÓTH 1985 = H. TÓTH I. Az óbolgár nyelv óorosz redakciója a 11. század végén – 12. század elején [Русская редакция древнеболгарского языка в конце XI – начале XII вв.]. (*Akadémiai doktori értekezés.*) Budapest, 1985 (334 + 69 pp.).
- H. TÓTH 1989, 1996, 2004 = H. TÓTH I. Bevezetés a szláv nyelvtudományba. (Kézirat, harmadik, javított kiadás), Budapest: Tankönyvkiadó, 1989, Szeged: JATEPress, 1996, Szeged–Szombathely: Felelős kiadó: prof. dr. Gadányi Károly, 2004.
- H. TÓTH 1991 = H. TÓTH I. Cirill-Konstantin és Metód élete, működése (Bevezetés a szláv kultúrtörténetbe). Második átdolgozott kiadás, Szeged, 1991. Harmadik átdolgozott kiadás, Szeged: Bába Kiadó, 2003.
- H. TÓTH IMRE 2000 = H. Tóth Imre // *Magyar nyelvész pályaképek és önvallomások* 58. Eötvös Loránd Tudományegyetem, Fonetikai Tanszék, 2000. 5-8.

Kristina Glavanić
(Narda, Mađarska)

KULT WEIDINGERA U HRVATSKOM ŽIDANU

Abstract: The purpose of my treatise is to throw lights on the role of Mr. Josko Weidiger by looking at the activities of the amateur drama group in Horvátzsidány throughout the last 25 years. There is no doubt that Mr. Weidiger plays a very important part in the cultural life of the village. By performing his plays, the Horvátzsidány dialect of the Gradisty Croatian language appears in the theatre as well to prove that the language we inherited from our ancestors 500 years ago is still legitimate and viable. Owing to our enthusiastic amateur actors, besides the Croatian language, the Croatian culture also comes to life on the stage to tell us about the everyday life of the people living in the Gradisty region.

Keywords: amateur drama group, amateur actors, dialect of the Gradisty Croatian language, cultural life

Identitet – postojanje manjine

U očuvanju identiteta ključne temelje tvore obitelj, crkva, odnosno obrazovne ustanove. U ulozi crkve Josip Kumpes navodi: „*Pretpostavlja se da je religija (odnosno Crkva i specifična religijska tradicija i kultura), uz jezik, kulturu, povijest, običaje, itd., činilac u oblikovanju etničkog identiteta.*” (KUMPES 1990: 363)

Györgyi Bindorffer piše sljedeće o postojanju manjine: "*Distinktivna obilježja postojanja manjina su nacionalnost, svakodnevna uporaba materinskog jezika, poznavanje zajedničke sudbine, mali običaji iz svakodnevnog života koji se izdvajaju, materijalna i duhovna kultura, sjećanja koja se vežu uz skupinu, načini vođenja života, slavljenje običaja, a preko vjere, počevši od rođenja pojedinca, on se može osjećati članom određene nacionalne ili etničke skupine.*" (BINDORFFER 2011)

Amaterska kazališna umjetnost u krugu gradišćanskih Hrvata – svakodnevna borba protiv asimilacije

U slučaju Hrvata u Mađarskoj u zapadnom pograničnom području amaterska kazališna umjetnost je najznačajnija. Amatersko kazalište je sredstvo izražavanja pripadnosti. Cilj prikazivanja komada je njegovanje, uvježbavanje i očuvanje hrvatskog materinskog jezika, a ujedno očuvanje identiteta, kao i izgradnja duha zajednice, jedna od mogućih i najizraženijih promjena

izražavanja uzajamne pripadnosti. Djelovanje amaterskog kazališta je također ozbiljan zadatak među članovima većinske nacije, ali za manjinsku etničku skupinu ova aktivnost predstavlja vrstu emocionalnog naboja, tj. djelovanje za onu manjinu kojoj pojedinac pripada.

Unatoč problemima s asimilacijom, ima ljudi, starih i mladih, kojima je očuvanje vlastitog identiteta, materinskog jezika i njegovanje običaja važno. Borba za opstanak zahtijeva naporan rad onih koji žele raditi za svoj narod jer iza rezultata uvijek stoje ljudi koji ne štede vrijeme i energiju. Uzimajući u obzir pojačane faktore asimilacije, treba napomenuti ulogu miješanih brakova, najnovija tehnološka dostignuća, fenomen urbanizacije, opasnost otvorenih granica, problematiku nestajanja pedagoga i odgajatelja u vrtiću s hrvatskim porijeklom, kao i hrvatskih župnika. Nestaju višegeneracijska kućanstva. Tako nestaju sve one vrijednosti koje bi mogle biti potporanj jačanju identiteta, kao što je korištenje materinskog jezika u svakodnevnom životu, poštivanje, nastavak i poznavanje tradicije, poštivanje, poznavanje i prakticiranje vjere i vjersko prakticiranje na materinskom jeziku.

Svijet amaterskog kazališta daje priliku da jezik, kultura i tradicija ipak dopru do navedenih etničkih pripadnika i da prenose vrijednosti i ojačaju iskustvo i važnost pripadanja. Edith Mühlgaszner Nikoli Benčiću u uvodu knjige naslova Gradišćansko-hrvatsko narodno kazalište Das burgenländische Theaterwesen navodi sljedeće o ulozi gradišćanskog kazališnog života: „Kazalište u gradišćansko-hrvatski seli je imalo različno značenje: igrokazi su bili osebujan dio kulturnoga stvaranja i doživljaja u selu, a zvana toga se je igrom gajio i gradišćansko-hrvatski jezik. Skupno djelo u igranju teatra je učvršćavalo seosku skupšćinu i ispunjavalo zadaće daljnje naobrazbe.“ (MÜHLGASZNER 1998: 3)

Većinski narod imao je velik utjecaj na šaćicu hrvatskih pripadnika okružen mađarskom i njemačkom populacijom. Nikola Benčić piše sljedeće o počecima života kazališta gradišćanskih Hrvata: „*Već početkom 20. stoljeća pod utjecajem mađarskog pučkog kazališta i snažnim vodstvom Martina Meršića st. amaterske skupine u Gradišću zahvatio je val oduševljenja. Hrvati u austrijsko-mađarskom graničnom području sigurno nisu bili bez vlastitih iskustva na području igrokaza. Pojedini prijepisi rukopisa pasionskih igara s podjelom uloga saćuvani su do danas. (...) Do punog procvata došlo je kazalište tek u razdoblju između dva rata. U gotovo svakoj hrvatskoj ili mješovitoj općini izvodile su amaterske skupine godišnje kat-kada i više igrokaza različita sadržaja. Ne bi trebalo posebno isticati jezičnu i komunikacijsku vrijednost tih djelatnosti. (...) Neprekidna potraga za pogodnim pućkim igrokazima u početku je bila zadovoljena prijevodima iz mađarskog, njemačkog, hrvatskog, slovenskog ili ruskog jezika. (...) No prilićno rano pokušali su gradišćanski Hrvati i samostalno stvarati igrokaze. (...) Nakon drugog svjetskog rata laićki igrokaz nije više tako produktivan, ali je s toga kvalitetniji, izvorniji te jezićno i sadržajno podignut na višu umjetnićku razinu.*“ (BENĆIĆ 1995: 265-266)

Na tragu početaka u Hrvatskom Židanu

U Hrvatskom Židanu 23. veljače 1990. osnovana je mjesna Vjerska i kulturna udruga katoličke mladeži s ciljem očuvanja, njegovanja i prenošenja nacionalnih, narodnih i vjersko-kulturoloških vrijednosti. Unutar udruge postoji je više odjela: plesni ansambl, zbor, tamburaši i naposljetku, ali ne manje važna, kazališna družina, a oni već 25 godina obavljaju misije u njegovanju običaja i hrvatskog jezika i kulture.

U Hrvatskom Židanu se igra još od 1930-ih godina.(HORVAT 2006: 5). Devedesete godine bile su svjedok nastojanjima župnika Štefana Dumovića. On pod pokroviteljstvom njegovanja hrvatskog jezika probija put i regrutira aktiviste. Horvat u Hrvatskom glasniku navodi sljedeće o inicijatoru: „*Štefan Dumović je rođen 24. septembra 1940. u seljačkoj familiji s četvero dice. (...) Za duhovnika je zaređen 21. junija 1970..(...) Poznata je njegova aktivnost na društvenom polju i jedan je od najjačih borcev u očuvanju vjere, nacionalne svisti ter materinskoga jezika na tlu naše regije. Osnivač je Hrvatskoga katoličkanskoga vjerskoga i kulturnoga Društva u Hrvatskom Židanu, (...).*“ (HORVAT 2010: 11)

Lik i djelo župnika Štefana Dumovića u svakom slučaju zaslužuju spomen u pogledu pokretanja udruge. Osnovna ideja i njeno ostvarenje u praksi uzvisuju njegovo ime. Za njega su motivirajući bili entuzijazam drugih amaterskih kazališnih glumaca i njihove godišnje predstave. Uloga župnika iz Klimpuha Štefana Geošića, rodom iz Petrovog Sela, u ovom slučaju aktivnom župniku iz Hrvatskog Židana čak mogu poslužiti kao dobar primjer budući da pisanja brojnih kazališnih komada hvale Geošićevo ime. Godina 1990. bitna je u životu stanovnika Hrvatskog Židana budući da nakon mnogo godina ponovo započinju trnovit put. Zahvaljujući župniku, aktivisti ponovo imaju probe i djelo "Sluga Pišta i tri zaručnjaki" Joška Weidingera se u veljači 1991. godine pojavljuje na kazališnoj sceni. Peter Tyran, glavni urednik gradišćansko-hrvatskog lista Hrvatske novine koji izlazi na austrijskoj strani na sljedeći način govori o Weidengeru: „*Rodjeni Frakanavac i Hrvatski pisac i muzičar Joško Weidinger stekao si je ime i priznanje pred svim kot autor šalnih igrokazov na hrvatskom jeziku, na sridnjogradišćanskom, osobito frakanavskom idiomu, ali isto tako nam je dobro poznat i kot autor dijelom i šalnih i proznih tekstov. (...) 1968. ljeta je Joško Weidinger napisao svoj prvi igrokaz Sluga Pišta i tri zaručnjaki. Komedija je probila na skoro svi pozornica, ne samo na austrijskoj strani, nego i ovkraj granice u Ugarskoj.*“ (TYRAN 2011: 11)

U radu o Weidingeru Aweckera i Schmalla možemo pročitati sljedeće u vezi s komadima "Sluga Pišta i tri zaručnjaki" i "Došao sam iz Amerike": „*(...) Joško Weidinger s ova dva komada potvrđuje nepobitan spisateljski talent i odličan osjećaj za utjecajne kazališne komade. (...) Od književne kvalitete u ovom slučaju je važnija kulturna aktivnost koju obnašaju gradišćanski Hrvati. Iz razloga zato što je kulturna uloga uvijek bila jedna društvena funkcija, što u životu jedne nacije ima istaknutu važnost. Na ovaj način Weidingerovi komadi*

prije svega služe kao dokaz za željom za životom gradišćanskih Hrvata. (...)"(AWECKER-SCHMALL 1995: 203)

Repertoar kazališne družine iz Hrvatskog Židana

Uzevši u obzir komade iz Hrvatskog Židana možemo ustanoviti da govorimo o središtu Weidingerova kulta. Komadi – zanemarivši jednu dvije iznimke – hvale Weidingerov rad. Iz pisma velikih mađarskih pisaca ne nalazimo djela. Više od 130 puta komadi su bili prikazani u različitim mjestima i na taj način su obogaćivala gradišćanskohrvatski jezik i amatersku kazališnu scenu.

Među vodećim redateljima susrećemo se s četiri važne ličnosti. Prvo je tu Žuža Horvat, kantorica (HORVATH 2016:4) koja je radila kao vodeća redateljica. Slijedi je Matilda Bölc, pjesnikinja, profesorica na visokoj školi u Sambotelu u kazališnoj sezoni 1992/1993. (HORVAT 2016:4). Zita Horvat je godinama vodila mjesne amatere i bila pokretačka snaga mjesnoj kazališnoj družini. Nakon povlačenja Zite Horvat, njezinu ulogu od 2010-e preuzima Jadranka Tot (HORVAT 2016:5) koja trenutno predvodi družinu. Jadranka Tot je rodom iz Hrvatskoga Židana.

Prvi komad koji je dospio na kazališnu pozornicu, "Sluga Pišta i tri zaručnjaci" režirala je Žuža Horvat. Premijera je održana u Hrvatskom Židanu 9. veljače 1991. godine. Prema svjedočanstvima dnevnika družine, 38 godina prije toga posljednji put su mjesni aktivisti prikazali hrvatski komad. Kao i ranije, i sada su tijekom zimskih mjeseci započele probe, a vrijeme prikazivanja bilo je u doba fašnika i zabave. Komad su prikazali tri puta u Hrvatskom Židanu i zatim, prema svjedočanstvu dnevnika družine, u 12 drugih naselja.

Godine 1992. na repertoaru Židana je Weidingerov komad "Vitezi granice – žene i druge poteškoće" (HORVAT Š. 1992). Godine 1993. Weidingerov komad "*Kroljač pod stolom*" (HORVAT 2016: 4) našao se na repertoaru Židana, a publika ga je mogla vidjeti u režiji mjesne pjesnikinje Matilde Bölc. Godine 1994. "Na znanje se daje", komad humorističnog karaktera uljepšava doba maškara, a moglo ga se vidjeti u režiji Zite Horvat. Godine 1995. Židanci stupaju na pozornicu s djelom "Načelnik u stiski" i očaravaju publiku.

Od 1996. godine društvo prolazi kroz krizno razdoblje. Godinama nismo čuli za židanske glumce, ali nakon duge pauze od 9 godina u sezoni 2005. godine Weidingerov komad "Čarli u kaosu" golemim uspjehom razbija tišinu. U ponovnom početku, tj. u nastavku, veliku ulogu ima Petar Horvat koji u mjesnom domu kulture preuzima vodstvo u tom razdoblju. Zahvaljujući njegovoj motivaciji stari članovi ponovo započinju s probama. Vodeću redateljsku ulogu preuzima Zita Horvat. Uspjeh je bio motivirajući za članove družine i tako se 2006. s komadom "*Mornari ahoj*" pripremaju za osvajanje dasaka gradišćanskih sela (HORVAT 2006: 5).

Za članove družine 2007. godina najavila je nov početak jer je novo Weidingerovo djelo pod nazivom " SOS Izvanzemaljski" (HORVAT 2007: 8)

bilo spremno. Pisac je djelo konkretno napisao za židanske amatere jer svakog glumca poznaje osobno. Komad ipak nije bio svakom pojedincu primamljiv. Tema nije uobičajena jer predstavlja nešto potpuno novo. Tendencija nije slučajna jer se promatrajući komade može opaziti razvoj amaterskog kazališta. Nestaje prozor s pelargonijama, nestaju narodne nošnje, stare maske, stara odjeća prikupljena u naselju. Pojavljuje se moderni namještaj i moderni komadi odjeće. Suvremenost teme odaje i naslov. Piščeva namjera je jednoznačna. Obilježja modernosti nisu se isticala samo u pogledu rekvizita i scenske slike, nego i u pogledu na sadržaj i jezik. Podjela je važeća u smislu da je Weidinger za publiku značio zabavu i dobru volju s tim bogatstvom riječi i tematskim krugom što je za jednog seoskog čovjeka razumljivo, prozrivo i zabavno. Jezični je stil možda prouzročio probleme, ali ni tema ne treba biti bezuvjetno primamljiva nakon navedenih komada. Gledatelj se s problemima susreće kad stručni termini dođu na svjetlo i tada se može vidjeti koliko marginalizirani ili uopće nekorišteni fond riječi može uzrokovati nevolje među slušateljstvom. Problem uvećava činjenica da pisac koristi hrvatski književni jezik. U osnovi mještani nemaju problema u razumijevanju jednostavnih svakodnevnih izraza, ali predstavljanje kazališnog komada na književnom jeziku s ekstremnijom temom otežava razumijevanje.

U reportaži Timee Horvat koja je izašla u listu Hrvata u Mađarskoj možemo čuti piščeve riječi za vrijeme prikazivanja: „*Ja samo sproberam, pokušim ovde u Hrvatskom Židanu da malo moderniziram igrokaze. Dakle, proberamo iz tih igrokazov s jačkami, iz te kolonije vandojti. Pišem malo modernije igrokaze, ov zadnji bolje sliši tamo. (...) U ovom igrokazu su nove riči, moderne riči te nisu za lako razumiti. Jednostavno i Židani hrvatstvo relativno stoji jur na slabi noga, dakle ja bi rekao, ja već neću ovako igrokaz napisati. Morat ću malo po starinju, specijalno za Židan pisati, tako da ljudi bolje razumu, a onda bolje uživaju u igri.*” (HORVAT, 2007. 10.)

Godine 2009. "*Sluga Pišta i tri zaručnjaki*" (HORVAT 2009: 8) ponovo dospijeva na pozornicu. U odnosu na 1991. godinu osobe koje su igrale uloge tada su se, naravno, promijenile. Ni režija nije ono što je nekada bila, a komadi stvaraju na temelju redateljskog rada Zite Horvat. To je komad s kojim je Hrvatski Židan debitirao u *Hercegovcu* (HORVAT 2009:8) na festivalu za amaterske glumce.

Sezona 2010. započela je s novim režiserskim radom. Jadranka Tot započinje vodstvo družine i režiranjem komada. (HORVAT 2010: 10) Kao mjesna aktivistica i pedagoginja, učiteljica hrvatskog jezika i književnosti i Hrvatski Židan kao mjesto rođenja pokazali su se dobrim odabirom. Te godine "*Gumbica u mošnjici*" i "*Ljubomornost*" dospijevaju na pozornicu. Autor "*Gumbica u mošnjici*" je nepoznat, dok je "*Ljubomornost*" komad K. Trskovića koji je Ignac Horvat preveo na gradišćanskohrvatski jezik. (HORVAT 2010: 10). Gore spomenuta dva djela više ne pokrivaju duge, višesatne komade, već kratke skečeve čija je dužina 30-40 minuta. Komadi su zabavni i okretni. Weidinger je umro 2010., tako da mu 2011. godine Židanci odaju počast. Tri

Weidingerova djela doživljavaju prikazivanje: *"Nevidljivi metulji"*, *"Maskenbal"*, *"Ženit, udavat, ča je to?"*. (HORVAT 2010: 10). Godine 2012. Židanci započinju sezonu s Weidingerovim djelom pod naslovom "Miho se mora ženit". Godine 2014. novina na repertoaru. *Djelo Augustina Blazovića 'Koliko smo to smo'* (HORVAT 2014: 8) dopijeva na kazališnu scenu, a 2015. godine se ponovo prikazuje Weidingerovo djelo kad amateri iznenađuju publiku glazbenom i kazališnom produkcijom. Na kazališnoj sceni se pojavljuju *"Dan vina"*, *"Zbogom lipi Hawai"*, *"Nimi mužikaš pred sudom"*, *"Reza i sudac"*. Među četiri kratka komada tri se vežu uz *Weidingera*, dok je četvrto djelo nepoznatog autora iz 1940-ih. (HORVAT 2015: 11). Godina 2016. je jubilarna godina. Male asocijacije, složene iz prikazanih komada pojavljuju se na pozornici u pet malih oblika, odnosno publika može gledati prizore scena "Tri sveti kralji", odnosno "Operacija" u novom izdanju.

Jezična adaptacija Weidingerovih komada u Hrvatskom Židanu

Joško Weidinger rodom je iz Frakanave, gdje također žive gradišćanski Hrvati, samo s druge strane granice, tako da je jezik sličan. Kad su se komadi spremali za scenu, njihova adaptacija nije uzrokovala probleme, nije bilo velikih jezičnih razlika. Jezik gradišćanskih Hrvata prolazi kroz sporiji razvoj zbog geografskog položaja. Nikola Benčić piše o materinskom jeziku korištenom više od pola tisućljeća: „*Danas se na temelju jezika koji se razvio iz najrasprostranijeg narječja gradišćanskih Hrvata, kao i na temelju posebne djelomično razmatrane i obrađene problematike opostojanja narodne grupe, bez daljnjeg može govoriti o gradišćanskohrvatskoj književnosti.*” (BENČIĆ 1995: 248)

Utjecaj njemačkog, odnosno mađarskog snažno je uočljiv s obje strane granice. Njemačke i mađarske riječi ugrađuju se u jezik prilagođavajući se sustavu hrvatskog jezika. Mogu se naći i u komadima, ali na mađarskoj strani opisuju njemačke izraze, no ako u mjesnom jeziku postoji adekvatni gradišćanski izraz naravno da uživa prednost.

Uporaba materinskog jezika bitan je faktor u životu manjine. Bindorffer piše sljedeće o uporabi jezika što vrijedi za sve manjine: *"U odnosu na običaje u uporabi jezika pored snažne tendencije jezične asimilacije kod svake manjine se može naći uporaba materinskog jezika, ali samo u slučaju starijih generacija možemo govoriti o odličnoj i općoj razini uporabe materinskog jezika."* (BINDORFFER 2007:9) Kod onih koji posjeduju dobre jezične kompetencije, uporaba materinskog jezika sasvim je prirodna jer s njom proživljavaju svakodnevicu. Dobre jezične kompetencije čine i improvizaciju.

Aktivisti

Dob amaterskih glumaca pokazuje raznovrsnu sliku. Prisutnost mladih aktivista na sceni je očigledna. Imati priliku vidjeti razne generacije zajedno u 21.s toljeću daje osjećaj uzvišenosti. Ta kazališna scena ispunjava nadom sve one koji vjeruju da jezik i kultura naroda imaju budućnost jer veći broj nacija

koje su aktivne su prisutne u borbi, bore se za opstanak na svakom području života. Motivacija kod mladih generacija je neizostavna. U ovome je bitan roditeljski dom, škola, crkva i naravno životni prostor gdje se jedno dijete, jedna mlada osoba socijalizira.

Publika

Redovi publike napune se u svakom naselju jer se smatra zanimljivošću kad jednom ili dva puta godišnje seoski dom kulture posjete amaterski glumci. Radost komada, poznati glumci, uvijek su privlačni članovima publike. Cilj nije samo zabava, već i ispunjenost. Redove rado ispunjavaju starije i mlađe generacije. Osobna prijateljstva, eventualno rodbinske veze, uvijek predstavljaju faktor koji se računa kao motivacijski čimbenik.

Mogućnosti prikazivanja

Osim hrvatskih sela u mađarskom dijelu Gradišća, postoji mogućnost obići i kulturne domove hrvatskih naselja u Austriji i u Slovačkoj, s obzirom na to da komadi Joška Weidingera jamče dobru zabavu. Nikola Benčić piše sljedeće o nekadašnjim mjestima nastupa: „*Igralo se je u školi, na krčmi, po privatni stani, farofi, štaglji, dvori, pred crkvom, na mjesti ka/koja su bila sposobna za igru i ka/koja su se prez poteškoć mogla adaptirati za predstavu.* (BENČIĆ 1998: 44)

Najveći izazov vjerojatno predstavlja Hercegovac u matičnoj zemlji. Židanci su 2009. godine po prvi put stali pred publiku u Hercegovcu. (HORVAT 2009: 9) Nastupi u matičnoj zemlji uvijek imaju poseban značaj. Doživljaj je to za amatere, za publiku matične zemlje. Hrvati iz dijaspore predstavljaju sebe u Lijepoj Našoj na vlastitom narječju za njih na jeziku starom više od 500 godina čime se ponose kad stanu na pozornicu.

Sažetak

Weidinger je pripadnik obitelji gradišćanskih Hrvata i svojim djelima je obogatio svakodnevicu Gradišćanaca i ostavio ih u nasljeđe budućim naraštajima. Rad kazalištaraca neprocjenjivo je blago ne samo za gradišćanske Hrvate, već i vrijednost za Hrvate u Mađarskoj i služi kao ukrasni dokaz da u 21. stoljeću još uvijek ima naselja u kojima postojanje nacije nije vrijednost samo za starije generacije. Scensku sliku uspoređujemo s činjenicom koja pokazuje budućnost u kojoj je za mlade generacije bitno pitanje hrvatstva i da je kazališna gluma sredstvo izražavanja njihovog identiteta. Jezik, koji s jedne strane identificira amatere na pozornici i predstavlja mogućnost iskazivanja identiteta, s druge pak strane salutira uspomeni onih od kojih smo s koljena na koljeno naslijedili tu vrijednost – materinski jezik.

Literatura

- AWECKER – SCHMALL 1995 = AWECKER M. – SCHMALL S. Theatergeschichte des Burgenlandes von 1921 bis zur Gegenwart. Wien, 1995. 1-553.
- BENCISICS 1995 = BENCISICS M. Pismo i književnost // Povijest i kultura gradišćanskih Hrvata. Zagreb, 1995. 7-599.
- BENCISICS 1998 = BENCISICS M. Gradišćankohrvatsko narodno kazalište = Das burgenländische Theaterwesen. Eisenstadt, 1998.
- BINDORFFER 2007 = BINDORFFER GY. Etnikai, nemzeti és kétnemzeti identitás. // Bindorffer Györgyi (szerk.): Változatok a kettős identításra. Kisebbségi léhelyzetek és identítasalakzatok magyarországi horvátok, németek, szerbek, szlovákok és szlovének körében. Budapest, 2007. 7-15.
- BINDORFFER = BINDORFFER GY. Jövevényektől az államalkotó tényezőig. Nemzetiségek és nemzetiségpolitika Magyarországon 1790-től napjainkig. <http://www.kisebbségiombudsman.hu/data/files/184992660.pdf> (pristupj eno 22. svibnja 2016.) Budapest, 2011.
- HORVÁTH S. 1992 = HORVÁTH S. Akárha profi színház. A határ, a nők és más bajok // Vas népe, 37. évf. 36. sz. (1992. febr. 12.). 5.
- HORVÁTH 2006 = HORVÁTH T. „Weidingerove komedije takorekuć ležu našemu društvu!“ // Hrvatski glasnik. Tjednik Hrvata u Mađarskoj. Godina XVI., broj 9. 5.
- HORVÁTH 2007 = HORVÁTH T. Izvanzemaljska igra na židanskoj pozornici! // Hrvatski glasnik. Tjednik Hrvata u Mađarskoj. Godina XVII., broj 8. 8.
- HORVÁTH 2007 = HORVÁTH T. Autorske riči o židanskoj premijeri – Joško Weidinger: „Ja sam na prvoj crti obrane!“ // Hrvatski glasnik. Tjednik Hrvata u Mađarskoj. Godina XVII. broj 11. 10.
- HORVÁTH 2009 = HORVÁTH T. Sluga Pišta i tri zaručnjaci u festivalskom raspoloženju // Hrvatski glasnik. Tjednik Hrvata u Mađarskoj. Godina XIX. broj 11. 8.
- HORVÁTH 2010 = HORVÁTH T. Četerdest ljet svećeničkoga zvanja, 7.ljet žitka – Čestitke židanskomu duhovniku Štefanu Dumoviću // Hrvatski glasnik. Tjednik Hrvata u Mađarskoj. Godina XX. broj 42. 11.
- HORVÁTH 2006 = HORVÁTH T. Praizvedba amaterske kazališne grupe „Škoruš“ – Bravo, židanski mornari! // Hrvatski glasnik. Tjednik Hrvata u Mađarskoj. Godina XVI., broj 12. 8.
- HORVÁTH 2010 = HORVÁTH T. Premijera židanskih amaterskih kazalištarcev. Preobladanje sumje u dvi šalni skeči // Hrvatski Glasnik. Tjednik Hrvata u Mađarskoj. Godina XX, broj 9. 10.
- HORVÁTH 2014 = HORVÁTH T. XX. Dani hrvatskoga pučkoga teatra u Hercegovcu – Nastup židanske kazališne grupe i priznanje Igrokazačkom društvu Petrovo Selo // Hrvatski glasnik. Tjednik Hrvata u Mađarskoj. Godina XXIV. broj 10. 8.
- HORVÁTH 2015 = HORVÁTH T. Prva i zadnja predstava ovoljetne gradišćanske kazališne sezone. Četiri židanski skeči puni šale i mužike // Hrvatski glasnik. Tjednik Hrvata u Mađarskoj. Godina XXV. broj 16. 11.
- HORVÁTH 2016 = HORVÁTH T. Sreberna obljetnica židanskoga hrvatskoga teatra. „Veseli smo i gizdavi da smo 25 ljet doživili!“ // Hrvatski glasnik. Tjednik Hrvata u Mađarskoj. Godina XXVI. broj 13. 4-5.
- KUMPES 1990 = KUMPES J. Napomene o religiji, crkvi i etničkom identitetu (na primjeru Hrvata u Mađarskoj) // Migracijske teme, 6, 1990. 363-370.

- MÜHLGASZNER 1998 = MÜHLGASZNER E. Uvod // Bencsics, Nikola:
Gradišćankohrvatsko narodno kazalište = Das burgenländische Theaterwesen.
Eisenstadt, 1998. 3.
- TYRAN 2011 = TYRAN P. Književno djelovanje Joška Weidingerera i negova važnost i
za Gradišćanske Hrvate u Ugarskoj // Hrvatski glasnik. Tjednik Hrvata u Mađarskoj.
Godina XXI. broj 6. 11.

Беата Дьёрфи
(Дебрецен, Венгрия)

РАЗВИТИЕ СИНТАКСИЧЕСКОГО СТАТУСА
МЕСТОИМЕНИЙ *ЭТО* И *ТО*

Abstract: The pronouns *это* and *то* display great functional diversity in present-day Russian (PDR): they can function as demonstrative pronouns, copulas and subjects with verbal or nominal predicates, and adverbial predicatives. Comparing the ways of expressing the subject in Old Russian and PDR I find that *это* и *то* as subjects are relatively new phenomena. The article aims at exploring the diachronic reasons behind this change. In doing so, I first take a look at the transformation of the Old Russian system of demonstratives and the formal evolution of the pronouns *это* и *то*. Next I investigate parallel syntactic processes (use of 3rd personal pronouns in subject function, appearance of *-о* final adverbial predicatives, spread of infinitival subjects with *это*) that probably facilitated the functional expansion of these pronouns.

Keywords: *это* and *то*, expletive subjects, diachronic syntactic change

0. Постановка проблемы

В современном русском языке конструкции с местоимения *это* и *то* проявляют большое функциональное разнообразие¹:

(1) А **это** требует терпимости, уважения, умения жить бок о бок, оставаясь разными и не во всем согласными друг с другом.

(2) Однако люди **это** инициативные, цепкие, способные оказать влияние, в том числе и на формирование общественного мнения

(3) **Это** перестройка самого аппарата райкома.

(4) Мне **это** грустно.

(5) Любопытно, что в лесах Южной Америки молодые листья на деревьях редко имеют красноватый оттенок.

(6) **Это** любопытно, что людьми мы становимся, когда наводнение.

(7) Мне странно, что они не захотели узнать видение других сейлзхаусов.

¹ Примеры взяты из Русского национального корпуса.

(8) Мне удивительно **то**, что он ещё не сдался.

Они выполняют роль указательного местоимения (1), связки (2), или выступают в субстантивном употреблении при глагольных или номинативных предикатах или наречиях.

Особый интерес представляют примеры (4), (5), (6), (7), в которых в качестве сказуемого выступает наречие на *-о*. В примере (4) подлежащим является *это*, в (5) нет эксплицитно выраженного подлежащего, в (6) подлежащим опять является *это*, а финитная клауза – дополнением. В предложении (7) имеется дательный субъект. В (8) выступает субъект *то*, который неотделимый от своей клаузы.

Данное многообразие подало мне мысль раскрыть историческое развитие конструкций, содержащих *это* и *то* в функции подлежащего.

1. Истолкование *это* в современных грамматиках

Если рассмотрим труды по грамматике современного русского языка, они ограничиваются морфологической и частеречной характеристикой *это* и *то*. В работах по современному синтаксису часто отсутствует, а если существует, то лаконично трактуется положение данных элементов:

Самое раннее определение статуса *это* встречается у Д.К. Овсяннико-Куликовского (ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКИЙ 1912: 296) согласно которому *это* – «местоименное приложение к подлежащему, исполняющее в то же время роль второстепенной связки сказуемого.» Таким образом Овсяннико-Куликовский полагает, что *это* тяготеет одновременно и к сказуемому и к подлежащему и «при пропуске связки есть и суть как бы становится на её место».

В других трудах встречаем разнообразную картину. В.В. ВИНОГРАДОВ (1972) относит *это* к числу связок, по мнению П.Я. ЛЕКАНТА (1974) *это* является частицей и служит маркером именной части сказуемого. И.П. РАСПОПОВ и А.М. ЛОМОВ (1984) а также М.А. ШЕЛЯКИН (2001) полагают, что *это* является местоименным субстантивом и выполняет роль дополнительного подлежащего.

Можно делать вывод, что из-за разнообразных подходов и терминологического многообразия статус элемента *это* остаётся неопределённым

Более точное представление о статусе *это* предлагает одна из формальных теорий, а именно генеративная лингвистика, теоретический аппарат которой устанавливает набор возможных и невозможных конструкций в языках. Затем определённый язык свободно может себе выбрать из набора возможных структур подходящую, т. е. установить свои параметры (КЕНЕШЕИ 1995: 290).

В рамках генеративной лингвистики по поводу изучения способов выражения подлежащего некоторые лингвисты изучали проблему синтаксиса *это* и *то* (БЕЙЛИН 2011, ФРЕНКС 1995, ЦИММЕРЛИНГ

2009). Данные элементы в рамках теории воспринимаются полу-эксплетивными субъектами, т.е. элементами, которые занимают позицию субъекта в предложении, однако сами не обладают собственным значением. Их появление – согласно законам генеративизма – востребовано т. н. «Расширенным принципом проекции» (EPP), который предполагает, что каждое предложение должно иметь субъект (эксплицитно выраженный, эксплетивный или пустой) в позиции Spec, IP. В некоторых языках они обязательны, а в других опциональны.

Поскольку *это* воспринимается подлежащим, для раскрытия причин становления данных конструкций рассмотрим способы выражения подлежащего в древнерусском и в современном русском языке.

Современный русский

- номинативный субъект
- клаузальные субъекты (CP или VP-инфинитивы),
- косвенные субъекты
- нулевые субъекты 3 лица ед. ч. и 3 лица мн. ч.
- эксплетивные субъекты *это* и *то*

(МЕЛЬЧУК 1979, ЦИММЕРЛИНГ 2009: 253)

Древнерусский

- номинативный субъект
- клаузальные субъекты (CP или VP-инфинитивы),
- косвенные субъекты
- нулевые субъекты

Характеризуя древнерусское состояние, Борковский замечает, что «Способы выражения подлежащего в древнерусском языке ничем существенным не отличаются от способов выражения данного члена предложения в современном русском языке. Подлежащее выражалось теми же частями речи.» Ниже он пишет: «... инфинитив в роли подлежащего в древнерусских памятниках нам не встретился» (БОРКОВСКИЙ, КУЗНЕЦОВ 1963: 318). По поводу нулевых субъектов МАДАРИАГА (2011) замечает, что местоименное подлежащее опускалось чаще чем ставилось местоимение *онъ*, так как по характеру древнерусский был pro-drop языком.

Как видно из таблицы, разница между двумя языковыми состояниями появляется в более широком употреблении фонетически пустых субъектов в древнерусском, и в наличии полу-эксплетивных субъектов в современном языке.

Первые примеры употребления местоимений *это* и *то* в функции субъекта относятся к XVII-ому веку. Причины этого позднего появления коренятся, с одной стороны, в развитии системы местоимений.

2. Судьба местоимений *это* и *то*

Общеизвестно, что древнерусская система указательных местоимений отличалась от современной. Она содержала пять местоименных форм, которые отражали три ступени удалённости. Местоимения *сь, си, се* указывали на предмет, близкий к говорящему. Формы *тъ, та, то* на предмет, отдалённый от говорящего, но близкий к собеседнику. *Онъ, она, оно* обозначали предмет, далёкий и от говорящего, и от собеседника. Местоимения *и, я, е* и *овъ, ова, ово* не входили в трёхчленную систему, поскольку *и, я, е* отсылали к раннее указанному лицу, или предмету, а *овъ, ова, ово* употреблялись при противопоставлении.

Система трёх степеней удалённости на протяжении развития языка была сведена к системе двух степеней, в которой организующим принципом был противопоставление близкого и удалённого. (БОРКОВСКИЙ, КУЗНЕЦОВ 1963: 220). Местоимения *тътъ > тотъ > тот* (возникшее от формы *тъ* путём удвоения корня), *та, то* стали указывать на отдалённый предмет.

Форма *этот* возникло путём сложения *тот* с указательной частицей *е*. Частица первоначально была отделена, самостоятельна от местоимения. Например при употреблении с предлогом, последний повторялся и перед частицей и перед местоимением. Формы *этот, эта, это* указывали на близкий к говорящему предмет, таким образом они заменили древнерусский *сь, си, се* (ЧЕРНЫХ 1962: 225).

В процессе развития языка утратились формы *овъ, ова, ово* и *сь, си, се*. Формы *онъ, она, оно* стали использоваться в функции личных местоимений 3-го лица, поскольку данная форма отсутствовала в языке. Местоимения *и, я, е* использовались в качестве супплетивных форм в парадигме.

Местоименное подлежащее выступает в форме среднего рода. Данный факт мог возводиться тому, что прилагательные в субстантивной функции также употреблялись в среднем роде.

(9) а **володимѣрское** по рѣбѣжѣ по томѣ како то было при вашемъ дѣдѣ при великомъ князе при Иванѣ Даниловичѣ (Рязанская договорная грамота 1381 г.)

По мнению Борковского и Кузнецова, форма среднего рода прилагательных служит для обобщения явлений (БОРКОВСКИЙ, КУЗНЕЦОВ 1963: 320).

3. Функция местоимений *это, то*

Функциональное разнообразие форм *это* и *то* развивалось постепенно. Многообразие употребления местоимений демонстрируется на основе среднерусских памятников XVIII-XIX вв. В качестве корпуса использовались следующие памятники: *Рапорт на поровых заводах А. Лазарева* (далее Рапорт), произведения А.П. Сумарокова (далее Сумароков), *Из истории ненецкого народа 30-40-х годов XIX в.* (Движение Ваули Пиеттомина) (далее Немцы) и *Алтай и его инородческое царство* Н. М. Ядринцева (далее Алтай).

Первичной функцией указательных местоимений является атрибутивная. Интересно отметить, что в отличие от современного состояния, оригинально местоимение выступало в постпозиции. Атрибутивная препозиция была вторичной и служила для текстовой анафоры.

Атрибутивная постпозиция

(10) Родство **это** сохраняется, конечно, и у многих татар средней Сибири. (Алтай)

Атрибутивная препозиция

(11) и хотя подушные деньги в **то** селение, где по ревизии состоят. (Рапорт)

Вторичной является субстантивная функция. *То* и *это* субстантивируются как только при них нет существительного. Данная функция является востребованной у прономинальных анафоров, каким является и местоимение *онь* (ШАХМАТОВ 2001: 497).

(12) и билет надлежит получать ему ежегодно, **то** неудивительно, если и покупает он свободу свою наживаемыми у Походяшина деньгами. (Рапорт)

(13) **Это** известно ему, Шахову, потому, что он в продолжении **этого** времени находился при г. Исправнике. (Немцы)

В изучаемом корпусе местоимения выступают и в функции союза.

(14) **то** нужно только установить доброй порядок и приохотить сии народы к распространению нынешней торговли. (Рапорт)

Можно, таким образом сделать вывод, что морфологическое преобразование системы указательных местоимений, начатое в

древнерусском языке, содействовало синтаксическим изменениям в среднерусском периоде, а именно употреблению указательных местоимений *это* и *то* в функции подлежащего. В следующей части рассматривается, какие синтаксические преобразования способствовали данному процессу.

4. Синтаксические изменения, способствующие употреблению *это* и *то* в функции субъекта

Синтаксические преобразования происходят не самостоятельно, изолированно, а по аналогии, или преобразованием других, похожих структур. В данной части перечислим какие, уже существующие в языке конструкции, могли служить исходным пунктом для становления *это* и *то* в функции подлежащего.

4.1. Распространение личных местоимений 3. л. в функции подлежащего

В древнерусском языке личные местоимения в функции подлежащего не употреблялись широко. Могли отсутствовать все лица, поскольку подлежащее выражалось личным окончанием глагола. Местоименные подлежащие выступали только в определённых контекстах. Например, местоимения 1-го и 2-го лица присутствовали лишь тогда, когда на них падало логическое ударение (ИВАНОВ 1964:374).

Как уже было упомянуто, личные местоимения 3. л. возникли из бывших указательных местоимений. Первоначально, в XIII-XIV-ом вв. подлежащее *онъ* указывало не на подлежащее предшествующего предложения или клаузы, а на более отдалённое подлежащее (БОРКОВСКИЙ, КУЗНЕЦОВ 1963: 321).

(15) поклонѣ от грикши къ юсифѣ приславѣ онаньга мол газѣ емѣ ѿвѣчалѣ
не рекѣ ми ѣсифѣ варити перевары ни на кого і онѣ прислалѣ к фѣдоси (Нов.
Берст. гр. XIV в № 3)

Подобное современному употреблению, где *онъ* указывает на подлежащее предшествующего предложения устанавливается в XV-XVI. вв.

4.2. Распространение предикативных наречий на -о

Предикативные, квалифицирующие наречия на *-о* выступали с XIV века с инфинитивными подлежащими.

(16) жалостно же и слышати како ѿць юго ... (Лавр. Лет. Л 169)

(17) сладко збо змрѣти за православие (лет. Ник XIII. с 185)

Они распространялись с существительными в функции подлежащего с XVII века (БОРКОВСКИЙ 1983: 64).

(18) медъ **сладко** а мѣха **падко** (Пословицы XVII. века л. 355 об)

(19) двор **довро** с ѡшани а хранина с очами (Грамотки 12, с 18)

4.3. Это с инфинитивным подлежащим

Инфинитив в функции подлежащего встречается уже в древнерусском языке. Первые примеры такого употребления засвидетельствованы в XIII-XIV вв. Со второй половины XVIII в. встречаются первые примеры употребления слов *это* и *во* в функции связки наряду с инфинитивными подлежащими:

(20) А я думал **то**, что в тепле быть и брать за ничто чужие деньги **это** хорошо, а в холоде быть и отдать за ничто свои деньги, **это** не гораздо хорошо (Сумароков)

(21) Быть женою и не любить мужа **это** мука и жене и мужу... (Сумароков)

Длительное время подобные конструкции были принадлежностью просторечно-разговорной стихии. Стилистическая нейтрализация местоимения *это* произошла к 1830-1840 годам (РУБНЕВ: 2009).

5. Итоги

В статье рассматривалось изменение синтаксического статуса местоимений *это* и *то*. Изменение произошло в XVIII-XIX вв. В этом периоде, в связи с возникновением русского литературного языка совершились существенные языковые изменения. Данный литературный язык, который создан на смену старых регистров письменного языка, характеризуется полифункциональностью, общезначимостью, кодифицированностью и дифференциацией стилистических средств (ЖИВОВ 2004: 21).

На основе выше написанных можно предположить, что преобразование системы указательных местоимений и возникновение новых форм *это* и *то* порождали синтаксические изменения в среднерусском языке: синтаксический реанализ, в результате которого *это* и *то* стали употребляться в функции субъекта. Не входя здесь в подробности, по всей вероятности данное преобразование является только последним звеном в более крупном процессе, в процессе преобразования принципа расширенной проекции (ЕРР) в русском языке. Другими явлениями этого процесса являются употребление личных местоимений 3-го лица в

функции субъекта, возникновение новой системы союзов, и исчезновение дательного падежа подчинения (dative of subordination) (МАДАРИАГА 2011).

Литература

- БЕЙЛИН 2011 = BAILYN J.F. *The Syntax of Russian*. Cambridge, 2011.
- БОРКОВСКИЙ, КУЗНЕЦОВ 1963 = БОРКОВСКИЙ В.И., КУЗНЕЦОВ П.С. *Историческая грамматика русского языка*. Москва, 1963.
- БОРКОВСКИЙ 1983 = БОРКОВСКИЙ В.И. *Структура предложения в истории восточнославянских языков*. Москва, 1983.
- ВИНОГРАДОВ 1972 = ВИНОГРАДОВ В.В. *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. Москва, 1972.
- ЖИВОВ 2004 = ЖИВОВ М.В. *Очерки исторической морфологии русского языка XVII-XVIII веков*. Москва, 2004.
- ИВАНОВ 1964 = ИВАНОВ В.В. *Историческая грамматика русского языка*. Москва, 1964.
- КЕНЕШЕИ 1995 = KENESEI I. *Történeti nyelvtan: elmélet és gyakorlat* // MNy. XCI. 281-291.
- ЛЕКАНТ 1974 = ЛЕКАНТ П.А. *Синтаксис простого предложения в современном русском языке. Учебное пособие*. Москва, 1974
- МАДАРИАГА 2011 = Madariaga N. *Infinitive clauses and dative subjects in Russian* // *Russian linguistics* 35. 301-329.
- МЕЛЬЧУК 1979 = МЕЛЬЧУК И.А. *Syntactic or Natural Zero in Natural Language* // *Proceedings of the Fifth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. 224-260
- ШЕЛЯКИН 2001 = ШЕЛЯКИН М.А. *Функциональная грамматика русского языка*. Москва, 2001.
- РАСПОПОВ, ЛОМОВ 1984 = РАСПОПОВ И.П., ЛОМОВ А. М. *Основы русской грамматики. Морфология и синтаксис*. Воронеж, 1984.
- РУБНЕВ 2009 = РУБНЕВ Д.В. *Изменения в способах выражения подлежащего и появление новых связок в XVIII веке* // *Вестник Санкт-Петербургского университета*, Сер. 9, вып. 1, ч. 1. 66-70.
- ШАХМАТОВ 1957 = ШАХМАТОВ А.А. *Историческая морфология русского языка*. Москва, 1957
- ЦИММЕРЛИНГ 2009 = ЦИММЕРЛИНГ А. *Dative subjects and semi-expletive pronouns in Russian* // G. Zybatow, U. Junghanns, D. Lenertova, Biskup, P. eds. *Studies in Formal Slavic Phonology, Morphology, Syntax, Semantics and Discourse Structure*. Frankfurt-am-Main – Berlin – Bruxelles – New York – Oxford – Wien pp. 253-268.
- ЧЕРНЫХ 1962 = ЧЕРНЫХ П.Я. *Историческая грамматика русского языка*. Москва, 1962.

Robert Hajszan
(Pinkovac, Austrija)

STAZAMA SV. MARTINA U FRANCUSKOJ

Abstract: St. Martin of Tours was Bishop of Tours, whose shrine in France became a famous stopping-point for pilgrims. He has become one of the most familiar and recognizable Christian saints. As he was born in what is now Szombathely, Hungary, spent much of his childhood in Pavia, Italy, and lived most of his adult life in France, he is considered a spiritual bridge across Europe. His life was recorded by a contemporary, the hagiographer Sulpicius Severus.

Keywords: St. Martin, Bishop in Tours, biography, wonders, biographer Sulpicius Severus

O putovanju

Koncem srpnja i početkom kolovoza 2016. godine bio sam s grupom vjernika iz Santaleka i Fratrovoga Sela (Gradišće, Austrija) na putovanju „Po staza sv. Martina“ u Francuskoj. Nakon što smo sletili u Parizu i ondje ostali dva dana, treći smo dan otputovali prema gradu Toursu, gdje je Martin bio biskup. Potražili smo i pogledali baziliku s kriptom, u kojoj se nalazi i njegov mauzolej. Od vodiča smo saznali samo to da je Martina pokopao biskup Perpetuus 4. srpnja 473. godine i da je njegov raniji grob pronađen 1860. godine pri obnavljanju crkve. Uz spomenutu baziliku u gradu se nalazi i katedrala nazvana Saint Gatien. Prvu crkvu dao je sagraditi sv. Lidorius u 4. stoljeću u kojoj je Martin posvećen za biskupa. Ovdje se dogodilo i poznato čudo "Misa s vatrenom kuglom". U gradu Toursu postavljena je također i izložba na otvorenom, slično kao u Sambotelu.

Nekoliko panoa поблиže ću predstaviti:

1) Nakon što je Martin stupio u vojnu službu (prema biografu Sulpiciju Severu znamo od župnika dr. Karalla, da je bio star 15 godina), službovao je i u Galiji, a u mjestu Amiens podijelio je svoj plašt sa siromahom (337./338. godine)

2) Martin je postao katekumenom i pokršten je godinu dana kasnije 339. godine (dr. Karall piše da je to bilo već prije, naime, u dobi od 18 godina)

3) Nakon toga napustio je vojnu službu i u Poitiersu postao učenicom biskupa Hilariusa, koji ga je vjerojatno poslao najzad u Panoniju, da pokrsti svoje roditelje. Majku je pokrstio 355. godine, a otac je to odbio.

4) Četvrti pano govori o tome kako je Martin odabran za biskupa mjesta Tours 371. godine.

Prenoćili smo u gradu Toursu i sutradan otišli na izlet u Candes Saint Martin, Poitiers i Ligugé. Prvo spomenuto selo (ima nešto više od 200 stanovnika) poznato je po tomu što je biskup Martin na misijskom putovanju 397. godine ondje preminuo. Njegovi pristaše donijeli su lijes, a bio je pokopan u biskupskom gradu Toursu. U samom mjestu Candes pogledali smo veliku gotičku hodočasnu crkvu, koja danas kao tvrdjava stoluje nad selom i cijelom okolicom. Podigli su ju na mjestu gdje je stajala kuća u kojoj je Martin umro.

Nastavili smo vožnju i stigli u grad Poitiers, u kojoj se nalazi crkva Notre-Dame-la-Grande u romaničkom stilu. U tom mjestu je službovao biskup Hilarius, duhovni otac našega Martina kod koga je često boravio. Zadnja postaja toga dana bilo je mjesto Ligugé, gdje je Martin osnovao ćeliju koja se razvila u samostan. Zanimljivo je navesti da smo u spomenutom gradiću opazili putokaz na parkiralište s nazivom „Pannonhalma“, što nikako ne može biti slučajnost, nego implicira mogućnost da je i spomenuti mađarski lokalitet Martinovo rodno mjesto.

Konačno smo dva dana proveli u gradu Amiens, u mjestu koje je poznato kao ono gdje je Martin podijelio svoj plašt. Vrijedno je reći, da samo jedan jedini reljef na zgradi suda spominje taj Martinov milosrdni čin! Katedrala je impozantna i uz Chartres i Reims pripada među najljepše i najveće crkve gotičkoga stila 13. stoljeća u Francuskoj. Navečer smo imali priliku gledati osvijetljenu fasadu katedrale s prikazom sadržaja iz života sv. Martina, u čemu smo već uživali i na katedrali i u Toursu. Tako je završilo nezaboravno putovanje „Po staza sv. Martina“, koje bih rado ponovio!

O životu i djelovanju sv. Martina – kronologija (prema Sulpiciju Severu)

Rođen je 336. godine u Savariji (Sambotel), otac mu je bio tribun, ime Martinus dolazi od riječi „Mars“ (rimski Bog rata), dakle: Bog-vojnici. U djetinjstvu u dobi od 5-6 godina preselio se u Paviju, gdje je proveo djetinjstvo; već u dobi od 10 godina želio je postati katekumenom. Kad je imao 15 godina stupio je u vojsku, a kao mladić podijelio u gradu Amiensu svoj plašt siromahu. U starosti od 18 godina pokršten je, a 356. godine, u dobi od 20 godina napustio je vojničku službu. Ljeti iste godine sastao se u gradu Poitiersu s biskupom Hilariusom koji ga u vjerskom duhu podučava i šalje natrag u Panoniju da bi obratio svoje roditelje; majku je pokrstio (357. godine), a otac je to odbio. Martin putuje neko vrijeme kroz Panoniju, Balkan i Italiju, a stanuje na otoku Gallinara, gdje je njegova kuća pod stražom (359.-360. godine).

Utemeljenje samostana: a) Pred gradskim vratima u Milanu; b) U francuskom mjestu Ligugé, 360. godine c) U gradu Marmoutier, 371. nakon posvećenja za biskupa.

Martin je izabran za biskupa, a posvećen je 4. ili 5. srpnja 371. godine. Biskup Martin širi evanđelje i uništava slike idola odnosno ruši poganske hramove. Martin osniva 6 općina koje su potvrđene od Gregora Tourskog u „Historia Francorum“ (knjiga 10., poglavlje 31.): u mjestu Amboise, Cande-Saint-Martin, Langeais, Ciran, Saunay i Tournon-Saint-Pierre. Godine 385. i 386. bio je dva puta u njemačkom gradu Trier, gdje je prisustvovao sudskom procesu na kojem su rješavali aferu heretika.

Biskup Martin umire 8. studenog 397. godine u selu Candes-Saint-Martin, a njegov je leš donesen u grad Tours, gdje je pokopan 11. studenog 371. godine. Dana 14. prosinca 1860. godine pronađen je njegov grob prigodom obnavljanja crkve, a potom mu je napravljen mauzolej u bazilici „Saint Martin“ u gradu Toursu. Svetom je Martinu po cijelom svijetu posvećeno gotovo 37.000 svetišta.

Neke enigme i sporna pitanja u vezi sa svetim Martinom

1) *Njegovo potpuno ime*

Ne zna se njegovo potpuno ime jer treba računati s tim da su Rimljani djetetu davali više imena

2) *Njegovo rodno mjesto*

a) Sambotel: ima nekoliko izvora koji spominju Savariju.

1. Karlo Veliki

Franački vladar pohodio je na svojem prodoru prema Istoku (stigao je do Fruške gore – Frankengebirge vor Belgrad) i Sambotel i identificirao Martinovu rodnu kuću

2. Car Maksimilijan zapisao je u svoj dnevnik da je Martin rođen u Sabariji

3. Botaničar Carolus Clusius poznat po studiji „Stirpium nomenclator pannonicus boravio je krajem 16. stoljeća na dvorcu u Novom Gradu. Svrativši u Sambotel piše 3. travnja 1585. godine u svojem dnevniku o crkvi sv. Martina, o kapelici sv. Martina i o statui našega sveca na oltaru.

b) Pannonhalma: U francuskom gradiću Ligugé postoji putokaz na parkiralište s nazivom „Pannonhalma“ što nikako ne može biti slučajnost nego implicira mogućnost da je i spomenuti mađarski lokalitet Martinovo rodno mjesto

c) Naselje u „Vlahiji“: U najnovije vrijeme kolportira dr. Oto Ostović tezu da je Martin rođen u nekom mjestu spomenute Vlahije. Nekad je to bila *Sabara*, a sada je *Rupišće* (njem. Rumpersdorf u Gradišću u Austriji)!

3) *Datum rođenja*

U francuskom je gradu Tours trenutno izložba o sv. Martinu. Na jednom panou te smotre piše da je i 336. eventualna godina rođenja; sam Sulpicije

Sever spominje 336. godinu (Sankt Martin – Handbuch der Pilger/Priručnik hodočasnika, 1996, S. 25).

4) „Krstionica“ – zapravo mjesto krštenja

Martinov biograf Sulpicije Sever veli da je Martin krstio svoju majku. Zapravo svi istraživači, povjesničari i ostali znanstvenici misle da se to dogodilo u Savariji, a ranije spomenuti dr. Ostović tvrdi da se to zbilo također u „Vlahiji“ jer je pronašao zdenac krštenja!

5) Kamena ploča

Isti dr. Ostović govori o nekoj kamenoj ploči u vezi sa svetim Martinom koju su - po njegovom mišljenju – dosadašnji istraživači krivo čitali i interpretirali. Po njegovim riječima spomenik je pronađen također u kraju takozvane „Vlahije“ i čuva se u Gradišćanskom muzeju u Željeznu, ali kustosi u spomenutom muzeju ne znaju ništa o takvoj kamenoj ploči!

6) Dijeljenje plašta

Ima još daljnjih kurioziteta: Postoji mišljenje da je spomenuto dijeljenje plašta u francuskom gradu Amiensu bilo nepravedno, jer je vojnik Martin dijelio vojnički plašt, dakle tuđe dobro, a ne vlastito!

7) Čudesa koja se pripisuju biskupu Martinu

a) „Čudesno liječenje ukočene u gradu Trier“

Otac ukočene djevojke stupi pred Martina i kaže: moja će kćerka umrijeti, a najgore je to što je zapravo već mrtva, jedino što je na njoj još živo jest dah!

Martin se bacio na tlo i počeo moliti, potom je blagoslovio ulje i ulijevao ga u usta bolesne djevojke koja je odmah progovorila. Konačno se dotaknuo njezinih udova koji su oživjeli; djevojka se uzdigla pred narodom bez kolebanja-(Sankt Martin – Handbuch der Pilger 1996, S. 46/47)

b) „Martin liječi bjesomučnika/manijaka i gubavca“

Martin je poljubio i blagoslovio gubavca koji je odmah bio očišćen/ čist i ozdravio.

U toj se vezi u već citiranoj knjizi spominje da su bolesnici ozdravili kad su se dotaknuli rese/rojte/kite koje su odrezane s Martinovog ruha; zapravo bilo je dovoljno namotati rese oko bolesnikovog prsta ili stavili resu bolesniku na vrat!

c) „Martin liječi kćerku Arboriusa“

Arbوريوسova kćerka trpjela je od povratne groznice/malarije. Otac je stavio jedno od Martinovih pisama kćerki na grudi i groznica je nestala/iščeznula. Otac je bio toliko ganut da je odlučio da će njegova kćerka ostati djeвица i da će joj baš Martin obući djevičansko ruho.

d) „Martin liječi Paulinusa“

Paulinus je obolio na oko, a Martin ga je izliječio time što mu je stavio gubu na oboljeno oko.

e) „Anđeo liječi Martina“

Martin je pao na stepenicama i zadobio mnogo rana. Anđeo mu je isprao rane i namazao ih mašću tako da je biskup sutradan opet bio zdrav!

f) Iskušenje od strane sotone

Sotona je stupio pred Martina i izdao se za Krista i rekao mu da se htio prvo baš njemu očitovati. Biskup mu nije vjerovao i rekao: „Krist će se pojaviti u liku svoje muke, a vidljivi će biti ožiljci/brazgotine od pribijanja na križ. Čudesa koja se pripisuju sv. Martinu treba tumačiti kao i čudesa u Svetom pismu koja je činio povijesni Isus.

8) *Skriivanje među guskama*

Najpoznatija legenda u vezi sa sv. Martinom je sigurno ona u vezi s guskama, koje su ga izdale, kada se sakrio u gusinjak. Nije htio da ga izaberu za biskupa.

9) *Dvojbene zadaće*

Razaranje poganskih hramova od strane sv. Martina ne treba prihvatiti kao puzdano, jer nije u skladu s kršćanskim svjetonazorom.

10) *Istjerivanje zloduha*

Vjerojatno treba shvatiti metaforički.

Literatura

- FELEMELŐ SZERETET 2015 = Felemelő szeretet. Szent Márton imakönyv. Szombathely, 2015. <http://szentmarton.martinus.hu/misc/news/167/szent-marton-imakonyv.pdf>
- HÜNERMANN = HÜNERMANN W. Bátorság és irgalom. Szombathely, 2014.
- PASTOR = PASTOR A. Szent Márton élete. Szombathely, 2016.
- SANKT MARTIN 1996 = Sankt Martin – Handbuch der Pilger/Priručnik hodočasnika. 1996. <https://www.librairienordest.fr/livre/1538668-sankt-martin-397-1997-handbuch-der-pilger-karen-einsfeld-d-jeanson>
- STEINDL 2014 = STEINDL R. Toursi Szent Márton a világ bélyegein. Szombathely, 2014.
- SZENT MÁRTON = Szent Márton püspök – Halálának 1600. évfordulójára. Szombathely, 1996. <http://szentmarton.martinus.hu/szent-marton-konyvek/20/szent-marton-puspok-halalanak-1600-evfordulojara>
- VIA SANCTI MARTINI = Via Sancti Martini – Führer entlang der Kulturstraße von Szombathely nach Zreče. <http://docplayer.org/26968942-Fuehrer-entlang-der-kulturstrasse-sankt-martin-von-tours-von-szombathely-nach-zrece.html>

Sanda Ham
(Osijek, Hrvatska)

SKLONIDBA BROJEVA U JEZIKU JOSIPA KOZARCA

Abstract: The paper describes morphological characteristics of numerals in the language of Josip Kozarac. The declension of numerals is described with regard to the same categories in the Zagreb School norm and in the contemporary Croatian language.

Keywords: morphological characteristics of numerals – declension of numerals, the language of Josip Kozarac, Zagreb School norm

Uvod

Ovaj se rad sadržajno i metodološki oslanja na rad *Pristup jeziku Josipa Kozarca* (HAM 2009)¹. U tom se radu, ukratko rečeno, tumači zašto je za pristup jeziku bilo kojega književnika iz druge polovice 19. st., za valjanu prosudbu i opis, za razumijevanje jezičnoga sustava, potrebno uzeti u obzir jezik književnika suvremenika, normu zagrebačke filološke škole, vukovsku normu, suvremenu normu, a kada je o J. Kozarcu riječ, osim triju navedenih kriterija, potrebno je uzeti u obzir i slavonski dijalekt kao i jezik slavonskih pisaca 18. st. i početka 19. st. Rad koji čitatelj ima pred očima primjena je tih načela i kriterija na morfologiju brojeva u jeziku Josipa Kozarca i na taj način logični sadržajni i metodološki nastavak rada *Pristup jeziku Josipa Kozarca*².

Brojevi u slovnicama zagrebačke škole

Hrvatske su starije gramatike na različite načine opisivale brojeve, različite riječi i njihove oblike svrstavale u brojeve i na različite načine tumačile, opisivale i propisivale morfološka obilježja brojeva. Ta se različitost ogleda i u slovnicama zagrebačke škole.

Veber brojeve, ili njegovim nazivljem rečeno *brojnik*e, dijeli u devet različitih skupina, a kriterij mu je razdiobe ponajprije značenjski: brojevi su

¹ Oba su rada, i prethodni i ovaj, bitno promijenjeni, dopunjeni i osuvremenjeni dijelovi mogega rukopisnoga doktorata, *Jezik Josipa Kozarca, sklonidbeni sustav FF*, Zagreb, 1994. Amo pripada i rad *Imenice muškoga roda u jeziku Josipa Kozarca* (HAM 2015.)

² U tom je radu uglavnom popisana i suvremena literatura o jeziku Josipa Kozarca pa čitatelja upućujem na taj rad radi potpunijega uvida u temu i pripadajuću literaturu.

glavni, redni, djelni, kakvoće, množni, društveni, prislovni, razni i ulomni (VEBER 1876: 52-57)³.

Glavni brojnici

Glavni su brojnici oni koji odgovaraju na pitanje *koliko?*, a Veber smatra da se prva četiri smatraju pridjevima, a ostali su nesklonjive imenice srednjega roda. Upozorava da su glavni brojevi od pet nesklonjivi, makar su se u starijem jeziku sklanjali. Smatra da se sklonidba izgubila jer se nisu mogli razlikovati glavni od rednih brojeva:⁴ „... *pet perah, petih perah, petim perom* itd. – No buduć da se takovim dekliniranjem glavni brojnici pomrsuju u rečenih padežih s rednima, to se za razliku u novijem jeziku, osobito štokavskom, glavni brojnici, počam od p e t, drže svuda za nesklonive samostavnike...” (VEBER 1876: 53)

Redni brojnici

Redni brojnici Veberovi ne razlikuju se bitno od rednih brojeva u suvremenim gramatičkim opisima. Sklanjaju se kao određeni pridjevi. Bitnija je razlika od suvremenoga jezika što Veber bilježi likove *dvostoti* i *trostoti* (VEBER 1876: 54).

Djelni brojnici

Djelni su brojnici ono što bismo danas smatrali prijedložnim izrazom, a Veber im sadržaj tumači kao odgovor na pitanje: *koliko svaki put: po jedan, po dva, po tri...* Suvremeno jezikoslovlje opisuje sveze koje Veber naziva *djelnim brojnicima*, ne smatrajući ih brojevima, nego sintaktičkom vezom prijedloga i broja.

Brojnici kakvoće

Brojnici kakvoće izriču koliko i ujedno koje vrste: *jednovrstan, dvovrstan, trovrstan...* Skupina su *brojnika kakvoće* i brojevi: *jedin, dvoj, troj, četver, peter...* Veberove *brojnice kakvoće* danas smatramo ili pridjevima (*jednovrstan, dvovrstan...*) ili brojevima imenicama koje danas glase: *dvoje, troje, četvero, petero...* Bez obzira kako te oblike danas nazivali, upotreba im je ista kao i prije stotinjak godina: suvremena norma napominje da se brojevnice imenice upotrebljavaju u množini kao i brojevni pridjevi – uz imenice koje su pluralia tantum i uz imenice koje znače parove ili cjeline, a i Veber navodi primjere: *dvoja vrata, troje rukavice*.

³ Veber je ovdje istaknuo štokavštinu, moguće i zbog toga što su kajkavske gramatike redovito bilježile i preporučivale sklonidbu glavnih brojeva od pet pa nadalje.

⁴ Svi su navodi i primjeri iz Vebera, Mažuranića i Kozarca preuzimani u izvornom obliku tako da je zadržan slovopis, pravopis i jezik zagrebačke škole.

Množni brojnici

Množni brojnici odgovaraju na pitanje: kolikostruk – *jednostruk, dvostruk... stostruk* ili *jednogub, dvogub, stogub*. Brojeve tvorene prema uzorku *jedn-o-gub* suvremena norma smatra zastarjelicama, a one nastale slaganjem broja i morfema *-struk* smatra pridjevima.

Društveni brojnici

Društveni brojnici zanimljivi su s gledišta suvremenog jezika jer takvih riječi nema u suvremenom jeziku, ni u razgovornom, a ni u književnom⁵. Veberovi *društveni brojnici* odgovaraju na pitanje: koliko u društvu? *Samodrug, samotret, samočetvrt...* Značenje im je sljedeće: „... a znače: samodrug = ja, ti, on sa jednim drugom, samotret = ja, ti, on sa dva druga, itd...” (VEBER 1876: 55)

Prislovni brojnici

Prislovni brojnici odgovaraju na pitanje: koliko puta – *dvaput, petput, dva puta, pet puta; dvakrat, trikrat*. Suvremena gramatika takve brojeve smatra prilozima, a oblike *dvakrat, trikrat...* suvremena norma opisuje: „Ti su prilozii starinski ili dijalekatni prema normalnima sa – put.“ (BABIĆ 1986: 500)

Razni brojnici

Razni brojnici Veberovi ono su što danas smatramo imenicama: *dvojka, trojka, četvorka...* (nazivi za karte); *dvizac i dvizica, trećak i trećakinja...* (nazivi za životinje određene dobi); *dvojka, trojka* (vina) (nazivi za posude od dvije, tri litre).

Ulomni brojnici

Ulomni brojnici skupina su brojeva kojima se označuju razlomci. Neke od tih brojeve danas ne upotrebljavamo: *poldrugi, poltreći* i sl. Trebali bi značiti *jedan i pol, dva i pol*.

Samostavnički brojnici

Mažuranić, osim već navedenih Veberovih vrsta brojeva izdvaja i *samostavničke brojnice* – *dvojica, trojica, četvorica...* Veber ih ne smatra posebnom skupinom brojeva nego „brojničkim samostavnicima“ i govori o njima kao o glavnim brojevima.

U ovome će se radu brojevima pristupiti onako kako je to u suvremenoj našoj gramatici, opisat će se prema tomu jesu li redni i glavni. Opisat će se i brojne imenice. Posebna će se pozornost posvetiti sklonidbi brojeva i alomorfim nastavcima u sklonidbi jednine rednih brojeva.

⁵ Osim oblika - *sam* koji danas smatramo zamjenicom, a ne brojem.

Sklonidba glavnih brojeva

Sklonidba je glavnih brojeva: *dva, tri, četiri, oba, obje, obadvije, obadva*, od druge polovice 19. stoljeća pa sve do naših dana, uvijek opisivana uz normativnu preporuku koja glasi i danas kao i prije stoljeća i pol: „Brojevi dva, tri, četiri, oba, obje, obadva, obadvije upotrebljavaju se i kao nepromjenljive riječi, ali to je više obilježje razgovornoga jezika. U pažljivu njegovanu jeziku treba ih sklanjati, pogotovo kada dolaze bez prijedloga.“ (BABIĆ 1991 : 666)

Navedena preporuka govori o brojevima kao sklonjivim i nesklonjivim riječima, a jesu li sklonjivi ili ne, ovisi o tome upotrebljavaju li se u razgovornom jeziku ili književnom⁶. Osim te dvostrukosti, u slovnice se zagrebačke škole može pronaći još jedna još jedna: koje padežne oblike brojeva upotrebljavati kada brojeve sklanjamo. Preporuka je u Mažuranićevoj slovnici osobita: „Narod u nekojih okolica zemljah već zaboravio ovu pravo slovensku deklinaciju glavnih brojah; jedini brojnik *jedan* sačuvao-je posvuda svoju staru sklonitbu, a od *dva, tri, četiri* čuje se još kadšto sklonitba samo u ženskom spolu, ostali broji pet i dalje pogubiše sve padeže; pa gdęgod-se-je zaboravila sklonitba brojnikah, onde se naknadjuje onaj manjak u živućih mužkog i ženskog spola sa *dvojica* i sl., a za reči srednjega spola ili za njihova skupna imena naknadjuje-se sa *dvoje, troje*... Pak još ni s ovim nije ništa pomoženo, kad se ni ovomu *dvoje, troje* više ne zna sklonitba; jer 2. padež po Karadžiću *dvoga, troga, četvorga*, pa 3. 6. i 7. *dvoma, troma, četvorma*, ili *dvome, trome, četvorme* jest prava nakaza gramatična... Za neživuće pako stvari neima u toj pokvarenosti pako nikakve deklinacije kao to-je starinska n.p. 1) pet perah, 2) petih perah, 3) petim perom“ (MAŽURANIĆ 1866: 59). Osobitost je ponajprije u tome što Mažuranić navodi i opisuje sklonidbu glavnih brojeva od pet pa nadalje. Uz to, iz Mažuranićeve kritike Karadžićeva pristupa brojevima, posve se jasno vide nepomirljive razlike dviju normâ, vukovske i zagrebačke.

Veberova je preporuka slična, ali Veber ne govori o sklonidbi brojeva od pet pa nadalje, ali za sklonidbu dva, tri i četiri daje stare oblike. Napominje da se ta sklonidba gubi, ali napomena mu je umjerenija i ne tako oštra kao Mažuranićeva: „... glavni brojnici, počam od pet, drže se svuda za nesklonjive samostavnike... Brojnici dva, tri, četiri, dekliniraju se u novijem štokavskom jeziku kad stoje bez predloga; ali kada stoje s predlogom, vole biti nesklonivi, ter stoje sa svojim samostavnici u nom duala; n. p. vjerujem dvima svjedocima, ali čuo sam od dva svjedoka, mjesto od dvajuh svjedokah.“ (VEBER 1876: 53)

Mažuranićeva je preporuka ona koja u jeziku želi zadržati zastarjele oblike brojeva, ali tako osigurati neprekinut i ravnomjeran razvojni put hrvatskoga književnoga jezika. Ipak, Mažuranić zaboravlja da je tradicija sklanjanja glavnih brojeva od pet pa nadalje prekinuta i prije njegova doba. U pisaca je osamnaestoga stoljeća sklanjanje brojeva *pet, šest, sedam*... samo iznimno i rijetko (MARETIĆ 1910: 179). Kada je riječ o slavonskoj književnoj tradiciji

⁶ Naziv *književni jezik* upotrebljavam istoznačno nazivu *standardni jezik*.

18. st., opravdana je Mažuranićeva preporuka o sklanjanju brojeva *dva, tri, četiri*, a koja je protiv oblika koje navodi Karadžić. U tekstovima se književnika 18. stoljeća ne mogu potvrditi oni oblici brojeva koje preporuča Karadžić, oblici: *dvoga, troga, četvorga* i sl. (MARETIĆ 1910: 178).

Veber prihvaća jezično stanje svoga vremena, upozorava samo da bi brojeve koji stoje bez prijedloga trebalo sklanjati - isto kao što upozorava i naša današnja, suvremena gramatika. Maretić pak, kao lučonoša vukovske norme, u hrvatski jezik pokušava uvesti nesklonjive oblike brojeva, pozivajući se na Karadžića: „Oblicima dva, dvije, tri, četiri u nom. ak i vok. ne treba nikakve potvrde jer su veoma obični u svemu narodu i drukčije i ne mogu da glase. Nužne su potvrde za druge padeže tih brojeva... Najprije treba reći da su u Vuka, u Daničića, u narodnoj poeziji i prozi nalaze samo oblici dviju, dvjema (dvema, triju, trima, četirma), da oblika dvima, četiriju nema u tim djelima nikako, da se dviju upotrebljava samo za ženski rod, da Vuk i oblike dvjema, triju, trima uzima samo za ženski rod, a oblika četirima u njega nema.“ (MARETIĆ 1963: 225)

Uzmemo li u obzir i Daničićovo mišljenje (koje je ishodište Maretićevo) „... da se u ovijeh brojeva dva, oba, tri, četiri, nerado mijenjaju oblici, kao što su se u ostalih sa svijem prestali mijenjati...“ (DANIČIĆ 1850: 49), tada je jasno da je pitanje promjenljivosti brojeva i njihovih padežnih oblika nije samo pitanje jezikoslovnih pristupa, nego je to pitanje različitosti dvaju jezika⁷.

Različitost se jezikoslovnih pristupa očituje u tome što hrvatski gramatičari, Veber i Mažuranić svoja normativna pravila potvrđuju u hrvatskoj književnomjetničkoj tradiciji, a oni drugi, Karadžić, Daničić i Maretić svoju normu traže i potvrđuju u narodnim govorima, zanemarujući jezik hrvatske književnosti. Otuda i različitost jezika: jezik hrvatske književnosti bio je i književni jezik, a narodni je govor bio samo jedan od štokavskih dijalekata koje je tek imalo postati književnim jezikom i to nastojanjima Karadžića i Daničića, a njihova je nastojanja na hrvatsko tlo prenosio Maretić⁸.

Karadžićeva su gledišta na jezik prevladala pa su i vukovske gramatike govorile o sklonidbi brojeva pomirujući dva jezikoslovna pristupa i dva jezika: brojevi se sklanjaju, ali dativ, lokativ i instrumental broja *dva, oba* glasi za sva tri roda jednako: *dvjema, objema*.

U suvremenim se hrvatskim gramatikama brojevi sklanjaju, a za muški je i srednji rod dativa, lokativa i instrumentala: *dvama*; sklonidba je brojeva usklađena s hrvatskom tradicijom. Napomena je da se u razgovornom jeziku brojevi rijetko sklanjaju ako su s prijedlozima, ali da se to ne odnosi na njegovani izričaj. (BABIĆ 2007: 495)

⁷ O tome opširnije: HAMM 1956.

⁸ Opširnije o odnosu jezika zagrebačke škole, dijalekatnoj stilizaciji te škole i dijalekatnoj vukovskoj stilizaciji vidi: BROZOVIĆ 1977., 1985.; VINCE 1979., 1982.; HAM 1998., 2006; KATIČIĆ 2013.

Mažuranić i Veber nisu složni kada su u pitanju padežni oblici brojeva *dva*, *oba*, *obadva*.

Mažuranić (1866: 58)⁹

1. 4. 5.	<i>dva</i>	<i>dvě</i>	<i>dva</i>
2. 6.	<i>dvajuh</i>	<i>dvijuh</i>	<i>dvajuh</i>
3. 7.	<i>dvama</i>	<i>dvěma</i>	<i>dvama</i>

Veber (1876: 53)¹⁰

N. A. V.	<i>dva</i>	<i>dvie</i>	<i>dva</i>
G. P.	<i>dvajuh</i>	<i>dvijuh</i>	<i>dvajuh</i>
D. I.	<i>dvima</i>	<i>dvjema</i>	<i>dvima</i>
	(<i>dvjema</i>)	(<i>dvjema</i>)	

Razlike prema suvremenoj normi nisu samo u drugačijim padežnim oblicima, nego i u sinkretizmu padeža, danas su sinkretizirani dativ, lokativ i instrumental, a ne genitiv i lokativ. Veber, za razliku od Mažuranića, u dativu i lokativu ostavlja kao mogućnost isti padežni oblik za sva tri roda.

U Kozarčevu se tekstu takvi stari padežni oblici ne potvrđuju (ni Veberovi, ni Mažuranićevi), a ne potvrđuju se ni oblici koje navodi Karadžić.

Potvrđeno je *dvaju*, *triju* u genitivu:

- 1) i jedan od *dvaju* šetalaca (EL, 81)¹¹
- 2) poput *dvaju* ludjaka (MK, 628)
- 3) od *triju* slika najljepša (K, 170)

U lokativu je potvrđeno *dvjema* (ženski rod):

- 4) Oko pol noći razišlo se društvo po nuzkrajnim *dvjema* sobicama (P, 102)

U instrumentalu je potvrđeno *dvama* (srednj rod), *dvijema* (ženski rod), *obima* (ženski rod):

- 5) *oba* podignuta *dvama* čuvstvima (TLJ, 98)
- 6) Kalebajući se među *dvijema* ženama (MiK)

⁹ Mažuranić padeže obilježava rednim brojevima, red je padeža isti kao u suvremenim gramatikama.

¹⁰ Veber lokativ naziva prepozicional, skraćeno P

¹¹ U zagradama se navodi kratica koja znači Kozarčevo djelo i broj koji označava broj stranice u tom djelu. Kratice su sljedeće: EL – Emilijan Lazarević, Nada, I.III. – I.IV., 1987.; MD - Moj djed, Hrvatska omladina, 1887.; BK - Biser-Kata, Vienac, 1887., br: 12. – 16.; NP - Naš Pilip, Vienac, 1887., br: 36.; P - Proletarci, Vienac, 1888., br: 5. - 13.; K - Krčelići ne će ljepote, Dom i sviet, 1888., br: 11. – 14.; KG - Kapetan Gašo, Vienac, 1888., br: 23.; SŠ - Slavonska šuma, Vienac, 1888., br: 34. – 36.; MK - Mrtvi kapitali, Vienac, 1889., br: 25. – 41.; LJ - Ljudi, koji svašta trebaju, Vienac, 1891., br: 2. - 3.; MST - Među svietlom i tminom, MH, 1891.; T - Tena, Dom i sviet, 1894., br: 1. – 4.; TLj - Tri ljubavi, Prosvjeta, 1984., br: 1. – 9.; MiK - Mira Kodolićeva, Prosvjeta, 1895., br: 13. – 19.; MS - Moje susjedice, Prosvjeta, 1985., br: 1.; TD - Tri dana kod sina, Prosvjeta, 1897., br: 1.; O - Oprava, Prosvjeta, 1899., br: 3. – 7.; RuP - Rodu u pohodu, Vienac, 1899., br: 15. – 17.

8) sa *obima* gospodjama (MK, 498)

I Mažuranić i Veber kažu da se *oba*, *obje* sklanjaju kao *dva*, a svaki preporuča svoju sklonidbu. Kozarčev je oblik *obima* u skladu s Veberovim instrumentalom; *dvima/obima*, ali nije u skladu s oblikom ženskoga roda koji u Vebera glasi: *dvjema/objema*. Primjeri 4. – 6. pokazuju da Kozarac upotrebljava različite oblike za ženski i srednji rod.

Kozarac sklanja broj i kada je u vezi s prijedlogom, ali mnogobrojniji su i češći primjeri kada je broj u svezi s prijedlogom, a ne sklanja se:

9) sa *tri* strane (P, 180)

10) kod *tri* ormana (MK, 611)

12) doletila na *četiri* konja (MK, 582)

13) juri vrieme na *četiri* konja (MK, 582)¹²

14) sa *obadvie* ruke jednako dielila (TLJ, 100)

Primjer je 5. jedini u kojem je potvrđen broj koji nije u vezi s prijedlogom. Taj primjer ujedno i pokazuje da Kozarac sklanja broj koji nije u vezi s prijedlogom. Nema primjera koji bi pokazivali suprotno, svi su ostali primjeri oni u kojima je broj u vezi s prijedlogom.

U Kozarčevih se suvremenika, Kovačića (ANIĆ 1971) i Gjalskoga (SOVIĆ 1985), potvrđuju nešto drugačiji oblici brojeva: u Kovačića su oni koji odgovaraju staroj normi, a u obojice se potvrđuje sintagma - *dvije, četiri oči*, a takve u Kozarca nema; Kovačić sklanja broj u vezi s prijedlogom, a za Gjalskoga nema o tome podataka¹³.

Brojevne imenice i pridjevi

Brojevne imenice i pridjeve Kozarac upotrebljava u skladu sa suvremenom normom, a ona je ista kao i stara norma kada su u pitanju sintaktička ograničenja upotrebe brojevnih imenica i pridjeva. O takvim ograničenjima govore i Veber i Mažuranić¹⁴, a Mažuranić navodi i sklonidbu *brojnika kakvoće*: *dvoj*, a ta je slična sklonidbi brojevne imenice dvojice u suvremenom jeziku: „2. dvojega, 3. dvojemu, 6. dvojem, 7. dvojim“. (MAŽURANIĆ 1866: 61) U navedenoj se staroj sklonidbi čuva razlika u dativu, lokativu i instrumentalu i nema stegnutih oblika.

Brojevne imenice: *obojica, dvojica, trojica*... Kozarac upotrebljava samo za muškarce:

15) pa se *obojica* late posla (MK, 649)

- Vinko i Lešić

16) nakloniše se *obojica* (TLJ, 258)

- viši i niži časnik

17) sva *trojica* ćemo (TLJ, 166)

- Tordinac, Ivan, Kozarac

¹² To je jedini primjer u kojem je umjesto *četiri* potvrđeno *četri*.

¹³ Misli se da nema o tome podataka u monografiji o jeziku Gjalskoga, vidi SOVIĆ, 1985.

¹⁴ O tome vidi u ovome radu: *Brojnici kakvoće*.

18) jedanaest sinova s *trojicom* mlađjih (KG, 357)

19) odluka od barem *petorice* odvjetnika (MST, 17)

Brojevine imenice srednjega roda upotrebljava kada su one uz imenice koje znače različite spolove:

20) oni su *oboje* mislili (MK, 612)

- Anka i Lešić

21) njih *dvoje* krenulo (MK, 581)

- Lešić i Anka

22) nas *četvero* (TLJ, 99)

Ivan, Vjera, Stjepko, Kozarac

23) i njih *troje* odoše (MST, 39)

- bračni par Božić i njihov susjed

U Kozarca nisu potvrđeni oblici na *-oro* (kao: *petoro*, *šestoro* i sl), nego samo oblici na *-ero*: *četvero* (TLJ,99), *šestero* (TLJ,99), *jedanaestero* (KG,357), *petero* (MST,65). Kozarčeva upotreba posve odgovara normi devetnaestoga stoljeća i hrvatskoj tradiciji¹⁵.

Uz zbirne su imenice i imenice pluralia tantum u Kozarca isto tako brojevine imenice srednjega roda:

23) sjedi *dvoje*, *troje* čeljadi (MST, 35)

24) čitao *dvoje*, *troje* novine (MST, 12)

25) dolaze *troje* novine (MST, 12)

U kosim su padežima potvrđeni instrumentali *dvojima*, *dvoma* i dativ *dvojoj*:

26) među njima *dvojima* (MK, 534)

27) među njima *dvoma* (MK, 550)

Oba ta oblika odgovaraju suvremenoj normi, ali ne i oblicima u Mažuranića.

28) Htjela ona *dvojoj* braći biti žena (K, 178)

Imenice stotina, tisuća, hiljada

U Kozarca se potvrđuju i sljedeće imenice: *stotina*, *tisuća* (*tisuć*, *hiljda*). Kozarac upotrebljava i nepromjenjivi oblik *sto* :

tri *stotine* (MK, 628)

tri *sto* (MK, 534)

šest *stotina* (MK, 646)

devet *sto* (MK, 468)

od šest *stotina* (P, 181)

pet *sto* (MK, 642)

Kozarac obično upotrebljava *dvjesto*, a *dvjesta* je potvrđeno jednom (*trista* ni jednom): *sto* do *dvjesto* (MK, 534), *dvjestopedeset* (P, 78)/*dvijesta* (P, 180). Danas se oblici *dvjesta*, *trista* smatraju starinskima i pokrajinskima i/ili stilski obilježanima. Slovnice u popisu brojeva ni nemaju *dvjesta* i *trista* (samo *dvjesto*, *tristo* i *dvije stotine*, *tri stotine*), ali Veber u napomeni navodi i broj *dvjesta*, a Mažuranić osim *dvjesta* govori i o postojanju oblika *dvjesti*.

¹⁵ O odnosu sufiksa *-er/-or* vidi: BROZOVIĆ 1973.

Maretić objašnjava *dvjesta* i *dvjesti* kao ostatke stare sklonidbe broja *sto* (koja se zadržala samo kao dio navedenih brojeva), ali ništa ne govori o upotrebi.

U Kozarca je imenica *tisuća* obična i najučestalija. U dva se primjera potvrđuje *tisuć*: *tisuć* prozora (MK, 420), *tisuć* raznih sгода (MK, 420)

Hiljada (ali nikada *iljada*) potvrđuje se u svega nekoliko primjera: dvie *hiljade* (MK, 624), pet *hiljada* forinti (MK, 624), sa deset *hiljada* (MK, 534)

U suvremenim je gramatikama *hiljada* uvrštena u popis brojeva, ali uz napomenu da supostoji uz *tisuću* kao riječ stranoga podrijetla i da je uvrštena u popis brojeva samo zbog proširene upotrebe u razgovornom jeziku, a inače se smatra stilski obilježenom¹⁶. I slovnice uz *tisuću* navode i *hiljadu*: u Vebera je *hiljada* navedena kao ravnopravna *tisući*, ali se u Mažuranića uz *tisuću* *hiljada* navodi u zagradi, dakle kao sporedna i neravnopravna. Maretić pak napominje da je *hiljada* novija riječ i to iz grčkoga jezika, a *tisuća* je prava slavenska riječ od pamtivjeka.

U Kozarčevih je suvremenika, Kovačića, a posebice Gjalskoga, upotreba *tisuće* i *hiljade* u ravnopravnom omjeru.

Redni brojevi

Glavni se broj *jedan* i u Kozarca sklanja kao pridjev pa će njegova sklonidba biti opisana uz sklonidbu rednih brojeva.

Redni se brojevi sklanjaju kao određeni pridjevi i u jeziku devetnaestoga stoljeća isto kao i u suvremenom jeziku. Razlika je između suvremenoga jezika i jezika zagrebačke škole ista ona koja je i u sklonidbi pridjeva – padežni nastavci.

U Kozarca je sklonidba rednih brojeva (i glavnoga broja *jedan*) ista kao i sklonidba određenih pridjeva u njegovim tekstovima: ne odgovara u potpunosti ni jednoj normi. Međutim, za razliku od pridjeva u čijoj su sklonidbi potvrđeni pretežito stari nastavci u množini, u brojeva je samo u jednom primjeru potvrđen stari nastavak, u instrumentalu broja prvi:

30) U doticaju s *prvimi* obitelji (P, 70)

U sklonidbi se jednine čuva razlika između dativa (*-omu*) i lokativa (*-om*) jednako kao i u pridjeva, a u genitivu je podjednako zastupljeno i *-oga* i *-og*. Dakle, završno *-u* koje danas nazivamo naveskom, obveznim je dijelom dativnoga nastavaka i nema narav naveska, ali u genitivu je završno *-a* poprimilo narav naveska jer nije obveznim dijelom nastavka¹⁷.

Genitiv *-og*

31) Došavši do *prvog* šljivika (TLJ, 166)

32) iz *trećeg* sela (P, 117)

33) od *drugog* svieta (K, 169)

¹⁶ O upotrebi i podrijetlu imenica *tisuća* i *hiljada* vidi: BABIĆ 1990: 79-83.

¹⁷ Opširnije o navescima u jeziku zagrebačke škole vidi: HAM 1998.

Genitiv *-oga*

34) pohota *jednoga* bića (MK, 612)

35) sjetio se *prvoga* sastanka (MK, 612)

36) sa prozora *četvrtoga* sprata (TLJ, 194)

Dativ *-omu*

37) da iztrgnu *drugomu* koricu kruha (MST, 8)

38) jedan *drugomu* (KG, 357)

39) već počeo *drugomu* uzoru navraćati (TLJ, 3)

Nije u dativu potvrđen nastavak *-om*, ni nastavak *-ome*.

Lokativ *-om*

40) nije se mogla uočiti u *jednom* satu (TLJ, 194)

41) a u svakom *četvrtom* (TLJ, 134)

Primjera je za lokativ malo, navedena su dva jedina pronađena, pa se ne može zaključivati o odnosu nastavaka *-om*, *-omu*, *-ome*, ali se može pretpostaviti da bi oni bili kao i u Kozarčevih pridjeva: da je lokativ zastupljen samo sa *-om*, kao odredbenim, a da se *-ome* ne može potvrditi – navezak *-e* nije bio dijelom padežnih nastavaka u pridjevno-zamjenskoj sklonidbi u jeziku zagrebačke škole.

Zaključak

Opis sklonidbe brojeva u Josipa Kozarca pokazuje da je Kozarčeva upotreba brojeva i njihovih padežnih oblika u skladu s normom zagrebačke škole, osobito normom koju propisuje Veber. Od opisa se u Mažuranićevoj slovnici razlikuje po tome što Kozarac ne sklanja glavne brojeve od *pet*, a Mažuranić baš tu sklonidbu propisuje. U Kozarca nema obilježja vukovske norme – brojevi *dva*, *tri*, *četiri* sklonjiva su mu vrsta riječi (vukovci tvrde da se padežni oblici brojeva gube), u broja *dva* razlikuje oblike za muški i ženski rod. U sklonidbi rednih brojeva i broja jedan upotrebljava navezak samo u genitivu: *petoga* i *petog*, a za dativ i lokativ ima nastavke koje propisuje zagrebačka škola – dativ *petomu*, lokativ *petom*. Navezak *e* ne potvrđuje se u Kozarca (nema oblika *petome* i sl.), a tako je i u normi zagrebačke škole.

Literatura

ANIĆ 1971 = ANIĆ V. Jezik Ante Kovačića. Školska knjiga, Zagreb, 1971.

BABIĆ 1986 = BABIĆ S. Tvorba riječi u hrvatskom književnom jeziku. HAZU-Globus, Zagreb, 1986.

BABIĆ 1990 = BABIĆ S. Hrvatska jezikoslovna čitanka. ŠN, Zagreb, 1990.

BABIĆ 1991 = BABIĆ S., BROZOVIĆ D., MOGUŠ M., PAVEŠIĆ S., ŠKARIĆ I., TEŽAK S. Povijesni pregled, glasovi i oblici hrvatskoga književnog jezika. JAZU – Globus, Zagreb, 1991.

BABIĆ 2007 = BABIĆ S., BROZOVIĆ D., ŠKARIĆ I., TEŽAK S. Glasovi i oblici hrvatskoga književnog jezika. JAZU – Globus, Zagreb, 2007.

BROZOVIĆ 1974 = BROZOVIĆ D. O sufiksu *-er*, *-or* u imeničkim i pridjevskim brojevima i njihovim izvedenicama // Jezik, 1974. № 5.

- BROZOVIĆ 1977 = BROZOVIĆ D. O suvremenoj morfološkoj normi jezičnog standarda i o morfološkim značajkama standardne štokavštine uopće // Jezik, 1977. № 1-3.
- BROZOVIĆ 1985 = BROZOVIĆ D. Jezična i pravopisna previranja u Hrvatskoj na prijelazu iz 19. u 20. stoljeće // Jezik, 1985. № 1.
- DANIČIĆ 1950 = DANIČIĆ Đ. Mala srpska gramatika. (pretisak) München, 1983.
- HAM 1998 = HAM S. Jezik zagrebačke filološke škole. MH, Osijek, 1998.
- HAM 2006 = HAM S. Povijest hrvatskih gramatika. Globus, Zagreb, 2006.
- HAM 2009 = HAM S. Pristup jeziku Josipa Kozarca // Šokačka rič 6. Zbornik radova Znanstvenoga skupa Slavonski dijalekt. 2009. 231-289.
- HAM 2015 = HAM S. Imenice muškoga roda u jeziku Josipa Kozarca // Filologija 2015. № 65. 45-76.
- HAMM 1956 = HAMM J. Deklinacija brojeva 2, 3, 4 // Jezik, 1956. № 1.
- KATIČIĆ 2013 = KATIČIĆ R. Hrvatski jezik, ŠK, Zagreb, 2013.
- MARETIĆ 1910 = MARETIĆ T. Jezik slavonskih pisaca // Rad JAZU, 1910. № 180.
- MARETIĆ 1963 = MARETIĆ T. Gramatika hrvatskoga ili srpskoga jezika, Zagreb, 1963.
- MAŽURANIĆ 1866 = MAŽURANIĆ A. Slovnica Hèrvatska za gimnazije i realne škole. Dio I: Rěčoslovje. Zagreb, 1866.
- SOVIĆ 1985 = SOVIĆ I. Jezik Ksavera Šandora Gjalskog. ŠN, Zagreb, 1985.
- VINCE 1979 = VINCE Z. Povijest hrvatskog književnog jezika s kraja 19. i početka 20. stoljeća // Jezik, 1979. № 3.
- VINCE 1982 = VINCE Z. Norma u hrvatskom književnom jeziku potkraj 19. stoljeća // Jezik, 1982. № 2-3.
- VEBER 1876 = VEBER A. Slovnica hrvatska. Zagreb, 1876.

Huszár Attiláné Fábíánkovits Erzsébet
(Szombathely, Magyarország)

A MAGYARORSZÁGON ÉLŐ GRÁDISTYEI HORVÁTOK KOMPLEX,
TRANZNACIONÁLIS IDENTITÁSÁNAK JELLEMZŐI

Abstract: This study is based on a survey carried out in a minority Burgenland Croatian settlement in the West of Hungary. It aims at providing empirical evidence on the complex transnational identity of the minority Croatian people living in the settlement. The paper also deals with language maintenance contexts, including the grassroots language maintenance and revival efforts by local teachers and activists, the role of the religious and cultural events in maintaining the minority language and identity, as well as the language variations of Croatian being present in the village.

Keywords: transnational identity; national group vs. language minority group

1. Bevezető

A hazai horvát kisebbség a kutatók véleménye szerint hét, egyesek szerint tizenkét részben eltérő nyelvjárást beszélő, egymástól földrajzilag is elkülönülő népcsoportra oszlik. (SOKCSEVITS 2013: 1). A nyugat-magyarországi, más néven grádistyei, a nemzetközi szakirodalomban *Burgenland Croatian*, „burgenlandi horvát” (CHRYSTAL 1988: 25) – a továbbiakban: grádistyei horvátok – a trianoni határ által feldarabolt népcsoport nagyobb része az ausztriai Burgenlandban, kisebb része Magyarországon, illetve Szlovákiában él.

Kutatásomat a népcsoport legnagyobb számú horvát identitású lakossággal rendelkező nyugat-magyarországi településén, Kópházán (horvát neve: *Koljnof*) végeztem. Tanulmányom célja, hogy empirikus adatokra támaszkodva elemezzem a magukat grádistyei horvátoknak valló egyének komplex identitását. A Kópházán élő grádistyei horvátok jellemzően egyszerre kötődnek Magyarországhoz, egyénileg eltérő mértékben a grádistyei horvát régióhoz, valamint Horvátországhoz is. A szisztematikus „mi” és „ők” megkülönböztetés, valamint az azonos etnikumhoz való tartozás megállapítása a nyelvcsere jelenlegi, előrehaladott állapotában különösen bonyolult a grádistyei horvátok esetében, hiszen a grádistyei horvátok nyelvhasználatára és identitásának szerkezetére hatással van az egyének és közösségek kapcsolatrendszere mind a Horvátországban, mind pedig a Burgenlandban élő horvátokkal. Borbély Anna megállapítása szerint „a nyelvcsere és a

nyelvmegőrzés ellentétes irányú folyamat, mégis egy-egy közösség életében eltérő mértékben bár, de egyszerre van jelen ... mindkét jelenség szoros kapcsolatban van a társadalmi és kulturális változásokkal, valamint a csoportok között meglévő kapcsolatokkal” (BORBÉLY 2001: 195).

2. A Nyugat-Magyarországon és a Burgenlandban élő grádistyei horvátok eltérő identitása

Fontos megjegyeznünk, hogy a Burgenlandban élő grádistyei horvátok és a Magyarországon élő grádistyei horvátok identitásának szerkezete mára már jelentősen eltér. Természetes, hogy az Ausztriában élő grádistyei horvátok identitásában az osztrák, míg a Magyarországon élőkében a magyar identitás hangsúlyos szerepet kap. Azonban nem ez az egyetlen jelentős különbség. A Burgenlandi horvátok önmagukat „nemzetsoportként” (*nacionalna grupa*) határozzák meg, s jellemzően nem tekintik Horvátországot anyaországuknak. Ezt a megállapítást támasztja alá számos résztvevő megfigyelés, valamint Katarine Tyran Ausztriában élő burgenlandi horvát szerző kutatása. A kutató rámutat arra, hogy a magyarországi grádistyei horvátok rendezvényein gyakran feltűnik a horvát zászló, illetve egyéb horvátországi szimbólumok, míg az Ausztriában élő grádistyei horvátok kevésbé kötődnek Horvátországhoz¹. A Nyugat-Magyarországon élő grádistyei horvátokra Magyarországon „nemzeti kisebbségként” (*nacionalnaja manjina*) tekintenek, akik amint az a vizsgált településen, Kópházán tapasztaltakból is levonható, a magyarországi és horvátországi nemzetiségi politikának, valamint a helyi aktivistáknak és az általuk szervezett kulturális eseményeknek köszönhetően kötődnek Horvátországhoz is.

3. A grádistyei horvátok

A grádistyei horvátok nyelve jellemzően XVI. századi nyelvállapotot tükröz, nyelvjárászigeteket alkot, s a nyelvi közösségek egy évszázadok során kialakult regionális nyelvet beszélnek (SZOTÁK 2004: 37-49). Horváth Sándor (HORVÁTH 2005: 181-193) kutatása rávilágít arra, hogy már a XVIII. századi grádistyei horvát forrásokban is felmerült a horvát nyelv „romlásának” kérdése, s az elhatárolódás vélelme a Horvátországban beszélt nyelvváltozatoktól. Jelentős kutatók – köztük Zoltán András, valamint A. D. Duličenko (ZOLTÁN 2001: 139-142) – a grádistyei horvát nyelvet, melyhez a Kópházán beszélt horvát nyelv is tartozik, olyan elszigetelt mikronyelvnek határozzák meg, amelynek nincs anyaországa. Mint az előzőekben láthattuk, a kép árnyaltabb ennél. Míg az Ausztriában élő grádistyei horvátok jellemzően nem tekintik

¹ Tyran, Katherine „*Identitäre Verortungen entlang der Grenze. Verhandlungen von Sprache und Zugehörigkeit bei den Burgenländischen Kroaten*“ című a berlini Humboldt Egyetemen megvédett doktori disszertációjának a szerző által grádistyei horvát nyelven történt ismertetése alapján. *Socialni Centar*, Trausdorf (*Trajštof*) Ausztria 2016. október 5.

anyaországuknak Horvátországot, addig a magyarországi grádistyei horvátok szorosabb kapcsolatot ápolnak Horvátországgal.

A grádistyei horvát települések horvátul beszélő lakói csak korlátozott mértékben értik a Horvátországban beszélt standard horvát nyelvet, s őket sem fogadják el egyenrangú horvát anyanyelvi beszélőnek a Horvátországban élő horvátok. Számos résztvevő megfigyelés azonban azt igazolja, hogy Kópháza horvátul beszélő lakói a település horvátországi testvérfalvaiból (*Buševac, Bibinje*) érkező standard horvát nyelvet beszélő kulturális csoportokkal, vendégekkel – kis fennakadásokkal ugyan – de folyamatosan kommunikálnak. Ezt a megfigyelést támasztja alá a horvátországi Ivan Kozlica írása egy 2007-ben történt kópházi látogatásról. A horvátországi horvát szerző nem tudott a magyarországi horvátok létezéséről, s nagyon érdekesnek találta a grádistyei horvát nyelvet (KOZLICA 2009: 119-125).

A résztvevő megfigyelések tapasztalata alapján kijelenthető, hogy a község lakói hamar megtanulják és használják azokat a szavakat, melyek elősegítik a kölcsönös megértést. A horvát irodalmi köznyelv és a grádistyei horvát nyelv különbözőségét, illetve a kölcsönös megértés lehetőségét, valamint nehézségét jól illusztrálja a *trudan* (nőnemben *trudna*) melléknév, melynek jelentése grádistyei horvát nyelven „fáradt”, míg a horvát köznyelvben „előrehaladott várandós állapotú”. A fáradt szó köznyelvi horvát megfelelője: *umoran* (nőnemben *umorna*). Az utóbbi szó szótöve is értelmezhető grádistyei horvát nyelven. A „megöl” ige tartalmazza a szótövet, illetve a grádistyei horvát nyelven beszélő adatközlők használják a szótövet az *umarat se/ umorit se* igében – kissé túlzó értelemben – a „végletekig menő erőfeszítés”, illetve „kifáradás” kifejezésére.

4. A vizsgált településen előforduló horvát nyelvváltozatok

A Kópházán élő horvátok a grádistyei horvátokra jellemzően a horvát nyelv három változatával kerülnek kapcsolatba. A leghangsúlyosabb a magánéletben használt grádistyei horvát nyelv használata, melyen a falubeliekkel, valamint a határok átjárhatósága óta a burgenlandi horvátokkal beszélnek az idősek, valamint kisebb mértékben és gyakorisággal a középkorúak. A grádistyei horvát nyelvnek van saját irodalmi nyelve, melyen a burgenlandi horvát médiák szólnak meg, valamint a kismartoni (*Eisenstadt, Burgenland*) püspökség (horvátul: *Biskupija Željezno*) horvát nyelvű egyházi kiadványai íródnak, melyek eljutnak a vizsgált településre is. Ez a nyelv a grádistyei horvátok római katolikus liturgikus nyelve. Számos résztvevő megfigyelés tapasztalata alapján megállapítható, hogy a legidősebbek kivételével az általános iskolát grádistyei horvát falvakban elvégzők – egyénileg eltérő mértékben – rendelkeznek horvát köznyelvi ismeretekkel, mivel a falvak általános iskoláiban a szerb-horvát nyelvet tanították. A Horvátországban beszélt standard nyelv ismeretének bővítéséhez hozzájárulnak a horvátországi TV műsorok figyelemmel kísérése, a horvátországi testvértelepülésekkel való kapcsolatok ápolása, valamint a Horvátországba történő utazások is. A falu

általános iskolájában jelenleg is a standard nyelvet tanítják. A Horvátországból érkező vendégtanárok, valamint a diákok testvérfalvakba történő utaztatása is a standard horvát nyelv elsajátítását segítik elő. Kópházára a helyi aktivisták tevékenységének köszönhetően az 1980-as évek eleje óta érkeztek kulturális csoportok Horvátországból (kezdetben a Zágráb környéki *Buševac* településről), melyeknek tagjait jellemzően horvát ajkú családok szállásolták el, akik a viszontlátogatás során élvezték a horvátországi horvátok vendégszeretetét. Ezek a kapcsolatok elősegítették a különböző nyelvváltozatok használatát a településen, s valószínűsíthető, hogy individuális különbségekkel hatással voltak az egyének identitása szerkezetére, erősítve a horvát identitást.

A három horvát nyelvváltozat jelenlétét nem tekinthetjük a diglosszia (triglosszia) jelensége klasszikus megvalósulásának, mert a grádistyei irodalmi nyelv és a Horvátországban beszélt standard nyelvváltozat csak a receptív kompetencia szintjén, illetve korlátozott mértékben van jelen a közösség nyelvhasználatában, s a legidősebb, 80 éven felüli, mára már kis lélekszámú lakos kivételével a beszélők domináns nyelve a magyar nyelv. Bartha Csilla megállapítása szerint „az újabb diglosszia értelmezések bonyolultabb viszonyokat is leírnak, ahol két emelkedett és egy közönséges változat áll egymás mellett” (BARTHA 1999: 69).

A horvát identitást megőrizni kívánó helyi kezdeményezések közül kiemelkedik az a program, melynek keretében 2004 márciusában bemutatták a *Koljnofski pir* „Kópházi lakodalmas” című műkedvelő színdarabot a falu és a környező horvátok népszokásairól mintegy 50 helyi aktivista részvételével. A színdarabot számos nyugat-magyarországi és burgenlandi grádistyei horvát településen is bemutatták, valamint DVD-n is megjelentették.

5. A magukat horvát identitásúnak vallók száma Kópházán 1990-től napjainkig

A Magyarországon élő horvát nemzeti kisebbségek előrehaladott nyelvi asszimilációja jól dokumentált a szakirodalomban. A nyelvcsere foka azonban jelentősen eltér a különböző településeken. Kópháza község lakói évszázadok óta túlnyomórészt horvát nyelvűek, s a horvát nyelvet és identitást azóta is őrzik. Az 1990-es népszámlálás adatai alapján Magyarországon 13 570 fő vallotta magát horvátnak. Kópháza 1 768 lakosa közül ekkor 1 032 horvát anyanyelvű volt. A 2001-es népszámlálási adatok alapján 1954-en vallották magukat horvát anyanyelvűnek Győr-Moson-Sopron megye 6 településén, melyek közül Kópháza volt e tekintetben a legjelentősebb. A 2011-es Győr-Moson-Sopron megyei népszámlálási adatok szerint „a ... horvát kisebbség létszáma ... Kópházán 43 százalékot képviselt.” (VUKOVICH 2013:23) Kópháza lakossága az említett időszakban mintegy 2000 fő volt.

6. Újabb identitásértelmezések

Az *Applied Linguistics* című szakfolyóirat identitással foglalkozó számának bevezető tanulmánya szerint a nemzetek feletti identitás kutatásában alapvető fontosságú a nyelv és az identitás kapcsolatának kritikai megközelítése, valamint a nyelvi közösségek homogén voltának felülvizsgálata annak vonatkozásában, hogy azok tagjai nem feltétlenül jellemezhetők azonos kulturális repertoárral, valamint nézetekkel (DE FINA – PERRINO 2013: 1-5). A szerzők megállapítása szerint a konstruktivista elképzelésekkel szemben, melyek úgy értelmezik, hogy a lokális identitás többnyire a többségi identitásba ágyazottan jelenik meg, az újabb értelmezések úgy tárgyalják az identitás témáját, hogy az egy adott beszédaktus során különböző tényezők alakította kölcsönhatások eredményeképpen alakul.

7. Kutatási módszer

Az adatgyűjtés előzményeként számtalan kulturális, iskolai és egyházi rendezvényen vettem részt 2004 óta. A résztvevő megfigyelés volt a módszerem az előzetes adatgyűjtés során, s az így kapott adatokat, információkat egészítettem ki irányított interjúkkal (Bartha, Borbély, Nyelvtudományi Intézet). A szociolingvisztikai szakirodalomban elfogadott tény, hogy a résztvevő megfigyelés módszerével tanulmányozható leghitelesebben egy közösség nyelvhasználata, s küszöbölhető ki a labovi megfigyelői paradoxon. Tartalomelemzés segítségével vizsgáltam az interjúk során adott válaszok mögött meghúzódó motivációs rendszert. Megfigyeléseimet a grádistyei horvátok kulturális tevékenységéről tudósító online közösségi oldalak nyomon követésével egészítettem ki.

8. Eredmények

Az eredmények igazolták, hogy az általam vizsgált grádistyei horvát településen a horvát származású és a nyelvet valamilyen szinten beszélő egyének identitásának szerkezete nem homogén. A különbözőségek sok tényezőre vezethetők vissza. Függenek egyrészt a kutatásba bevont személy életkoráról, valamint attól, hogy milyen mértékben beszélnek (vagy életútja során beszéltek) családjában a horvát nyelvet. Fontos szempont, hogy a falu kulturális eseményein tevékenyen részt vesz-e a válaszadó, illetve ahhoz a körhöz tartozik-e, akik gyakran utaznak Horvátországba akár kulturális kapcsolatok révén, akár magánúton, s ott gyakorolják a horvát nyelvet, egyre több ismeretet szerezve a standard horvát nyelvről.

A horvát identitás megtartásában fontos szerepe van a horvátok hagyományosan római katolikus vallása gyakorlásának is. Sajnálatos azonban, hogy a kópházi katolikus pap nem horvát nemzetiségű, ami az identitásépítő, nyelvmeztartó törekvések ellen hat. Számos résztvevő megfigyelés alapján azonban elmondható, hogy a horvát nemzetiségű hívek 2016-ban is horvátul imádkoznak és énekelnek a templomban, valamint a temetéseken, de a prédikáció magyarul történik. Számos, mintegy 10 évet átölélő résztvevő

megfigyelés alapján elmondható, hogy fontosak a horvát, különösen a grádistyei horvát identitás megőrzése, valamint a kis népcsoport kulturális újraegyesítése szempontjából a burgenlandi horvát falvakba történő gyalogos és buszos zarándoklatok, melyek során a résztvevő kópháziaknak lehetőségük nyílik a burgenlandi horvátokkal történő találkozásra. A grádistyei horvát zarándokok a „Mariazelli Vándor Szűzanyához” látogatnak el. (Grádistyei horvát nyelven: *Putujuća celjanska Marija gradišćanskih Hrvatov*).

A kutatásba bevont személyek közül a legidősebbek, a 80 év körüliek anyanyelvként beszélik a grádistyei horvát nyelvet mindennapos kommunikációjuk során, bár magyar nyelvi kompetenciáik is kiválóak. Identitásukban a faluhoz és anyanyelvükhöz való kötődés a legjellemzőbb. Az előbbieknél fiatalabb generációra jellemző egy 60 év körüli gazdálkodó válasza, aki elmondta, hogy elsősorban a faluhoz kötődik, s grádistyei horvát és magyar identitásúnak érzi magát. Horvátországra szimpátiával tekint, de mivel nem sokat tud a történelméről, jelenlegi politikai viszonyairól, nem tud azonosulni az országgal. Büszkeséggel tölti el, hogy grádistyei horvát anyanyelvének köszönhetően tud kommunikálni a horvátországi horvátokkal, de zavarónak érzi, hogy a grádistyei nyelvről és népcsoportról Horvátországban kevesen tudnak, s mindig magyarázkodnia kell.

Teljesen eltérő szerkezetű egy a 2013/2014. tanévben a kópházi általános iskolában a nyolcadik osztályt végző tanuló identitása, akinek a szülei a horvát kultúra népszerűsítéséért sokat tettek a településen, számos alkalommal járt és tanult Horvátországban, s horvát nyelvtanár szeretne lenni. Az ő magyar identitása mellett érzelmileg kötődik Horvátországhoz is.

9. Összegzés

A kutatási eredmények alapján több következtetés is megfogalmazható.

Paulston (1994) meglátása szerint (in BORBÉLY ANNA 2001a: 203) a standard, valamint az írott változat ismerete lassíthatja a nyelvcsere folyamatát. Az általam vizsgált nyelvi közösség általános iskolájában túlnyomórészt a horvát nyelv standard változatát tanítják, ami a nyelv újratanításának felel meg tekintve, hogy a nyelvi közösségben a generációs rétegzettséggel jellemzett nyelvváltás más lezajlott.

Ennek megfelelően feltételezem, hogy a standard változat tanítása hozzájárul ahhoz, hogy Kópházán megmaradjon a horvát nyelv jelenléte. Az elmúlt 25 évben végbement gazdasági és politikai változások, melyeknek következtében lehetővé vált a magyarországi és burgenlandi grádistyei horvátok közötti kapcsolatok intézményes, illetve egyéni kiépítése, a horvát nyelv presztízsének emelkedéséhez vezetett a vizsgált közösségben. Ehhez hozzájárult az Burgenlandban történő munkavállalás lehetősége, melyet sok esetben megkönnyít a grádistyei horvát nyelv ismerete. Hasonló presztízsnövekedést eredményezett a kópházi nemzetiségi egyesületek által kezdeményezett horvátországi szervezetekkel történt intézményes kapcsolatfelvétel, illetve az egyéni horvátországi utazások lehetősége, illetve vonzó volta. A grádistyei és a

standard horvát nyelv presztízisének növekedése a nyelvi közösség beszélőit arra készíti, hogy meglévő nyelvtudásukat aktivizálják, s ezek az egyéni törekvések az intézményes programok segítségével hozzájárulnak a nyelvcsere megfordítása bizonyos mértékű megvalósulásához, valamint a faluban élő egyének egyénileg különböző szerkezetű horvát identitása megtartásához.

Irodalom

- BARTHA 1999 = BARTHA CS. A kétnyelvűség alapkérdései: Beszélők és közösségek. Budapest, 1999.
- BORBÉLY 2001 = BORBÉLY A. A Nyelvcsere és folyamata kutatása. Nyelvtudományi Közlemények 98. 2001. 195.
- CHRYSAL 1998 = CRYSTAL D. The Cambridge Encyclopedia of Language. Cambridge – New York: Cambridge University Press, 1998.
- DE FINA – PERRINO 2013 = DE FINA A. – PERRINO S. Transnational Identities // Applied linguistic. Special Issue, 2005. 509-515.
- HORVÁTH 2005 = HORVÁTH S. A grádistyei horvátok XVI-XX. századi asszimilációjának példái // Kisebbségkutatás, 2005. 2. 181-193.
- KOZLICA 2009 = KOZLICA I. 500 godina poslije – Koljnof // Regionalne Studije, Panon Qm (Croatica, Budapest), 2009. 119-125.
- NÉPSZÁMLÁLÁS 1990 = Az 1990. évi népszámlálás. Központi Statisztikai Hivatal. Budapest, 1993.
- NÉPSZÁMLÁLÁS 2001 = Népszámlálás. Központi Statisztikai Hivatal. Budapest, 2001.
- SOKCSEVICS 2013 = SOKCSEVICS D. A magyarországi horvátok rövid története <http://www.horvatok.hu/hu/magyarországi-horvátok/59-toertenelem> (2014. április 2.)
- SZOTÁK 2004 = SZOTÁK SZ. Veszélyeztetett nyelvek // Kisebbségkutatás, 2004. 1. 37-49.
- TYRAN 2015 = TYRAN K. Identitäre Verortungen entlang der Grenze. Verhandlungen von Sprache und Zugehörigkeit bei den Burgenländischen Kroaten. Leipzig: Biblon Media, 2015.
- ZOLTÁN 2001 = ZOLTÁN A. A kisebbségi szláv nyelvek szociológiai tipológiája // Kisebbségkutatás 2001. 1. 139-142.
- VUKOVICH 2013 = VUKOVICH G. et al. 2011. évi népszámlálás. Győr-Moson-Sopron Megye // Központi Statisztikai Hivatal. Győr, 2013. 23.

Жанна Игнац
(Сомбатхей, Венгрия)

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТРАДИЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ
ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО

Abstract: To represent contemporary reality, the poet and singer Vladimir Vysotsky uses in his works traditional folk stories, genres, motifs and images, evoking this way in the audience brought up on the folk traditions association with folklore, which is one of the reasons for the popularity of Vladimir Vysotsky's works among all social and cultural sectors of society.

Keywords: Vysotsky, folklore, thieves songs, fairy tales, demythologization, irony

Владимир Семенович Высоцкий – советский актер театра и кино, поэт и исполнитель своих произведений в жанре авторской песни был чрезвычайно популярен во всех социально-культурных слоях общества.

Секрет его феноменальной популярности состоял и в том, что его творчество основывалось на традициях мировой и русской классической литературы, а также мирового и русского фольклора. Его произведения отличаются фольклоризмом, то есть автор в разработке своей литературной темы использует присущие фольклору приемы, язык, интонации, стилистику, образы и мотивы. Высоцкий не писал «авторские» народные песни или сказки, он лишь использовал фольклорные традиции в современной – в его случае урбанизированной – трансформации фольклора, вызывая у своего слушателя ассоциацию с усвоенными из поколения в поколение образцами народного творчества.

Высоцкий обращался к таким жанрам народного творчества, как *сказка* («Сказка о несчастных сказочных персонажах», и др.), *песня* («Песня Марьи», и др.), *частушка* («Видно, острая заноза в душу врезалась ему...» и др.), *басня* («Дурачина-простофиля» и др.), *пословица* («Разбойничья песня»), *былина* («Песня Соловья-Разбойника и его дружков»), *баллада* («Баллада о времени», и пр. из цикла баллад к фильму «Стрелы Робин Гуда»), *романс* («Городской романс»).

Начинал Высоцкий с «нетрадиционного фольклора», с так называемых «блатных песен», основанных на традициях жанра городской, мещанской субкультуры «жестокоего» и «городского» романса с ярко выраженной уголовной и бытовой тематикой (СКОБЕЛЕВ 1990: 64).

Первые блатные песни Высоцкого это стилизация (СКОБЕЛЕВ, ШАУЛОВ 2001)¹ под блатной фольклор, с ярко выраженным «ролевым героем». Позже, по ходу творческой и личной эволюции, произошла трансформация обращения с блатным материалом в лирическую сторону: исчезли стилизация, характерный блатной сюжет, иронично-пародийный стиль. В обыгрываемой библейский сюжет похищения райских яблок песне «Райские яблоки», блатные мотивы (этап, «малина») пересекаются с мифологическими (райские сады, яблоки, ворота, апостол Петр, распятый Христос), и сказочными (гиблое место, конь), а блатной мир перемещен уже в трансцендентальную плоскость. Герой, выбирая между *тем* и *этим* миром, в конечном счете, *возвращается* назад, в мир *этот*, потому что *там* – «неродящий пустырь», «беспредел», и яблоки-то, мороженные, а *тут*, дома, ждут даже из Рая.

Сказочный мотив возвращения (путешествие героя волшебной сказки в потусторонний мир и обратно (ПРОПП 2000: 32) встречается у Высоцкого очень часто. Но у него оппозиция «здесь – там» осложнена. Если герой волшебной сказки вернувшись с потустороннего мира «*сюда*», выполнив задание и получив заслуженную награду больше уже никуда не стремится, да и не может, потому что сказка на этом заканчивается, то вернувшихся «*сюда*» героев Высоцкого манит назад, «*туда*», награда ждет их «*там*»: корабли («Корабли постоят и ложатся на курс...») и альпинисты («Прощание с горами») возвращаются «*сюда*» только потому, что «*./.../* просто некуда деться», а после снова стремятся вернуться «*туда*».

Помимо блатных мотивов в творчестве Высоцкого появляются и фольклорные, которые он использовал в собственном, авторском переосмыслении, в поэтической обработке.

Одним из основных проявлений у Высоцкого авторского подхода, в том числе, и к фольклорному материалу было использование приемов снижения, трагедии и пародии жанров, образов и сюжетов, что в принципе соответствовало как русским народным традициям пародии «высоких» фольклорных жанров – былин, сказок, свадебных песен (НОВИКОВ 2002: 74), так и традициям советской литературы (КУЛАГИН 2013: 99).

Но Высоцкий не просто снижает, он демифологизирует традиционные фольклорные персонажи и сюжеты. Сказки у него становятся «антисказками», как песня «Лукоморья больше нет. Антисказка». Если реальность времен Пушкина позволяла создавать сказку, то реальность времен Высоцкого побеждает сказочный мир Пушкина, причем данный факт заявлен в самом начале, открытым текстом: «Лукоморья больше

¹ Сам Высоцкий называл их «пародиями на блатные песни», а по мнению Л.В. Абрамовой (2-й жены Высоцкого) это были просто блатные песни без всякой стилизации (КУЛАГИН 2013: 9)

нет...», и далее: дуб – порублен на гробы, кот – отнес золотую цепь в Торгсин, Черномор – первый вор, русалка – родила, а «Тридцать три же мужика не желают знать сынка» и т.д., констатируя в конце, что «Все, о чем писал поэт, – это бред.». Как двойко в таком контексте воспринимаются слова из «Марша авиаторов» (Хайт Ю.А., Герман П.Д., 1923): «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью, /.../».

На сюжетном уровне происходит или авторская переработка традиционного фольклорного сюжета: например при участии традиционных сказочных персонажей развивается привычный для волшебной сказки сюжет – возникла беда, последовал призыв о помощи, обещана награда, найден герой. Но после нескольких ходов сюжет сказки ломается: герой – «бывший лучший, но опальный стрелок» («Про дикого вепря») – сперва отказывается от награды в лице принцессы в пользу бадьи портвейна, а после того, как антагонист побежден сваливает с бадьей, то есть опять «антисказка».

Или посредством ввода пары фольклорных элементов создается лишь ассоциация со сказкой, а сказочные реалии используются для изображения действительности.

Зачастую на фольклорный лад настраивал уже само название: «Сказка о несчастных сказочных персонажах», «Странная сказка» и пр.; или зачин песни: «Жил-был...», но после ничего сказочного не происходило, а сразу следовал «откат» в реальность: жил-был «один чудак», оказавшийся невыездным и писавший по этому поводу заказные письма («Жил-был один чудак...»); «*Как во городе во главном // Как известно – златоглавом // В белокаменных палатах //...// Собралися на банкет /.../*» («Как во городе во главном...»). Но, несмотря на это требуемый эмоциональный настрой был уже обеспечен, а нарушение ожидания сказки вызывало комический эффект.

Высоцкий использует много пословиц и постоянных эпитетов фольклорного типа, за счет чего достигается эффект разговорности, передается авторская позиция или склад мыслей персонажа или лирического героя (КУЛАГИН 2013: 76). Пословицы используются как в неизменном виде: «А где тонко – там и рвется» («Песня о двух красивых автомобилях»), «Молодо – зелено!» («Марш физиков»), так и в измененном, или обыгранном виде: «Но под властью татар жил Иван Калита, // И уж был не один, кто один против ста» («Мне судьба – до последней черты, до креста») вместо: «Один в поле не воин» (ДАЛЬ 1862); «Все скоро обуздается, // И встанет на места //» («Жил был один чудак...») вместо: «Все перемелется, мука будет» (ДАЛЬ 1862). В «Разбойничьей песне» Высоцкого вместо «Сколь веревку не вить, а концу быть» (ДАЛЬ 1862) встречаем: «Сколь веревочка не вейся, все равно совьешься в кнут! /.../ в плеть! /.../ в петлю!». Высоцкий несколько раз меняет слова пословицы на синонимы одного тематического ряда, добиваясь большего эмоционального эффекта (ЕВТЮГИНА 2000: 10).

Иногда пословица является сюжетообразующим элементом, как в «Песенке про Козла отпущения», обыгрывающей пословицу «С волками жить – по волчьи выть». Здесь в развязке позиция автора совпадает с пословничной мудростью, но иногда он спорит с ней, как в «Моей цыганской», где оспаривается утверждение о том, что «Утро вечера мудренее», у него: «Но и утром всё не так, /../». То есть автор ведет диалог с фольклором, то соглашаясь, то споря с ним.

Для Высоцкого характерно сочетание разговорного и литературного слова, разбавление определенной литературной формы. Так и фольклорные эпитеты применяются им в сочетании с характерным для него разговорным, сниженным, а то и с жаргонным словом: «ханыга», «прощельга», «забулдыга» и «сквалыга» собрались на дармовой госбанкет в «белокаменных палатах», где «три богатыря» стоят на дежурстве, «жар-птица» – жареная, а «скатерть-самобранка» от слова «бранить» («Как во городе во главном...»); в «державе» – лозунги, митинги, пикеты и брендспойт («В одной державе с населением...»). Слово Высоцкого обычно разговорное, сниженное, далекое от «высокого стиля», фольклорное слово придает ему необходимую поэтичность и драматизм (КОПЫЛОВА 1990: 78).

Фольклорные выражения и фразеологизмы применяются им в измененном: «дремучий лес» вместо «дикий лес» («Песня-сказка о нечисти»), или обыгранном виде: «Сказали: «Звёзды с неба – не хватать!» («Реальной сновидения и бреда») вместо «звезд с неба не хватает», что позволяет избегать стилизации и соблюдать дистанцию между поэтическими системами фольклора и самого автора (КОПЫЛОВА 1990: 78).

Встречаются метафорические ассоциации со сказкой: «Наше время иное, лихое, // но счастье, как встарь, ищи!» («Песня о новом времени»); ассоциации с народными песнями: «Черный Ворон, что ты вьешься //» («Видно, острая заноза в душу врезалась ему...»), «Эй, ухнем! // Эй, охнем! // Пусть рухнем – // Зато просохнем!» («Странные скачки» и пр. – все это популярные и широко известные в широких кругах произведения. Встречаются и ассоциации с поверьями: «То черный кот, то кто-то в чем-то черном, /» («Горизонт»). Здесь «кто-то в чем-то чером» может быть измененным эпитетом и ассоциироваться с облаченным в черную одежду предвестником беды (КОПЫЛОВА 1990: 75), но, в сочетании с «парии», условия которого «одобрили не все» и с общей тематикой стихотворения может ассоциироваться и с Пушкиным на биографическом уровне. Ассоциации с основанными на суевериях – в данном случае недобрыми – поверьями, которые, пожалуй, являются наиболее узнаваемым фольклорным элементом, придают тексту драматичность и особый подтекст.

Фольклорные образы Высоцкого по составу идентичны своим фольклорным прототипам, но представлены, опять же, в измененном виде, в авторской переработке.

В авторской интерпретации Высоцкого традиционные фольклорные персонажи – Соловей-Разбойник, Леший, Баба-Яга, Кашей Бессмертный, Змей-Горыныч, Кикимора, и пр. – могут обрести положительный характер и отличные от фольклорных прототипов личные качества, что в некоторых случаях добавило им симпатии и за счет чего они утратили свою устрашающую функцию и перестали быть носителями зла. Влюбленный Соловей-разбойник в «Серенаде Соловья-разбойника» «свищет» серенаду любимой Аграфене, по-купечески набиваясь к ней в женихи. Персонажи эти персонифицированы на новый лад, «осовременены»: Джинн («Песня-сказка про Джинна») вместо лампы живет в бутылке вина, которую тереть три раза уже не надо, достаточно просто вынуть пробку, он явно «подшофе» – противный, пахучий и с видом грубого мужика. Царские особы становятся «демократичнее»: свой в доску царь «Стрельнет, коль надо, папироску, – /.../» («В одной державе с населением»).

Персонажи, попавшие в городские условия, начиная жить по людским законам утрачивают свой сказочный облик и становятся похожими на людей в плохом смысле этого слова: в песне «От скучных шабашей смертельно уставши», нечисть решает переселиться в город, где: «Освоились быстро, – // Под видом туристов // Поели-попили в кафе «Гранд-отель». Затем прихорошились: вурдалак «спрятал клыки» и стал «красавчиком», а леший побрился. В конечном счете им не удалось избежать пагубного влияния города и закончилось все тем, что «/.../ ведьмы выли // И все просадили, /.../ леший пил-надирался в кафе, – /.../», а Вурдалак, который до поездки в город пообещал вести себя хорошо «Найдя себе вдовушку, / Выпив ей кровушку, / Спал /.../ на софе.», то есть «сколько волка ни корми, он все-равно в лес смотрит». В экстремальных для себя условиях персонажи становятся несчастными. В «Сказке о несчастных сказочных персонажах» несчастны все: Змей Горыныч «/.../ грубое животное /.../ Но по-своему несчастное и кроткое», Кашей «От любви к царице высох и увял – / И стал по-своему несчастным старикашкой.», «/.../ по-своему несчастен был...» и Иван-дурак и по-своему несчастная «бедная узница», и вся «лесная голытьба».

Но преображается и реальный мир, если он оказывается в сказке: в «Сказку о несчастных сказочных персонажах» попадает прекрасное («/.../ сверкает, как зарница») и «ужасное» здание ООН, которое вместо поддержания мира во всем мире становится местом заточения царицы, которая, соответственно, попав в город (Нью-Йорк) несчастна вместе с остальными несчастными персонажами этой сказки.

Нарушаются привычные судьбы и функции сказочных персонажей: Кашей умирает «/.../ сам /.../ без всякого вмешательства» («Сказка о

несчастливых сказочных персонажах»); Водяной по привычке потянулся за утопленником, а тот его «← пятой по рылу!./», – что ни говори, «/.../ перестали совсем уважать / Нашу нечистую силу!» («Куплеты нечистой силы»).

Традиционно имеющиеся в одном числе фольклорные персонажи «тиражируются»: встречаются соловьи-разбойники («Песня-сказка о нечисти»), Сивка и Бурка («Укатали Сивку»), Бабы-Яги («Сказка о несчастных лесных жителях»), «А изб на ножках – здесь не видели таких» («Бывало, Пушкина читал всю ночь до зорь я...»).

Часто используются персонажи и мотивы из разных фольклорных систем. В песне «Про дикого вепря» рядом с традиционно русскими «Чудо-юдом» встречаем не характерных для русского фольклора «королевство», «короля», «принцессу» и «тура». Самого победившего Чудо-юдо стрелка на первый взгляд можно было бы принять за русского «стрельца», но охарактеризованный, как «бывший лучший *королевский* стрелок» и в сочетании с «бадней *портвейна*» ассоциируется скорее с разбойниками из Шервудского леса. Все эти приемы «особого» обращения с персонажами создают комический, иронический эффект.

Широко использовались Высоцким сказочные мотивы: мотив *коня* – средства перемещения героя в пространстве («Кони привередливые», «Райские яблоки»), *бани* – места очищения, места на краю леса на границе между тем и этим миром («Банька по-белому», «Банька по-черному»). В песне «Инструкция перед поездкой зарубеж» герой социалистического труда *кузнец* («Я вчера закончил ковку, и два плана залудил») получает *задание* («И в загранкомандировку от завода угодил»), очищается в *бане* («Копоть, сажу смыл под душем»), принимает *пищу* («Съел холодного язя, /.../»)², получает *запрет* («И инструктора послушал – что там можно, что нельзя») и при помощи *помощников* (жены «/.../ провозжала /.../ отутюжила рубашки» и собутыльников «Пили мы /.../») улетает на *волшебном средстве*, (ковре)*самолете* («Я весь путь к аэропорту проикал») в *потусторонний мир* (в заграницу) перед тем во сне пережив сражения с различными *антогонистами* («венгерки с бородами и ружьем», «немецкие румынки» из «польского города Будапешт») посягающими на его моральный облик («Там шпионки с крепким телом, / Ты их в дверь – они в окно»).

Пользуется Высоцкий и присущим фольклору приемом иносказания. В песне «Дурачина-простофиля» адаптирован сюжет пушкинской «Сказки о рыбаке и рыбке»: роль золотой рыбки выполнит здесь «стул для царских кровей» на который уселся «ответственный мужчина», которым овладела мания величия и он начал «/.../ топтать /.../ ногами и кричати». В дурчине-

² В волшебной сказке банька и трапеза обязательный ритуал перед разговором с бабой-ягой (ПРОПП 2000: 49), которая в данной песне персонифицирована в лице инструктора, находящийся на границе «того» и «этого» мира.

простофиле хорошо угадывается Н.Хрущев, прославившийся своими недипломатическими манерами и издавший «указ про изобилие» – на XXII съезде КПСС обозначил сроки построения коммунизма. Общее между двумя героями – их преувеличенные запросы на фоне низкого социального происхождения, что, в конечном счете, надоедает и золотой рыбке и «стулу для царских кровей», и оба персонажа остаются у разбитого корыта.

Знаком Высоцкому и прием гиперболизации: «Словно пробудились // *молодцы* былинные // И, *числом несметные*, // встали из земли.» («Песня о Волге»), «Берега над ней – *сплошь* кисельные – /», применяемый им даже и на сюжетном уровне как в песне «Две судьбы», в которой у героя сразу две судьбы – Кривая и Нелегкая.

Как показал анализ, В.Высоцкий широко использует фольклорные традиции в своем творчестве, что, разумеется, далеко не единично в своем роде. Разница в подходе и в методе освоения темы.

Высоцкий не пишет что-то стилизованное под народное творчество, соблюдая законы жанров, он внедряет фольклорный материал используя фольклорные сюжеты, жанры, мотивы и образы в авторской обработке для изображения современной действительности, сохраняя при этом дистанцию между собственной и фольклорной темой. Дистанция выдерживается за счет деавтоматизации жанров, демифологизации образов, трансформации сюжетов и ситуаций, что придает тексту комический, иронический эффект, при возможности усиливаемый и стилистикой авторского исполнения.

Приемы разработки литературной темы отражают мировоззрение автора, определяют его аудиторию. Высоцкий использует массово известные элементы фольклора выверенно, но в достаточном количестве для того, чтобы обеспечить узнаваемость фольклорного слова и вызывать фольклорные ассоциации у своей аудитории. Такой прием освоения фольклорных и литературных традиций совпадает с запросами его аудитории, его слушатель/читатель – воспитанный на русском и мировом фольклоре – открыт для восприятия хранимых в коллективной бессознательной памяти смыслов и подтекстов.

Литература

- ДАЛЬ 1862 = ДАЛЬ В.И. «Пословицы русского народа». Москва, 1862. <http://dlib.rsl.ru/viewer/01003565716#?page=1>
- ЕВСТЮГИНА 1995 = ЕВСТЮГИНА А.А. «Читайте простонародные сказки» // Альманах «Мир Высоцкого» вып. 2, 1995. 244-257. <http://vv.mediaplanet.ru/links>
- КУЛАГИН 2013 = КУЛАГИН А.В. «Поэзия В.С. Высоцкого. Творческая эволюция». (Издание третье, переработанное), Воронеж, 2013. <http://litved.com/docs/Kulagin-Poezia-Vusotskogo.pdf>

- КОПЫЛОВА 1990 = КОПЫЛОВА Н.И. «Фольклорная ассоциация в поэзии В.С. Высоцкого» // «В.С. Высоцкий: Исследования и материалы», Воронеж, 1990. 74-95.
- НОВИКОВ 2002 = НОВИКОВ В.И. «Высоцкий» // «Жизнь замечательных людей», вып. 829. Москва: «Молодая гвардия», 2002. http://royallib.com/read/novikov_vladimir/visotskiy.html#0
- ПРОПП 2000 = ПРОПП В.Я. «Исторические корни волшебной сказки» (1946). Москва: «Лабиринт», 2000.
- СКОБЕЛЕВ 1990 = СКОБЕЛЕВ А.В. Фольклорная традиция в поэзии Владимира Высоцкого («блатные» песни: темы и образы) // Folklorrezeption in der Gegenwart. Probleme des Folklorismus in den slawischen und baltischen Literaturen. Rostocker Forschungen zur Sprach- und Literaturwissenschaft. Heft 8. 1990. S. 64-68. <http://vv.mediaplanet.ru/links>
- СКОБЕЛЕВ, ШАУЛОВ 2001 = СКОБЕЛЕВ А.В., ШАУЛОВ С.М. «Владимир Высоцкий: Мир и слово». (Второе издание) Уфа, 2001. http://vv.mediaplanet.ru/books/Skobelev_SHaulov-Mir_i_slovo

Мария Янкович
(Сомбатхей, Венгрия)

СОСТОЯНИЕ ПЕРЕВОДА В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Abstract: In Russia during the second half of the 19th century because of the social changes the interest increased towards the foreign literature. For this reason the number of translations grew significantly. Translating became a literary activity, a profession which needed specific knowledge. The 19th century deservedly became the “golden age” of translation.

This present study aims to show the characteristics of the second half of 19th century through the activity of the outstanding translators. We would also like to discuss how the principals and conceptions of the translation changed during the mentioned period and how they took place.

Keywords: literature, translation, art, conception of translation, translators' principles

1. Введение

Во второй половине XIX века в силу различных социальных причин в значительной мере возросло количество переводов. Произошедшие после смерти царя Николая I (1855 г.) либерализация общества, отмена крепостного права, увеличение числа т.н. интеллигентов-«разночинцев» недворянского происхождения привели к тому, что появился большой интерес к иностранной художественной и научной литературе. К тому же спрос на нее возрос в кругу тех, кто не владел иностранными языками. В результате *изменился статус переводной литературы*. Если раньше границы между переводом и оригиналом размывались, то во второй половине XIX века перевод и оригинал стали отличаться друг от друга в большей мере. Перед переводчиками стояла *задача: создать полноценный эквивалент текста оригинального произведения*. Правда, полноценность часто толковалась по-разному. Это привело к тому, что *деятельность переводчиков постепенно становилась профессией*: ее начали считать особой формой литературной деятельности, требующей специальных навыков. Эта деятельность была возведена в ранг высокого искусства. Таким образом, XIX век стал настоящим *«золотым веком»* перевода. Причины этого явления, касающиеся первой половины века, мы уже рассмотрели в докладе на предыдущей конференции. В данном выступлении нам хотелось бы осветить особенности второй половины

XIX века, чтобы проследить эволюцию переводческих принципов в течение всего XIX столетия.

2. Переводчики второй половины XIX века

2.1. «Хорошие» и «плохие» переводчики

Н.В. Гербель (1827-1883 гг.) – поэт, переводчик, близко стоявший к идеям революционных демократов, перевел на русский язык целый ряд стихотворений таких известных английских и немецких поэтов, как Байрон, Шекспир, Шиллер и Гете. Его заслуга заключалась в том, что он сумел добиться того, чтобы произведения многих зарубежных авторов вышли в свет в *объективном* переводе на русский язык. Под его руководством были опубликованы антологии, содержавшие переводы с английского, немецкого и славянских языков. Среди его переводческих принципов можно назвать следующие: *стихотворение нужно передавать в стихотворной форме, ранее существующие переводы данного произведения должны быть указаны в библиографии, при переводе нужно консультироваться со специалистами, экспертами* и т.д. Эти переводческие принципы актуальны и по сей день.

А.А. Фет (1820-1892 гг.) и **А.К. Толстой** (1817-1875 гг.), принадлежавшие к дворянско-либеральным кругам, при переводе уделяли *большое внимание особенностям формы оригинала: его объему, ритму и некоторым деталям. Они считали важным передавать не только слова и содержание произведения, но и его настроение, с тем чтобы добиться одного и того же эффекта восприятия произведения читателем.*

В 60-е годы XIX века идейно-политическая борьба между сторонниками народного реалистического искусства (Н.Г. Чернышевский, Ф.М. Достоевский) и антинародного, антиреалистического направления сильно повлияла на развитие переводческой деятельности. Однако абсурдное противопоставление т.н. *«хороших» революционно-демократических и «плохих» дворянско-либеральных переводов* не одобрял и **А.В. Федоров**. По его мнению, с одной стороны, по своим методам и тенденциям они незначительно отличались друг от друга, а с другой, перевод зарубежной литературы на русский язык входил в интересы обоих направлений. **А.В. Федоров** пришел к выводу о том, что переводчиков этих направлений мотивировало одно и то же стремление: *передать при переводе художественные особенности оригинала, добиться в переводном тексте эффекта воздействия на читателя, подобного оригиналу.* Правда, осуществить это они пытались по-разному. Кстати, многие переводы, сделанные переводчиками названных направлений, стали классическими (**Федоров** in **НЕЛЮБИН – ХУХУНИ** 2006: 275).

2.2. А.А. Фет – мастер теории и практики перевода

Несмотря на то, что выдающийся русский поэт **А.А. Фет** (1820-1892 гг.) занимался переводами всю свою жизнь (в первую очередь он переводил произведения известных немецких поэтов и греческих классиков), исследователи относились к его переводческой деятельности не очень положительно. Они неоднократно отмечали, что *стремление к дословному переводу у А.А. Фета часто приводило к малопонятным, а иногда совсем не понятным текстам*. К.И. Чуковский, например, обвинял А.А. Фета в том, что он *часто подчиняет форме красоту и пафос оригинального произведения*. Хотя А.В. Федоров в своем известном учебнике отрицает подобный *формализм* (Чуковский in НЕЛЮБИН – ХУХУНИ 2006: 278).

А.А. Фет создал оригинальную теорию перевода: по его мнению, перевод должен коренным образом отличаться от свободного восприятия оригинального произведения. В отличие от современников, он *ожидал от переводчиков дословную передачу сложнейших грамматических оборотов и поэтических образов*. Анализируя его многочисленные переводы, исследователи-переводоведы пришли к выводу о том, что в то время, когда переводчики имели полную свободу при переводе, А.А. Фет пытался найти для каждой строки ее русский эквивалент.

Имена А.А. Фета и **П.А. Вяземского** (1792-1878 гг.) часто упоминаются вместе. Они считаются знатоками родного языка, предъявляющими строгие требования к переводам, хотя не в полной мере определяющими свое место в процессе перевода. Если наивный романтик П.А. Вяземский считал, что *дословный перевод исходного текста обозначает его автоматическое воссоздание*, то, по мнению А.А. Фета, понятие полностью содержание оригинального произведения невозможно, так как *при переводе с помощью слов, рифмы и метрики воссоздается лишь его внешняя «оболочка»*.

2.3. Переводческая концепция И.И. Введенского

Сын бедного священника, **И.И. Введенский** (1813-1855 гг.) переводил в первую очередь с английского языка. Хотя переводческие принципы, которым он следовал, и подвергались критике со стороны современников, однако в целом они оценивали его переводческую деятельность положительно. А ученые XX века *Е.Л. Ланн, И.А. Кашкин, К.И. Чуковский*, с одной стороны, резко критиковали его, а с другой, отмечали его большие услуги в том, что он познакомил русских читателей с творчеством великих английских писателей-романтиков, и их произведения стали частью русской культуры. Суть его переводческих принципов сводилась к следующему: *талантливый переводчик прежде всего обращает внимание на душевное состояние и мысли автора подлинника, а также на форму их выражения*. Перед тем, как переводить произведение, переводчик должен *вжиться в него, вникнуть в его*

содержание, освоить его дух, пытаться понять замысел автора и прочувствовать его сердцем, забыв свои мысли. Переводчик должен попытаться «перенести» автора в общество, в котором он живет сейчас, и задать себе вопрос: какие формы применил бы автор для выражения своих идей, если бы он действительно жил в настоящее время.

И.И. Введенский не считал свой метод дословным переводом, так как в ходе перевода он под влиянием автора *неоднократно сознательно прибегал к собственной трактовке произведения, к чисто русским формам его выражения.* Однако наряду с сознательной переделкой исходного текста, И.И. Введенский вносил и необходимые изменения, а в некоторых случаях из-за непонимания текста у него даже получались неправильные переводы.

Теоретик, историк и практик перевода **Ю.Д. Левин** (1920-2006 гг.), который в большей мере занимался анализом переводов XVIII-XIX вв. и способствовал научному обоснованию многих проблем переводоведения, введению в научный оборот термина «переводная литература», был убежден, что переводная литература всегда (а не только в период ее становления и роста) играет важнейшую роль в культурной жизни любого народа, не уступая оригинальной литературе (КАФАНОВА 2012). Он попытался по-другому определить место и роль И.И. Введенского в истории русского перевода. По его мнению, И.И. Введенский стремился создать не вольные, а адекватные («реалистические») переводы, которые не были похожими ни на настоящие, ни на переводы, сделанные ранее в духе В.А. Жуковского («переводчик – соперник»), к тому же они были далеки и от оппозиционных взглядов В.А. Жуковского («чужое – мое»). И.И. Введенский, несомненно, старался *создать адекватные переводы, учитывая разницу двух культур, найти такие способы перевода, с помощью которых можно достичь такого же эффекта восприятия читателями переводного текста, как при чтении оригинала.* Этот подход является реалистическим, так как свое искусство он подчинил сопоставительной стилистике.

2.4. Переводческая деятельность А.В. Дружинина

А.В. Дружинин (1824-1864 гг.) вошел в историю русского переводоведения как переводчик нескольких трагедий В. Шекспира. Во введении к изданию переводов трагедий он описал принципы, которыми руководствовался при их переводе. Самым талантливым переводчиком он считал В.А. Жуковского, который, по его мнению, всегда переводил точно и изменял текст только в том случае, если другого выхода не было.

Поэтические и художественные взгляды А.В. Дружинина были близки ко взглядам В.Г. Белинского. *Изменения в ходе перевода А.В. Дружинин объяснял расхождением стилистических систем исходного языка и языка перевода: сокращения и комментарии в тексте перевода допустимы для*

того, чтобы исходный текст был понятным любому русскому читателю независимо от пола, возраста и уровня его образованности.

В целом переводческую деятельность А.В. Дружинина высоко оценивали многие современники, в том числе и такие известные писатели и поэты, как *И.С. Тургенев, А.Н. Островский, Н.Г. Чернышевский, Б.Л. Пастернак.*

2.5. Революционно-демократические литературоведы и вопросы перевода

Литературный критик, писатель-энциклопедист *Н.Г. Чернышевский* (1828-1889 гг.) считал переводы и их роль в истории и культуре очень важными. По его мнению, *всегда нужно выбирать для перевода такие произведения, которые являются важнейшими для данного народа. Он выступал против дословного перевода, подчеркивая, что в переводном тексте должно быть ясным и понятным то, что было ясным и понятным в исходном тексте. В то же время он резко критиковал и тех, кто переводил тексты вольно, перерабатывая оригинал и пропуская многие его части.*

Литературный критик, поэт и публицист *Н.А. Добролюбов* (1836-1861 гг.) придерживался такого мнения, что *переводы должны вызвать у читателей такое же настроение, какое было вызвано оригинальным произведением.* Ради этого он считал возможным введение отдельных изменений относительно формы произведения, но не его стиля (НЕЛЮБИН – ХУХУНИ 2006: 290).

Самым выдающимся переводчиком из радикалов был поэт и переводчик *М.Л. Михайлов* (1829-1865 гг.). С его именем связаны переводы произведений более 60 европейских, азиатских и африканских авторов, начиная с древних времен. Он считал, что *переводы играют важную роль в просвещении и пропаганде: с их помощью можно познакомиться с классической литературой других народов, тем самым обеспечить расширение духовного кругозора русских читателей, обогатить их язык и мышление новыми элементами.* Подобная межкультурная коммуникация является одним из самых эффективных стимулов развития человечества, считал М.Л. Михайлов. Переводчик обязан передать не только общий характер исходного текста, но и его мотивы, нюансы. Этим объясняется, что он *уделял большое внимание форме, во многом определяющей содержание, которое самовольно изменить нельзя. Это касается структуры, языка и ритмы данного произведения* (НЕЛЮБИН – ХУХУНИ 2006: 291).

2.6. Художественный перевод в последней трети XIX века

В последней трети XIX века переводная литература в России характеризуется, с одной стороны, *изданием и переизданием переводов многотомных произведений немецких и английских авторов,* с другой,

тем, что увеличение количества переводов нередко приводило к снижению его качества: стиль, литературная норма и теория перевода были отодвинуты на задний план, практика же оказалась на переднем плане. Наблюдалось падение престижа переводческой деятельности как профессии. Перевод прозаических произведений считали легкой задачей, им занимались и те, кто не владел исходным языком или языком перевода, а иногда ни одним из них. В результате вышли в свет переводы с элементарными ошибками и неточностями, буквализмом, дословные переводы со сложными, непонятными предложениями. По мнению ученых, самая распространенная ошибка этого периода заключалась в том, что в переведенных с разных (чаще всего с немецкого, английского и французского) языков текстах часто встречаются типично русские реалии, которые не имеют никакого отношения к героям, месту и времени действия оригинального произведения.

Если первая половина XIX века является периодом переводной классической поэзии, то во второй доминируют переводы художественной прозы. Самому переводу и вопросам теории перевода уделяется намного меньше внимания. Мнения о теоретических вопросах перевода высказываются главным образом в личных письмах и записках, поэтому их влияние на общество не было значительным (Федоров in НЕЛЮБИН – ХУХУНИ 2006: 294).

2.7. П.И. Вейнберг как переводчик и переводовед

По словам Ю.Д. Левина, в переводной литературе XIX века наибольшее признание и уважение со стороны общества получил поэт и литературовед **П.И. Вейнберг** (1831-1908 гг.): он считался лучшим переводчиком своего времени, а его переводы служили эталоном для всех (Левин in НЕЛЮБИН – ХУХУНИ 2006: 295). Другие переводоведы XX века критически замечали, что он не всегда замечал особенностей оригинального произведения и не всегда использовал подходящие слова и рифму (Федоров in НЕЛЮБИН – ХУХУНИ 2006: 295). Несмотря на это, многие его высказывания стали крылатыми выражениями. Он занимался и теоретическими вопросами перевода: при определении критериев хорошего перевода он считал желательным учесть мнение выдающихся переводчиков. Взгляды П.И. Вейнберга заслуживают особого внимания, так как благодаря им можно проследить, как изменилась доля оригинальной русской и переводной литературы, как постепенно формировалось «переводческое самосознание». Хотя П.И. Вейнберг неоднократно доказывал, что искусство перевода в России тесно связано с традициями В.А. Жуковского, однако из-за внесенных серьезных изменений в исходный текст он считал переводы В.А. Жуковского не переводами, а его собственными произведениями (НЕЛЮБИН – ХУХУНИ 2006: 297). П.И. Вейнберг подчеркивал, что при переводе необходимо иметь в виду, для кого делается перевод. В частности, он был

согласен с И.С. Тургеневым, который считал, что перевод должен быть всегда ориентированным в первую очередь на тех читателей, для которых оригинал неизвестен. Однако он не был согласен с ним в том, что перевод должен покорить читателей в такой же степени, как и оригинал. Так как исходный текст и текст перевода создаются в разное время, в разных исторических условиях и на разных языках, то, по его мнению, *переводчику надо добиваться лишь того, чтобы переводной текст оказал такое же воздействие на своих читателей, как и оригинал.* Для этого *хороший переводчик обязан стремиться как можно точнее передать мысли, настроение и все важные (не только положительные) детали исходного текста (эпитеты, образные выражения), так как они отражают художественные особенности оригинального произведения.* Для полной передачи содержания исходного текста П.И. Вейнберг был готов пожертвовать даже требованиями относительно формы (Тургенев in НЕЛЮБИН – ХУХУНИ 2006: 298).

2.8. «Теория непереводимости» А.А. Потебни

В последние годы XIX века распространились тезисы принципа непереводимости, которые связывали с именем лингвиста и литературоведа **А.А. Потебни** (1835-1891 гг.), хотя он на самом деле не являлся сторонником принципа непереводимости. По его мнению, *переводы не могут быть безупречными*, они ограничены, так как *даже лучшие переводчики не могут проникнуть в мир мыслей чужого автора.* Однако *А.А. Потебня не сомневался в роли переводчиков относительно развития культуры и языка народа и считал ее весьма важной.*

В конце XIX – начале XX века другие представители русской филологии пессимистически относились к возможностям перевода. Среди них **Д.К. Петров** (1872-1925 гг.), считавший деятельность переводчиков (особенно переводчиков поэтических произведений) слишком трудной и не всегда удачной. В частности, он задавал вопрос: *Не проще ли любителям стихов овладеть языком, на котором они написаны, и читать их в оригинале?*

В XX веке о возможности перевода стихотворных произведений высказался автор книги «Русские переводчики XIX века и развитие художественного перевода» (1985) Ю.Д. Левин: *Все, что имеет смысл – логический ли, познавательный, эстетический и любой другой, – постигаемый человеческим сознанием, возможно передать на другом языке, правда, с теми или иными потерями (но потери неизбежны в любом канале связи, это одно из основных положений современной теории информации).* Ю.Д. Левин справедливо отмечает, что *переводчик, в свою очередь, детерминирован «исторической, национальной и литературной обстановкой, в которой он действует».* Как раз эта обстановка и определяет *стилистическую манеру, эстетические вкусы, идеологию переводчика.* В разные периоды истории русской культуры

существовали условия цензуры – царской, советской (которую, в свою очередь, можно подразделить на сталинскую, времен застоя и т.д.) – цензуры гласной и негласной. *Требования «момента» безусловно налагали на переводчика те или иные задачи* (Левин in КАФАНОВА 2012).

На наш взгляд, переводы необходимы, ведь наши знания о мире, а также большинство накопленных культурных ценностей первоначально стали известными не на родном языке, поэтому без перевода они не дошли бы до нас. Этим объясняется, что переводы нужны и в том случае, если они не равноценны оригиналу, так как они делают доступными иноязычные литературные произведения для представителей других народов, не владеющих языком подлинника (ЯНКОВИЧ 2013).

3. Заключение

Таким образом, что касается развития переводческой деятельности и переводческого мышления во второй половине XIX века, то можно установить следующее.

Статус переводной литературы постепенно менялся, границы между подлинником и переводом, которые раньше размывались, становились более заметными.

Поэзия в кругу переводчиков вплоть до середины XIX века считалась высшей формой по сравнению с прозой, а во второй половине на передний план выходят прозаические произведения, в первую очередь – художественная литература, поэтому начинают доминировать переводы художественной прозы.

В течение XIX века писатели-переводчики все реже пользуются языком-посредником, техника перевода постепенно совершенствуется.

В начале XIX века перевод превращается из ремесла в искусство, переводческая деятельность становится профессией и считается высоким искусством, однако к концу века перевод теряет свой престиж. Это объясняется тем, что перевод поэтических произведений в первой половине считался очень трудным занятием, требующим особого таланта. Переводчики должны хорошо владеть исходным языком и языком перевода, знать автора оригинала, суметь передать дух оригинального произведения и в то же время сохранить стиль автора. Во второй половине века перевод прозы считается легкой задачей, поэтому ее нередко переводят и те, кто не владеет исходным языком или языком перевода, а иногда ни одним из них. Таким образом, к концу века увеличивается число «переводчиков» и количество переводов, что приводит к ухудшению качества последних (в ущерб стилю, литературной нормы и теории перевода), все чаще выходят в свет слабые, дословные переводы с типично русскими реалиями, не имеющими к оригиналу никакого отношения. Это приводило к падению престижа перевода как профессии (ЯНКОВИЧ 2013).

В начале века для некоторых переводчиков содержание являлось важнее формы, поэтому они свободно обращались с текстом. Они считали, что перевод – это пересказ оригинала в своем духе, поэтому зачастую перевод был субъективным (В.А. Жуковский). Для других же переводчиков была важной максимальная верность к оригиналу: передача формы, ритма и объема (Катенин), а для третьих важным было сохранить форму, передать мысли и стиль оригинала средствами родного языка (Гнедич). Это было характерно и для переводчиков второй половины века, для некоторых из них очень важно было добиться и той же эффективности воздействия перевода на читателей, как и оригинал.

В заключение хотелось бы процитировать Ю.Д. Левина, высказавшегося по поводу переводчиков XIX века: «Даже если их переводы отошли в прошлое, утратили активное воздействие на читателя, освоение их опыта – плодотворная школа для современных переводчиков» (Левин in КАФАНОВА 2012).

Литература

КАФАНОВА 2012 = КАФАНОВА О.Б. Ю.Д. Левин и его вклад в историю художественного перевода // История перевода: межкультурные подходы к изучению. Материалы международного симпозиума. Москва, 15-17 сентября 2011 г., М., 2012. 192-209.

НЕЛЮБИН – ХУХУНИ 2006 = НЕЛЮБИН Л.Л. – ХУХУНИ Г.Т. Наука о переводе. Москва: «Флинта», 2006.

ЯНКОВИЧ 2013 = ЯНКОВИЧ М. Новые переводческие концепции в первой половине 19 века // Studia Slavica Savariensia, 2013. 1-2. Szombathely: Nyugat-magyarországi Egyetem Kiadó, 2013. 216-223. DOI: [10.17668/SSS.2013.1-2.216](https://doi.org/10.17668/SSS.2013.1-2.216)

Ласло Ясаи
(Будапешт, Венгрия)

О РОЛИ СУФФИКСОВ *-к(а)* И *-ик*
В ОБРАЗОВАНИИ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Abstract: The article analyzes the suffixes *-k(a)* and *-ik*, which participate in derivation in fundamentally different processes: 1) univerbation and 2) diminution. In this regard, lexicology has put forward questions that need to be explained.

Keywords: univerbation, polysemy, homonyms, diminutive, lexicalization

Тема, вынесенная в заголовок, актуальна прежде всего при изучении русской лексикологии. В настоящей статье предлагается функционально-семантический анализ таких суффиксов, которые при участии в словообразовательной деривации имен существительных могут выступать в принципиально разных функциях. Суффиксы *-к(а)* и *-ик* заслуживают внимания, в частности, на следующем основании: эти морфемы могут служить, с одной стороны, средствами универбации, т.е. конденсации двух, реже, трех или нескольких слов (напр., *Ленинка*, *визитка*, *гречка* или *мобильник*, *грузовик*, *нулевик*). С другой стороны, как известно, рассматриваемые суффиксы часто обозначают уменьшение размера предмета, они с большой регулярностью участвуют в образовании так называемых диминутивов (напр., *конфетка*, *тетрадка*, *картинка* или *домик*, *мостик*, *ножик*). Анализ указанных морфем позволяет рассматривать два разных словообразовательных способа с позиции их формального единства: вопрос об универбации, а также, в одном аспекте, и вопрос о диминутивных дериватах. С точки зрения лексикологии с целью более обстоятельного рассмотрения данного материала должны быть выделены следующие конкретные вопросы: а) характеристика стиля при универбации; б) многозначность универбатов; в) проблема разграничения омонимичности и многозначности дериватов, образованных с помощью данных суффиксов; г) ослабление или утрата уменьшительной функции диминутивных дериватов и/или их лексикализация.

1. Универбаты, образованные при помощи суффиксов *-к(а)* и *-ик*

Словообразовательный способ, нацеленный на конденсацию двух или нескольких слов, в лингвистической литературе получил общепринятое название в форме термина «универбация». Ввиду того что в устной речи,

предпочитающей формы языковой экономии, постоянно возникают новые универбаты, или же существующие уже такие дериваты приобретают новые значения, явление универбации обычно описывается в рамках изучения разговорной речи (см., в частности, работы КАПАНАДЗЕ 1973: 408-412; ЗЕМСКАЯ 1987: 113-115), или в связи с появлением новых слов (ЛЮПАТИН 1978; ГОВЕРДОВСКАЯ 1992; в венгерской русистике: RÉPÁSI 1999). При этом, однако, мало говорится о том, что универбация – на самом деле, не новое явление в русском словотворчестве, более того, этот способ деривации восходит к самому древнему периоду славянских языков. Со ссылкой на польский источник А. Холлош замечает, что «этот специфически разговорный способ словообразования сложился еще в общеславянскую эпоху» (ХОЛЛОШ 1992: 90). В статье автора представлены универбаты, собранные из русских текстов XVI-XVIII веков, и выявлено, что большая часть таких слов имеет профессионально-терминологический характер (Там же: 91-96). Можно полагать, что именно раннее наличие данного способа словотворчества послужило благоприятным фоном для распространения универбации и в последующие (XIX-XX-XXI) века.

1.1. Замечания по поводу стиля. При характеристике универбации высказывается такое общепринятое мнение, согласно которому слова-универбаты употребляются преимущественно в разговорной речи. Исходя из этого утверждения и, конечно, не отрицая его, я считаю важным сделать на этот счет несколько дополнительных замечаний.

1) Универбаты характеризуются, на самом деле, разнообразием стилистической окраски (при них встречаются такие пометы, как *окаzionaliальный, индивидуальный, профессиональный* или просто *разг.*). Кроме того, часть универбатов, как кажется, в настоящее время уже представляет стилистически нейтральные лексические единицы или, по меньшей мере, сближается с нейтральным стилем (см. слова *маршрутка, электричка, подземка, мобильник, парусник, грузовик*), причем их соответствующие исходные словосочетания характеризуются разной степенью официальности или искусственности стиля: ср. *маршрутное такси, электропоезд* (← электрический поезд), *подземная железная дорога, мобильный телефон, парусное судно, грузовой автомобиль*. Особое место занимает в этом плане универбат *открытка*, который уже давно приобрел статус самостоятельного слова в нейтральном стиле, и при этом его исходное мотивирующее словосочетание «открытое письмо» уже вообще не употребляется. Подобным образом формой нейтрального стиля слова *зажигалка* ('прибор для получения огня') вытеснилось из употребления ее мотивирующее сочетание «зажигательное устройство».

2) Многозначность некоторых универбатов иногда позволяет выделить окаzionaliальные значения, которым присуща большая степень разговорности. Ср., например, слово *подземка* в своем обычном значении

(‘подземная железная дорога’) и в более частном употреблении типа ‘подземный бар / клуб’. Показательным примером может быть и слово *раскладушка*, которое в своем традиционном понимании ‘раскладная кровать’ имеет нейтральный стиль, но в употреблении ‘раскладной телефон’ его можно считать окказионализмом.

3) Помимо разговорности многие универбаты характеризуются и стилем профессионального жаргона. Естественно, что такие дериваты по-другому воспринимаются представителями данной профессии и теми носителями языка, которые не осведомлены в данной области. Например, универбаты *Иностранка*, *Ленинка*, *Тургеневка* как разговорные названия соответствующих библиотек, для исследователей являются в большей степени (даже без контекста) понятными наименованиями, чем для людей других профессий. Подобным образом для преподавателей какого-либо иностранного языка или для тренеров по разным видам спорта слово *нулевик* (‘начинающий с нуля’) менее окказиональное (и тем самым менее разговорное), чем для тех, кто никакого отношения не имеет к таким видам деятельности. Ярким примером в этой связи представляется универбат *испанка*. В его наиболее распространенном значении ‘испанский грипп’/‘испанская болезнь’ данное слово можно считать общепонятным, несмотря на то, что эта болезнь уже давно (приблизительно сто лет) не грозит человечеству. Ср.: *Доктор сказал, что у нее испанка – это ужасный грипп, от которого в каждом доме умирают люди* (Зощенко, Перед восходом солнца). В отличие от этого предложения, вряд ли все понимают универбат *испанка* в значении шахматного жаргона ‘испанская партия’, точнее ‘испанский дебют шахматной партии’. На окказиональный характер такого рода употребления указывает и то, что на письме автор обычно заключает данную форму в кавычки: *Дебютная партия поединков достаточно многообразна, но в «испанке» мне не удавалось до сих пор выиграть* (Г. Каспаров, Два матча. М., 1987, 177).

1.2. О многозначности универбатов. Многозначные дериваты создаются потому, что многие из них могут быть сведены к разным исходным словосочетаниям, т.е. отдельные дериваты нередко мотивируются разными определительными конструкциями. Чтобы наглядно проиллюстрировать это явление, также можно обратиться к универбату *испанка*. Помимо упомянутых выше значений – ‘испанский грипп’ и ‘испанская (шахматная) партия’ – возможны еще и следующие контекстуально обусловленные значения: ‘испанский танец’, ‘испанская песня’, ‘испанская шляпа’, значит, в каждом случае имеется в виду нечто типично испанское.

У деривата *гражданка* выделяются, в частности, следующие три значения: 1) в профессионально-терминологическом употреблении: ‘гражданский шрифт’ или ‘гражданская азбука’, введенная Петром I-м

(1708-1710) (ср. в этом значении и форму *гражданица*), 2) в речи военных: 'гражданская (т.е. не военная) жизнь', 3) 'гражданская война' (1918-20). Последние два значения с оттенком окказиональности проиллюстрируем на примере следующих предложений: *Попав в армию, он быстро утратил привычки, накопленные на гражданке; Мой дед еще на гражданке воевал* (ru.wiktionary.org/wiki/гражданка).

Универбат *водолазка* можно свести к следующим исходным сочетаниям: 1) 'водолазный свитер' (если это верхняя одежда), 2) 'водолазный скафандр (костюм)' (как специальная одежда для водолазов). В первом значении данному слову уже можно приписать нейтральный стиль (поскольку данная форма верхней одежды стала общеизвестной), а во втором – разговорно-окказиональный в профессиональном употреблении.

Универбат *двушка* интересен тем, что его первоначальное значение изменилось, точнее, оттеснилось на задний план. Раньше, примерно до 90-х годов это слово употреблялось лишь как сокращение сочетания 'двухкопеечная монета', а в настоящее время оно чаще всего выступает в значении 'двухкомнатная квартира' (в объявлениях на квартиры встречается, в сущности, только форма *двушка*).

В сегодняшнее время расширился семантический потенциал и универбата *читалка*. Помимо значения 'читальный зал' развилось и новое значение: 'устройство для чтения электронных книг'. Разумеется, что новая форма употребления стала принятой прежде всего среди пользователей компьютерной техники.

При рассмотрении многочисленных примеров можно заметить, что одни универбаты являются достаточно однозначными (понятными и без контекста), а другие, семантически сильно обусловленными контекстом. Последние, в разных контекстных условиях, могут получать совсем разные интерпретации. Сопоставим следующие два примера: 1) *поллитровка* – это в просторечном употреблении понимается как *водка*, а не просто какая-нибудь жидкость полулитрового объема; 2) универбат же *нулевка* явно многозначен: в разных разговорных ситуациях он может быть отнесен к семантически не связанным между собой содержаниям, – его возможные интерпретации объединяются лишь общим значением числительного *нуль*. Ср.: 1) стрижка наголо, 2) нулевая ничья (0:0 в спортивных играх), 3) нулевой класс или подготовительная группа (*класс нулевка, группа нулевка*), 4) ничтожный человек, 5) безалкогольное пиво (*пиво нулевка*).

1.3. Проблема разграничения омонимичности и многозначности. С опорой на традиционное понимание явления омонимии и полисемии, попытаемся предложить ответ на вопрос о том, имеет ли место многозначность или распад на омонимичные формы, когда универбату приписываются разные номинации.

С одной стороны, если исходить из того, что универбату соответствуют разные словосочетания с разным содержанием (см. толкования при таких словах, как *испанка*, *гражданка* или *нулевка*), то при первом приближении трудно отрицать явление омонимичности. С другой стороны, однако, средним носителем языка рассматриваемые универбаты все-таки интуитивно воспринимаются как многозначные единицы, так как конкретные значения объединены некоторым общим значением соответствующего мотивирующего слова (*испанский*, *гражданский*, *нуль*), но при этом, конечно, у каждой единицы могут реализовываться разные потенциальные значения под воздействием данного контекста. Хорошо можно это проиллюстрировать на примере универбата *пятиминутка*. Это слово может относиться к различным видам деятельности, которые в нормальном случае примерно длятся 5 минут. Таким образом, *пятиминутка* может быть и свободной программой по фигурному катанию (т.е. «по фигурке»), но она может обозначать и пятиминутный период совсем других событий (напр., *Последняя пятиминутка матча была особенно напряженной*). Однако, несмотря на разные номинации, при этом интуитивно чувствуется единство слова. Тем не менее, конечно, при разграничении многозначности и омонимичности требуется анализ каждого отдельного случая, и трудно исключить из этого процесса субъективный компонент носителя языка.

Многозначность и омонимичность у некоторых дериватов можно разграничить не только на семантической основе (исходя из того, в какой степени дериваты связаны между собой), но и, более объективно, исходя из словообразовательной функции рассматриваемого суффикса. Очевидно, что мы имеем дело с явлением омонимичности, если формально одно и то же производное слово может употребляться как в роли универбата, так и в роли диминутива. Например, слово *конфетка* может иметь не только значение 'конфета' с уменьшительным суффиксом, но, в профессиональном сленге, и значение 'конфетная фабрика'. Таким же образом следует сопоставить слово *фигурка* в своем обычном значении 'фигура' и как универбат в несколько окказиональном значении 'фигурное катание'.

Более сложный случай представляет дериват *стенка*. Здесь уменьшительный суффикс, помимо диминутивной функции, в той или иной мере изменяет и лексическое значение производящего слова. Но при этом получаются такие типы употребления, которые (несмотря на их различия) связаны между собой, они выводятся друг из друга. Ср. слово *стенка* в следующих сочетаниях: *стенки желудка*, *стенки сосудов*, *шведская стенка*, *составить стенку* (напр., в футболе), *играть в стенку* (в футболе), *поставить к стенке* ('расстрелять'). В этих случаях мы имеем дело с многозначностью слова *стенка*. В значении же 'предмет специальной мебели, имеющей множество секций' данный дериват является не диминутивом, а универбатом, так как он восходит к

сочетанию *стенной шкаф*. Следовательно, логично предположить, что здесь имеет место распад на омонимы.

2. О диминутивах, образованных при помощи суффиксов *-к(а)* и *-ик*

Диминутивы русского языка в литературе достаточно обстоятельно описаны (без ссылки на классическую литературу здесь выделим следующие работы: РГ 1980: 208-218; PÉTER 1991: 84-91; ПРОТАСОВА 2001; РАЦИБУРСКАЯ 2015; ВИНОГРАДОВА & ПЕТРОВА 2015). В исследовании диминутивов внимание направляется в первую очередь на их субъективно-оценочные значения, эмоциональную сторону диминуции – на положительное или пренебрежительное отношение говорящего к предмету или лицу, а также и на стилистическую модификацию рассматриваемых образований. Оставив в стороне эти аспекты, мы обратим внимание на такое явление, когда при образовании диминутива с помощью суффиксов *-к(а)* и *-ик* в той или иной мере изменяется и лексическое значение мотивирующего слова. К данному виду словообразования, в основе которого лежит название принципиально другого предмета, часто прибегает русская медицинская терминология при наименовании разных органов и костей (см. VARGA 2015: 73-76), но такие примеры, как увидим ниже, могут встречаться в любой сфере жизни.

2.1. Лексикализация диминутивов. Обращает на себя внимание, что некоторые имена существительные с уменьшительными суффиксами могут развивать новые лексические значения, и тем самым они выступают в качестве самостоятельного слова. Процесс перехода в другую номинацию может произойти как на фоне уменьшения предмета (по-видимому, таких случаев большинство), так и независимо от диминутивной функции данных суффиксов. Легко можно усмотреть, что следующие производные значения создаются на базе уменьшения предмета, обозначенного мотивирующим словом: *голова* → *головка* (*головка мышцы, кости, звезда*), *шар* → *шарик* (*шарик игрушечный, стеклянный*; в мед.: *красные кровяные шарики*), *яйцо* → *яички* (в мед.: 'парная мужская половая железа'), *стена* → *стенка* (*шведская стенка; стенка в футболе, стенки сосудов, желудка*), *кость* → *косточка* (*косточки рыб; фруктов*).

В отличие от приведенных примеров, роль уменьшительного суффикса (уменьшение по размеру) при лексикализации диминутива может значительно отступать на задний план, она может быть даже полностью снята. Сначала остановимся на словообразовательной модификации *сеть* → *сетка*. Прежде всего следует заметить, что в сочетании *рыболовная сетка* не создается лексикализация, поскольку в этом же значении употребляется и мотивирующее слово: *рыболовная сеть*. Однако в сочетаниях *сетка от комаров, теннисная, волейбольная сетка*

употребляется только диминутив. Сходный пример лексикализации представляет образование **носик** в сочетании *носик чайника, кофейника*. Кроме того что основу производного значения здесь представляет метафорический перенос, видимо, размер предмета не имеет особого значения – *носик чайника* несомненно больше, чем *нос человека* (ср. ДРАГИЧЕВИЧ 2015: 90).

Также лексикализация имеет место при образовании *шея* → **шейка**, причем данный дериват входит в разные словосочетания. Обозначаемые данным дериватом предметы в одних случаях могут быть связанными с уменьшением (*шейка зуба, шейка матки*), но в других случаях они как будто независимы от (уменьшения) размера: *шейка теннисной ракетки, шейка бедра, шейка рельса*, – у каждого из перечисленных примеров важно переосмысление того значения, которое свойственно производящему слову. Также безразличным кажется фактор размера при лексикализации образования **спинка**: *спинка стула* или *кровати* (ср. *спина человека*). В отличие от представленных выше примеров, несколько иначе обстоит дело с диминутивом **садик** ('детский сад'), так как в этой форме (хотя и собственно уменьшительное значение не выражено) суффикс *-ик* в указанном значении сохраняет функцию ласкательности.

Как показывают примеры, степень лексикализации диминутивов неодинакова. Анализируя эмоциональные функции диминутивов, М. Петер обращает внимание и на такие примеры, когда дериваты, образованные с помощью собственно уменьшительного суффикса в другом, неуменьшительном значении, уже давно утвердились в русской лексике как самостоятельные слова, как исходные лексические единицы: *вода* → **водка**¹, *сума* → **сумка**, *чаша* → **чашка** (ср. РЁТЕР 1991: 85). В случаях образования этих слов собственно уменьшительное значение будет придаваться посредством вторичной диминуции: *водка* → *водочка*, *сумка* → *сумочка*, *чашка* → *чашечка* (Там же: 85).

¹ Касательно происхождения слова *водка* преобладает такая точка зрения, что данная форма перешла в русскую лексику из польского языка (см. ШАНСКИЙ 1968: 124). Подробности в этой связи изложены в статье (МОЙСЕЕНКО 2012). В более широком плане, как указывают авторы, этимологическую основу этого слова представляет латинское выражение *aqua vitae* (вода жизни), и с учетом этого факта слово *водка* возникло не в результате диминуции, а универбации.

Литература

- ВИНОГРАДОВА & ПЕТРОВА 2015 = ВИНОГРАДОВА В.Н., ПЕТРОВА З.Ю. Структура и употребление диминутивов в разных функциональных стилях // *Manjšalnice v slovanskih jeziki: oblika i vloga* • Деминутивы в славянских языках: форма и роль • *Diminutives in Slavic Languages: Form and Role*. Zora 113. Uredila / Editor: I. Str. Breznik. Maribor, Bielsko-Biala, Budapest, Kansas, Praha, 2015. 412-426.
- ГОВЕРДОВСКАЯ 1992 = ГОВЕРДОВСКАЯ Е.В. Новые имена существительные в лексике современного русского языка // *Русский язык в школе*. № 3-4, 1992. 46-51.
- ДРАГИЧЕВИЧ 2015 = ДРАГИЧЕВИЧ Р. Недеминутивные значения деминутивов // *Manjšalnice v slovanskih jeziki: oblika i vloga* • Деминутивы в славянских языках: форма и роль • *Diminutives in Slavic Languages: Form and Role*. Zora 113. Uredila / Editor: I. Str. Breznik. Maribor, Bielsko-Biala, Budapest, Kansas, Praha, 2015. 88-101.
- ЗЕМСКАЯ 1987 = ЗЕМСКАЯ Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. Москва, 1987.
- КАПАНАДЗЕ 1973 = КАПАНАДЗЕ Л.А. Глава «Номинация» // Е. А. Земская. Русская разговорная речь. Москва, 1973. 403-463.
- ЛОПАТИН 1978 = ЛОПАТИН В.В. Суффиксальная универбация и смежные явления // Н.З. Котелова (ред.). Новые слова и словари новых слов. Ленинград, 1978, 72-80.
- МОЙСЕЕНКО 2012 = МОЙСЕЕНКО В. Водка: русизм или полонизм? Историко-этимологический этюд // *Studia Slavica Hung.* 57/2, 2012. 383-395. DOI: [10.1556/SSlav.57.2012.2.6](https://doi.org/10.1556/SSlav.57.2012.2.6)
- ПРОТАСОВА 2001 = ПРОТАСОВА Е.Ю. Деминутивы в современном русском языке // *Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия* V. Русский язык: система и функционирование. Тарту, 2001. 72-88.
- РАЦИБУРСКАЯ 2015 = РАЦИБУРСКАЯ Л. Деминутивы в текстах современных российских масс-медиа // *Manjšalnice v slovanskih jeziki: oblika i vloga* • Деминутивы в славянских языках: форма и роль • *Diminutives in Slavic Languages: Form and Role*. Zora 113. Uredila / Editor: I. Str. Breznik. Maribor, Bielsko-Biala, Budapest, Kansas, Praha, 2015. 331-337.
- РГ 1980 = Русская грамматика. Т. 1. Отв. ред.: Н.Ю. Шведова. Москва, 1980.
- ХОЛЛОШ 1992 = ХОЛЛОШ А. Универбация и русский литературный язык (К истории универбаций с суффиксом *-ка*) // *Труды по славяноведению. Szlavisztikai tanulmányok*. Ed.: Nyomárkay I. et al. Budapest, 1992. 90-98.
- ШАНСКИЙ 1968 = ШАНСКИЙ Н. М. (под руководством и ред.) Этимологический словарь русского языка. Т. 1. Изд-во Московского ун-та, 1968.
- PÉTER 1991 = PÉTER M. A nyelvi érzelemkifejezés eszközei és módjai. Tankönyvkiadó, Budapest, 1991.
- RÉPÁSI 1999 = RÉPÁSI Györgyné, Szavak a nyelvben, szavak a beszédben. Nyíregyháza: Bessenyei György Könyvkiadó, 1999.
- VARGA 2015 = VARGA É.K. Latin mintára képzett kalkok a magyar és orosz anatómiai nevekben. PhD disszertáció, Budapest: ELTE BTK, 2015.

Marko Jesenšek
(Maribor, Slovenija)

JEZIKOVNE ZNAČILNOSTI SLOVENSКИH PESMI
AVGUSTA PAVLA

Abstract: Avgust Pavel's Slovene poems and their linguistic characteristics Between 1907 and 1917 Avgust Pavel published nine poems written in Slovene Prekmurje dialect. His works are known for simple language, use of Prekmurje vocabulary, epithets, word and verse repetitions, as well as for author-specific word order.

First, Pavel's lexis was compared with the Dictionary of Beltinci Prekmurje speech and with Porabje dictionaries (by Marija Bajzek Lukač and Marija Kozar Mukič). Pavel was fond of vocabulary found in above mentioned language books, and he rarely used contemporary Slovene language.

Second, Pavel's lexis was edited in accordance with dictionary norm set by Novak's Old standard Prekmurje language dictionary. Due to the length restrictions, this particular article features a selection of Pavel's glossary from A to K only.

Keywords: August Pavel, Slovene poetry, dialect, glossary

Uvod¹

Avgust Pavel je napisal devet pesmi v prekmurskem narečju. Leta 1907 je objavil v Kalendarju najsvetešega srca Jezušovoga (1907, 98) devetkitično štirivrstičnico *Slovo*, v Marijinem listu (1907/9, 273–274) pa desetkitično štirivrstičnico *Na našem pokopališči*. Osem let kasneje je v Novinah izšla štirinajstkitična pesem *Spomin-cvetje brati na grob* (Novine, 7. 11. 1915/45, 2–3.), nato pa so v Kleklovem časopisu leta 1916 izšle štiri pesmi: devetkitična *Na dušni den*, (Novine, 26. 11. 1916/48, 2), sedemkitična *Gospodne, smilij se!* (Novine, 24. 12. 1916/52, 2), šestkitična *Zrepli sad i mlado cvetje* (Novine, 17. 11. 1916/51, 2) in sedemkitična *Že je zima na podoukni* (Novine 24. 12. 1916/52, 3–4); leta 1917 pa še dve: desetkitična *Ne de tak vsigdar, kak je bilo* (Novine 30. 9. 1917/39, 4) in trinajstkitična *Mojim starišom* (Novine 14. 10. 1917/41, 4). Pesmi vse do leta 2016 niso bile natančno analizirane, čeprav so

¹ Prispevek je nastal v okviru raziskovalnega programa ARRS Slovensko jezikoslovje, književnost in poučevanje slovenščine (P6-0156), ki ga vodi prof. dr. Marko Jesenšek.

jih nekateri raziskovalci prekmurskega jezika in literature, npr. Novak, Šebjanič, Berden, Kozar Mukič, Just (JUST 2017: 179), omenjali in nanje opozarjali ob Pavlovih obletnicah ali ko so predstavljali njegovo obsežnejše in odmevnejše pesnjenje v madžarskem jeziku. Franci Just (2017: 180) je v Pavlovem letu 2016 literarnozgodovinsko predstavil vseh devet prekmurskih pesmi; razvrstil jih je v tri skupine (družinske, skupnostne in eksistencialne pesmi) ter predstavil »obliko Pavlove pesniške izpovedi« (JUST 2017: 185) v poglavjih o verzno-kitični organiziranosti pesmi, zvočnosti in slogu. Pavel je pesnil za bralce prekmurske periodike, za katere je menil, da so »pretežno preprostejši, literarnega branja manj večji ljudje«, zato se jim je jezikovno in slogovno poskušal čim bolj približati. Just (2017: 189) meni, da je »njihove zmožnosti literarnega branja celo malo podcenil«, saj prepozna Pavlov pesniški jezik za poenostavljenega; blizu je ljudskemu in cerkvenemu pesništvu:

»Z iteracijami, pomanjševalnicami in antitezami posnema slog ljudske pesmi, npr. *»Stoji, stoji nam mala vesica, / pri vesici pa voska cestica, / pri cestici pa hribček majheni«* (Na našem pokopališču), *»Sakšo ütro slana spadne, / sakšo ütro nam popari«* (Že je zima na podouknji), *»Oj, zeleni listek, / oj, zeleni listek«* (Spomin-cvetje brati na grob), *»Se rosa mrzla blišči na grobaj, / se skuza topla blišči mi v očaj«, »Tečte, tečte tople skuze / po zmržnjenoj hladnoj zemli«* (Na dušni den), *»Se rosa mrzla blišči na grobaj, / se skuza topla blišči mi v očaj«* (Na našem pokopališču).

S psalmskimi priprošnjami, bodisi neposredno Bogu (Gospodne, smiluj se) bodisi soncu (Že je zima na podouknji) ali dušam umrlih (Na dušni den), s paralelizmi členov in polisindetonom, s priprošnjim in molitvenim besediščem (Gospodne, smiluj se: *»Ti Oča naš nebeski! K-tej šetüje tvoje lüstvo. / Ti si vert! ...«*) posnema svetopisemsko govorico. Verzi *»Daj nam zmago, rejšno, slavno, / da pá zákon tvoj zavlada! / Pridi k nam Králestvo tvoje ...«* (Gospodne, smiluj se) so Pavlova pesniška variacija očenaša.« (JUST 2017: 189)

Jezik Pavlovih prekmurskih pesmi

Pavlove prekmurske pesmi jezikovno pripadajo *osrednjemu narečju*, kakor je v slovnici (PAVEL 2013: 19) sam imenoval prekmursko ravenko podnarečje. Besede je zapisoval s črkami prekmurskega slovenskega jezika *a, á, b, c, cs, d, e, ê, é, f, g, h, i, í, j, k, l, m, n, nj, o, ô, ó, ö, õ, p, r, s, sz, t, u, ú, ü, ű, v, z, zs* – leta 1907 sta obe pesmi pisani z ogrico (*cs, sz, s, zs*, npr.: *vcseraj, meszec, zadobis, krizs*), nato pa ostalih sedem s slovenico (npr.: *včeraj, mesec, zadobiš, križ*). Cankovske narečne dolge dvoglasnike *i:î, ü:ï* in *ü:ÿ* je zapisoval z enočrkjem (*i, ű, u*), s posebnima znakoma pa je označeval *e:ï* (*svêti*) in *o:ÿ* (*Bôg*). Preglas za *c, č, ž, š* in *j* ni dosledno izveden in prevladujejo narečne cankovske oblike: *z bičom, z zrnjom, stopajom, starišom* (toda: *v božem*).

Za soglasniški sestav so značilne naslednje narečne spremembe – (1) mehki *lj* je otrdel: *kralestvo, minlivo, na zemli*; (2) soglasnik *h* je na koncu besede za

samoglasnikom prešel v *j* ali pa onemi: *na grobáj*, *v očáj*, *po strniščáj*; vsej *deseti /glav/*; (3) sredi besede med dvema samoglasnikoma redko preide v *j*, npr. *ploja*; (4) soglasnik *h* na začetku besede pred zlogotvornim *r* onemi, npr.: *rastov*; (vendar ne pred samoglasnikom: *hiža*); (5) ohranjen je protetični *v*, npr.: *vozek*; (6) prihaja do prilikovanja, npr.: *britkim*, *v sašem*, *sakša*, *ž-njim*, *nigdar*; (7) soglasniški sklop *pt > ft*, npr.: *fličice*; (8) *v > b*, npr.: *v bojni*.

V oblikoslovju imajo samostalniki ženskega spola v or. ed. končnico *-ov*, npr.: *z glavôv*; samostalniki moškega spola imajo v daj. in mest. ed. končnico *-i*, npr.: *po grôbi*, *v viheri*; or. mn. m. sp. ima končnico *-ami*, npr.: *nad grobami*; v pridevniški sklanjatvi imata daj. in mest. ed. ženskega spola končnico *-oj*, npr.: *po zmržnenov hladnoj zemli*, *celoj*, *globokoj*; pridevniška končnica za moški spol je *-oga*, npr.: *tistoga*, *večnoga*; pri glagolu se del. na *-l* m. sp. zapisuje z *-o*, npr.: *meo*, *zacvilo*, pomožnik *bomo > mo*, prisoten je panonski tip zanikanja, npr.: *ne si*.

Izbrano narečno besedje: *dosejmao*, *dönk*, *dreselne*, *drovne*, *ešče*, *grmlanca*, *korine*, *krščeni*, *odsejmao*, *okinčeni*, *odšterimao*, *z ocla*, *z oknja*, *z peldov*, *pospoloma*, *pozvoja*, *pun*, *ranč*, *sunce*, *skuze*, *sühazni*, *tisočfarti*, *vtone*, *od vrejka*.

V nadaljevanju predstavljam slovarček besed, ki zajema besedje Pavlovih devetih prekmurskih pesmi. Zaradi omejenega prostora navajam le del besedja, in sicer od A do K. V geselskem članku so besede zapisane s slovenico (prepis iz ogrice v prvih dveh pesmih), naglas v zaglavju je Pavlov, v glavi geselskega članka pa je obnovljen s pomočjo Slovarja beltinskega prekmurskega govora (NOVAK 1996) in Slovarja stare knjižne prekmurščine (NOVAK 2015); slednjega sem uporabil kot metodološki vzor in sem po njem prevzel zgradbo geselskega članka (in krajšave za kvalifikatorje); pomagal sem si tudi s slovarčkom Agustičevega besedja (ULČNIK 2009). Pri razlagi besed sem uporabil tudi porabska slovarja Marije Bajzek Lukač (2009) in Franceka Mukiča (2005).

Ponazarjalno gradivo iz Pavlovih pesmi je označeno z arabskimi številkami – pred poševnico je številka pesmi, za njo pa vrstica pesmi (1/1 = prva pesem/prva vrstica, 2/n = druga pesem/naslov). Pesmi so oštevilčene po času nastanka: 1 *Slovo*, 2 *Na našem pokopališči*, 3 *Spomin-cvetje brati na grob*, 4 *Na dušni den*, 5 *Gospodne*, *smilij se*, 6 *Zrejni sad i mlado cvetje*, 7 *Že je zima na podouknji*, 8 *Ne de tak vsigdar, kak je bilo*, 9 *Mojim starišom*.

Slovarček

A

a vez. *a*, *pa*, *toda*: A jas pa stopim tužno med grobé 2/6; A gde leži pobožen siromák/Mu grob zarášča divja tráva 2/15; A skuze se silijo m' iz oči 1/25; Svet je velki, a moj dom je máli 1/29; A če Bog da, se šče enkrát vrnem 1/35

ali tudi al' vez. *toda*: Ali njegov prve život ugásne/Kak se z vaših pozábi lepot 1/3; Ali, vište, ka si vêmo:/Sila skrágna nas stiskáva 6/7; Betežasto, slabo telo/ ali dúša zdrava, jáka 9/2; Al' za svetsko, za minlivo/Deca vaša malo mára 9/19 áldov -a m *daritev*, *žrtev*: Da je modrost vsej modrosti:/Vôra, lúbav, delo, áldov 9/24

B

baháto prisl. *bahato*: Kak po grobáj baháto vse cveté 2/17
bič -a m *bič*: Pa nas z ostrim z bičom kara 5/11
bêli -a, -o prid. *bel*: Ne ponújjaj nam tak rano/Bêli snêg 7/26; Kak mi tú na bêlom svêti 6/11
betežásti -a -o prid. *bolehen*: Betežasto, slabo telo 9/1
bíster -tra -o prid. *bister*, *prodoren*: bistra gláva 9/6
biti bijem nedov. *biti bijem*: Srce mi je bole glasno bilo 1/11
blagoslòv -a m *blagoslov*: Naj vam rosí svéta rosa/Blagoslova, žegnja stálno 9/52
blájžen in blážen -a -o prid. *blažen*: Blájženi smej zadovolstva 9/40; Blážena pláva vedrina 7/30
blédi -a -o prid. *bled*: Žúto, blêdo, mrtvo listje 4/3
blêdo prisl. *bledo*: Sunce nam je potemnelo/Skôpo, blêdo, knično svêti 7/6
bliščati se -im se nedov. *bleščati se*, *lesketati se*: Se rosa mrzla blišči na grobáj 2/7; Se skuza toplá blišči v očáj 2/8
blódití -im nedov. *biti v zmoti*, *tavati*: Z povišnjenov glavòv, v mráki/Blódimó kak glúpi-slêpi 7/8
blüzi prisl. *blizu*: Ob zibeli je blüzi do groba 2/28
bodóči -a -e prid. *navzoč*, *bivajoč*: v bодоčem nam sprotolje novo zori 8/34
bodóčnost -i ž *prihodnost*: v lepšoj bodočnosti vüpanje mej! 9/4, 40
Bôg -a m *Bog*: Sam Bog čuva njega vsaki sili 1/15; A če Bog da, se šče enkrát vrnem 1/35; Bôg! Tí Oča naš nebeski! 5/14, Oča, mati! Bog vas živi 9/37; Oča, mati! Bog vam vošči 9/41; Oča, mati! Bog vam plátí 9/45; Bog vam plátí tisočfárti 9/47; Da vas Bôg smileno sôdi 6/19; Naj nam samo Bôg privôšči 4/25; Tak vsi mo šli pred večnoga Bogá 2/25; Z Bogom gore, gore divokrásne 1/1
bogástvo -a s *bogastvo*: Bogástvo, zdrávje nika ne velá 2/26 I sveto od vás bogástvo 9/26
bogátec -tca m *bogataš*: Bogátec tú, sirmák ednáki je 2/21
bôgi, -a, -o prid. *ubog*, *reven*: Bôgo lüstvo posvečúje 6/4
bòj -a m *boj*, *bojevanje*: Tú konča trüd, se konča svetski boj 2/31
bojišče -a s *bojišče*: Na bojišče pa z bojišča/Raztorjenim rodnim grobam/Gláse nosi v túje kráje 6/34–36
bòjna -e ž *vojna*: Stavi grom, trobònte bojne! 5/21; Od star'ga ognišča/V bojni ogenj mrski 3/18
bòle prisl. *bolj*: Srce mi je bole glasno bilo 1/11
bolečina -e ž *bolečina*: Na vse bolečine vrástvo 9/28

boriti se -ím se nedov. Borijo se ze vs môči 4/16
 boži -a, -e prid. *božji*: Milost boža vas segrêva 6/14; V božem trûdu, v znojnem deli 9/10; Láni k-žétvi z božim zrnom/Britke skuze smo sejali 7/13
 brátec -tca m *bratec*: Brátec naš lûbléni! 3/14
 brát -a m *brat*: Spomin-cvetje bráti na grob 3/n
 brez in brezi predl. z rod. *brez*: Kélko prejšlo brezi slêda 5/2; Da letos vaš den brez sveče/ Bôgo lûstvo posvečûje 6/3
 britki -a -o prid. *bridek, žlosten*: Da na dom mi britek bo spomin 1/28; Z britkimi rečmi potôžte 6/29; Britke skuze smo sejali 7/14; Za skuzico vsako britko 9/45
 brlôg -a prid. *brlog, slabo stanovanje*: Z svojga nôčnoga brloga 5/25
 brš prisl. *brž*: i kmica i meгла se brš razkadí 8/32

C

cêliti -im nedov. *celiti*: Srčna rana dugo cêli 5/5
 cêli -a -o prid. *cel, ves*: kak celi svet 1/30; V celoj hiži samo jaz ne spim 1/26
 cêrkev -kvi ž *cerkev*: Razrûšene znova zozídamo cerkvi 8/5
 cêstica -a ž *potka*: Pri vésici pa vozka cestica/Pri cestici en hribček majheni 2/2-3
 cîntor -a m *pokopališče*: puni so cintori novi grobov 8/10; Na cintoraj novo zakrîje življenje 8/23
 cvêt -a m *cvet*: Odzvûna cvet 2/19; Tû me pozna vsako drevo, cvet 1/32; Mesto korin, cvetja/Žalostí se sáma 3/53
 cvetêči -a -e prid. *ki cvete*: Mladika cvetêča/V sprotoleti ránom 3/11
 cvetèti -ím nedov. *cveteti*: Kak po grobáj baháto vse cveté 2/17; Mesto korin, cvetja/Žalostí se sáma 3/35
 cvêtje -a s *cvetje*: Zrêli sád i mládo cvetje 4/n, 4/24

Č

čàren -a -o prid. *črn*: A nad nami ešče izdak/Čarna visi obláčina 7/4; čarni ftiči 7/15; čarne skrbi 7/26
 čé podr. vez. **1.** *če v pogojnih odvisnikih*: Ne dá ti mir kameni spomenik/Če ne si bio pobožen krščenik 2/34; Pobožen pa pokoj svoj zadobič/Če ránč si meo priglávi rastov križ 2/36 **2.** *če v časovnih odvisnikih*: *A če Bog da, se šče enkrát vrnem* 1/35
 člòvek -a m *človek*: človek 1/31
 čřv -a m *črv*: Čvrste stebre črv semele 4/7
 čúk -a m *čuk*: Kakšte nam čúk z lástne strehe/Vsako nôč smrt nazveščáva 4/19
 čùti čûjem nedov. *slišati*: i čûjemo vedno mrtvačkih zvonov 8/12; i samo mo svétešne čûli zvoné 8/22
 čútiti -ím nedov. *čutiti*: Čútím v srci 1/27
 čùvati -am nedov. *čuvati, varovati*: Sam Bog čuva njega 1/15
 čvřst -a -o prid. *čvrst, močen, trden*: Čvrste stebre črv semele 4/7

D

da vez. *I. da*: Čutim v srci, gore gledajoči/ Da na dom mi britek bo spomin 1/28; Ne zamérte /.../, Da létos vaš dén brez svêče/Bôgo lústvo posvečuje 6/3; smo mí molili, da vas Bôg smileno sôdi 1/19; Da je modrost vsej modrosti 9/23 **2. ko**: Da že nad njim rastéjo lilie 2/22; Pa da mesec v tihoj kesnojnoči/med meglámi pun pokáže se 1/21

dàleko prisl. *daleč*: Vas sin ide na daleko pot 1/2

dàti dám dov. *dati*: Ne dá ti mir 2/33; če Bog da 1/35; radi dámo 4/22

daviti -ím nedov. *daviti*: i síva nas meгла dùši, daví 8/16; i slepa nas meгла skúšáva, daví 8/30; *kakšté nas daví težáva* 4/18

dár -a m *dar*: svojga dára 5/13; Zemelskoga deci dára 9/18;

davno prisl. *davno*: Že sunce dávno zajšlo 2/39

dè nedov. *bo (biti bom)*: de gorela 9/34; Ne de tak vsikdár, kak je bilo 8/n; 8/2, 37; pesem de hválna donela na glás 8/6; z novim de ognjom segrevalo nás 8/8; Konec de enkrát trpljenja 8/18; 3/54

dèca -é ž *otroci*: Deca vaša 9/20; deci 9/18; Domovíni radi dámo: Vnúke, deco 4/23; za nás deco 9/46

dèčko -a m *fant*: zdravi dečki 4/14

dèlo -a s *delo*: delo 9/24; v znojnom deli 9/10

dén dnéva m *dan*: vaš dén 6/3; Pogašuje dén od dneva 6/17; na dùšni dén 6/n; dnévi so naši mráčni 8/15; dnévi 3/5; Jásne dnéve 9/39

detéce -a s *detece, otrok*: málo detéce 1/24

dímnik -a m *dimnik*: zakadi se dímnik 1/17

divji -a -e prid. *divji*: Mu grob zarašča divja tráva 2/16; Po vsej etih mokaj i divjih vihéraj 8/33; V tom divjom vihéri 3/16

divjáčina -e ž *divjačina*: Divjáčina trôbi 7/18

divnokrásni -a -o, prid. *čudovito lep, zelo lep*: gore divnokrásne 1/1

dnò -a s *dno*: Do dna srca prepošténi 9/6

do pred. z rod. *do*: do groba 2/23, 28; do korenine 4/10; do dna 9/6

dól -a m *dolina*: hribi ino dol 1/8

dòli prisl. *dol*: hodo gor in dol 1/6

dòlina -e ž *dolina*: Hrib, dolina, gore, drági dom! 1/34; v globokoj dolini 1/13; v dolini 1/18; v dolinah 1/23

dóm -a m *dom*: drági dom! 1/34; moj dom 1/14, 23, 29; vidit z hriba dom 1/10; na dom 1/28

domá prisl. *doma*: domá 5/3

domovína -e ž *domovina*: dùša domovine 4/12; Domovíni radi dámo 4/22

donèti -ím nedov. *doneti*: i pesem de hválna donela na glás 8/6

dönk vez. *vendar*: pa mi ljüpši dönk, kak celi svet 1/30

dosejmáo prisl. *dozdaj, doslej*: Dosejmao smo mímolili 6/18

dòsta prisl. *dosti, veliko, mnogo*: dosta skrbi 9/12

drági -a -o prid. *drag*: drági dom 1/34; mati drága 9/4; drági moji vojáki 8/17; dráge dùše 6/2

drágomíli -a -o prid. *drag, mil*: dragomili dom 1/14

dresélen -lnega sam. *žalosten človek*: vüpanje dresélnim 9/27; Tí si dresélni/Ešče nigdár nê zapústo 5/16
drévo -a s *drevo*: Tü me pozna vsako drevo 1/32
drèvje -a s *drevje*: Súkalo se drevje 3/5
drôven -vna -o prid. *droben*: drôvne Ftičice 3/29
držéla -e z *dežela*: v tühinskoj držéli 3/25
dúgi -a prid. *dolg, ki traja veliko časa*: dúga leta 9/9, 13
dùgo prisl. *dolgo*: rana dugo celi 5/5
dúša -e z *duša*: edna dúša 4/11; dúša domovine 4/12; dúša 9/2, 3;
dúšiti -im, nedov. *dušiti*: síva nas meгла dúši 8/16
dùšni -a -o prid. *dušen*: dúšne bolezni 8/27; na dùšni dén 6/n
dúžen -žna -o prid. *dolžen*: v dužen áldov 4/21

E

ednáki -a -o prid. *enak*: ednáki je 2/21
eden edna -o glav. štev. *en, eden*: z ednim stopájom 5/21; edna duša 4/11
édno prisl. *vedno, venomer*: v edno káple 4/4
en ena -o nedol. člen en hribček 2/3; en grob 2/13
enkrát prisl. *nekoč*: se šče enkrát vrnem 1/35; Konec de enkrát trpljenja 8/18
èšče prisl. **1. še, poudarja pomen besede, na katero se nanaša**: Ešče nigdár 5/17;
ešče izdak 7/3 **2. poudarja visoko stopnjo**: ste ešče li srečnejši 6/9 **3. izraža nadaljevanje trajana česa**: Ešče z groba bo gorela 9/34
ète éta ète kaz. zaim. *ta*: Po vsej etih mokaj 8/33

F

fíič -a m *ptič*: čarni fíiči 7/15
fíiček -a m *ptiček*: Prestrášení fíički 3/42
fíičica -e z *ptičica*: Ftičice nebeške 3/30

G

gáj -a m *gaj*: nad zlámanim gájom 8/36; svéti gáji 4/1, 9
gdè prisl. *kjer*: A gde leži pobožen siromák 2/15
gingav -a -o prid. *mlahav, slaboten, šibek*: gingavo rôžo 3/23
glás -a m *glas, zvok*: pesem de hválna donela na glás 8/6; gláse nosi 6/35
gláva -e z *glava*: gláva 9/7; Ne povesi obvüpano, národ, glavo! 8/1, 38; pri glávi 2/38; z povišnjenov glavôv; gláv 5/23

glédati -am nedov. *gledati*: glédam 2/9; gore gledajoči 1/27
glúpi -a -o sam. *gluhi*: Blôdimo kak glüpi-slêpi 7/8
gòli -a -o prid. *gol*: gole grobé 8/24; so gôla 7/9
gòr prisl. *gor, gibanje proti višjemu kraju*: hodo gor in dol 1/6
góra -é z *gora*: gore 1/1; gore gledajoči 1/27; goré 3/2, za goré 2/5, 39; proti goram 9/16; pod gorami 1/13
gospòd -a m *Kristus*: Molte za nás pri Gospòdi 6/21

gòspodne -a m *gospod, Kristus*: Gospodne, smiluj se! 5/n
 grízéči -a -e prid. *grizeč*: stáre na srci rane grízéče 8/28
 gr̃mlanca -e ž *grmenje, nevihta*: Vtíšaj grmlanco 5/20; v grmlanci 3/41
 gròb -a m *grob*: grob 2/10, 13, 16, 9; 3/28; do groba 2/23, 28; z groba 9/34; v grob 2/18; na grob 3/n; po gròbi 3/33; v gròbi 5/9; za grobom 2/10; gole grobé 8/24; grobé 2/40; novi grobov 8/10; med grobé 2/6; na grobáj 2/7; po grobáj 2/17, 2/41; nad grobámi 3/30
 gròbni -a -o prid. *grogen*: V vašoj gròbnoj, nêmoj temi 6/10
 gróm -a m *grom*: grom 4/8; ga ne najde grom 1/16; Stavi gróm 5/21
 gròza -e ž *groza, strah*: po grozi 8/36

H

hiža -e ž *hiša*: hiža 3/57; v hiži 2,/26
 hlàden -dna -o prid. *hladen*: hladen grob 2/9; jesén hladna 4/5; V krílo hladne smrti 3/20; po hladnoj sencí 1/55; po zmržnjenoj hladnoj zemli 6/25
 hoditi hòdim nedov. *hoditi*: hodo 1/6
 hrib -a m *hrib*: hrib 1/34; z hriba 1/10; hribi 2,8
 hribček -čka m *hribček*: hribček 2/3
 hválen -lna -o prid. *hvalen, slavilen*: a pesem de hválna donela 8/6

I

i vez. **1. in med stavčnimi členi**: grob i križ 3/28; zrêl sád i mládo cvetje 4/n, 24; bêli snêg i – čarne skrbi 7/26; skrbi i trplenja 9/11; z návukom i z pèldov 9/22; Veseljé i radost 9/40; na zemli i po smrti 9/48; i kmica i megla 8/32; mokaj i divjih vihéraj 8/33; sunca i zarja 8/35 **2. in v vezalnem priredju**: Té navuk je naše vérstvo/I sveto od vás bogástvo 9/26; Razrúšene znova zozídamo cerkvi/i pesem de hválna donela na glás 8/5–6; Zdaj kučici vsákoj žalost prebívá/i puni so cintori novi grobov 8/9–10; trétjo že leto pokápamo vedno,/i čújemo vedno mrtvačkih zvonov 8/11–12; dnévi so naši mráčni, obláčni,/i síva nas megla dúši, daví 8/15–16; Prídejo svétki znova veselí/i britki v očáj vaši skúz več ne bo! 8/18–19; Zamuknejo teda pogrebni zvonovi/i samo mo svétešne čúli zvoné 8/20–21; telesne zacelijo rane skeléče,/i včúnejo žalostnim dúšne bolezní 8/26–27; se še enkrát vrnem/I vas páli 1/36 **3. tudi v vezalnem priredju**: Dúga leta so pretekla,/I jesén je že na prági 9/14; I vsáko pogášeno, pústó ognjišče/z novim de ognjom segrevalo nás 8/7–8; Zdaj trda okoli nás kmica vladúje/i slepa nas megla skúšáva, daví 8/30–31; te sunce z vedríné jáсно zasíja/i kmica i megla se brš razkadí 8/32–33
 imé iména s *ime*: v imé ni našem 6/28
 in vez. **1. in med stavčnimi členi**: gor in dol 1/6; **2. in v vezalnem priredju**:
 inda prisl. *nekoč*: tak kak inda 3/37
 ino vez. **1. in med stavčnimi členi**: hribi ino dol 1/8; **2. in v vezalnem priredju**:
 iti ìdem nedov. *iti*: ido 3/51; mo šli 2/25; ide na daleko pot 1/2;

iz predl. z rod. *iz*: iz oči 1/25
izdak prisl. *še vedno, še zdaj*: izdak 7/3

J

jáki -a -o prid. *krepek, močen*: dúša zdrava, jáka 9/2
jálno prisl. *sleparsko, goljufivo, varljivo, potuhnjeno*: Šteri jálno na nás lúča 5/24
jàs tudi *jáz méne* os. zaim. *jaz*: A jas pa stopim tužno med grobé 2/6; Jas zmrácnim srcem zapústim grobé 2/40; v celoj hiži samo jaz ne spim 1/26;
jásen -a -o prid. *jasen, srečen, vesel*: jáсне dnéve vu starosti 8/43
jásno prisl. *jasno*: jáсно zasíja 8/31;
jesén -i ž *jesen*: jesén 4/5; jesén je že na prági 9/14; vu jéseni 3/24
jesénski -a -o prid. *jesenski*: jesénska slána 3/55

K

k predl. z daj. *k*: Prido k tebi 3/31; K-tej šetúje 5/15; k-žetvi 7/13; Pridik nam Králestvo tvoje 5/28
kà kóga ozir. zaim. *kar*: Ali, vište, ka si vêmo 6/7; V dužen áldov, vse ka mámo/Domovíni radi dámo 4/21
kadar vez. *kadar, ko*: Včási njegov zakadi se dimnik/Kadar pride rosonosen mrak 1/18; Kadar sunce vtone pod oblák 1/20
kàk prisl. **1.** *kako*: Náši stáří, svéti gáji/Kak ste letos pústi, prázni 4/2 **2.** *ekspr. kako, izraža veliko mero povedanega*: Pa kak je ugájalo mladenci 1/7; Pa pri srci kak bilo mi milo 1/9; Kak po grobáj baháto vse cveté 2/17, kak tráva vgrob pogánja korenjé 2/18;
kàk vez. **1.** *kakor, kot za izražanje primerjave*: Pa mi ljúbši dónk, kak celi svet 1/30; Ne je tak, kak inda 3/37; Smrt te pokosila/Nesmilena, rana/Kak gingavo rôžo/vu jéseni slána 3/21–24; Kak v grmlanci nágloj/Prestrášeni ftíčki/Vkúp se potégneto/Pri stárom ognjišči 3/41–44; Ví ste ešče li srečnejší/V vašoj grôbnoj, nêmoj temi/Kak mí tú na bêlom svéti 6/11; Ne de tak vsikdár, kak je bilo 9/n, 2, 37; v bodočem nam sprotolje novo zori 8/34
kak slednji trák sunca i zarja večerna
2. *za izražanje podobnosti*: Mirno spi, kak málo detece 1/24; Blôdimo kak glúpi-slêpi 7/8 **3.** *kakor hitro*: Ali njegov prve život ugásne/Kak se z vaših pozábi lepot 1/4;
kàkòli ozir. zaim. *kar koli*: Kakoli ž-njími zgučávle 6/34
kàkšté prisl. *kakor koli*: Kakšté nas pečéjo rane/ Kakšté nas dávi težáva/ Kakšté nam čúk z lástne strehe/Vsako nôč smrt nazveščáva 4/17–20
kàma prisl. *kam, usmerjenost v nedoločen kraj*: Kama si zablôdo 3/14
kamaštéč prisl. *kamorkoli*: Zamišlen pogléd nam/Kamaštéč zablôdi 3/46
kàmeni tudi kamèni -a -o prid. *kamnit*: spomenik kameni 2/14; Ne dá ti mir kameni spomenik 2/35
kđzati -žem nedov. *kazati*: Pot kđzala 9/35
kélko prisl. *koliko*: Oh, kelko ji že odíšlo/Kélko prešlo brezi sléda/Kelkim se domá za svoje/Žgéča rana v srcé vjêla!! 5/1–4

kèlikokrat prisl. *kolikokrat*, *izraža nedoločeno število ponovitev*: Kelikokrat sam po hladnoj senci/ Samsemeren hodo dol in gor 1/5
késen -sna -o prid. *pozen*: v tihoj kesnojnoči 1/21
ki ozir. zaim. **1.** *kateri, ki*: krepki môži/Kí za nás že tretjo leto/Borijo se ze vso môči 4/15–17 **2.** *kdor*: Za tistoga, ki mró je v Kristosi 2/30
kmica -e ž *tema, mrak*: Zdaj trda okoli nás kmica vladuje 8/29; i kmica i megla se brš razkadí 8/32
knično prisl. *temno, mračno*: Sunce nam je potemnelo/Skôpo, blêdo, knično svêti 7/6
kòmaj prisl. *komaj*: Lúč nam komaj zadolêva 6/16
kónčati se -am se dov. *končati se, zaključiti se*: Tü konča trüd, se konča svetski boj 2/31
kónec -nea m *konec*: Konec de enkrát trpljenja, nevol! 8/18
korenína -e ž *korenina*: Tak mirajo naši gáji/od vrejka do korenine 4/10
korenjé -á s *korenine*: tráva vgroh pogánja korenjé 2/18
korina -e ž *cvetlica*: Odzvüna cvet, korine pisane 2/19; Mesto korin, cvetja/Žalostí se sáma 3/53;
korinica -e ž *cvetličica*: Na cintoraj novo zakrje življenje, 8/23–24
24 tráva, korinice gole grobé.
kàpati kápem nedov. *padati*: V edno káple po súházni 4/4
kráj -a m *kraj*: z vsej krajôv 3/2; Gláse nosi v túje kráje 6/35
králestvo -a s *kraljestvo*: Pridik nam Králestvo tvoje 5/28
krèpek -pka -o prid. *močen, krepek*: krepki môži 4/14
krílo -a s *naróčje*: Z maternoga kríla/V krílo hladne smrti 3/19, 20
Kristos -a m *Kristus*: ki mró je v Kristosi 2/30
kríž -a m *križ*: Má stesan križ 2/14, Če ránč si meo priglaví rastov križ 2/38; križ leseni 3/28, 6/32
krščeník -a m *kristjan*: Če ne si bio pobožen krščeník 2/34
kùčica -e ž *kočica*: Zdaj kučici vsákoj žalost prebiva 8/9

Literatura

- BAJZEK LUKAČ 2009 = BAJZEK LUKAČ M. Slovar Gornjega Senika A–L. Maribor, 2009.
JUST 2017 = JUST F. Literarna ustvarjalnost Avgusta Pavla v prekmurskem jeziku // Življenje in delo Avgusta Pavla. Ur. M. Jesenšek. (Zora 120). Maribor, 2017. 177-193.
MUKIČ 2005 = MUKIČ F. Porabsko-knjižnoslovensko-madžarski slovar. Szombathely, 2005.
NOVAK 1996 = NOVAK V. Slovar beltinskega prekmurskega govora. Murska Sobota, 1996.
NOVAK 2015 = NOVAK V. Slovar stare knjižne prekmurščine. Ljubljana, 2015.
PAVEL 2013 = PAVEL A. Prekmurska slovenska slovnica. Vend nyelvtan. Ur. M. Jesenšek. (Zora 100). Maribor, 2013.
ULČNIK 2009 = ULČNIK N. Začetki prekmurskega časopisja: besedje Agustičevega časopisa Prijatelj. (Zora 67). Maribor, 2009.

Ljubica Josić
(Zagreb, Hrvatska)

POETIZMI U JEDNOJEZIČNIM OPĆELEKSIČKIM RJEČNICIMA
HRVATSKOGA JEZIKA

Abstract: In this paper we research the scope of the lexical group specific to the poetical substyle of literary-artistic functional style in one-language general lexic Croatian dictionaries. We analyse stylistic reference points assigned to that part of the stratified lexis while using specific dictionary entries to problematise the division of the poetical lexis from the expressive lexis, then from the outdated lexis and the lexis of the more expansive literary language. The goal of the paper is to list poetic words in all researched dictionaries and analyse them, as well as point out lexicographic difficulties connected with multi-type stylistic denotation of a lexis with limited use.

Keywords: Croatian language, stylistic stratification, loaded words, poetisms, lexicography

Uvod

Prije popisa i analize stilskih odrednica te semantičkoga polja poetizama u jednojezičnim općeleksičkim rječnicima hrvatskoga jezika valja utvrditi što su poetizmi. Naziv poetizam, prema SIMEONU (1969: 73) proteže se na nekoliko značenja – »pjesnički element«, »pjesničko obilježje« i »pjesničku riječ ili izraz«, a poetski leksik obuhvaća »pjesnički fond riječi, rječnik pjesničkoga jezika«. Poetizmi ili »leksemi karakteristični za pjesnički podstil«, kako navodi SAMARDŽIJA (1995: 42), rijetko su u uporabi izvan toga podstila književnoumjetničkoga funkcionalnog stila, poput primjera *Bogomajka, cjelov, djeva, grôce, krin, nebesan, plam, potiti (se), sanak, sânja (sânje), srdašce, veličajan*. Govoreći o leksičkim razlikama između funkcionalnih stilova i ilustrirajući poetizme na sličnim primjerima, *cjelov, djeva, kam, plam, sanak i srdašce*, FRANČIĆ, HUDEČEK i MIHALJEVIĆ (2005: 293) ističu da je »književnoumjetnički funkcionalni stil na leksičkoj razini obilježen poetizmima, razgovorni stil standardnoga jezika kolokvijalizmima, a razgovorni stil koji ne pripada standardu žargonizmima, publicistički stil žurnalizmima, administrativni stil obilježen administrativizmima, a znanstveni znanstvenim nazivima (terminima)«. U prepoznatljivu leksiku pjesničkoga podstila uočljiva su karakteristična tvorbeni i stilski obilježja jer dio poetizama sadržava apokopu, figuru dikcije, koja prema BAGIĆU (2012: 58-9) podrazumijeva skraćivanje osnovne riječi, najčešće »izostavljanjem glasa,

sloga ili slogova na kraju riječi«, što se može prepoznati u leksemima *kâm* ← *kâmēn*, *plâm* ← *plâmēn*, *prâm* ← *prâmēn*, tj. u »riječima čija pojava automatski asocira na pjesništvo«. Toj skupini poetizama može se pridodati i leksem *stûd* ← *stûdēn*, u kojem se također uočava opisan tvorbeni i stilski postupak i u kojem se po istome uzorku mijenjaju naglasna obilježja, te leksem *grûd* ← *grûdi* u kojem u odnosu na osnovnu riječ nije došlo do naglasnih promjena. Apokope ilustriraju jedan od načina stvaranja leksičkih, tvorbenih i stilskih posebnosti u umjetničkome mediju gdje do osobita izražaja dolaze govorne vrjednute i u kojem je tvorbeni proces skraćivanja osnovne riječi, uz dugosilazni naglasak, uvjetovan i ritamskim obilježjima, tj. versifikacijskim zahtjevima pjesničkoga govora.

U kojem opsegu jednojezični rječnici hrvatskoga jezika obuhvaćaju poetizme i na koji način su leksemi svojstveni pjesničkomu podstilu ondje obrađeni ovisi o više čimbenika: opsegu rječnika, rječničkome korpusu, ciljanoj recipijentskoj skupini, pojedinom obrađivačevu pristupu. Ipak, kako je u ovome istraživanju obuhvaćen korpus općeleksičkih rječnika koji uključuju funkcionalnostilski leksički presjek, polazi se od činjenice da je svima njima zajedničko, uz središnji popis općega leksika, uključivanje funkcionalno raslojenoga leksika, pa tako i poetizama. Stoga se u radu analiziraju razlike u zastupljenosti poetizama i njihovoj obradbi u općeleksičkim jednojezičnicima hrvatskoga jezika, s posebnim osvrtom na poetizmima pridružene stilske odrednice. Cilj je rada popisati i analizirati sve poetizme u tim rječnicima, kao i uputiti na leksikografske poteškoće vezane uz viševrsno stilsko označivanje uporabo ograničena leksika, posebice zato što se o rječničkim poetizmima u kroatistici, izuzev uzgred, dosad nije pisalo.

1. Rječnički članak: poetizmi i stilske odrednice

Izradba općeleksičkih rječnika temelji se na kritičkome izboru heterogena korpusa da bi izbor rječničkih natuknica bio što reprezentativniji. Pritom se primjenjuje kriterij čestoće uporabe leksema, što je osobito važno za obuhvaćanje općega leksika, te kriterij približno podjednaka zahvaćanja svih leksičkih slojeva. Zbog toga je pred leksikografima težak zadatak izbora primjerene, raznovrsne građe, a koja, između ostaloga, ako se teži funkcionalnostilskoj reprezentativnosti, obuhvaća i pjesničke tekstove različitih autora. Iz njih se izdvajaju leksemi koji su karakteristični za pjesnički podstil ili za pjesnički jezik te izrađuju popisi koji postaju dijelom abecedarija, potom ulaze u leksikografsku obradbu. Uz gramatičke, etimološke, terminološke ili strukovne i značenjske odrednice, važna sastavnica rječničkoga članka je stilska odrednica kojom se označuje pripadnost leksema određenomu stilskom sloju. U slučaju (funkcionalno)stilskoga označivanja leksema kao dijela poetskoga leksika, u svim jednojezičnicima hrvatskoga jezika rabi se kratica *poet.* u značenju »poetizam«, »poetično« ili »poetski«.

Valja imati na umu da se stilske odrednice jednim dijelom prepleću, posebice one kojima se određuje pripadnost »jezičnomu sloju« (BABIĆ 1981:

80), među kojima je i odrednica *poet.*, a koje se zbog visokoga stupnja ekspresivnosti u određenom broju slučajeva mogu smatrati i ekspresivnim odrednicama. U tome kontekstu može se primijetiti leksikografsko kolebanje u bilježenju stilske pripadnosti leksema *praskozorje*, *smiraj* i *studen* koji su gdje gdje atribuirani poetskom pripadnošću, a u većini leksikografskih opisa obilježeni samo oznakom ekspresivnosti. Umrežavanje je stilskih odrednica zamjetno u onom dijelu leksika u kojem je riječ o odmilicama te u onim leksemima kod kojih, uz ekspresivne, gramatičke odrednice mogu potencijalno sugerirati poetske vrijednosti kao kod umanjenica (u kontekstu je tih zamjedbi ilustrativan leksem *danak* koji je odmilica i umanjenica, a može imati i poetsku vrijednost). Sve to navodi na zaključak da stilsko označavanje poetizama podrazumijeva istovremeno smještanje leksema u sustav različitih tipova stilske odrednicama, što može dovesti do nizanja stilskih odrednica, posljedično i do nepodudaranja leksikografskih opisa u tom dijelu rječničkih članaka: »Odrednice koje govore o funkciji i stilskoj vrijednosti riječi ili jedinice jezika ne idu u red objektivnih datosti u jeziku (kao što je postojanje sedam padeža; slaganje u rodu, broju i padežu; postojanje točnog broja glagolskih vremena itd.). Odrednice često upućuju na kontekste i situacije o kojima ovise. Podliježu relativiziranju u vremenu i prostoru (npr. generacijski, pa regionalno, lokalno i sl.). Zato se nerijetko preklapaju i kombiniraju u leksikografskom opisu« (ANIĆ 1998: 1426).

U velikom broju rječničkih poetizama riječ je o jednoznačnosti i opoziciji stilske obilježenosti i stilske neobilježenosti ili neutralnosti sa stilskom odrednicom kao razmeđom kojom se uravnotežuje lijeva i desna strana rječnika te ona funkcionira kao poveznica između općeuporabnoga, stilski neutralnoga leksika (s desne strane) s poetizmima kao funkcionalno ograničenim leksikom s lijeve strane (osim ako određeni leksikografski pristup uz stilsku oznaku donosi i širu definiciju). Time je rječnički članak zatvorena mikrostruktura: u njemu se povezuje opći leksik s funkcionalnim posebnostima i *vice versa*, te se u tome povezivanju nakon stilske oznake navodi leksem bez stilske obilježenosti, bez stilske naboja, stilski neutralna uporaba. U manjem je broju rječničkih poetizama oznaka poetskoga pridružena nekomu od više značenja pojedinih leksema te se u takvoj semantičkoj razvedenosti poetska značenja kao funkcionalno raslojena ili stilski obilježena obično navode nakon definicija neutralnoga i terminologiziranoga značenja.

2. Poetizmi u jednojezičnim općeleksičkim rječnicima hrvatskoga jezika

U ovome su radu istraženi poetizmi u jednojezičnim rječnicima hrvatskoga jezika: *Rječniku hrvatskoga jezika* gl. urednika J. ŠONJE (2000.), *Rječniku hrvatskoga jezika* (1998.) i *Velikome rječniku hrvatskog jezika* V. ANIĆA (2003.), *Školskome rječniku hrvatskoga jezika* M. BIRTIĆ i sur. (2012.) te *Velikome rječniku hrvatskoga standardnog jezika* gl. urednice Lj. JOJIĆ (2015.). Napominjemo da uzimamo u obzir samo određene dijelove rječničkoga članka: natuknicu ili lemu, stilske i potencijalno stilske odrednice

te definiciju, u nekim slučajevima, ovisno o tipu natuknice, dio raslojena semantičkoga polja, sveze riječi, podnatuknice i bliskoznačnice, čime ispuštamo oznaku *poet.*, a zanemarujemo gramatičku paradigmu, naglasnu dubletu, primjere i dr.

U *Rječniku hrvatskoga jezika* gl. ur. J. ŠONJE (2000.) sadržano je petnaest poetizama: *bòjak* (»boj«), *bòlan* (u zadnjem navedenom značenju – »bolestan«), *bòlnik* (u dvama značenjima: »bolesnik« i »onaj koji trpi bol; trpljenik, patnik«), *dának*¹ (uz odrednice *umanj* i *umilj* »dan«), *domája* (»domovina, zavičaj, postojbina«), *grúd* (»grudi, prsa«), *kám* (»kamen«), *lúna* (»Mjesec«), *pjěsan* (u prvom navedenom značenju – »pjesma«), *pjěsmotvor* (»pjesničko djelo; pjesma, spjev«), *plám* (»plamen«), *praskòzòrje* (»u prvom navedenom značenju – »osvit, zora«), *pùpoljak* (u prvom navedenom značenju – »djevojčica koja tek počinje spolno zreti«), *tmà* (»tama«) i *věsna* (u značenju »proljeće« kao podnatuknica mitološkoga naziva *Vesna*). Riječ je većinom o imenicama (unutar imenične skupine i trima apokopama: *grúd*, *kám*, *plám*), u jednom slučaju o pridjevu (*bòlan*), ostale vrste riječi nisu zastupljene. Osim odrednice pripadnosti poetskomu podstilu, samo jedan leksem ima ekspresivne i gramatičke oznake koje bi se potencijalno mogle smatrati i stilskima (*dának*¹). Sličan je primjer leksem *nòcca*, koji je obilježen kao umanjenica i umiljenica od riječi *nòc*, a za koji, prema pojavnicama u knjižnome potkorpusu Hrvatske mrežne riznice Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje (riznica.ihj.hr), također možemo tvrditi da pripada poetskomu leksiku. U odnosu na rječničke natuknice poetskoga leksika ostalih rječnika, u ovom popisu poetizama sadržan je leksem koji se drugdje pretežno smatra dijelom ekspresivnoga leksika (*praskòzòrje* u značenju »zora, osvit«). Leksemi *cjèlov* i *cjelívati*, koji se obično pridružuju stilski obilježenu leksiku, tj. vremenski raslojenu leksiku, gdje i poetskomu leksiku, ovdje pripadaju neutralnu leksičkom fondu hrvatskoga jezika.

U *Velikome rječniku hrvatskoga jezika* V. ANIĆA (2003.) poetizmi su izrazito malena leksička skupina koja obuhvaća svega pet leksema, od toga dva pridjeva i tri imenice – *bàjoslòvan* (u trećem navedenom značenju – »koji počiva na mašti«, s pridodanim bliskoznačnicama *fabulozan* i *fantastičan*), *plám* (uz odrednicu ekspresivnoga »*usp.* plāmēn«) *pláman* (»*v.* plāmen«), *rùj*¹ (»rumena, ružičasta boja; rumenilo«), *tmà* (»tama«). Dio leksema koji u *Rječniku hrvatskoga jezika* (2000.) ima odrednicu poetskoga, u ovome rječniku ima više stilskih odrednica: odrednice retoričkoga i jezika književnosti (leksemi *bòlnik* i *domája*), odrednice ekspresivnoga i knjiškoga leksika (*kám* u prvom navedenom značenju »kamen«), a po jednu stilsku odrednicu leksemi *věsna* (»*knjiš.* naziv za proljeće«) i *stúd* (»*ekspr.*, *v.* studen«). Leksem *bòjak*, primjerice, nosi više gramatičkih odrednica: hipokoristik je i deminutiv od leksema *boj*, kojeg je naznačana dvovrsna stilsko obilježena (ekspresivno i jezik književnosti), a taj isti tip stilske obilježena sadržan je i u leksemima *cjèlov* (»*jez. knjiž. eksp.* poljubac«) i *cjelívati* (»*ekspr. jez. knjiž.* ljubiti«). U usporedbi s poetizmima u *Rječniku hrvatskoga jezika* V. ANIĆA (1998., treće,

prošireno izdanje), zanimljivo je primijetiti nekoliko preobrazbi njihova leksikografskoga opisa. Uz objašnjenje odrednice *poetski*, u trećem se izdanju navodi da je riječ o »pjesničkom sredstvu« i o »užem pojmu od jezika književnosti« (str. 1431.). U skladu s tim omeđenjem, leksemi koji nose oznaku poetizma su: *djéva* (»*jez. knjiž. hip.*, djevojka«), *plâm* (»*ekspr.*, v. plâmēn«), *plâman* (»v. plâmen«), *vēsna* (»*proljeće*«), iz čega je vidljivo da neki leksemi, poput leksema *djéva*, uz odrednicu pjesničkoga sredstva nosi i širu odrednicu jezika književnosti, u ovom slučaju i gramatičku odrednicu hipokoristika. Razvidno je da su poetizmi kao leksička skupina u *Velikome rječniku hrvatskog jezika* V. ANIĆA (2003.) prošireni semantičkim razgranjivanjem kao u slučaju leksema *bajoslovan* (koji je u izdanju iz 1998. godine imao dva značenja: »1. bajan; 2. kao u bajci«) te dodavanjem leksema kojih nije bilo u abecedariju izdanja iz 1998. (leksemi *tmã* i *rûj^l*). Popis je poetizama u odnosu na izdanje iz 1998. dijelom je i sužen jer je leksem *vēsna*, umjesto oznakom *poet.*, obilježen oznakom *knjiš.* u značenju »knjiški leksem«, a leksem *rûj* homonimijski razgođen na dvije natuknice – nakon botaničkoga naziva navodi se leksem uz koji su stilske odrednice jezika književnosti i ekspresivnoga nadomjestile odrednicu *poetski*.

U *Školskome rječniku hrvatskoga jezika* M. BIRTIC *et al.* (2012.), čiji temeljni rječnički korpus sačinjavaju udžbenički tekstovi, sadržano je četrnaest poetizama: *bēsjeda* (»*tekst koji se izgovara u kakvoj prigodi*«), *cjêlov* (»*zast. v. poljubac*«), *pêst* (»*dlan s prstima u stisnutome položaju*«), *pðvišē* (»1. v. iznad 2. v. nad«), *sánja* (»1. niz manje ili više povezanih slika i događaja koje tko vidi dok spava 2. *pren* ono na što se često misli, o čemu se mašta ili što se želi ostvariti, neostvarena želja«), *smîrãj* (»*vrijeme između zalaza Sunca i početka noći*«), *snîti* (u prijelaznome značenju »*imati san ili snove tijekom spavanja*« te neprijelaznome značenju »*odmarati se zatvorenih očiju i bez svijesti o vanjskim zbivanjima*«), *snîvãnje* (u trima značenjima: »*imanje sna ili snova tijekom spavanja*«, »*prepuštanje mašti u budnome stanju, zamišljanje onoga što bi se željelo ostvariti*« i »*odmaranje zatvorenih očiju i bez svijesti o vanjskim zbivanjima*«), *snîvati* (u prijelaznome značenju »*imati san ili snove tijekom spavanja*« i neprijelaznome značenju »*prepuštati se mašti u budnome stanju, zamišljati ono što bi se željelo ostvariti*« i »*odmarati se zatvorenih očiju i bez svijesti o vanjskim zbivanjima*«), *stûden* (»*koji ima veoma nisku temperaturu, koji je jako hladan*«), *stûdēn* (»*stanje prouzročeno niskim temperaturama zraka*«), *znãmēn* (u prenesenom značenju »*ono čime je što obilježeno*«), *zvôn* (»*zvuk zvona*«), *žâl* (»*stanje onoga koji je žalostan, psihička patnja zbog nečega što se ne može promijeniti*«). Među zastupljenim poetizmima glavnina je imenica, njih deset, potom slijede glagoli i pridjevi, a prijedlog *pðvišē*, koji pripada općeneutralnomu leksiku u značenju »*iznad čega*«, »*nad čim*«, i obrađen je s pomoću normativne odrednice – uputnice na lekseme *iznad* i *nad*, vjerojatno je omaškom okvalificiran kao poetizam. Leksem *cjêlov*, uz pripadnost poetskomu leksiku, ima odrednicu zastarjeloga sloja, dok su, očekivano s obzirom na rječnički korpus, popisani i obrađeni »*rjeđi*« poetizmi

(leksemi *zvôn* i *žâl*). Neki su leksemi, koji inače pripadaju neutralnomu fondu, označeni kao poetizmi (*smîrāj*, *stûden*, *stûdēn*, *znāmēn* u prenesenome značenju »ono čime je što obilježeno«). Uz leksem *znāmēn* (poetski i preneseno značenje), leksem *čjèlov* također ima pridodane dvovrsne stilske oznake (poetski i zastarjelo), dok ostali navedeni leksemi nose isključivo odrednicu poetske pripadnosti.

Veliki rječnik hrvatskoga standardnog jezika (2015.) gl. urednice Lj. JOJIĆ obuhvaća petnaest poetizama: *bîstrica* (u dvama značenjima, »bistra voda« i »ono što je bistro (opisna riječ uz imenicu)«, *domāja* (»domovina, postojbina, zavičaj«), *pést* (»šaka«), *pjěsan* (u drugome navedenom značenju – »pjesma«), *plâm* (»plamen¹«), *pláman* (»plamen²«), *plôv* (u prvome navedenome značenju – »plovidba«), *rûj¹* (»ružičastocrvenkasta boja«), *snîti* (u prijelaznome i neprijelaznome značenju »sanjati«), *stûd* (»studen¹«), *sûdēn¹* (u dvama značenjima: »vremenske prilike s niskim temperaturama zraka« i u prenesenome značenju »osjećaj jeze«), *stûden²* (»koji je vrlo hladan«), *tmă* (»tama«), *tmûo* (u dvama značenjima »koji je tmuran« i »koji je mukao, dubok i prigušen, koji nije zvonak (o ljudskom glasu)«, *tmûša* (»tama«), te svezu *biti bolan* u značenju »biti bolestan« uz leksem *bôlan*. Riječ je o deset imenica, tri pridjeva i jednome glagolu. Svi imaju samo jednu stilsku odrednicu, osim leksemâ *pjěsan* koji okarakteriziran prvo kao zastarjelica, potom u jednome od značenja kao poetizam (»pjesma«) te leksema *stûd* uz koji je navedena i odrednica prenesenoga značenja. U odnosu na poetizme iz ostalih analiziranih rječnika, u ovom su rječniku u tu skupinu ubrojani i oni leksemi koji su drugdje nosili oznaku ekspresivnosti (primjerice pridjev *tmûo* u dvama značenjima i imenica *tmûša* u značenju »tama«). Neobično je atribuiranje leksema *plôv* poetizmom (u prvom navedenom značenju »plovidba«), dok su kao knjiški izrazi označeni leksemi *grûd*, *kâm* (u prvom navedenom značenju »kamen«), *bôlnik*, *prăskozôrje* (u obama značenjima), *sânja*, *věsna*. Leksem *čjèlov*, primjerice, atribuiran je strukovnom odrednicom *knjiž* (književnost) te stilskom odrednicom *zast* (zastarjelica), a leksem *smîrāj* opisan kao dio stilski neutralana leksičkoga fonda hrvatskoga jezika.

Zaključak

Poetizmi kao dio uporabno ograničena leksika ili tzv. izama, ulazeći u rječnik, pokreću pitanje reprezentativnoga izbora, potom zahtijevaju stilsko određivanje, što u mnogim slučajevima, pokazuje provedena analiza, nije jednostavan zadatak, ostavljajući obrađivaču utjehu u relativno lako rješivoj desnoj strani, tj. jednostavnijem opisu semantema. Utvrđeno je da su poetizmi u jednojezičnim općeleksičkim rječnicima hrvatskoga jezika izrazito mala leksička skupina koja obuhvaća od svega nekoliko do ne više od dvadeset rječničkih natuknica. Gledano s morfološkoga aspekta, pokazano je da su poetizmi pretežno imenice i pridjevi, rjeđe glagoli, a druge vrste riječi, izuzev jedne iznimke, nisu zastupljene. Svi su poetizmi, s većim ili manjima odstupanjima, na desnoj strani rječnika podudarni (ovisno o tipu

leksikografskoga opisa), a u mnogim slučajevima varijantni u atribuciji stilske pripadnosti. Kako je analiza pokazala, možemo tek uvjetno govoriti o skupini najfrekventnijih/ili najprepoznatljivijih leksičkih obilježja poetskoga jezika u istraženim rječnicima (izbor natuknica ovisi o nizu čimbenika, prvenstveno korpusu, ali i o obrađivačevoj procjeni) jer njihove stilske atribucije variraju od poetskoga leksika do jezika književnosti (uz, ovisno o natuknici, i neke druge stilske odrednice), pa se u skladu s tim i ustaljene predodžbe o tipičnim poetizmima u rječničkim korpusima mijenjaju u brojčanu korist leksema tipičnih za književnoumjetnički stil u cjelini.

Literatura

- BABIĆ 1981 = BABIĆ S. Stilske odrednice u našim rječnicima // Jezik, 1981. No 3. 79-91.
- BAGIĆ 2012 = BAGIĆ K. Rječnik stilskih figura. Zagreb, 2012.
- FRANČIĆ, HUDEČEK, MIHALJEVIĆ 2005 = FRANČIĆ A., HUDEČEK L., MIHALJEVIĆ. M. Normativnost i višefunkcionalnost u hrvatskome standardnom jeziku. Zagreb, 2005.
- SAMARDŽIJA 1995 = SAMARDŽIJA M. Leksikologija s poviješću hrvatskoga jezika: udžbenik za 4. razred gimnazije. Zagreb, 1995.
- SIMEON 1969 = SIMEON R. Enciklopedijski rječnik lingvističkih naziva. Zagreb, 1969.

Izvori

- ANIĆ VI. (1998). Rječnik hrvatskoga jezika. Treće, prošireno izdanje. Zagreb: Novi Liber, 1988.
- ANIĆ VI. (2003). Veliki rječnik hrvatskoga jezika. Prir. Ljiljana Jojić. Zagreb: Novi Liber, 2003.
- BIRTIĆ M. et al. (2012). Školski rječnik hrvatskoga jezika. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje – Školska knjiga, 2012.
- JOJIĆ Lj, gl. ur. (2015). Veliki rječnik hrvatskoga standardnog jezika. Zagreb: Školska knjiga, 2015.
- ŠONJE J. gl. ur. (2000). Rječnik hrvatskoga jezika. Zagreb: Leksikografski zavod Miroslav Krleža: Školska knjiga, 2000.
- Hrvatska mrežna riznica. Dostupno na: riznica.ihjj.hr.

Józsa György Zoltán
(Budapest, Magyarország)

ЭДИП ИЛИ ТЕСЕЙ? ДВЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ ИНДИВИДУАЦИИ
В РОМАНЕ МЕРЕЖКОВСКОГО «ПЕТР И АЛЕКСЕЙ»

Abstract: In a comprehensive study on the mythologeme of Oedipus frequently occurring in fin-de-siècle European culture, the author ventures to scrutinise the explicit conflict between father and son in D. Merezhkovsky's novel *Peter and Alexis*. The mythical story rediscovered by Freud, not only stimulated the psychoanalytic models of psychosexual development and culture, but also fascinated Russian Symbolist's imagination. By relying on the theme of patricide the article juxtaposes the story of Oedipus with the story about Theseus. Loci in Merezhkovsky's theoretical essays offer interpretation of the cultural message coded in the myth.

Keywords: Merezhkovsky, the mythologeme of Oedipus, Theseus, Psychoanalysis, Principium Individuationis

Ход развертывающегося перед глазами читателя действия в последней части первой трилогии Мережковского, в романе *Антихрист. Петр и Алексей* сконцентрированно предзнаменуется первой главой, зловещей по содержанию. Названная *Петербургской Венерой*, она тематизирует главный конфликт через резкое сопоставление беседы царевича Алексея со стариком Докуниным о приближающемся конце света, предуготовляемом появлением на мировой арене антихриста, и, с другой стороны, – страшных событий дикого карнавального пиршества, устроенного в честь прибытия в новую российскую столицу с разрешения римского папы ящика, хранимого волей Петра Великого, из которого на новой родине воскреснет двухтысячелетняя статуя богини Венус, некогда украшавшая ватиканский сад.

Предложением такой резкой оппозиции между сектантским, старообрядческим, православным аскетизмом и вольной оргией, последующей за торжественной установкой статуи, автор прочерчивает штрихи сложных комплексов идей, которые не только включают оценку поворотного в российской истории пункта, сложившегося под воздействием деятельности Петра I-го и побуждающего читателя переосмыслить формирование и отношений между Востоком и Западом, и самую сущность данных понятий, но одновременно фиксируют главный тематический узел романа, воплощаемый в конфликте *персонального*

разряда между отцом и сыном. Именно на почве этой психологической, если угодно – фрейдовой ситуации вырастают многочисленные и разнообразные линии систем «соответствий» (в подлинном, исконном, античном и символистском смысле этого термина), которые – наряду с теологическими, общественными, историческими импликациями, укореняющимися в двух типах мышления заглавных персонажей – раскрывают через проецирование неисчислимых схем возможность для идентифицирования ряда их архетипичных сущностей. Сочетая – сообразно своей писательской манере – подходы беллетриста, философа истории, историка религий, историка общественности и культуролога, Мережковский погружается в исследование связей глубинных слоев бессознательного человека и становления ментальности в свете архаического сознания человека. Персональное и универсальное в поэтике Мережковского суть разные уровни бытия, но движутся по единому закону. Сама трилогия уже ввиду своего названия представляет собой формулировку визионерства вселенского процесса с точки зрения смертного человека и «более осведомленного» автора, который способен улавливать моменты космического сцепления событий и их причинные закономерности.

Комплекс Эдипа¹ прямо затрагивается уже благодаря аллюзии на парадигму *Отцов и детей*, закодированную в названии романа, не говоря о сознательном соблюдении традиции, ведь у предшественника Достоевского устойчивый лейтмотив патрицида прослеживается в романе *Братья Карамазовы*. Замыслом романа Мережковский несомненно во многом обязан и Достоевскому. Однако он разворачивает тему, ставя патрицид в широкий историософский, эсхатологический и культурологический контекст, и благодаря трактовке становления индивидуальной психологии персонажа как результата духовной атмосферы эпохи, Мережковский, вечный сторонник ценностей индивида, симультанно освещает кардинальный конфликт индивида и коллектива. Лишь мимоходом заметим, что современник Андрей Белый, приводя в финале романа *Петербург* своего героя Николая Аблеухова, потенциального отцеубийцу к египетскому Сфинксу, одержим подобными идеями о переосмыслении мифа об Эдипе. Он формулирует собственный ответ на вопрос, поставленный Фрейдом: атрофия физического зрения героя у Белого является не как результат инцеста, а сигнализирует появление духовных органов, приспособляющих героя к

¹ Эдипов комплекс впервые изложен Фрейдом в работе *Толкование сновидений (1899)* в качестве аксиомы в теории сексуальной этиологии неврозов и психических процессов. Позже он станет главным ориентиром для формулировки психологии возникновения *религий*, конкретизированной в сочинении *Тотем и табу (1913)*.

пониманию символов иных миров². Во избежание недоразумений, мы заранее заявляем, что предлагаемая нами рабочая гипотеза отнюдь не ставит перед собою цель доказать верифицируемость какой-либо контактологической связи между культурными моделями Фрейда и Мережковского³. Крупная проблематика многоплановой связи становления воззрений психоанализа и русской религиозной философии рубежа двух столетий широкомасштабно изучена в ряде статей и отдельных монографий⁴. Расхождение между моделями Мережковского и Фрейда очевидно заключается уже в том, что в соответствии с основным конфликтом романа отцеубийство равнозначно царевубийству, как и в случае древнегреческой мифологемы об Эдипе, где существенную роль играет мотив захвата власти. Недаром в изображении комплексной фигуры царевича доминирует религиозный аспект человека, в кругу людей «старого благочестия» он почитается как «человек богоискательный» (МЕРЕЖКОВСКИЙ 1990: 359). В подобном духе, небесполезно считаться с фактом, что во время работы над книгой *Метаморфозы и символы либидо*, этим важным документом, сигнализировавшим принципиальный отход от фрейдистской схемы чисто сексуализированного восприятия культуры, К.Г. Юнг восхищенный поклонник романов Мережковского «часто вспоминал» писателя согласно сообщению Э. Метнера, пациента Юнга и издателя его сочинений, посему следы учения об «эллинизме» ощутимы на некоторых страницах сочинения Юнга (МЕТНЕР 2013: 32-33)⁵. По сравнению с Фрейдом, Юнг значительно расширяет понятие либидо, его концепция во многом совпадает с символистскими учениями об Эросе. Далее, в качестве опорного пункта своей аналитической психологии Юнг развил и концепт *principium individuationis*, категорично отделяемый от понятия самолюбивого близорукого индивидуализма, т.е. теорию о процессе

² Об этом подробнее см. (SZILÁRD – JÓZSA 1996: 148-149).

³ Необходимо, однако, напомнить, что Фрейд в своем *Леонардо да Винчи. Воспоминание детства (1910)* восхваляет подход Мережковского к обрисовке душевного склада итальянского художника во второй части трилогии *Христос и антихрист*.

⁴ Об этом см. напр. (ЭТКИНД 1993). Если метод Фрейда вполне применим для расшифровки системы символов романа Ф. Сологуба *Мелкий бес*, то, в случае корпуса творений Мережковского, рискнем сказать, и фрейдизм и юнгианство имеют место как адекватные моделирующие системы, круг понятий которых корреспондирует типу мышления писателя. В таком контексте формула Достоевского о миссии России относительно судьбы европейской цивилизации как бы получает более широкую трактовку в статье Б. Гройса *Россия как подсознание Запада*, где данная парадигма чутко показана (ГРОЙС 1989).

⁵ О проблеме «Юнг и Мережковский» см. (РЫЧКОВ 2010: 202-203). Насчет детального изложения знакомства Юнга и Метнера см. кн. (LJUNGGREN 1994: 117-127).

становления личности, осознания человеком своего высшего назначения. Сам концепт многосторонне освещается в разбросанных местах сочинений Юнга⁶. Точками соприкосновения между двумя мыслителями являются, среди прочих, их увлечение философией Ф. Ницше⁷ и затем отталкивания от нее, и стремления к разработке систем вселенских универсалий⁸.

Достоверные в психологическом плане портреты, нарисованные Мережковским, вместе с декорумом и с конструированием действия, обусловлены методом подробного и скрупулезного восстановления компонентов полу-мифологического и полу-религиозного гармоничного всеединства, которые скреплены единым синкретизмом. Этот идеал, – как известно, – восходит к созерцанию Мережковским совершенства эллинской культуры. (Любопытно, что вопреки отрицательному в своей основе изображению Петра Великого, в силу его влечения к античному миру, романский персонаж ввиду своей полифоничной сущности парадоксально становится единомышленником Мережковского, поклонником и толкователем эллинизма: в своей речи о многобожии эллинов государь же в теософском ключе излагает обнаруживаемые им аналогичные факты религий, верований и суеверий (МЕРЕЖКОВСКИЙ 1990: 350-351). Вдобавок, импортированием телесного аспекта античности, Петр совершает попытку восстановить и интегрировать в русскую культуру утраченную историческим христианством телесность.)

⁶ В трактате *Парацельс как духовное явление* он соотнесен с алхимическим понятием Арес, „natura prima rerum“: «Арес оказывается интуитивным понятием для выражения предсознательной творческой формообразующей силы, которая способна дать жизнь индивидуальным созданиям. Значит, Арес – более конкретная сила индивидуации ⟨...⟩». В трактате *Дух Меркурий*, где древо символизирует видимое воплощение становления «Самости» („Selbst“), мы читаем: «в качестве жизненного принципа дерева он [дух] есть своего рода духовная квинтэссенция, абстрагированная от самого дерева, которую можно обозначить и как principium individuationis. Дерево в таком случае предстает внешним, зримым проявлением само-осуществления» (ЮНГ 1996: 109, 111).

⁷ Вопреки тому, что Фрейд, по-видимому, отрицает какого-либо воздействия философии Ницше на формирование своей теории психоанализа, согласно предположению Э. Джонса Фрейд уже ок. 1896 г. осознает, что ядро своих исследований содержится в известной формуле «Заратустры»: «Ибо достояние свое всегда хорошо спрятано от самого себя, и из всех сокровищ последним выкапывается всегда собственный клад ⟨...⟩». Сходство учений Ницше и Фрейда прямо затрагивается Г. Заксом близким сотрудником Фрейда при совместном визите с Джонсом к сестре Ницше в 1911 г., во время Веймарского конгресса психоаналитиков (JONES 1963: 206-207, 276, ASSOUN 2002: 11-14)

⁸ Об этом см. (ЛАВРОВ 2000: 11, 14). Тщательное описание влияния Ницше на Юнга дается в кн. (BISHOP 1995).

Итак, мифический, сектантский подтексты произведения Мережковского способствуют тому, чтобы читатель постепенно открывал в себе способность активизировать эти остатки древнего сознания. Пережитки данного типа сознания наличествуют в речах и разговорах романских персонажей, русских сектантов, толкующих реалии действительности сквозь призму знакомых им сюжетов и закодированных в них символов. Сектанты еще хранят древний язык, сокровенный язык символов, недоступный современному «просвещенному» человеку. Последний может расшифровывать феномены действительности, оперируя лишь абстрагированными понятиями. Однако, ностальгический интерес к подобному методу интерпретации действительности ощутим и в кругу светского, нередко образованного, придворного сословия, изображаемого в романе: свой текст Мережковский нарочито снабжает целым списком атрибутированных отдельным персонажам произведений, как напр. *Гамлет* Шекспира (по Фрейдю причины падения принца датского и героя *Царя Эдипа* одинаковы), любимое чтение придворной дамы фрейлины Арнгейм или *Метаморфозы* Овидия, переводимые тайным советником Толстым, воспринимаемые ими в качестве настольных книг по символогии. Данный жест включить истоки истолкования символов внушает мысль об интенции Мережковского гармонизировать замысел романа с теорией, изложенной им на страницах манифеста *О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы* (1893). Согласно дефиниции, зафиксированной в этом трактате, символизм как воскресающее время от времени явление всегда присутствовал как в процессе развития европейских искусств, так и в сознании художников (МЕРЕЖКОВСКИЙ 1972: 246-247). Уточняем: на взгляд Мережковского сама сущность символистского типа искусства таится в возвращении к идеализму, в глубокой религиозности этого типа искусства.

На антагонизме отца и сына, осложненном мыслью царевича о захвате царской власти, базируется динамика действия. Постоянное присутствие отца в мыслях Алексея маркируется уже в первом диалоге романа, сын практически не способен от него оторваться. Символичность первой в романе встречи родителя и отпрыска подчеркивается выбором мистического локуса сада, пестрящего бесконечными аллеями и лабиринтами искусственного парка, устроенного по образцу версальского. Темнота как главный атрибут этого *лабиринта* кустов и деревьев постоянно акцентируется, тем вызывая ассоциации с миром подсознательного. Локус нисхождения (катабасиса), тартар появляется в финале 1-ой книги, метеорологические явления сигнализируют воцарение «тьмы подземелья» (МЕРЕЖКОВСКИЙ 1990: 304), соотносимой со статусом слепоты, участью Эдипа. Царевич в этом «вавилоне» из растений неустанно старается избежать встречи с отцом, как будто он страшится его как нещадного, страшного чудовища. В этом месте

Алексей невольно оказывается в роли Тесея, которому предстоит совершить подвиг через умерщвление Минотавра, требующего от народа множества жертв. В силу ассоциированности образа царевича с мифологическим персонажем Тесеем, он наделяется не только семантикой «победителя антихриста, мрака, врага общества», но также – божественного младенца, *filius regis* в соответствии с тесаурусом богословия и средневековой философской алхимии. Через ввод мотива лабиринта в ткань романа, с другой стороны, контаминируются мифологемы об Эдипе, убившем собственного отца, и Тесее, покорившем зверские силы, чтобы выполнить моральный долг и через акт инициации обрести гармонию тела и души⁹. Подчеркнем, что сюжетная ситуация в мифологемах об Эдипе и Тесее точка в точку совпадает: героям надо освободить народ от чудовища, жадно домогающегося бесконечных жертв¹⁰. В случае Эдипа цель достигается способом разгадывания загадки Сфинкса, иначе говоря, поединок должен состояться на уровне символическом, т.е. вербальном: разгадка, ответ Сфинксу именно – «человек» (DETHLEFSEN 1990: 25-29). Однако, герой романа *Антихрист*, повествующего о вечном и длительном поединке отца и сына, если даже осознает значимость своей миссии, неспособен к акту отцеубийства, ибо христианская его религиозность парадоксально сливается со свойственным конфликтом индивидуального типа. В романе же прослеживается вывернутый сюжет мифологемы об Эдипе, ибо погибает не отец, а сын. Эти мифологемы, соотносимые с путем индивидуации, представляют собою два пути становления личности: эдипов миф скорее центрирован на психике индивида¹¹, тогда как история

⁹ О том, как нижеизлагаемый комплекс понятий закономерно вступает в диалог с термином Ницше «лабиринтный человек», автору настоящей статьи довелось высказаться на юбилейной конференции «Д.С. Мережковский: писатель – критик – богослов», проходившей 8-9 декабря 2016 г. в ИМЛИ РАН и Доме А.Ф. Лосева. Тема «лабиринтного человека» как феномена Серебряного века впервые поднята в работе К.Г. Исупова (ИСУПОВ 2010).

¹⁰ Об импликациях мифологемы о Тесее в первой части «египетской диалогии» Мережковского см. (JÓZSA 2016).

¹¹ По поводу дилеммы индивидуализма даже в узких рамках настоящей работы нам не обойтись без критической переоценки некоторых аналогий философии Ницше с кругом идей, интриговавших Фрейда. Как П.-Л. Ассун суммирует, в конечном итоге, как у Ницше, так и у Фрейда неправильно интерпретируемые силы «биения песни жизни» разрушают право «я». Низвержение высокого идеала достоинств личности наличествует в сходных по сути системах. Исследователь поэтому озадачен вопросом: не становится ли «мыслитель Эроса», защищающий «оскорбленное либидо», «эхом певца Диониса», не очевидно ли, что они оба блуждают «в лабиринте подсознательного и сновидений человека?» [все курсивы здесь и в дальнейшем мои – Д.З. Й.] Расхождения Ницше и Фрейда, попытавшихся разгадывать те же загадки, можно узреть на «перепутье

о Тесее преимущественно касается судьбы индивида, невысказанной вне рамок коллектива.

На парадигму конфликта вечно сменяющихся поколений тенденциозно указывается в том числе и приемом акцентировки имен и отчеств господствующей царской династии: если отчество Петра Великого – Алексеевич, – предопределяет имя сына, Алексея Петровича, то новорожденный от жены Шарлотты сын царевича получает в крещении имя Петр, итак замыкается круг. Подчеркиванием данной закономерности тематизируется бесконечный круговорот столкновения поколений отцов и сыновей. Одновременно в выкристаллизованном виде улавливается концепция т. н. «метаисторизма», столь характерного и для Мережковского, и для других русских символистов, в исторической эпике которых конкретные события перемещаются в сферу вечности, подчиняясь единым законам доисторических и трансцендентных схем.

Некоторые элементы Эдиповой ситуации многократно разыгрываются на уровне сюжета: напр. в мотиве оторванности Алексея от матери, заточенной в монастыре; запрет на встречу с матерью висит в воздухе вроде страшного табу, зиждимого по велению Петра, всемогущего отца. Общение с матерью возможно лишь через письма, получаемые царевичем от посредницы, царевны Марьи Алексеевны. Царевна дает царевичу знать, что его личная судьба зависит от «совершения», из ее слов явствует, что речь идет о смерти отца. Марья Алексеевна недвусмысленно повторяет: «Государь ведь человек не бессмертен: воля Божья придет – умрет» (МЕРЕЖКОВСКИЙ 1990: 386). Во время визита в покои царевны Марфы Матвеевны, помешавшейся в уме (следовательно, как и другие «юродивые» персонажи, она имеет способность выявлять истину), царевич услышит подобное суждение из уст оторванной от жизни старухи: царевна, вроде ощущая Эдипову ситуацию, обращается к нему как «Сиротинка ты мой бедненький! Ни отца, ни матери». (МЕРЕЖКОВСКИЙ 1990: 389) и прямо называет Петра Антихристом. Практически она совершает оговорку по Фрейду, т.е. подобно психоаналитической ситуации, оказываясь в роли неуклюжего терапевта, невольно высказывается о желании царевича. В результате царевич осознает, что не только его собственная судьба, но также и будущее отечества зависит от истребления отца. Умерщвление отца становится необходимо как залог предотвращения надвигающейся катастрофы,

мифическом (*Эдиповом*)» – подчеркивает автор (ASSOUN 1994: 126-127). Хотя фрейдовская практика психоанализа, берущая свое начало в теории об Эдиповом комплексе, по меткому замечанию Детлефсена сосредоточена на конфликтах *индивидуального* типа, на самом деле в процессе глубинного погружения в сферу подсознательного чаще всего занимается сферой *безличного*. По сущности своей это «безличное», – как автор в дальнейшем уточняет, – есть не что иное, как «архетипичное» (DETHLEFSEN 1990: 25-29).

угрожающей России. Можно прийти к выводу, что Алексей сталкивается лицом к лицу с романтическим и трагическим конфликтом, где оба выбора приводят к крушению. Христианское смирение исключает роль победоносца, трагический опыт русской истории непременно придает акту царевичества оттенок ереси самозванства. Столкновение с отцом в Летнем саду – другой эпизод, пестрящий тонкими сексуальными коннотациями: царевич, бежавший от отца, презирает себя за заячью «трусливость» «невольного движения» («Будто заяц в кусты шмыгнул». (МЕРЕЖКОВСКИЙ 1990: 331)). Как общеизвестно, символ животного включает в себя и семантику половых, зарождающих энергий. А последующий за этой встречей разговор с Абрамовым опять-таки зайдет об «Овидиевых и Вергилиевых книжницах», чем делается намек на круг тех мифологических источников, в освещении которых произошедшее приобретет иную интерпретацию, и события как бы перемещаются в давно забытую атмосферу, характерную для сознания древнего человека. При второй «лабиринтной» встрече (ведь тропинка узка для двоих) глаза царя предстают как символ ясновидения, органа восприятия света, но одновременно актуализируют мысль о кардинальном элементе мифологемы об Эдипе, лишившего себя зрения, тем самым воспроизводят архетипическую ситуацию. В силовом поле таких коннотаций, понимаемых в динамике синхронии и диахронии чувств и мыслей авторефлексирующего Алексея, глаза царя связаны с сыновним чувством любви к отцу и памятью о детской беззащитности, однако, эксплицитно снабжены и коннотациями, указывающими на сложный процесс полового развития и на концепцию Мережковского об андрогинности: они – «такие милые, что когда-то они снились ему, как снятся влюбленному отроку глаза прекрасной женщины» (МЕРЕЖКОВСКИЙ 1990: 332). Мотив желания убить отца, амбивалентно мучающего сына, сильно акцентирован. Весть о предсмертном причащении больного царя позволяет Алексею понять «как близко то, что всегда казалось ему далеким, почти невозможным. Сердце у него упало, дух захватило, он сам не знал отчего, – от радости или ужаса» (МЕРЕЖКОВСКИЙ 1990: 474). Последующие упреки архимандрита Федоса подтверждают его ожидания, архиерей целует царевичу руку в знак того, что он признает его «самодержцем всероссийским», и «в мыслях его» узнавал царевич «свои собственные, тайные, злые мысли об отце». После разговора, преисполненного драматического напряжения «игры кошки мышкой», царевич увидел при свете свечи то «отчего ему было так весело – надежду, что отец умрет». На исповедании Алексей «духовному отцу» протопопу Якову признается в том, что отцу своему «смерти желал», а тот его утешает словами: «Бог тебе простит, чадо. Мы и все ему желаем смерти» (МЕРЕЖКОВСКИЙ 1990: 480-481).

О том, что мифологему об Эдипе Мережковский досконально штудировал, свидетельствует его уникальный интерес, питаемый к

трагедиям Софокла, которого Детлефсен недаром называет «бойцом против секуляризации». Исследователь в контексте интерпретации мифологемы об Эдипе определяет жанр трагедии как культовое действо, и обращает внимание на то, что действующее лицо в трагедии всегда герой или король, который посвящает себя высшим задачам человеческого бытия, т.е. «*решает стать на пути индивидуации*», поэтому он готов принимать истину (DETHLEFSEN 1990: 63). Открывающий новые горизонты ключ к расшифровке мифологизированной и до невозможности банализованной в начале XX века фигуры Эдипа оказывается применимым для разбора романа Мережковского. За работу над переводом *Царя Эдипа* и *Эдипа в Колоне* Мережковский берется кстати в период 1894-1896 гг., во время кульминации влияния на него учений Ницше, во многом определившего русское сознание рубежа двух столетий¹². Восторг от чтения произведений Ницше для него симультанно означает обострение дилеммы между индивидуализмом и традиционным для русской православной культуры коллективизмом, сочетающимся с императивом смирения. Симпатизировавший идеям Ницше о культе красоты, его отказу от традиционных христианских ценностей альтруизма, аскетизма и смирения, Мережковский высоко ценит *Рождение трагедии из духа музыки* в ракурсе как интерпретации двух русел европейской культуры, так и восприятия «*вечных форм*» (ROSENTHAL 1986: 69-70, 72). Он чуть ли не обожествляет фигуру Заратустры, как предтечу «нового человека», предвещающего собственный идеал достижения гармоничного равновесия между двумя началами европейской культуры, – эллинским и христианским. Вовсе неслучайно, что Мережковский наталкивается на образ Заратустры как на ключевую фигуру, обладающую потенциалом разрешить судьбы России. Данная идея сочетается с проблемой Востока и Запада, унаследованной по преимуществу собственно от Петра Великого. В размышлениях Мережковского о сверхчеловеке, стимулированных фигурой Заратустры, Петр I выступает как русский вариант данного типа. Мысль об этом встречается в трактате *Л. Толстой и Достоевский (1901-1902)*, увидевшем свет намного раньше, чем роман *Петр и Алексей*: «Особый поразительный смысл имеет для нас, русских, явление Заратустры и потому, что мы принадлежим к народу, который дал миру, может быть, единственное величайшее во всей новой европейской истории воплощение сверхчеловеческой воли – в Петре. Религиозная часть русского народа сложила странную и донныне мало исследованную легенду о Петре как об Антихристе, об апокалиптическом "Звере, вышедшем из бездны"» (МЕРЕЖКОВСКИЙ 1995: 9).

¹² Литературу об этом см. в монографии венгерского блоковеда М. Дьендьеши (GYÖNGYÖSI 2004: 87-107), и сборнике работ, составленном Б. Розенталь (ROSENTHAL 1986).

В данном трактате подчеркивается весомость драматического характера романов и словесного таланта Достоевского, а сам романист не только уподобляется «творцу *Эдипа*» (МЕРЕЖКОВСКИЙ 1995: 110). Позиция Мережковского насчет мирового призвания русской словесности конкретизируется в контексте трактовки фрагмента о «всех мировых противоречиях», выделенного им из *Пушкинской речи* Достоевского: Мережковский возвышает феномен Пушкина, эксплицитно апеллируя именно к образу Эдипа, как к эквиваленту заблудившегося современного человека, жаждущего перерождения. Чтобы по-настоящему оценить духовную устремленность русской литературы, следует лишь обратиться к ее зачинателю, Пушкину: «Загадка Пушкина стоит на всех путях нового русского сознания, как загадка Сфинкса перед Эдипом» (МЕРЕЖКОВСКИЙ 1995: 11). Иначе говоря, прототипом богоищущего адепта является Эдип, и апокалипсические ожидания начала века, эсхатологическая ориентированность русской литературы и свершение преобразования мира способом теургического акта приравняются к переживанию и решению Эдиповой ситуации.

Литература

- ГРОЙС 1989 = ГРОЙС Б. Россия как подсознание Запада. // Wiener Slawistischer Almanach, 1989, (Band 23), 199-213.
- ИСУПОВ 2010 = ИСУПОВ К.Г. Путь в лабиринте. // Исупов К.Г. Судьбы классического наследия и философско-эстетическая культура Серебряного века. Санкт-Петербург 2010, 421-437.
- ЛАВРОВ 2000 = ЛАВРОВ А. История как мистерия: Египетская дилогия Д. С. Мережковского // Мережковский, Дмитрий. Мессия (Вст. ст. А.В. Лаврова). Санкт-Петербург, 2000. 5-27.
- МЕРЕЖКОВСКИЙ 1972 = МЕРЕЖКОВСКИЙ Д.С. Избранные статьи. München, 1971.
- МЕРЕЖКОВСКИЙ 1990 = МЕРЕЖКОВСКИЙ Д.С. Петр и Алексей // Мережковский Д.С. Собр. соч. в 4 тт. Т. 2. Москва, 1990. 319-759.
- МЕРЕЖКОВСКИЙ 1995 = МЕРЕЖКОВСКИЙ Д.С. Л. Толстой и Достоевский. Москва, 1995.
- РЫЧКОВ 2010 = РЫЧКОВ А. Д.С. Мережковский и К.Г. Юнг. «Встреча во гнозисе» // Судьбы литературы Серебряного века и русского зарубежья (отв. ред. Аверин Б.В., Валчева Ю.М.). Санкт-Петербург, 2010. 202-211.
- ЮНГ 1996 = ЮНГ К.Г. Собрание сочинений. Дух Меркурий. Москва, 1996.
- ЭТКИНД 1993 = ЭТКИНД А.М. Эрос невозможного. История психоанализа в России. Санкт-Петербург, 1993.
- ASSOUN 1994 = ASSOUN P.-L. A pszichoanalízis öröksége // Ex-Symposium, 1994, Nietzsche-különszám, 126-127.
- ASSOUN 2002 = ASSOUN P.-L. Freud and Nietzsche. London – New York, 2002.
- BISHOP 1995 = BISHOP P. The Dionysian Self. C.G. Jung's Reception of Friedrich Nietzsche. Berlin-New York, 1995.

- DETHLEFSEN 1990 = DETHLEFSEN TH. Oidipusz, a talány megfejtője [Ödipus der Rätsellöser]. Budapest, 1990.
- GYÖNGYÖSI 2004 = GYÖNGYÖSI M. Александр Блок и немецкая культура. Frankfurt am Main et al. 2004.
- JONES 1963 = JONES E. The Life and Work of Sigmund Freud. Garden City N.Y. 1963.
- JÓZSA 2016 = JÓZSA GY.Z. Миф и инициация: К проблеме «полижанровости» романа Мережковского «Рождение богов. Тутанкамон на Крите» // Toronto Slavic Quarterly, 2016, №57 (summer). 122-142.
- LJUNGGREN 1994 = LJUNGGREN M. The Russian Mephisto. A Study of the Life and Work of Emilij Medtner. Stockholm, 1994.
- METHEP 2013 = METHEP Э.К. О юнговской психологии. Ижевск, 2013.
- ROSENTHAL 1986 = ROSENTHAL B.G. Stages of Nietzscheanism. Merezhkovsky's Intellectual Evolution // Nietzsche in Russia (ed. Rosenthal B.G.). Princeton, 1986.
- SZILÁRD – JÓZSA 1996 = SZILÁRD L. – JÓZSA GY.Z. Andrej Belij *Pétervár* // Huszonöt fontos orosz regény (szerk. Hetényi Zs.). Budapest, 1996. 134-149.

Максим Анатольевич Ююкин
(Воронеж, Россия)

ЭТИМОЛОГИЯ ТОПОНИМА *ЧЕРЕПОВЕЦ*

Abstract: The article is devoted to the etymology of the name of the town of *Cherepovets* (Old Russian *Čerepoviŝi*). On the basis of comparasion with other toponyms belonging to this type, the author draws the conclusion that the first part of this compound name is derived from the personal name *Čerepŭ* attested in the Old Russian written source, not from the common *čerep* in the metaphorical meaning ‘hill’, as M. Vasmer proposed. The toponymical type «an anthroponym + the connecting vowel *o* + a geographical term denoting the type of a settlement (including **viŝi* ‘village’ the second part of the toponym *Čerepoviŝi* comes from)» is known in the Slavonic toponymy. All Finno-Ugrian etymologies of this name are inadequate.

Keywords: (Old) Russian language, toponymics, etymology, compound name.

Название районного центра Вологодской области города *Череповец* впервые упоминается в середине XV в. в форме *Черепов(ь)сь*: «къ Череповси», «от Череповси», [1448-70 гг.] (АСВР 1952-1964: II, 106), «в Череповси исток течет из озера из-Ылмезского...», [1448-1461 гг.] (АФЗХ 1951-1956: I, 242); «из Череповси», московская грамота 1496 г. (Фасмер 1996: IV, 341); «В Белозерском уезде в Луковси и в Череповси», 1525 г. (АФЗХ 1951-1956: I 23) и др.

Топоним не имеет убедительной общепризнанной этимологии. Высказанные предположения сводятся к двум основным версиям – славянской и прибалтийско-финской.

М. Фасмер, развивая гипотезу А. И. Соболевского, предположительно возводит этот топоним к русским словам *череп* в значении ‘холм’ и *весь* ‘деревня, село’, хотя и оценивает эту этимологию как недостоверную (ФАСМЕР 1996: IV, 341). Несмотря на то, что мотивация и словообразовательная структура названия при этой этимологии нуждаются в более подробном обосновании, по крайней мере с фонетической точки зрения она вполне удовлетворительна.

Многие исследователи связывали вторую часть названия с этнонимом *весь* ‘вепсы’ (из *Vepsä*), как в топониме *Весьегонск* (НИКОНОВ 1966: 465). Это, напротив, сомнительно в фонетическом отношении, так как все ранние упоминания свидетельствуют о наличии в топониме *Череповьсь*

редуцированного, тогда как в этнониме *весь* гласный полного образования. К названию вепсов, очевидно, восходят более западные топонимы с *весь*, ср. населенные пункты *Весь* и *Вепсь* в писцовых книгах Водской пятины, формы косвенных падежей с последовательным сохранением корневого гласного названий ***Весь Ильинская***: «въ Веси Ильинской» (Неволин 1853: 206); ***Мадовесь***: «А на другой стороне Поци села мои и в Мадовеси» (1435 г.), «в Мадовѣси села от Почы реки до Салникове речки» (XV в.) (ГВНП 1949: 170, 277); ***Сѣвесь Старая***: «к той Сѣвеси», ок. 1486 г. (ДДГ 1950: 304) и позднее; ***Сумовись*** «А что наших погостовъ новгородских... Сумовиси половина», 1323 г. (ГВНП 1949: 68) (с отражением характерного для новгородских диалектов перехода *ъ > и*), но никак не *Череповесь* и другие территориально близкие к нему названия с *-вьсь* – ***Арбужеввьсь*** (***Арбужоввьсь***) и ***Луковвьсь***, несомненно, связанные с *Череповесью* общностью происхождения и относящиеся с ним к одному структурно-словообразовательному типу: «в моей отчине в Луковси... А в Арбужевси озеро Выксинское», 1448-1461 гг. (АФЗХ 1951-1956: I, 242); «волости Шохонские, Луковес(ь), Арбужовес(ь)», 1504 г. (ДДГ 1950: 356); «В Белозерском уезде в Луковси и в Череповси», 1525 г. (АФЗХ 1951-1956: I, 23) и позднее.

Другая финно-угорская гипотеза предполагает наличие здесь «основы *череп-*, для которой пока не найдено убедительного объяснения, и элемента *-весь* из фин. *vesi* (*vezi*) ‘вода’» (ПОСПЕЛОВ 2002: 459-460). Но в этом случае названия поселений должны были бы восходить к гидронимам, однако ни одно из них не соотносится с именем водного объекта.

А. Л. Шилов выдвинул этимологию из саам. *tsoarve*, *tsuerve*, *tsierve* ‘рог’, в топонимии ‘мыс’ (мыс у слияния Ягорбы с Шексной), но скорее — из др.-фин. **tserb-* (фин. *sarvi*, ливв. *sarvi*, *sarvi*, люд. *sar'v*, **sarvi*, водск. *serv(a)*, эст. *serv*, *sorv*, диал. *serb*, *sorb*) ‘край, окраина, опушка, грань’ с прибалтийско-финским суффиксом коллективного значения *-veh*, известном в составе вепских ойконимов. Эволюция названия видится ему следующим образом: **Tsierve-veh* (**Tserb(V)-veh*) → **Черевовех*/**Череповех* → **в Череповси* → *Череповесь* (ШИЛОВ 2003). Эта этимология несостоятельна и обнаруживает элементарную безграмотность автора в области исторической морфологии русского языка. Преобразование **Черевовех > *Череповех* как-то можно было бы объяснить диссимиляцией и народно-этимологическим переосмыслением под влиянием слова *череп* (что и делает автор); беда в том, что такой формы у этого топонима в принципе быть не могло: **Черевовех*/**Череповех* относился бы к твердой разновидности склонения и, следовательно, никак не мог бы склоняться по парадигме существительных с основой на *i* типа *гость*, *кость* (древнерусские формы не позволяют с уверенностью судить, к мужскому или женскому роду относилось название *Череповесь*), а именно так склоняется этот топоним

во всех источниках. То же можно сказать и о названиях *Арбужевьсь* и *Луковьсь*.

Ни фонетический облик этих названий, ни их исключительно ойконимический характер не противоречат тому, чтобы видеть в их второй части др.-русск. *вьсь* 'селение, деревня' (< праслав. **вьсь*: ст.-слав. *вьсь*, словен. *vás*, чеш. *ves*, словц. *ves*, польск. *wieś*, в.-луж. *wjes*, н.-луж. *wjas* (ФАСМЕР 1996: I, 305). В ранний и средний периоды истории древнерусского языка этот географический термин употребляется в косвенных падежах почти исключительно в форме «*вьси*» или «*вси*» (см. СлД-РЯ (XI-XIV вв.) 1989: II, 280), что полностью соответствует падежным формам топонима *Череповьсь* и родственных ему, содержащимся в письменных источниках. В топонимии восточных славян апеллятив **вьсь* засвидетельствован слабо: *Веска* 1) 1491 г., село Переяславского уезда (АСВР 1952-1964: I, 562); 2) 1497 г., деревня Тверского уезда (ДДГ 1950: 343) (о новгородских топонимах с *вьсь* говорилось выше); в западнославянской и словенской ойконимии он является гораздо более частотным: так, по подсчетам В. Майдича, он послужил производящей основой 290 словенских названий населенных пунктов, причем они распространены по всей территории страны (MAJDIČ 1996: 146).

Что касается первых частей топонимов этого типа, то обращает на себя внимание их совпадение с основами хорошо известных в древнерусской антропонимии личных имен:

Арбужевьсь (*Арбужовьсь*) : *Арбуж-* – основа притяжательного прилагательного с суффиксом **-j-* (-ь, -а, -о) от *Арбуз*, ср. *Арбуз*, *Арбузовы* в документах XV–XVI вв. (Веселовский 1965: 15), а также топоним *Арбузовичи* во Владимиро-Галицкой Руси, упомянутый в Ипатьевской летописи под 1232 г. Можно предположить, что это название восходит к первоначальному **Арбужа вьсь* 'Арбузова деревня' с последующим сращением и преобразованием по широко распространенной модели сложений с соединительной гласной. Тип «притяжательное прилагательное с суффиксом **-j-* от личного имени + *ves*» на стадии сращения нередок в чешской ойконимии, где имеется около тридцати таких названий (*Bušťěves*, *Nelahozeves* и др.), причем в ряде случаев документально засвидетельствовано преобразование, аналогичное тому, которое произошло в рассматриваемом топониме: *Kněžěves* > *Kněžoves*, *Otiněves* > *Otinoves*, *Radňěves* > *Radňoves* (см. PROFOUS 1947-1960: II, 256; HOSÁK, ŠRÁMEK 1980: II, 209, 349). А. Л. Шилов пытается объяснить основу топонима из кар. *arboa*, *arbod'a* 'гадать, ворожить', вепс. *arboi* (→ русск. *арбуи*) 'жрец', что противоречит тому обстоятельству, что форма *Арбуи-* отмечена позднее *Арбуж-* («земля великого князя Арбуиские волости», [1482 г.?] (АСВР 1952-1964: II, 173) и др.) и, следовательно, вторична; фонетическое преобразование здесь

аналогично *Логойск* из др.-русск. *Логожьскъ*, *Зарайск* от др.-русск. *Никола Заразский*.

Луковъсь : *Лука*.

Череповъсь : ср. *Череп*, 1534 г.; *Черепега*, 1587 г. (ТУПИКОВ 2004: 424).

Таким образом, перед нами специфический «малый» ойконимический тип, представляющий собой разновидность широко распространенных именных сложений с соединительной гласной типа *Стародубъ*, *Новотържскъ*, с существительным в первой части – слвц. *Dubodiel* (см. ŠRÁMEK 1988: 69). Среди таких топонимов известны и названия с **vьсь* во второй части, ср. польск. *Krasnowieś*, *Wielowieś* (10). Топонимы, образованные по схеме «антропонимическая основа + соединительная гласная *o* + географический термин, обозначающий тип поселения», встречаются (по сведениям базы данных географических названий GNS) в различных славянских языках, что говорит о большой древности этого типа: ср. мак. *Петро Село*; серб.-хорв. *Hrbograd* (ср. *Hrbić*, фамилия), *Simograd* (*Сима*, *Симе*, *Симо* (ГРКОВИЋ 1977: 179), оба в Боснии и Герцеговине, *Divoselo* (*Diveselo*) (*Див* (там же: 75), Хорватия; чеш. *Petrohrad*; польск. *Tarnogród* (ст.-польск. *Tarn*, 1397 г. (SSNO 1965-1972: V, 425).

Литература

- АСВР 1952-1964 = Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. В 3 т. Москва, 1952-1964.
- АФЗХ 1951-1956 = Акты феодального землевладения и хозяйства XIV-XVI вв. В 2 т. Москва, 1951-1956.
- ВЕСЕЛОВСКИЙ 1974 = ВЕСЕЛОВСКИЙ С.Б. Ономастикон. Москва, 1974.
- ГВНП 1949 = Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Москва – Ленинград, 1949.
- ГРКОВИЋ 1977 = ГРКОВИЋ М. Речник личних имена код Срба. Београд, 1977.
- ДДГ 1950 = Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. Москва – Ленинград, 1950.
- НЕВОЛИН 1853 = НЕВОЛИН К.А. О пятинах и погостах Новгородских в XVI в. Санкт-Петербург, 1853.
- НИКОНОВ 1966 = НИКОНОВ В.А. Краткий топонимический словарь. Москва, 1966.
- ПОСПЕЛОВ 2002 = ПОСПЕЛОВ Е.М. Географические названия мира. Топонимический словарь. Москва, 2002.
- СлД-РЯ (XI-XIV вв.) 1989 = Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.). В 10 т. Т. II. Москва, 1989.
- ТУПИКОВ 2004 = ТУПИКОВ Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен. Изд-е 2-е. Москва, 2004.
- ФАСМЕР 1996 = ФАСМЕР М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Изд-е 3-е. Санкт-Петербург, 1996.
- ШИЛОВ 2003 = ШИЛОВ А.Л. Череповец: к этимологии названия (реализация древневеппской традиции номинации населенных пунктов) // Иванова Т.Г. (отв.

ред.) Рябининские чтения. Петрозаводск, 2003. URL: <http://kizhi.karelia.ru>.

- HOSÁK – ŠRÁMEK 1970, 1980 = HOSÁK L. – ŠRÁMEK R. Místní jména na Moravě a ve Slezsku. B 2 т. Praha, 1970, 1980.
- MAJDIČ 1996 = MAJDIČ V. Razgledi po krajevnih imenih: slovenska krajevna imena v luči slovníčne obravnave. Ljubljana, 1996.
- PROFOUS 1947-1960 = PROFOUS A. – SVOBODA J. – ŠMILAUER V. Místní jména v Čechách. B 5 т. Praha, 1947-1960.
- SSNO 1965-1972 = Słownik staropolskich nazw osobowych. B 7 т. Wrocław, etc., 1965-1972.
- ŠRÁMEK 1988 = ŠRÁMEK, R. (red.). Strukturní typy slovanské oikonymii. Brno – Leipzig, 1988.

Жужанна Калафатич
(Будапешт, Венгрия)

ОБРАЗ УНКРАДЫ В РАЗЛИЧНЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ
(АНАЛИЗ ИНТЕРМЕДИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В ТВОРЧЕСТВЕ
А. РЕМИЗОВА И Н. РЕРИХА)

Abstract: The paper deals with the problem of the interpenetration of different types of art, the interference of visuality and verbality. It investigates the various representations of Unkrada's figure by analyzing A. Remizov's drama the "Tragedy of Judas Iscariot Prince", N. Roerich's picture titled "Unkrada", and A. Remizov's cycle the "Zherlitsa družhynnaia". The paper aims to show the typological parallelism between the artistic and spiritual quest of the writer and the painter.

Keywords: A. Remizov, N. Roerich, the pursuit of the synthesis of arts, the ekphrasis

Общеизвестно, что для русской культуры рубежа 19-20 веков были характерны интенсивные поиски путей к синкретизму искусств. В этот период усилилась потребность слияния разных видов творческой деятельности и возрос интерес к сближению литературы и иных типов художественного творчества. Взаимодействие живописного и словесного творчества, стремление к их синтезу ясно обнаруживаются в произведениях знаменитых самобытных представителей культурной жизни Серебряного века, А. Ремизова и Н. Рериха.

Ремизов и Рериха связывали дружеские отношения, они познакомились в 1905 году на квартире Г. Чулкова, секретаря редакции журнала *Вопросов жизни*. Образ Рериха не раз воссоздается в ремизовских произведениях: «Н. К. Рерих знает всю доисторическую историю, 200000 лет смотрят через его каменные глаза» (РЕМИЗОВ 2002: 49). Об особых отношениях между писателем и художником свидетельствуют и воспоминания Рериха. «С одной стороны, мы как будто и не часто встречались, но зато внутреннее ощущение было особо задушевное. Вспоминаю его „Жерлицу дружинную“. Вспоминаю и последнюю встречу в Париже, записанные им сны» (РЕРИХ 1993: 85).

Творчество обоих художников имеет синтетический характер, они обладали разносторонней и многогранной творческой натурой. Ремизов, наряду с писательской деятельностью, занимался рисованием, создавал многочисленные альбомы графического рисунка, а также был признанным мастером каллиграфического искусства, о чем свидетельствуют выданные им почетные грамоты Обезвельволпала.

Широкую известность имели и картины Рериха и его литературные произведения. К тому же нельзя забывать и о значительных достижениях художника в научной деятельности. В рамках данной статьи я сосредоточусь лишь на некоторых особенностях экспериментов по совмещению визуальных и вербальных образов. В анализе диалогических отношений, взаимопроникновения различных языков культуры рассматриваются пьеса Ремизова *Трагедия о Иуде, принце Искаротском* (1908), картина Рериха *Ункрада* (1909) и одноименный лирический этюд (1924) из цикла *Жерлица дружинная* Ремизова. Меня интересует, в первую очередь, как создается и интерпретируется образ Ункрады в разных видах искусства.

Впервые образ Ункрады появился в пьесе Ремизова *Трагедия о Иуде, принце Искаротском*. Это второе драматическое произведение, как и предшествующее ему *Бесовское действо*, создавалось Ремизовым для театра В. Ф. Комиссаржевской¹. По воспоминаниям Ремизова центральный женский образ *Трагедии*, образ Ункрады писался «под голос» Веры Федоровной и с ориентацией на ее исполнение роли героини. В основу пьесы в трех действиях была положена апокрифическая легенда об Иуде, содержание которой лишь в некоторых моментах соприкасается с общеизвестной евангельской историей, но зато тесно связано с преданием о кровосмесителе, с фиванским мифом о царе Эдипе. Указывая на существенные отличия между *Трагедией* и апокрифической легендой, известный исследователь драматургии Ремизова Ю. Розанов утверждает, что писатель «в значительной степени идеализировал апокрифический образ Иуды, придав ему черты высокой трагедийности» (РОЗАНОВ 1994). Иуда в ремизовской трактовке совершает свое преступление, предательство во имя великой цели, для полной победы учения Христа.

Сложным и неоднозначным является и образ возлюбленной принца Иуды, Ункрады. «Отец ее был настоящий царь – брат нашему, а мать, хоть и царского рода, да пленная: с севера, из дремучих лесов, там, где белое море» (РЕМИЗОВ 1912: 128). У племянницы искаротского царя загадочный характер, в ее образе теснейшим образом переплетены лирические черты с трагическими, даже демоническими. С одной стороны, она очаровательная красавица, мечтательная юная девушка, но, с другой стороны, она страстная, решительная и способна на невероятные поступки ради спасения любимого. Она первая узнает о приказе царя убить старшего сына, и подозревает, что это козни Стратима. Именно поэтому она готовит заговор против злого младшего брата Иуды, стоящего на пути к ее счастью с принцем. Больше того, Ункрада готова вступить в поединок со всеми явлениями мира, даже бороться с роком. Узнав страшное предсказание о том, что Иуда убьет царя отца, женится

¹ Подробнее о сценической судьбе пьесы см. РОЗАНОВ 1994.

на матери и сам станет царем, она бросает вызов всему миру: «Если это так, если предсказание исполнится... – я разрушу небо! И увидим, кто сильнее? И узнаем, кто из нас крепче?» (РЕМИЗОВ 1912: 108) Совершенно понятно, что эта безграничная страсть таит в себе и демонические силы, которые отчетливо появляются в минуты отчаяния, когда Иуда, пытаясь перехитрить судьбу и не желая спасти свою жизнь ценой крови Стратима, тайно покидает остров и вместе с тем Ункраду. «... я отыщу на море ключ, я отомкну замок, я подыму неподъемную железную доску, возьму из-под нее все горе и всю тоску и понесу в моих руках, не уроню, а уроню на землю – земля загорится, а уроню на воду – воды загорится [...] – будет рвать на себе одежду, будет кровь из себя сосать.» (РЕМИЗОВ 1912: 121) На этом не кончается роль Ункрады: она отыщет Иуду и открывает перед ним тайну его рождения. Ункрада в диалоге со своим возлюбленным рисует волшебный, замороженный мир Севера, желая убедить Иуду отправиться с ней на белую родину. Принц, понимая, что мрачное предсказание все-таки сбылось, уходит из Иерусалима в окрестности города, где в это время проповедовал Христ. Несмотря на мольбы Ункрады Иуда готов «принять за весь мир последнюю и самую тяжкую вину» (РЕМИЗОВ 1912: 183).

Неслучайно, что трагическая фигура влюбленной девушки, ее горе, глубокая печаль и внутренний «нескончаемый разговор с милым ее сердцу севером» (АЛЕКСЕЕВА 2015: 102) захватили Н. Рериха, известнейшего живописца и видного театрального художника, кому было предложено сценическое оформление спектакля². К первому действию, происходящему на мифическом острове Искарите, художник создал эскиз под названием *Светлой ночью (Замок царя Искаритского)*. Второй эскиз получил название *Иерусалим*, ведь действие пьесы во втором и третьем актах происходит в этом городе. Как известно, в 1909 году Рерих написал и станковую картину *Ункрада*, в которой он создал свой лирический образ героини пьесы.

Хотя совместный проект Ремизова-Рериха не получил осуществления на сцене³, полный текст *Трагедии* с воспроизведениями эскизов декорации и картины *Ункрада* был напечатан в последних номерах журнала *Золотое Руно* за 1909 г. Надо отметить, что следы эскиза *Светлой ночью* и полотна *Ункрада* затерялись, и в настоящее время их местонахождения остаются неизвестными. К счастью, картина *Ункрада* многократно воспроизводилась в печати, притом почти всегда в цвете, что позволяет понимать поэтический замысел и толковать выразительные средства живописи.

² Об эскизах Рериха к пьесе Ремизова подробнее см. КОРОТКИНА 1997: 80-90.

³ Пьеса, принятая В. Комиссаржевской, была поставлена лишь в 1916 году ее братом, Ф. Комиссаржевским. Спектакль шел в декорациях, выполненных в лубочном стиле самим режиссером.

Благодаря применению Рерихом обратной перспективы фигура прелестной, тоскующей, поэтически настроенной юной девушки занимает центральное место в картине. Ункрада в нарядном, но в то же время скромном платье выдвинута на передний план полотна, от нее как бы идет мягкий и теплый свет, а задний план занимает пейзаж, изображающий северную природу со своими холмами, белоствольными березами, зелеными елями, синими озерами и низким небом. По мнению С. Эрнста Рерих «разрабатывает свежую, чуть грустную северную гармонию тускло-голубого, зеленого и серебристого» (ЭРНСТ 1918). В облике Ункрады, во всех деталях ее фигуры (в наклоне головы, в волосах, в особой одежде, в положении рук, в выражении лица) «чувствуются врожденное благородство и достоинство, естественная простота и аристократизм» (АЛЕКСЕЕВА 2015: 102). Все структурные элементы картины внушают зрителям образ богородицы, «вечной женственности». Как известно, Рерих испытывал особый интерес к русскому средневековому искусству, он был приверженцем древнерусской иконописи – изучал иконопись и расписывал церковные стены. Исследовательница Алексеева пишет о том, что среди изображений Богородицы ей удалось найти иллюстрацию иконы *Устюжское Благовещение*, в которой обнаруживается поразительное пластическое сходство фигуры Ункрады с будущей Божьей Матерью. «Та же строгая сдержанность стройного, легкого стана, та же пластика рук, наклона головы, то же выражение душевного покоя и просветленности, которым дышит каждая ниспадающая складка плата-мафория, и то же ощущение погруженности в нездешние миры, в невидимые горние дали» (АЛЕКСЕЕВА 2015: 103). Таким образом можно утверждать, что в трактовке образа Ункрады Рерихом отсутствуют противоречивые и разрушительные черты, свойственные ремизовской драматической интерпретации. Ункрада у Рериха превратилась в лирический символ чистоты, красоты и святости, некоей тайны. В ней выражается русский национальный характер и дух севера. Тема России, воплощаемая в женском образе вдохновляла и Ремизова при создании своеобразного экфрастического описания полотна Рериха. Лирический фрагмент *Ункрада* занимает особое место в литературном цикле *Жерлица дружинная*.

Цикл *Жерлица дружинная* был создан под впечатлением апокалиптических и пророческих картин Рериха в годы первой мировой войны. Впервые цикл был опубликован в 1916 г. в сборнике *Рерих*, изданном к 25-летию творческой деятельности художника. Описания нескольких картин Рериха вошли в сборник *Звенигород окликанный*.

*Николины притчи*⁴. Книга была издана в 1924 году издательством Алатас⁵, основанным Рерихом и Г. Гребенщиковым.

Ремизова и Рериха связывал и особый интерес к древнерусской культуре и Святой Руси. Оба воспринимали древность как ключ к пониманию настоящего. Для творчества обоих художников характерна тяга к прошлому, изображению былых времен, обращение к стилизации и стремление к обновлению формы (в живописи и прозе). Можно сказать, что их обоих занимала тема особой общечеловеческой сущности, ее основные ценности и духовность. Художники утверждали, что искусство призвано достоверно воспроизводить канувшие в лету традиции, потому что оно способно обеспечить преемственность ценностей творчества⁶.

Духовные поиски и стремление к духовному преображению Рерих сгущает в двух символах – это образ древнерусского храма и города. Поиск пути особенно заметен в кризисные периоды: полотна, созданные в предвоенные годы, наряду с предчувствием апокалиптического разрушения, катастрофы передают стремление к созиданию нового мира, веру в грядущее.

Эти картины вдохновили Ремизова к созданию описания картин, включенного в цикл *Жерлица дружинная*. Впрочем, в текстах Ремизова часто встречаются упоминания о произведениях изобразительного искусства, однако их подробные описания даются редко. В общей сложности Ремизов описывает 8 картин: *Город строят, Зловещее, Град обреченный, Дела человеческие, Сокровище ангелов, Прокопий Праведный за неведомых плавающих молится, Ункрада, Покорение Казани*. Следует отметить, что эти картины в разные годы были написаны Рерихом, и только Ремизов объединил их в единый сюжет, имеющий символическое толкование об истории России.

Своеобразие экфраз заключается в том, что Ремизов, несмотря на эпический принцип, присутствующий и в названиях картин, изображенное на картине не подробно описывает, а скорее интерпретирует в лирической тональности и драматизирует. Это прослеживается и в визуальном оформлении текста, где заметны элементы стихоподобия. Использованные Ремизовым типографические

⁴ Алексеева провела сопоставление текстов изданий 1916, 1924 и 1993 годов, на основе которого говорит о двух этапах становления *Жерлицы* как литературного цикла. По ее мнению, в публикации 1916 года это еще не цикл, а лишь «подписи к картинам», но потом связь с полотнами Рериха ослабела и фрагменты «обрели характер самостоятельных художественных произведений, составивших авторский литературный цикл, живущий по законам искусства слова» (АЛЕКСЕЕВА 2014: 110).

⁵ Название издательства также символично, по-казахски «алатас» означает «Белый камень».

⁶ Подробнее об этом см. КАЛАФАТИЧ 2011: 422-423.

средства (пунктуация, графические символы, организация абзацев) передают ритм и интонацию на печатной странице.

Первый текст цикла (*Град – камень Рериха*) представляет собой не описание картины, а попытку осмыслить и истолковать феномен Рериха. Здесь особая роль отводится скандинавскому происхождению живописца, исторической связи варягов и славян, постоянному присутствию во времени элементов и следов прошлого.

В описаниях картин также находим ссылки на иконографическое содержание картин, иногда автор указывает и на нужный для интерпретации картины культурный контекст. Непосредственные наблюдения, нарраторские рефлексии служат одной цели: предоставляют возможность для толкования судьбы русского народа, раздумий над метафизической сутью бытия нации. Ремизовские тексты также наводят на мысль, что в восприятии Рериха только созидание является тем, что можно противопоставить разрушению и уничтожению.

На картине *Город строят* выделяется в первую очередь устремленная высь деятельность. Ощущается ритм работы, суть создающего ценности общего труда, его пафос и радость. Белый цвет символичен – он подчеркивает святость общего дела возведения города. Не просто строится город, а закладывается фундамент будущего Великой России. Следующие описания картин уже несут в себе предчувствия разрушения, чувство тревоги и надвигающейся угрозы. В картине *Зловещее* «пейзаж из натурального и исторического перерастает в пейзаж философский, заключающий глубокие обобщения» (СМИРНОВ 1978). Это обобщение звучит и в монологе переживающего за судьбу страны ремизовского нарратора, словесно передающем и отдельные элементы полотна (море, ветер, серые камни, вороны).

Зрелище, которое открывает картина *Град обреченный*, вызывает у повествователя чувство страха. Монолог передает ощущение безысходности, неизбежности гибели. Гибель находит воплощение в описании картины *Дела человеческие*. Эта созданная в 1912-14 годы картина относится к пророческим картинам, на ней изображены гибель города и люди, обзирающие разрушение. Нарратор обращается к ним, пытаясь успокоить их призывом возвести новый город, и ссылается при этом на кругообращение бытия, созидующую волю и силу духа человека. «Новый город вы постройте, / и будет он краше и праведнее всех городов, / новый город / окликанный!» (РЕМИЗОВ 1993: 336)

Обетованность города избранных подчеркнута и в произведении *Сокровище ангелов*. В экфразе появляется каждый важнейший элемент воспроизводящей композицию старинных икон, картины огромного размера (ангелы-хранители, камень добра и зла, райские птицы-сирины). И в то же время нарратора занимает прежде всего вопрос: «Кому же открыты врата райские? / И кто избранный из позванных?» (РЕМИЗОВ 1993: 337). К избранным относится и герой картины *Проконий*

Праведный, ведь он, сидя на высоком берегу реки благословил все корабли и даже устранил надвигающуюся на страну бурю. Текст воспроизводит жизнь чудотворца, укрепляя этим веру в вечную богоохранность России.

И последние два фрагмента свидетельствуют об осознанной и строго запланированной композиции цикла, ведь предыдущие отражают земной путь России, ее «земные страды» и небесное покровительство, а *Ункрада* и *Покорение Казани* знаменуют и небесное, и историческое торжество России, обретение ею особой миссии (ЗАВГОРОДНЯЯ 2010: 130-131). *Ункрада* – лирическое признание в любви России, где слышится жалоба блуждающего среди берез женского образа (или нарратора⁷). Текст монолога построен по классическим риторическим законам: фрагмент открывается вопросами, передающими чувства любви и тревоги о родине. «Что стоишь невеселая – / белая береза – сестра моя родимая? / или опечалила моя весть недобрая, / или сердцем что зачужала, / или вспоминаешь ты о чем?» (РЕМИЗОВ 1993: 341) В обращении фольклорный образ березы уподобляется и девушке (сестре), и родине. «Белая береза», «сестра моя родимая» и «родина родимая» - по меткому замечанию Алексеевой – «это три грани единого лика Родины, лейтмотивно взаимосвязанные, перетекающие друг в друга, нерасчленимые по определению, по святости духовного родства» (АЛЕКСЕЕВА 2015: 104) Однако мотив березы отсылает нас и к пейзажу Рериха, и внутреннему монологу Ункрады ремизовской пьесы. Риторические фигуры, характерные для устного народного творчества, обрамляют эпически развернутую картину северной природы, в описании которой принципиально значимыми являются цикличность и первозданность.

Кризис воспринимался обоими авторами как кризис духовный, и поэтому выход из кризиса могло означать лишь полное духовное обновление, то есть и Ремизов и Рерих возвещали о необходимости кардинального преобразования, изменения человеческого сознания. В то время как Ремизов в своих произведениях призывал к этим преобразованиям, Рерих, изменяя форму жизни, пустившись в поиски Шамбалы, путешествуя по Азии и обживая новые пространства, стремился воплотить их не только в искусстве, но и на уровне конкретных планов по основанию идеального поселения, Города Сияющего. Звенигород, таким образом, означает для обоих художников – хотя и на различных уровнях – воплощение мечты человечества в искусстве.

⁷ Надо отметить, что Ремизов снял кавычки, обозначающие в первом текстовом варианте принадлежность монолога героине.

Литература

- АЛЕКСЕЕВА 2014 = АЛЕКСЕЕВА Н.В. Цикл «Жерлица дружинная» А.М. Ремизова: поэтика малых форм // Уральский филологический вестник, 2014. № 4. 107-119.
- АЛЕКСЕЕВА 2015 = АЛЕКСЕЕВА Н.В. «Ункрада» А. Ремизова – Н. Рериха: автономность и взаимопроникновение слова и краски // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета, 2015. № 9. 100-107.
- ЗАВГОРОДНЯЯ 2010 = ЗАВГОРОДНЯЯ Г.Ю. Стилизация и стиль в русской классической прозе. Москва, 2010.
- КАЛАФАТИЧ 2011 = КАЛАФАТИЧ Ж. Звенигород как художественное пространство (А. Ремизов и Н. Рерих) // Восток-Запад: Пространство природы и пространство культуры в русской литературе и фольклоре. Волгоград, 2011. 421-428.
- КОРОТКИНА 1997 = КОРОТКИНА Л.В. К вопросу об эскизах Н.К. Рериха к пьесе А.М. Ремизова «Трагедия об Иуде, принце Искаротском» // Государственный Русский музей. Отечественное искусство. X-XX век. Выпуск III. Санкт-Петербург, 1997. 80-90.
- РЕМИЗОВ 1912 = РЕМИЗОВ А.М. Трагедия о Иуде, принце Искаротском // Ремизов А.М. Сочинения: В 8 т. Т.8. Санкт-Петербург, 1912. 91-181.
- РЕМИЗОВ 1993 = РЕМИЗОВ А.М. Жерлица дружинная // Ремизов А.М. Сочинения: В 2 к. Кн. 1. Москва, 1993. 329-342.
- РЕМИЗОВ 2002 = РЕМИЗОВ А.М. Кукха. Розановы письма // Ремизов А.М. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 7. Москва, 2002. 31-133.
- РЕРИХ 1993 = РЕРИХ Н.К. Художники жизни. Москва, 1993.
- РОЗАНОВ 1994 = РОЗАНОВ Ю.В. Драматургия Алексея Ремизова и проблема стилизации в русской литературе начала XX века. Диссертация, 1994. <http://www.booksite.ru/fulltext/dis/ser/tac/dissertacii/rozanov/index.htm>
- СМИРНОВ 1978 = СМИРНОВ Б.А. Русский пейзаж в творчестве Н. К. Рериха // Н. К. Рерих. Жизнь и творчество. Сб. статей. Москва, 1978. 62-71.
- ЭРНСТ 1918 = ЭРНСТ С.Р. Н.К. Рерих. Петроград, 1918. http://rerich9.sitcity.ru/text_0204010121.phtml?p_ident=ltext_0204010121_p_2407210511

Kanizsai Mária
(Baja, Magyarország)

A ZALAI KAJ-HORVÁT RAGADVÁNYNEVEK
(Kutatási téma ismertetése)

Abstract: In my present essay I would like to outline some ideas regarding the folk nicknames of the Kajkavian ethnic group in Zala county. I will shortly present the field of research, the characteristics of their use of language, the research material and I will touch upon some of the characteristics of family nicknames.

Keywords: Kajkavian ethnic group of Zala county, bilingualism, family and individual nicknames

Kutatási terület – népcsoport

Zala megyében, Nagykanizsa és Letenye között elhelyezkedő öt községben: *Tótszentmárton, Tótszerdahely, Molnári, Semjénháza, Petrivente, Fityeház* - saját nevükön: *Sumarton, Serdahel, Mlinarce, Pustara, Petriba, Ficéház* községekben – horvátajkú, a magyarországi horvát nemzetiségű népcsoporthoz tartozó lakosság él. A területi elhelyezkedés folytán Mura menti horvátoknak nevezzük őket. Anyanyelvük a horvát nyelv kaj nyelvjárástípusába tartozik, annak megyimurjei (muraközi) változatát beszélik, amely a történelem során az anyaországtól való területi és nyelvi elszigeteltség következtében számos regionális és archaikus jegyet mutat, egyedülálló nyelvjárásszigetet képez.

Đuro Blažeka a nyelvterületen, Tótszerdahelyen végzett dialektológiai kutatásait tartalmazó, átfogó jellegű munkájában, a 2008-ban megjelent *Međimurski dijalekt* című könyvében fonológiai és morfológiai jegyek alapján a megyimurjei (muraközi) nyelvjárást további három alcsoportra osztja: felső, középső és alsó muraközi aldialektust különböztet meg. A Mura menti horvátok által beszélt lokális nyelvjárást „*serdaheljska skupina*” szerdahelyi csoport néven az alsó muraközi csoportba sorolja Prelog, Goričan, Donja Dubrava és Orehovica községek nyelvjárásával együtt (BLAŽEKA 2008: 14). Zala megyén kívül Magyarország két másik területén beszélik még a kaj-horvát nyelvjárás regionális változatát: Vas megyében Fertőhomok (Umok) és Hidegség (Vedešin) községekben, valamint a Dráva mentén Babócsa és Lakócsa (Lukovišće) községekben és környékükön.

Nyelvhasználat

A zalai horvátok nyelvhasználata az egykori egynyelvűségtől halad a kétnyelvűségen át a nyelvvesztés felé. Horvát egynyelvű anyanyelvi beszélő ma már nem található a községekben, néhány nagyon idős lakosnál még előfordulhat az anyanyelv-domináns kétnyelvűség, de általánosan jellemző a másodnyelv-domináns kétnyelvűség, a fiatalok között sokak számára pedig már iskolában tanult nyelvvé válik. A községekben élő értelmiségi réteg körében a diglosszia, triglosszia is jellemző. Igen változatos nyelvhasználat figyelhető meg, személyhez, életkorhoz, generációhoz, beszédshintérhez, témához, a beszélő státuszához és a kommunikációs funkcióhoz kötődően használatos a zalai kaj-horvát helyi nyelvjárás, a horvát köznyelv és a magyar nyelv. A zalai horvátok lokális nyelvjárásában fonológia különbségek figyelhetők meg az egyes községek lakóinak beszéde között, az *a* fonéma nyíltabb vagy zártabb ejtésében.

A népcsoportot a területi elhelyezkedésén túl ma is összetartja a közös történelmi múlt és eredet tudata, a közös nyelvi, kulturális jellemzők és hagyományok, az egykori nagycsaládi életmódból következő, házassági szokásokból megmaradt rokon kötések. A népcsoport életében erős asszimilációs jegyek figyelhetők meg, a községek lakossága eloregedett, jellemző a megélhetési elvándorlás. Kutatásom kizárólag a felsorolt községek lakosságának névanyagára vonatkozik, a Letenye, Nagykanizsa, Pécs, Budapest és más közeli és távolabbi helységeiben élő, elszármazott személyekre nincs adat, nem vehetők figyelembe.

Az említett nyelvi és nyelven kívüli tényezők meghatározzák a népcsoport névtani, névhasználati sajátosságait, a dialektológiai jellemzők, a kétnyelvűség nyelvi, nyelvhasználati jelenségei a ragadványnevekben is erősen tükröződnek.

Kutatási anyag

A zalai horvát ragadványnevek kutatásához a területen gyűjtött kb. 1000 nevet tartalmazó adatbázis áll rendelkezésemre. A nevek gyűjtését Tótszentmárton, Tótszerdahely, Molnári, Semjénháza, Petrivente, Fityeház községekben 2000-ben végezte Nikli Hajnalka egyetemi hallgató. Az egyes községekben 3-4 idős, a helyi kaj-horvát nyelvjárást jól beszélő adatközlőtől irányított beszélgetés keretében, a hivatalos lakónyilvántartás alapján az egyes családokban használatos családi és egyéni ragadványneveket írta össze abban a fonetikai alakban, ahogy a neveket használják. Így 825 névadatot tartalmazó adatbázis állított össze. Az gyűjtés során kérdezte a névadás indítékát is, amire a régóta használatos nevek esetében nehéz megbízható adatot találni. A névanyagot további névtani feldolgozás és kutatás céljára a rendelkezésemre bocsájtotta. A vizsgálati anyagot édesanyám, Proszenyák Anna (szül. 1943.) Tótszerdahelyre vonatkozó további 200 adatával egészítettem ki. Az adatok a 2000 és 2012. évi szinkrón állapotot tükrözik, de következtetni engednek a névanyag változására is. A folyamatos adatközlés következtében a bázis frissül,

így módomban van a régi, kivesző ragadványnevek mellett követni az új nevek keletkezését, az állomány dinamikus változását. Célom a névanyag rögzítése, rendszerezése és tudományos igényű vizsgálata.

A ragadványnevekről

A ragadványnevek meghatározásában a magyar és horvát szakirodalomban is egyetértenek abban, hogy a személynevek között a nem hivatalos nevek közé tartoznak, a szóbeli, többnyire informális kommunikációban használatosak, keletkezésük és működésük közege a közösség, abban általánosan ismertek, említő és megszólító, vagy csúfnévként használatosak, gyakran generációkon át öröklődnek, feladatuk a pontosabb azonosítás.

„...ragadványnévnek nevezem mindazokat a nem anyakönyvezett vagy névszerű szokat, a) amelyek a hivatalos iratokon mint megkülönböztető szerepű nevek szerepelnek; b) amelyek a szóbeli névrendszerben működnek, akár mint közömbös hangulatú ragadványnevek, akár mint expresszív hangulatú, elismerést, kedveskedést kifejező bóknevek, illetőleg csúfolódó hangulatú gúnynevek” (ÖRDÖG 1973: 154).

„Azokat a névelemeket, amelyeket a hivatalos keresztszót és családneveken, valamint beceneveken kívül az emberek adnak egymásnak bármilyen szándékkal, ragadványneveknek nevezzük. Ezeknek keletkezéséhez mindig valamilyen közösség kell, amelyben személyesen ismerik egymást az elnevezettek és elnevezők” (HAJDÚ 1994: 43).

J. Soltész Katalin és A. Frančić szerint a ragadványneveknek megkülönböztető funkciója van, lehetnek családi és egyéni ragadványnevek, családnevet vagy teljes egyéni nevet pótló, helyettesítő nevek (SOLTÉSZ 1979: 55-65; FRANČIĆ 1993, 1994).

A horvát névtanban megkülönböztetik a valódi családi ragadványnevet, ennek fonológiai alakja eltér a családnévtől (pl.: a *Proszenyák* családnévhez tartozó egyik valódi családi ragadványnév a *Južetove(i)*, míg a nem valódi családi ragadványnevet a családnévből képezik, pl. *Kósa-Košijove(i)*. (A neveket az ejtés szerinti írásmódban adom meg, -jovi végződésben az *i* helyett *e*-t ejtenek.)

Zalai horvátok ragadványnév használatának néhány jellemzője

A személynév funkciója az egyértelmű azonosítás. A zalai horvátok zárt közösségben, nagycsaládi formában éltek, az egymás közötti házasságok révén az azonos családnevek gyakorisága magas még ma is. A népcsoport személyneveinek vizsgálatára vonatkozó korábbi kutatásom eredményei alapján megállapítható, hogy a személynevek (utónevek/keresztnevek) gyakorisága és terheltsége az 1794-től az 1950-60 évekig szintén igen magas volt, így a személynevek nem tudják betölteni elsődleges azonosító, megkülönböztető szerepüket (KANIZSAI 2011: 270-274). Mindezen körülmények kedveztek a gazdag ragadványnévrendszer kialakulásának.

A zalai horvátok a ragadványneveket *cona* szóval jelölik a (német *Zuname*) szóból. A csúfnévre a *zmišlanje* szót használják. A ragadványnevek lehetnek családi, több generációra visszamenő nagycsaládi ragadványnevek, amelyeket többes számban *-ovi, -ini* (ejtésben *-ove,- ine*) képzővel szerepelnek. Ha a családi a ragadványnév egy személyre vonatkozik a hímnemben az *-ov, -jov, -ev, -jev, -in,* nőnemben az *-ova, -jova, -eva, -jeva, -ina* végződést kapják, valamint társul hozzá a személy keresztnéve, gyakran becézett alakban. Az egyéni ragadványnevek nagyon változatosak, sajátos szerkezetűek, egy vagy kételeműek.

Az nevek információs tartalmát, szerepét egy zárt közösség esetében, a személyek azonosításra vonatkozó kérdéseket a saját példámon szemléltetem, hiszen gyermekkoromban magam is számtalanszor megtapasztaltam, a falu idősebb lakosai milyen kérdéseket tettek fel, ha nem ismertek meg valakit. Ezzel bepillantunk a népcsoport sajátos világába, gondolkodásmódjába is. A kétnyelvűség és kódváltás, kódkeverés következtében a neveket magyar és horvát alakban és ejtésben is használják, a névelemek sorrendje változó is lehet. A személynevek, horvát becézett és magyar alakját is megadom, a horvát alakokat ejtés szerinti írásmódban (a szóvégi *i* hangot nyíltabban *e* hangként, az *u-t o-nak* ejtik).

– *Kaj ti je ime?/Mi a neved?* kérdéssel mindig személynévre kérdeznak. Válasz: *Ja sem Marica.*

– *Kak se zoveš?/Kak te zovejo? Hogy hívnak?* érthető személynévre és ragadványnévre vonatkozó kérdésként is, általában a személynévvel válaszolnak, ami lehet teljes hivatalos névformula is.

Lehetséges válaszok:

– *Ja se zovem Marija* - csak személynévvel. A *Marija* névalak beszédben nem használatos, a becézett alak a gyakori: *Ja se zovem Marica.* A *Mária/Marica* személynév az 1950-60-as évekig az egyik leggyakoribb női név a zalai horvát községekben. 1794-1998 közötti egyházi névanyagban 2500 elnevezett személy 25%-a (628 fő) viselte a *Mária* nevet (KANIZSAI 2011: 270-274). A név gyakori előfordulása okán ennek a válasznak nincs identifikáló tartalma.

Több információt tartalmaz a teljes kételemű név: *-Ja sem Marija Kanižaj.*

– *Ja sem Marica Kanižajova* - nem valódi családi ragadványnévvel, becézett személynévvel. Ez sem volt elégséges információ az egyértelmű azonosításhoz, mivel több ilyen nevű család is élt a faluban, hasonló korú leánygyermekkel.

További kérdést tettek fel:

– *Kak ti/vam govore/govorijo? Hogy mondják neked/nektek?* vagy *Čija si/čiji ste? (Kinek a (fia/lánya) vagy (kihez tartozol/tartozik?)*

Ebben az esetben a családhoz való tartozásra, a családi vagy az egyéni ragadványnévre kíváncsiak, a személynévvel és családi ragadványnévvel lehet egyértelműen azonosító válasz adni.

– *Ja sem Marica Repekova.*

Ezen válasz után megértették a családhoz való tartozást, de a teljes azonosítás céljából rendszerint visszakérdezve felsorolták az egész családfámat, sokszor a dédszülőkig visszamenőleg, kizárólag családi ragadványnevekkel és személynevekkel, származási hely, rokonsági fokok megjelölésével:

– *Aha, ti si či Štefeka Repekovoga,/Repeka, a mama ti je Janica Južetova, stari japa so ti Marten Repekof koj si je zel za ženo Ronico od Mikulinove, ka ima mamu Evico od Lackove, ka je dosla za sneho s Sumartona.*

– *Aha, te Stefek Repekof,/Repek lánya vagy, édesanyád pedig Janica Juzsetova, nagyapád Marten Repekof, aki elvette feleségül Ronicát a Mikulinovéktól, kinek az anyja Evica, aki Szentmártonból a Lackovéktól jött menyecskének.* (Ha elég idős személy érdeklődött, akkor még egy tréfás történetet is elmesélt a dédszülők megismerkedéséről.)

– *Kak ti/vam zmišlajo? Hogy csúfolnak?* kérdéssel többnyire csúfnévre vagy egyéni ragadványnévre kérdeztek, ami nem mindenkinek volt, de családi ragadványnévvvel is lehet válaszolni. Ez a kérdés a arra utal, hogy a ragadványnévadás indítéka sokszor csúfolódás lehetett.

Az említett hosszú válasz a névtani és dialektológiai információkon túl árulkodik a néplélek, a gondolkodásmódról is. A szóbeli, hétköznapi kommunikációban, a közösségen belül a személyek azonosítása és megkülönböztetése a gyakran generációkra visszamenően öröklődő családi ragadványnevek, vagy egyéni ragadványnevek segítségével történt.

Hogy a ragadványnevek a közösségben milyen fontos szerepet töltenek be még napjainkban is, mennyire hozzátartoznak viselőikhez, mutatja egy nemrég felállított márvány síremlék felirata a tótszerdahelyi temetőben: **Tu počiva jedna obitelj (čelada): Ferkiceve.** Kajhorvát nyelven, írásban, családi ragadványnévvvel, a hivatalos nyelvi forma nélkül, a közösséghez tartozás abszolút kifejezése. Egy olyan család sírján, melynek tagjai még beleszülettek a horvát nyelvet beszélő hagyományos paraszti közösségbe, nagycsaládba, személyes sorsukként élték meg annak felbomlását, a népcsoportot érintő társadalmi, gazdasági, nyelvi változásokat. Az utolsó szó jogán így tudatták az utókorral identitásukat, a népcsoporttal, ősökkel való azonosulásukat, érzelmi kötődésüket.

A teljes gyűjtött névanyag tudományos igényű vizsgálata, rendszerezése, értékelése, összehasonlítása a szomszédos horvátországi nyelvterületen végzett névtani kutatások eredményeivel olyan információk feltárására és megőrzésére ad lehetőséget, amelyek a népcsoport kultúrájának, történetének része, megőrzése érték, s számot tarthat a hazai és horvát kutatók érdeklődésére is.

Irodalom

- BLAŽEKA 2008 = BLAŽEKA Đ. Međimurski dijalekt. Čakovec, 2008.
- FRANČIĆ 1994 = FRANČIĆ A. Međimurski obiteljski nadimci. Rasprave ZHJ 20. Zagreb, 1994. 31-66.
- FRANČIĆ 1993 = FRANČIĆ A. Međimurski obiteljski nadimci od osobnih imena Rasprave ZHJ 19. Zagreb, 1993.
- HAJDÚ 1994 = HAJDÚ M: Magyar tulajdonnevek. Budapest, 1994.
- J.SOLTÉSZ 1979 = J. SOLTÉSZ K. A tulajdonnév funkciója és jelentése. Budapest, 1979.
- KANIZSAI 2011 = KANIZSAI M. Személynévvizsgálatok a zalai kaj-horvátok körében 1794-től 1998-ig. Névtani Értesítő 33. sz. Budapest, 2011. 270-274.
- ÖRDÖG 1973 = ÖRDÖG F. Személynévvizsgálatok Göcsej és Hetés területén, Budapest, 1973.

Kabyl Khalykov
(Almaty, Kazakhstan)

COMMUNICATION AND DIALOGUE OF THE ART TEXTS
AS THE PHILOSOPHICAL PROBLEM

Abstract: In the article the role of interpretation of the art text is considered as aspect of understanding directed on the semantic content of texts. Any work of art anyway can be presented as objective existing text, possessing corresponding to material shell and structure. Integrative ideas sense will be born as a result of complex interaction figuratively-thematic building with external and internal form of the product. The Status of the work of art he gains only then, when to actualize and is perceived mortgaged contents in him.

Keywords: The art text, interpretation, phenomenology, hermeneutics, structurization of the text, a sign, clearing of codes, recipient, equivalence, similarity and distinction, synonyms and antonyms.

The problem of the text arising on crossing of linguistics, poetics, literary criticism, semiotics, starts to be discussed actively in humanitarian knowledge of the second half of the XX century. In the center of attention of polemics there was a problem of disclosing of meaning creation resources, or transformations in the sign macro formations, accompanied with acknowledgement or insufficiency of denotation as the basic model of value.

Interpretation of the text as composition in the studied problem is defined by different authors as: the psychological and cultural context of comprehension of meaning of the text (Dilthey), result of interaction of a lot of ontological "layers", dynamic "phases" of expansion of the text (E. Husserl), infinite plurality of meanings contained in the composition anew formed in consciousness of the reader (F. Schelling), objective and subjective aspects of interpretation which define uniform process of understanding (G. Gadamer), opening of "existence in the world" through intrinsic moments of its organization (M. Heidegger), statement is an expression of idea (L. Vitgenshtein), a code in sphere of culture (R. Barthes), text as partially reversible, logic of behaviour put under doubt is actional code, "truth" is a code of a riddle (Z. Derrida), recomposition of the text structurization, clarifying of the reader's codes (P. Ricoeur).

Up-to-date works of art are also considered as the text. The art text is the carrier of conceptually loaded and value-oriented information, physical life of

socially significant art idea. Outside of consumption the existence of the art text is defective; it exists only as potential composition.

The art text bears in itself an idea both in the plastic form and in the form of the ideas which have been not mediated by the image. The semantic center of the text can be displaced to the side of graphic, or not plastic, actually intellectual basis. It is impossible neither to reject nor to exaggerate any of these foundations in the text. So, in painting or sculpture the name comprises not plastic aspect of the content. In the literary text not plastic basis is always present alongside with the graphic basis. The latter is especially developed in the intellectual literature (Frisch, Dürrenmatt) and in symbolical images. Lessing has convincingly denied position «poetry is the speaking painting». There are three varieties of the text:

Scientific text (scientific work, report, message, lecture) does not demand interpretation: it is read by all means owing to unambiguity of meaning and definiteness of meaning of scientific terms.

The practical, business text (letter, document, reporting) interpretation of which is caused by a communicative situation.

The art text, interpretation of which assumes: revealing of its analogy to the reality « by means of similarity », understanding of the context of the cultural tradition. The art text can have set of readings. But its polysemy (the amplitude of fluctuation around "the axis" of meaning) has its limits. Outside the extreme points of this amplitude reading becomes inadequate to the text. Perception of the art text is variant, but it contains invariant of these alternative versions and gives the steady program of art perception caused by its objective content (the art concept and value orientations). Characteristic features of the art text are: 1) completeness, impossibility of intervention from the outside; 2) changeability of meaning owing to changeability of historical and cultural context and owing to "dialogue" of the text with different reception groups with different personal consciousness; The recipient, perceiving the art text, is involved in the co-authorship which is giving rise to additional meaning; 3) formation of the field for the message as specific environment of art dialogue; 4) subject which is spoken about in the text, outside of this text does not exist; 5) the field of relations, on the basis of which there is a communication of the recipient with the art text, does not exist before perception of this text. The attitude to the text is recipient – interpretation (BOREV 2004: 169).

Sign is a minimal unit of the art text. The sign should be recognized, and the statement should be understandable. The system of statements forms the art text carrying the art concept, which is subject to interpretation and estimation.

The art text consists of artistic images, and the latter consist of signs. However, at each stage of transition to higher level (from a sign to the art statement, that is to the image, from system of images to the art text) there is a qualitative leap, removal of a previous level and occurrence and an increment of new meaning and new values of an art idea. The art text is the closed system.

The art text acquires the status of composition (the closed system becomes

opened, socially functioning) in the process of social life. In the work of art symbolic and not symbolic are combined: signs form an art statement – an artistic image (not sign formation) by a qualitative leap; images form an art text (new leap) inclusion of which in social functioning transforms it into composition (a meta sign of art culture). Composition differs from the text that it is the functioning depressurized text which is making sense (the art concept) and subject value (value for mankind). The text becomes composition if does not wait for its hour in the writer's desk, does not collect dust on the shelf of a bookshop or in the storeroom of a museum, and socially functions, that is it is read by the public, finds the field of public opinion around itself. Composition is the form of life (MELVILLE 1995; WITTKOWER 1955: 109-124).

In the philosophical dictionary interpretation is defined as aspect of understanding directed on the semantic content of texts. And as a practice of extraction of meanings from texts it took place in antiquity ("allegorical" interpretation of texts), in the Middle Ages (bible exegetics), during an epoch of the Renaissance ("the criticism of the text", "grammar", lexicography). Regulations of the bible exegesis have received theoretical development in the romantic aesthetics: F. Schelling specified infinite plurality of the meanings contained in the composition and newly formed in consciousness of the reader (SCHELLING 1966). F. Schleiermacher gave categorial status to interpretation, he distinguished objective ("grammatical") and subjective ("psychological", or "technical") aspects of interpretation. Both aspects of interpretation define uniform process of understanding: Interpretation of the text from the subjective aspect assumes a certain notion about the author, but this representation can be formed only on the basis of some objective interpretation of his texts. "Grammatical" interpretation is carried out by means of comparative method — the comparative analysis of various meanings of this or that word with the purpose of a determination of its meaning in the given context. "Psychological" interpretations take place by the way of divination "guessing" a word meaning on the basis of studying that spectrum of its meanings which is specific to the given author (KEMEROV 1996: 222).

In Dilthey's hermeneutics interpretation is reduced to comprehension of meaning of the text by means of its switching in a psychological and cultural context of the author and reconstruction of this context inside the interpreter's experience. Husserl proved that the preinstruction belongs to a phenomenon of consciousness, that is horizon consciousness (subsequently named by him "the vital world" and being essentially a context) which specifies on further attributes of the object, which are outside of the experience in the true meaning. It is "definitely a certain interpretation... We appear involved in variety which specifies on possible new perceptions..., and with obviousness it opens and carries out itself in a series of images and representations" (HUSSERL 1931). The phenomenological method starts from the fact that concrete integrity of the composition (and corresponding to it the act of direct, not dismembered perception) arises as result of interaction of a lot of ontological "layers", and

also dynamic "phases" of expansion of the text. The goal of the interpreter is to explicit these layers and phases.

Interpretation within the limits of phenomenology of consciousness usurps independence outside its presented content and makes it actually unlimited. M. Heidegger, passing from phenomenology of consciousness to phenomenological hermeneutics, specified, that it is not a matter of tracing, supervision and examining of any point of egoism ("I"), but of conscious grasping of full opening of "existence in the world" through its intrinsic moments of its arrangement. Statements can be transferred further and retold (HEIDEGGER 1997). G. Gadamer transfers Heidegger's ontology of understanding into the theory of interpretation of the text as carrier of cultural tradition, asseverating unity of understanding, interpretation and "application". Understanding is always "interpreting", and interpretation is understanding", but once and for all the understanding is carried out as a result of "application", i.e. correlations of the content of the text with cogitative experience of the modern culture. The understanding, according to Gadamer, is aimed not at extraction of author's meaning, but at disclosing of the content of the "matter" shown in the text (GADAMER 1988).

According to L. Wittgenstein, the statement is an expression of thought. Thinking means operating with schemes, but idea is not the same as scheme because the idea does not require translation, and the scheme requires it. The scheme (without its interpretation) corresponds with the certain sentence transferring it into the statement. How is it possible to learn that someone has understood the scheme or the order? Wittgenstein believes that he can show his understanding only by means of its transformation into other symbols. Thus, understanding is transformation into other symbols or into action and consequently it is interfaced with interpretation (PILV 1996: 14).

There is also a positivistic understanding of interpretation which leads to an establishment and opening of the "objective" reasons of creation of the text. Both hermeneutics and semiology are opposed to historical and genetic approach. Within the limits of semiology there are two directions — structural and text analyses. The first direction aspires to develop uniform narrative model from all existing narrations by means of which it will be possible to analyze each concrete narration in terms of a deviation. The second direction considers any narration as the text which is understood as space where there is a process of formation of meanings. The goal of text analysis is not in the description of the narration structure, but in making mobile structurization of the text (changing according to reader's prospect and historical context) and to get into semantic volume of composition, in process of meaning acquiring. Hence, it is necessary to distinguish between structural and text analyses and not to consider them as mutually exclusive.

In hermeneutics interpretation is directed on disclosing of meaning of the text as the message, addressed to the possible reader, in semiotics it is directed on decoding of the code. R. Barthes relates a code to the area of culture:

«Codes are the certain types of already visible, already read, already done; the code is the concrete form of this «already», constituting any letter». Barthes emphasizes, that in a classical narration there are two codes which support a vector orientation of structurization: they are an actional code (based on logical and temporal orderliness) and a code of a riddle (the question is concluded by the answer); in this way irreversibility of the story is created (BARTHES 1989). Derrida's deconstruction encroaches upon this principle, trying to make the text partially reversible, putting under doubt an opportunity of expressing logic of behaviour by actional code, and "truth" by a code of a riddle (DERRIDA 2000).

Tendency on overcoming of the opposition between hermeneutics and semiotics can be found out in Ricoeur's works, who considers "understanding" and "explanation" as components of the uniform process: the first one comprises recomposition of structurization of the text; the second one comprises clearing of codes of the reader participating in this process. In this connection the importance of a figure of the interpreter grows. The interpreter is the person who is carrying out interpretation. Any sign assumes presence of the interpreter. Perceptive type of the semiotic communication demands two separate interpreters: the sender and the addressee. Their distinction is that the first carries out operation of coding, and the second carries out operation of decoding. R. Jakobson allocated two major language factors. The first of these factors represents selection. It is based on equivalence, similarity and distinction, synonyms and antonyms. The second factor is a combination which adjusts construction of any sequence. It «is based on contiguity». At coding the sender carries out a choice of elements up to their combination in a single whole. Carrying out decoding operation, the addressee first of all should catch the whole; deep distinction between the listener's (reader's) status and the speaker's (writer's) status in speech dialogue (text) consists in this fact. The decoding partner of the speech act uses probabilistic decisions much more often than the coding partner. So, for the sender there is no problem of a homonymy for he knows its meaning whereas the addressee while he does not have support on a context struggles with a homonymy and has to resort to probabilistic tests of his decisions (RICOEUR 1995).

Written language (text) provides greater stability and availability of the message to the addressee who removed from the sender in time or distance. There is a sufficient distinction between the listener and the reader, consisting in transfer of speech sequence from time into space that weakens property of unidirectionality, characteristic for a speech stream. Listener synthesizes sequence when its elements have ceased to exist, and for the reader of a word are kept, and it can return from the subsequent parts of the message to previous ones. Internal speech unites the sender and the addressee into one person, and form ellipticity (of not completed expression) of intrapersonal communication cannot be reduced only to verbal signs. The mnemonic unit on a handkerchief, serving as a reminder on an important issue, is a typical example of the internal

communications between the last and subsequent condition of one person.

Any work of art anyway can be presented as objective existing text, possessing corresponding to material shell and structure. On the strength of what particularities this text with firm interfacing and intercoupling can be open for interpreting? Exists single correct "canonical" reading music, literary, picturesque text? Discussing the delivered questions provokes artistic practice itself.

If, to example, match the essay Leskova "Lady Makbet Mcenskogo district", dramatic show, created on this base and of the same name of opera Shostakovich then in all three events will on hand be a different problem-solving nodes of this narrative and even different existence-semantics source positions. Consequently constantan's figuratively-thematic building not there is guarantor constantan's sense forms in different product and type art. In this – one of the base positions to general theory art, fixing mismatch of the subject and ideas (the pathos) of the product.

Integrative ideas sense will be born as a result of complex interaction figuratively-thematic building with external and internal form of the product. To external form refer the voluptuous shell of the image, directly turned to perception (the colour, light, timbre of the sound, appearance of the actor, suit) i.e. language facilities of the miscellaneous type art. The Internal artistic form form the ways of the development, organizations and materializations of the language facilities (compositions acceptance in painting, literature, music, principles of the montage, polifonies, ways of the motion and declamations in scenic type art etc.) Meeting the different language facilities with one and same subject not simply differently arranges existence of this subject in art, but opens in this subject miscellaneous ontologies, profound forshortenings.

Is opera Bizet "Karmen" continuation same "existence to mythologies", which was a mortgaged of the same name short story Merime? Obviously that no, "thresholds of the place", generating base senses, are differently assigned stylestics literary and music text, of a plot move, rhythm, composition and other detail of the artistic language. Else, the greater amount of the questions will assign the artistic texts, which for its actualization need in public not only, but also in performer. This music and theatrics, where from experience, temperament, interpretation, cultural-history environment are greatly transformed source intension of the artistic text.

The Music text or text of the play, on the one hand, there is nothing else than physical object, impressions in note, typographical sign, keeping before time before time for regiment. The Status of the work of art he gains only then, when to actualize and is perceived mortgaged contents in him. In what degree this contents "is attached" to property base of the source author's text, but in what – openly for transformation? In performers type art meet, on the one hand, creator, supplying each tumbling of the text detailed note for performer. Other – opposite, leave the elbowroom for performer, do not specify his detailed instructions (Bach, Schubert).

All like observations allow to confirm that as physical structure art does not exist: "If we consider product on the part of his untouchable reality and herewith nothing its not привнесем themselves, that turns out to be, – writes M. Heidegger, – that product emerges before us in the same way naturally as belongings. The Picture hungs on wall as hunting handgun or as hat. The Quartettes Beethoven to rest upon storehouse publishers as potatoes in cellar. All product possess this corporeality. Than were they without it?" Thereby, authentic existence of the artistic product – in his spiritual existence.

Developping this thesis, polish aestheticises Ingarden (1893-1970) is biased to interpret the way existence works of art as visibility. If it is impossible feel, touch this spiritual, psychic sense, signifies this air, which at all impossible define. "As, however, can exist something that is not neither psychic (conscious), nor physical, – moreover exist even then, when him nobody conciously does not concern with?... As possible to in most different performances audible was too most to every time was shown us same product in original, in its inherent look?" – asks Ingarden. Certainly, this impossible, moreover, folklore product, to example while lives, always s and never can be created once for ever – in absence of the author and reason his multiversions.

Else on thoughts of the E. Kants question about existence art most on itself turn out to be the deprived sense. His interpretation art as "practicability without purpose" expected the participation of the subject as integral figure of the artistic perception. Only through join intentions artistic text with real experience of the individual could take place nonsubjecting and actualization of the contents. Moreover, fact new itself and new approximation to already known product – an insscenes, interpretations, versions – a certificate ontological anexhaust, melting in him "reserve of the sense". Thence wide-spread judgement that present sense of the work of art there is collection all history sense, for which it gives the cause. Exactly ansolve, secret, riddle, metamorphosis of the artistic text allows each new epoch "in throw" in product its ontological problem.

In process of the history life of the products his cultural ambience, too being included in this artistic text; i.e. history interpreting the product, his artistic reputation creates the context, predestining the most further riverbed his nonsubjecting. The Researchers speculated on this problem, reconverge in that that symbology of the artistic product it is impossible identify neither with emotional condition his creator, nor with the same condition perceiving subject. The Product of the labour of the artist, when he completed, ceases to be its spiritual property and begins to express the sense, not always coinsiding with those, put the artist in it.

References

- BOREV 2004 = BOREV U.B. Aesthetics Series «Higher education». Rostov n/D: «Fenics», 2004.
- KEMEROV 1996 = Modern philosophical dictionary. Under ed. d.f.s., prof. V.E. Kemerov. 1996.
- PILV 1996 = Philosophical ideas Lyudviga Vitgenshteyna. Moscow, 1996.
- SCHELLING 1966 = SCHELLING F.V.I. The Philosophy of Art [Tran. of the entr. article P.S. Popov and M.F. Ovsianicov]. Moscow, 1966.
- HUSSERL 1931 = HUSSERL E. Ideas: general introduction to pure phenomenology. London, 1931.
- MELVILLE 1995 = Vision and textuality. Ed. by St. Melville, B. H. Reeding, Basingstock, 1995.
- WITTKOWER 1955 = WITTKOWER R. Interpretation of Visual Symbols in Art. Studies in Communication. London, 1955.
- HEIDEGGER 1997 = HEIDEGGER M. Existence and time. Moscow, 1997.
- GADAMER 1988 = GADAMER H. The Truth and method. Moscow, 1988.
- BARTHES 1989 = BARTHES R. Elected work. Moscow, 1989.
- DERRIDA 2000 = Power and signification // Derrida ZH. Letter and difference. SPB: Академический проект, 2000.
- RICOEUR 1995 = RICOEUR P. Conflict interpretation. The Essays about hermeneutics. Moscow, 1995.

Kocsis Mihály
(Szeged, Magyarország)

MEGJEGYZÉSEK A MODERN UKRÁN HELYESÍRÁS SZÜLETÉSÉHEZ

Abstract: The modern Ukrainian spelling was born in the 19th century. The scientists and writers had to deal with two different groups of questions: the first set of issues was related to Ukrainian linguistic features, the other set was purely orthographic. Facts reveal that the solution of the first set of problems was much simpler.

Keywords: Ukrainian language, orthography, history, 19th century

A modern ukrán helyesírás létrehozásához megoldandó problémákat két csoportba sorolhatjuk.

Az elsőbe a nyelvre jellemző sajátos hangváltozások jelölése tartozik. Ezek a fonetikai sajátosságok a következők: a régi *jery* és *i* egybeesése; a zárt szótagba került *o* és *e* megváltozása; a *jaty* módosult ejtése; az örökölt szavakban réshanggá vált, viszont az idegenekben továbbra is felpattanó zárhangként ejtendő (két) *g* különbözősége. Ezeknek az ukranizmusoknak a jelölése könnyen elsajátítható ortográfiát eredményez, ezzel szemben jelöletlenségük hatalmas olvasótáborot biztosít a szépirodalmi és tudományos művek számára (minthogy ez esetben az orosz anyanyelvű olvasó is érti a szöveget) – a XIX. század első felének írói és tudósai ezzel a dilemmával néztek szembe (erről bővebben: KOCISIS 2013b: 222).

A másik csoportot a tisztán helyesírási kérdések alkotják (ezek megoldása általában az orosz helyesírás-történetben is gondot jelent). Ide számíthatjuk a szóvég jelölését (a szóközön túl keményjellel vagy anélkül); a *je*, *jo*, *ji* hangkapcsolatoknak, valamint az *e*, *o*, *i* előtti mássalhangzók lágyságának a visszaadási módját (másképpen: a **я** és a **ю** betűn kívüli „jésített” betűk írását vagy nélkülözésüket); szó belsejében a *j* hang előtti mássalhangzó keménységének a jelzését.

Nem állíthatjuk, hogy a fenti felsorolásban a modern ukrán helyesírás valamennyi megoldandó kérdését megneveztük, azt azonban igen, hogy a XIX. században felvetett problémák közül kétségtávol ezek voltak a legfontosabbak. Állításunk igazolására megismételjük azt a táblázatot, melyet a legutóbbi szombathelyi előadásunkhoz mellékelünk (KOCISIS 2013a: 288-291 – a megjegyzéseket is beleértve):

Az ukrán helyesírás történeti fejlődésének táblázata

Szerző	Év	Ъ	Ukr. И	і<е	і<о	і<ѣ	ї	є	йо, ьо	Néma	Г
Régen		Ъ	Ы,И	є	о,и, ѣ	ѣ,и	и	є,є	іо,іô	Ъ,Ъ,'	КГ, Г
Kotljarevs'kyj	1798	Ъ	Ы,И	и	и,ѣ	ѣ	ѣ, и	е	іо,е		Г
Kotljarevs'kyj	1799	Ъ	Ы,И	и, ѣ	и,ѣ	ѣ	и, ѣ	е	іо	Ъ	
Kotljarevs'kyj	1809	Ъ	Ы,И	и	и,ѣ	ѣ,и	ѣ, и	е	іо		
Pavlovs'kyj	1818	Ъ	Ы	і	і	і	і	ѣ	іо	Ъ	КГ
Vojcechovyč	1823	Ъ	И,Ы	е	о	ѣ,и	и	е	іо	Ъ	Г, КГ
Mohyl'nyc'kyj	1823	Ъ	Ы,И	є	о,ô	ѣ	и	е			Г
Maksymovyč	1827	Ъ	И,Ы	ê	ô	ѣ	и, и̂	е	ë	Ъ	
Lučkaj	1830	–	Ы	е	о	ѣ	и, ї	е		ї	Г
O.Levyc'kyj	1834	Ъ	Ы,И		ö,ô	ѣ		е	ë		Г
Topolja	1837	Ъ	Ы	и̂	и̂	ѣ,и̂	и̂	е	іо	Ъ	
„Rusalka Dnistrovaja”	1837	–	И	і	і	ѣ	ѣ	є	йо, ьо	–	
Pysarevs'kyj	1840	Ъ	Ы	и	и	и		е	йо,іо	Ъ	КГ
Karpenko	1845	Ъ	Ы	и	и	и	ии, и	ѣ	іо	Ъ	
Vahylevyč	1845	Ъ	И,Ы	е	о	ѣ	и	е	йо	–	
Hlyns'kyj	1845	–	И,Ы	ѣ	ö	ѣ	ѣ, і	є	іо	–	Г
Lozyns'kyj	1846	–	Ы,И	е	о	ѣ,и	и	е	ьо,йо	–	Г
Holovac'kyj	1849	Ъ	Ы,И	ê	ô	ѣ	ѣ	є	іô	–	Г
Osnov'janenko	1851	Ъ	И	і	і	і	и	е	ë	Ъ	
Borovykovs'kyj	1852	–	И,И	и	и	и	и	є	ë		g
Metlyns'kyj	1854	–	Ы			и	и	є,е	йо, ьо	Ъ	
Kuliš	1856	Ъ	И	і	і	і	і	є,е	ë	Ъ	
Maksymovyč	1859	Ъ	Ы,И	ê	ô	ѣ	и̂	є	ë	Ъ,Ъ	
Ševčenko	1861	Ъ	Ы	и,і	и,і	и,і	и	е	ë	–	
„Osнова”	1861	Ъ	И	і	і	і	і	е	ë	Ъ,Ъ	

Kuliš	1861	Ь	И	і	і	і	і	е,є	ѣ	–	g
Насцук	1861	–	И	ї	ї	ї	і	'є,є	Ѡ	'	
Osadca	1862	Ь	Ы,И	е,ѣ	Ѡ	ѣ	И	є	іо	–	
Nomys	1864	–	И	і	і	і	і	є	ѣ	Ь	g
Djačan	1865	Ь	Ы,И	ê	Ѡ	ѣ		є			
„Zapysky”	1873	–	И	і	і	і	ї	є	Ьо,ѣ		кГ
Rudčenko	1874	–	И	і	і	і	ї	є	ѣ	Ь	
Čubyns'kyj	1874	Ь	И	і	і	і	і	є	ѣ	Ь	
Antonovyč	1874	–	И	і	і	і	ї	є	ѣ	Ь,Ь	
Komarov	1874	–	И	і	і	і	ї	є	ѣ	Ь	
Loboda	1874	–	И	і	і	і	їі	є	їо, Ьо	Ь	g
Kostomarov	1875	Ь	И	і	і	і	і	е	ѣ,іо	Ь,Ь	
Drahomanov	1876	–	И	і	і	і	ї	є	ѣ		
Staryc'kyj	1876	–	И	і	і	і	ї	є	ѣ	Ь,Ь	
„Kobzar” (Praha)	1876	–	И	і	і	і	ї	є	ѣ	Ь,Ь	
Niščyns'kyj	1883	Ь	И	і	і	і	і	е	е		
„Rada”	1883	Ь	И	і	і	і	і	е	ѣ	Ь	
Ohonovs'kyj	1889	Ь	Ы,И	ê,ѣ	Ѡ	ѣ	И	є			
Želechivs'kyj	1889	–	И	ї	і	ї	ї	є	їо, Ьо	–	
„Hromads'ka Dumka”	1905	–	И	і	і	і	ї	є	їо, Ьо	'	г
Jelenleg	1918	–	И	і	і	і	ї	є	їо, Ьо	'Ь	г

A már ismert táblázat Ivan Ohijenko 1919-ben megjelent könyvéből (ОГИЕНКО 1919) származik (s az internetre H. P. Pivtorak jóvoltából került fel, lásd РЕФОРМИ), annak általunk „magyarított” változata. (A fordításhoz és – az egyértelműség érdekében tett – minimális változtatásokhoz fűzött magyarázatok a legutóbbi konferenciakötetben olvashatók, itt nem ismételjük meg őket.) Jól látható viszont, hogy az ukrán helyesírás-történet neuralgikus pontjainak áttekintésekor mi is Ohijenko professzor adataiból indultunk ki. Ez azonban nem jelenti azt, hogy megjegyzés nélkül fogadtuk volna el őket: hiányoltuk pl. a táblázatból Ivan Kotljarevs'kyj *Enejidájának* 1842. évi negyedik, továbbá Amvrosij Metlyns'kyj professzor 1848-ban kiadott könyvének (*Южный русский сборникъ*) az adatait (e könyvek jelentőségéről l. még KOCSIS 2011a, КОЧИШ 2012, illetve KOCSIS 2012) – mindkét kiadvány, melyre még visszatérünk, Harkovban látott napvilágot. (Metlyns'kyj művének csak a címe és a gyűjtött anyag publikálásának helyesírását ismertető és megokoló előszava az orosz nyelvű.)

Ezek után rátérünk az írásunk elején részletezett kérdésekre.

1. A *jery* és az *i* hang összeolvadásából keletkezett ún. ukrán *jery* visszaadása akkor felel meg az elvárásnak, hogy tükrözze a modern ukrán hangrendszert, ha *egyetlen* (és más hang jelölésére nem használt) betűvel történik. Ezt a követelményt O. Pavlovs'kyj grammatikája (1818) a **ѣ** kizárólagos írásával már teljesíti; ehhez képest másodlagos fontosságú, hogy az ukrán *jery* mai **и** betűje 1837-ben a „Rusalka Dnistrovaja” c. almanachban jelenik meg egyetlenként. Az **и** végleges győzelme (vagyis a **ѣ** kiszorítása) majd az 1860-as évektől lesz csak egyértelmű.

2. A zárt szótagba került *o* és *e* megnyúlt, az irodalmi nyelvben *i*-vé vált. Ezt a hangváltozást Kotljarevs'kyj már egyértelműen jelöli (bár hozzá kell tennünk, hogy az – akkor még nem teljes – *Enejida* 1798-as és 1799-es első két megjelentetése az író tudta nélküli ún. kalózkiadás, ezért helyesírás szempontjából valójában csak a harmadik kiadást jogos a szerző nevéhez kötni). Ez az 1809. évi változat a fonetikus írás szempontjából elsősorban nem azért tökéletlen, mert az *i*-t két betűvel (**и** és **ѣ**) is jelöli, hanem azért, mert előbbi az ukrán *jery* visszaadására is igénybe veszi. (Ha ugyanis egy hangot két betű jelöl, ám azok a grafémák egyetlen más fonéma visszaadására nem használatosak, a rendszer bonyolultabb lesz ugyan, de ettől még egyértelmű marad: gondoljunk csak a magyar *j* hang két betűjére.) Az ukrán *jery* és az *i* visszaadása világosan különbözik O. Pavlovs'kyjnál (1818), aki utóbbira az *i*-t vezeti be; őt követi a „Rusalka Dnistrovaja” (1837), H. (Kvitka-)Osnov'janenko (1851) és P. Kuliš (1856), hogy azután az 1860-as évektől ennek a betűnek az írása is általánossá váljék. Ugyanakkor meg kell jegyezni, hogy a fonetikus írás szempontjából kifogástalan megoldás még M. Maksymovyč **ѣ** és **ѡ** betűje (1827), ahol a kiejtést valójában a „tető” jelöli, az alatta lévő betű a hang eredetére utal (erről l. még KOCSIS 2011b és КОЧИШ 2012), valamint K. Topolja (1837) **и** grafémája és S. Pysarevs'kyj (1840) **и**-je is (a *jery* betűje ezektől mindegyiküknél eltér). Maksymovyčot majd Ja. Holovac'kyj (1849), Pysarevs'kyjt pedig S. Karpenko (1845) követi. Ohijenko professzor táblázatából sajnálatos módon kimaradt az *Enejida* posztumusz negyedik kiadása (КОТЛЯРЕВСКИЙ 1842), melyet maga a szerző készített elő nyomtatásra: ebben Kotljarevs'kyj az *i*-t **и**-vel jelölte (a *jeryt* pedig már kizárólag **ѣ**-vel), továbbá A. Metlyns'kyj korábbi gyűjteménye (МЕТЛИНСКИЙ 1848), ahol a zárt szótagbeli *o* és *e* helyén – Topoljához hasonlóan – **и**, a *jery* betűjeként viszont **и** olvasható (l. a könyv 25. oldaláról: **дзвѣи, весѣльѣя, де милѣи, дитина, одним**).

3. A mai irodalmi nyelv alapját képező nyelvjárásokban a **ѣ** ejtése már évszázadok óta *i* volt, következésképpen az *i* hangnak ezzel a betűvel történő jelölése teljes mértékben megfelel a modern ukrán hangrendszernek. I. Kotljarevs'kyj 1809-ben mind a *jaťyból*, mind a zárt szótagbeli *o*-ból származó *i*-re a **ѣ** és az **и** grafémát is használta; utóbbi betű (az **и**) viszont az ukrán *jery* folytatásaként is

előfordult, így ez a grafikai rendszer nem volt tökéletesen fonetikus. Az 1842. évi negyedik kiadásban viszont (bármely eredetű) *i*-re úgy használta az **и**-t, hogy az ukrán *jery* betűje a tőle különböző **и** – ez már hibátlan fonetikus helyesírás (KOC SIS 2013a: 290). A *jaty* helyén ma írandó **i** betű O. Pavlovs'kyj (1818) javaslata, de a **ѣ** írását őrző M. Maksymovič-féle ortográfia (1827) is teljesen fonetikus. (Ne felejtjük el, hogy míg az új zárt szótagba került *o*, *e* folytatásaként létrejött *i* jelöléséhez szükség van a „tető” írására, addig a minden pozícióban *i*-vé vált egykori *jaty* esetében nem.) Ugyanígy kifogástalan (mai „fonetikus” szemmel nézve) a „Rusalka Dnistrovaja” (1837) bonyolultabb (a **ѣ** írásának őrzése, de **i** betű a zárt szótagbeli *o*, *e* helyén) és S. Pysarevs'kyj (1840) egyszerűbb (bármely eredetű *i* írásakor **и**) rendszere – az ukrán *jery* visszaadására ugyanis mindegyikük ezektől eltérő betűt használ.

4. Az idegen és hangutánzó szavakban előforduló felpattanó zár *g*-t a középkori oklevelek írnokei gyakran **кг** digráffal jelölték; visszaadására Meletij Smotryc'kyj 1619-ben a – ma is használatos – **г** betűt javasolta (ПАНОЧКО 1993: 214-215). A *g* jelölésére a XIX. század folyamán mind a **кг** (O. Pavlovs'kyj 1818, S. Pysarevs'kyj 1840, „Zapysky” 1873), mind a **г** (O. Levyc'kyj 1834, T. Hlyns'kyj 1845, I. Lozys'kyj 1846, Ja. Holovac'kyj 1849), sőt, a latin **g** is (L. Borovykovs'kyj 1852, P. Kuliš 1861, M. Nomys 1864, M. Loboda 1874) használatban volt. Hozzá kell tennünk, hogy a betűválasztást a nyomdai készlet is befolyásolhatta, amint azt O. Pavlovs'kyj esetében joggal feltételezzük (HИМЧУК 2004: 7).

5. A szóvégi jelölésének módja olyan kizárólagosan helyesírási kérdés, mely az egyértelműség szempontjából semmilyen jelentőséggel nem bír. Ha ugyanis a szóköz előtti mássalhangzó lágyságát a lágýjel rendre mutatja, a kemény szóvégi mássalhangzó betűjét akár követi keményjel, akár nem – az olvasás szempontjából mindez teljesen lényegtelen. (Ettől persze még igaz marad az az állítás, hogy a keményjel írása – éppen az elmondottak miatt – teljesen felesleges.) Az ukrán helyesírás történetében M. Lučkaj, azaz LutsKay Mihály (1830) és a „Rusalka Dnistrovaja” (1837) az első két példa a szóvégi keményjel mellőzésére, ám e helyesírási kérdésnek a marginális voltát igazolja az a tény, hogy még az 1880-as években is többen a keményjel használata mellett döntöttek.

Az ún. „jésített” betűk megválasztásánál viszont már van egy fontos szempont: bármilyen legyen is azok alakja, annak különböznie kell a „jésítetlen” pártól. A *j+e* hangkapcsolat mai **є** betűje 1837-ben a „Rusalka Dnistrovajában” bukkan fel, de írása csak az 1860-as évektől válik általánossá. A XIX. század első felében a legtöbben – az orosz grafikát utánózva – a **e** betűt, néhányan (O. Pavlovs'kyj 1818, S. Karpenko 1845) a **ѣ** grafémát favorizálják. A két megoldás nem egyforma értékű: míg a **e** írása az egyértelműség szempontjából zavart okoz (mert egybeesik a „nem lágýító” *e* jelével), addig Pavlovs'kyj és Karpenko **ѣ** betűje nem, ők ugyanis a *jaty*ot más hang(ok) visszaadására nem vették igénybe.

Ha ugyanezt a logikát követjük, akkor a *j+o* kapcsolatot, illetve a lágy mássalhangzó utáni 'o-t jelölő orosz mintájú **ѣ** és a ma elterjedt **йо, ъо** írásmód egyformán tökéletes megoldás. Ezért nem lehet véletlen, hogy a **ѣ** írása csak a XIX. század legvégére szorul vissza, holott a **йо, ъо** a „Rusalka Dnistrovájában” (1837) már olvasható (igaz, fél évszázad alatt sem sokan követik).

A **ї** a mai ukrán ábécé legfiatalabb betűje: használatát a „Zapyski” (eredeti teljes nevén: Записки Юго-Западнаго отдѣла Императорскаго Русскаго географическаго общества) s. folyóirat 1873-ban vezeti be. Ezt megelőzően, mint látjuk, nemigen tartották fontosnak megkülönböztetni a *j+i*-t az *i*-től (olykor az ukrán *jery* betűjétől sem). A **ї** történetéhez két megjegyzés okvetlenül kívánkozik. Az egyik: LutsKay Mihály (1830) már használta ugyan ezt a grafémát, de más célra (pl. **ѣю** – lásd РЕФОРМИ). A másik: Je. Želechivs'kyj helyesírásában (1889) a **ї** írása ugyan gyakori (a zárt szótagbeli *e* és a *jaty* helyén is megtalálható), ám nem hagyhatjuk figyelmen kívül, hogy az ő javaslata a galíciai és a bukovinai iskolák számára készült: Želechivs'kyj az *o*-ból keletkezett *i* hangot jelölte csak **i**-vel, amely előtt a mássalhangzó kemény maradt, pl. [стїл], [цїк] (ПІВТОРАК). Következésképpen a **ї** valójában a „lányító” *i* betűje (s ezért nem különbözik a *j+i* hangkapcsolat jelétől).

A lágyság és a keménység (azaz nem-lágyulás) szó belsejében való jelölésére ma a lágyljel, illetve az aposztróf a használatos. Ismét tisztán helyesírási kérdésről van szó, a megoldási javaslatok vagy követték az orosz helyesírást, vagy pedig eltértek tőle.

Összegezve megállapíthatjuk, hogy az ukrán nyelv hangtani sajátosságainak visszaadására jóval hamarabb született a mai, alapvetően fonetikus helyesírás szempontjából is kielégítő megoldás, míg a tisztán helyesírási kérdésekben az írásmód lényegesen lassabban kristályosodott ki. A legnagyobb tévedés lenne azonban az egyes helyesírási javaslatokat a jelenlegi szabályok fényében értékelni: az egyértelmű fonetikus jelölés ugyanis nem azonos automatikusan az érvényben lévő ortográfiai eljárással. Láttuk például, hogy az ukrán *jery* betűje ma éppúgy joggal lehetne akár **ѣ** is, feltéve, hogy ezt a grafémát más hang visszaadására nem alkalmazzák. Ugyanígy az *i* hangot **ѣ**, a *j+o* hangkapcsolatot pedig **ѣ** is jelölhetné, amennyiben ezt a két betűt másra nem használják. A fonetikus helyesírás követelményének tehát bármelyik említett alternatív megoldás tökéletesen megfelelne.

Hogy mennyi az ellentmondás a korábbi kezdeményezések megítélésében, arra elegendő egyetlen példát említenünk. Mychajlo Drahomanovnak az 1877-ben kidolgozott – s a korabeli szerb helyesírás ihlette – szisztémája A. Kryms'kyj akadémikus véleménye szerint a valaha létezett legtudományosabb helyesírás volt (КРИМСЬКИЙ 2004: 408). Drahomanov ugyanis az „egy hang egy betű” elvet tökéletesen valósítja meg. Ám az 1870-es évekre az ukrán *jery*, valamint a zárt szótagbeli *o*, *e* és a *jaty* helyén álló *i* jelölésének a kérdése már

megnyugtatóan megoldódott; Drahoanov ezért elsősorban a „jésített” betűk elvetésével alkotott jelentősen újat: a **ja, je, ji, jo, jy**, illetve – mássalhangzók után – a **ѧ, ѧе, ѧі, ѧо, ѧу** betűkapcsolatokat ajánlotta. Újítását azonban kevesesen követték (ennek a fő oka Drahoanov radikális politikai nézeteiben rejlik – НИМЧУК 2004: 9-10), s Ohijenko is elhallgatja idézett táblázatában. Pantelejmon Kuliš (1857 és 1861) a „jésített” betűk használatában szintén nem a mai elveket követi (nála a *j+e* visszaadása **e** és **є** betűvel, a *j+o* pedig **ѧ** betűvel történik). Mindennek dacára a mai ukrán helyesírásnak *kulišivka* a neve.

Az elmondottakat alapul véve talán nem lenne haszontalan a modern ukrán helyesírás XIX. századi történetét és az ezt alakító személyiségek munkásságát újólag áttekinteni.

Irodalom

- KOCSIS 2011a = KOCSIS M. Vergilius és az ukrán helyesírás // Corollarium: Tanulmányok a hatvanöt éves Tar Iboyla tiszteletére. Szeged, 2011. 131-134.
- KOCSIS 2011b = KOCSIS M. Mychajlo Maksymovyč helyesírásáról // Studia Slavica Savariensia, 2011. 1-2. Szombathely, 2011. 177-179.
- KOCSIS 2012 = KOCSIS M. Egy elfeledett professzor: Adalék az ukrán helyesírás történetéhez // Legendák, kódexek, források: Tanulmányok a 80 esztendő H. Tóth Imre tiszteletére. Szeged, 2012. 143-145.
- KOCSIS 2013a = KOCSIS M. Harkov és az ukrán helyesírás-történet // Studia Slavica Savariensia, 2013. 1-2. Szombathely, 2013. 286-293. DOI: [10.17668/SSS.2013.1-2.286](https://doi.org/10.17668/SSS.2013.1-2.286)
- KOCSIS 2013b = KOCSIS M. „Oroszbarát” és „szakadár” jelenségek az ukrán helyesírás történetében // Társadalmi változások – nyelvi változások: Alkalmazott nyelvészeti kutatások a Kárpát-medencében [=MANYE, Vol. 9]. Budapest – Szeged, 2013. 221-223.
- КОТЛЯРЕВСЬКІЙ 1842 = Виргилієва Енеїда, на малоросійській мові перекладена І. Котляревськимъ, I–VI. Харківъ, 1842. (Faksimile kiadása: Киев, 1979.)
- КОЧИШ 2012 = КОЧИШ М. О правописании И. Котляревского и определении его места в истории украинской графики и орфографии // Slavica XLI. Debrecen, 2012. 107-110.
- КОЧИШ 2012 = КОЧИШ М. Михайло Максимович: етимологіст чи фонетик? // Hungaro-Ruthenica VI. Szeged, 2012. 93-96.
- КРИМСЬКИЙ 2004 = КРИМСЬКИЙ А. Нарис історії українського правопису до 1927 року // Історія українського правопису XVI-XX століття: Хрестоматія. Упорядники: В.В. Німчук, Н.В. Пуряєва. Київ, 2004. 393-414. (Első közlése: Записки Історико-Філологічного Відділу УАН, кн. XXV. Київ, 1929. 175-186.)
- МЕТЛИНСЬКІЙ 1848 = Южный русскій зборникъ, издание Амвросія Метлинскаго. Харківъ, 1848.
- НИМЧУК 2004 = НИМЧУК В. Передне слово // Історія українського правопису XVI-XX століття: Хрестоматія. Упорядники: В.В. Німчук, Н.В. Пуряєва. Київ, 2004. 5-26.

- ОГИЕНКО 1919 = ОГИЕНКО И. Курс українського мовознавства: Из лекцій по истории українського мовознавства. Изд. 2. Київ, 1919.
- ПАНОЧКО 1993 = ПАНОЧКО М. Літера «г» в українській мові і укладання довідника слів з названою літерою // Другий міжнародний конгрес україністів: Доповіді і повідомлення: Мовознавство. Львів, 1993. 214-217.
- ПВТОРАК = ПВТОРАК Г. Желехівка // Українська мова: Енциклопедія. <http://litopys.org.ua/ukrmova/um17.htm> (2016. december 1.)
- РЕФОРМИ = Реформи алфавіту і графіки. // Українська мова: Енциклопедія. <http://litopys.org.ua/ukrmova/um81.htm> (2016. december 1.)

Живка Колева-Златева
(Велико Тырново, Болгария)

ОБ ОДНОЙ ГРУППЕ СЛАВЯНСКИХ НАЗВАНИЙ КАРТОФЕЛЯ

Abstract: The article examines series of Slavic denominations of potato containing reduplicated clusters of sounds. A hypothesis for sound-symbolic origin of the words is presented. The following data were taken into account: the formal and semantic parallelism between words with reduplication expressing the same meaning, their formal and semantic variation, formal irregularities, contamination.

Keywords: Slavic languages, etymology, reduplication, sound-symbolic origin

1. Немного истории

Картофель распространяется в Европе с XVI века, куда был завезен из Южной Америки испанскими мореплавателями завоевателями. В изданных ими путевых записках или хрониках они упоминают о корнях, именуемых индейцами *rapas*, похожих на каштаны (ANDAGOYA 1865: 74) или на трюфели (*turmas de tierra*), которые, «будучи сварены, становятся мягкими внутри, как сваренные каштаны» (CIEZA DE LEÓN 2005: 115). В европейских странах новый овощ принимали с недоверием. Как отмечает В.В. Григорьев в своем «Руководстве к ботанике», «весьма замечательно то, что кофе и табак, несмотря на все запрещения, весьма быстро распространился в Европе, тогда как картофель, несмотря на все поощрения, долго встречал в народном суеверии и предрассудках сильное сопротивление» (ГРИГОРЬЕВ 1861: 232). В «Энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза, И.А. Ефрона тоже отмечено, что на протяжении первого столетия после того, как был завезен в Европу, «картофель распространялся довольно туго, особенно в Восточной Европе» (БРОКГАУЗ – ЕФРОН 1895: 625).

Индийское название картофеля было заимствовано только в испанском языке. В Италии картофель был назван *tartufo*, *tartufolo* «трюфель» из-за сходства с трюфелями. Итальянское название было заимствовано немцами, которые сначала назвали картофель *Tartuffel*, и это слово впоследствии диссимилировалось в *Kartoffel*, заимствованное рядом языков, в том числе и славянскими, ср.: русск. *картофель*, укр. *картопля*, словацк. диал. *kartofel*, польск. *kartofel*, сербохорв. *kr̂tōla*, рум. *cartóf*, болг. *картоф*, алб. *kartole* и др. (MEW: 112; KLUGE 1889: 162). Другое, широко заим-

ствованное название картофеля – это исп. *potato*, *batata*, которое само является заимствованием названия *batata* из местного индейского языка, говоримого в Хаити, ср.: англ. *potato* ‘картофель’, гр. *πατάτα*, алб. *patate*, болг. диал. *patàti* мн. ‘картофель’, чешск. диал. *batat*, *batata* и др. (OED; БЕР, V: 92; PSJČ). Во Франции называли картофель *potme de terre* «земляное яблоко», калькированное и русским *земляное яблоко*, чешским диал. *zemské jabličko* (ДАЛЬ; PSJČ). Аналогичным названием является и нем. диал. *Grundbirne*, буквально «земляная груша», первоначально означающее *Helianthus tuberosus*, а с XVIII в. – и картофель, калькированное чешским диалектным *zemská hruška* (PSJČ), заимствованное и в других языках, ср.: чешск. *krumpír*, словацк. *krumpel'*, польск. диал. *kumpery*, словен. *krompir*, сербохорв. *krumpir*, болг. диал. *krumpir*, рум. диал. *crump*, венг. *krumpli* и др. (цит. по БЕР, III: 25-26). Отметим, что заимствование названий для картофеля, в том числе и славянскими языками, вполне естественно, имея в виду сам процесс заимствования новой реалии.

2. Славянские названия картофеля с редупликацией

Славянские языки прибегали к называнию картофеля не только заимствованными или образованными по чужим моделям наименованиями. В настоящей статье рассмотрим исконные славянские названия картофеля. И это такие названия, в звуковой форме которых можно усмотреть **редупликацию** – полную (типов: CV-CV; CVR-CVR; CR-CR) или неполную (типов: CV-CVR; CVR-C), в некоторых случаях затемненную диссимилиацией, закономерными фонетическими изменениями или экспрессивным развитием. Ср. следующие названия:

словен. *bò-b^l* ‘картофель’ (PLETERŠNIK, I: 36), сербохорв. *bó-b-a* ‘клубень картофеля’ (RJA, I: 463), болг. диал. *влашки бо-б* (СТОЙКОВ 1993: 307);

укр. диал. *бом-буль-ка*, *бом-бов-ка* (<**бом-бол-ка*) ‘плод картофеля’ (цит. по ЕСУМ, I: 228), *бам-буль-ка* ‘круглая ягода (на ботве картофеля)’ (ГРИНЧЕНКО, I: 26), н.-луж. *bat-bul-ka* ‘ягодка картофельного цветка’ (МУКА, I: 12), чешск. диал. *bat-bol*, *bat-b-och* (цит. по KORANDOVÁ 1962: 183), словен. *bòm-b-ek* ‘мелкие клубни картофеля для посадки’ (PLETERŠNIK, I: 45);

укр. *бала-бáн-ка* ‘очень крупный сорт картофеля’, *бала-бóн-ка* ‘род растения с клубнями на корне, похожими на картофель’ (ГРИНЧЕНКО, I: 23), диал. *бала-бон* ‘то же’, польск. диал. *bala-bon*, *bala-bun*, *bala-ban*, *bala-baj-a*, *bala-baj-ka* ‘клубень картофеля’ (цит. по ЕСУМ, I: 122), укр. диал. *бара-бул-я*, *бара-бóн-я*, *бара-бiль*, *бара-бiй*, *бара-бiн*, *бара-бóн*, *бара-бóл-я*, *бала-бур-ка* ‘картофель’ (цит. по ЕСУМ, I: 137), болг. диал. *бара-бóй*, *бара-бóй-ки*, *бар-бóй*, *бр-бой*, *бра-бóй*, *брь-бóй* ‘картофель’ (цит.

¹ Усмотренные редулицированные звуковые комплексы выделены дефисом. В некоторых случаях указаны варианты.

по БЕР, I: 32), *брь-бóй* ‘то же’ (ГЕРОВ, I: 75), польск. диал. *bala-bur-ka* ‘вид картофеля’, *bara-bol-a* ‘то же’ (WARSZ., I: 89, 96), укр. диал. *бара-бол-я* ‘земляная груша’ (цит. по ЕСУМ, I: 138, где название представлено как результат перенесения названия картофеля из-за сходства между обозначаемыми объектами), русск. диал. *бала-бóл-ка*, *бала-бóш-ка*, *бала-бéш-ка*, ‘плод картофеля с семенами, вырастающий на стебле после цветения’, *бара-бóл-я* ‘картофель, клубни картофеля’, *бара-бóш-ки* мн. ‘то же’, *бол-бóш* обычно мн. ‘плоды картофеля, растущие на стеблях’ (СРНГ, II: 65-66, 68, 102; III: 71), *бара-бóл-я* ‘картофель’, *бара-бóш-ка* ‘земляное или чертово яблоко’ (ДАЛЬ) – здесь и далее некоторые формы с экспрессивным изменением *л > ш*;

болг. диал. *барам-бóй*, *брам-бóй*, *брьм-бóй*, *брьм-бол-е*, *брьм-бул-е* ‘картофель’ (цит. по БЕР, I: 32), чешск. *bram-bor*, диал. *bram-bor-a*, *bram-bor-o*, *bram-bur* / *bram-búr*, *bram-bur-a* / *bram-búr-a*, *bran-bor*, *brani-bor*, *brant-bor-a*; *ban-dor*, *ban-dur* / *ban-dúr*, *ban-dor-a*, словацк. диал. *bum-bur-y*, *ban-dur*, *ban-dor*, польск. диал. *bram-ber-y*, *bram-br-y* (KORANDOVÁ 1962: 183, 185) – возможно, здесь результат контаминации форм типа **bam-bul-/*bam-bur* и **bar-bor/*bar-bol/*bar-boj*;

русс. диал. *бо-бóль-ка* ‘наземный плод картофеля, образующийся из цветка’, *бó-бóш-ки* (*бó-б-ышки*) мн. ‘плоды картофеля’, *ба-бóш-ка* ‘плод картофеля’ (СРНГ, III: 40; II: 27), укр. диал. *бо-бáль-ки*, *бо-бáн-я* (*бо-б-áня*) ‘мелкий картофель’ (цит. по РУДНИЦЬКИЙ, I: 128), в.-луж. *bo-bl-e* мн. ‘зеленые плоды на стебле картофеля’ (PFUNL: 34), н.-луж. *bo-bul-e* мн. ‘клубни картофеля’ (МУКА I: 55), словацк. *bo-bál* ‘картофелина’ (цит. по МАСНЕК 1968: 59), укр. диал. *бó-бл-яхи* ‘плоды картофеля, растущие на стебле’ (цит. по ЕСУМ, I: 274);

укр. диал. *бу-зáй-ка* ‘сорт картофеля’ (цит. по ЕСУМ, I: 276) – форма с диссимилиацией: *б – б > б – з*;

польск. *bul-b-a* ‘картофель’ (WARSZ., I: 232), белорусск. *бóль-б-а* ‘то же’ (БАЙКОЎ – НЕКРАШЭВІЧ 1925), укр. *бóль-б-а* ‘картофель’, диал. ‘мелкий картофель’, русск. *бóль-б-а* ‘картофель’, *бóнь-б-а* ‘картофель; земляное или чертово яблоко’ (цит. по ЕСУМ, I: 291);

укр. диал. *бóль-м-а*, *буль-мáн* (*буль-м-áн*) ‘картофель’ (цит. по ЕСУМ, I: 291) – формы с диссимилиацией: *б – б > б – м*;

чешск. *bul-v-a* ‘свекловица; картофелина’ (цит. по МАСНЕК 1968: 76), словацк. *bul'-v-a* ‘корнеплод, картофелина’, польск. *bul-w-a* ‘картофелина’, укр. диал. *бóль-в-а* ‘луковица; картофелина’ (цит. по ЕСУМ, I: 292) – формы с диссимилиацией: *б – б > б – в*;

укр. диал. *бóр-б-а*, *бóру-б-а* ‘картофель’ (цит. по ЕСУМ, I: 298);

укр. диал. *гал-гáн* (*гал-г-áн*) ‘картофель’ (цит. по ЕСУМ, I: 459);

укр. диал. *гала-г-óда* ‘картофель’ (цит. по ЕСУМ, I: 456);

польск. диал. *gara-gol-a* ‘картофель’, укр. диал. *гара-гóл-я*, *гара-бóл-я* ‘то же’ (цит. по ЕСУМ, I: 137, 470) – последняя форма с диссимилиацией

консонантов: $\tau - \tau > \tau - \beta$ или результат контаминации, как указано в ЕСУМ (I: 470);

русс. диал. *гуль-б-іна* ‘картофель’ (СРНГ, VII: 198) – форма с диссимиляцией: $\beta - \beta > \varepsilon - \beta$;

польск. диал. *gor-dzol-a* ‘вид картофеля’ (WARSZ., I: 877), укр. *гор-дзól-я* ‘картофель’ (ЖЕЛЕХОВСКИЙ – НЕДІЛЬСКИЙ, I: 169) – форма с диссимиляцией консонантов: $\tau - \tau > \tau - \partial z$ или с экспрессивной палатализацией $\tau > \tau' > \partial z$;

укр. диал. *кара-кұл-я* ‘картофелина’, польск. диал. *kara-kul-a* ‘то же’ (цит. по ЕСУМ, II: 384);

русс. диал. *коло-кóш-ки* мн. ‘наземные плоды картофеля, образующиеся после цветения’ (СРНГ, XIV: 168);

н.-луж. *kul-k-a* ‘картофель’ (МУКА, I: 740);

польск. диал. *mar-mol-aki* мн. ‘вид картофеля’ (WARSZ., II: 883);

польск. диал. *mar-mur-ki* мн. ‘вид картофеля’ (WARSZ., II: 884).

Для некоторых слов из данного перечня высказывались мнения о заимствовании. Например, многими авторами выражается точка зрения о заимствовании наименования немецкого города Брандербурга через посредство его чешского наименования Бранибор, например для чешск. *brambor*, *brambora* (REJZEK 2001: 88-89), болг. диал. *барабóй*, *барабóйки*, *барбóй*, *брбой*, *брабóй*, *бръбóй*, *барамбóй*, *брамбóй*, *бръмбóй*, *бръмболе*, *бръмбуле* ‘картофель’ (БЕР, I: 32; СТОЙКОВ 1993: 305), укр. диал. *барабу́ля*, *барабóня*, *барабiль*, *барабii*, *барабiн*, *барабóн*, *барабóля*, *балабу́рка* ‘картофель’, польск. диал. *garagola* ‘картофель’, укр. диал. *гарагóля*, *гарабóля* ‘то же’ (ЕСУМ, I: 137). Если учесть весь перечень названий картофеля с редупликацией и выражаемые ими и другие значения (см. ниже), такая гипотеза выглядит маловероятной.

3. Формально-семантический анализ

Кроме редупликации, в данных рядах слов можно наблюдать также **формальную вариативность**. Ср., например:

польск. диал. *balabon*, *balabun*, *balaban*, *balabaja*, *balabajka*, укр. *балаба́нка*, *балабóнка*;

укр. диал. *барабу́ля*, *барабóня*, *барабiль*, *барабii*, *барабiн*, *барабóн*, *барабóля*, *балабу́рка*;

русс. диал. *барабу́ля*, *барабóля*;

болг. диал. *барамбóй*, *брамбóй*, *бръмбóй*, *бръмболе*, *бръмбуле*;

чешск. *brambor*, диал. *brambora*, *bramboro*, *brambur* / *brambúr*, *brambura* / *brambúra*, *branbor*, *branibor*, *brantbora*; *bandor*, *bandur* / *bandúr*, *bandora*;

польск. диал. *marmolaki*, *marmurki*.

Формальная вариативность дополняется случаями **незакономерного фонетического развития**. Ср.:

укр. диал. *барабѣн* и *барабѣн* – вторая форма без закономерного изменения [o:] > [i] в результате компенсаторного удлинения гласного [o] после выпадения краесловного ъ;

чешск. *brambor* и диал. *brambur* / *brambúr*; чешск. диал. *bandor* и *bandur* / *bandúr* – отсутствие закономерного изменения [o:] > [u:] в результате компенсаторного удлинения гласного [o] в *brambor* и *bandor* после выпадения краесловного ъ;

укр. диал. *бомбўлька*, н.-луж. *bambulka*, словен. *bômbek* – формы без монофтонгизации дифтонга *om / *am

К формальным особенностям слов следует также отнести отмеченные выше случаи **контаминации**, которые способствуются **относительным единообразием форм**, и случаи **экспрессивного развития**: изменения *л* > *ш*. О гипокористической функции согласного *ш* в изменениях, не обусловленных фонетическими законами, см. (MALKIEL 1990: 159).

Наблюдается также **вариативность семантики**. Цитированные слова называют не только картофель, но и другие небольшие шарообразные предметы, как: ягоды, пузыри, шишки, экскременты овцы, козы, шарообразные цветочки, изделия из теста и др. Ср. значения следующих слов:

сербохорв. *bóba* ‘клубень картофеля’ и ‘что-либо маленькое, округлое’, ‘маленькая бородавка на голове, например, у индюшат’, ‘маленький камешек’ (RJA, I ЕСУМ, I: 291: 463), укр. *бібка* ‘шарик маленький’ (ГРИНЧЕНКО, I: 59);

н.-луж. *bobule* мн. ‘клубни картофеля’ и ‘экскременты овцы, козы’ (МУКА I: 55), чешск. *bobule* ‘ягода’ (PSJČ), словацк. *bobuľa* ‘то же’ (SSJ, I: 109), болг. диал. *бобули* ‘кукуруза’ (БЕР, I: 60);

укр. *бўльба* ‘картофель’, диал. ‘мелкий картофель’ и укр. *бўльба* ‘земляная груша, *Helianthus tuberosus* L.’, диал. ‘репа, *Brassica campestris* L.’ (цит. по ЕСУМ, I: 291);

болг. диал. *брѣмбуре* ‘картофель’ и *брѣмбул* ‘водяной пузырь, образующийся вследствие бросания камня в воду’ (МЛАДЕНОВ 1967: 42);

укр. диал. *бомбўлька* ‘плод картофеля’ и ‘маленький шарообразный предмет’ (цит. по МАСНЕК 1968: 44)

укр. диал. *барабѣля* ‘картофель’ и *барабѣльки* ‘лютики’, *барабѣльки*, *барбѣльки* ‘норичник’ (цит. по ЕСУМ, I: 138);

болг. диал. *брбой*, *брабѣй*, *брѣбѣй*, *брѣбѣй* ‘картофель’ и *брѣбойка* ‘можжевеловая ягода’ (ГЕРОВ, I: 75)

укр. диал. *бобѣльки* ‘мелкий картофель’ и ‘клецки, род галушек’ (ЖЕЛЕХОВСКИЙ–НЕДІЛЬСКИЙ, I: 35);

укр. диал. *бугѣйка* ‘сорт картофеля’ и *бугѣй* ‘вид фасоли’, ‘сорт яблок’ (цит. по ЕСУМ, I: 276);

укр. диал. *бўрба*, *бўруба* ‘картофель’ и ‘круглые шишки на растении’ (цит. по ЕСУМ, I: 298);

русск. диал. *балабѣлка* ‘плод картофеля с семенами, вырастающий на стебле после цветения’ и ‘цветок колокольчик’, ‘водяная лилия’, ‘расте-

ние лютик’, ‘небольшая, очень сдобная лепешка’, ‘большая ягода’, ‘нарост на коже животного, человека; шишка...’, ‘шарообразный наколчичник на палке’, ‘клок шерсти, свалявшийся с грязью (у скота)’ и др. (СРНГ, II: 66);

н.-луж. *kulka* ‘картофель’ и ‘шарик’, ‘клецки как блюдо (из муки, картофеля и тем подобные)’, ‘щиколка на ноге или руке’, ‘головка булавки’ (МУКА, I: 740).

4. Гипотеза о происхождении слов

Отмеченные особенности цитированных славянских названий картофеля: редупликация, формальная и семантическая вариативность, случаи нарушения фонетических законов, относительное единообразие форм, которое способствуется редупликацией, контаминация, говорят в пользу того, что они могут быть наследниками звукоизобразительных этимонов, и точнее, звукосимволических (Систематизацию и анализ признаков звукосимволических слов см. в КОЛЕВА-ЗЛАТЕВА 2008: 54–76, где цитированы и другие авторы). Такое предположение подкрепляется также наблюдаемым формально-семантическим параллелизмом, состоящим в выражении одних и тех же значений формами с редупликацией. Формальное и семантическое сходство слов говорит о примарной связи между их формой и значением, т.е. о их фонетической мотивированности. Судя по выражаемым данными словами значениям, для их звукосимволических этимонов можно предположить первоначальное значение ‘маленький шарообразный предмет’, от которого могут быть получены все остальные значения. Такое значение выражается некоторыми из рассматриваемых слов, называющих картофель, как сербохорв. *bóba* ‘что-либо маленькое, округлое’, укр. *бібка* ‘шарик маленький’, *бомбулька* ‘маленький шарообразный предмет’, н.-луж. *kulka* ‘шарик’. В типологическом плане ср. также с чешск. *bambule*, *bambula*, дем. *bambulka* ‘что-либо круглое’, словацк. *bambolec*, *bombolec*, *brambolec* ‘то же’ (цит. по МАСНЕК 1968: 44), болг. *пуполец* ‘шарообразный предмет’, *пупуля* ‘шарик’ (ГЕРОВ, IV: 398), лит. диал. *burbulas* ‘шарик, кусок’, *bambolikas* ‘предмет овальной формы, колобок’, *karkólas* ‘шарик; колобок’ (LKŽ), рум. *gogoloi* ‘маленький шарообразный предмет’ (DEX 2009) и др.

Следовательно, рассматриваемые названия картофеля свидетельствуют о том, что в нередких случаях славяне называли клубни нового овоща «маленькими шариками», используя существующие звукосимволические экспрессивные слова, возможно, выражая при этом и ироническое отношение к иноземному овощу, о чем, как было отмечено выше, существуют и другие свидетельства.

Литература

- БАЙКОЎ – НЕКРАШЭВІЧ 1925 = БАЙКОЎ М. – НЕКРАШЭВІЧ С. (укл.). Беларуская-расійскі слоўнік. Менск, 1925. Факсімільнае выданьне: Менск, 1993. <<http://slounik.org/bn>> (26.11.2016)
- БЕР = Български етимологичен речник. София, 1971-
- БРОКГАУЗ – ЕФРОН 1895 = БРОКГАУЗ Ф.А. – ЕФРОН И.А. (изд.). Энциклопедический словарь. Т. XIV. С.-Пб, 1895.
- ГЕРОВ = ГЕРОВ Н. Речник на българския език. Фототипно изд. Т. I–VI. Т. VI събрал, наредил и изтъкувал Т. Панчев. София. (1895-1908), 1975-1978.
- ГРИГОРЬЕВ 1861 = ГРИГОРЬЕВ, В.В. Руководство к ботанике. В двух частях. Москва, 1961.
- ГРИНЧЕНКО = ГРИНЧЕНКО Б. (упор.). Словар української мови. Т. I–IV, Київ, 1907-1909.
- ДАЛЬ = ДАЛЬ Вл. Толковый словарь живого великорусского языка. <<http://slovardalja.net/>> (10.11.2016)
- ЕСУМ = Етимологічний словник української мови. У 7-ми т. Т. I–V. АН УРСР. Мельничук, О.С. (головн. ред.). Т. I–V. Київ, 1982-2006.
- ЖЕЛЕХОВСКИЙ – НЕДІЛЬСКИЙ = ЖЕЛЕХОВСКИЙ С., НЕДІЛЬСКИЙ С. Малорусско-німецкий словарь: У 2-х т. Львів, 1886.
- КОЛЕВА-ЗЛАТЕВА 2008 = КОЛЕВА-ЗЛАТЕВА Ж. Славянская лексика звуко-символического происхождения // Tractata Slavica Universitatis Debreceniensis. Vol. 1. Ред. серии К. Адягаши. Дебрецен, 2008.
- МЛАДЕНОВ 1967 = МЛАДЕНОВ М. Лексиката на ихтиманския говор // Българска диалектология. Проучвания и материали. Т. III. София, 3-196.
- РУДНИЦЬКИЙ = РУДНИЦЬКИЙ Я. (укл.) Етимологічний словник української мови: У 2-х т. Укл. Я. Рудницький. Вінніпег–Оттава, 1962-1982.
- СРНГ = Словарь русских народных говоров. Т. 1– (ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов), Ленинград, 1965-.
- СТОЙКОВ 1993 = СТОЙКОВ Ст. Българска диалектология. София, 1993.
- ANDAGOYA 1865 = DE ANDAGOYA P. Narrative of the proceedings of Pedrarias Dávila in the provinces of Tierra Firme or Catilla del Oro: and of the discovery of the South Sea and the coasts of Peru and Nicaragua. London: Hakluyt Society, 1865.
- CIEZA DE LEÓN 2005 = DE CIEZA DE LEÓN P.. Cronica del Peru. El Senorio de los Incas. Fundación Biblioteca Ayacucho, 2005.
- DEX 2009 = Dicționarul explicativ al limbii române, editat de Academia Română și Institutul de Lingvistică “Iorgu Iordan”, ediția a II-a, 1998. <<http://dexonline.ro/>> (24.11.2016)
- KLUGE 1889 = KLUGE FR. Etymologisches Wörterbuch der Deutschen Sprache. Straßburg, 1889.
- KORANDOVÁ 1962 = KORANDOVÁ M. O českých nářečních názvech pro brambory // Naše řeč, vol. 45 (1962), issue 5-6, 181-191.
- LKŽ = Lietuvių kalbos žodynas. Т. I–XX. Vilnius, 1941-2002 <<http://www.lkz.lt/dzl.php?1>> (24.11.2016)
- МАСНЕК 1968 = МАСНЕК V. Etymologický slovník jazyka českého. Druhé, opravené a doplněné vydání. Praha, 1968

- MALKIEL 1990 = MALKIEL Y. Diachronic Problems in Phonosymbolism // Edita and Inedita, 1979-1988. Vol. 1. Amsterdam/Phyladelphia: John Benjamins Publishing Company.
- MEW = MIKLOSICH F. Etymologisches Wörterbuch der slawischen Sprachen. Wien: Wilhelm Braumüller, 1886.
- MUKA = MUKA E. Slovník dolnosěrbskeje řečy a jeje narěcow. I-II. Reprint 1966. Petrohrad, 1911-1915, Praha, 1926, 1928.
- OED = HARPER, DOUGLAS. Online Etymology Dictionary. <<http://www.etymonline.com/>> (07.11.2016)
- PFUHL = PFUHL Chr. Tr. Obersorbisches Wörterbuch. Bautzen 1866. Fotomechanischer Neudruck. Bautzen, 1968.
- PLETERŠNIK = PLETERŠNIK M. Slovensko-nemški slovar. Ljubljana, 1894-1895.
- PSJČ = Příruční slovník jazyka českého. I-IX. Praha, 1935-1957. <<http://psjc.ujc.cas.cz/>> (10.11.2016)
- REJZEK 2001 = Rejzek J. Český etymologický slovník. Leda, 2001
- RJA = Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. I-XXII. Zagreb. 1880-1975.
- SSJ = Slovník slovenského jazyka. Ved. red. Št. Peciar. I-VI. Bratislava, 1959-1968.
- WARSZ = KARŁOWICZ J., KRYŃSKI A., NIEDŹWIEDZKI W. Słownik języka polskiego. T. I – VIII. Warszawa, 1900-1927.

Marija Kozar-Mukič
(Sombotel, Madžarska)

LEPA VIDA S KAČO V MADŽARSKEM PREVODU AVGUSTA PAVLA
IN PORABSKI PRAVLJICI

Abstract: The international motive „a girl rescues the prince cursed into a snake” is well-known mostly in the prozaic tradition. It is preserved also in a tale from the Raba-region. Folk poems with this motive were written down in the Prekmurje-region. One of those poems was translated into Hungarian by Avgust Pavel, the first professional scientist from Prekmurje. He was born 130 years ago.

Keywords: Avgust Pavel, Beautiful Vida and the snake, folk poem, tale

Mednarodni motiv »dekle reši v kačo ukletega kraljeviča« je znan predvsem v proznem izročilu. Pesmi s tem motivom so se ohranile v Prlekiji in Prekmurju (TERSEGLAV 2005: 20). Avgust Pavel je prevedel inačico *Od meje prekmurske*, ki sta jo objavila Stanko Vraz in Karel Štrekelj v 19. stoletju (ŠTREKELJ 1895-1898: 131). Izvirniki in Pavlovi prevodi slovenskih ljudskih pesmi v madžarščino so izšli pri Pomurski založbi v Murski Soboti leta 1967, med njimi tudi pesem o Lepi Vidi s kačo. (NOVAK 1967: 104-107). Pravljico »Kralič pa Lejpa Vida« je na Verici v Porabju zapisal Karel Krajcar in jo lahko v izvirnem narečju ter prevodu Jožeta Ternarja v knjižno slovenščino beremo v knjigi založbe Kmečki glas iz leta 1996 (KRAJCAR 1996: 95-97).

Porabska pravljica v uvodu razloži, zakaj je kraljevič uklet v kačo. Mati je zgodaj zjutraj budila sina, naj vstane in gre k maši. Ko ga je drugič budila in ni vstal, ga je zaklela:

»Da bi se v kačo spremenio, ka ne bogaš pa neščeš k meša!« Ko tretjič stopi mati v sobo, se na tleh vlačí kača in napove svojo rešitev: **»Reiši me Jonaška Vida, ka se bo gnes rodila.«** Ko je Vida postala štirinajst let stara, je zgodaj zjutraj šla proso plet, ki je bilo rosnato in steptano:

»Da je bila Vida štirinajst let stara, je šla zazranka rano plet proso na njivo. Velka rosa je bila. Ona si je pa gončala sama sebi: ... **Da bi Bog dao, da bi to mo bilo, ka je tøj odlo!**«

Ljudska pesem se začne s to epizodo:

1 Lepa Vida proso plela,
Jako rano pred zorjami.
Lepa Vida plela proso,
Stepeno je najšla roso:
5 »**Da bi, Bog daj, moje bilo,**
Kaj nicoj je tod hodilo,
Kaj nicoj je tod hodilo,
Rano roso je strosilo!«

Pavel je prevedel prvih osem verzov v dveh kiticah, ravno tako z osmerci:

1 Vida kölest gaztalanít.
Alig pirkad meg a hajnal,
máris a mezőre talpal.

Első reggel úgy találja,
5 hogy kölese megkuszálva,
megvan törve harmatjába.
**„Oh, bárcsak az enyém lenne,
ami itt jár éjjelente.”**

Vida si želi pridobiti tistega, ki je roso steptal skoraj z istimi besedami v porabski pravljici, v slovenski ljudski pesmi in njenem madžarskem prevodu. Le da v Pavlovem prevodu Vida ne prosi pomoči Boga in poudari, da se to godi prvo jutro.

Druga kitica slovenske ljudske pesmi ima šest vrstic, madžarski prevod pa le pet osmercev.

Drugo jutro plela proso,
10 Stepeno je najšla roso:
»Da bi, Bog daj, moje bilo,
Kaj nicoj je tod hodilo,
Kaj nicoj je tod hodilo,
Rano roso je strosilo!«

Másodnap is úgy találja,
10 hogy kölese megkuszálva,
meg van törve harmatjába.
**„Oh, bárcsak az enyém lenne,
ami itt járt éjjelente!”**

V slovenski kitici se ponavlja vrstica »Kaj nicoj je tod hodilo«. Tudi v porabski pravljici si Vida spet zaželi: »**Da bi Bog dao, da bi to mo bilo, ka je tøj odlo!**«

Tretji dan je Vida v prosu našla kačo, z devetimi repi, na njih pa z devetimi ključi tako v slovenski pesmi, kot v Pavlovem prevodu. V porabski pravljici kača nima devetih repov z devetimi ključi.

15 Tretjo jutro proso *plela*,
Tam je najšla velko *kačo*.
Kača mela devet repov,
Na vsakšnem repi devet ključov:

Harmadik nap – *uramfia!* –
15 *kígyót lát felé kusznia*.
A *kigyónak kilenc farka*,
s *kilenc-kilenc kulcs csüng rajta*.

V slovenski ljudski pesmi se prva in druga vrstica ne rimata. Pavel je v prevodu zaradi rim spremenil te dve vrstici in z medmetom izrazil Vidino začudenje:

Tretji dan – joj, prejoj meni! -
kačo vidi plezat' k sebi. (prevod avtorice)

Premi govor kače citira Pavel v prevodu v dveh kiticah po šest osmercev. V slovenščini je dvanajst vrstic premege govora vključenih v šestnajstvrstično kitico.

»Ne straši se, lepa Vida!
20 Kaj si prosila, si dobila:
Saj sem jaz ne huda kača,
Saj sem jaz ne huda kača,
Al jaz sem ti mladi kraljič,
Ki kraljuje v belem gradi. –
25 Ti boš šla po gladkoj stezi,
Jaz pam šla po gostem germji;
Tam bova se mija zišla,
Na polji per belem gradi.
Tam vtergaj tri drobne šibe,
30 Ki bodo tri leta stare.«

„Ne félj, Vida, ne ijedj meg!
Amit kértél, teljesedett.

20 Nem vagyok én igazándi
kígyó, hanem kis királyfi.
Elhagyatott, puszta várban
elvarázsolt kis királyfi.”

„Indulj meg a sima úton!
25 Én a csalitosban kúszom.
Egy sík mezőn, váram alatt
útjaink összeszaladnak.
Mentedben mess három vesszőt,
hároméves három vesszőt!”

V slovenski pesmi in porabski pravljici kača ogovori Vido s prilastkom
»lepa«:

»Ne straši se, lepa Vida!« (slovenska pesem)
»Ne boj se me, Leipa Vida« (porabska pravljica)

V madžarskem prevodu tega prilastka ni: „Ne félj, Vida, ne ijedj meg!”
(dobesedno: Ne boj se, Vida, ne ustraši se!)

V vseh treh primerih razkrije kača, da je v resnici mladi kraljevič:

»Saj sem jaz ne huda kača,
Al sem ti mladi kraljič,« (slovenska pesem)

»Nem vagyok én igazándi
kígyó, hanem kis királyfi.” (Pavlov prevod dobesedno: Nisem
resnična kača, ampak mali kraljevič)

»Nej sem huda kača, kralič sem mladi« (porabska pravljica)

V slovenski pesmi kraljevič »kraljuje v belem gradi«, v porabski pravljici
»Tam na tisto veliko brgjej stoji eden veltji grad«. V Pavlovem prevodu je
kraljevič živel v zapuščenem, pustem gradu: »Elhagyatott, puszta várban«

V naslednjih dveh vrsticah slovenske pesmi in v Pavlovem madžarskem
prevodu ter v porabski pravljici kača dá Vidi napotke, kako prideta do gradu.
Vida bo šla po cesti, kača pa se bo plazila po grmovju:

»Ti boš šla po gladkoj stezi,
Jaz pam šla po gostem germji,« (slovenska pesem)

„Indulj meg a sima úton!

Én a csalitosban kúszom.” (Pavlov prevod)

»táj boš üšla po cesti, gja pa po grmovgja« (porabska pravljica)

V slovenski ljudski pesmi in njenem madžarskem prevodu mora Vida utrgati tri tri leta stare šibe, v porabski pravljici pa tri enoletne leskove šibe.

»Tam vtergaj tri drobne šibe,
Ki bodo tri leta stare.« (slovenska pesem)

„Mentedben mess három vesszöt,
hároméves három vesszöt!” (Pavlov prevod)

»Tan si vtrnaš tri leskove šibe, takšne, ka so eno leto zraščene...«
(porabska pravljica)

Pavel je v prevodu s ponavljanjem in aliteracijo poudaril pravljjično številko tri:

»három vesszöt,/hároméves három vesszöt” (tri šibe, / triletne tri šibe)

Zadnjo, šestnajstvrstično kitico je Pavel v prevodu razdvojil na sedem- in desetvrstično.

Da ga vujdre s prvojo šiboj,
On postane od glave človek;
Da ga vujdre z drugojo šiboj,
On je do pojasa človek.
35 Te ga vujdre s tretjojo šiboj,
On postane do pet človek:
»Hala, hala, lepa Vida,
Kaj si štela, si dobila:
Vzemi, vzemi meni z repa,

40 Z mojega repa devet ključov,
No odkleni bele gradi,
No poberi srebro zlato!
Če sem bila grozna kača,
Pa sem ti zdaj mladi gospon,
45 Ki kraljuje v devet gradih
Z lepoy Vidoj nestrašljivoj.«

30 Hogy a kígyót megsuhintja
Egyik vesszejével Vida:
vállig ember lesz belőle.
Másik vesszősuhintástól
emberré lesz derekától.

35 Harmadiktól lábújjáig
gyönyörű ifjúvá válik.

»Lám ni, Vida, lám ni, lám ni!

Merni kell csak és kívánni!
Fogd a, fogd a kulcsaimat,
40 s nyisd ki kilenc váraimat!
És szedd össze a tömérdek
arany-, ezüst-, gyöngyértéket!
Kígyó voltam, megvedtettem,
újfent királyfivá lettem.

45 S bátor veled kilenc várban
uralkodom boldogságban.«

V slovenski ljudski pesmi in v Pavlovem madžarskem prevodu postane iz kače kraljevič postopno. Ko jo Vida udari s prvo šibo, postane »od glave človek«, pri Pavlu pa do ramen („vállig ember“). Ko jo udari z drugo šibo, »on je do pojasa človek«, pri Pavlu prav tako »emberré lesz derekától«. Po tretjem udarcu »On postane do pet človek«, pri Pavlu do prstov na nogi postane čudovit mladenec „lábujjáig/gyönyörű ifjúvá válik.“

Porabska pravljica stopenj preobrazbe ne razčlenja. Vida kačo trikrat udari s tremi šibami, ki jih potem vrže proč od sebe. Po tretjem udarcu »se kraljič vöpostavi«, kača se spremeni v kraljeviča. Pravljica se konča s splošno znano formulo: poročila sta se in sta še vedno v tistem gradu, če še živita. »Pa sta zdaj té na tisto brgjej v tisto gradej itak, če aštjak živita.«

Slovenska ljudska pesem in Pavlov madžarski prevod se konča s premim govorom kraljeviča, ki je bil zaklet v kačo. Pohvali lepo Vido, ker je bila vztrajna in pogumna. S tem je zaslužila devet ključev od devetih gradov s srebrom in zlatom, v katerih bosta skupaj kraljevala.

»Hala, hala, lepa Vida
Kaj si štela, si dobila:« (slovenska pesem)

Pavlov prevod:

»Lám ni, Vida, lám ni, lám ni!
Merni kell csak és kívánni!“ (Glej jo, Vido, glej jo, glej! / Le upati
si moraš in želeti!)

V slovenski ljudski pesmi nastane anahronizem, ko kraljič kot človek pravi Vidi:

»Vzemi, vzemi meni z repa,
Z mojega repa devet ključov«.

Pavel je to opazil in v njegovem prevodu pravi kraljevič Vidi: vzemi moje ključe, odpri mojih devetih gradov:

»Fogd a, fogd a kulcsaimat,
s nyisd ki kilenc váraimat!«

Pri vrsticah v slovenski ljudski pesmi:

»No odkleni bele gradi,
No poberi srebro, zlato!«

Pavlu uspe ohraniti osmerek tako, da k srebru in zlatu doda še bisere, ki jih je ogromno:

»És szedd össze a tömérdek
arany-, ezüst-, gyöngyértéket.«

Pavel tudi v zadnji kitici ohranja osmerek, kljub temu jezikovno in vsebinsko tako prepesni slovensko ljudsko pesem, kot če bi nastala v madžarskem jeziku. Tako lahko prevaja nekdo, ki je tudi sam pesnik.

Ob 130. obletnici rojstva in 70. obletnici smrti Avgusta Pavla lahko ugotovimo, da tudi analiza le enega njegovega prevoda iz slovenščine v madžarščino dokazuje njegovo izredno pesniško nadarjenost, razgledanost, obvladovanje slovenskega in madžarskega jezika.

Dodatek

LEPA VIDA*

1 Lepa Vida proso plela,
Jako rano pred zorjami.
Lepa Vida plela proso,
Stepeno je najšla roso:
5 »**Da bi, Bog daj, moje bilo,**
Kaj nicoj je tod hodilo,
Kaj nicoj je tod hodilo,
Rano roso je strosilo!«

Drugo jutro plela proso,
10 Stepeno je najšla roso:
»Da bi, Bog daj, moje bilo,
Kaj nicoj je tod hodilo,
Kaj nicoj je tod hodilo,
Rano roso je strosilo!«

15 Tretje jutro proso *plela*,
Tam je najšla velko *kačo*.
Kača mela devet repov,
Na vsakšnem repi devet ključov:
»**Ne straši se, lepa Vida!**

SZÉP VIDA

1 Vida kölest gaztalanít.
Alig pirkad meg a hajnal,
máris a mezőre talpal.
Első reggel úgy találja,
5 hogy kölese megkuszálva,
megvan törve harmatjába.
**„Oh, bárcsak az enyém lenne,
ami itt jár éjjelente.”**

Másodnap is úgy találja,
10 hogy kölese megkuszálva,
meg van törve harmatjába.
**„Oh, bárcsak az enyém lenne,
ami itt járt éjjelente!”**

Harmadik nap – *uramfia!* –
15 kígyót lát felé *kuszniá*.
A kígyónak kilenc farka,
s kilenc-kilenc kulcs csüng rajta.
„Ne félj, Vida, ne ijedj meg!
Amit kértél, teljesedett.

* Vilko Novak (ur.): Slovenske ljudske pesmi = Szlovén népdalok. Murska Sobota, 1967, 104-107.

20 Kaj si prosila, si dobila:
Saj sem jaz ne huda kača,
Saj sem jaz ne huda kača,
Al jaz sem ti mladi kraljič,
Ki kraljuje v **belem gradi.** –
25 **Ti boš šla po gladkoj stezi,**
Jaz pam šla po gostem germji;
Tam bova se mija zišla,
Na polji per belem gradi.
Tam vtargaj tri drobne šibe,
30 **Ki bodo tri leta stare.»**

Da ga vujdre s prvojšiboj
On postane **od glave človek;**
Da ga vujdre z drugošiboj,
On je **do pojasa človek.**
35 Te ga vujdre s tretjšiboj,
On postane **do pet človek:**
»Hala, hala, lepa Vida,
Kaj si štela, si dobila:
Vzemi, vzemi meni z repa,
40 **Z mojega repa devet ključov,**
No odkleni bele gradi,
No poberi srebro zlato!
Če sem bila grozna kača,
Pa sem ti zdaj mladi gospon,
45 Ki kraljuje v devet gradih
Z lepoj Vidoj nestrašljivoj.«

20 **Nem vagyok én igazándi**
kígyó, hanem kis királyfi.
Elhagyatott, **puszta várban**
elvarázsolt kis királyfi.”

„Indulj meg a sima úton!
25 **Én a csalitasban kúszom.**
Egy sík mezőn, váram alatt
útjaink összeszaladnak.
Mentedben mess **három vesszőt,**
hároméves három vesszőt!”

30 Hogy a kígyót megsuhintja
Egyik vesszejével Vida:
vállig ember lesz belőle.
Másik vesszősuhintástól
emberré lesz derekától.
35 Harmadiktól **lábújjáig**
gyönyörű ifjúvá válik.

»Lám ni, Vida, lám ni, lám ni!
Merni kell csak és kívánni!
Fogd a, fogd a kulcsaimat,
40 s nyisd ki kilenc váraimat!
És szedd össze **a tömérdek**
arany-, ezüst-, gyöngyértéket!
Kígyó voltam, megvedtettem
újfent királyfivá lettem.
45 S bátor veled kilenc várban
uralkodom boldogságban.«

Kralič pa Lejpa Vida

Gnauk je živeo eden kralič. Mati ga je zazranka rano gonila, da bi ušo k meša, ka so prvin krali pa bogati tü odkli k meša, bola kak srmaki.

Büdila ga je, da bi stano pa ušo k meša. Kralič pa nej stano. Prišla je od drügjin pa ga бүdila, pa itak nej stano.

V tistem času je bila navada, ka je zakunila mati deita, tisto je postalo. Bila je čemerna pa me je praila:

»**Da bi se v kačo spremenio, ka ne bogaš pa neščeš k meša!**« Da je od tretjin odprla ižo, se je že kača po srtela sükala pa vlačila. Kralica se je prestaršila pa oblübila, da tistoma, steri ga reiši, dá telko peinez, kelko bo prosil.

Kralič, ta kača, pravi:

»Mati pa oča, vüva nejmate telko moudoša pa tak dugo nata živela, ka bi name reišila. **Reiši me Jonaška Vida, ka se bo gnes rodila.**«

Reisen, Vida se je rodila, rasla, on pa kača bijo tadala.

Da je bila Vida štirinajst let stara, je šla zazranka rano plet proso na njivo. Velka rosa je bila. Ona si je pa gončala sama sebi:

»Ka je tou bilo, da je rosa stepena, pa nejga nikšoga stopaja? Ka je tøj odlo? **Da bi Bog dao, da bi to mo bilo, ka je tøj odlo!**«

Na drügji zranjek pá tak bilo. Šla je na delo, prosa pá sé stepana bila. Sama sebi si pá gončala:

»Ka je tøj odlo, da je rosa se stepana, pa nejga nikšoga stopaja?

Da bi Bog dal, ka bi to mo bilo, ka je tøj odlo!«

Da na tretji zranjek pride, je bila v brazda ena velka kača. Vida se je tak prestrašila, da je prestrašeno skočila.

Kača pa pravi:

»**Ne boj se me, Leipa Vida! Nej sem hüda kača, kralič sem mladi.** Tej si sedi dola, gja se k tvoji nogam potegnem pa ti povejn, ka aj delaš, da me reišiš...«

Dobro, Vida je bougala pa si je sela. Kača se je k njej potegnila pa ji ja praila:

»**Tam na tisti veliko brgjej stoji eden veltji grad, téj boš üšla po cesti, gja pa po grmovgja. Tan si vtrnaš tri leskove šibe, takšne, ka so eno leto zraščene** pa tam name čakaj. Da gja priden, me z eno šibo ščukni pa go te lüči od sebe. Te me pa z drügo šibo ščukni pa go pa lüči od sebe. Ravno tak s tretjo šibo pa tisto tü lüči od sebe.«

Reisen, Leipa Vida je prišla v grad. Tam je bijo eden leskovi grn. Vtrnila je tri leskove šibe, ka so eno leto rasla. Te čas se je kača tü ta prvlekla. Vida je tak napravila, kak ji je kača velela. S prvo šibo go ščukna pa go liči od sebe, té pá z drügo ščukna pá go pa liči od sebe. Da go s tretjo ščukna, **se kralič vöpostavi.** Kača se spremeni v kraliča.

Šlá sta v grad. Kral pa kralica sta trno rada bila. Velko gostüvanje so služili.
Pa sta zdaj té na tisto brgjej v tisto gradej itak, če aštjak žívita.*

Literatura

- KRAJCAR 1996 = KRAJCAR K. Kralič pa Lejpa Vida: slovenske pravljice in povedke iz Porabja. Ljubljana 1996. 95-97.
NOVAK 1967 = NOVAK V. (ur.) Slovenske ljudske pesmi = Szlovén népdalok. Murska Sobota, 1967. 104-107.
ŠTREKELJ 1895-1898 = ŠTREKELJ K. Slovenske narodne pesmi I. Ljubljana, 1895-1898. 131.
TERSEGLAV 2005 = TERSEGLAV M. Slovenske ljudske pesmi. Pripovedne 1. Ljubljana, 2005. 20.

* Karel Krajcar: Kralič pa Lejpa Vida: slovenske pravljice in povedke iz Porabja. Ljubljana 1996, 95-96.

Tomislav Krekić
(Sambotel, Mađarska)

BUNJEVAČKE FRAZE I POSLOVICE U GARI

„Sve filozofije završavaju u narodnim poslovicama”
Mel Camino

Abstract: In our short study, we first review the many definitions of proverbs (folks sayings, phrases), then we briefly establish the main characteristics of proverbs and also refer to the issue of the (potentially) common origin of some proverbs. Finally, we classify proverbs into general categories according to their contents, and illustrate the categories with proverbs by used by the southern Slav (Bunjevac) population of Gara.

Keywords: proverb, Bunjevac, Gara

Kako bismo definirali pojam poslovice? S jedne strane to je relativno lak zadatak (manje-više mnogi bi znali neku vrstu definicije), a s druge dosta je teško sakupiti sva relevantna obilježja poslovica. Za ilustraciju prikazat ću nekoliko definicija, objašnjenja poslovica te neke primjere koje se mogu pronaći na raznim webstranicama.

„Poslovice su nastale iz iskustva starijih ljudi i naroda i uglavnom govore o međuljudskim odnosima poput prijateljstva i ljubavi. Možda mnoge od njih zvuče kao da uopće nemaju smisla, ali bitno je zapamtiti da poslovice ne treba shvaćati doslovno. Primjerice, *nema kruha bez motike*, značilo bi da se bez rada i truda ne može ništa dobiti. Uzmimo za drugi primjer poslovice: *odijelo ne čini čovjeka*. Ta poslovica zapravo govori o tome da čovjeka ne treba suditi po vanjskom izgledu, već po tome kakav je iznutra. Većina je poslovica takva, tjera nas na razmišljanje.“ (<http://narodni.net/stare-narodne-poslovice-i-narodne-mudrosti/>)

„Poslovica je, s druge strane, sažeta izreka koja izriče životnu mudrost ili mudru misao, ponekad stilski naglašeno (bilo cinično ili duhovito), ili pak pjesnički u rimi. Poslovice postoje na svim jezicima i u svim kulturama, prve pisane nalaze se već u Bibliji, među mudrosnim knjigama Starog zavjeta.“(<http://documents.tips/documents/skripta-uvod-u-teoriju-knjizevnosti.html>)

„Mudre izreke i poslovice možete čuti gotovo svakodnevno. Što su to poslovice? Poslovice su fraze u kojima je sažeto nečije životno iskustvo.

Razmišljajući i uvažavajući poslovice prvenstveno i sami postajemo mudriji, jer je život prekratak da bismo sami napravili sve pogreške i stekli iskustvo, stoga je bolje učiti na tuđim pogreškama.

Poslovica je često izrečena kao preneseno značenje, stoga zahtjeva da o svakoj poslovisci razmislimo.

Uzmimo jedan primjer: “*Dajte čovjeku ribu – nahranili ste ga za jedan dan; Naučite čovjeka da lovi ribu – nahranili ste ga za cijeli život.*” – Ovdje se naravno ne misli na nikakve ribe, već je autor ove izreke želio reći da je bolje čovjeka poučiti nego mu pružiti sve već na gotovo. Jer kada smo ga jednom naučili, on više neće toliko trebati našu pomoć. Ovo se posebno može odnositi na roditelje koji pružaju sve gotovo svojoj djeci, te ih na taj način “hendikepiraju” za život.“ (www.poslovice.org/poslovice/o-poslovicama-sto-su-poslovice/)

Iz navedenih se primjera jasno iscertava da razne definicije poslovice sadrže vrlo slična obilježja, ali se po nekim karakteristikama ipak pomalo, iako ne znatno, razlikuju.

Kad se govori o frazemima i poslovicama koje poznaju i koriste Bunjevci, treba spomenuti da je Ambrozije Šarčević već u 19. stoljeću izdao knjigu pod naslovom: *Zbirka mudrih i poučnih izrekah.* (ŠARČEVIĆ 1869) Na sljedeću zbirku bunjevačkih narodnih poslovice čekalo se gotovo jedno stoljeće. Blaško Rajić, župnik u Subotici još je prije Drugoga svjetskog rata preko Alekse Kokića poslao Antunu Šimčiku sakupljene bunjevačke poslovice. On je te poslovice s objašnjenjima objelodanio 1964. godine, no to već Rajić nije doživio. (ŠIMČIK 1964) Među suvremenijim radovima o bunjevačkim narodnim poslovicama svakako je neizbježan članak Tomislava Žigmanova pod naslovom: *Problemi i narav utemeljenja morala u bunjevačkim narodnim poslovicama i izrekama.* (ŽIGMANOV 2001: 359-371)

Najočiglednija i najupadljivija karakteristika poslovice, pa i frazema, jest da su to izrazi koji se sastoje od više riječi. One su ustaljene, učvršćene sintagme, kolokacije koje manje-više osjećamo zaokruženom, cjelovitom jedinicom. S druge strane, poslovični fond, poslovičko blago (zbog svog, recimo, narodnog karaktera) u trajnoj je promjeni, stalno se mijenja. Jednim se dijelom obogaćuje uvijek novim elementima, a drugim dijelom, iako snaga očuvanja jezika kao magnet utječe na elemente zalihe izražavanja, neprekidno izbacuje iz sebe one izraze koji zbog nečega izgube svoju aktualnost i postaju zastarjeli. Ako se spominje narodna oslika, obilježje poslovice postavlja se pitanje podrijetla, to jest je li riječ o tvorevini našeg naroda ili se radi o prijevodu iz nekog drugog jezika. Gotovo sigurno možemo tvrditi da ima takvih izraza koji su karakteristični za naš jezik, no za dobar dio fraza i poslovice koje nam se čine na prvi pogled izrazito našima, s vremenom se ispostavlja da im postoji točan prijevod u drugim jezicima. Slijedeće poslovice postoje i u mađarskom jeziku: *gluv je ko top, ima usta ko Bečka kapija, iz lude jame ludi viter duše, jedna lasta ne pravi proliće, nije zlato sve što sja, nova metla dobro mete, nužda zakon minja.* Općenito možemo reći da našem slučaju obično dolazi u obzir

mađarski i njemački jezik. Ipak podudaranje s nekim drugim jezikom još ne znači da je neka fraza ili poslovice posuđenica. U dva ili više naroda – na osnovi istog pristupa – mogla je nastati identična fraza bez toga da je bilo koji narod preveo na svoj jezik neki sličan izraz (na primjer: *voditi koga za nos*). Prema Gáboru O. Nagy, iako postoji adekvatan, odgovarajući ekvivalent u mnogim indoeuropskim jezicima (između ostalog u latinskom, talijanskom, francuskom, njemačkom, engleskom, ruskim, hrvatskim, srpskim, bugarskim, mađarskim), i vjerojatno još mnogim jezicima, ipak ne možemo sa sigurnošću tvrditi da je putem prevođenja dospjela iz jednog jezika u drugi. Naime, pristup odakle i ova fraza nastaje – slika medvjeda, bika ili druge divlje životinje s karikom u nosu– isto jetako mogao biti izvor fraze pri jednom ili drugom narodu. (O. NAGY 2010: 10)

Unatoč takvoj mogućnosti, ipak se čini vjerojatnim da su fraze i poslovice koje postoje u više naroda dospjele pomoću kulturnih veza od jednog naroda do drugog. Zbog toga je očito da narodnosno obilježje nije odlika koja odvaja jedan narod od drugog. Međutim, u tomu što je i kako jedan narod preuzeo od izraza susjednog naroda ili međunarodnog poslovičnoga blaga, isrcitava se njegov način razmišljanja i shvaćanja, njegova jezična mašta, karakteristika stilske potrebe.

Postoje fraze i poslovice koje se upotrebljavaju samo u nekom određenom kraju, čije korištenje ne prelazi granice neke geografske jedinice. Na primjer, za bačvanske je Bunjevce karakteristično da spominju frazu: *zdrav ko puca*.

Odnos fraze i poslovice uzimajući u obzir njihovu ulogu u govoru mogli bismo opisati paralelom riječi i rečenice. Fraze imaju vrijednost riječi, njihovo se značenje može opisati jednom riječju, dok poslovice obično imaju funkciju rečenice, to jest i sama poslovice izražava govornikov odnos prema stvarnosti. Dakle, ne radi se samo o tome da su poslovice formalno potpune rečenice, jer u tom smislu i fraza može biti čitava rečenica. (O. NAGY 2010: 12)

Fraza je u većini slučajeva neka vrsta aluzije, dok je poslovice načelo, princip, životna mudrost korištena sa zahtjevom osnovne vrijednosti, savjet, presuda ili mišljenje. Poslovice za razliku od fraza nisu samo jezična i stilistička sredstva govora već izražavaju i misli. Obično se naglašava da su izrazi čovjekovih stoljetnih opažanja, životnih pravila, moralnih presuda u kratkom, upadljivom obliku. Zbog toga su vjerni izražaji načina razmišljanja, mentaliteta nekog naroda. Iako, uzimajući u obzir njihov broj, odnose se na relativno mali broj bezbrojno mnogih pojava života, po procjeni nekih oko tristo pojava, nije lako odrediti najvažnije tematske krugove u koje bismo mogli uvrstiti poslovice u smislu sadržaja. Većina klasifikacija određuje uglavnom sljedeća područja: poslovice u svezi općih odnosa, koje se odnose na neku ljudsku djelatnost ili odnos, pravila u svezi s bavljenjem poljoprivredom, vremenske prognoze, zdravstveni savjeti i konvencionalni izrazi. (O. NAGY 2010: 15-16)

Slijede poslovice i izreke uvrštene po već spomenutim kategorijama. Jedan dio primjera je iz svojeg sakupljanja, a drugi iz knjige *Garski Bunjevci*, (pod

podnaslovom *Bunjevačke polovice i izreke*) koje su plod sakupljačkog rada Mariške Patarčić-Kubatov. (GARSKI BUNJEVCI 2012) Ukupno je sakupljeno oko 600 poslovice, samo jedan manji dio ih je naveden kao primjer u već spomenute kategorije.

1. Najveći broj poslovice sadrži ustanovljavanje, presudu ili savjet koji je vezan s čovjekom kao članom društva, odnosno s tipom, grupom ljudi ili s nekom pojavom, očitovanjem, djelatnošću u općenitom smislu.

1/a Unutar tog tipa razlikujemo potpuno općenite poslovice: *Ako ne možemo kako očemo, onda ćemo kako možemo, Batina ima dva kraja, Bez zdravlja nema bogatstva, Bilo, pa prošlo, Čovik brez slobode ko riba brez vode, Da rakija nije dobra, ljudi bi već davno zaboravili kako se peče, Gdi je mnogo riči, tamo je malo koristi, I blato je dio rodne grude.*

1/b Ima i takvih koje se odnose na neko područje života, na primjer na rad: *Brez alata nema ni zanata, Brez orača i kopača nem a kruva, ni kolača, Lako je divanit, al' je teško radit, Ne radu vridni, već silni (mnogi), Tko radi, ne boji se gladi, Tko radi, taj zaradi.*

1/c Ima mnogo poslovice koje slikovito opisuju različite tipove ljudskih odnosa (prijateljstvo, bračni odnos, susjedstvo itd.): *Ako čeljad nisu bisna, kuća nije tisna, Baba šumom, dida drumom, Bivši prijatelj gorji je od neprijatelja, Bolja je i najgora mater, neg' najbolja maćuva, Brat je mio, ma kakve vire bio, Čuvaj se čovika, koji je pročitao samo jednu knjigu, I rođenog oca bi za novce prodo, Kaži Jakovu, Jakov će svakomu, Nepozvanom gostu misto za vrati, Nije svako čovik, zato što gaće nosi.*

1/d Neke poslovice se odnose na odgoj: *Ako imaš mana, popravi se, ako ji nemaš, čuvaj ji se, Ako ne možeš biti slavan i bogat, možeš biti pošten i dobar, Ako očemo da nas svit voli, onda i mi moramo svit voliti, Ako u mladosti nisi naučio, žalit ćeš u starosti, Bez muke nema nauke, Čuvaj mladost za starost.*

1/e U posebnu smo skupinu uvrstili poslovice koje spominju Boga: *Bog ne plaća svaki dan, Bog nije nagal, al' je dostižan, Bog nikom dužan ne ostane, Gdi se stariji ne čuju, tu Bog ne pomaže, Kako Bog odredi, onako je najbolje, Malo radi, malo krađi, a malo će ti Bog pomoći, Pijanog i Bog čuva, Pomozi drugim, i tebi će Bog pomoći, Sloga od Boga, a nesloga od zloba.*

2. U posebni tip poslovice pripadaju pravila u svezi s bavljenjem poljoprivredom. One se zanimaju za seljački život, zemljoradnju, stočarstvo, problem pukućstva: *Ako lito ne daje, zima nema čega, Bolje danas jaje, neg sutra kokoš, Dobar konj el ošanta, el oćoravi, I u rđavom buretu mož bit dobro vino, Jesen je bogata, a zima je rogata, Kako posiješ, onako ćeš i požnjeti,*

Koja kokoš puno kotkodače, malo jaja snese, Nema žita bez kukolja, Vinograd ne ište molitve, već motike.

3. Uzevši u ozbir prvobitno korištenje, bliski su već spomenutoj grupi poslovice koje su u svezi s vremenom, osobite su vrste neke vremenske prognoze: *Jesen je bogata, a zima rogata, Klara grožđe šara, Sveta Kata, snig za vrata.*

4. U krug drevne, narodne znanosti spadaju poslovice koje govore o zdravlju: *Bez zdravlja nema bogatsva, Bolest na konju dolazi, a na pužu odlazi, Bolestan se pita, a zdrav se nudi, Čistoća je pola zdravlja, Dok je čovik zdrav, i voda mu je slatka, Gdi neznanje caruje, bolest blaguje, Gdi razum vlada, tilo ne strada, Ko puši, zdravlje ruši, Lakše je spričiti, nego ličiti, Tko suncu pendžere zatvara, bolesti vrata otvara, Tko zdravlje voli, ritko oboli, U zdravom tilu zdrava je i duša, Zdravlje je najveće bogatsvo.*

5. U krug konvencionalnih izraza pripadaju one poslovice kojima je najuočljivija crta da ih navika drži u životu, spominju se u nekim slučajevima, nekom prigodom, bez toga da bismo im pridavali veći značaj: *Ako bog da i Gospa će, Ako ne curi, a ono kapa, Bilo, pa prošlo, Kud koji, mili moji.*

U ovom smo kratkom izlaganju htjeli tek privući pažnju na bunjevačke narodne poslovice i frazeme koje se još manje-više koriste u bačvanskom naselju, Gari. Njihova detaljnija obrada i analiza bila bi zadaća nekog većeg, opsežnijeg sustavnog rada.

Literatura

- GARSKI BUNJEVCI = Garski Bunjevci. Gara: Hrvatska samouprava Gara, 2012.
O. NAGY 2010 = O. NAGY G. Magyar szólások és közmondások. Budapest: Akkord, 2010.
ŠARČEVIĆ 1869 = ŠARČEVIĆ A. Zbirka mudrih i poučnih izrekah. Subotica, 1869.
ŠIMČIK 1964 = ŠIMČIK A. Bunjevačke poslovice Blaška Rajića // Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena. Knjiga 42. Zagreb: JAZU, 1964. 475-487.
ŽIGMANOV 2001 = ŽIGMANOV T. Problemi i narav utemeljenja morala u bunjevačkim narodnim poslovicama i izrekama // Obnovljeni život: časopis za filozofiju i religijske znanosti, 2001. Vol. 56, No.3. 359-371.

<http://documents.tips/documents/skripta-uvod-u-teoriju-knjizevnosti.html> Pristup ostvaren: 06.10.2016.

<http://narodni.net/stare-narodne-poslovice-i-narodne-mudrosti/> Pristup ostvaren: 08.10.2016.

www.poslovice.org/poslovice/o-poslovicama-sto-su-poslovice/ Pristup ostvaren: 08.10.2016.

Irena Krumes
(Osijek, Hrvatska)

KNJIXICA SHTIJENJA, I MOLITAVAH ZA VOJNIKE IZ 1835.
U KONTEKSTU POVIJESNOG RAZVOJA HRVATSKOGA JEZIKA

Abstract: The paper analyses the language of a book of prayers dating from 1835 which was composed by an unknown author and intended for soldiers when attending the Holy Mass. It was written in the Shtokavian-Ikavian dialect. Beside spelling and orthographic analyses, additional emphasis is put on lexical analysis. Since the German original is unknown, the lexical analysis focuses on ecclesiastical terms and word formation. The first researches of the terms (Pridobrostivi, Vira, Posvetilište, Puti Uskersnutje, Iskernji) point to continuity and an advanced standardisation of ecclesiastical terms since the 18th century which was previously confirmed in catechisms. It is possible to prove that the booklet was translated within the Franciscan community as well as that the author was a priest who knew the soldiers living in the Slavonian area, i.e. the Military Frontier. At that time the soldiers were protecting the border to the Ottoman Empire. The booklet came into existence when Josephinism was at its peak and the state politics of the former Habsburg Monarchy managed to covertly control the work of the Church.

The research was conducted on the original which was found among Dragutin Tadijanović's literary legacy in Slavonski Brod.

Keywords: book of prayers, the Croatian language of the 19th century, lexis, ecclesiastical terms, military terms, history of the Croatian language

Društveno-političke prilike u prvoj polovici 19. stoljeća

Mali molitvenik *Knjixica shtijenja, i molitavah za vojnike iz 1835.*¹ nastao je u vrijeme kada su hrvatske zemlje bile u sastavu Habsburške monarhije, a u literaturi se još osjećao jozefinističko-prosvjetiteljski duh iako je car Josip II umro 1790. godine. Dokumentom *Placetum regium* omogućilo se Caru da nadzire crkvene zakone, državi da ograniči slobodu Crkvi i da svojim utjecajem uđe u hijerarhijsku vlast Crkve tako da je car mogao imenovati čak i biskupe. Time se Crkva podredila izravno državnoj vlasti. (LAKUŠ 2007: 68)

¹ Molitvenik *Knjixica shtijenja, i molitavah za vojnike*, pronađen je u knjižnoj ostavštini Dragutina Tadijanovića koja se popisivala 2014. godine. Trenutačno se nalazi u Slavanskom Brodu u Spomen-domu Dragutina Tadijanovića koji pripada Galeriji umjetnina Grada Slavanskoga Broda.

Crkve su postale moralno-odgojne ustanove, a sakramentalna narav bogoslužja ustupila je mjesto moralnoj izgradnji podanika. Svećenici su trebali poučiti vjernike temeljnim moralnim vrednotama i poduprijeti vladara kao očinsku figuru u odnosu na podanike. (HOŠKO 2003: 240)

Prosvjetiteljstvo je odgovaralo tim ciljevima jer je pisana riječ bila najbolje sredstvo širenja znanja i prosvjećenja kao i najdjelotvorniji način promoviranja društvenog i političkog poretka.

Onaj koji nema vjere, isticale su vlasti, ne boji se Boga, a onaj koji se ne boji Boga, ne može biti poslušan i vjeran podanik. (BATTARA 1847:24)

Crkva je bila sredstvo u rukama vladajućih i trebala je poticati božanski suverenitet vladara. U crkvenim djelima promoviralo se očuvanje postojećeg stanja kao temelj stabilnog društva, a svako narušavanje ili sumnja u takve postavke smatralo se pogubnim za društveni i politički poredak tadašnje države. Društvena nejednakost bila je prihvatljiva jer su razlike smatrane nepremostivima, a društvenu nejednakost, prema ondašnjoj literaturi, utemeljio je sam Bog. (LAKUŠ 2007: 72) Molitvenici koji su nastajali početkom 19. stoljeća odražavali su duh toga vremena kao i jezik kojim su pisani.

Hrvatski jezik početkom 19. stoljeća

Samardžija (2015: 9) smatra da se povijest hrvatskoga jezika u 19. stoljeću organski nastavlja na prethodno razdoblje. U kodifikacijskim nastojanjima u prvim desetljećima 19. stoljeća jasno se očituju dva tjeka. Prvi je uzusno kodificiranje što se odnosi na objavljivanje svjetovnih ili nabožnih književnih djela hrvatskih književnika i preradbe ili prijevode stranih, većinom njemačkih i engleskih autora. Drugi je tjeck preskriptivna kodifikacija, tj. takva koja je svjesno provedena tomu namijenjenim djelima pisanima uglavnom u predslavitičkoj filološkoj tradiciji 18. stoljeća (pravopisi, gramatike, rječnici, rasprave).

Brozović (2008: 89) hrvatski jezik od početka 19. stoljeća do Preporoda razgraničava i periodizacijski smješta u drugu fazu četvrtog razdoblja, odnosno prvo razdoblje u razvoju hrvatskoga jezičnoga standarda. Brozović smatra da to razdoblje uključuje i devedesete godine 18. stoljeća jer su te godine označile svojevrsni prijelaz u drugu fazu standardizacijskog razvoja u kojem se pojavom prvih hrvatskih novina *Kraljski Dalmatin* javlja polifunkcionalizacija novoštokavskog hrvatskoga pismenog jezika, posebno pravne i agrikulturne terminologije (list je bio dvojezičan, talijansko-hrvatski). U to vrijeme objavljen je i prijevod *Općeg građanskog zakonika* koji će se odraziti na život u hrvatskim zemljama. U Slavoniji Kanižlić objavljuje svoj *Kamen pravi smutnje velike* (1780.) i svojom teološkom terminologijom i frazeologijom pokazuje značajke specijaliziranog jezika koji će se potvrditi i u kasnijem Katančićevom prijevodu *Svetoga pisma* (Budim 1831., prijevod 1815.). Iako objavljen na ikavici, svaki prijevod Biblije ima posebnu važnost za jezik toga naroda. I u tome razdoblju razvoja hrvatskoga jezika ikavsko-ijekavsko dvojstvo nije neobično iako do Preporoda sve više prevladava ijekavica zbog ponovnog utjecaja Dubrovnika. Pravopis i grafija prilično su bili ujednačeni, a razlika je u pisanju bila samo u dva

ili tri grafema (ž, š, č). Vrhunac je ujednačavanja bila komisija u Zadru koja je početkom 19. stoljeća pod predsjedanjem Franje Marije Appendinija morala ukinuti postojeće razlike između dubrovačke i dalmatinske grafije, a odluke komisije postale su obvezatne i u školama u Dalmaciji.

U ovom razdoblju završava i štakavsko-šćakavsko novoštokavsko dvojestvo na štetu šćakavštine, a postoje naznake i da se kajkavci i sjeverni čakavci sve više osvrću na štokavsku pismenost. Ova faza je karakteristična po tome jer hrvatski jezik postaje iznadregionalni jezik u odnosu prema pokrajinskim, napustit će se kajkavski pisani jezik koji je bio na dobrom putu da postane standardni jezik, gramatička i glasovna norma još je neusklađena (BROZOVIĆ 2008: 81). *Preporod je naime važniji u kulturnom, društveno-političkom i općenacionalnom smislu, ali u čisto jezičnom pogledu Preporod znači samo dvoje: proširenje već postojećeg novoštokavskog pismenog jezika u teritorijalnom i funkcionalnom smislu, i drugo, reformu grafije, uz stvaranje uvjeta da ta nova grafija ubrzo postane općehrvatskom* (BROZOVIĆ 2008: 86).

Priručnici, pravopisi i gramatike imaju kodifikacijsku vrijednost, a u ovom se razdoblju tiskaju u velikom broju pa tako Voltiggi tiska rječnik *Ričoslovník* 1803, od 1801. izlaze Stullijevi rječnici tiskani slavonskom grafijom, Franjo Maria Appendini tiska *Grammatica della lingua illyrica* 1808., a Šime Starčević prvi put donosi četveronaglasni sustav u svojoj gramatici *Nova ricsoslovica iliriska* 1812. Nešto kasnije pridružuje im se i Ignjat Brlić sa svojom gramatikom na njemačkom jeziku *Grammatik der illyrischen Sprache* 1833. On će 1836. prihvatiti Gajev prijedlog o bilježenju jata s rogamim ě kao i bilježenje vokalnog e sa é.

Peto razdoblje (prema Brozoviću) u razvoju hrvatskoga jezika počinje objavom Gajevog *Pravopisza* 1835. u Danici.

Moguš je primijetio da i dubrovački leksikografi i gramatičari početkom 19. stoljeća uzimaju podatke iz desetak djela slavonskih pisaca. Približavale su se književne stilizacije štokavskog juga i štokavskog sjevera kao i grafemsko približavanje. U prvim desetljećima 19. stoljeća novoštokavština je književno stilizirana na širokom prostoru od Slavonije preko Bosne do Dubrovnika i od Dubrovnika do Like. (MOGUŠ 2009: 144)

Barbara Oczkova (2010: 240) u svojoj knjizi naglašava da je proces standardizacije hrvatskoga jezika od 1700. do 1836. već dosta uznapredovao. Nakon selekcije (izbora) i deskripcije (opisa), nalazi se u procesu kodifikacije (propisa) i elaboracije (obrade). Gramatička norma nije u potpunosti stabilizirana npr. posljednja etapa sinkretizma padeža. Hrvatski jezik je interdijalekt utemeljen na dugoj književnoj tradiciji s prevagom obilježja zapadne novoštokavštine te s ustaljenom pisanom normom i opisom naglasne norme (Starčević).

O molitveniku Knjixica shtijenja, i molitavah za vojnike iz 1835.

Molitvenik² određuje ili čini: forma, sadržaj i čitatelj (prema ŠUNDALIĆ 2003: 13). U formalnom pogledu radi se o zbirci kratkih tekstova međusobno povezanih zajedničkom temom. To je zbirka tekstova i molitava koja ne traži kontinuirano čitanje, nego čitatelj odabire tekst za čitanje prema vlastitom nahodanju, a izbor je određen prigodama i vremenskim odrednicama zbiljskoga života. Sadržaj molitvenika uvijek je molitveničkog karaktera, u duhu kršćanske teologije u kojem su suprotstavljeni život i smrt. Na tragu toga karakter tekstova počiva na figuri antiteze. Čitatelju je najčešće dodijeljena pozicija grješnika ili potencijalnog grješnika kojemu tekstovi molitvenika mogu pomoći na putu vjerskog pročišćenja.

Knjixica shtijenja, i molitavah za vojnike, 1835. namijenjena je vojniku za individualno čitanje. Na početku se knjižice autor obraća vojnicima u množini. Osnovni ton teksta je didaktičan, savjetodavan u prvom dijelu, a zagovara pokornost ne samo Bogu nego i caru. Pisac poznaje vojnički život i probleme, u molitveniku ne postoji izbor brevijarskih tekstova i prvi tekst ne sadrži mnogo crkvenih naziva.

Molitvenik je po opsegu malen, nema 200 stranica, a autor je vjerojatno svećenik fratar što se može dokazati na osnovu jezikoslovne analize, kao i jezika i rječnika kojim se koristi.

Knjižica je prevedena s njemačkog originala, a tiskana u Budimu što nas navodi da je prevoditelj pripadnik „budimskog kruga“. Knjižica je pronađena u privatnoj knjižnici našega književnog barda Dragutina Tadijanovića prilikom popisivanja njegove knjižne ostavštine.

Ovaj je molitvenik u prvom redu namijenjen vojnicima jer u prvom dijelu govori o vojničkoj službi i kako ona nadopunjuje službu božju. Promiče ideju da vojnik može istovremeno biti dobar vojnik kao i kršćanin. Svaki vojnik mora biti bogobožazan, iskreno tražiti duhovno spasenje, biti lojalan caru i slušati svoga vladara.

Nakon uvodnog dijela koji se obraća svim vojnicima tekst prelazi u obraćanje jednom vojniku čitatelju i niže savjete za život vojnika u kojima se afirmira rad, vjernost, sloga, zadovoljstvo. Potom molitvenik govori vojniku o izdaji i teškim posljedicama toga čina, o čistoći tijela i molitvama koje svaki vojnik mora učiniti u jutro i večer. Religioznim tonom govori o krjepostima vojnika i što bi trebao raditi prije, a što poslije Svete Mise. O molitvama nešto više objašnjava u dijelovima o molitvi prije jela i poslije, prije ispovijedi, kako moliti pokajanje, kako moliti prije pričešćenja i poslije. Potom autor prelazi na pojašnjenje Vjerovanja i govori o svrsi života čovjeka i duhovnom spasenju.

² Molitvenik je zbirka molitava, tekstova, pjesama, čija struktura može imati karakter promjenjivosti ili ustaljenosti, a namijenjen je privatnoj pobožnosti ili javnoj službi Božjoj, bilo pojedinca bilo zajednice vjernika. (ŠUNDALIĆ 2003: 18)

O Božjim zapovijedima, crkvenim, milostima Božjim, o sakramentima, o dobrim djelima, o molitvi, grijehu i pokori piše u nizu u kojem se obraća vojniku toplo i prijateljski. Tumači mu čistilište, nebo i pakao.

U završnom dijelu knjižice sadržane su molitve i među njima je prva za cara, vojsku prije pogibije i poslije, molitva na putu, molitva prije bitke, zahvalna pjesma i pjesma Mojsijeva i naravno molitva umirućega.

U malom dodatku koji je posebno zanimljiv spominje vojničku zakletvu i važnost straže na Savi.

Slika 1. Naslovnica molitvenika Knjixica Shtijenja, i Molitavaha za Vojnike iz Nimacskoga Jezika privedena iz 1835.

Jezik molitvenika – nastavak franjevačke jezične koine iz 18. stoljeća

Nepoznati autor molitvenika za vojnike napisao je prijevod sa izvornika na njemačkom jeziku. Takvi molitvenici bili su uobičajeni u okviru Habsburške monarhije. No ovaj autor koristi jezik koji možemo identificirati kao nastavak franjevačke jezične koine iz 18. stoljeća. Pisan je štokavicom i to ikavicom, no ponegdje se mogu uočiti ikavsko/jekavske dvojnosti. Jezik je obično određen jezikom pisca-uzora, pišćevim podrijetlom, a ponegdje i govornom pripadnošću publike kojoj je tekst namijenjen (GABRIĆ-BAGARIĆ 2007: 137). Zato je potrebno pomno analizirati sve jezične razine kako bismo mogli pouzdano odrediti radi li se o franjevačkoj jezičnoj koine iz 18. stoljeća.

Slovopis

Slovopis molitvenika gotovo je identičan slovopisu fra Marijana Lanosovića u njegovoj gramatici: cs = č, ch = ć, gj, dj = đ, cx = dž, sh = š, x = ž, er = r (TAFRA 1985: 183)

U našem molitveniku otkrivamo sljedeći slovopis: cs = č, *Csesto, pocsetak, vojnički, macs, nimacski*, lj=lj *nazivlje, upotribljava*, nj = nj *Shtjenje*, sh = š *sloboshtina, nash*, tj = ć *platja, sritja* (kad je vidljivo da je od t), tj = t j *pridobitja*, ch = ć *izichi, obechaje*, x = ž *pruxiti, prixalostan, xivot*, št = cs+s *izdajnicstvo*, gj = đ *angjeli, hodjasje*, cx = dž *kavgacxija*

Prema ovom slovopisu točno se može odrediti da on pripada slavonskoj grafiji³ u cijelosti što znači da je i autor pripadnik slavonske franjevačke skupine.

Samoglasno **er** *najpogerdnije, merzi* nalazimo i kod mnogih autora franjevaca npr. Jakobovića, Bačića, Vilova, Kesića, Kanižlića, Pavića, Relkovića, Tadijanovića, Rapića, Blagojevića, Kneževića, Lanosovića, Velikanovića...

Ne piše j između samoglasnika: *sviu* (9), *nesmie* (10), ali piše j u primjerima *daje* (9), *koje* (24). Mikalja piše j u zamjenicama (GABRIĆ-BAGARIĆ 2010: 46). Obilježje franjevačkih autora je da ne pišu j između samoglasnika.

Pravopis

Akcentatske se cjeline u molitveniku pišu zajedno (vezivanje enklitika i proklitika): *Neukida, nesmeta, nemoresh, neudarajte, neocsitovati, nemoxe*, ali *raduj se* piše odvojeno što nije uobičajeno za franjevačku koine.

Prijedlog s se piše: *s-live* (48), *s-krova* (47), *sa-sinovskom* (59), *sh-njom* (60) *sh – njima* (50).

Ovakvi primjeri nisu ustaljeni, a zabilježeni su kod fra Jaića u obliku s'. Pojavili su se i kod Bandulavića koji je prvi uveo takav tip oznaka (GABRIĆ-BAGARIĆ 1989: 58) U primjeru *brez obrazan* vidi se da se neki pridjevi pišu s razmakom. U primjeru *Oddaje* uočavamo udvostručene suglasnike što je utjecaj njemačkoga jezika. Javljaju se iza kratkoga sloga, označavaju kraćinu samoglasnika ispred njih isto kao i u primjerima: *Illi, alliti, millost*. Velikim slovom u molitveniku piše *Cesar, Kralj*, nazivi se pišu velikim slovom kao i sve što se odnosi na Boga: *Bog, Boxii*.

Autor se drži korijenskog pravopisa pa zato nalazimo: *podpuno, izkorenio, izpija*. Strukovne nazive piše velikim slovom: *Garnizon, Kerstjanin*.

Nema bilježenja sekundarne jotacije: *sritjan* (66), *zasitjeni* (89), *platja* (8) *Primloge* (50), *zlamen poshtenja* (26) odlika je specifične fonološke skupine iz književne tradicije, a to su skupine zl i ml.

Ne piše dosljedno h: *kerke kosti* (54) umjesto krhke kosti.

Refleks glasa jat bilježi kao i: *udiliti, tilo, vridnost, bixanje, uvik, vrime*. po čemu se vidi da se radi o štokavskoj ikavici.

³ Slovopis se odredio prema popisu grafija koje je učinila Loretana Farkaš u svojoj knjizi *Od slovoslovnosti slavonske*, Osijek, 2010.

Morfonologija

Izostajanje sibilizacije u DL jd. imenica ženskoga roda e-vrste: ...*u priliki braniti...* (26), ...*u ruki tvojoj...* (48), ...*u ovoj odluci ostanem...* (108).

U 19. stoljeću to je bilo prihvatljivo.

Imenice D = L = I

D mn. ...*tvojima Cerkvanima sluxiteljima ostavio..*(118)

L mn. ama/ima

Daj mi utishenje, i usterpljenje u protivshinama, pomnju, i nastojiteljstvo u duxnostima moga stanja...(60)

I mn. ...*med vojnicima hodjashe...*(4)

D mn. ...*kojim samo neprijateljima morash strahovit biti* (22)

Izjedančavanje D = L = I počelo je još u 17. stoljeću. U ovim primjerima vidljivo je da su se množinski padeži izjednačili.

Imenička sklonidba G mn na -ah

...*tako se pouzdano ufam sviu mojih grihah odpushtenje dobiti.* (90)

...*koliko sam putah iskernjega moga uvridio* (90)

Ti si bio svidok mojih prigrishenjah, budi mi u pomochi tvojim medjugovorenjem (98)

Genitiv množine ženskoga roda propisuje i Šime Starčević u *Novoj Ricsoslovisci Ilirskoj 1812*.

On isti naredjivah vojevati; i pokazah se kao Gospodin vojskah (A2)

Vojskah je genitiv mn. završava na -ah, ali imperfekt glagola naredjivah i pokazah u 3.l. jd. umjesto -aše ima nastavak -ah za prvu osobu jednine. Funkcionalna uloga ovoga nastavka je stilistička.

Participi sadašnji postaju pridjevi i sklanjaju se. ... *s neba padajuchim* (4), *Terpechega Joba, grishnika pokoru csineshega...* (Jaić) Uporaba participa je obilježje franjevačke književnosti. Participske su konstrukcije sinaktički utjecaji grčkoga i latinskoga jezika. U molitveniku nisu česti jer se radi o prijevodu s njemačkoga jezika.

Evo bo istinu si ljubio.. (101) *bo, Pisano bo jest.* (18)

Rječca **bo** je staroslavenskog podrijetla, dolazi samo u značenju naime (nije veznik).

Glagol se u rečenicama najčešće nalazi na kraju:

Tebi sam samomu sagrishio, i zlo sam prid tobom ucsinio. (100)

Imenica u A + ucsiniti

U molitveniku česte su rečenične konstrukcije: *za moje poboljshanje ucsiniti* (63), *potvaranje ucsiniti* (1), *prijatnost, i ljubav ucsiniti* (11), *kripostna, i spasena ucsiniti* (66).

Ova rečenična konstrukcija u kojoj se imenica u akuzativu nalazi prije glagola učiniti je vrlo česta. Kombinacije s glagolom činiti nisu neuobičajene za franjevačku koine.

Tvorba superlativa pri-

U tvorbi pridjeva nalazimo najplodniji prefiks **pri-** : *Pridobrosviti* (59), *Privisoki* (16), *Primilostiv* (13), *Otcse priljubezni* (59), *primudra volja* (60).

Prefiks **pri-** javlja se u tvorbi opisnih i posvojnih pridjeva, a tvori se od pridjevske osnove. Prefiks pri- nosi značenje kao danas prefiks pre- , odnosno izriče svojstvo najvećeg stupnja od onog izrečenog osnovnim pridjevom. Ovo pravilo o tvorbi superlativa na ovakav način moguće je pronaći u kratkoj gramatici Della Bellina rječnika *Dizionario* gdje stoji: *Superlativi u hrvatskom jeziku nemaju vlastitoga nastavka već se tvore dodavanjem pripozitivu...*(DELLA BELLA 1728: 45)

I ako se ne bi nahodio medju katolicima, tvoj zakon nishtanemanje poshtuj, i u svakoj prigodi pokaxi se, koje si Vire...

Nishtanemanje (12) prilog čije potvrde možemo naći u kontinuitetu kod svih franjevaca, a zanimljivo je čak i do 1845. u autora Nemčića i djelu "Putositnice".

Ako sluxbu tvoju virno, i vruchoxeljno iz ljubavi prama Bogu, i Cesaru csinish, tako tvoja sluxba jest sluxba boxja.

Vruchoxeljno (12) je prilog čiju uporabu često nalazimo kod franjevačkih pisaca.

Crkveno nazivlje

U cijelom molitveniku povremeno se pojavljuje crkveno nazivlje, a među njima najbrojnije je ono najraširenije i danas: *Cerkva* (25), *Kerstjanin* (42), nazivi za Boga i Isusa: *Gospodin* (61), *Branitelj* (60), *Istina* (67), *Mudrost* (67), *Isus* (61), *Angjeli* (61), *Bogorodica* (66), *Evangjelje* (66), *Duh Sveti* (66), *Sin Isukerst* (66), *Sveta Vecsera* (70), nazivi vezani za obred: *Posvetilishte* (70), *Misnik* (71), *Missa* (71), *Podizanje* (81). Većina ovih naziva je staroslavenskog podrijetla.

Kontinuitet u leksiku – 18.st.

Prema značenju pojedinih crkvenih naziva moguće je dokazati da se nazivlje ne tvori kao novotvorenica, nego se koristi u kontinuitetu prema uzoru na starije autore: *iskernji* (11) 'bližnji', *vruchoxeljno* (12) 'zdušno', *posvetilište* (11) 'dio oltara', *shkodljiva pomanjkanja* 'nedostaci, mane, grijesi', *sobstvo* (26) 'osoba, osobnost, biće', *pedepsanje* (32) 'kažnjavanje', *usterpljenje* (42) 'strpljenje', *nenavidost* (44) 'mržnja, zloba, zavist', *Pridobrosviti Boxe!* (62) 'predobri Bože'. Isto nazivlje koriste Velikanović, Bačić, Kanižlić.

Primjeri kao *fala*, *dika*, *hasna* – nisu dijalektizmi nego uobičajene riječi početka 19.st. baštinjene od 18.st.

Sinonimija

Sinonimija i uvođenje sinonimnih parova u prozni tekst obilježje je norme franjevačkih pisaca 18. stoljeća⁴. Pojava sinonimije nije ništa novo u hrvatskoj književnosti jer se pojavljuje još od srednjovjekovnih liturgijskih tekstova, nalazimo je i u leksikografskim djelima (Mikalja⁵), a naročito je uočljiva u pojavi kontaktne sinonimije.⁶ U ovom molitveniku sinonimija se uglavnom javlja u nazivlju između domaće riječi i njezine strane istvrijednice: *Na Slavu, illiti Gloria (74), Na Virovanje, illiti Credo (76), Na Priglasje, ili Praefatio (79), Ocsistishte, ili Purgatorium (141), Sakramenti, ili njegovo Sveto Ime (123)*.

Sinonimija se javlja u tragovima i među općim imenicama: *Bolnice, illiti shpitali (54), tridesetine, ili harmice (182)*.

Sinonimni par uvijek ima sličnu strukturu istoznačnica + veznik *iliti*, ili + istoznačnica. Usporedno navođenje dva leksema u sinonimnom odnosu povezanih veznikom *iliti*, *iliti*, je leksičko-semantički (i stilski) postupak poznat još iz glagoljskih neliturgijskih tekstova 15. stoljeća⁷. Javlja se u većine franjevačkih pisaca (Kanižlića, Velikanovića, Bačića...).

Vojno nazivlje

O vojnom nazivlju nema dovoljno podataka iz starijih religioznih tekstova, a u molitveniku namijenjenom vojnicima moguće je očekivati veći broj takvih naziva: *Officir (31), Zapovidnik (31), Garnizon (24), bitva (162) 'bitka', vojak (19), ratobojna sluxba (20), Regimenta (39), ukvartiljit (20), novak (41)*.

Kao i u crkvenom nazivlju pojava sinonimije nije ništa neobično jer se uporedo koristi domaća riječ i posuđenica: *Kordon, illiti Rastava (181), Stotnik, ili Kapitan (8), Pribivalishte, illiti kvartir (24)*.

Zaključak

U molitveniku je prepoznatljiv utjecaj franjevačke jezične stilizacije na novoštokavskoj osnovi i ikavici. Prema jezičnim osobitostima uočljivo je približavanje standardu na svim jezičnim razinama i prihvaćanje svih obilježja franjevačke jezične stilizacije. Odabir novoštokavštine, bilježenje jata, crkvena terminologija i sinonimija u nazivlju samo su neke od zajedničkih osobina s franjevcima. Jedina iznimka je da se ne čuvaju stari padeži, D=L=I. i izostanak sibirizacije u DL jd. imenica ženskoga roda e-vrste.

Iako postoje male razlike, možemo govoriti da je nepoznati autor molitvenika franjevac koji je živio u Budimu i prema nalogu svojih nadređenih morao prevesti

⁴ O tome piše Darija Gabrić Bagarić u članku Književnojezična norma franjevačkih pisaca 18. stoljeća. Rasprave Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje, knj 33 (2007), str. 142

⁵ O sinonimiji u Mikaljinom rječniku pisala je Ljiljana Kolenić (2002) Sinonimi u Mikaljinu rječniku. Riječ: časopis za filologiju, sv.2. Rijeka. 28-33

⁶ Vidi u Hercigonja, E. (1983) Nad iskonom hrvatske knjige, rasprave o hrvatskoglagoljskom srednjovjekovlju. Liber. Zagreb

⁷ Vidjeti kod Hercigonja, E., Nad iskonom hrvatske knjige, Liber, Zagreb, 1983, str. 424

tekst molitvenika s njemačkoga jezika. Prilikom prevođenja poslužio se jezikom franjevačke jezične zajednice koja je dominirala u to vrijeme i koja je neslužbeno već imala obilježja standardnog jezika kojim su se pisala djela ne samo religiozne tematike.

Molitvenik je nastao u sam osvit ilirskog pokreta, a čuva stare jezične oblike podsjećajući na pomno njegovanu jezičnu tradiciju kroz stoljeća.

Literatura

- BATTARA 1847 = BATTARA Fr. Duxnosti podloxnihakh prama njihovu samovladaocu na sluxbu počétljih učilištah. Doveri dei sudditi verso il loro monarca ad uso delle scuole elementari. Izdavanje Perv = Prima Editione. U Zadru, natiskom i troškom Bratje Battara. 1847. 24
- BROZOVIĆ 2008 = BROZOVIĆ D. Povijest hrvatskoga književnog i standardnoga jezika. Zagreb, 2008.
- DELLA BELLA 1728 = DELLA BELLA A. Istruzioni grammaticali della lingua illirica. (Pre tisak 2006., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje) Zagreb, 1728.
- GABRIĆ-BAGARIĆ 1989 = GABRIĆ-BAGARIĆ D. Jezik Ivana Bandulavića, bosanskoga franjevca 17. vijeka. Sarajevo, 1989.
- GABRIĆ-BAGARIĆ 2007 = GABRIĆ-BAGARIĆ D. Književnojezična norma franjevačkih pisaca 18.stoljeća. // Rasprave Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 2007. № 33. 133-145
- GABRIĆ-BAGARIĆ 2010 = GABRIĆ-BAGARIĆ D. Na ishodištu hrvatske leksikografije. Trojezični rječnik Blago jezika slovinskoga Jakova Mikalje 1649./1651. Zagreb, 2010.
- HOŠKO 2003 = HOŠKO E. Josip Pavišević – svjedok jozefinizma u Slavoniji i Podunavlju. Zagreb, 2003.
- MOGUŠ 2009 = MOGUŠ M. Povijest hrvatskoga književnoga jezika. Zagreb, 2009.
- OCZKOWA 2010 = OCZKOWA B. Hrvati i njihov jezik. Zagreb, 2010.
- SAMARDŽIJA 2015 = SAMARDŽIJA M. Hrvatski jezik od početka 19. stoljeća do narodnog preporoda // U Povijest hrvatskoga jezika 19. stoljeće, knjiga 4., Zagreb, 2015. 9-35.
- ŠUNDALIĆ 2003 = ŠUNDALIĆ Z. Studenac nebeski. Molitvenici u hrvatskoj književnosti od 16. do kraja 18. stoljeća (s posebnim osvrtom na Antuna Kanižlića). Split, 2003.
- TAFRA 1985 = TAFRA B. Lanosovićeve „slavonska“ gramatika // Zbornik o Marijanu Lanosoviću, Osijek, 1985. 179-192.

Žuža Meršić – Denis Njari
(Sambotel, Mađarska)

PREZIMENA U VLADISLAVCIMA U 19. STOLJEĆU

Abstract: The paper analyzes Hungarian surnames in Vladislavci, a settlement in Eastern Slavonia in Croatia. The main source of work are the parish registers from the 19th century, where the original surnames forms are originally written. We tried to determine the general features of local surnames, based on the analysis of anthroponymic material, and also to establish which Hungarian area was the basis of the original immigration to Vladislavci.

Keywords: Hungarian surnames, Vladislavci, comparative linguistics, hungarisms, language borrowing

Uvod

Govoriti o demografskom kretanju, intenzitetu migracijskih tokova, tj. o preobražaju stanovništva na području Kraljevine Ugarske u novom vijeku (napose u 18. i 19. stoljeću) znači susreti se s mnogim društveno-povijesnim kao i jezičnim nedoumicama. U tom se razdoblju znatno promijenila etnička slika na prostorima Ugarske koja je doživjela gospodarski pad uvjetovan stoljećima osmanske vlasti, pobunama i ratovima, čime je drastično smanjen i broj stanovnika. U zemlji velikih razmjera unutar koje su se tijekom stoljeća administrativne granice često mijenjale, stanovništvo je dolazilo i naseljavalo prostore iz različitih krajeva i zemalja i nastanilo njezine opustošene krajeve. Heterogenost odnosno miješanje stanovništva različitih naroda, pridonijelo je šarolikosti antroponimijskog i toponimijskog sustava. Tako se u prezimenskim uzorcima već od samih početaka (njihovih nastanaka) susreću posuđenice iz stranih jezika (ugrofinskog, slavenskih, germanskog, turskog itd.) koja odaju različite stupnjeve prilagodbe mađarskome jezičnom sustavu. Općepoznata je činjenica da gotovo i nema sasvim čistoga jezika na svijetu, pa tako ni hrvatski ni mađarski jezik nisu pošteđeni posuđenica (PUŠKAR 2010: 129). One ulaze u leksički fond obaju jezika kako bi upotpunile vlastite leksičke praznine izravnim posuđivanjem, pomoću jezika posrednika ili kružnim posuđivanjem. U prošlosti, spletom društvenih, povijesnih i geopolitičkih okolnosti, u oba su jezika posredno ili neposredno ušle posuđenice. Tako su riječi iz slavenskih jezika¹ dospjele u mađarski, a s druge strane hungarizmi u hrvatski jezik, a u oba su pak jezika prodrli latinizmi, germanizmi, grecizmi, turcizmi,

¹ Pod pojmom „slavenizam“ podrazumijevaju se posuđenice iz svih slavenskih jezika.

talijanizmi... Količina hungarizama u hrvatskom standardnom odnosno supstandardnom leksičkom fondu kvantitativno je manja (DÜRRIGL 1988: 90-100; GULEŠIĆ 1999: 255-261.; HADROVICS 1984; NYOMÁRKAY 1989) u odnosu na slavenizme koji su ugrađeni u supstandardni i standardni mađarski jezik.

Prema *Rječniku mađarskoga jezika* i Bárczijevoj *Etimološkom rječniku mađarskoga jezika* Ferenc Papp je izvršio statističku analizu o korijenskom podrijetlu mađarskih leksema i došao do rezultata da je čak 9,36% leksema slavenskoga, 4,59% turskoga, 5,43% germanskoga i 10,10% ugrofinskoga podrijetla. (usp. ZOLTÁN 1996: 634). Dakle, riječi slavenskoga podrijetla u mađarskom jeziku gotovo je dvostruko više nego onih germanskoga ili turskoga, a tek ih je neznatno manje od onih ugrofinskoga podrijetla. Već prilikom prvobitnog formiranja mađarskog prezimenskog korpusa, slavenizmi su se toliko prilagodili u mađarskom jeziku, da su s lakoćom iskorišteni i za stvaranje samih prezimena i toponima. Tako su primjerice neka od najučestalijih mađarskih prezimena nastala pod utjecajem slavenskih jezika, npr. *Kovács*, *Asztalos*, *Mészáros* (i njegova inačica *Mensáros*), *Bodnár*, *Kádár*, *Molnár*, *Takács*, *Császár*, *Király*, *Német(h)*, *Horvát(h)*, *Oláh*, *Olasz*, *Görög*, *Szász*, *Lengyel* itd. Slično tome, adaptirani su i brojni toponimi, kao primjerice *Csongrád*, *Nógrád*, *Visegrád*, *Szeleste*, *Balaton*, *Rába*, *Rábca*, *Répece* i dr. (ZOLTÁN 1996: 634).

Kratki povijesni pregled nastanka mađarskih prezimena

O razlozima i okolnostima nastanka prezimena stoji nam na raspolaganju bogata literatura na hrvatskom (FRANČIĆ 2002; ŠIMUNOVIĆ 1995; 2006) i na mađarskom jeziku (MELICH 1943; BENKŐ 1949; MIKESY 1959; MAKSAY 1960; MIZSER 1990; HAJDÚ 2003). Istraživači se uglavnom slažu u tome da je pojavljivanju prezimena pridonijelo nekoliko kombiniranih i zajedničkih čimbenika, kao što su primjerice širenje pismenosti, nasljeđivanje imovine unutar obitelji, snažan utjecaj Zapada i sl. Težnja za što preciznijom identifikacijom osobe dovela je do naglog širenja i sve veće učestalosti te antroponimijske vrste. Prezimenski početci na prostorima Ugarskoga Kraljevstva potvrđeni su potkraj 12. i početkom 13. stoljeća da bi zatim početkom 14. stoljeća prezimena postala općenita. Zbog raznih razloga ona su se često mijenjala i preobražavala (HAJDÚ 2003: 740), dok zakonom iz 1780. godine nije ozakonjena nasljednost (osobno)imensko-prezimenske formule - čime ona postaje obvezatna u svim društvenim slojevima, a postoji i mogućnost za njezinu promjenu (usp. HAJDÚ 2003: 752; FARKAS 2003:145; FRANČIĆ 2002:15). Dakle, razvojni put prezimena u dvjema državama dijeli sličnu ili gotovo istu paradigmu.

Općenito o Vladislavcima

Jedan od ciljeva ovoga rada jest analizom prezimena utvrditi je li glavni smjer doseljavanja Mađara u Vladislavce uistinu bio taj koji je bio zabilježen u sjećanjima stanovnika (NJARI 2012: 18), odnosno u postojećoj mađarskoj historiografskoj literaturi (SEBŐK 2005: 183).

Naselje Vladislavci² u istočnoj Slavoniji (15 kilometara jugozapadno od Osijeka odnosno 20 kilometara sjeveroistočno od Đakova) osnovano je 1836. godine pod nazivom *Lacháza* isključivo mađarskim stanovništvom, ponajviše iz područja mađarskog Zadunavlja (*Dunántúl*), posebice iz njegovog sjeverozapadnoga dijela³. S druge strane, neki autori smatraju da se to naseljavanje dogodilo isključivo s područja susjednih mađarskih županija Somogy i Baranya (SEBŐK 2005: 183). Naseljavanje je potaknula vlastelinska obitelj Adamovića Čepinskih, s ciljem dobivanja radnika vještih poslu s kudjeljom. Naime, područje Vladislavaca prethodno je bilo močvarno, a vlastelin je nakon isušivanja na tom mjestu odlučio podići tvornicu za opremu kudjelje.

Prema prvom modernom popisu stanovništva 1857. godine u Vladislavcima (*Laczháza*) je popisano 62 kuće, a u njima je zabilježeno 333 stanovnika, od kojih je 326 bilo Mađara (97,9%), a 5 Nijemaca (1,5%). Prema tom je popisu prosječno živjelo 5 stanovnika u jednoj kući. Stanovnici su bili rimokatolici i pripadali su rimokatoličkom župnom uredu u Semeljcima, najbliži poštanski ured bio je u Osijeku, a bilježnik u Čepinu, a imali su i samostalnu seosku općinu (SABLJAR 1866: 466). Svi izvori ipak svjedoče o snažnom mađarskom identitetu koji je čuvan međusobnom ženidbom i udajom s Mađarima iz bližih i daljih naselja.

Izvori – antroponimijaska građa

Osnovni izvor za analizu prezimena u Vladislavcima predstavljaju katoličke matične knjige krštenih i umrlih za razdoblje od 1837. do 1899. godine odnosno od prvih sačuvanih matičnih knjiga do kraja 19. stoljeća. Podatci o rođenjima i smrtima u Vladislavcima za razdoblje do 1848. godine upisivani su u matičnu knjigu Semeljaca (AŽS: MKRVM), budući da je to bila matična župa kojoj je katolička filijala Vladislavci pripadala. Od 1848. godine počinje se voditi samostalna matična knjiga za naselje Vladislavci (DAO: MKV).

Vrijeme osnivanja naselja Vladislavci, pa i vrijeme zapisivanja tih prezimena u matične knjige bilo je predstandardizacijsko vrijeme mađarskoga jezika. Usto, područje iz kojega je stanovništvo migriralo unutar Kraljevine

² Naziv naselja *Vladislavci* najvjerojatnije potječe od imena Ladislava Adamovića, potomka Ivana Kapistrana II. Adamovića. Prvotni naziv Vladislavaca bio je *Laczháza*, od skraćenice mađarskog hipokoristika *Laci*, *Lacika* (mađ. ime László, hrv. Ladislav) i mađ. riječi za dom, zavičaj (mađ. *haza*).

³ Za detaljniji opis naseljavanja Vladislavaca i njegova razvoja pogledati samostalne radove (NJARI 2012; NJARI, KORADE – NJARI 2013).

Ugarske u ovom konkretnom slučaju bio je smjer sjeverozapad-jugoistok, odnosno izvorno s područja današnje sjeverne Mađarske i nekadašnjega Felvidéka, odnosno današnje Slovačke. I to je područje bilo granično jezično područje na kojemu je utjecaj na mađarski vršio ponajviše njemački i slovački jezik. Zbog toga je vrlo teško ustvrditi iz kojega je točno slavenskoga jezika pojedini apelativ ušao u onodobni mađarski jezik da bi zatim njegovom onimizacijom prešao u prezime i ušao u mađarski prezimenski korpus, npr. mađarsko prezime *Molnár* moglo je doći pod utjecajem iz bilo kojeg južnoslavenskog jezika „*mlinar*”, ali i iz primjerice slovačkoga „*mlynár*” ili iz ukrajinskog „*млинар*” (ESz 2006:488).

Vladislavačka prezimena⁴

Već sam letimičan pogled u povijesne dokumente Vladislavaca iz kojih smo ekcerptirali prezimensku građu odaje etnički šaroliku sliku u kojoj prevagu čine mađarska prezimena nastala i raširena na nekadašnjim prostorima Ugarskoga kraljevstva. U svakom slučaju, pri njihovoj razradbi mora se uzeti u obzir da su „preuzeti iz određenih lokalnih-dijalektalnih slojeva svojedobnog – i u svakom slučaju predstardizacijskog!” (ŽAGAR-SZENTESI 2005: 53), što otežava njihovo tumačenje. U ovome smo radu pri tumačenju vladislavačkih prezimena kao izvore koristili rječnike Miklósa Kázméra (CsnSz. 1993) i Mihályja Hajdúja (CsnE. 2010)⁵.

Motivacijsko-semantička klasifikacija vladislavačkih prezimena

Cjelokupni vladislavački prezimenski korpus koji iščitavamo iz prvih zapisa može se podijeliti⁶ u pet skupina.

1. prezimena nastala od osobnih imena

Ambrus/*Ambruš* (: Ambrus, Ambrosius); *Jenes*, (: Gyenes <grč. Dienes); *Karácsony* (: Karácsony)⁷; *Lajos* (: Lajos < fr. 'Louis'); *Mathé* (Máté Mathias, Matheus); *Pál* (: Paulus); *Péntek* (: Péntek)⁸; *Péter*, *Péterfi* (:Péter, Petrus) +fi; *Pöcze* (: Pece ~ Pöce ~ Pöce; Pec ~ Péc ~ Póc) +e; *Vincze* (: Vince, Vincentius);

⁴ Sintagmom „*vladislavačka prezimena*“ ovdje se služimo iz praktičnih razloga jer bez temeljite analize svih povijesnih dokumenata nije moguće ustvrditi koja su prezimena zaista vladislavačka, tj. vladislavačkim smatramo ona prezimenima koja iščitavamo iz prvih dokumenata u kojima nailazimo na njihove prve zapise.

⁵ Pritom treba nadodati da Kázmérov rječnik ne sadrži prezimena stranoga podrijetla, dok Hajdújeva Enciklopedija uključuje neka prezimena nastala od posuđenica iz slavenskih, germanskog i turskog jezika.

⁶ Usporediti sa sličnim podjelama Mihályja Hajdúja, Anđele Frančić i Petra Šimunović (HAJDÚ 2003: 761-767; ŠIMUNOVIĆ 1995: 13-16; FRANČIĆ 2002: 56-100).

⁷ Karácsony – hrv. Božić (VÖRÖS 2001: 83-120)
<http://epa.oszk.hu/00000/00033/00006/voros.htm>

⁸ Iako riječ *péntek* na mađarskom jeziku znači petak (peti dan u tjednu), u tom je obliku već u 15. stoljeću zabilježena kao staro mađarsko osobno svjetovno ime (CsnSz.: 839).

Osobna imena iščitana iz prezimskih likova pripadaju gotovo isključivo kršćanskomu repertoaru. Ona su osim dva prezimena (*Péterfi*, *Pöcze*) u svome temeljnom obliku transnominacijom i asufikslnom tvorbom postala jednim od najčešćih prezimskih tipova u Mađara. Među njima ne pronalazimo tzv. ženska prezimena što upućuje na patrijahalni ustroj društva. U tvorbenom procesu dvaju prezimena sudjeluju karakteristični mađarski formanti s jedne strane *-fi* ('sin') nadodan očevu imenu u prezimenu *Péterfi* te hipokoristični formant *-e* dodan pokraćenom imenu *Pöcze* (< njem. *Petz*).

2. prezimena nastala od nadimaka

Buzgó/Búzgó (: buzgó 'milostiv, pobožan, hitar, okretan'); *Farkas* (: farkas 'vuk'); *Gyököres* (: gyökeres~gyükeres 'snažan, uporan, ustrajan, izdržljiv'); *Kakos* (: kakas, 'pjetao, pjetlić'); *Kiss* (: kis, 'mali'); *Lencse* (: lencse 'leća'); *Miatyánk*⁹ (: miatyánk 'očenaš'); *Nagy* (: nagy 'velik'); *Ravasz* (: ravasz 'lukav'); *Szemes* (: szemes 1. 'čovjek neobično velikih i lijepih očiju; 2. snalažljiv, maštovit '); *Szikra* (: sziporka '1. iskra; 2. strastven, žustar; 3. naprasit'); *Szivos* (: szívós 'čvrst, tvrd, žilav, izdržljiv')

Među nadimcima uočljivi su doprezimski nadimački sadržaji, a u njihovoj strukturi skrivaju se

a/ zoonimi: *Farkas*, *Kakos*

b/ fitonim: *Lencse*

c/ osobine s obzirom na izgled i stas: *Kiss*, *Nagy*;

d/ prezimena motivirana unutrašnjim karakternim osobinama: *Buzgó/Búzgó*, *Gyököres*, *Ravasz*, *Szemes*, *Szikra*, *Szivos*

Potvrde za prezime *Miatyánk* u navedenim rječnicima kao ni u mađarskom prezimskom korpusu ne pronalazimo. Ono je rasprostranjeno u susjednoj Slovačkoj i na prostorima današnje Mađarske među slovačkom manjinom u obliku '*Ocsenás - Očenaš*'. Možemo pretpostaviti da je ono voljom nositelja prezimena ili zapisivača u mađariziranom obliku ušlo u vladislavački korpus prezimena.

3. prezimena od etnonima i etnika

a/ *Etnonimi*

Horváth (: horvát 'Hrvat'); *Lengyel* (: lengyel, 'Poljak'); *Magyar* (: magyar 'Mađar'); *Németh* (: német, 'Nijemac'); *Tooth/Tóoth* (: tót/tóth '1. Slaven; Slovak; Slovenac; 2. Hrvat kajkavac')

Među najčešćim etnomima u korpusu vladislavačkih prezima daleko je najbrojniji etnonim *Tót(h)*. U Mađarskoj sa svojih 210.424 nositelja ono se i danas nalazi na trećem mjestu po brojnosti, dok prezime *Horváth* s 198.598

⁹ Miatyánk – hrv. Očenaš (VÖRÖS 2001: 83-120)
<http://epa.oszk.hu/00000/00033/00006/voros.htm>

nositelja zauzima peto mjesto (podatak iz 2014. godine, <http://netmag.hu/leggyakoribb-magyar-csaladnevek/>). Učestalost prezimena *Tót(h)* u mađarskoj antroponiji moglo bi se tumačiti tako da se u početku svaki pojedinac stranoga porijekla nazivao *Totom*, a kasnije se u mađarskom jeziku odnosio na pojedinca slavenskoga porijekla sve do 19. stoljeća (HAJDÚ 2010: 11), dok se danas koristi isključivo za imenovanje pripadnika slovačke etničke skupine. U skupini prezimena etnonimskog nastanka mogu se pronaći imena naroda s kojima su Mađari tijekom svoje povijesti dolazili u doticaj ili imali zajedničku državu. Također, ta se prezimena mogu odnositi i na pojedince, pripadnike određenog naroda koji su doselili na prostor uže Ugarske. Treba naglasiti da navedena prezimena ne moraju uvijek značiti i nacionalnu pripadnost njihova (prvog) nositelja. Prezime *Magyar* nastalo je u Erdélyu među Mađarima Sikuljcima kada su se još međusobno razlikovale te dvije etničke skupine. S druge strane, u nekim se krajevima (primjerice, u Međimurju) sve pojedince stranoga porijekla čije ime većina nije poznavala imenovalo samo Mađarom (npr. u oblicima *Magyar*, *Vugrinec*) bez obzira je li je bio Mađar ili pripadnik neke druge etničke skupine (FRANČIĆ, 2002: 93).

b/ Etnici

Barcza (Barca 1. naselje u županiji Borsod 2. Barcz +-a osobno ime)¹⁰; *Burany* (: buráni ~ burányi Burány - nekadašnje naselje u Ugarskoj); *Buzi* (: bozi < (Fertő)Boz 'Boz' - naselje u nekadašnjoj Sopronskoj županiji u Ugarskoj); *Csetei* (: csetei ~ 'Csete' bivše naselje u županiji Fejér, i mjesto u Nagyunságu); *Csejtej* (: csejtej ~ 'Csejte' naselje u županiji Nyitra); *Feherdjei* (: fejerdi~fejerd~Fejérd' - naselje u županiji Kolozs); *Geci* (: géci < Géc - naselje u županijama Nógrád i Szatmár; 2. Geci 'hipokoristik od kršćanskoga osobnog imena Gergely + -ci)¹¹; *Mozgonyi* (: rozgonyi 'Rozgony' mađarsko ime za slovačko naselje Rozhanovce u nekadašnjoj Abauj županiji u Ugarskoj); *Nyári* (: nyári, 'Nyár' - naselje u Somodskoj ili Nyár(egyháza) u Peštanskoj županiji); *Őszi* (: ősz, 'Ősz' - naselje u Torontál županiji u Ugarskoj)¹²; *Patok* (: patak 'potok'); *Révay* (: révai 'Réva, mađarsko ime za slovačko naselje Rivica u Srijemskoj županiji); *Somogy/Somogyi* (: Somogy, županija u Mađarskoj); *Szalay* (: szalai 'Szala/Zala', županija u Mađarskoj)¹³; *Szálánki* (: szalánki 'Szalánk', mađarsko ime za slovačko naselje Slovinky u županiji Szepes);

¹⁰ Prezime *Barcza* rasprostranjenije je na sjeverozapadu mađarskoga Zadunavlja.

¹¹ Leksemi *buzi* 'homoseksualac' i *geci* 'sperma' u svome apelativnom obliku u standardnom kolokvijalnom mađarskom jeziku tretiraju se među vulgarizme. Međutim, njihovo pojavljivanje u leksičkom fondu mađarskoga jezika datira se puno kasnije: *buzi* tek iz 1932. godine i nije ništa drugo nego pokrata od riječi *buzeráns* iz 1886. godine (TESz I 1967: 399), dok polisemijsko značenje za 'spermu' datira od 1841. godine (TESz I 1967: 1041).

¹² Apelativi *nyár* i *ősz* u standardnom mađarskom jeziku označavaju godišnja doba (mađ. *nyár* – ljetno, mađ. *ősz* – jesen).

¹³ Prezimena koja imenuju županiju su *Somogy/Somogyi* i *Szalay*.

Sárközi (: sárközi 'Sárköz', naselje u županiji Szatmár); *Sárosy* (: sárosi 'Sáros', županija Sáros u Ugarskoj); *Szuhay* (: szuhai 'Szuha' naziv naseljenog mjesta u županijama Gömör, Heves, Máramaros, Nógrád, Pozsony, Zemplén); *Vég* (: vég '1. rub ili kraj nečega 2. krajnji, zadnji')¹⁴.

Prezimana etnonimskog nastanka jedna su od najbrojnijih skupina među vladislavačkim prezimenima. Osim dva prezimena (*Patok* i *Vég*), sva su tvorena sufiksom *-i* koji je izrazito zastupljen u mađarskoj antroponimiji i nije samo imenski nego i prezimenski sufiks. Pridodan toponimima znači isto što u hrvatskom jeziku formant *-ski*. Stoga je takvim prezimena teško odrediti njihovo etiološko postanje. Leksikografi često uz takve natuknice navode i imensko kao i toponimsko postojanje. Tako primjerice uz prezime *Geci* stoji objašnjenje da je moglo nastati i od toponima *Géc* naselja čak u dvjema županijama Nógrádskoj i Szatmárskoj, a kao drugu opciju navode hipokoristik od pokraćenog osobnog imena *Gergely* > *Gec* kojem je dodan hipokoristični sufiks *-ci*. (KÁZMÉR 1993: 398-9; HAJDÚ 2010: 129). Sudeći po toponimima iščitanim iz vladislavačkih prezimena u Vladislavce se doseljavalo iz čitavog Ugarskoga kraja, tj. riječ je o seobama unutar nekadašnjih ugarskih granica odnosno iz mjesta i krajeva koji su nekada pripadala ili pripadaju Mađarskoj. Postojanje više naselja istog imena, onemogućuje da se bez detaljnijeg bavljenja svakim pojedinačnim prezimenom koje se temelji na takvome ojkonomu odredi o kojem je konkretnom naselju riječ (*Csetei*, *Geci*, *Nyári*, *Szuhay*...).

4. prezimena od naziva zanimanja

U ovu smo prezimensku skupinu ubrojili sva ona prezimena u kojim smo oblicima prepoznali nazive zanimanja i sva prezimena koja se temelje na imenicama koje označavaju vršitelja radnje ili pripadnika određene državne i crkvene hijerarhije.

Bársony (: 1. tkalac baršuna, 2. nositelj odjeće od baršuna); *Biro* (: bíró 'sudac'); *Deák* (: deák ~ diák 'školovani čovjek, pisar, tajnik, učenik, crkvena sluga, učitelj kantor'); *Csizmadsia* (: csizmadia 'čizmar'); *Fazikos* (: fazekas 'lončar'); *Gombos* (: gombos 'dugmetar'); *Katona* (: katona 'vojnika'); *Káplár* (: káplár 'desetnik'); *Kovács* (: kovács, 'kovač'); *Kő* (: kő 1. 'kamen' 2. 'klesar, kamenolomac, zidar' 3. 'tvrd, bezosjećajan, surov, strog'); *Lovász* (: lovász 'konjušar'); *Madárász* (: madarász, '1. 'ptičar' 2. 'uzgajač ptica' 3. 'trgovac pticama'); *Mészáros/Mészáros* (: mészár(o)-s, 'mesar'); *Molnár* (: molnár 'mlinar'); *Péntér* (: pintér 'bačvar'); *Porkolás* (: porkoláb 'kapetan utvrde 2. zatvorski čuvar' *Sipos* (: sipos ~ sípos 'svirač frule'); *Sóos* (: sós 1. 'solar', 2. 'trgovac solju', 3. 'dostavljač soli'); *Szabó* (: szabó, 'krojač'); *Sziárto* (: szíjjártó ~ szíjgyártó 'kožar'); *Takács* (: takács, 'tkalac')

¹⁴ Temeljna riječ je apelativ koji označuje lokalitet, tj. mikrotoponim nekog mjesta u prezimenima *Patok* i *Vég*.

Ova prezimenska skupina ukazuje na neka zanimanja na kojima se temelje mađarska prezimena, a i danas su posve uobičajena među Mađarima. Među njima se izdvajaju prezimena temeljena na vojnoj terminologiji: *Katona*, *Káplár*, i ona koja su u vezi s oznakom državne hijerarhije *Deák*, *Biro*. U vladislavačkim prezimenima katkad su u svojstvu naziva profesije korišteni i nazivi određenih sirovina kao npr. *Sóos*, *Kő*. Potonje prezime ima i značenje 'tvrd, bezosjećajan, surov, strog' i temeljem toga moglo bi se uvrstiti i u skupinu prezimena nastalih od nadimaka. Slično tome, i prezime *Bársony* 'nositelj odjeće od baršuna' koje označava predmet rada, na temelju čega bismo također mogli pretpostaviti da je riječ o prezimenu nadimačkog nastanka.

Zaključak

U Vladislavcima u 19. stoljeću prevladavala su pretežito izvorno mađarska prezimena, ali među njima je bilo i pojedinih njemačkih te slavenskih (slovačkih i hrvatskih) prezimena. Prezimenski korpus koji se iščitava iz arhivskih povijesnih dokumenata (matičnih knjiga) ukazuje na to da je moguće da je izvorni glavni smjer doseljavanja u Vladislavce u prvoj polovici 19. stoljeća bio sjeverozapadni dio današnje Mađarske i područje današnje Slovačke tj. Felvidéka koji je u to vrijeme bio sastavni dio Kraljevine Ugarske, a ne kako se dosad mislilo samo područje Somogya i Baranye (SEBŐK 2005: 183). Taj se zaključak može donijeti ne samo temeljem upisa u mjesto rođenja u matičnim knjigama nego i na temelju grafijskog oblika prezimena koji je još uvijek čuvao predstandardni jezični oblik mađarskoga jezika (npr. *Fazikos* – *Fazekos*, *Kakos* - *Kakas*, *Sziárto* - *Szjgyártó*). Može se pretpostaviti da su neka od prezimena izravno prevedena sa slovačkoga jezičnog područja na kojemu je stanovništvo živjelo prije doseljenja u Slavoniju (npr. *Jeszenski* - *Őszi*, *Očenaš* – *Miatyánk*). Zapisivač prezimena (katolički župnik) je prilagodio pisanje tih prezimena prema staromađarskom pravopisu, a tek je na pojedinim mjestima uočljivo kolebanje u bilježenju dugih i kratkih mađarskih samoglasnika (npr. *Mészáros*, *Mészáros* i sl.). Osim navedenoga, u zabilježenim je prezimenima uočljiv i utjecaj mađarskog južnozadunavskog dijalekta na različite oblike zapisanih prezimena (npr. *Fazikos* umjesto *Fazekos*, *Kakos* umjesto *Kakas* i dr.) Neka od prezimena zabilježenih u Vladislavcima inače su vrlo rijetko zastupljena u općem prezimenskom korpusu mađarskoga jezika (npr. ranije spomenuti *Miatyánk*, *Geci* i sl.).

Literatura

- BENKŐ 1949 = BENKŐ L. A régi magyar személynévadás. Budapest, 1949.
- CsnE. = HAJDÚ 2010 = HAJDÚ M. Családnevek enciklopédiája. Leggyakoribb mai családneveink. Budapest, 2010.
- CsnSz. = KÁZMÉR 1993 = KÁZMÉR M. Régi magyar családnevek szótára. XIV-XVII. század. Budapest, 1993.
- DÜRRIGL 1988 = DÜRRIGL M-A. Hungarizmi u hrvatskom književnom jeziku // Jezik, 1988. 35/4. 90-100.
- ESz. 2006 = Etimológia szótár. Magyar szavak és todalékok eredete. Főszerkesztő: Zaicz Gábor, Budapest, 2006. http://www.tankonyvtar.hu/hu/tartalom/tinta/TAMOP-4_2_5-09_Etimologiai_szotar/Etimologiai_szotar_1_1.html Pristup ostvaren: 18. 6. 2016.
- FARKAS 2003 = FARKAS T. A magyar családnévanyag két nagy típusáról // Magyar nyelv, 2003. 99. évf. №2. 144-163.
- FRANČIĆ 2002 = FRANČIĆ A. Međimurska prezimena. Zagreb, 2002.
- HADROVICS 1984 = HADROVICS L. Ungarische Elemente im Serbokroatischen. Budapest, 1984.
- HAJDÚ 2003 = HAJDÚ M. Általános és magyar névtan. Budapest, 2003.
- GULEŠIĆ = GULEŠIĆ M. 1999 Još jednom o hungarizmima u hrvatskome standardnom jeziku // U VI. međunarodni slavistički dani Sambotel-Pečuh, 1999. 3/1 255-261.
- MAKSAY 1960 = MAKSAY F. A családnevek kialakulásához // Névtudományi Vizsgálatok. 1960. 169-171.
- MELICH 1943 = MELICH J. Családneveinkről // Magyar nyelv, 1943. №39 265-280.
- MIKESY 1959 = MIKESY S. Miért alakultak ki családneveink? // Magyar Nyelvőr, 1959. 83 évf. 82-87.
- MIZSER 1990 = MIZSER L. Megjegyzések a magyar családnévhez // Magyar Nyelvőr, 1990. 114. évf. №1-2. 33-35.
- NJARI 2012 = NJARI D. Vladislavci. Osijek, 2012.
- NJARI = NJARI D. 2012 Vladislavci (Lacháza) sredinom 19. stoljeća // Povijesni zbornik, vol. 4., №5. 2012. 77-97.
- KORADE - NJARI 2013 = KORADE M. - NJARI D. Filijala Vladislavci između dvaju župa i dvaju biskupija u 19. stoljeću // Diacovensia, vol. 21. №3. 2013. 495-506.
- PUŠKAR 2010 = PUŠKAR K. Tragom njemačko-mađarsko-hrvatskih jezičnih dodira // Cris, vol. XII. №1. 2010. 129-141.
- SABLJAR 1866 = SABLJAR V. Miestopisni riečnik kraljevinah Dalmacije, Hrvatske i Slavonije. Zagreb, 1866.
- SEBŐK 2005 = SEBŐK L. A Szlavóniai magyar szórványok // Magyarlakta kistérségek és kisebbségi identitások a Kárpát-medencében, Budapest, 2005. 179-190.
- <http://kisebbségkutato.tk.mta.hu/uploads/files/archive/384.pdf> Pristup ostvaren: 10.8. 2016.
- ŠIMUNOVIĆ 1995 = ŠIMUNOVIĆ P. Hrvatska prezimena: podrijetlo, značenje, raspostranjenost. Zagreb, 1995.
- TESz. I. 1967 = A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. I., Budapest, 1967.
- VÖRÖS 2001 = VÖRÖS F. Családnevek vizsgálata négy szlovákiai községben az 1896-1999 közötti időszakban // Fórum Társadalomtudományi Szemle, 3. évf. №1.

2001. 83-120. <http://epa.oszk.hu/00000/00033/00006/voros.htm> Pristup ostvaren: 6. 7. 2016.

ŽAGAR-SZENTESI 2005 = ŽAGAR-SZENTESI O. Hrvatski u dodiru s mađarskim // U Hrvatski u dodiru s europskim jezicima, Zagreb, 2005. 51-83.

ZOLTÁN 1996 = ZOLTÁN A. A magyar-szláv érintkezések kezdetei és fázisai // Életünk, Szombathely, 1996/6-7 1996. 634-648.

<http://netmag.hu/leggyakoribb-magyar-csaladnevek> Pristup ostvaren 9. 10. 2016.

Neobjavljeni izvori

AŽS: MKRVM = Arhiv župe Semeljci, Matične knjige rođenih, vjenčanih i umrlih 1838-1848.

DAO: MKV = Državni arhiv u Osijeku, Zbirka matičnih knjiga, sign. Aneks 74, Matična knjiga rođenih, vjenčanih i umrlih 1848-1899.

Виктор Ефимович Моисеенко
(Сомбатхей, Венгрия)

ИЗ ИСТОРИИ ОДНОГО ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО ВЫРАЖЕНИЯ

Abstract: The paper is devoted to unfolding the hidden original meaning of the Eastern-Slavonic idiom «синий как пун», that semantically has the meaning of colour.

Keywords: etymology, Russian and Slavonic fraseology, colour names

Языки по-разному организуют цветовое пространство, различаясь не только количеством обозначений цвета, но также разнообразием способов и форм выражения колористических понятий. Обозначения цвета, в том числе и находящиеся в составе идиоматических выражений, живут как обычные слова: они видоизменяют и пополняют значения, подвергаются метафоризации и другим языковым трансформациям.

В славянских языках только ограниченное число прилагательных, унаследованных от праславянской эпохи, несёт значение цвета непосредственно. К ним относится праславянское ядро системы цветоименований, которое состоит из названий хроматических цветов спектра, основных и оттеночных: **bag(ъ)r-*, **črv(j)enъ(jь)*, **črtnъ(jь)*, **polvъ(jь)*, **rumenъ(jь)*, **rusъ(jь)*, **sinъ(jь)*, **smědъ(jь)*, **zelenъ(jь)*, **žltъ(jь)*, наименований с корнями **rud-/ *ryd-/ *rъd-*, а также ахроматических цветов: **čьrnъ(jь)*, **bělъ(jь)*, **bělavъ(jь)*, **bělesъ(jь)*, **blědъ(jь)*, **blědnъ*, **sědъ*, **sěrъ*, **sivъ*, **sizъ* и др.

Большинство славянских атрибутов всё же выражают признак цвета как относительный через эталонные объекты, с помощью так называемых прототипических эталонов, в числе которых характерные и достаточно стабильные в цветовом отношении растения и плоды, красители, минералы, металлы и т.д., употребление которых связано с литературной традицией языка, как устной, так и письменной. При этом (со)существует два разных способа называния и словесного толкования цветоименований, а именно: через указание типичного объекта, имеющего специфический «запоминающийся» цвет (*бирюзовый, каштановый, вишнёвый*) или через описание одних имён через другие (*белый как снег, красный как кровь, цвета крови, чёрный как сажа, цвета сажи*). Именно идея соотнесения цвета с его эталонным носителем лежит в основе известной когнитивной теории Анны Вежицкой (WIERZBICKA 1990).

Считается, что в отличие от лексики, фразеология всё же менее подвержена языковым изменениям. Фразеология хранит в своём составе не только архаичные слова, формы слов и синтаксические конструкции, но также и теряющиеся в глубине времён заложенные в ней первичные смыслы.

Цель настоящей публикации - открыть завуалированный для большей части носителей русского языка изначальный смысл, заложенный в восточнославянском фразеологизме *синий как пуп*.

Словосочетания *синее лицо*, *синие губы*, *синяя кожа* сложились в древнерусском языке очень давно. Прилагательное *синий* в их составе называется цвет или оттенки цвета лица, тела, кожи бледного, озябшего (*синее от холода лицо*) или после побоев, внутренних болезней, а также больного или мёртвого человека. Носители русского, белорусского и украинского языков, используют в своей речи образное выражение *синий как пуп* чаще всего в смысле «замёрзший, озябший», а также в других, перечисленных выше значениях. Однако изначально заложенный в этот оборот смысл для них остаётся неизвестным.

Суть вопроса заключается в том, что наименование цвета *синий* в составе этого оборота сочетается не с видимой, открытой для обозрения частью тела человека, какими являются лицо, губы, руки. Ведь пуп/пупок – достаточно интимная часть тела, скрытая (под) одеждой. В славянских языках *пуп* человека, в отличие от его *кожи*, *волос* и других частей его тела, не входит в число природных концептов, на базе которых описывается их сочетаемость. В результате накопленного человеком визуального «цветового опыта» такая, необычная смысловая связь синего цвета и называемого им объекта, вызывает вопрос: «Разве пуп человека может быть синего цвета?». Другими словами, если в отношении самого прилагательного *синий* в составе рассматриваемой языковой конструкции имеется очевидная цветовая определённость, то по отношению к существительному *пуп*, которое не может выступать в роли закреплённого в языковой практике прототипического эталона, полной смысловой ясности не наблюдается. Подобная ситуация требует своего объяснения.

Остановимся коротко на особенностях цветовой семантики прилагательного **sinъ(jь)*. Это древнее, восходящее к праславянскому источнику прилагательное сохранилось во всех славянских языках, в которых оно называет очень широкую гамму цветов преимущественно в диапазоне от оттенков тёмно-синего до светло-синего, серовато-синего или квазицвета *сизый*¹. Наименования «синего/голубого» цвета давно являются

¹ С древнейшей поры группу синего цвета (в современном её понимании) в славянских языках и диалектах составляли наименования цвета **modъ*, **sinъ*, а также **rolъ* и **golъbъ(jь)* (МОИСЕЕНКО 2004). В последующем в разных частях Славии эта группа расширилась за счёт неологизмов и заимствований. Ср.,

предметом научных дискуссий исследователей системы цветообозначений в разных языках (НОРМАНСКАЯ 2007: 63). С одной стороны, считается, что у древних не было устойчивого, определённого термина для обозначения синего цвета, что вообще характерно для древних и первобытных народов. С другой стороны, некоторые слова, называющие в числе прочих также и синий цвет, обладают порой множеством цветовых значений, чаще всего неопределённого цветового качества, которые далеко не всегда соседствуют в спектральном круге или переходят один в другой. Сами наименования *синего* отличаются неопределённостью цветовых дефиниций, большим их «разбросом». Ср., в частности, дефиницию *синего* в некоторых славянских исторических и толковых нормативных словарях: *Синий* – «имеющий окраску одного из основных цветов спектра – среднего между голубым и фиолетовым» (ССРЛЯ 1962: стлб. 830). *Синий* – «имеющий окраску одного из основных цветов спектра – среднего между фиолетовым и зелёным» (ОЖЕГОВ, ШВЕДОВА 1999: 718). От себя по памяти добавим некоторые русские словосочетания с прилагательным *синий*, которые выступают в роли ситуативных цветовых маркёров: *синий(посиневший) от холода, от кровоподтёков, синеватый - налитый кровью, синеватый – апоплексический* и др.

Среди психологов-колористов и офтальмологов бытует мнение о том, что все народы в глубокой древности проходили общие или сходные ступени в различении и обозначении цветов. Существуют мнения о том, что синий цвет стал различаться и называться в качестве самостоятельного позже других. По мнению Н.Б. Бахилиной, «в русском языке история слова *синий* сложна и для древнего периода не совсем ясна» (БАХИЛИНА 1975: 174). Некоторые исследователи даже высказывали предположение о том, что зафиксированное в древнейших русских письменных памятниках (начиная с XI века), прилагательное *синий* не являлось цветообозначением, что современное цветовое значение у этого прилагательного выявляется позднее (СУРОВЦЕВА 1964).

Кроме рассматриваемого нами оборота, существует несколько других древнерусских хроматически маркированных выражений, имеющих в своём составе атрибут *синий*. Среди них сравнительные обороты с «почти прозрачной» цветовой семантикой типа *синя яки сажа* – «чёрная как сажа», а также случаи с не совсем ясной цветовой коннотацией: *ни синь пороху (в глазу)* или *ни на синь ноготок (на чёрный ноготь)*. Исследователи пока не пришли к единому мнению относительно цветового качества атрибута *синий* в составе указанных фразеологизмов, а также их

например, в польск. *niebieski, błękitny* (из ср.-в.-нем. *blanc-heit*), откуда укр. *блакитний* и т.д.

обобщённых смыслов, вытекающих из этого обстоятельства (ЧЕРНЫХ 1966: 90-91; ИВАНОВА 1974; ИВИЋ М.1998; МОИСЕЕНКО Л.Н. 2000)².

* * *

Вернёмся вновь к хроматически маркированному обороту *синий как пуп*, образованному по распространённой в славянских языках сравнительной модели типа: *белый как стена, красный как рак* и др. Начнём с того, что этот достаточно распространённый в живой русской речи оборот парадоксальным образом не зафиксирован в русской лексикографии. Выражение *синий как пуп* отсутствует не только в академическом 17-томном толковом «Словаре современного русского литературного языка» (ССРЛЯ 1962: стлб. 830), нет его в других словарях, включая фразеологические.

Между тем, в близкородственном украинском языке этот оборот зафиксирован: **пуп** – як пуп (бубон, буз), з сл.[овами] *синій, посинілий* і т.ін.: «[Горпина] потім заглянула в світлицю, де, як пуп синій, лежав Яків і спав мертвим сном» (УФС 1993: 717). См. также в 6-томном академическом «Украинско-русском словаре» выражение *як пуп синій* (разг.) в контексте: «Карпо, як пуп синій, вискочив з води і ухопив сорочку», которое на русский язык переводится *как пуп синий* (УРС 1961: 553).

Как уже отмечалось, у всех восточных славян выражение *синий как пуп* в первую очередь ассоциируется с внешним видом озябшего или больного человека. Но при этом возникает вопрос: «(непонятно) почему именно *пуп* синий?»

Несомненно уже на начальной стадии восприятия смысла, заложенного в сравнительный оборот *синий как пуп*, «срабатывают» ассоциации, связанные со значением *синий как замёрзший или больной* и т.д., с

² Фразеологизмы, в составе которых имеется наименование цвета *синий*, условно можно отнести к двум типам. Первый, очень древний, в примерах *синя яки сажа, ни на синь ноготок (на черный ноготь, ни синь пороха(в глазу))* несомненно хроматически маркирован. Однако неопределённость именно хроматической части цветового качества прилагательного **sinь* в древней микросистеме названий цвета, близость его цветового качества прилагательному **čьrть*, в первую очередь свидетельствуют об этом слове в составе рассматриваемых идиом, как о «носителе негативного признака». Наряду с коннотацией *тёмный, черный*, в нём также заложен смысл *мало; малое количество чего-либо*. Исследователи отмечают, что славянские народы в доисторическую эпоху и даже в начале исторической эпохи находились на такой стадии развития цветовой культуры, когда им была свойственна другая, архаичная когнитивная модель реакции(реагирования) на воздействие цветового фактора (ТОЛСТОЙ Н.И. 1973). Соответствующее подтверждение этому предположению дают нам факты языка. Ср. вариантное взаимозаменяемое употребление лексем **sine* и **čьrto* в составе упомянутых выше фразеологических реликтов с компонентом *синий*.

которыми обычно сталкиваются в языковой практике. Но роль пупа/пупка в качестве избранного для сравнения и маркированного синим цветом объекта всё-таки для носителей языка остаётся не совсем ясной по той причине, что (как уже было сказано) в отличие от лица, рук и других открытых для обозрения частей человеческого тела, пуп, как правило, закрыт/прикрыт одеждой. Употребляющие это выражение конечно же не догадываются, что первоначально в рассматриваемую языковую конструкцию был «заложен» иной объект - *пуп*, но не тот, с которым связаны их ассоциации, а *иной, который вовсе не является частью человеческого тела*.

Белорусы, русские и украинцы издавна называли и называют пупком желудок домашней птицы (кур, уток, гусей). Обратившись к В.Далю, в его «Толковом словаре» найдём необходимое для наших дальнейших рассуждений значение слова *пуп(ок)*: *пупок птичий, желудок. Курьи пупки да петушьи гребешки* (ДАЛЬ 1882: 539). Выражение *куриный (утиный, гусиный) пупок*, называющее так желудки домашней птицы, и в наши дни широко бытует в разговорной речи у всех восточных славян. *Характерная визуальная особенность желудка - куриного или иного птичьего пупка состоит в том, что его внешняя поверхность имеет специфическую окраску «сизого» цвета, напоминающую кожные покровы замёрзшего или больного человека*.

Показательно, что пупок (= желудок домашней птицы), обладающий характерным сине-сизым цветом, является цветовым эквивалентом не только в языковом сознании славян. Таким же его визуально воспринимают балтийские народы - ближайшие и.-европ. языковые и территориальные соседи славян. В литовском языке, например, «эталоном синего цвета считаются небо, море, глаза, сирень, желудок гуся (курицы) (последнее часто используется в сочетаниях «синий как Н») (ЗАВЬЯЛОВ 2007: 221). В литовском языке, как и в восточнославянских языках, коннотация «плохой, тяжёлый» сближает семантику синего цвета с чёрным (надо отметить, что не только в переносном, но и в прямом значении эти цвета часто сближаются). Ср: *Kad dalgis melinas kaip žąsies skilvis* – (дословно) «Коса синяя как гусиный желудок – такая плохая коса» (там же).

Примечательно, что оборот «синий как пуп» содержит свидетельства не только диалектного дробления общеславянского, но и черты общего в кругу его индоевропейских языковых сородичей и соседей. «Синий как пуп» безусловно древняя инновация, и есть основания полагать, что она является частью взаимного культурного приспособления предков восточных славян и восточных балтов.

Известный в лингвистической колористике третий критерий Берлина-Кея для базовых цветов гласит о том, что для них обязательна сочетаемость с большим кругом природных объектов (BERLIN, KAY 1969). Без этого условия базовые цветообозначения не являются

полноценными. В свете высказанного выше представляется, что в отношении прилагательного *синий* в составе фразеологического оборота *синий как пуп* это условие также соблюдается.

Литература

- ARJ 1956 = Rječnik hrvatskoga ili srpskog jezika. Na svjet izdaje Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti. Knj. XV. Zagreb, 1956. 41.
- BERLIN, KAY 1969 = BERLIN B., KAY P. Basic color terms: their universality and evolution. Berkeley – Los Angeles, 1969.
- MATEŠIĆ 1982 = MATEŠIĆ J. Frazeološki rječnik hrvatskoga ili srpskog jezika, Zagreb, 1982. 608.
- WIERZBIČKA 1990 = WIERZBIČKA A. Semantics of color terms: cultural and cognitive aspects // Cognitive linguistics. 1990. Vol. I, № 1.
- БАХИЛИНА 1975 = БАХИЛИНА Н.Б. История цветообозначений в русском языке. Москва: «Наука», 1975.
- ДАЛЬ 1882 = ДАЛЬ Вл. Словарь живого великорусского языка. Т. 3. Санкт-Петербург – Москва, 1882.
- ЗАВЬЯЛОВ 2007 = ЗАВЬЯЛОВ М.В. Цветонаименования в литовском языке // Наименования цвета в индоевропейских языках. Системный и исторический анализ. Москва, 2007.
- ИВАНОВА 1974 = ИВАНОВА Т.И. К истории фразеологизмов, включающих сочетание «синь порох» // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. Москва: Наука, 1974. 264-269.
- ИВИЋ 1998 = ИВИЋ М. Поводом изрече *ни на синь ноготок* // Слово и култура. Памяти Н.И. Толстого. Т.1. Москва, 1998. 105-111.
- МОЙСЕЕНКО 2004 = МОЙСЕЕНКО В.Е. О некоторых частных явлениях семантики наименований цвета (на материале славянских языков) // Studia Slavica Savariensia 2004. 1-2. Проблемы контрастивной семантики. Szombathely, 2004. 185-214.
- МОЙСЕЕНКО 2000 = МОЙСЕЕНКО Л.Н. Ещё раз о цвете и цветовых символах в «Слове о полку Игореве» // Слово и цвет в славянских языках. Melbourne: Academia Press, 2000. 152-153.
- НОРМАНСКАЯ 2007 = НОРМАНСКАЯ Ю.В., Цветообозначения в греческом языке // Наименования цвета в индоевропейских языках. Системный и исторический анализ. Москва, 2007.
- ОЖЕГОВ, ШВЕДОВА 1999 = ОЖЕГОВ С.И., ШВЕДОВА Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. Москва, 1999.
- СРЕЗНЕВСКИЙ 1903 = СРЕЗНЕВСКИЙ И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. III, С-Петербург, 1903. стлб. 356.
- ССРЛЯ 1962 = Словарь современного русского литературного языка в 17 томах. Т.13. Москва – Ленинград, 1962.
- СУРОВЦЕВА 1964 = СУРОВЦЕВА М.А. К истории слова *синий* в русском языке // Уч. зап. Кишинёвского гос. Ун-та. Т. 71. 1964.
- ТОЛСТОЙ 1973 = ТОЛСТОЙ Н.И. О реконструкции праславянской фразеологии // Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. Москва, 1973. 272-293.
- УРС 1961 = Українсько-російський словник. Т. IV. Київ: «Наукова думка», 1961.

УФС 1993 = Український фразеологічний словник. Кн. 2. Київ: «Наукова думка», 1993.
ЧЕРНЫХ 1966 = ЧЕРНЫХ П.Я. Очерки русской исторической лексикологии. Древнерусский период. Москва, 1966.

Ангелика Молнар
(Дебрецен, Венгрия)

ОБРАЗ ОБЛОМОВА В СВЕТЕ РОЛЕВОЙ ПОЭЗИИ
АНДРАША ПЕТОЦА

Abstract: András Petőcz was the founder of Hungarian visual poetry and the author of acoustic verses. In the poet's works the role-playing lyrics also notes. The verse *Oblomov's Dream* is of "programmatic" nature, besides here is selected a new ideal for the role-playing lyrics – Oblomov. The function of Orlando's transitive and compliant image now rests with the Goncharov's hero, who also expresses the identity and the difference with himself. The identification with the new literary figure seems to be complete (acting lyrical hero and a re-thinking subject), but other than allusions and references (explicit intertextuality), produces a quite different effect.

Keywords: András Petőcz, *Oblomov's Dream*, role-playing lyrics, reinterpretation

Стихотворение Петоца (*Сон Обломова*) ставит своим предметом детализацию постепенного пробуждения и послесонного состояния лирического героя, а также старательное воспоминание о своем сновидении. Эта ситуация, конечно, отличается от романной, но в то же время и однозначно рефлектирует на нее. Описание одного дня раздвигает временные рамки и распространяется на всю жизнь героя (SZEPES 2001). Здесь описывается не быт обломовцев, а приводится краткий экстракт глубоко философических вопросов, поставленных в романе в связи с образом главного героя. Гончаровский Обломов от своих мечтаний и обдумывания важнейших вопросов бытия также отвлекается осознанием протекающего времени и необходимости производства дел. Его сон, мечта, тоска по утраченному раю, как присутствие в мире, оказывается проявлением его настоящей жизни. Хотя перечисление различных настроений, плавающих мыслей, сноподобных, стоп-кадров способствует созданию «обломовской» атмосферы у Петоца, налицо также новая интерпретация истории Обломова.

По мнению исследовательницы Каталин Фехер, главным «действующим лицом» и конструктивным фактором стихотворения выступает особый хронотоп, основанный с одной стороны, на переплетении и контрасте временных пластов (прошедшее – настоящее – будущее, реальное время жизни быстро протекает в отличие от вечного

времени сна и воспоминаний о прошлом, но они образуют также цикличность) и пространства (здесь: дом Обломова, крыльцо, во сне гостиная комната, сад, похороны слуги Ольги; и там: Сеол – преисподняя; между «здесь и там» возможно динамическое перемещение). В тематическом центре стихотворения стоят релятивность и дифференциация времени внутри и за пределами человеческого существования, предопределенность и неимение выбора, и в этом аспекте раскрывается связь с онтологическими вопросами романа Гончарова. Для лирического субъекта важно иметь возможность остановить время, найти его и определенные его моменты, так как человек должен уметь управлять текущим и освободить свое существование от господства времени (FENÉR 2009).

В связи с наблюдениями Фехер можно сделать следующие замечания. В начале стихотворения определяется точное время в краткой фразе из трех слов: идет третий час («после двух часов дня»). Следует трехстишие, неожиданно быстро ускоряя темп стиха. Таким образом форма высказывания соответствует содержанию высказывания, т.е. утверждению ускорения действий. Это прерывается опять же резкой и короткой констатацией факта: лирический субъект устал от ритма окружающей жизни, и в качестве создателя текста о своей усталости кажется, он «устал» и от строгой ритмизованности стихотворных высказываний. Авторский субъект текста стиха пренебрегает типичными формами лиризации и предпочитает анжамбеманы. Резкость и отрывистость перечисления смены ситуаций тоже ведет к прозаизации стихотворения. Отрывки эпизодических событий создают подлинную атмосферу «обломочности». Быстрый темп выражается также нагроможденностью гласных «о» в венгерских словах (см. *kapkodom, gyorsan történnék körülöttem a dolgok*), которые устанавливают связность стихотворного ряда. В следующей строфе опять же наблюдается противопоставление, теперь уже в сфере времени: одна секунда дрёмы отождествляется с целым утром, первой половиной дня, одна минута становится эквивалентом длительного времени, почти вечности. Здесь единственное действие – это закрытие глаз, все остальное происходит вне воли лирического героя. Эта тема наглядно реализуется в повторе слогов «ла» и «ле» (*pillanatra, talán ha lehúnytam a szemem, el is telt a délelőtt*), что и образует внутреннюю рифмованность строфы, связывает лексически несовместимые слова.

После четверостишия опять же следует трехстишие, что напоминает форму сонета (темы же строятся контрастно), хотя строгая стихотворная организованность традиционного жанра не соблюдается (ни в структуре строфы, ни в количестве слог, ни в отсутствии рифм), и носит черты японского хаику (размышления о смерти). Внешний мир вторгается в мир лирического субъекта, который опредмечивает эту резкость: сильный свет солнца бросается в глаза и ослепляет. В этой метафоре светило действует

почти антропоморфически. Это другого рода исключение зрительного процесса, отличающееся от того, что представляет собой сон, так как носит негативный характер и требует противодействия. Таковым и является чаепитие, которое для венгерского реципиента является штампом, присвоенным русскому образу жизни.

Категорическая необходимость такого противостояния подчеркивается путем сокращения: фраза состоит всего лишь из двух строк. Двустилие выступает как хлесткая кода не в конце, а в середине стихотворения. Потом оказывается, что ход мысли нарочито прерван, так как он продолжается в следующем двустилии. В структуре фразы особо выделяется (посредством запятой) замедление действия. Включается сон и придает действию характер неопределенности («будто»), кажущейся реальности, завершенности (выделено курсивом). Этот сон противопоставлен светому эффекту, исходящему от солнца, извне и наводящему ослепление на человека. Резкий свет символизирует случайные пробуждения, то что «происходит». Итак, сон не мрак, а ясновидение в понимании лирического субъекта, и ему присваиваются иные качества, отличающиеся от суматохи, скороспешности, резкости дня. Стихотворение начинается резко, с определений, но позже становится более открытым, плавным.

Воспоминание обеспечивает трансфер из этой жизни в мир сна. Другой гончаровский образ, вводимый в стихотворение, Ольга стоит в особой позиции: ее имя составляет целую строку как завершение переносов фразы. Она не имеет никаких примет также, как и Обломов Петоца, просто представляет собой имя-сигнал, отсылающий к роману, и воспринимается в качестве намека на любовь героя. Гостиная, в отличие от внешнего крыльца, является частью домашнего, внутреннего пространства. Любовь как наиболее сильное доказательство существования, присутствия человека, относится к состоянию сна, сновидению. Как будто реализуется мечта гончаровского Обломова, только время года не лето, а осень, и место действия – не парк, а сад. Время тоже теряет свой быстрый темп, раздвигаются его рамки.

С наступлением воспоминания о сне и появлением образа Ольги наблюдается и смена дискурса. Наступает кризис сухого, концептуального, «прозаического» языка, направленного на констатацию фактов, и языковое творчество высвобождается через посредство языка сна. Это заметно и в упорядоченности высказывания. Хотя строфа состоит из пяти строк, но последние четыре получают, правда, неполную, но ясно очерченную рифмовку: *abab*. Вместо резко-коротеньких полушестерых ямбов, фразы отличаются более длинными строками и мелодичными метрическими образованиями. Правда, иронической цитации не наблюдается, но субъект текста явно иронизирует над предыдущим поэтическим принципом, и строит свою новую, переосмысленную концепцию.

Глаголы действия несовершенного вида указывают на длительное действие в прошлом, которое изредка прерывается небольшим отдыхом от движения. Рука лирического героя в интерпретации субъекта репрезентирует сильную и надежную опору, которая может обеспечить покой (сноподобное состояние) для активной Ольги, выдвигающей Обломова из лежачего положения, и заставляющей его ходить и говорить.

Осеннее солнце не светит ярко (и резко), не ослепляет, а приятно сопровождает влюбленных, точнее, оно находится над ними. В контрасте с движением пары под солнцем оказывается приостановление времени. Это необычная антитеза, ведь в поэзии осень, как правило, является элегическим временем увядания. Локус происходящего перемещается во внешний мир, в сад, получивший райские коннотации. В результате рифмовой позиции слова, сад становится эквивалентом отдыха. Четыре запятых в одной строке, с одной стороны, сильнее замедляют время и действие, с другой, – ритм стихотворения. Метафорика сна и пробуждения, внешних воздействий и внутренних желаний, резкого света и осеннего солнца пронизывает последовательные картины настроений.

Особо подчеркивается «красота» сновидения, которая прошла, так как была характерна для времени сновидения. Третий повтор мотива солнечного света снова выступает в качестве резкой смены тематических и формальных элементов. Трехстишию свойственна рифмовая формула: *aab*. При помощи рифмы свет оказывается эквивалентом ножа, уничтожающего орган зрения. Зрение опять же истребляется в форме опредмечивания резкости – солнечные лучи, источник света, традиционный символ мысли, пробуждения, теплоты и божеского, здесь как нож рассекает глаза, действует по противоположному принципу. Образуется необычный парадокс, оксюморон, переходящий в метафору, т.е. соотнесение несовместимых элементов. Наблюдается нехватка тени, мрака, привычных свойств сна и ночи.

В связи с этим вводится и тема смерти и локус преисподни посредством образа старого слуги Ольги. Этот элемент отсутствует в романе Гончарова. В последнем подчеркнут образ слуги Обломова, Захара, который стоит на пороге гибели будучи нищим, но его фигура и в этом случае никак не напоминает таинственного слуги Ольги стихотворения, пол которого не обозначен четко. Мотивация такой нестыковки может кроиться в звуковой упорядоченности данной строфы. Единицы венгерских эквивалентов слов «сон» и «Обломова» повторяются в тесном ряду *Álmomban Olga öreg szolgáját is láttam a ravatalon* («во сне я видел и старого слугу Ольги на катафалке»). Концепты состояния «наяву» отменяются, вернее повторяются противоположным образом. «Я» теперь «видит», он во сне не один(ок), присутствует латентно и Ольга, и ее слуга. Вводится тема старости и смерти. Лицо умершего слуги описано как визуальное впечатление: желтоватый цвет как признак тлеющего тела, тем самым свойство смерти переносится и на солнце.

Труп не видит, у него глаза закрыты, в отличие от видящего сон, который во сне видит, и об этом созидает текст. Такое бытие характеризуется безвременным: для его воссоздания используются безглагольные фразы. Номинальная форма означает постоянство, приостановление активного миропорядка, его погружение в вечность.

В следующем четверостишии объективная точка зрения сменяется с неопределенной, субъективной обработкой воспринятых информации. Стихотворение Петоца получает условный, вибрирующий характер: настроения жизни и смерти наиболее явно подвергнуты изменениям. Вместо простой фиксации зримого идут догадки: «видно было». Приемы, используемые для выражения неопределенных условий: в первую очередь всевозможные повторы (напр. корней слов и мелкие сдвиги между семантикой и звуковой оболочкой слова) и грамматические вариации. Три однократных глагола действия ('látszott, meghajolt, szorította' – «видно, поклонился, сжал») перекликаются по своей форме. Смерть не называется, только определяется как подчиняющая и покоряющая «неизвестная сила». Чувство неопределенности обвеваает слово, которое требует точного определения. Однако заявленное смирение сомнительно, так как поклоняющийся сжимает свои губы. Это может свидетельствовать как о непокорности, так и о нежелании издавать звуки, отказе от речи. Навязанное молчание, значит, двусмысленно, – об этом свидетельствует подчеркивание курсивом выражения «при этом». К тому же приводится еще одно объяснение, выражаемое в условной форме «как будто»: умерший сердится на смертный характер человека, на мироустройство, в котором размеренное человеку время ограничено, и смерть ожидает каждого. Это может интерпретироваться как восстание человека против стабильности неизбежных явлений.

Обобщение – смерть как обыкновенный случай, «происходящее» – выражается поэтическими средствами в целом. Не только употребляемые местоимения (тот, все, такое, где), но и место также неопределенное: там, где-то. Но венгерское слово *valahol* «где-то» имеет звуковую оболочку, отсылающую к имени Обломова. Повтор сегмента предваряет последнее двустишие, как особо выделенное, подчеркнуто важное место стихотворения. Повторяется выражение «как будто» в начальной позиции фразы, затем суммируются слова, содержащие частицу «ол» в Сеоле, имени, означающем преисподню. Слово *Seol* воспроизводит и венгерское слово, местоимение *sehol* – «нигде». Рифма раскрывает и внутреннюю форму в слове: преисподни нет нигде. Языковая игра, реализующаяся при помощи повторяющихся элементов, звуковых повторов, используется для поиска реального, настоящего слова, которого и не найти. Сон, Обломов, Ольга, слуга, смерть (*álmom, Olga, szolgáló, volt, ravatalon*) – все объединено былью и отсутствием в жизни. Смертельно – слово, которого нет, но образуется, и это является основным опытом сновидения. На этой внутренней рифме базируется центральная метафора стихотворения – сон

Обломова. Каждый из трех компонентов слова динамизируется в тексте стихотворения, и в результате семантических взаимодействий, выступающих в разных контекстах, слову присваиваются новые значения. Эта новая метафора своими семантическими новообразованиями заполняет лакуны, оставляемые прежним дискурсом.

Вторая строка целиком основана на повторе «е», как сигнале означивания храбрости, переживания смертельной опасности. Таким образом стихотворение из антитезы сна и жизни разворачивает широкую, онтологическую проблему жизни и смерти. Эти две строфы будто нарочито разбиты на самостоятельные. Венгерские слова *'ott'* – «там» и *'valahol'* – «где-то» будто рифмуются с предыдущей строфой, а *'történik'* – «происходить» предвзвешивает эту тему, и отсылает к изначальным и предпоследним строкам. Семантические единицы, связанные с частичной омофонией, распространяются через внутренние рифмы на весь текст. Стихотворный текст становится местом для конституции новых знаков, которые составляют его самого. Возникаемые новые значения создают новую тему: смерть может «происходить», поэтому лучше всего, когда ничего не происходит. Боль за смертность человека присутствует в этих строках, проецированно с образа слуги на сновидящий, затем осмысляющий субъект. Отказ от смерти и утверждение сна как перехода из слепой жизни в существование другого качества, представлены поэтом, который также занят вопросами бытия и небытия, как и Гончаров. Правда, последний не выставляет эти вопросы настолько резко «на показ».

Заключительная строфа, рамочно завершающая стихотворение, в обратном порядке компактно отвечает на положения изначальных строф. Порядок изменяется, и ожидаемое выравнивание отсутствует. Структурное условие строки – ритм, взаимное взаимодействие составляющих его единиц, возвращает к жестко-прерывистой интонации первых строф. С помощью повторяющихся строк образуется зеркальная симметрия, в которой имеют место и изменения. На первый взгляд будто отсутствует опыт размышлений, приобретенный в ходе осмысления сновидения. В обрамлении определяется только точное время: вторая половина дня, время чаепития, третий час. Время летит довольно быстро (момент и минута расширяется до дня и недели) в кажущемся безделье. Последняя фраза напоминает об истечении срока и необходимости действия. Однако утверждается, что на самом деле произошло многое, и это должно толковаться не в смысле внешних, а внутренних событий. Событие упоминается только в открытом воспроизведении действия и в скрытом осмыслении сновидения. Дело в том, что субъект не способен интерпретировать ресемантизированный мир значений слова в стихе без применения его к себе, к своему творческому пути, т.е. изолированно от самопонимания. Варьирование тематических мотивов в структуре стихотворения обеспечивает постепенное освоение проблемы.

Стихотворение пронизывает мысль о жизни и смерти, пересекаемая отдельными разветвлениями мысли (сон и явь, время и вечность, любовь и пассивность). Эти фрагменты вместе создают полную картину, в которой мысль не получает завершения, но приводит к переосмыслению. «Обломочный», раздробленный стихотворный язык, многократные разрывы в стиховой организации переходят в текстовые формы, где концентрация на отдельных значениях развертывается в своего рода единый смысл.

Ролевая игра, которая направлена на поиск потерянного лирического лица и создание нового поэтического голоса, выработки внутреннего видения, философского содержания, развертывается в автопоэтическую программу. В результате этого, ипостасями субъекта текста становятся лирический герой, действующий в стихотворении, лирический субъект, спрашивающий о смысле жизни, и сам субъект текста, образующийся и преобразующийся в поисках соответствующего слова об этом. Оформляя действия, он создает свой текст-ответ, фокусирующий внимание на собственной организации.

Итак, новая роль в образе Обломова углубила поэтический мир венгерского поэта. Проза русского писателя плодотворно влияла на венгерскую поэзию. Возможно, в этом играл значительную роль не только многоликий и неисчерпаемый образ героя, но и сам факт поэтичности романа Гончарова. Нельзя забывать о том, что классик начинал свой творческий путь с созидания стихотворений, которые определили и его первые опыты на поприще прозы.

Литература

- FEHÉR 2009 = FEHÉR K. Az oblomovság rejtélye // Jelenlét 50. Petőcz András ötvenedik születésnapjára. (Szerk. FODOR T.). Hernádkak: Példa Képfőiskola Kortárs Művészeti Alapítvány, 2009. 125-129.
- GONCSAROV 1960 = GONCSAROV I.A. Oblomov. (ford. Németh László) Budapest: Európa Könyvkiadó, 1960.
- PETŐCZ 2005 = PETŐCZ A. Oblomov álma // Európa Rádió. Pozsony: Kalligram, 2005. 7.
- SZEPES 2001 = SZEPES E. A mozdulatlan mozdulás, avagy Petőcz András nyugtalan utazása // Tiszatáj 2001, № 3. 58-73.

Petőcz András: *ObloMOV álma*

Két óra elmúlt.

Csak kapkodom a fejem,
túl gyorsan történnek
körülottem a dolgok.

Elfáradtam.

Egy pillanatra, talán
ha lehúnytam a szemem,
egy percre se, és
el is telt a délelőtt.

A tornác felől éles napsütés,
a fény a szemembe vág,
elvakít.

Meg kell, hogy igyam, lassan,
a délutáni teát.

Álmomban, mintha,
már meg is ittam volna,

és úgy emlékszem, megjelent
a nappaliban
Olga.

Beszélggettünk, sétáltunk is,
ő nagy ritkán a karomon pihent,
és az őszi napsütés alatt
az idő, velünk, ott, a kertben,
csak alig-alig haladt.

Szép álom volt.

Most a napsütés,
miként a kés,
a szemembe vág.

Álmomban Olga öreg
szolgálóját is láttam
a ravatalon.

Андраш Петоц: *Сон Обломова.*
(перевод мой – А. М.)

Уже третий час.

Кручу головой суматошно,
происходит слишком быстро
все вокруг меня.

Я устал.

На мгновение, может быть
я закрыл свои глаза,
даже не на минуту, и
утро прошло.

С крыльца резкий свет солнца,
бьет в мои глаза,
ослепляет.

Я должен выпить, медленно, свой
послеобеденный чай.

Во сне, как будто,
я уже и выпил,

и как мне помнится, появилась
в гостиной
Ольга.

Мы разговаривали, и гуляли,
Она иногда отдыхала на моих руках,
и в лучах осеннего солнца
время, с нами, в саду, там,
шло едва.

Это был красивый сон.

Теперь солнце,
как нож, режет
мои глаза.

Во сне я также видел
старого слугу Ольги
на катафалке.

Sárgás, viaszos arca volt,
a szeme csukva.
Látszott, ahogy meghajolt
az ismeretlen erő előtt,
még *közben* is a száját
szorította.

Mint aki mindenkire haragszik ott,
valahol,
ahol ilyesmi megtörténhet.

Mint aki a *Seollal* már
ezerszer farkaszemet nézett.

Délután van. Teaidő.
Kettő is elmúlt.
Eltelik ez a nap is.
Ez a hét is.
Sok minden történt.
Későre jár.

Он имел желтоватое, восковое лицо,
его глаза были закрыты.
Видно было, как он поклонился
перед неизвестной силой,
и *при этом* даже губы
сжал.

Как будто сердится на каждого там,
где-то,
где такое может происходить.

Как будто он *Сеолу* уже
тысячу раз смотрел в глаза.

После обеда. Время чаепития.
Уже третий час.
Пройдет и этот день.
И эта неделя тоже.
Произошло много всего.
Уже поздно.

Наталья Няголова
(Велико-Тырново, Болгария)

„КАРТА АФРИКИ” В ТЕАТРАЛЬНОЙ ЧЕХОВИАНЕ
РУБЕЖА XX-XXI ВВ.

Abstract: The article analyzes the transformation of one of the semiotic elements in the play of Anton Pavlovich Chekhov's "Uncle Vanya" in the Russian theater at the borderline between the 20th and 21st century.

The used materials are from four performances of the play on Moscow stage – the performances of Sergei Solovyov in Maly Theatre, of Alexander Sabinin in Et Cetera theater, of Rimas Tuminas in Vahtangov theater and of Anrdey Konchalovsky in Mossovet theater.

In the different interpretations of the "map of Africa" as a theatrical sign, the changes were sought in the aesthetic paradigm between two centuries and the formation of a new "horizon of expectation" of the Russian spectator between two different socio-cultural epochs.

Keywords: poetics, sign, theater aesthetics, reception, cultural context

В тексте чеховской пьесы „Дядя Ваня” присутствует довольно популярная деталь – „никому здесь не нужная” карта Африки, которая превратилась в настоящий камень преткновения для чеховедов на протяжении почти полтора века. Карта появляется в тексте четвертого акта три раза. Сначала в обстановочной ремарке к действию:

„Комната Ивана Петровича; тут его спальня, тут же и контора имения. У окна большой стол с приходо-расходными книгами и бумагами всякого рода, конторка, шкафы, весы. Стол поменьше для Астрова; на этом столе принадлежности для рисования, краски; возле папка. Клетка со скворцом. На стене карта Африки, видимо, никому здесь не нужная” (ЧЕХОВ 1978: 105).

И еще два раза в конце акта:

„Астров. Придется в Рождественном заехать к кузнецу. Не миновать.

(Подходит к карте Африки и смотрит на нее.) А, должно быть, в этой самой Африке теперь жаррища – страшное дело!” (ЧЕХОВ 1978: 114)

В критической литературе, посвященной драматургической поэтике писателя, сложились несколько мнений о мотивировке данного элемента. Один из первых исследователей чеховских пьес – Сергей Дмитриевич

Балухатый – обращает внимание на присутствие карты Африки в обстановочной ремарке к четвертому акту и связывает его с указанием „более на повествовательную, нежели сценическую функцию ремарки” (БАЛУХАТЫЙ 1925: 112). К такой же, „эпической” мотивировке придерживается современная исследовательница Т.Г. Ивлева: „Наиболее же ярко маркируют появление субъекта речи в чеховской драме слова категории состояния и в особенности вводные слова, демонстрирующие непосредственное отношение носителя речи к миру персонажей: «На стене висит карта Африки, видимо, никому здесь не нужная» («Дядя Ваня» – 13, 105)...» (ИВЛЕВА 2001)

Другой известный чеховед – А. П. Чудаков, воспринимает деталь как часть целого ряда „неотобранных” предметных элементов в художественном дискурсе Чехова, которые должны обеспечить „жизнеподобие” изображаемой действительности. По мнению исследователя, „целесообразность детали оказывается ложной, а реплика – столь же «лишней» в общем движении событий, сколь и сама деталь” (ЧУДАКОВ 1971: 155).

В. Лакшин воспринимает реплику доктора как своеобразную замену, утверждая: „Слова Астрова о жарнице в Африке также не выражают непосредственного смысла” (ЛАКШИН 2013). К подобному мнению присоединяется и И.Н. Сухих: „Наташин (и толстовский) остров Мадагаскар и астровская (чеховская) карта Африки находятся на одной и той же эстетической карте” (СУХИХ 2008: 175). В.В. Гульченко также видит в реплике десемантизацию: „слова о жарнице в «этой самой Африке» – это неуклюжая попытка героя спрятаться за возникшую некстати фразу от невыносимо-мучительной неловкости ситуации” (ГУЛЬЧЕНКО 2015: 17). Таким образом, карта Африки в контексте концепции „замены” функционально отождествляется навязчивым цитатам в речи героев Чехова, в которых слово теряет свою референциальность (СТЕПАНОВ 2005: 68).

Другая группа авторов рассматривают карту Африки как проявление драматургической символики Чехова. Данному элементу посвящает специальную статью В.Ш. Кривонос. В ней он противопоставляется мнению о „немотивированности” детали, противопоставляя ей символическое истолкование элемента как образ тепла: „Так и карта Африки, будучи элементом быта, оказывается неустранимой частью жизни героя, в которой недостает согревавшего бы его тепла. В Африке же не просто жарко: там страшный избыток природного тепла, «жарища»” (КРИВОНОС 2014: 73). А по мнению Н.Е. Разумовой, в карте Африки можно обнаружить более глобальную семантику онтологического плана: „В целом эта реплика Астрова отражает принципиальную для его образа самореализацию личности во всей полноте пространства мира. В связи с этим семантически неслучайным оказывается его имя (Михаил Львович), в котором под налетом иронии

значимо объединены медведь и лев – хозяин русских лесов и царь африканской природы” (РАЗУМОВА 2001: 331). Подробно анализируя существующие интерпретации, Г. И. Тамарли заключает: „Мотив ненужности, бесплодия приобретает масштабность и монументальность в результате сцепления названия континента с существительным ж а р и щ а, употребленным с увеличительным суффиксом. *Африка – жарыща* ассоциируются с огромной выжженной пустыней, и тем самым конкретное понятие переходит в абстрактное, завершая развитие основного мотива пьесы – мотива бесполезно прожитой жизни и загубленной личности. Еще раз подтверждаются произнесенные в финале слова Астрова: «Наше положение, твое и мое, безнадежно» (С., 13, 108)” (ТАМАРЛИ 2012: 173).

Семантика карты Африки в пьесе реализуется в двух разных контекстах – в реплике и в паратексте. Обстановочная ремарка к четвертому акту имеет богатое предметное „наполнение”: „приходо-расходные книги”, „бумаги всякого рода”, „конторка”, „шкапы”, „весы”, „клетка со скворцом”, „половик”, „карта Африки”...Концентрация предметов связана с идеей Чехова о побеждающем человека быте, о материи, которая оказывается сильнее духа. Семантика детали конкретизируется в реплике Астрова. „Сужению” бытовой обстановки противопоставляется открытие необозримых умозрительных пространств. В мрачном кабинете Войничева карта становится знаком другой, непостижимой, но существующей где-то реальности. Она напоминает о „заколдованности места” – проклятом вопросе всей русской классической драматургии: „Кто живет здесь, для него нет спасения” (МИЛЬДОН 1992: 226). Связанность героя с конкретным, поглощающим его силы местом это и есть подлинная трагедия чеховских героев. Постепенно заколдованность пространства превращается в заколдованность времени и тогда герои понимают, что момент изменения или возможного счастья уже пропущен.

На особую семантику карты в театральном бытии пьесы режиссеры обратили внимание еще при первых постановках пьесы. В 1899 года пьеса поставлена в МХТ-е и в роли Астрова зрители видят самого К.С. Станиславского. Он решает образ доктора в романтическом ключе и „когда в финальной сцене, надевая дорожную крылатку, доктор Астров подходил к висящей на стене карте и ронял как будто совсем случайную, пустую фразу: "А, должно быть, жарыща в этой Африке, – страшное дело", – она наполнялась неожиданным трагическим подтекстом” (СТРОЕВА 1973: 50).

Рецептивная критика второй половины XX века воспринимает встречу литературного текста с читателем как условие для оптимальной реализации его потенциала. Такой встречей в театральном искусстве является спектакль – один из самых коммуникативных эстетических феноменов. Зритель принимает или отвергает спектакль, применяя в

процессе оценки сложный набор эстетических, социальных, политических и психологических критериев, располагает его по своему „горизонту ожидания” по терминологии Х.Р. Яусса (ЯУСС 1994: 97).

Любой рубеж веков приходит с своей специфической атмосферой культурного кризиса, а конец 20 столетия связан для Восточной Европы с особым драматизмом. Конец господства одной социально-политической системы для гражданина восточноевропейских стран оказывается и концом определенных эстетических канонов. В этом омуте эмоций и идей на театральных подмостках снова по-настоящему была востребована чеховская драматургия. 100 лет после написания чеховских пьес, они становятся индикатором изменяющегося сценического языка и воскрешают очередную „драму жизни” в существовании европейского человека 1990-х годов. За двадцать три постсоветских лет на московской сцене возникают четыре знаковых спектакли по пьесе „Дядя Ваня”, которыми можно проиллюстрировать изменения „горизонта ожидания” русского зрителя конца XX и начала XXI века.

В начале 1993 года новый театр „Et-Cetera” под руководством Александра Калягина открывается спектаклем „Дядя Ваня” режиссера Александра Сабинина. Премьера спектакля 2 февраля 1993 г. Для участия в спектакле приглашены известные актеры театра имени Вахтангова Владимир Симонов на роль Войницкого и Василий Лановой на роль Астрова. Астров Лановой представлен в романтическом ключе, он пафосный, уверенный в себе персонаж, который сдержан только в внешних проявлениях эмоций к прекрасной Елене Андреевне. В своей рецензии „Спектакль, который «не заметили» Юрий Фридштейн отмечает, что „спектакль театральной общественности не подошел” и критика не удостоила его никаким вниманием (ФРИДШТЕЙН 1999). Но чем не угодил антрепризный спектакль Сабинина публике и критикам? Наверное, своей консервативностью. Всеми силами режиссер пытается сохранить в спектакле гармонию изображаемого мира. Всеми силами герои стараются сохранить традиционный дух чеховских интерпретаций и остаться в рамках русского психологического театра. К переживанию роли, по-Станиславскому, к сочувствию к героям и к катарсису режиссер всячески старается подключить и публику, распространяя на зал сценическое действие спектакля, пропуская через него на сцену большинство героев. Приобщение зала к происходящему на сцене чувствуется и в словах Астрова, направленных прямо к зрителям: *„Разрушено уже почти все, но взамен не создано еще ничего. (Холодно.) Я по лицу вижу, что это вам неинтересно”* (ЧЕХОВ 1978: 95). Эти слова вряд ли относятся только к вырождению природы „нашего отъезда”, а скорее к тревожной атмосфере в стране после распада СССР и Августовского путча. Начало 90-х приходит в русский театр как время „синтеза и смешения самых разных жанровых, стилистических и иных начал” (БАРАБАШ 2010: 3). В спектакле Сабинина эклектика довольно

несмелая – несколько сцен утренней гимнастики Марьи Васильевны и несколько немецких фраз в устах профессора Серебрякова. Во всем остальном спектакль сохраняет верность к чеховскому тексту и к системе психологического театра и это вполне логично, поскольку „Et-Cetera” является „веткой” Школы-студии МХАТ-а, а сам А. Калягин ведет мастер-классы в этой студии. В мхатовском духе решены и звуковые эффекты – лейтмотивным для спектакля является крик грачей за сценой, становящийся зловещей метафорой „драмы жизни” героев. Сценография Татьяны Глебовой совмещает в одно целое все пространства пьесы – и сад, и гостиную, и кабинет-контору, а карта Африки висит в углу сцены с начала до конца спектакля. Астров – главная фигура спектакля – самый сильный, самый разумный и трезвомыслящий персонаж, однако, высокая романтическая трактовка Ланового входит в противоречие с отстраненно-истерической Еленой Андреевной Екатерины Беликовой. Реплику про жарище в „этой самой Африки” становится в речи Астрова часть „болтовни” перед отъездом. Данная реплика никаким образом не отличается от предыдущей – про кузнеца в Рождественном. Такое исполнение реплики восходит к концепции „коммуникативных замен” и становится „ширмой”, за которой герой хочет спрятать свою печаль из-за разлуки с семьей Войницкого.

В той же 1993 (премьера состоялась 25 мая) на сцене Малого театра представлен спектакль Сергея Соловьева „Дядя Ваня”. К этому времени Соловьев уже становится знаковой фигурой в авторском кинематографе и субкультуре конца 80-х. Несколько неожиданно для его практики альтернативного режиссера, Соловьев создает спектакль ностальгический, закатный для целой эпохи в истории русской чеховианы. Это ансамблевый спектакль, очень хорошо организованный в плане исполнения, объединяющий в убедительный сплав текст, игру и предметную обстановку. Данный спектакль основывается на „трех китах” художественных традиций Малого театра, о которых писал еще А. И. Сумбатов-Южин – „сценическое воплощение”, основанное на яркой творческой индивидуальности, тщательно подобранный репертуар, „внешняя форма” (СТАРОСЕЛЬСКАЯ 2006: 38). По мнению историка Малого театра Н. Старосельской, в этом спектакле „нам являлся подлинный „герой нашего времени”, точнее – нашего общего безвременья” (СТАРОСЕЛЬСКАЯ 2006: 205). Актерский состав включает целый ряд ведущих актеров театра – Юрия Соломина в роли Войницкого, Виталия Соломина в роли Астрова, Юрия Каюрова в роли Серебрякова, Виктора Борцова в роли Вафли и т.д. Братья Соломины создают два контрапунктных образа одного и того же типажа – интеллигента, находящегося в тупике, своеобразного „лишнего человека”. Шутовство Войницкого из спектакля Сабина у Соловьева переходит к Астрову. Циничного, грустного шута играет В. Соломин и его яркому сценическому присутствию подчиняется весь ансамбль. Сценография

В.Н. Левенталья синтезирует экстерьер и интерьер, превращая дом и сад в общее пространство. Карта Африки отсутствует, ее нет на сцене и свою реплику про жарнице в „этой самой Африке” доктор Астров произносит, ловя первые снежинки на террасе. В контексте спектакля Африка теряет свое конкретное значение южного континента и превращается в „эту самую” о которой каждый из героев мечтает по-разному, в территорию тепла и счастья, до которой им не дано добраться никогда. Не зря и жанр спектакля не по-чеховски изменен: „сцены из жизни захолустья”. Африка это все, что не-захолустье, это настоящая жизнь...

Только шестнадцать лет спустя – 2 сентября 2009 г. – на московской сцене появляется новая сценическая интерпретация „Дяди Вани”. Ставить чеховскую пьесу художественный руководитель Государственного академического театра имени Евгения Вахтангова – Римас Туминас. Его спектакль становится лауреатом четырех престижных театральных премий, предлагая совершенно новый взгляд на чеховский текст. Туминас нарушает мхатовские традиции в долгой театральной жизни чеховской драматургии. Он создает метафизическую, призрачную, эффектную „инсталляцию” из пьесы русского классика. Режиссер освобождает сценическое действие от быта, от конкретики, от истории... На полупустой сцене (сценограф спектакля – А. Яцовскис) располагаются несколько предметных акцентов – запыленная рояль, столярный стол, ручной плуг... Герои Чехова превратились в тени, в маски, они приобрели декадентские костюмы, прически, мундштуки, над ним сияет декоративная луна, а рядом стоит китчевая скульптура льва. Режиссер ведет смелую постмодернистскую игру со зрителями, сохраняя в своем спектакле каждое слово из чеховского текста, но в то же самое время сопродая его визуализацией подсознательных видениями, истерическими интонациями, сексуальными намеками. Реальность текста исчезает, она „симулируется образами”, выявляя „зыбкость, изменчивость, неуловимость” знакомого мира пьесы, а все это связывается с основным инструментарием постмодернизма (КРЮКОВА 2006: 6). Картограмма Астрова заменена диапозитивами, а реплика про африканскую жару доктор произносит под грузом всех своих вещей в виде чемоданов, сумок, стativeв. Это бремя повседневности, быта, прошлого, это бремя всего того, что заставляет человека „жить миражами”. В контексте эстетики спектакля реплика Астрова звучит как „знак знака”, обозначая не только представления героев о мечтанном мире „там”, но и иронизируя над этими представлениями. Спектакль Р. Туминаса обозначает смену вех русской чеховианы накануне юбилея писателя в 2010 году. В нем чувствуется игнорирование мхатовского пафоса, эклектическая гротеска, деконструкция реальности, новое послание в духе исканий Кости Треплева: „Нужны новые формы. Новые формы нужны, а если их нет, то лучше ничего не нужно” (ЧЕХОВ 1978: 8).

В самом конце того же 2009 года, 27 декабря, в Театре Моссовета состоялась премьера спектакля „Дядя Ваня” Андрея Кончаловского. Спектакль является частью чеховианы режиссера, состоявшейся еще из „Трех сестер” (2012) и „Вишневого сада” (2016). Кончаловский создает спектакль, который находится на перекрестке театральных стилей – с одной стороны, в нем сохраняется миметическая реконструкция изображаемого мира с характерными для традиционной русской чеховианы предметными акцентами – самовар, качели, стол, гитара. С другой стороны, режиссер конструирует ситуацию „сцена на сцене”, подчеркивая условность реальности спектакля и создавая некую дистанцию между актерами и персонажами. Мир спектакля – жесткий мир, натуралистичный, немилосердный и в нем есть все – неприглядность, грубость, фальшь, мелочность... В этом мире есть только два человека, которые еще чувствуют и понимают всю отталкивающую суть происходящего – Астров (А. Домогаров) и Соня (Ю. Высоцкая). Главный герой спектакля Кончаловского – доктор Астров – адекватен, циничен и резок, но он еще способен чувствовать, не смотря на его признание, „что чувства притупились”. Реплика про карту Африки Домогаров произносит, пряча свои слезы от остальных героев. Но как выглядит эта карта! Испачканный лист бумаги с изображением континента, приколотый кнопками к обратной стороне двери шкафа. Во время реплики актер бьет кулаком по карте: „в этой самой Африке...” и зритель понимает, что жаркое африканское пространство уже не является мечтой, а убогой частью этого ненавистного быта, дома, повседневия, от которого героям не суждено убежать.

На материале четырех московских спектаклей чеховской пьесы „Дядя Ваня” конца XX – начала XXI вв. можно ощутить перемещение границ современной театральной рецепции драматургии писателя. Оно связано с изменениями в эстетической парадигме русского театра в русле нескольких разнонаправленных тенденций: желание „оживить” академический подход к чеховскому тексту, постепенный отказ от мхатовской линии его прочтения, постмодернистская ирония, нарочитый полифонизм и эклектизм театральной формы.

Литература

- БАЛУХАТЫЙ 1927 = БАЛУХАТЫЙ С.Д. Проблемы драматургического анализа. Чехов. Ленинград, 1927.
- БАРАБАШ 2010 = БАРАБАШ Н. Современный отечественный театр конца XX – начала XXI века. Москва, 2010.
- ГУЛЬЧЕНКО 2015 = ГУЛЬЧЕНКО В.В. Память различной временной глубины // Наследие А.П. Скафтымова и актуальные проблемы изучения отечественной драматургии и прозы. Коллективная монография. Москва, 2015. 3 -19.
- ИВЛЕВА 2001 = ИВЛЕВА Т.Г. Автор в драматургии А.П. Чехова. Тверь, 2001. www.my-chekhov.ru/kritika/author/author1.shtml

- КРИВОНОС 2014 = КРИВОНОС В.Ш. «...В этой самой Африке теперь жарища...» (авторская ремарка и реплика героя в «Дяде Ване») // Наследие А.П. Скафтымова и поэтика чеховской драматургии. Коллективная монография. Москва, 2014. 71-75.
- КРЮКОВА 2006 = КРЮКОВА Т.А. Постмодернизм в театральном искусстве. Диссертация на соиск. уч. степени кандидата искусствоведения. Санкт Петербург, 2006.
- ЛАКШИН 2013 = ЛАКШИН В.Я. Правдивость сценической формы // Театральное эхо. Москва, 2013. www.biography.wikireading.ru/279588
- МИЛЬДОН 1992 = МИЛЬДОН В.И. И открылась бездна... Образы места и времени в классической русской драме. Москва, 1992.
- РАЗУМОВА 2001 = РАЗУМОВА Н.Е. Творчество Чехова в аспекте пространства. Томск, 2001.
- СТАРОСЕЛЬСКАЯ 2006 = СТАРОСЕЛЬСКАЯ Н.Д. Малый театр. 1975-2005. Москва, 1976.
- СТЕПАНОВ 2005 = СТЕПАНОВ А.Д. Проблемы коммуникации у Чехова. Диссертация на соиск. у. степени докт. фил. наук. Москва, 2005.
- СТРОЕВА 1973 = СТРОЕВА М.Н. Режиссерские искания Станиславского: 1898-1917. Москва, 1973.
- СУХИХ 2008 = СУХИХ И.Н. Чехов в XXI веке. Три этюда // Нева: Ежемесячный литературный журнал, № 8. 2008. 164-177.
- ТАМАРЛИ 2012 = ТАМАРЛИ Г.И. Поэтика драматургии А.П. Чехова (от склада души к типу творчества). Таганрог, 2012.
- ФРИДШТЕЙН 1999 = ФРИДШТЕЙН Ю. Спектакль, который «не заметили» // Московский театр „Et-Cetera”. www.et-cetera.ru/press/review/spektakl-kotoryy-ne-zametili
- ЧЕХОВ 1978 = ЧЕХОВ А.П. Дядя Ваня: Сцены из деревенской жизни в четырех действиях // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 13. Пьесы. 1895-1904. Москва, 1978. 61-116.
- ЧЕХОВ 1978 = ЧЕХОВ А.П. Чайка: Комедия в четырех действиях // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 13. Пьесы. 1895-1904. Москва, 1978. 3-60.
- ЧУДАКОВ 1971 = ЧУДАКОВ А.П. Поэтика Чехова. Москва, 1971.
- ЯУСС 1994 = ЯУСС Х.Р. К проблеме диалогического понимания // Вопросы философии, 1994. № 12. 97-106.

Mladen Pavičić
(Budimpešta, Madžarska)

O PAVLOVEM *A SZLOVÉN IRODALOM VÁZLATOS ÁTTEKINTÉSE*

Abstract: The entry is a short overview of the history of Slovenian literature *A szlovén irodalom vázlatos áttekintése* by Avgust Pavel. It is likely the text was written during the 2nd World War though it was published in 1976. Its formation is associated with the author's lectures at the University of Szeged. When writing the text, Paul relied on the then latest summary review of Slovenian Literature by Ivan Pregelj and France Tomšič, but the concept of the text intended for Hungarian students differs from the concept of the handbook written for Slovenian schoolchildren. Pavel's short overview is extremely important because it is the first synthesis of Slovenian literature written from the Hungarian perspective.

Keywords: Avgust Pavel, *A szlovén irodalom vázlatos áttekintése*, slovenska književnost, madžarska književnost, Ivan Pregelj, France Tomšič

V prispevku bom skušal predstaviti Pavlov *Kratki pregled slovenske književnosti*. Gre za besedilo, ki je bilo dolgo ohranjeno le v rokopisu in tipkopisu,¹ ob tridesetletnici avtorjeve smrti pa ga je v drobni knjižici (68 strani formata A5) izdala Katedra za ruski jezik in književnost szegedske Univerze Attila Józsefa (PÁVEL 1976). V njej ime urednika žal ni navedeno. Pavlovemu besedilu, ki obsega 53 strani, pa sledita spremni besedi Imreja H. Tótha (H. TÓTH 1976) in Istvána Ferincza (FERINCZ 1976). Knjižica je verjetno izšla v majhni nakladi in je v madžarskih knjižnicah težko dosegljiva, ni je niti v budimpeški narodni knjižnici (Országos Széchényi Könyvtár). V prispevku sem se osredotočil na knjižno izdajo, le v njej najdene napake sem primerjal z rokopisom.

¹ Rokopis je v etnološkem arhivu sombotelskega muzeja Savaria (Savaria Múzeum, Néprajzi adattár) označen s signaturo K 105, trenutno pa se nahaja v Pavlovi sobi v 2. nadstropju sombotelske Pedagoške fakultete Dániela Berzsenyija. Tam nahaja tudi natipkani prepis.

Pavlov zapis je tretji pregled zgodovine slovenske književnosti, objavljen v madžarskem jeziku, in prvi, ki je v tem jeziku tudi nastal.² Prvi med njimi, *A szlovén irodalom* (Slovenska književnost) Gregorja Kreka, je izšel v madžarski izdaji veličastne enciklopedije o avstro-ogrski monarhiji (KREK 1891), drugi, *A szlovének irodalma* (Književnost Slovencev) Ivana Prijatelja (PRIJATELJ 1911), v enciklopedičnem pregledu svetovnih književnosti. Po Pavlovem zapisu je dokajšnje pozornost slovenski književnosti posvetil Zoltán Csuka v knjigi *A jugoszláv népek irodalmának története* (Zgodovina književnosti jugoslovanskih narodov – CSUKA 1963). Sledil ji je le še kratek, na internetu objavljen pregled slovenske književnosti, ki sva ga pred desetimi leti napisala z Istvánom Lukácsom.³

Nastanek *Kratkega pregleda* je po vsej verjetnosti povezan s Pavlovimi (morda le načrtovanimi) predavanji o slovenski književnosti na szegedski univerzi, žal ravno v času, ki znanstvenemu in pedagoškemu delu ni bil naklonjen. Najprej se je zavlekel postopek imenovanja Pavla za privatnega docenta: ko se je leta 1940 zadeva že bližala (po vsej verjetnosti ugodnemu) koncu, se je szegedska univerza preselila v Kolozsvár, v Szegedu pa je bila ustanovljena nova univerza, na kateri je moral Pavel začeti postopek od začetka. Za privatnega docenta je bil končno imenovan 23. aprila 1941. Pri tem je imel pomembno vlogo tedanji rektor szegedske univerze, Pavlov nekdanji učenec, nobelovec Albert Szent-Györgyi (H. TÓTH 1976: 60–61). Zanimivo vprašanje je, kako pogosto je Pavel v Szegedu predaval – če sploh je. Imre H. Tóth je v spremni besedi izjemno previden: »V urniku za zimski semester študijskega leta 1941/42 Avgust Pavel že napoveduje predavanja z naslovom Kralj Matjaž v slovenskem ljudskem izročilu in književnosti. Njegovo predavanje nastopa v univerzitetnih urnikih do zimskega semestra študijskega leta 1943/44.« (H. TÓTH 1976: 61). Bistveno odločnejši je Vilko Novak, ki zapiše, da Pavel »[...] ni mogel hoditi v oddaljeni Szeged [...]« (NOVAK 1970: 305).

Iz Pavlovega besedila je razvidno, da je nastalo po začetku 2. svetovne vojne. Že v prvi povedi omenja razpad Jugoslavije (PAVEL 1976: 3) – nedvomno mu gre za dogodke iz aprila 1941; nanje misli tudi, ko o Mišku Kranjcu zapiše, da je »v mesecih, ki so sledili jugoslovanski vojni, izgubil iz svoje domovine« (PAVEL 1976: 51). Po drugi strani čas nastanka dokončno

² Pri iskanju literarnozgodovinskih zapisov o slovenski književnosti sem si pomagal s člankoma Marjance Mihelič (MIHELIČ 1990) in Istvána Lukácsa (LUKÁCS 2005, 2006).

³ Nastal je v okviru projekta *Szláv civilizáció* (Slovanska civilizacija), dosegljiv je na spletnem naslovu http://szlavintezet.elte.hu/szlavanyagok/slav_civil/szloven-irodalom.htm. (Dostop: 10. 1. 2017)

zamejuje Pavlova smrt 2. januarja 1946. Ker ne omenja konca vojne in povojnih dogodkov, je besedilo po vsej verjetnosti zaključil že med vojno.

Pavlov *Kratki pregled* uvaja dve strani obsegajoč informativen zapis o slovenski zgodovini in o položaju Slovencev v času pred napadom na kraljevino Jugoslavijo (PAVEL 1976: 3–4). V njem najprej najdemo kratko predstavitev slovenskega etničnega ozemlja, v kateri posebej opozarja na veliko število Slovencev, ki so živeli izven meja »razpadle Jugoslavije«, pri čemer se, kot opozarja, opira na podatke iz knjige Frana Erjavca *Slovenija in Slovenci* (ERJAVEC 1940: 7–25). Sledi zgodovinski pregled, v katerem je Karantanija predstavljena kot prva samostojna slovenska država, Kocljeva Spodnja Panonija pa kot slovenski imperij. Oboje je v skladu s tedaj razširjenim pogledom slovenskega zgodovinopisja, ki je razviden iz poglavja *Franki in Slovenci* Grudnove *Zgodovine slovenskega naroda* (GRUDEN 1910: 43–52), knjige Franca Grivca *Slovenski knez Kocelj* (GRIVEC 1938), razprave Milka Kosa *Conversio Bagoariorum et Carantanorum*, zlasti iz poglavja *Politična in verska priključitev karantanskih Slovencev na zapad* (KOS 1936: 18–47), poglavja *Slovenska zgodovina* že omenjene knjige Frana Erjavca (ERJAVEC 1940: 26) in drugih tedanjih zgodovinskih razprav. Zanimivo je, da Pavel bralca ne opozori na to, da se je osrednji del Spodnje Panonije nahajal na ozemlju tedanje (in tudi današnje) Madžarske. Od ustoličenja Ernesta Železnega (1414) preskoči k Ilirskim provincam, s katerimi zaključí pregled slovenske zgodovine. Kratko se vrne k zgodovini še nekajkrat v besedilu, običajno na začetkih poglavij: o slovenskem protestantizmu izvemo, da sta verska prenova in tiskanje knjig na slovenskem etničnem ozemlju prav tako spremenila podobo dobe kot na Madžarskem (PAVEL 1976: 6), o protireformaciji, da so bili tudi na Slovenskem glavni preganjalci protestantov jezuiti, tu je omenjena Academia operosorum (PAVEL 1976: 8–9), v poglavju o razsvetljenstvu piše o poglobljanju narodne samozavesti in spoštovanja maternega jezika (PAVEL 1976: 12), v poglavju o romantičnem realizmu predstavi staro- in mladoslovence, vpliv marčne revolucije na Slovence, Mohorjevo družbo, čitalnice, tabore, Slovensko matico, Janeza Bleiweisa, Kmetijske in rokodelske novice ter oblikovanje katoliškega in liberalnega tabora (PAVEL 1976: 26–28), v poglavju o realizmu in naturalizmu zapiše: »V politiki se vse odločnejše pojavljajo zahteve po demokraciji in socializmu,« (PAVEL 1976: 37) v poglavju o sodobni književnosti pa omeni delitev družbe na katoliški, liberalni in socialistični tabor (PAVEL 1976: 43).

Pregled književne zgodovine se začne z delitvijo na obdobja. Ta je takale: 1. obdobje rokopisov (konec 10. stoletja–1551), 2. reformacija (1551–1600), 3. protireformacija (1600–1768), 4. razsvetljenstvo (1768–1819), 5. romantika (1819–1848), 6. romantični realizem (1848–1880), 7. realizem in naturalizem (1880–1899) ter 8. sodobna književnost. O obdobju realizma in naturalizma pripomni, da ga nekateri delijo na obdobje poetičnega realizma (1880–1895) in

naturalizma (1895–1899; PAVEL 1976: 4–5), v nadaljnjem besedilu pa romantiko razdeli na znanstveno (Kopitar, Ravnikar, Jarnik, Dajnko, Metelko) in pesniško (Prešeren, Čop, Kastelic, Zupan, Potočnik, Cigler, Holzapfel, Kosmač; PAVEL 1976: 18–25).

Gre za skoraj popolnoma enako periodizacijo, kot jo lahko najdemo v *Slovstveni zgodovini Slovencev, Hrvatov in Srbov v vprašanjih in odgovorih* Ivana Preglja in Franceta Tomšiča,⁴ v času nastajanja *Kratkega pregleda* najnovejšem pregledu slovenske književnosti (KOS et al. 1996: 563). Edina razlika med periodizacijama je, da slovenskim šolarjem namenjeni priročnik poetični realizem in naturalizem razvršča v dve obdobji, ne pa v podobdobji enega obdobja (PREGELJ–TOMŠIČ 1938: 4, 45).

Koncept *Slovstvene zgodovine* se precej razlikuje od Pavlovega. Namenjen je namreč šolarjem in s pomočjo vprašanj in odgovorov mlade v preprosti obliki seznanja z najpomembnejšimi pojmi iz slovenske, hrvaške in srbske slovstvene zgodovine. Za primer si oglejmo začetek 1. poglavja *Pismenstvo*:

Kaj je pismenstvo?

Pismenstvo so zapiski od prvih početkov (okoli l. 1000) do prve slovenske knjige (1551).

Kaj je značilno za pismenstvo?

Iz te dobe imamo samo rokopisne zapiske, ki izpričujejo, da so nastali iz slučajne potrebe in brez medsebojne zveze. Ta doba ni ustvarila slovstvene tradicije, smemo pa govoriti o ustni tradiciji.

Vsako poglavje se začne s slovensko književnostjo, tej z manjšimi črkami sledita hrvaška in srbska. Slovenski književnosti so posvečene približno tri četrtine knjige. Pavlov pregled je namenjen študentom, ki naj bi jim bili temeljni literarnovedni pojmi znani.

Razliko v konceptih si lahko ogledamo s pomočjo primerjave poglavja o romantičnem realizmu v obeh knjigah. Pojem romantičnega realizma je v obeh pregledih pojasnjen zelo podobno: pri Preglju in Tomšiču kot »slovstvena struja, v kateri se prepletajo starejše romantične poteze [...] z realističnim pogledom na svet in življenje«, pri Pavlu kot »prehodno obdobje, v katerem se romantika postopoma umika realizmu«. Časovna zamejitev je v obeh pregledih enaka (1848–1880) in utemeljena z istima dogodkoma: z marčno revolucijo in s koncem izhajanja Stritarjevega *Zvona*. Pregelj in Tomšič nato pojasnita pojem marčne revolucije in njen pomen za Slovence, Pavel samo pojasni njen pomen za Slovence. (PAVEL 1976: 26, PREGELJ – TOMŠIČ 1938: 71) Že

⁴ Za pomoč se najlepše zahvaljujem profesorju Darku Dolinarju.

pred tem navede glavne značilnosti razvoja slovenske književnosti v tem času: prehod od utilitarizma *Novic* k *Zvonovi* čisti književnosti ter razvoj proze, dramatike in kritike v duhu Levstikovih zamisli in načrtov. Rojstvo literarne kritike poveže z bojem med staro- in mladoslovenci, v katerem zmagajo slednji. Pojasnilom o pomenu revolucije za Slovence sledijo ugotovitve o njenem vplivu na književnost – ena glavnih književnih tem tega časa je opevanje naroda, domovine in Boga s patetično retoriko, pesniški idol še dolgo ostane Koseski in ne Prešeren. Nato se posveti novim inštitucijam (Mohorjeva družba, Dramatično društvo, Slovenska matica, čitalnice, tabori) in časnikom (posebno pozornost nameni *Novicam*, *Vajam*, *Slovenskemu glasniku* in Stritarjevemu *Zvonu*). Sledi kratka predstavitev novega ilirizma z Matijo Majarjem Ziljskim na čelu. S tem zaključi uvod, ki vsebuje pojasnila o zgodovinskem poteku dogodkov, zlasti kulturnem razvoju, in začne naštevati in obravnavati najpomembnejše literate. Največje pozornosti je deležen Levstik (namenil mu je poldrugo stran), nekoliko manjše Stritar, Jurčič in Tavčar (nekaj manj kot stran), v nekaj vrsticah so predstavljeni Koseski, Trdina, Valjavec, Jenko, Erjavec in Gregorčič, ostali pisci pa le omenjeni. (PAVEL 1976: 26–36)

V *Slovstveni zgodovini* pojasnilom o marčni revoluciji sledi zapis o boju za slovenske časnike pred revolucijo, predstavitev *Novic* in njihovega urednika sledijo naštevanje časnikov pomarčne dobe, nastanek Mohorjeve družbe in predstavitev staroslovencev (tudi mladoslovenci so v tem poglavju večkrat omenjeni, nimajo pa posebnega razdelka v obliki vprašanja in odgovora), nato pa je že predstavljen Koseski in pojasnjen pojem politične lirike. Ugotovitvi, da je tedaj slovenskemu slovstvu manjkalo vsega razen lirike, še najbolj pa kritike, sledi obnovljeni ilirizem, nato pa je predstavljena vrsta piscev, med katerimi sta dobili prednost prvi slovenski pesnici (Hausmannova in Turnograjska), poleg piscev leposlovnih del pa omeni tudi jezikoslovca Mateja Cigaleta ter jezikoslovca in urednika Antona Janežiča. Predstavitvi *Vaj* sledijo literati do Stritarja, nato pa so predstavljeni zbirka *Klasje*, zbornik *Mladika*, dunajski *Zvon* in list *Zora*, čemur spet sledijo predstavitve piscev.

Pavel torej madžarskemu bralcu najprej pojasni zgodovinski kontekst in našeje najpomembnejše kulturne inštitucije in glasila, nato pa se posveti književnikom, medtem ko Pregelj in Tomšič zgodovinskemu kontekstu namenjata manj prostora, a razložita temeljne pojme (npr. kaj je marčna revolucija – Pavel piše le o njenem pomenu za Slovence), pojavljanje novih inštitucij in glasil pa (bolj ali manj) kronološko prepleteta z zapisi o posameznih piscih. (PREGELJ – TOMŠIČ 1938: 71–106) Pri tem Pavel navaja iste pisce kot Pregelj in Tomšič, o njih piše podobno kot onadva, le precej krajše. Čitalnice in Slovenska matica so v knjigi Preglja in Tomšiča omenjene le mimogrede v zvezi z Levstikom (PREGELJ – TOMŠIČ 1938: 87, 90), Dramatičnega društva in taborskega gibanja pa v tem poglavju nisem zasledil. Kot sem že zapisal, je Pavel pojasnil njihov pomen. (PAVEL 1976: 27)

Zanimivo je primerjati, kolikšno pozornost je Pavel namenil kateremu avtorju. Na prvem mestu je Ivan Cankar (3 1/2 strani), sledijo France Prešeren (1 2/3 strani), Fran Levstik (1 1/2 strani) in Oton Župančič (1 1/3 strani). Na nekaj več kot strani sta predstavljena Josip Stritar in Anton Aškerc, na eni strani pa Jernej Kopitar in Fran Saleški Finžgar. Največje pozornosti je torej deležen Ivan Cankar, zlasti njegova dela, ki jih je Pavel prevedel – *Hlapec Jernej in njegova pravica*, *Na klancu* ter *Potepuh Marko in kralj Matjaž*. Slednjega je tudi podrobneje analiziral, čemur se je sicer izogibal, na kar je opozoril že István Lukács (LUKÁCS 2005: 13, LUKÁCS 2006: 13).

Pavel se je dobro zavedal, da piše besedilo za madžarske bralce. Slovenski rokopisi so starejši od madžarskih, prvi tiski pa četrto stoletja mlajši (5), protestantska verska prenova in tiskanje knjig sta podobno vplivala na oba naroda (6), v obeh deželah so bili glavni borci proti reformaciji jezuiti (8), Tomaž Hren je slovenski Péter Pázmány, čeprav je kot pisec za njim močno zaostajal (10), Žiga Zois je imel stike z Madžari (16), slovenska romantika časovno v glavnem sovпада z madžarsko (17–18), rojevanje književne kritike so pri obeh narodih pospremili hudi boji (26), Martin Krpan je prozni dvojnik pesnitve *Toldi Jánosa Aranya* (32), Aškerčeve balade ne dosegajo ravni Aranyevih (41), Cankar je za slovensko književnost prav tako revolucionaren pojav kot Endre Ady za madžarsko (44), pesnika in pisatelja Jenőja Mohácsija je *Hlapec Jernej* povsem prevzel (46), drugače pa so za madžarskega bralca med Cankarjevimi deli najbolj zanimive pesmi o Nikoli Zrinjskem in kralju Matjažu ter povest *Potepuh Marko in kralj Matjaž* (46–47). O kralju Matjažu je napisal pesem tudi Oton Župančič (48). Prežihovega Voranca Pavel primerja z madžarskima pisateljema Péтром Veresem in Pálom Szabóm (51), ki sta prav tako izviralna iz preprostih kmečkih družin.

Izjemo pri tem predstavlja dejstvo, da ni opozoril na lokacijo Spodnje Panonije in Blatenskega Kostla, kar sem že omenil. Zanimivo je, da razen Miška Kranjca ne omenja prekmurskih piscev – omeni npr. Dalmatinov in Japljev prevod *Biblije* (PAVEL 1970: 8, 15), ne pa Küzmičevega prevoda *Nove zaveze*.

V *Kratkem pregledu* je žal tudi nekaj napak, na katere je treba opozoriti. *Sreča v nesreči* ni prvi slovenski roman, temveč prva povest, njen avtor pa ni Blaž Potočnik, marveč Janez Cigler (22), Josip Stritar je bil resda sošolec vajevec, vendar v Vajah ni sodeloval (28; KOS 2010: 153), Kette in Murn za jetiko nista umrla v neki ljubljanski slaščičarni, temveč v stavbi, v kateri se je prvotno nahajala sladkorna rafinerija, zato jo Ljubljanci še danes imenujejo Cukrarna (49).

V Szegedu izdana knjiga temelji na tipkopisu, ki se nahaja na sombotelski slovenistiki v Pavlovi sobi poleg avtorjevega rokopisa. Ni znano, kdo je rokopis pretipkal, po napakah pa je mogoče sklepati, da zagotovo ne avtor in da

ga avtor tudi ni pregledal in popravil, čemur se ne gre čuditi, saj razmere v času njegovega nastanka niso bile naklonjene izdajanju knjig. Napake v knjigi sem primerjal z rokopisom in tipkopisom; v rokopisu jih ni, knjiga pa (preveč) zvesto sledi tipkopisu. Večje napake, ki sem jih zasledil v knjigi: Trubar se je rodil v Resici (7), Peter Bohinjec je postal »Bolhinjec«, Hinko Smrekar pa Ilinko (40), naslov Govekarjevega romana je *Vo krvi* (42), Župančič je kot gimnazijec objavil pesem v reviji *Votec* (namesto *Vrtec* – 48), ime Vojeslava Moleta je zapisano »Vojeslan« (52), mladoslovenci pa so dosledno »suladoslovenci« (Pavel 1976: 24, 26, 34).

Žal pa nisem mogel preveriti napake, ki sem jo zasledil na prvi strani knjige, in sicer, da so se v 6. stoletju Slovenci na porečje Drave, Mure, Save in Soče preselili iz južne Italije, ker je žal prva stran rokopisa izgubljena. Kljub temu ne dvomim, da je napaka nastala pri pretipkavanju, saj je v madžarščini ime Italije in Rusije precej podobno: Olaszország in Oroszország. Južno Rusijo kot izhodiščno točko, s katere so se v 6. stoletju odpravili Slovenci, navaja Erjavec v že omenjeni knjigi (ERJAVEC 1940: 26), Gruden pa podobno navaja južno in zahodno Rusijo (GRUDEN 1910: 12).

Le ugibamo lahko, kakšna bi bila nadaljnja usoda *Kratkega pregleda*, če smrt ne bi prekinila Pavlovega dela, v obstoječi obliki pa je kot prva za Madžare pisana zgodovina slovenske književnosti vsekakor pomembno delo. Škoda, da ni dosegljiva širšemu krogu bralcev.

Literatura

- CSUKA 1963 = CSUKA Z. A jugoszláv népek irodalmának története. Budapest, 1963.
ERJAVEC 1940 = ERJAVEC F. Slovenija in Slovenci. Ljubljana, 1940.
FERINCZ 1976 = FERINCZ I. Jegyzetek Pável Ágoston délszláv filológiai munkásságához // Pável Ágoston: A szlovén irodalom vázlatos áttekintése. Szeged, 1976. 63-68.
GRIVEC 1938 = GRIVEC F. Slovenski knez Kocelj. Ljubljana, 1938.
GRUDEN 1910 = GRUDEN J. Zgodovina slovenskega naroda. Celovec, 1910.
H. TÓTH 1976 = H. TÓTH I. Pável Ágost // Pável Ágoston: A szlovén irodalom vázlatos áttekintése. Szeged, 1976. 54-62.
KOS 1936 = KOS M. Conversio Bagoariorum et Carantanorum. Ljubljana, 1936.
KOS 1996 = KOS J. et al. Slovenska književnost. Ljubljana, 1996.
KOS 2010 = KOS J. Pregled slovenskega slovstva. Ljubljana, 2010.
KREK 1891 = KREK G. A szlovén irodalom // Az Osztrák–Magyar Monárchia írásban és képen. Karinthia és Krajna. Budapest 1891. 435-454.
LUKÁCS 2005 = LUKÁCS I. Közél s távol. Budapest, 2005.
LUKÁCS 2006 = LUKÁCS I. Paralele. Maribor, 2006.
MIHELIČ 1990 = MIHELIČ M. K madžarski slovenistiki od Avgusta Pavla dalje // Slavistična revija 1990 (38). № 1. 69-76.
NOVAK 1970 = NOVAK V. Življenje in delo Avgusta Pavla // Razprave. Razred za filološke in literarne vede – Slovenska akademija znanosti in umetnosti. 1970. 293-341.

- PÁVEL 1976 = PÁVEL Á. A szlovén irodalom vázlatos áttekintése. Szeged, 1976.
- PREGELJ – TOMŠIČ 1938 = PREGELJ I. – TOMŠIČ F. Slovstvena zgodovina Slovencev, Hrvatov in Srbov. Ljubljana, 1938.
- PRIJATELJ 1911 = PRIJATELJ I.: A szlovének irodalma // Gusztáv Heinrich (ur.): Egyetemes Irodalomtörténet. Negyedik kötet. Ural–Altajak és Szlávok. Budapest, 1911. 643-652.

Татьяна Пчелкина – Михай Фрешли
(Костанай, Казахстан – Сомбатхей, Венгрия)

«КОЧЕВНИКИ» В КУЛЬТУРНОЙ СЕТИ – ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ СФОРМИРОВАННОСТИ ЛИЧНОСТИ

Abstract: The article is devoted to approach different cultural situations in the world. The authors argue that tolerant behavior is the fundamental question in the field of intercultural communication.

Keywords: tolerant, culture, intercultural communication, community

В современном мире все большую остроту приобретает проблема взаимодействия между народами, представителями различных культур, социальных групп и возрастных категорий. По мнению ученых, главным условием становления гуманного общества (Р.Р. Валитова, М.П. Мчедлов, В.А. Тишков, Н. В. Круглова, П.Ф. Комогоров, П.В. Степанов, В.А. Лекторский Е.В. Магомедова, В.М. Золотухин) является именно воспитание толерантной личности (MENDUS 1989: 171).

Проблема толерантности была исследована многими учеными, в частности Дж. Мидом и Г. Блумером. Для объяснения понятия они обращались к описанию процессов межличностного взаимодействия, разделяя понятия толерантности и терпимости: «Проявление толерантности также не означает терпимости к социальной несправедливости, отказа от своих убеждений или уступки чужим убеждениям, а также навязывания своих убеждений другим людям» (РАМАЗАН 2004: 182).

Проблема толерантности не нова, ее истоки можно обнаружить в литературе 18-19 веков. В современном обществе актуализируется обсуждение и изучение более широкого круга проблем, связанных с этим понятием. В большинстве научных источников толерантность понимается как способность человека воспринимать чужое мнение, образ жизни, особенности поведения. Фактически толерантный человек признает за другими людьми право быть собой.

Толерантность это терпимость, способность понять другого человека, особенности его мироощущения. В современном мире глобализации проблема толерантности приобретает особенно актуальное звучание. Прежде всего, необходимо определить разные направления проблемы:

- 1.межнациональная толерантность;
- 2.социальная толерантность;
3. толерантность восприятия мира;
- 4.гендерная толерантность и т.п.

Наиболее серьезной является проблема формирования межнациональной толерантности, ее воспитание связано с глубоким пониманием особенностей культуры, традиций народа, принятием системы ценностей. Формирование ее составляющих связано с длительной систематической работой семьи и общества. Первоначальные элементы терпимости формируются именно в семье. Это способность ребенка осознать существование иных понятий и представлений.

Социальная толерантность предполагает понимание представителей различных социальных групп, вне зависимости от собственной принадлежности. Она требует понимания проблем социального характера, умения их воспринимать и помогать в их решении. Социальная толерантность, на наш взгляд, в большей степени воспитывается обществом, общественными институтами.

Толерантное восприятие мира связано с философским пониманием его проблем, осознанием общечеловеческих понятий, законов развития мира, независимости действительности от индивидуального миропонимания.

Вопросы гендерного равенства в последние десятилетия перестали быть остро социальными ввиду серьезных достижений в обществе. Это касается не только стран Европы, но и Востока. Тем не менее, возникает вопрос, связанный с существованием в обществе гендерных стереотипов, влияющих на социализацию личности, ее развитие и реализацию.

Толерантность является необходимым качеством современной личности, т.к. ее наличие позволяет человеку оставаться терпимым, восприимчивым и чутким к другим людям, идеям и мнениям.

Один из важных аспектов существующей проблемы – четкое определение границ, т.е. обстоятельств, не позволяющих оставаться безучастным и равнодушным.

По нашему мнению, толерантность заканчивается там, где унижается или уничтожается человеческая личность, нарушается ее целостность и самоценность. Мы глубоко убеждены, что толерантность предполагает спор, обсуждение, но не унижение и давление.

При этом важно сделать уточнение: под личностью мы понимаем человека, обладающего высоким уровнем развития, способного управлять своими эмоциями и корректировать свое поведение, исходя из принципов сосуществования в мире.

В 1995 году резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО утверждена Декларация принципов толерантности: «Терпимость означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов

проявлений человеческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений. Терпимость – это гармония в многообразии» (СФТ 2009: 91).

В философском энциклопедическом словаре даётся следующее определение толерантности: «терпимость к иного рода взглядам, нравам, привычкам. Толерантность необходима по отношению к особенностям различных народов, наций и религий. Она является признаком уверенности в себе и сознания надёжности своих собственных позиций. Признаком открытого для всех идейного течения, которое не боится сравнения с другими точками зрения и не избегает духовной конкуренции» (ФЭС 2009: 457).

В словаре философских терминов подчёркивается различие между толерантностью и терпимостью. «Толерантность не сводится к простой терпимости. Терпимость подчёркивает способ отношения к неприятным или неприемлемым объектам – снисходительное их допущение или вынужденное терпение без применения насилия. За такой внешней формой поведения зачастую скрывается внутренняя враждебность и незнание другого. В отличие от терпимости толерантность подразумевает право личности на сохранение её автономии. Как качество личности толерантность предполагает настроенность на паритетный диалог, на познание нового, «чужого», а также не исключает возможности изменения системы взглядов и представлений индивида» (ЮНЕСКО 2001: 12).

Академик М.Бахтин высказал идею диалогичности, объясняя её не только специфику взаимодействия автора и читателя, автора и героя, но и предполагая её более широкое применение. «Концепция М.М. Бахтина, утверждавшего, что дорога к объяснению души человека лежит через анализ диалогизма его сознания, привносит в систему антропологических размышлений серьёзную и глубокую новизну, – этот тезис не вызывает сомнений у большинства современных исследователей творчества замечательного русского мыслителя» (PSYJOURNAL 2011).

Толерантность подразумевает стремление к диалогу, обсуждению, нахождению компромисса. Именно компромисс является основой мирного сосуществования представителей разных национальностей, культур, социальных, религиозных и возрастных групп. Понимая толерантность как добродетель и социальное благо, мыслители разных эпох обращались к нравственным аргументам, содержащимся в евангельских текстах. Именно там заложены истоки нравственно-этических норм, без которых невозможно существование личности.

Процесс воспитания межкультурной толерантности студентов – это сложный процесс, имеющий четко выделенные этапы.

Первый связан с теоретическим обсуждением понятий, связанных с проблемой толерантности. Это этап информационного насыщения, в который происходит накопление информации.

На втором рефлексивном, студент должен осмыслить прочитанное и получить мотивацию. Именно она будет способствовать дальнейшему продвижению личности.

Третий этап связан с вступлением студента в сам процесс толерантного существования с миром. На наш взгляд, он является наиболее сложным, в этот период теоретические послы становятся или не становятся истинным убеждением. Современная парадигма образования связана с акцентированием внимания на вопросах гуманизации процесса обучения и воспитания, происходит постепенный выход из одномерного пространства, приобщение студентов к многополярному миру и его идеям.

Так как толерантность является характеристикой любой личности, вне зависимости от ее культурной принадлежности, ее формирование возможно через онтологические, общекультурные ценности.

Первостепенная задача в процессе воспитания достойной личности связана, таким образом, с активным приобщении студентов к мировой культуре, что является главным рычагом в формировании развитой толерантной личности.

Подходя к изучению вопроса со стороны межкультурной коммуникации, перед нами стоит хорошая модель – теория культурных сетей. Воспринимая человеческую культуру сложной паутиной межчеловеческих связей, можем моделировать вопрос толерантности между социальными группами.

Разные культурные группы не замкнуты в самом себе, хотя они образуют многоцветные микромиры, связываются людьми, которые являются посредниками и одновременно толкователями отдельных культур.

В историческом размере такую функцию выполняли кочевые народы – кочевники. Они, обладая своими традициями и обычаями, – включали в свою культуру элементы других народов и передавали их.

Кочевой образ жизни не только сохранил для будущих поколений элементы национальной толерантности, но и сам служил живым примером взаимопонимания разных народов.

Таким образом, гунны, варяги или половцы были одновременно и завоевателями и ранними примерами взаимодействия. Монголо-татарское нашествие на Русь было мрачным периодом русской истории, однако характеризовалось религиозной свободой и развитыми почтовыми путями.

В заключении можем сказать, что толерантный человек определяется нами как зрелая личность. А формирование ее связано с общим развитием культурного кругозора.

Именно культура позволит сформировать личность, способную быть представителем мира, понимающим и воспринимающим иное видение,

иные культурные ценности, без потери своей национальной идентичности.

Литература

- РАМАЗАН 2004 = РАМАЗАН Г.А. Этнополитология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. СПб., 2004. 313.
- СФТ 2009 = Словарь философских терминов. Науч. ред. В.Г. Кузнецов. Москва, 2009. 731.
- ФЭС 2009 = Философский энциклопедический словарь. Москва, 2009. 570.
- ЮНЕСКО 2001 = Декларация принципов толерантности. Утверждена резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года // Век толерантности: Научно-публицистический вестник. Москва, 2001. 12.
- MENDUS 1989 = MENDUS S. Toleration and the limits of liberalism. Henndmills etc.: Macmillan, 1989. IX. 171.
- PSYJOURNAL 2011 = Диалогизм М.М.Бахтина в контексте естественнонаучной психологии // Консультативная психология и психотерапия 2011. № 2. < <http://psyjournals.ru/mpj/2011/n2/46930.shtml>>

Иштван Пожгаи
(Сомбатхей, Венгрия)

УПОТРЕБЛЕНИЕ ДАТЕЛЬНОГО САМОСТОЯТЕЛЬНОГО
В «СЛОВЕ О ЗАКОНЕ И БЛАГОДАТИ» ИЛАРИОНА
ПО СПИСКУ ПЕРВОЙ РЕДАКЦИИ

Abstract: The aim of this work is to examine the use of the syntactical constructions “dative absolute” (dativus absolutus) in the copy of the first edition of Hilarion's *Slovo o zakone i blagodati* (*Sermon on Law and Grace*). The manuscript (Sin № 591) was copied in the second half of the 15th century. I was mainly researching what kind of subordinate clauses were shorted by the syntactical constructions “dative absolute”. Besides I was examining how these syntactical constructions were built in the examined manuscript.

Keywords: Hilarion's *Sermon on Law and Grace*, Old Russian language, dative absolute, historical syntax

1. Введение

В статье рассматривается употребление дательного самостоятельного в «Слове о законе и благодати» (в дальнейшем «Слово») Илариона по списку первой редакции, находящемуся в рукописи Синодального собрания Государственного Исторического музея под сигнатурой Син. № 591, датируемой второй половиной XV века. «Слово» размещено на листах 168а-195а. Из сохранившихся списков «Слова» именно текст рукописи Син. № 591 стоит ближе всех к нецелевому первоначальному тексту середины XI в. (МОЛДОВАН 1984: 31). Наша работа ведется по изданию «Слова» А.М. Молдованом (МОЛДОВАН 1984). В качестве подсобного материала будет использовано и электронное издание «Слова», осуществленное Институтом русской литературы (Пушкинским Домом) РАН (СЛОВО).

Если причастный оборот можно заменить придаточным предложением (или компонентом сложносочиненного предложения) так, что подлежащее полученного придаточного предложения (или подлежащее полученного компонента сложносочиненного предложения) не совпадает с подлежащим главного предложения (или с подлежащим другого компонента сложносочиненного предложения), и значение причастной конструкции не зависит от главных членов предложения, то этот синтаксический оборот называется самостоятельным/абсолютным

причастием, т. е. независимым причастием (*participium absolutum*). Это абсолютное причастие в зависимости от падежа причастия и стоящего вместе с ним существительного или местоимения в разных индоевропейских языках называется по-разному: в латинском отложительным самостоятельным (*ablativus absolutus*), в древнегреческом родительным самостоятельным (*genitivus absolutus*), в древнеиндийском местным самостоятельным (*locativus absolutus*) и родительным самостоятельным, а в готском, в древнелитовском, старославянском (древнеболгарском) и древнерусском языках дательным самостоятельным (*dativus absolutus*, в дальнейшем ДС) (МЕЛЕЩЕНКО 2012: 291-292). ДС изредка встречается и в древнечешских памятниках (HORÁLEK 1967: 242-243). В. П. Воробьев предполагает, что причастие абсолютное являлось способом выражения сложной мысли, и оно древнее придаточных предложений (ДЪЁРФИ 2011: 47). ДС считается также отдельной предикативной единицей (ЖИВОВ 2008: 9). ДС главным образом служит для сокращения придаточных предложений времени и причины, но может сокращать придаточные уступки, условия, состояния, образа действия, следствия и самостоятельное предложение или составную часть сложносочинённого предложения

Логический субъект (агенс) славянского ДС – в отличие, напр., от древнегреческого и латинского языков – не всегда отличается от подлежащего предложения (BALECZKY – HOLLÓS 1987, 180; VONDRÁK 1912, 608; LUNT 1959, 131). В «Слове» логический субъект ДС всегда отличается от подлежащего предложения.

В используемом нами издании «Слова» исследованы и причастия (МОЛДОВАН 1984: 60-65), но скорее в морфологическом плане, с синтаксической точки зрения рассмотрены только согласования, ДС отдельное место не отводится.

Неправильно согласованные причастия обозначаются подчеркиванием.

2. ДС сокращает придаточные предложения

2.1. ДС сокращает придаточное предложение времени

2.1.1. В случае причастий настоящего вр. действительного залога

по сѣхъ же оуже ста|рѣ сѣшоу авраамоу и сар|рѣтѣ ави|са бѣ авраамѣ. сѣдѣшѣ емѣ | прѣ^а дверьми кѣшкѣ его въ | полоуднѣ...: 171а, в предложении 2 ДС. вѣкѣ же семѣ | къ концѣ приближающѣсѣ. постѣтитѣ (sic!) гѣ члѣкъсааго ро|да...: 171а. по знесеніи (sic!) же гѣ іѣ. оученико|мѣ же и інѣмѣ. вѣровавші|имѣ оуже въ х^сѣ сѣшемѣ въ | іерусалимѣ. и шемимѣ сѣ|мѣсѣ сѣшемѣ. иоудевомѣ | же и христіаномѣ и крѣще|ніе благодатьное швидимо | блаше ѿ обрѣзаніа законь|нааго...: 172а, только 2-е и 3-е причастия являются органическими составляющими ДС. пѣстѣ бо и

прѣсѣ|хлѣ. земли нашей същи идо||льскомъ зною ислъивѣши ю. |
 вънезапаѣ потече источникъ | евагѣльскыи...: 181а-181б, только 1-й ДС
 сокращает придаточное времени. **бывшемъ намъ слѣпомъ** | и истин'нааго
 свѣта не вида|щемъ. нѣ въ л'сти идольтѣи блаждащемъ. къ семѢ же и |
 глѣхомъ ѿ спѣснааго оученіа. | помилова ны бѣ...: 181б, из 4 ДС только 2
 содержит причастие наст. вр. Эти 2 причастия наст. вр. можно было бы
 рассматривать не только как ДС, а как предикативные причастия,
 сочетающиеся с причастием **бывшемъ** как бы в качестве «именной части
 составного сказуемого», подобно, как прилагательное **слѣпомъ** сочетается
 с причастием **бывшемъ**. 2 причастия наст. вр. даже можно было бы
 соотнести и с прилагательным **слѣпомъ**, и тогда эти причастия стали бы
 атрибутивными, так как предложение можно было бы перевести и так:
Когда мы были слепы, которые не видели истинного света... и
потыкающемся на|мъ въ пѣтѣхъ погыбели. еже | бѣсомъ въслѣдовати. и |
пѣти ведѣщааго въ живоѣ || не вѣдѣщемъ. къ семѣ же и глѣгнахомъ.
языкы нашими. | молаше (sic! вместо молаше). а не бѣ своего | и творѣца.
посѣти насъ члѣко|любїе бѣжїе...: 181б-182а, 2 ДС. и тако емѣ въ | дѣни свои.
живѣщю. и землю || свою пасѣщѣ правдою. мѣ|жѣствомъ же и съмысломъ. |
приде на ны посѣщенїе вы|шнааго...: 185а-185б, 2 ДС.

2.1.2. В случае причастий прошедшего вр. действительного залога

и присѣ|тивкъшѣ боу члѣска естъства. | авишасѣ оуже безвѣстнаа | и
 оутаенаа. и родисѣ блгѣтъ. истина а не законъ. снѣ а не | рабѣ.: 171б, лишь
 1-е причастие участвует в ДС. отиде бо свѣтъ || ажны сѣнцю въсїавѣшѣ.
 тако и законъ. блгѣти. авѣл|шисѣ. и стѣдѣньство ношѣ|ное погыбе. сѣнчнѣки
 тепло|тѣ землю съгрѣвшн.: 172б-173а, в предложении 3 ДС. рекшѣ спасѣ |
 притѣчу ѿ виноградѣ и ѿ | дѣлателех. чтѣ оубо сътвори|тѣ дѣлателемъ
 тѣмъ. ѿвѣшаша злы злѣ погыбити ж...: 178б, ДС кроме сокращения
 придаточного предложения выделяет и вводные слова прямой речи.
бывшемъ намъ слѣпомъ | и истин'нааго свѣта не вида|щемъ. нѣ въ л'сти
 идольтѣи блаждащемъ. къ семѢ же и | глѣхомъ ѿ спѣснааго оученіа. |
 помилова ны бѣ...: 181б, из 4 ДС только 2 содержит причастие прош. вр.
 (в последнем ДС словоформу **глѣхомъ** можно соотнести также с
 причастием **бывшемъ**). семоу же | **бывшѣ**. не доселѣ стави | блѣговѣрїа
 подвига...: 186а.

2.2. ДС сокращает придаточное предложение причины

2.2.1. В случае причастий настоящего вр. действительного залога

по всей бо | земли сѣша бѣ прѣжѣе. и|долѣстѣи лѣсти языки ѡдѣржашти. и росы блѣгодѣтѣ|ныя не прѣемлющемъ.: 174б, в предложении 2 ДС, субъект 2-го не указан.

2.2.2. В случае причастий прошедшего вр. действительного залога

пѣстѣ бо и прѣсѣ|хлѣ. земли нашеи сѣши идо||льскомѣ зноу исѣшикъши ю. | вѣнезапѣ потече источникъ | евагѣльскыи...: 181а-181б, только 2-й ДС, сочетающийся не с главной ситуацией, т. е. предикацией предложения, а с 1-м ДС, сокращает придаточное причины. Причастие 2-го ДС согласовано неправильно в роде. еже и бысть. бѣу тако изволившѣ...: 186а. тѣм же съ дрѣзновеніемъ и не|сѣмен'но зовець ти ѡ блаже|ниче. самомѣ тѣ спѣсѣ нарек'шѣ.: 188а.

2.3. ДС сокращает придаточное предложение уступки

2.3.1. В случае причастий настоящего вр. действительного залога

и прѣжѣе бывшемъ намъ | яко зѣвѣремъ и скотомъ. не ра|зѣмѣющемъ десницѣ и шю|ницѣ. и земленнѣхъ прилежаще^м. | и ни мала ѡ небесннѣхъ попекѣ|шемсѣ. посла гѣ и къ намъ | заповѣди ведѣщаа въ жизнь | вѣчнѣю...: 182а, из 4 ДС лишь последние 3 содержат причастие наст. вр. Эти 3 ДС скорее связаны с 1-м ДС, чем с главной ситуацией, т. е. с предикацией предложения. Относительно самостоятельности этих 3 ДС, можно было бы сказать то же, что уже было сказано в связи 2 ДС на л. 181б. в пункте 2.1.1.1. (бывшемъ намъ слѣпомъ | и истиннааго свѣта не вида|шемъ...), т. е. эти три причастия наст. вр. могут быть соотнесены и с причастием бывшемъ, и существительными зѣвѣремъ и скотомъ.

2.3.2. В случае причастий прошедшего вр. действительного залога

и прѣжѣе бывшемъ намъ | яко зѣвѣремъ и скотомъ. не ра|зѣмѣющемъ десницѣ и шю|ницѣ. и земленнѣхъ прилежаще^м. | и ни мала ѡ небесннѣхъ попекѣ|шемсѣ. посла гѣ и къ намъ | заповѣди ведѣщаа въ жизнь | вѣчнѣю...: 182а, из 4 ДС только 1-й содержит причастие прош. вр.

2.4. ДС сокращает придаточное предложение образа действия

паче же помолиса ѡ снѣ || твоемъ. блѣговѣрнѣмъ ка|ганѣ нашемъ геѡргѣи. въ | мирѣ и въ съдрабѣи поучи|нѣ житіа прѣплѣти. и въ | пристаници не^снааго завѣ|трѣа пристати. некрѣдно | корабль дѣшевы и вѣрѣ съ|храншѣ. и съ бѣгѣтество^м | добрыими дѣлы. безъ бла|зна же бѣгомъ даныя емѣ лю|ди

оуправивъшъ...: 194б-195а, 2 ДС, в которых не указан субъект причастий. Не исключено полностью, что эти 2 причастия могут рассматриваться как атрибутивные, учитывая, что рядом с инфинитивами **прѣплъти** и **прстати** могло бы стоять и местоимение **ѣмоу**.

3. ДС сокращает или компонент сложносочиненного предложения или самостоятельное простое предложение или/и служит для выделения вводных слов прямой речи

ДС может служить не только для сокращения придаточных предложений, но он может выступать также как синтаксически независимая, ничему не подчиненная единица (COLLINS 2011: 113), т. е. ДС иногда может сокращать или компонент сложносочиненного предложения или самостоятельное простое предложение. Кроме того, сокращая самостоятельное предложение, ДС может служить и для выделения вводных слов прямой речи (*oratio recta*). Выделение вводных слов прямой речи с помощью ДС, сокращающего самостоятельное предложение, характерно прежде всего для древнерусских памятников (СОКОЛОВА 1962: 258).

пріатъ же | и двѣца съ поклананіемъ къ | коушъ пълтаноу не болѣ|къши. глаголюшъ ти къ | аггъ се раба гнѣ бѣди мнѣ | по глѣ твоемоу.: 171а, только 2-е причастие участвует в ДС, служащем для выделения вводных слов прямой речи. Причастие вместо жен. рода стоит в муж. роде, значит смысловое согласование неправильно. В других редакциях слова на этом же месте нет ДС, причастие стоит в им. п. ед. ч. (**глаголющи**) (МОЛДОВАН 1984: 101) и выступает не в обороте ДС, а в аппозитивной функции. Неправильное согласование А.М. Молдован объясняет влиянием словоформы **аггъ** (МОЛДОВАН 1984: 63). **рекшъ бо іуцифъ | къ іакоу на семь ѿ^ч положи | десницъ. іако съ старѣи || естъ.**: 173б-174а, оборотом ДС выделяются вводные слова прямой речи.

4. Итоги и выводы

Употребление ДС в «Слове» обнаружено всего в 33 случаях. В следующей таблице подытожено распределение употребления ДС по критериям, использованным при группировании примеров. В скобках указано, сколько из данных ДС является неполным.

	Что сокращено дателным самостоятельным?	Действительные причастия	
		наст. вр.	прошед. вр.
ДС сокращает придаточные предложения	Придаточное времени	12	8
	Придаточное причины	2 (1)	3
	Придаточное уступки	3	1
	Придаточное образа действия		2 (2)
ДС сокращает компонент сложносочиненного предложения или самостоятельное предложение		1	1

По таблице можно установить, что ДС чаще всего служил для сокращения придаточных предложений времени, всего в 20 примерах. Любопытно, что 90,91% ДС (30 примеров), размещается на листах от 171а по 186а, и только 1 ДС находится на л. 188а и 2 на листе 195а. Это вероятно связано с тем, что именно на листах от 171а по 186а описываются действия, происшествия, существования, состояния или одновременные, или последующие друг за другом, или некоторые действия и происшествия являются причинами других действий и происшествий. Субъекты этих действий, происшествий, существований и состояний не совпадают, поэтому употребление ДС в этих предложениях является целесообразным и крайне мотивированным. В этих предложениях место ДС было бы невозможно употребить аппозитивные причастия для выражения одновременности или последовательности или причинности действий, происшествий, существований и состояний.

Во всех ДС участвуют лишь нечленные причастия. Ни разу не обнаружено употребление с виду членных причастий, неоднократно встречающихся в старославянских памятниках (напр.: **сѣньштвоу | ова оубо падоша при пѣти | ѿ придоша птица небѣсѣна | ѿ поубаша ꙗ**: Зографское Евангелие, XI в., 29v.). Старославянские “кажущиеся” членные причастия в ДС применялись лишь тогда, когда субъект конструкции был выражен местоимением “и”, “ѣ”, “ю”, таким образом они возникли в результате стяжения с причастием (BALECZKY – HOLLÓS 1987: 180). Подобное явление встречается и в среднеболгарских памятниках, напр. в Будапештском евангелии XIII-XIV в., но здесь местоимения всегда указаны и отдельно (ПОЖГАИ 2010: 381).

Построение (порядок слов) конструкций ДС в «Слове» показано следующей таблицей.

Причастие + местоимение	Причастие + существительное	Местоимение + причастие	Существительное + причастие	Наречие + причастие
8	6	8	8	0

Учтены только те ДС, «субъект» которых указан. Построение (порядок слов) ДС довольно проблематично связать с актуальным членением предложения (ЖИВОВ 2008: 7-9), поэтому пока сделать выводы о построении ДС нам кажется поспешным и необоснованным.

Отметим, что ни в одном ДС на месте агенса не встречается наречие, т. е. в ДС не наблюдается сочетание наречия с причастием.

Логический субъект (агенса) ДС, сокращающих придаточные предложения, всегда отличается от подлежащего предложения. Этот факт, возможно, объясняется влиянием старославянского языка на язык «Слова», так как несовпадение агенса ДС с подлежащим предложения характерно именно для подавляющего большинства старославянских памятников, однако в памятниках, возникших на Руси, такое совпадение встречается довольно часто. Исследования Л. В. Перегонцевой-Граве доказывают, что в текстах, написанных на Руси, пропорция ДС, логический субъект которых совпадает с подлежащим главного предложения, выше, чем в старославянских текстах, она достигает 20% (СОКОЛОВА 1962: 257). В Синайском патерике конца XI – начала XII в. эта же пропорция составляет 26,44% (по отношению к основному почерку 25,91%) (ПОЖГАИ 2008: 323).

Согласование нечленного причастия с «субъектом» ДС нарушено только 2 раза, что составляет 6,06% всех примеров: **пѣстѣ бо и прѣстѣ|хлѣ.** **земли нашеи сѣщи ндо||льскомѣ зноу нсѣшиѣши ю.** | **вѣнездапѣ потече источникѣ** | **сѣдѣльскыи...**: 181а-181б, только причастие 2-го ДС неправильно согласовано в роде. **пріатѣ же | и дѣца сѣ поклонаніемѣ вѣ** | **коущѣ пѣтаноу не болѣ|вѣши. глаголющѣ ти кѣ** | **дѣтѣ се раба гнѣ бѣди мнѣ** | **по глѣ твоемоу**.: 171а, тут неправильно лишь смысловое согласование, причастие вместо жен. рода стоит в муж. роде. Эти неправильно согласованные причастия вероятно не следует возводить к оригиналу XI в. «Слова».

Ради сравнения отметим, что при изучении более крупного памятника, Синайского патерика конца XI – начала XII в. из 274 примеров в 5 случаях обнаружено нарушение согласования причастия с «субъектом» ДС, что составляет лишь 1,82% (ПОЖГАИ 2008: 324). Значит, пропорция неправильно согласованных с «субъектом» ДС причастий в «Слове» значительно превосходит соответствующую пропорцию в Синайском патерике.

На неправильное согласование кратких действительных причастий стоит обратить внимание в силу того, что одной из важнейших причин последующего исчезновения ДС является именно отмирание склонения нечленных активных причастий, (ДОМБРОВСКИЙ 1977: 126; ИВАНОВ 1990: 380).

Литература

- ДОМБРОВСКИЙ 1977 = ДОМБРОВСКИЙ Й. Историческая грамматика русского языка II. Морфология и синтаксис. Budapest, 1977.
- ДЬЁРФИ 2011 = ДЬЁРФИ Б. Историческое изменение синтаксического статуса причастных оборотов в языке Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку // *Tractata Slavica Universitatis Debreceniensis*. Vol. II. Debrecen, 2011.
- ЖИВОВ 2008 = ЖИВОВ В.М. Референтная структура и порядок слов: Дательный самостоятельный в двух древних церковнославянских текстах // *Русский язык в научном освещении*, № 1 (15), Языки славянской культуры, Москва, 2008. 5-56.
- ИВАНОВ 1990 = ИВАНОВ, В.В. Историческая грамматика русского языка. Москва, 1990.
- МЕЛЕЩЕНКО 2012 = МЕЛЕЩЕНКО К.С. Генеза та варіативність абсолютої конструкції // *Studia Linguistica*, Вып. 6/2012. 291-295.
- МОЛДОВАН 1984 = МОЛДОВАН А.М. «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984.
- ПОЖГАИ 2008 = ПОЖГАИ И. Употребление дательного самостоятельного в Синайском патерике // *Studia Slavica Savariensia*, 2008. 1-2. 309-324.
- ПОЖГАИ 2010 = ПОЖГАИ И. Употребление дательного самостоятельного в Будапештском евангелии // *Studia Slavica Savariensia*, 2010. 1-2. 369-382.
- СЛОВО = Слово о законе и благодати Илариона // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. Санкт-Петербург. <http://lib2.pushkinskijdom.ru/tabid-4868>
- СОКОЛОВА 1962 = СОКОЛОВА М.А. Очерки по исторической грамматике русского языка. Ленинград, 1962.
- BALECZKY – HOLLÓS 1987 = BALECZKY E. – HOLLÓS A. Ószláv nyelv. Budapest, 1987.
- COLLINS 2011 = COLLINS D.E. The pragmatics of “unruly” dative absolutes in early Slavic // Eirik Welø (ed.) *Indo-European syntax and pragmatics: contrastive approaches*. Oslo Studies in Language 3(3), 2011. 103-130.
- HORÁLEK 1967 = HORÁLEK K. Bevezetés a szláv nyelvtudományba. Budapest, 1967.
- LUNT 1959 = LUNT H. G. Old Church Slavonic Grammar. Mouton & Co, 'S-Gravenhage, 1959.
- VONDRÁK 1912 = VONDRÁK W. Altkirchenslavische Grammatik. Berlin, 1912.

Ráduly Zsuzsanna
(Budapest, Magyarország)

AZ EPONIMÁK FONOLÓGIAI ÉS MORFOLÓGIAI ADAPTÁCIÓJA
A MAGYAR, A LENGYEL ÉS A HORVÁT NYELVBEN

Abstract: The subject of the present article is the phonological and morphological adaptation of eponyms in the Hungarian, Polish and Croatian languages. Eponyms – words and expressions formed through the appellativization of proper names – number over a thousand in all three languages.

Though phonological adaptation shows numerous similarities in the three languages, the individual solutions vary due to the different systems of phonemes. It is quite common for writing to follow pronunciation.

Similarities among the languages abound in the area of morphological adaptation as well. Similar suffixes – derived mostly from Latin – are common, especially for words referring to the same concepts.

Keywords: eponyms, phonological and morphological adaptation, Hungarian language, Polish language, Croatian language

Az *eponima* terminus (lengyel *eponim*, horvát *eponim*) a görög nyelvből származik, az *epōnymos/epōnumos* kéttagú kifejezésből, ami az *epi* és *onoma* összetételéből keletkezett, jelentése 'névadó'. A szó a nemzetközi szókincs körébe tartozik, az egyes európai nyelvek különböző korszakokban vették át saját nyelvükbe. Kezdetben az eponymosok (eponimák) csoportját pontosan meghatározták. Az ókorban az eponymosok (eponimák) olyan istenek, hősök és személyek voltak, akikről városokat, törzseket, vagy különböző objektumokat neveztek el. Körükbe soroljuk az ókori tisztségviselőket is, így Athénban az arkhónokat, Rómában a konzulokat, Spártában pedig az ephoroszokat. Az *eponima* terminust a különböző nyelvekben elsősorban ebben az elsődleges jelentésben használták a humán tudományokban, leginkább a történelemben és az antropológiában.

A szó jelentése az idők során kibővült, fokozatosan nyelvészeti terminussá is vált, a nemzetközi szakirodalomban is egyre gyakrabban találkozunk vele. Kezdetben olyan tulajdonnevekre vonatkozott, amelyekből új tulajdonnevek keletkeztek. Pl. *Amerigo* Vespucci nevéből *Amerika*, *Simon Bolivar* nevéből *Bolívia*, *Lord Baltimore* nevéből *Baltimore*, *Romulus* nevéből *Róma* vagy *Pallasz Athéné* nevéből *Athén*. Ma már azokat a szavakat is ezzel a terminussal

illetjük, amelyek tulajdonnevekből – leggyakrabban személynevekből és földrajzi nevekből – köznevesültek.

Ez a közzóvá válás jelenség a nyelvfejlődés egyes szakaszaiban minden nyelvben megfigyelhető. Az ily módon alkotott szavak és kifejezések legtöbbször nem korlátozódnak csupán egyetlen nyelv szókincsére, hanem kisebb vagy nagyobb mértékben eltérő formában megtalálhatók az ún. nemzetközi szókincsben is. Az eltérések az egyes nyelvekbe való beilleszkedésüknek megfelelően fonetikai vagy helyesírási és morfológiai különbségekben jelentkeznek.

Az tulajdonnévből keletkezett szavak és kifejezések jelentős része kapcsolatban áll a hagyománnyal, a történelemmel, az irodalommal, a Bibliával és a mitológiával. Ezek kutatása különösen izgalmas feladat, hiszen az egyes eponimák keletkezéséhez érdekes történetek fűződnek, melyek megismerése általános kultúrtörténeti ismereteinket is szélesítheti. Az eponimák egyik típusa, a nemzeti mellett, az egyetemes kultúrát és civilizációt is tükrözi. Másik típusa pedig a különböző tudományágak szókincsének szerves részét alkotja, keletkezésük motivációja szintén érdekes kutatási területet jelent.

Tanulmányomban a magyar, a lengyel és a horvát nyelv eponimáinak fonológiai, morfológiai adaptációját és a helyesírást állítottam a középpontba, azt vizsgálva, hogy az idegen nyelvekben köznevesült szavak hogyan illeszkedtek be a vizsgált nyelvek rendszerébe.

Fonológiai adaptáció

1. Az első csoportot alkotják azok a szavak, amelyek minden változtatás nélkül kerültek be mindhárom nyelvbe:

m. *amper*, le. *amper*, horv. *amper* ‘az áramerősség mértékegysége’ (André-Marie *Ampère*),

m. *balboa*, le. *balboa*, horv. *balboa* ‘pénznem Panamában’ (Vasco Núñez de *Balboa*),

m. *bolivar*, le. *bolivar*, horv. *bolivar* ‘Venezuela pénzrendszerében a forintnak megfelelő pénzegység’ (Simon *Bolívar*),

m. *doberman*, le. *doberman*, horv. *doberman* ‘nagy termetű, rövid szőrű, hegyes fülű őrző-védő kutyafajta’ (Karl Friedrich Louis *Dobermann*),

m. *dolomit*, le. *dolomit* horv. *dolomit* ‘kalcium- és magnézium karbonátból álló, mállékony kőzet’ (Déodat de *Dolomieu*)

m. *farad*, le. *farad*, horv. *farad* ‘az elektromos kapacitás egysége’ (Michael *Faraday*),

m. *fauna*, le. *fauna*, horv. *fauna* ‘egy meghatározott terület (vagy földtani korszak) állatvilága’ (*Fauna*),

m. *pantaleon*, le. *pantaleon*, horv. *pantaleon* ‘öt és fél oktáv hangterjedelmű, cimbalomra hasonlító hangszer’ (*Pantaleon Hebenstreit*),

m. *negus*, le. *negus*, horv. *negus* ‘melegített vörösborból készült ital, melyhez fahéjat, szegfűszeget és cukrot adnak’ (Francis *Negus*).

2. A második csoport szavai a magyarban és a lengyelben megőrizték az eredeti helyesírást, a horvátban a kiejtés szerinti írásmóddal találkozunk:

m. *baskerville*, le. *baskerville*, horv. *baskervil* ‘talpas betűkép’ (John *Baskerville*),

m. *biedermeier*, le. *biedermeier*, horv. *bidermajer* ‘a 19. század első felének kispolgári kedélyt, érzelmességet és családi hangulatot kifejező művészeti, irodalmi és lakberendezési irányzata főleg a német nyelvterületen és a Habsburg Birodalomban’ (*Biedermann* és *Bummelmeier*),

m. *chateaubriand*, le. *chateaubriand*, horv. *šatobrijan* ‘angolosan sült dupla bélszínselet sült burgonyával’ (François René de *Chateaubriand*),

m. *lutz*, le. *lutz*, horv. *luc* ‘ugrásfajta a műkorcsolyában’ (Alois *Lutz*),

m. *maxim*, le. *maxim*, horv. *maksim* ‘az első sikeres géppuska’ (Sir Hiram Stevens *Maxim*),

m. *zeppelin*, le. *zeppelin*, horv. *cepelin* ‘szivar alakú, merev vázú, kormányozható léghajó; a levegőnél könnyebb gázzal (hidrogén, hélium) töltik’ (Ferdinand *Zeppelin*).

3. A harmadik csoportban találjuk azokat a szavakat, amelyek mindhárom nyelvben kiejtés szerint illeszkedtek be:

m. *atlasz*, le. *atlas*, horv. *atlas* ‘térképalbum, térképfüzet, téma szerint összetartozó ábrák, rajzok elrendezett gyűjteménye, általában könyv alakban’ (*Atlas*),

m. *batiszt*, le. *batyst*, horv. *batist* ‘finom, sűrű szövésű len- vagy pamutvászon’ (*Baptiste* de Chambray),

m. *besamel*, le. *beszamel*, horv. *bešamel* ‘vajból, lisztből és tejből készül, tetszőlegesen fűszerezhető alapmártás’ (Louis de *Béchéamel*),

m. *bojkott* le. *bojkot*, horv. *bojkot* ‘jogi értelemben politikai, gazdasági vagy személyes kapcsolatok megszakítása állammal, szervezettel, személlyel megtorlás és valamilyen célú kényszerítés céljából; tudatos tartózkodás egyes árucikkek megvásárlásától a gyártó vagy a származó ország büntetéseként’ (Charles *Boycott*),

m. *ciceró*, le. *cycero*, horv. *cicero* ‘12 pontos betűnagyság’ (Marcus Tullius *Cicero*),

m. *dalmatika* le. *dalmatyka*, horv. *dalmatika* ‘liturgikus felsőruha a római egyházban’ (*Dalmácia*),

m. *huligán*, le. *chuligan*, horv. *huligan* ‘csirkefogó, vagány, garázda; bandázó fiatal’ (*Hooligan* családnév),

m. *írisz*, le. *irys*, horv. *iris* ‘nőszirm’ (*Írisz*),

m. *kondom*, le. *kondom*, horv. *kondom* ‘a nemi betegségektől védő és fogamzást gátló gumi óvszer férfiak számára’ (*Condom* nevű falu v. dr. *Condom*),

m. *lincs*, le. *lincz*, horv. *linč* ‘felháborodott, megvadult tömeg önbíráskodása, bűnös(nek vélt) személy meggyilkolása, agyonverése a tömeg által’ (James Fitzstephen *Lynch*),

m. *nesztor*, le. *nestor*, horv. *nestor* ‘valamely testület legidősebb tagja, bölcs és megbecsült örege’ (*Nesztór*, Homérosz: Iliász),

m. *szendvics*, le. *sandwicz*, horv. *sendvič* ‘vajás kenyérszeletre vagy zsemlére helyezett kolbász, sajt, hús, hal stb. (esetleg beborítva más kenyérszelettel vagy félzsemlével)’ (Lord John Montagu *Sandwich*),

m. *szifilisz*, le. *syphilis*, horv. *sifilis* ‘bujakór, vérbaj, luesz, súlyos, fertőző nemi betegség’ (*Syphilis*),

m. *zsilett*, le. *žyletka*, horv. *žilet* ‘önborotva készülék, az ebbe való penge’ (King Camp *Gillette*).

4. A negyedik csoportba kerültek azok a szavak, amelyek a magyarban megőrizték az eredeti írásmódot, a lengyelben és a horvátban pedig a kiejtés szerinti írás jellemző:

m. *guillotine*, le. *gilotyina*, horv. *giljotina* ‘önborotva készülék, az ebbe való penge’ (Joseph Ignace *Guillotin*),

m. *havelock*, le. *hawelok*, horv. *havelok* ‘ujjatlan, könyökig érő gallérú régi férfiköpeny’ (Sir Henry *Havelock*),

m. *hertz*, le. *herc*, horv. *herc* ‘az elektromágneses rezgés frekvenciájának mértékegysége’ (Heinrich Rudolf *Hertz*),

m. *jacquard*, le. *žakard*, horv. *žakart* ‘lyukkártya-vezérlésű, felsőműves szövőgép bonyolult mintájú szövetek előállítására’ (Joseph-Marie *Jacquard*),

m. *röntgen*, le. *rentgen*, horv. *rendgen*, *rentgen* ‘röntgensugárzás (X-sugárzás); a besugárzási dózis egysége’ (Wilhelm Conrad *Röntgen*),

m. *oersted*, le. *ersted*, horv. *ersted* ‘a mágneses térerősség korábbi mértékegysége a CGS rendszerben’ (Hans Kristian *Oersted*).

5. Ritkábban, de előfordulnak olyan szavak is, amelyek az egyes nyelvekben két változatban fordulnak elő:

m. *dzsörzé* vagy *jersey*, le. *džersez* vagy *jersey* ‘kötszövött rugalmas ruhaanyag’ (*Jersey* sziget),

horv. *džul* vagy *joule* ‘a munka és az energia alapegysége az SI rendszerben’ (James Prescott *Joule*),

horv. *brauning*, *browning* ‘öntöltő ismétlőpisztoly’ (John Moses *Browning*).

Morfológiai adaptáció

Az azonos fogalmi körökbe tartozó szavak mindhárom nyelvben jellegzetes képzővel illeszkedtek be a nyelv rendszerébe.

1. A növénynevek a magyarban leggyakrabban -ia, ritkábban -a, a lengyelben -ja, -ia, illetve -a, a horvátban pedig -ija képzőt kapnak:

m. *begónia*, le. *begonia*, horv. *begonija* ‘trópusi eredetű, változatos levélrajzú virágos dísznövény’ (Michel *Bégon*),

m. *dália*, le. *dalia*, horv. *dalija* ‘trópusi eredetű, változatos levélrajzú virágos dísznövény’ (Andreas *Dahl*),

m. *frézia*, le. *frezja*, horv. *frezija* ‘csipkevirág, tölcsér alakú, illatos virágokat hozó gumós növény’ (H. Th. *Freese* v. *Elias Magnus Fries*),
 m. *gardénia*, le. *gardenia*, horv. *gardenija* ‘fényes levelű, fehér virágú dísznövény’ (*Alexandr Garden*),
 m. *kamélia*, *kamelia*, *kamelija* ‘a teafélékhez tartozó, kelet-ázsiai eredetű, díszes virágú örökzöld cserje’ (*Georg Josef Kamel*),
 m. *magnólia*, le. *magnolia*, horv. *magnolija* ‘liliomfa, tulipánfa, kora tavasszal nyíló, pompás fehér virágú, illatos keleti díszcserje’ (*Pierre Magnol*).

2. Az ásványnevekre a magyarban -it, lengyelben -it, -yt , a horvátban pedig -it képző a jellemző:

m. *alexandrit*, le. *aleksandryt*, horv. *aleksandrit* (II. Sándor, oroszul *Alexandr*),
 m. *gadolinit*, le. *gadolinit*, horv. *gadolinit* (*Johann Gadolin*),
 m. *dunit*, le. *dunit*, horv. *dunit* (*Dun*),
 m. *szamarszkit*, le. *samarskit*, horv. *samarskit* (V. E. *Szamarszkij-Bihovec*).

3. A kémiai elemek nevei a magyarban szinte kivétel nélkül -ium végződést kapnak, a lengyelben viszont csak maga a tulajdonnév van meg köznévi formában, képző nélkül, a horvátban az -ij és ritkábban az -ium képzővel fordulnak elő:

m. *einsteinium*, le. *einstein*, horv. *ajnstajnij*, *ajnstajmium*, *einsteinium* ‘a mesterséges transzurán elemek egyike’ (*Albert Einstein*),
 m. *amerícium*, le. *ameryk*, horv. *americij* ‘mesterséges radioaktív elem a transzurán sorból’ (*Amerika*),
 m. *berkélium*, le. *berkel*, horv. *berkelij* ‘mesterséges (transzurán) radioaktív elem, ezüstfehér, képlékeny fém’ (*Berkeley*),
 m. *európium*, le. *europ*, horv. *europij* ‘a ritkaföldfémek csoportjába tartozó kémiai elem, szürke fém’ (*Európa*),
 m. *gadolinium*, le. *gadolin*, horv. *gadolinij*, *gadolinijum* ‘ezüstfehér vegyi elem, a ritkaföldfémek csoportjából’ (*Johann Gadolin*),
 m. *germánium*, le. *german*, horv. *germanij* ‘félvezető tulajdonságú szürkésfehér, rideg fémes elem’ (*Berkeley*),
 m. *mendélevium*, le. *mendelew*, horv. *mendelevij* ‘mesterségesen előállított radioaktív kémiai elem; a transzurán sorozat tagja’ (*Dmitrij Mengyelejev*),
 m. *nobélium*, le. *nobel*, horv. *nobelij* ‘mesterségesen előállított radioaktív elem a transzurán sorból’ (*Alfred Bernhard Nobel*),
 m. *kúrium*, le. *kiur*, horv. *kirij* ‘mesterséges radioaktív transzurán elem’ (*Marie és Pierre Curie*),
 m. *holmium*, le. *holm*, horv. *holmij* ‘ritkaföldfém, kémiai elem’ (*Holmia*, Stockholm latin neve),
 m. *kopernícium*, le. *kopernik*, horv. *kopernicij* ‘a legnehezebb transzaktinida’ (*Nikolausz Kopernikusz*).

4. A különböző fogalmi körökbe tartozó szavakat gyakran ugyanazon a képző segítségével alkotják, a leggyakoribb képző a magyarban a latinból származó *-izmus*, *-ista*, melynek lengyel megfelelői az *-izm*, *-ista*, a horvátban pedig az *-izam*, *-ist* képző.

Az általuk képzett szavak általában egy adott személyhez vagy a vele kapcsolatban álló fogalomhoz való kötődést, vele való összefüggést jelölik. Segítségükkel leggyakrabban filozófiai, vallási irányzatok, s egyéb társadalmi mozgalmak, illetve követőik nevei keletkeztek. Ennek kapcsán utalok arra, hogy az eponimák fonetikai és morfológiai adaptációjában ugyanaz az elv érvényesül, mint a klasszikus nyelvekből átvett jövevényszavaknál (a magyarba *-izmus*, a lengyelben *-izm*, a horvátban *-izam*).

Vallási irányzatok nevei:

m. *arianizmus*, le. *arianizm*, horv. *arijanizam* ‘ókori eretnek keresztény szekta, amely Krisztust nem egylényegűnek, csupán hasonló lényegűnek hirdette az atyával’ (*Arius*),

m. *buddhizmus*, le. *buddyzm*, horv. *budizam* ‘Kelet-Ázsiában uralkodó vallás’ (*Buddha*),

m. *kálvinizmus*, le. *kalwinizm*, horv. *kalvinizam* ‘a protestantizmus Kálvin tanain alapuló változata’ (*Kálvin János*).

A vallási irányzatok híveinek, követőinek nevét több képző segítségével alkotják, az egyik leggyakoribb a magyarban és a lengyelben is az *-ista* képző, a lengyelben a szótári alak gyakran többes számban szerepel (*-iści*, *-yści*) végződés, a horvátban *-ist*, *-isti*.

m. *janzenista*, le. *jansenista*, horv. *jansenist* ‘17. századi katolikus teológiai irányzat, amely Kálvinhoz közelálló tanokat képviselt’ (*Cornelius Jansenius*),

m. *kálvinista*, le. *kalwinista*, horv. *kalvinist* ‘a protestantizmus Kálvin tanain alapuló változatának képviselője’ (*Kálvin János*),

m. *donatista*, le. *donatyści*, horv. *donatisti* ‘4. századi keresztény eretnekmozgalom hívei Észak-Afrikában’ (*Donatus*).

A másik jellegzetes szóalkotási mód ebben a csoportban a magyarban a *-(i)ta t.sz. ~~-(i)ták~~*, a lengyelben *-(i)ta*, t. sz. *-(i)ci*, a horvátban *-it*, t. sz. *-iti* képzős szavak, melyek szótári alakja mind a magyarban, mind a lengyelben és a horvátban általában többes számú alakban szerepel:

m. *adamiták*, le. *adamici*, horv. *adamiti* ‘2–3. századi szekták tagjai’ (*Ádám*),

m. *jakobiták*, le. *jakobici*, horv. *jakobiti* ‘a Szíriában, Jordániában, Törökországban, Mezopotámiában, – melynek nagy része ma Irakhoz tartozik – és Indiában élő monofiziták’ (II. *Jakab*),

m. *maroniták*, le. *maronici*, horv. *maroniti* ‘a Földközi-tenger keleti medencéjének államaiban élő, az ortodox egyházból kivált, a római katolikus egyházhoz csatlakozott szír keresztények’ (*Maron*).

Előfordulnak olyan példák is, ahol a magyarban a *-(i)ta ~~-(i)ták~~*, a lengyelben pedig az *-anin ~~-(anie)~~* képző fordul elő, a horvátban pedig *-ac*, *-ci*.

m. *bazilita*, le. *bazylianie*, horv. *bazilijanci* ‘szerzetesrend a görögkeleti egyházban’ (Nagy Szent Bazil).

A magyar az -us képzős szavaknak a lengyelben -anin (-anie) képző felel meg, a horvátban -ac, -ci:

m. *dominikánus*, le. *dominikanie*, horv. *dominikanci* ‘Domonkos-rendi (katolikus) szerzetes’ (Szent Domonkos),

m. *fabianus*, le. *fabianin*, horv. *fabijanac* ‘angliai reformer szocialista mozgalom a 19. század végén’ (Quintus Fabius Maximus),

m. *franciskánus*, le. *franciszkanie*, horv. *franciskanac* ‘ferences rendi szerzetes’ (Assisi Szent Ferenc),

m. *samaritánus*, le. *samarytanin*, horv. *samaritanac* ‘szigorúan törvénytisztelő zsidó szekta tagja’ (Szamária).

Betegségek nevei:

A magyarban az -izmus és a lengyelben az -izm , a horvátban az -izam képző jellemző:

m. *daltonizmus*, le. *daltonizm*, horv. *daltonizam* ‘a színtévesztés leggyakoribb fajtája; a vörös és a zöld szín megkülönböztetésére való képtelenség’ (John Dalton),

m. *narcisszizmus* vagy *narcizmus*, le. *narcyzm*, horv. *narciszam* ‘önimádat, kóros önszeretet, valakinek önnön szépségében vagy erényeiben való tetszelgés’ (*Narcissus*),

m. *morfinizmus*, le. *morfinizm*, horv. *morfinizam* ‘morfium élvezete miatti kábítószer-függőség’ (*Morpheus*).

A különféle mozgalmak, politikai rendszerek, uralkodói formák elnevezéseiben is a fenti képző szerepel:

m. *cezarizmus*, le. *cezaryzm*, horv. *cezarizam* ‘császári hatalom mint uralmi forma; a középkori császárság, tágabban a világi hatalom beleavatkozása a (katolikus) egyház ügyeibe’ (Caius Julius Caesar),

m. *sovinizmus*, le. *szowinizm*, horv. *šovinizam* ‘más népek elleni gyűlöletet szító, a nemzeti felsőbbrendűséget hirdető szélsőséges nacionalizmus’ (Nicolas Chauvin),

m. *jakobinizmus*, le. *jakobinizm*, horv. *jakobinizam* ‘a jakobinusok radikális eszméivel és forradalmi terrorjával rokonszenvező, ezeket a gyakorlatba átültetni kívánó irányzat, mozgalom’ (Saint Jacques).

Összegzés

Az eponimák száma mindhárom nyelvben meghaladja az ezret. Ebből a gazdag anyagból az adaptáció legfontosabb jellemzőit választottam ki bemutatásra.

Az eponimák a magyar, a lengyel és a horvát nyelv fonológiai és morfológiai rendszerébe nem mindig illeszkednek be azonos módon. A szavak az adaptáció során gyakran mindenféle változtatás nélkül kerülnek be mind-

három nyelv rendszerébe, de számos példát találunk arra is, hogy a magyar nyelv megőrzi az eredeti idegen írásmódot, míg a lengyelben és a horvátban a kiejtés szerinti írásmód jellemző. Szép számban találunk példát ennek ellenkezőjére is, amikor a magyarban a szavakat a kiejtés szerinti helyesírással írjuk, a lengyel és a horvát viszont megőrzi az eredeti idegen nyelvi formát.

A szavak egy része mind a magyar, mind a lengyel, mind a horvát nyelvben változásokon megy keresztül, a helyesírás a magyar, a lengyel, illetve a horvát kiejtést tükrözi, s néhány esetben egy szó két változatban is előfordulhat, az egyik forma a kiejtést, a másik pedig az eredeti helyesírást tükrözi. Az adaptáció ilyen módja a jövevényszavakat is jellemzi.

A közszóvá válás során a tulajdonnevek gyakran kaphat különböző képzőket, melyek gyakran egy-egy szócsoport jellemzőjévé válhatnak, pl. növénynevek, ásványnevek, kémiai elemek, vallási irányzatok, betegségek, politikai mozgalmak, stb. nevei.

Irodalom

- BAKOS 1973 = BAKOS F. (szerk.) Idegen szavak és kifejezések szótára. Budapest, 1973.
- BEECHING 1983 = BEECHING C. L. A Dictionary of Eponyms. Oxford – New York, 1983.
- GECSE 1973 = GECSE G. Vallástörténeti kislexikon. Budapest, 1973.
- HEGEDŰS 2000 = HEGEDŰS A. A tulajdonnév → közszó váltásról // Magyar nyelvjárások, A Debreceni Egyetem magyar nyelvtudományi tanszékének évkönyve, №XXXVIII. Debrecen, 2000. 175-178.
- KOPALIŃSKI 1999 = KOPALIŃSKI W. (szerk.) Podręczny słownik wyrazów obcych. Warszawa, 1999.
- KOPALIŃSKI 2004 = KOPALIŃSKI W. (szerk.) Słownik eponimów czyli wyrazów odmiennych. Warszawa, 2004.
- MRŠIĆ 2000 = MRŠIĆ D. Eponimski leksikon. Zagreb, 2000.
- SZYMCZAK 1967-1976 = SZYMCZAK M. (redaktor naukowy) Słownik języka polskiego 1-3. Warszawa. 1994.
- BENKŐ 1967-1976 = BENKŐ L. (főszerk.) A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára 1-3. Budapest, 1967-1976.
- TOLCSVAI NAGY 2007 = TOLCSVAI NAGY G. (szerk.) Idegen szavak szótára. Budapest, 2007.
- TÓTFALUSI 2004 = TÓTFALUSI I. Idegenszó-tár. Idegen szavak értelmező és etimológiai szótára. Budapest, 2004.

Зинаида Сабитова
(Эскишехир, Турция)

КАЗАХСКИЕ И РУССКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ
В ПОЭТИЧЕСКИХ СРАВНЕНИЯХ ОЛЖАСА СУЛЕЙМЕНОВА

Abstract: The article researches the problem of interaction, mutual influence of Russian and Kazakh pictures of the world in the works of Kazakh bilingual poet Olzhas Suleimenov, who creates works in Russian using elements of Kazakh culture, images, similes, symbols, stereotypes. The article analyzes the features of use of poetic comparisons in Suleimenov's works, which are being a way of understanding the world, consolidate the results of this knowledge in the culture, inseparable from the culture. It describes comparisons, which are based on Russian cultural codes, images and comparisons and based on the Kazakh cultural codes, images.

Keywords: poetry of Olzhas Suleimenov, bilingual, cultural code, comparisons

В творчестве русскоязычного поэта, писателя О. Сулейменова гармонично соединились две национальные стихии – казахская и русская, благодатно взаимовлияющие друг на друга. Поэт Л. Мартынов писал, что Олжас Сулейменов творит на русском языке, но «целиком остается поэтом казахским, родным сыном этого прекрасного гордого народа, исстари сочетавшего свои надежды и чаяния с надеждами и чаяниями русского народа» (СУЛЕЙМЕНОВ 1996: 19). Причину его успеха критик Л. Анненский видел в том, что он «оказался на скрещении культур, на скрещении традиций».

Синергетическое взаимодействие в едином пространстве поэзии О. Сулейменова русского и казахского мировоззрения особенно ярко обнаруживается в использовании казахских образов. Через такие образы карагача, арыка, казана, табуна аргамаков, чаши с кумысом, красного гонца, черного гонца, скелета саксаула и др. выражается связь с родной землей, кочевой цивилизацией, космосом степного края. Однако контаминация казахской и русской картин мира обнаруживается не только в произведениях, в которых он описывает реалии казахского быта, но и в произведениях, напрямую не связанных с казахской тематикой.

Мы проанализируем сравнения в творчестве О. Сулейменова, которые помогут раскрыть его мировосприятие, систему ценностей. Поскольку сравнение – это способ познания мира, закрепления результатов этого

познания в культуре, то оно неотделимо от культуры, а культура неотделима от него (МАСЛОВА 2001:143, 146).

Сравнение представляет собой когнитивный механизм, ментальное действие, связанное с переработкой субъектом результатов познания, направленной на выявление характеристик предмета, явления. В логическом конструкте сравнения выделяются составляющие – тема, модуль, эталон. Если принимать во внимание, что естественным средством получения, хранения, представления, обработки и использования знания является представление, то тема сравнения – это представление о сравниваемом, эталон – это представление о том, с чем сравнивают, модуль – это представление о признаке – основании сравнения (ДЕНИСОВА 2009: 5-6). Сравнение одного предмета с другим происходит в несколько этапов: 1) активирование области, отражающей характеристику темы через признак-модуль; 2) определение признака-модуля через его связь с эталоном.

Так, в сравнении *луна, как лепешка, мне катится в руки* («Молитва батыра Мамбета перед казнью»), стихотворения и поэма «Глиняная книга» О. Сулейменова цитируются по сборнику «Исправляя метафорой мир» (СУЛЕЙМЕНОВ 1996: 19) активизируется форма луны («имеющая форму круга, шара, кольца»), т.е. определяется признак модуля «круглый», который затем конкретизируется и осмысливается с опорой на эталон – *лепешка* («плоское круглое изделие из печеного теста»). «Лепешка» является нетипичным для русского языкового сознания эталоном сравнения для луны, ср. в произведениях О. Сулейменова «типичные» русские сравнения и метафоры, связанные с луной: *багровым оком встала луна* («Минута молчания на краю света»); *луна – словно пламя и желтая мгла* («Кочевник»), *унылый круг луны потух* («Кочевье перед зимой») и др.

По мнению В.А. Масловой, «мир, отраженный сквозь призму механизма вторичных ощущений, запечатленных в метафорах, сравнениях, символах, – это главный фактор, который определяет универсальность и специфику любой конкретной национальной языковой картины мира» (МАСЛОВА 2001: 70).

В сравнении как когнитивном механизме важным является субъект сравнения, поэтому сравнение и его результаты всегда «субъектны» (они имеют своего автора), но не обязательно субъективны (РЯБЦЕВА 2005: 379). Выбор эталона сравнения зависит от субъекта, его мировосприятия, которые культурно окрашены.

Сравниваемые концепты и связь между ними Г.Л. Денисова определяет как «высвеченную» (актуальную) область в индивидуальном образе мира (ДЕНИСОВА 2009: 6, 14). Субъект фокусирует свое внимание на нужном фрагменте предмета, манипулирует имеющимися в языке значениями, применяет к эталону сравнения и сопрягает сходные у двух предметов области.

Проанализируем отрывок из «Глиняной книги» О. Сулейменова: *Что значит – / «времени испить»? / И коброй на хвосте / стоял вопрос, / ответом на него – / другой вопрос. / Уполз в пески вопрос, / упал ответ... Я наконец спросил себя: / «Ну как ты?» / И коброй на хвосте / стоял вопрос, / ответ спешил, / он, извиваясь, полз / из марева времен, / дополз, устал, / лежал он перед коброй, сух и прост.* («Глиняная книга. Преступление пятое»). Поэт использует сравнение кобры «на хвосте» и вопроса, ответом на который является вопрос. Общим у вопроса и кобры является то, что вопрос и кобра «стоят», вопрос требует решения, а кобра – немедленной реакции, вопрос взывает к уму, размышлениям, кобра же олицетворяет знание, мудрость (<https://ru.wikipedia.org/wiki/>). Эти признаки «высвечиваются» в развернутой метафоре: использование глагола *ползти* (вопрос, ответ «*ползли*») подчеркивает медлительность человека при решении вопроса, похожую на медленные, плавные движения кобры. Ответ характеризуется через сходство с движениями кобры: ответ, «*извиваясь, полз*», ср. *увилывать (от ответа)* «поступать ловко, изворотливо, уклоняясь от чего-либо, прибегая к хитрости, обману и т.п., словно поворачивая в сторону» (БОЛЬШОЙ ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ 2009: 432).

О. Сулейменов пишет по-русски, в русской культуре он находит образы для своих стихов, к тому же его поэзия обогащена национальными красками. Так, он употребляет сравнение: *холмы, холмы, о горы моей родины, как опрокинутые казаны* («Чеченский котел»). Он активизирует признак через модуль, «высвечивает» в холмах (теме сравнения) форму – «дугообразная поверхность», определяет признак-модуль через связь с эталоном «опрокинутые казаны», специфическим для казахской культуры предметом: *казан* «традиционный азиатский металлический котел с полукруглым дном для приготовления различных блюд», ср. в стихах О. Сулейменова: *он горд, когда он полный, и сутулый, казан мой, перевернут он когда* («Чеченский котел»); *И в казахских казанах кипит молоко* («Молитва батыра Мамбета перед казною»).

О. Сулейменов использует казахские культурные коды, «набрасывает» их на описываемый фрагмент мира. Своеобразный национальный колорит его поэзии объясняется не только употреблением тюркизмов, но и использованием казахских культурных кодов, стереотипов, эталонов сравнения, образов казахской культуры.

Проследим, как в поэтических сравнениях О. Сулейменова обнаруживаются русский и казахский культурные коды. Среди проанализированных сравнений выделяются две группы: «русские» сравнения и «казахские» сравнения.

В «русских» сравнениях *как роса на листке, на лице его выступил пот, как листва в сентябре, пожелтел наш мулла* («Сентиментальный мулла Рахметулла»); *белые волны – как молоко* («Хромой кулан»); *глаза ее – как два громадных / горящих шара, объятые мохнатыми лапами /*

священных *скарабеев* («Глиняная книга. Преступление первое»); *прячешься, как вор* («Глиняная книга. Преступление шестое») (как *вор* «тайком, не желая быть узнанным» (ЛЕБЕДЕВА 2011: 103)); *посерел, как скала* («Глиняная книга. Ристалище»); *счастье мчит оленем* (не догнать на чалом) («Последнее слово акына Смета»); *песчаные вихри, как рощи, росли* («Глиняная книга. Преступление восьмое»); *сквозь толпы персов, как сквозь лес* («Глиняная книга. Преступление восьмое») и др. используются русские эталоны.

В стихотворении «На площади Пушкина» поэт (= Пушкин) сравнивается с богом: *Поэт красивым должен быть, как бог; Кто видел бога? Тот видел Пушкина; и умер бог, схватившись за живот*. В русской культуре эталоном красоты мужчины является Аполлон – античный бог света, покровитель искусств, ср. переносное значение слова *Аполлон* «хорошо сложенный, красивый мужчина» (<https://ru.wikipedia.org/wiki>). Дантес же сравнивается с дьяволом: *Зато Дантес был дьявольски высок* (= *высок, как дьявол*), и *белолиц*, ср.: *Бог низкоросл* (о Пушкине). Сравнение *бледен, словно память* дает Дантесу характеристику, противоположную Пушкину, которого потомки не забыли (*толпа хранит хорошие слова, чтобы прочесть их с чувством над могилой*). Бледность Дантеса сравнивается с памятью: Дантеса потомки помнят, только потому что он убил Пушкина, ср. у А.А. Блока: *Смутной памятью сумрачных лет, / Смутно помню – отворится дверь* («Вечереющий сумрак, поверь...»).

В предложении *великая страсть... тебя захватила и бродит, как вихрь в пустыне* («Глиняная книга. Ристалище») у понятия «страсть» активируются признаки «сильный», «бурный», «порывистый», «стремительный», «захватывающий», «уносящий», которые конкретизируются через связь с эталоном «вихрь»: *вихрь* «перен., стремительное течение, развитие или бурное проявление чего-либо, быстрая смена чувств, мыслей» (ЕФРЕМОВА 2000); *как вихрь* «стремительно, вызывая движение вокруг себя» (ЛЕБЕДЕВА, 2011: 111).

В двух сходящихся для битвы войсках (*сливались две толпы, / как два ежа, ломались копыя* («Глиняная книга. Казнь»)) О. Сулейменов активирует признак «торчащие во все стороны копыя», который конкретизируется через связь с эталоном – ежом, который в случае опасности выставляет во все стороны свои иголки. Выбор эталона «ртуть» для характеристики глаз (*глазки бегают, словно ртуть* («Кочевник»), *ртуть* «жидкий металл серебристо-белого цвета») объясняется тем, что они имеют общий признак – «подвижность», ср. *бегать* «(о глазах) быстро менять направление взгляда» (разг.) (ЕФРЕМОВА 2000), *бегающие глаза* «глаза, которые выражают тревогу, стыд, обман, страх», этот смысл подчеркивается и в суффиксе -к- (*глазки*).

Признаком-модулем в сравнении *бесчестье бьет в глаза Суда, как солнце* («Глиняная книга. Преступление шестое») является одинаковая реакция на солнце и бесчестье. Солнце бьет в глаза, ослепляя, мешает смотреть, ср.: *Солнце бьет ему в глаза* (Ю. Нагибин). Бесчестье также «бьет в глаза», ставит свидетеля бесчестного поступка в неприятную ситуацию (ср.: *бить* «перен., с особой силой действовать на ощущения, чувства» (<https://ru.wiktionary.org/wiki>)). К тому же, по мнению автора этих слов – Ики-пшака, бесчестье не скрыть, а «*все подвиги в ночи сокрыты*».

В отрывке из стихотворения «Мальчишество»: *мальчишество заковано в рассудок – хвоинкой в светлом камне янтаря; уснули зимы в желтом январе, барханы за окном (иль дюны?) стыннут, и в золотистом воздухе пустыни застыл орел, как муха в янтаре* – ключевым является смысл «неподвижность», который выражается при помощи глаголов *заковать* («сделать твердым, неподвижным, лишить свободы»), *застыть* («неподвижно замереть в каком-нибудь положении») и сравнений *хвоинкой в светлом камне янтаря; как муха в янтаре*. Темы сравнения *мальчишество* и *орел* имеют общий признак-модуль «неподвижность, ограниченность в движении», который активизируется при помощи эталона «предметы (хвоинка, муха) в янтаре». Использование ситуации, связанной с янтарем, объясняется тем, что этот камень получается из смолы древних хвойных деревьев и хранит в себе органические останки.

В поэтическом сравнении *Она пила, как лань на водопое* («Глиняная книга. Преступление третье») автор фокусирует внимание на таких чертах девушки, как стройность, хрупкость, изящество, пугливость (ср. контекст: *показав / рукой пленительной / на чан с водою; по горлу сладко пробегали волны, с другого берега глядели волки*) и соотносит их с эталоном «лань» (ЛЕБЕДЕВА 2011: 136). Ср. в произведениях А.С. Пушкина: *Как лань лесная, боязлива; В одну телегу впрячь неможно коня и трепетную лань*.

В стихотворении «Яблоки» мужчины сравниваются с метелями: *мужчины, лохматые, как метели* по таким чертам, как «взьерошенный, взлохмаченный», «злой»: *Мужчины, / злые на все за четыре недели*, ср. в стихотворении А.А. Фета: *Все злей метель и с каждою минутой / Сердито рвет последние листья*.

В «казахских» сравнениях О. Сулейменов использует национально специфические, типичные для казахской культуры эталоны сравнения, напр.: *солнце билось в оливах, / смеялось, кривлялось, как Тенгри; один на земле он, как Тенгри на небе* («Глиняная книга. Преступление пятое»); *А девы, девы – просто ах! / Халвою тают на губах (халва «восточное сладкое кондитерское изделие»)* («Про Асана невезучего»); *щekoю шершавой, как персик, не согреет слезы* («Глиняная книга. Преступление четвертое»); *просвистели б нагайками добрые песни мои* («Чем порадовать сердце?») (*нагайка* «короткая, толстая плеть из ремней»

(ЕФРЕМОВА 2000)); *слова срывали кожу, как парчу, / она почувствовала / слов камчу* («Глиняная книга. Преступление третье») (*камча* «нагайка, кнут, плеть» (<https://ru.wiktionary.org/wiki/>)) и др. Эти примеры демонстрируют то, что сравнение – это не просто «украшение речи, текста, оно суть, способ более широкого видения мира» (Маслова 2001: 150).

При помощи эталона «яростная змея» во фразе *сердце в горле, как яростная змея* («Молитва батыра Мамбета перед казнью») поэт характеризует состояние батыра Мамбета перед казнью: *яростный* «ничем не сдерживаемый, неукротимый», *сердце в горле*, ср.: *мое сердце – оципантый кречет* (*кречет* «птица семейства соколиных») (ЕФРЕМОВА 2000), сильный, стремительный, горделивый хищник). Ярость, гнев, озлобленность, сильное волнение батыра объясняется тем, что он «умирает в цепях», его «*водят, как собаку, по городу*», т.е. как негодяя, мерзавца (<https://ru.wiktionary.org/wiki/>), злого, жестокого человека (ЕФРЕМОВА 2000).

При помощи выражения *тих, как тигр в джунглях* («Глиняная книга. Преступление шестое») «высвечиваются» такие черты Ишпака, как «непредсказуемый», «осторожный», «опасный», «внушающий страх», характерные для тигра: крадущийся тигр бывает осторожным, неслышным, незаметным. Эта характеристика хана выражается и во фразах: *И стоя перед ним, любой честнейший воин считал себя презренным жалким вором; О, не встречайтесь с этим взглядом жутким, сочившимся сквозь дебри витых морщин, так ночью на оленя смотрят джунгли, – все видящий, незримый миру джунн* и др. «Жуткий» взгляд хана приводит в ужас, вызывает чувство страха – «*так ночью на оленя смотрят джунгли*».

Национально специфический эталон сравнения «войлок» встречается в предложении *облако над хижинной, как войлок, / исчерченный орнаментами молний, / это бога Тенгри лик горит* («Глиняная книга. Преступление третье»). Активированный признак облаков «воздушность, мягкость» подчеркивается при помощи эталона сравнения – войлока (*войлок* «плотный толстый материал из валяной шерсти») (ЕФРЕМОВА 2000)). Типично русскими являются сравнения облаков с ватой, сладкой ватой, взбитыми сливками, тополиным пухом, легкими перьями, горами, кронами деревьев, лебедями, кудрявыми барашками, «белогривыми лошадами», различными животными и др.

В стихотворении «Пейзаж»– О. Сулейменов использует образ, имеющий отношение к Алма-Ате, родине знаменитого апорта – сорта крупных, кроваво-красного цвета (= багрового) яблок: *Гляжу на облако, / оно на ветке молнии, / как яблоко багровое, висит*.

В словосочетании *напряг слух, как лук* (*стрела внимания поразила пух*) («Глиняная книга. Преступление второе») признак-модуль «усилить действие», общий для слуха и лука, выражается при помощи активизации

прямого и переносного значений глагола *напрягать* «1) натягивать; делать упругим; 2) повышать силу, усилить (зрение, память и т.п.)» (ЕФРЕМОВА 2000).

В предложении *я введу свое племя, / как пламя в камыш, города их запляшут другими огнями* («Глиняная книга. Преступление восьмое») две ситуации соотносятся на основе общего признака «стремительность, мгновенность»: действия войска Ишпака напоминают «действия» пламени в камыше, который молниеносно вспыхивает.

Национально специфические видение мира поэта-билингва обнаруживается в сравнении *Ты* (Ишпак) *огнем закален, как страница печальных наших глиняных книг* («Глиняная книга. Преступление шестое»), которое характеризует его как стойкого, выносливого, умеющего преодолевать трудности, переносить невзгоды, лишения, ср.: *Ты духовно велик*. В этом случае используется глагол *закалить* («придать большую твердость путем нагрева и быстрого охлаждения»), который не употребляется по отношению к глине, глиняным изделиям (книгам). Для придания глине твердости, крепкости, устойчивости к деформации, проникновению влаги ее обжигают – подвергают воздействию высокой температуры, т.е. «закачивают». О. Сулейменов использует глагол *закачивать* («сделать физически, нравственно крепким, стойким, выносливым» (ЕФРЕМОВА 2000)), что образно и точно характеризует Ишпака.

Создавая свои произведения на русском языке, О. Сулейменов учитывает «тип читателя» (МАРКОВИНА, СОРОКИН 2010: 32), для которого знакомы описываемые реалии, культурные коды, казахская образная символика. Национально-специфические элементы казахской культуры так органично вплетаются в его произведения, что не представляют собой «заусеницы», как образно назвал Г. Гачев элементы, которые «задираются» в процессе межкультурной коммуникации (МАРКОВИНА, СОРОКИН 2010: 19)).

Литература

- БОЛЬШОЙ ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ 2009 = Большой толковый словарь русских глаголов. Сост. Л. Бабенко, И. Волчкова и др. Москва, 2009.
- ДЕНИСОВА 2009 = ДЕНИСОВА Г.Л. Когнитивный механизм сравнения в немецком языке. Автореферат дис. ... докт.филол.наук. Самара, 2009.
- ЕФРЕМОВА 2000 = ЕФРЕМОВА Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Москва, 2000. // <http://www.efremova.info/>
- ЛЕБЕДЕВА 2011 = ЛЕБЕДЕВА Л.А. Устойчивые сравнения русского языка: Краткий тематический словарь. – Москва, 2011.
- МАРКОВИНА, СОРОКИН 2010 = МАРКОВИНА И.Ю., СОРОКИН Ю.А. Культура и текст. Введение в лакунологию. Москва, 2010.
- МАСЛОВА 2001 = МАСЛОВА В.А. Лингвокультурология. Москва, 2001.

РЯБЦЕВА 2005 = РЯБЦЕВА Н.К. Язык и естественный интеллект. Москва: Academia, 2005.

СУЛЕЙМЕНОВ 1996 = СУЛЕЙМЕНОВ О. Исправляя метафорой мир. Алматы: Қаржы-қаражат, 1996.

<https://ru.wikipedia.org/wiki>. Дата обращения 16.11.2016.

<https://ru.wiktionary.org/wiki>. Дата обращения 16.11.2016.

Йосеф Шаур
(Брно, Чехия)

ИЗОБРАЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ (Т. ТОЛСКАЯ И В. СОРОКИН)

Abstract: The government has always played an important role in the Russian society. One of the reasons why its influence was felt in different areas of social life was its exclusive position of power, which has been both celebrated and condemned in Russian literature. The shortcomings and negative features of the Russian government have also been portrayed in the hyperbolic and dystopian narratives of *The Slynx* by Tatyana Tolstaya and *Day of the Oprichnik* by Vladimir Sorokin. However, far from being only imaginary dystopian visions of a perverse totalitarian future, these works are rooted in the Russian historical experience.

Keywords: government; literature; Russia; T. Tolstaya; V. Sorokin; dystopia

Специфическое развитие российской истории, в особенности частое подавление личности в российском обществе, привело к тому, что русская литература выполняла и выполняет также функции философии и науки, а заодно предоставляет возможность выражать политические взгляды. Русская литература зачастую покидает область искусства, и по этому поводу чешский литературовед Иво Поспишил говорит о «преодолевании» литературы, которая уклоняется к публицистике, политике, истории и журналистике (POSPÍŠIL 1999: 167). Современная русская литература не является исключением, и часть русских писателей не скрывает свое критическое, даже оппозиционное отношение к Владимиру Путину.

В нашей статье мы попытаемся показать, как изображены государство и государственная власть в романе «Кысь» (2000) Татьяны Толстой, а также взглянем на роман «День опричника» (2006) Владимира Сорокина. Оба романа называют антиутопиями, однако они нарушают этот жанр и своей трактовкой отдаляются от классиков жанра, что, в общем-то, для постмодернизма типично (ROUTLEDGE 2008: 624-625). Мы выбрали именно упомянутые два произведения, так как считаем их показательными; при этом мы осознаем, что в русской литературе за последние два десятилетия возник целый ряд антиутопических произведений (ЧАНЦЕВ 2007: 269-301).

Антиутопический жанр в русской литературе имеет долгую традицию, первым произведением этого жанра был роман «Мы» (1920) Евгения Замятина. В последнее время (с сер. 80-х гг., т.е. начиная с перестройки) происходит заметное оживление интереса к этому жанру. Также стоит заметить, что антиутопии в последнее время пользуются большой популярностью не только в России, но и в мире в целом. Достаточно назвать хотя бы некоторые американские фильмы последнего времени – «Дивергент», «Голодные игры», «Безумный Макс: Дорога ярости», причем первые два были сняты по литературным произведениям. Все три упомянутых фильма объединяет не только жанр антиутопии, их действие, к тому же, происходит в постапокалиптический период.

Именно во 2-й пол. 80-х гг. XX в. в русской литературе усилилось ощущение приближающегося апокалипсиса, и оно наложило на антиутопическое видение будущего. Антиутопические элементы берутся из опыта советского прошлого. В то время как западные авторы в своих антиутопических произведениях только придумывают возможные формы грядущего политического тоталитаризма, русские авторы пережили его на собственном опыте. Таким образом, в их произведениях отображается опыт сталинизма и всей советской политической системы, которая, в отличие от западных стран, сама себя называла прогрессивным, социально справедливым и во многих аспектах более развитым политическим строем. Тем не менее, в реальности большинство свобод только декларировалось и имело исключительно формальный характер. Таким образом, советский режим, равняясь на идеальный строй (утопию), стал его противоположностью (антиутопией). А. Эткинд в этой связи говорит о магическом историзме, который влияет на постсоветскую прозу, которую можно понимать как специфический способ примирения с исторической травмой (ETKIND 2009: 631-658).

Чувство приближающейся катастрофы, которое часто возникало в русской литературе кон. 80-х гг. XX в., было, с одной стороны, реакцией на действительную катастрофу (взрыв в Чернобыле), а с другой, результатом потери ценностной ориентации, что принесла с собой перестройка, которая закончилась распадом Советского Союза. Не случайно для перестройки появилось ироническое обозначение «катастрофка», и Владимир Путин с некоторым преувеличением назвал развал Советского Союза крупнейшей геополитической катастрофой XX века (DOBRENKO, LIPOVETSKY 2015: 86-87).

Чувства неопределенности, опасений, страхов, изменение шкалы ценностей и непредсказуемость будущего оказались делом не кратковременным; постапокалиптические настроения и элементы антиутопии (либо комбинация того и другого) появляются в русской литературе в последние почти тридцать лет снова и снова. Катастрофическое звучание имеют, напр., произведения Людмилы Петрушевской «Гигиена» (1990) и «Новые Робинзоны» (1989). Широкий

резонанс получила в последнее время трилогия Дмитрия Глуховского «Метро» (2005, 2009, 2015), которая, в отличие от уже упомянутых романов Толстой и Сорокина предстает как настоящая научная фантастика, которая при этом (особенно в последней части) местами несет в себе социально-политический заряд. Сам Глуховский, представляя чешское издание романа, отметил, что речь идет о метафоре жизни в России, выстроенной на руинах Советского Союза.

Чешский политолог и знаток политической системы Ян Хольцер в книге «Политическая система России» с подзаголовком «Поиски государства» отмечает, что советское государство имело немного иную задачу, чем демократические, и, учитывая свои потребности, выполняло также ряд функций, которые демократические государства не обеспечивают. К тому же в нач. 90-х гг. XX в. российское государство стихийно и неуправляемо избавилось от некоторых функций, не обеспечив их выполнение другими структурами (частными либо коллективными). Таким образом настало парадоксальное состояние симбиоза слабости и непригодности государства с излишним и непрекращающимся вмешательством в некоторые сферы, что привело к неуравновешенным отношениям государства и общества. (HOLZER 2001: 137)

Постапокалиптический мир, в котором государство перестает быть опорой и превращается во врага граждан, описывает в романе «Кысь» Татьяна Толстая. Свой пока что единственный роман Толстая писала долгих 14 лет с начала перестройки до конца 90-х гг. XX в. В романе она создает карикатуру и пародию как на советское общество на склоне его существования, так и на общественно-политическую ситуацию в России в период, когда президентом был Борис Ельцин. Эту эпоху и ее характеристику очень метко определил А. Солженицын в книге «Россия в обвале» (1998), название которой достаточно говорит о мнении автора насчет «кондиции» России.

Многие рецензенты уже в период издания романа «Кысь» отмечали, что это опоздавшее произведение, антиутопия, которая соответствует подобным произведениям кон. 80-х гг. (ЛИПОВЕЦКИЙ 2008: 380). Однако роман Толстой нельзя воспринимать как классическую антиутопию, т.е. произведение, предостерегающее от опасности в будущем; это аллегорический образ России конца XX века. Несмотря на то, что действие происходит в далеком будущем через 200 лет после ядерного взрыва, описанное будущее слишком фантастично, чтобы читатель мог в него поверить. Люди страдают различными мутациями, напр., у них петушиные гребешки или уши по всему телу, и это наводит не столько ужас, сколько смех. Так же невероятно можно воспринимать и бессмертие «Прежних» – тех, кто жил еще до взрыва и жив до сих пор, т.е. им уже более 200 лет. Таким образом, автор ясно показывает, что элементы научной фантастики в произведении – только фон.

С точки зрения проблематики времени действие романа происходит в будущем, которое, однако, имеет элементы прошлого; прошлое и будущее, таким образом, сливаются в одно целое – в таких случаях говорят о постистории (ULBRECHTOVÁ 2015: 273-281). Поэтому в романе принципиальную роль играет континуум и дисконтинуум. На первый взгляд кажется, что преобладает проблематика дисконтинуума. Роман можно читать как притчу об утраченной гармонии, нарушении естественного круговорота жизни и преемственности между поколениями. Взрыв представляет в романе цезуру, отделяющую первоначальный и постапокалиптический миры, является переломом в непрерывности времени, после которого приходит глубокая амнезия. Из первоначального мира почти все забыто, и такая естественная вещь как колесо представляется как новое изобретение. Люди уже не знают, что такое лошадь, которую представляют себе в виде наиболее знакомого им животного – мыши. Лучше всего дисконтинуум автор демонстрирует на примере символики книг, которые в романе играют принципиальную роль и которым литературоведы также посвятили много внимания (ЛИПОВЕЦКИЙ 2008: 380-406; DOBRENKO, LIPOVETSKY 2015: 92-96).

На заднем плане очевидного, на первый взгляд, дисконтинуума писательница изображает континуум русского мира. Ряд дистинктивных черт российского общества Толстая представляет как исторические культурные константы, которые сохраняются в российском обществе. Как заметил Марк Липовецкий, эти константы появились в творчестве Толстой уже в двух эссе нач. 90-х гг.: «Русский мир» и «Большой и малый террор» (ЛИПОВЕЦКИЙ 2008: 380-383 и 391-393). В обоих эссе Толстая очень критична к России и россиянам; «темную сторону» русского характера она включила и в свой роман. Именно эти эссе доказывают, что описание тоталитаризма в романе – более образ российской исторической реальности, чем стандартный элемент, проистекающий из жанра антиутопии.

Вопреки взрыву, который уничтожил старое общество, вопреки тому, что со старым миром было покончено, негативные черты политического и общественного уклада возвращаются, будто они даны генетически. Несмотря на то, что общество, создающееся после взрыва, получило возможность начать буквально с нуля, оно возвращается к формам деспотии. Культура и технические достижения забыты, но традиция подавления личности и ее прав остается. Государственная власть сосредоточена в руках самодержца Фёдора Кузьмича, который правит под титулом Наибольший Мурза. Мурзы были высшим слоем татарского дворянства, и поэтому титул Фёдора Кузьмича может вызывать различные ассоциации, воскрешая упрощенный исторический тезис о татарском (азиатском) происхождении деспотических элементов российской политической системы. К тому же, правитель поддерживает

культ личности, так как его подданные верят, что он – автор большинства «изобретений», а также книг, настоящие авторы которых скрываются.

Роль репрессивного подразделения режима исполняют санитары, которые конфискуют старые книги. Они запрещены, и населению внушается, что они радиоактивны, однако в действительности речь идёт о применении и укреплении монополии на власть. Так появляется сюжетный элемент, известный из знаменитого романа Рэя Брэдбери или из недавнего фильма «Эквилибриум». Санитары не только конфискуют книги, они также увозят их владельцев на принудительное лечение, с которого никто никогда не возвращался.

Кысь в романе выступает в двух значениях. Это что-то страшное (зверь-мутант), что в романе непосредственно не появляется, только в качестве темы разговоров и представлений. Это символ страха перед неизвестным и непонятным и олицетворение темных сторон человеческого характера. В то же время Кысь выступает в роли внешнего врага, который возбуждает страх и отводит внимание жителей от действительного тирана. Парадоксально на обложке первого издания романа изображена старая гравюра московского Кремля. Было ли это издательской ошибкой или намеренным ходом – сложно сказать.

Примитивные представления граждан о политике достигают пика в конце романа, когда главный герой Бенедикт, который становится зятем Главного Санитара, помогает своему тестю провести государственный переворот. Они собираются дать народу свободу, однако их попытка обречена на неудачу, потому что они не имеют представления, что такое свобода, и, таким образом, держатся за форму, которую не в состоянии наполнить соответствующим содержанием.

«Э-э-э... свобода слева... или снова... не разберу... (...)

- Свобода... в роде собраний?

- Покажи-ка. Вроде так... Ну да. Значит, чтоб когда соберутся, чтобы свободно было. А то набьется дюжина в одну горницу, накурят, потом голова болит, и работники с них плохие. Пиши: больше троих не собираться.

- А ежели праздник?

- Все равно.

- А ежели в семье шесть человек? Семь?

- (...) Пуцай тогда бумагу подают, пеню уплатят, получают разрешение. Пиши!

Бенедикт записал: больше троих ни Боже мой не собираться.»
(ТОЛСТАЯ 2002: 297-298)

Главный герой романа не прозревает; вместо того, чтобы начать борьбу с извращенной системой, он становится ее частью, новым тираном. Роман заходит в тупик, ведь история должна циклично повторяться. Несмотря на то, что Бенедикт, благодаря браку с дочерью Главного Санитара,

приобретает доступ к старым книгам и имеет возможность изучить их, мысли в них для него непонятны и интеллектуально недостижимы, поэтому на него большее влияние имеют приземленные черты общества, в котором он живет, и жизненность этих черт он только подтверждает своими действиями. Тем самым Толстая критикует российскую интеллигенцию за неспособность отмежеваться от политического устройства, иначе говоря, если уж интеллигенция созревает для действия, она не в состоянии достичь действительных политических и общественных преобразований. Своим романом Толстая во многих аспектах в сатирической и пародической форме предвосхитила развитие российского общества после 2000-го года.

Как и Толстая, к демократическому будущему России скептичен также Владимир Сорокин. Однако действие его романа «День опричника» происходит в недалеком будущем, и до деспотичного политического устройства Россия дозревает не в результате пережитой катастрофы, а как будто в результате естественного развития, т.е. в результате поддержки и культивации негативных черт российской политической системы. Если у Толстой прошлое и настоящее переплетаются, то у Сорокина не происходит «возвращения» в прошлое, у него речь о заимствовании «проверенных» элементов властвования из исторической традиции и их применении в новых условиях. Это очевидная реакция на российский традиционализм, на подчеркивание русской специфичности. В романе содержится дихотомия мы – они (Россия – Запад), символизируемая стеной, которой Россия отделена от остальной Европы.

У Толстой возвращение общества в прошлое навязано трагическими обстоятельствами, у Сорокина же это скорее вопрос выбора. Роман не возвращает российское общество в XVI век, во времена властвования Ивана Грозного, однако различные аспекты (следует подчеркнуть, что это аспекты негативные) его правления становятся вдохновением для будущих поколений. Сорокин также ссылается на азиатские корни российской средневековой деспотии, когда, напр., устами своих героев жестокость Чингисхана называет проявлением его мудрости. Современный правитель России в романе Сорокина непредсказуем. «Государева воля – закон и загадка. И слава Богу.» (СОРОКИН 2006: 24)

Несмотря на то, что описание вероятного будущего у Сорокина настолько же фантастично, как и у Толстой, предсказание Сорокина звучит намного более реалистично, а значит и жутко. Эту жуть подчеркивает и очевидная связь с всемирно известной повестью А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», однако у Сорокина главный герой – один из опричников нового времени, который тесно связан с функционированием тоталитарного режима. Мы уже упоминали Рэя Брэдбери и фильм «Эквилибриум». В этих произведениях главный герой также связан с репрессивными подразделениями

недемократического режима, но на протяжении повествования происходит его прозрение. До такого завершения у Сорокина не доходит.

Сорокин намеренно включил в роман ряд намеков на российскую политическую сцену первых шести лет правления В. Путина, и читатель не может их игнорировать. Таким образом, тоталитарный режим и в этом произведении выступает не как стандартный элемент антиутопического жанра, а как отражение политической и общественной реальности. Подобно как у Толстой, в произведении Сорокина происходит не борьба с тоталитаризмом, а подтверждение его сущности, как будто в российской истории деспотия и тоталитаризм являлись стандартом, а демократия и развитие гражданских прав – только непродолжительные исключения. А. Эткинд обращает внимание на то, что «...не стоит считать постсоветский роман разновидностью мировой научной фантастики; это деполитизирует жанр и лишает его очевидной специфики.» (ЛИПОВЕЦКИЙ, ЭТКИНД 2008: 179)

Оба романа гиперболизированно и в форме антиутопии отражают недостатки и негативные черты российской государственности. Однако они – не просто вымышленная антиутопическая визия извращенного тоталитарного будущего; они исходят из исторического опыта России и ее настоящего. Будущее тоталитарное российское государство в их представлении содержит элементы средневекового московского царства, Советского Союза и ельцинской России. Толстая и Сорокин подтверждают слова российского философа XIX в. П.Я. Чаадаева и подчеркивают варварский характер российской государственности, образ которой далее дополняют отсутствием демократии. Более того, оба романа не завершаются победой «добра», наоборот: они заканчиваются подтверждением авторитарной и деспотичной традиции. Они реагируют не только на российское прошлое, но также выражают опасение, что это прошлое в определенных аспектах может повториться.

Text is an output of the grant project GA MU „Russia in the categories friend – enemy. Czech reflection“ (code MUNI/M/0921/2015).

Литература

- ЛИПОВЕЦКИЙ 2008 = ЛИПОВЕЦКИЙ М. Паралогии. Трансформации (пост)модернистского дискурса в культуре 1920-2000-х годов. Москва, 2008.
- ЛИПОВЕЦКИЙ, ЭТКИНД 2008 = ЛИПОВЕЦКИЙ М., ЭТКИНД А. Возвращение тритона: Советская катастрофа и постсоветский роман // Новое литературное обозрение, 2008, №94. 174-206.
- СОРОКИН 2006 = СОРОКИН В. День опричника. Москва, 2006.
- ТОЛСТАЯ 2002 = ТОЛСТАЯ Т. Кысь. Москва, 2002.
- ЧАНЦЕВ 2007 = ЧАНЦЕВ А. Фабрика антиутопий: Дистопический дискурс в российской литературе середины 2000-х // Новое литературное обозрение, 2007, № 86. 269-301.

- DOBRENKO, LIPOVETSKY 2015 = DOBRENKO E., LIPOVETSKY M. (ed.)
Russian Literature since 1991. Cambridge, 2015.
- ETKIND 2009 = ETKIND A. Stories of the Undead in the Land of the Unburied:
Magical Historicism in Contemporary Russian Fiction // *Slavic Review*, 2009, №3.
631-658.
- HOLZER 2001 = HOLZER J. Politický systém Ruska. Hledání státu. Brno, 2001.
- POSPÍŠIL 1999 = POSPÍŠIL I. a kol. Světové literatury 20. století v kostce. Praha,
1999.
- ROUTLEDGE 2008 = Routledge encyclopedia of narrative theory. London, 2008.
- ULBRECHTOVÁ 2015 = ULBRECHTOVÁ H. Putinovo Rusko: posthistorie, nebo
nová totalita? Reflexe neoimperální situace v současné ruské literatuře // *Ruské
imperální myšlení v historii, literatuře a umění. Tradice a transformace*. Praha,
2015. 271-312.

Dubravka Smajić
(Osijek, Hrvatska)

MIRKO DIVKOVIĆ – RAVNATELJ ZAGREBAČKE GIMNAZIJE I
HRVATSKI GRAMATIČAR NA PRIJELOMU
HRVATSKE JEZIČNE NORME

Abstract: Croatian grammarian, lexicographer and translator Mirko Divković lived and worked at the turn of the 19th to 20th century. He started as a teacher in a grammar school and later worked as a head teacher of Classic grammar school in Zagreb for 26 years. He devoted all his creative efforts to a school, in other words he served in a school. He was the author of numerous textbooks and handbooks. He edited around 30 Croatian readers and Latin workbooks for grammar school. Truly valuable is his work on Latin-Croatian dictionary (1900) which was used throughout the whole 20th century. He translated from Russian, mainly Tolstoj and Turgenjev and Russian folktales. The paper also presents Divković's grammatical contribution to Croatian linguistics.

Keywords: Mirko Divković, Zagreb grammar school, Croatian grammarians, lexicographers and translators, Croatian language at the turn of the 19th to 20th century

Mirko Divković hrvatski je slovničar, leksikograf i prevoditelj. Rođen je u Zagrebu 24. lipnja 1843. godine, a preminuo je 12. siječnja 1924. u Samoboru u 81. godini života. Kao dvadesetogodišnji svršeni zagrebački gimnazijalac upisuje studij klasične i slavenske filologije na bečkom sveučilištu, koji završava 1867. godine. U Beču se upoznaje s hrvatskim intelektualcima koji će kasnije postati prvaci hrvatskoga kulturnoga naraštaja što se okupio oko političkih ideja Strossmayera i Račkoga. Iste godine, vrativši se u domovinu zapošljava se kao gimnazijski učitelj u Varaždinu, a sljedeće godine kao namjesni učitelj u Klasičnoj gimnaziji u Zagrebu.

Međutim, već je 1870. otpušten jer kada je ban Rauch udaljio iz službe Vatroslava Jagića i Vasu Bratelja zbog "odlučna stava u političkoj aferi protujelačićevskog istupa (namjesnoga učitelja) D(avida) Starčevića",¹ Mirko se Divković s još četvoricom kolega solidarizirao s nepravdom kažnjenom

¹ Navodi se u *Hrvatskom biografskom leksikonu*, knjiga 3, Leksikografski zavod "Miroslav Krleža" 1993., Zagreb, str. 406.

spomenutom dvojicom profesora. Uslijedio je otpust sedmorice jugoslavenski usmjerenih i tada omiljenih i sposobnih zagrebačkih gimnazijskih profesora, što je izazvalo prosvjed više od 120 đaka i dvodnevni bojkot nastave. Divković je tada imao tek 27 godina. Nakon te poznate afere, šk. g. 1870./71. našavši utočište u Rijeci, postaje učiteljem hrvatskoga jezika u riječkoj Pomorskoj akademiji, a nakon pada s vlasti bana Raucha vraća se krajem 1871. ponovno u zagrebačku Klasičnu gimnaziju, koju će pak od 1882. do umirovljenja 1908. voditi kao ravnatelj – dakle punih 26 godina. Kada se 1895. Klasična gimnazija podijelila na donjogradsku i gornjogradsku, ravnateljvao je gornjogradskom. Gornjogradska gimnazija kao prva zagrebačka gimnazija bila je osnovana još davne 1607. godine i smještena na Trgu Katarine Zrinske. Osnovali su je isusovci u napuštenom dominikanskom samostanu. Nastavni je jezik dugo bio latinski, a 1842. godine u njoj se počinje učiti hrvatski jezik.

Nazivajući počasno umirovljenoga ravnatelja Divkovića „zaslužnim veteranom našega školstva“, o njegovu osamdesetom rodendanu, prijatelj Stjepan Bosanac u Nastavnom vjesniku ovako piše: „Mirko Divković svakako je jedan od najmarkantnijih zastupnika naše srednje škole (...) vrijedan velikoga štovanja i toplih simpatija.“ (BOSANAC 1924: 6-7) Ističe savjesnost, ali i umješnost kojom je Divković vodio zagrebačku gimnaziju, i to za vladavine bana Khuena. Bosanac ovo pripovijeda o njemu u tim politički teškim vremenima: “U jednoj gimnaziji zagrebačkoj rastao je od godine do godine broj đaka, te je najzad pred osnutkom druge gimnazije u donjem gradu narastao mislim do pune tisuće. Svu tu mladež držati u redu, da vatrena i domoljubna za omražene vlade Khuenove ne nastrada, pogotovu kada se Khuen običavao često šetati Strosmajerovim šetalištem ispred gimnazijske zgrade prepune đacima kao košnica pčelama, za to se htjelo ne samo mnogo takta i odrešitosti nego još više pravoga auktoriteta, koji je Divković u punoj mjeri svagda uživao kod mladeži.“ (BOSANAC 1924: 7) U naglašeno pozitivnom svjetlu oslikava ga i Josip Pasarić u nekrologu iz 1924. godine nazivajući ga „nestorom hrvatskih srednjoškolskih profesora, velikim učiteljem i nezaboravnim uzgajateljem nepreglednoga niza hrvatskih inteligenata“. (BOSANAC 1924: 161) I ne samo njih nego je „iz Divkovićeve učiteljskoga zbora izašla čitava plejada hrvatskih književnika i sveučilišnih profesora, o čemu nam uz ostala svjedoče ova imena: Arnold, Badalić, Bazala, Boranić, Bosanac, Broz, Dukat, Florschütz, Golik, Gudel, Hondl, Ivšić, Klaić, Körbler, Livadić, Musić, Pavletić, Radić Ante, Šenoa Milan, Šrepel, Šurmin.“ (BOSANAC 1924: 164)

No Divković nije bio samo profesorom i gimnazijskim ravnateljam nego je skrbio i o hrvatskoj knjizi i kulturnom prosvjećivanju. Tako se posebno vrijednom ističe i Divkovićeve odgovorna uloga tajnika od 1871. godine u *Matici ilirskoj* u vrijeme njezina preporoda i preobrazbe. Za svoga tajnikovanja napisao je prvu kratku povijest *Matice* od njezina osnutka 1842. godine do 1874., kada je zaživjela preustrojena kao *Matica hrvatska*. Josip Pasarić ističe kako se „ta povijest kao tajnički izvještaj čitala na glavnoj skupštini od 29.

studenoga 1874., kojega je dana u život stupila preustrojena Matica Hrvatska s novim predsjednikom Ivanom Kukuljevićem i novim tajnikom Tadijom Smičiklasom.“ (BOSANAC 1924: 163) Taj je Divkovićev kratki pregled Matičine povijesti tiskan u programu zagrebačke gimnazije (1874.-75.) i kasnije je poslužio kao polazište Smičiklasovoj opširnoj obradi u *Spomen-knjizi Matice hrvatske*.

Za njegova tajnikovanja Matica je započela izdavati i nagrađivati popularna poučna djela, izdala je neka od Šenoinih i Vrazovih ukoričenja te počela širiti Matičine knjige među školskom mladeži po Hrvatskoj, Slavoniji i Dalmaciji. Pasarić zaključno ocjenjuje da je u Matici u vrijeme Divkovića kao tajnika postavljena čvrsta osnova njezinu kasnijemu uspjehu i napretku.

Divković je ipak svoj najveći stvaralački napor usmjerio na školu, tako reći služio je srednjoj školi, stoga se dao i na pisanje srednjoškolskih, udžbeničkih priručnika priredivši tridesetak izdanja hrvatskih čitanaka za I., III. i IV. razred gimnazije i latinskih vježbi za prva dva gimnazijska razreda.

Bavio se i prevoditeljstvom. Prevodio je s ruskoga, najviše Tolstojevu i Turgenjevljevu prozu, a 1923. godine objelodanio je i *Ruske narodne pripovijetke*.

Posebno je vrijedan njegov leksikografski rad, isprva na *Rječniku hrvatsko-latinskom* (1877.), a potom na izradbi *Latinsko-hrvatskoga rječnika* (1900.). Na prvom izdanju *Latinsko-hrvatskoga rječnika* iz 1881. radio je kao suradnik Sebastijana Žepića, a drugo je izdanje sam priredio 1900. godine. Taj je njegov rječnik ostao u uporabi i do današnjih dana i možemo ga i sada vidjeti na mnogim policama naših knjižnica.

Poznato je da je Divković u Samoboru kao umirovljenik izradio i *Rječnik hrvatskoga jezika*. S. Bosanac navodi: "Tako je po nagovoru prijateljâ sastavio rječnik hrvatskoga jezika kao manje izdanje Broz-Ivekovićeva rječnika. Rukopis je gotov, pa bi samo trebalo naći nakladnika, koji će to potrebno djelo štampati, jer je Broz-Ivekovićev veliki rječnik već posve rasprodan, a rječnik se traži." (BOSANAC 1924: 5) Međutim, ostavši samo u rukopisu, rječnik je danas na žalost zagubljen.

Osim latinskoga, poučavao je i proučavao hrvatski jezik, pa tako među njegovim školskim priručnicima posebno važno mjesto zauzimaju u više navrata mijenjane i dopunjavane, odnosno poboljšavane i usavršavane hrvatske gramatike. Godine 1879. pojavio se njihov prvi dio tako i naslovljen *Hrvatske gramatike I. dio. Oblici*, a 1881. godine drugi dio pod naslovom *Hrvatske gramatike II. dio. Sintaksa*. Od 1898. godine Divković oba dijela tiska zajedno - objedinjena, i to pod nazivom *Oblici i sintaksa hrvatskoga jezika*. Ta je gramatika, tako objedinjena, na koncu doživjela ukupno dvanaest izdanja, posljednje je objelodanjeno 1917. godine,² pa se u dijelu literature ističe da se

² Z. Vince (1986: 416) pogriješno navodi da je Divkovićeva gramatika doživjela jedanaest izdanja. Točno je da je posljednje izdanje, kako i Vince navodi, tiskano 1917., ali to je bilo dvanaesto prerađeno. Jedanaesto izdanje "pregledano i potpunjeno"

do tada i zadržala u školama. Novija istraživanja S. Ham osporavaju tu tvrdnju pokazujući da su se Divkovićeve gramatike zadržale u upotrebi mnogo duže, još nekoliko desetljeća: "Bile su suvremenice i Maretiću, Rešetaru, Florschützu, Dujmušiću – iz njih se učilo sve do II. svjetskoga rata!" (HAM 2006: 136)

Važno je istaknuti još jedan vrijedan Divkovićev gramatički priručnik koji također donosi prikaz sintakse hrvatskoga književnoga jezika. Pojavljivao se dvojako naslovljen – isprva kao *Nauka o izreci*, od prvoga izdanja 1880. godine, a kasnije, od 1899. kao *Rečenica za školu*. Ta je knjiga doživjela čak trinaest izdanja, a posljednji je put objelodanjena 1917. godine.

Divković je očito bio jedan od najplodnijih gramatičara u Hrvata.³

Spomenuti Divkovićevi gramatički priručnici mijenjajući svoju kakvoću i obujam, u brojnim novim izdanjima mijenjali su i svoje naslove. Divković je zapravo napisao tri gramatike: najprije oblike, a potom sintaksu rečenice te na kraju sintaksu oblika. Svaka od tih triju knjiga tiskana je barem pod dvama naslovima: *Hrvatske gramatike I. dio. Oblici* i *Oblici hrvatskoga jezika za srednje škole*, dok su sintakse objelodanjivane pod četirima naslovima: *Hrvatske gramatike II. dio. Sintaksa za školu*, *Hrvatska sintaksa za školu*, *Nauka o izreci* i *Rečenica za školu*. Objedinivši prve dvije gramatike u jednu knjigu, izdao ih je pod jednim, posebnim naslovom: *Oblici i sintaksa hrvatskoga jezika za srednje škole*.

Na izradu gramatike Divkovića je potaknulo treće objelodanjivanje *Slovnice hrvatske* znamenitoga prvaka zagrebačke filološke škole Adolfa Vebera Tkalčevića, u kojoj je bila tek ponešto ublažena, poznata Veberova čvrsto zacrtana zagrebačka jezikoslovna smjernica ("napustio je pisanje *ě*, slogotvorno *r*") (VINCE 2002: 628). Kako je Veberova *Slovnica* zapravo u biti ostala jednaka, a *Skladnja* mu je već ranije doživjela žestoku kritiku V. Jagića, bio je to dovoljan poticaj uz neke druge razloge da se krajem sedamdesetih godina, kao Jagićev sumišljenik, Mirko Divković prihvati pisanja hrvatske školske gramatike.

Naime, Divković će u polemici s Veberom otvoreno ustvrditi da Veberova slovnica nije dobar priručnik jer da je nakon triju godina Divkovićeva podučavanja prema toj slovnici "sva skoro muka oko hrvatskoga jezika bila

objelodanjeno je 1908., što je podatak koji se ne nalazi u Vinceovu kratkom bibliografskom popisu.

³ Divković je i s pedagoškoga motrišta razmatrao pristup učenju gramatike prema tadašnjem gimnazijskom programu. U svom stručnom članku *Ima li u gimnaziji preterećivanja?* problematizira program učenja potpuno jednakih gramatičkih sadržaja u tadašnjoj nastavi četiriju jezika: hrvatskoga, njemačkoga, latinskoga i grčkoga. Zaključuje na konkretnim primjerima kako se jedan gramatički pojam u jezičnim udžbenicima tih jezika poučava na četiri različita načina i stoga se zalaže za jedinstvenu gramatičku terminologiju i međujezičnu korelaciju u učenju jednakih gramatičkih sadržaja (DIVKOVIĆ 1902: 483-496).

uzaludna, da sam sebe i svoje učenike hranio neistinami, da su naše gramatike nalik matematičkoj zadaći nevaljala učenika, koji sam radi svoj zadatak, a rezultat prepíše od dobroga, tj. rezultat je istinit, a put kojim se do nj dolazi, da nije istinit" (DIVKOVIĆ 1879a: 565-566). Divković je mišljenja kako je najveća muka krivim putem do cilja doći. Ističe i da je na ispitu zrelosti opazio vrlo manjkavo učeničko znanje o oblicima, a čak i u mladih učitelja, pa pitajući se za razlog svemu tomu, pronalazi uzrok upravo u školskoj gramatici.

Napominje da je zemaljskoj vladi već ranije predlagao da se Veberova slovnica zamijeni latinicom tiskanom Daničićevom,⁴ ali nije dobio povoljan odgovor. Sve ga je to, dakle, ponukalo da se lati ozbiljne zadaće i prione izradi nove, vlastite slovnice za škole, i to po uzoru najviše na Miklošiča i Daničića, kako sam u proslavu kaže: "Sintaksa ova izradjena je po Miklošičevoj 'vergleichende Syntax der slavischen Sprachen, Wien 1868.-1674.' i Daničićevoj Sintaksi, Beograd 1858. Razdioba padežâ udešena je prema latinskoj slovnici najviše za to, jer se u III. razredu uči nauka o padežih u latinskom i hrvatskom jeziku. Nauk o padežih s priedlozi izradio je kolega A. Musić najviše po Daničiću."⁵

Veber je prve dvije Divkovićeve gramatike podvrgnuo oštroj kritici, i to s pravom, što je kasnije izazvalo žestoku polemiku. Rasuđujući o *Oblicima*, on podsjeća da priručnik namijenjen potrebama srednjega učilišta treba da "razpravlja sve slovničke pojmove i česti... Prema tomu zahtjevu, komu se prigovoriti neda, Divkovićevi su oblici veoma manjkavi, razpravljajući samo njeke slovničke pojmove i česti, a sasvim šuteći o njekih posve potrebnih." (VEBER 1887: 36) Osim nepotpunosti, protuslovlja, nesigurnosti, premalo glavnih pravila i sustava, "mnogo samovolje, koja svaki čas drugčije postupa" (VEBER 1887: 53), Veber *Oblicima* još zamjera što "sadržavaju mnogo toga, što u skladnju spada, ponavljaju ista pravila na više mjestah, a pisani su više dijalektički, nego li kategorički".⁶ S didaktičkoga motrišta *Oblici* također ne

⁴ Divković je to predložio 1875. godine: "Zato sam ja već prije četiri godine predložio u konačnoj sjednici vis. kr. zem. vladi, da se Veberova slovnica zamjeni Daničićevom, latinicom štampanom, ali nedobismo odgovora. Ovo me ponuka te se odvažih na mučno djelo, za koje sam unapred znao, da će imati one protivnici, koji su već naučili jednu slovnicu, a druge im se više učiti neće..." (DIVKOVIĆ 1879a: 566)

⁵ Divković, Mirko, *Hrvatske gramatike II. dio. Sintaksa za školu*, Sveučilišna knjižara Franje Župana 1881, Zagreb, str. I. (Tiskarskom je pogriješkom u proslavu gramatike navedena godina 1674. umjesto 1874., i *vergleichende* umjesto *Vergleichende*.)

⁶ Gdje kad Veber u kritici i podrugljivo progovara: "Pak taj djetetu nepoznani jezik (staroslavenski, D. S.) ima biti pomagalom, da se svoj jezik, koji već govori, podpuno nauči, proti nepobitnomu didaktičkomu načelu, da pomagala imaju biti bolja od same stvari, kojoj pomažu. Doista, to znači s moždjani i tielo izpijati našoj mladeži. Još bi se mogao nekako razumjeti postupak g. pisca (M. Divkovića, D.S.), kad bi kazao: Ova rieč, ovaj nastavak ovako glasi u staroslavenskom jeziku, a ovako se je ustanovio u hrvatskom; ali on uzima, kano što mu se iz slovnice jasno razabire, da je staroslavenski

zadovoljavaju školskim potrebama, smatra Veber. Jedan od osnovnih razloga tomu jest pretjerana *staroslavenština*, jer se autor ne drži samo *hrvatske osnove*, nego ju počesto miješa sa staroslavenskom što, prema Veberu, dokazuje da se *Oblici bez staroslavenštine* ne mogu razumjeti (VEBER 1887: 55). U toj svojoj osudi Veber Divkoviću predbacuje da povrjeđuje gimnazijski propis kojim se učitelju brani upletati povijest o starijim jezičnim oblicima u učenje suvremenih oblika hrvatskoga štokavskoga narječja.

Premda Divković postaje Veberu suparnikom u sastavljanju srednjoškolskih slovnica pa bi tko Veberu kao ocjenjivaču mogao pripisati i kakvu pristranost, mora se priznati da je Veberova kritika najvećim dijelom utemeljena. Otuda je njihov sukob potpuno razumljiv, ali i neizbježan, jer se zapravo radi o dvjema različitim jezičnim koncepcijama. S jedne je strane u Adolfa Vebera kao središnjega predstavnika zagrebačke filološke škole, pristup gramatici sinkronijski, dok je s druge strane Divkovićevo djelo obilježila dijakronija jer je zbog mladogramatičarskoga utjecaja on bio mišljenja da tadašnje trenutačno stanje u hrvatskom jeziku valja ponajprije objašnjavati staroslavenskim i(li) starim hrvatskim jezikom, odnosno na temelju jezikoslovnih stajališta Karadžića i Daničića - premda su Divkovićeви zagrebački prethodnici Antun Mažuranić i Adolfo Veber bili potpuno protivnici takva tumačenja i metode. Stoga se Mirka Divkovića kao gramatičara svrstava u jezikoslovnu struju hrvatskih vukovaca, tj. onih koji su slijedili karadžićevsko-daničićevski jezikoslovni model. Kao hrvatski vukovci, osim Divkovića, spominju se redovito Pero Budmani, Tomo Maretić, Franjo Iveković i Ivan Broz. No prava je istina to da se u svojem ranom gramatičarskom radu Divković toj struji priklanja zapravo tek deklarativno,⁷ odnosno tek dijelom jezične norme koju propisuje u svojim gramatikama. Veći dio normativnih jezičnih obilježja njegovih ranih gramatika potvrđuje da je izrastao na temeljima zagrebačke filološke škole, što i jest prirodno jer je to bila jedina norma kojom se i dotada služio. Bjelodano to pokazuje, primjerice, jezična norma koju je Divković primijenio u svojim prijevodima ruskih klasika objavljenima na početku 20. stoljeća, dakle nakon što je objelodanjen *Hrvatski pravopis* Ivana Broza (1892.) kojim se uvodi fonološko načelo u hrvatski pravopis. Iako je Divković sva svoja izdanja gramatika koja su uslijedila odmah nakon pojave Brozova

i hrvatski jedan jezik, pak iz onoga navodi rieči i nastavke, kakovih u današnjem hrvatskom jeziku neima, tako da se diete svaki čas osupnuti mora." (VEBER 1887: 36) 42)

⁷ O deklarativnim stavovima o zajedničkom književnom jeziku i zapravo samo deklarativnom prihvaćanju vukovskoga modela u nekih hrvatskih gramatičara govori B. Tafra (TAFRA 1993a: 363-388; TAFRA 1993b) pokazujući kako unatoč takvim deklarativnim stavovima pojedini jezikoslovci u svojim gramatikama ne napuštaju neka od osnovnih načela hrvatske gramatičke škole. Kasnije će to potvrditi i S. Ham (HAM 2006).

pravopisa uskladio s novim pravopisnim načelima,⁸ u svojem prijevodu Turgenjevljeve pripovijesti *U predvečerje*, tiskanom 1901. (u izdanju naslovljenom *Izabrane pripoviesti*⁹), ne odmiče se od morfonološkoga pravopisnoga načela, što se vidi iz sljedećega:

1. Divković u prijevodu redovito bilježi dvoglasnik *ie* za dugi odraz jata (*rieka, brieg, biel, liepo, smiešio se* itd.) i *je* za kratki odraz (*čovjek, sjetiti se, djetinji, vjetrić* itd.).

2. U Divkovića nema slova *đ*, već umjesto njega za sliveni izgovor dosljedno upotrebljuje dvoslov *dj* (i *gj*): *ledja, djak, mladji, nadjeno, nasladjivati se* itd.

3. Divković ima oblike *sladko, obćenito, naručaba, uzplamtjeti, bezposlica, razstati se, strastno, raznovrstni* itd., odnosno riječi ne piše "kako se izgovaraju (...) ili po glasu (...) eufonički", već "kako su postale (...) po korjenu (...) etimologički", jer "u hrvatskom se jeziku i prvobitne, a osobito izvedene i promijenjene rieči pišu etimologički po pravilih slovničkih" (VEBER 1876: 21).¹⁰

Vukovska norma u navedenom Divkovićevu prijevodu ogleda se ponajprije u jednakim množinskim imeničkim nastavcima za dativ, lokativ i instrumental koji nisu tradicionalni, zagrebački, nego novi, povukovljeni (*svojim očicama; na širokim usnama, u mrkim očima; među obrvama, glavama, tuđim riečima* itd.). Posebno se to zapaža u odnosu na gramatičku normu u ostalim četirima Turgenjevljevim pripovijestima koje je preveo Josip Miškatović, a tiskani su u istom izdanju *Izabranih pripovijesti* zajedno s Divkovićevim prijevodom. Miškatović se, uz morfonološki pravopis, dosljedno služi i gramatičkom normom zagrebačke filološke škole navodeći neujednačene množinske nastavke (*po žutih očicah, u kartah; kovanimi škrinjami, iskrami, za njimi, s bielimi kolonami, pred ljudmi* itd.). Divković je u svojem prijevodu zadržao glagolski pridjev sadašnji u atributnoj ulozi (*pužeća bubica*) koji u vukovskoj gramatičkoj normi ne postoji kao zasebna sklonjiva vrsta participa.

Veberovo je gramatičko nazivlje tradicijsko, zagrebačko, kakvo i zahtijeva tadašnji gimnazijski propis, a Divkovićevo u *Oblicima* djelomice drukčije, da bi se gotovo sa svakim novim izdanjem te gramatike sve više približavalo vukovskom. Divković je primjerice bez potrebe prema Karadžiću zamijenio "ono što zapadni narodi zovu cirkumfleks, a mi Hrvati zavnuti naglasak"

⁸ Najprije svoje 5. izdanje *Nauke o izreci* 1892., potom 3. izdanje *Hrvatske sintakse za školu* 1893. i na koncu 4. izdanje *Oblika hrvatskoga jezika* 1894. godine. Dakako, usklađena su s novim, fonološkim pravopisom i sva sljedeća izdanja tih gramatika.

⁹ Riječ je o zbirci proze Ivana S. Turgenjeva *Izabrane pripoviesti* u prijevodu Josipa Miškatovića i Mirka Divkovića (Naklada Matice hrvatske, Zagreb, 1901.).

¹⁰ Ako bi se navedenu primjenu morfonološkoga pravopisa moglo objasniti značajno ranije nastalim Divkovićevim prijevodom u odnosu na vrijeme tiskanja knjige, odnosno nastankom toga prijevoda prije izlaska Brozova pravopisa, ipak je teško prihvatiti pomisao da je Divkovićev prijevod čekao čak više od devet godina na objavljivanje.

(VEBER 1887: 36-37) tzv. oštrim iako, kako Veber kaže, propisana slovnica za učilišta ima obratno.

Sve je to bilo uzrokom žestokoj međusobnoj polemici, u koju će se kasnije uključiti i Tomo Maretić. Divkovićeve je *Sintaksa* od Veberova kritičarskoga pera doživjela sličnu razložnu oštru kritiku kao i *Oblici*.

Iako se Divković ubraja među najplodnije hrvatske slovničare - zna se da postoji ukupno 29 izdanja njegovih slovnica - zapaža se da ne ide u red boljih, napose ne svojim ranim gramatikama, što se dobrim dijelom razabire osim iz spomenutih Veberovih kritika, kasnije i iz Maretićevih.

Divkovićevi su suvremenici, dakle, podosta kudili njegov slovničarski rad ocjenjujući kako su mu rane gramatike dobre tek u onim dijelovima koji su prepisani iz Daničićeve ili Miklošičeve gramatike, a sam autor ocijenjen je nepouzdanim gramatičarem. To su mišljenje zastupali A. Pavić i I. Milčetić. Uz spomenutu Veberovu oštru kritiku, u literaturi se obično ističe sud Armina Pavića, sveučilišnoga profesora kojega je vlada zadužila za prosudbu Divkovićeve gramatike. Prema njegovoj ocjeni Divkovićeve školska gramatika uopće nije za škole jer vrvi brojnim pogrješnostima¹¹ te da "u toj knjižici gotovo ni jedno pravilo nije istinito, ili da bar nije potpuno, ili da bar nije jasno izrečeno".¹²

Povjesničar jezika Zlatko Vince sažeo je zamjerke iznesene na račun Divkovićeve gramatike ovako: "Prigovaralo se Divkoviću da je tek prepisivao Miklošiča, ali da ga nije uvijek dobro razumio, pa se čak nije oslobodio ni složenog Miklošičeva izražavanja, nepodobna za učenike." (VINCE 1986: 412)

U polemikama o Divkovićevim gramatikama u prvi mah pretegnulo je Veberovo motrište, osnaženo mišljenjem A. Pavića. Međutim, Divkovićeve uporna obrana potpomognuta je Daničićevim, Valjavčevim i Živanovićevim svjedočenjem¹³ da su mu gramatike dobre, što je u konačnici odnijelo prevagu. Pa iako je Veber razložno upozoravao na probleme koje će izazvati vladina odluka da se za prve razrede gimnazije "pušta (...) učiteljskim sborovom na volju, da Divkovićevu (gramatiku, napomena *D.S.*) uvedu ili nevedu, dodavši razlog, jer da uz *izdašnu pripomoć vješta učitelja* može dobro služiti, a *pogrješke* da će Divković u II. izdanju popraviti", (VEBER 1887: 86) ne samo

¹¹ Taj je negativan sud istaknuo i Veber u zaključku svoje polemike *Na razstanak g. Divkoviću*: "Ob Oblicih Divkovićevih izrekao je i sveučilišni profesor, Armin Pavić, koji je i na gimnaziji služio i koji se ex professo bavi slavenskom filologijom, visokoj vladi svoj sud, da ta knjiga radi mnogih pogrješakah, nepodpunosti i nejasnoće nije za škole." (VEBER 1887: 86)

¹² Narodne novine, 1879., br. 243. (prema VINCE 1986: 412)

¹³ "Divković (se) pozivao na Daničićevo, Valjavčevo i Živanovićevo mišljenje koje je bilo pozitivno." (VINCE 2002: 628.) U predgovoru svoje prve gramatike Divković navodi ovu zahvalu: "Napokon mi se je osobito zahvaliti gosp. prof. Gj. Daničiću i gosp. prof. M. Valjavcu na trudu, kojim su knjižicu ovu pregledali i ocijenili." (Divković, Mirko, *Hrvatske gramatike I. dio. Oblici*, Dionička tiskara 1879b, Zagreb, str. I)

da su Divkovićeve knjige odobrene za školu već su postupno sasvim zamijenile Veberove.¹⁴

Kako je ovdje već upozoreno, u pitanju su bile dvije različite jezične koncepcije i u cjelini gledano riječ je ipak "o gramatikama dvaju jezičnih i pravopisnih tipova istoga jezika" (JONKE 1956: 68), stoga Veber predviđa nedaće koje čekaju i učitelje, a i učenike: "Ali uzmimo, da sve gimnazije prihvate Divkovićeve oblike, najprije se na njih neće moći učiti, kako se imadu hrvatske rieči izgovarati, pisati i tvoriti, jer toga u onih Oblicih neima dielom ništa, dielom vrlo malo, a to su ipak prve potrebe. Zatim će se dogoditi, što obično biva, da jedan ter isti učitelj predaje i u I. i u II. razredu oblike, pak će to ljetos barem morat učiniti povodom dvijuh različitih slovnica, što mora i vještijega učitelja zbuniti (...) Ali recimo i to, da će učitelj kako tako svladati tu težkoću, kako će ju svladati učenici, koji će se u III. razredu morati, pošto Divkovićeve neima, po Veberovoj učiti skladnju, koja u uzkom savezu stoji s oblikoslovjem? Tu jih mora zabuniti većim dielom druga terminologija, druge oznake poznanih jur pojmovah i mnogo poznanim protivnih mnijenjah (...) Tu metežu neima ni kraja ni konca!" (VEBER 1887: 87-88)

Međutim, Divkovićeva je gramatika dobila pozitivnu ocjenu Tome Maretića, no autor te ocjene javno je isticao "da mu je Divkovićeva sintaksa već i zato mila, što će iztisnuti"(VEBER 1887: 456) Veberovu. Dakle, Maretić zapravo nije hvalio Divkovićeve rad iz znanstvenih pobuda, o čemu sažeto svjedoči Veberova poruga o polemičkom *Poručku Maretiću*: "Po njem je (Maretiću, napomena D.S.) Divković gotovo sva tumačenja izveo po Miklošiću ili po Daničiću, dakle skoro ništa sam po sebi; u njegovoj sintaksi ima i toga, što nebi trebalo pisati, a ima i toga što bi nužno trebalo metnuti; on nije svega tako točno kazao, da bi ga učenik mogao razumjeti; navadja nesgodnih citatah; napokon mu pisanje nije prosto od svake pogrješke (...) Ublažuje doduše prijatelj svoj sud opazkom, da su to većinom sitne stvari, dakle su manjinom svakako krupne zaključuje Veber (VEBER 1887: 457).

Nameće se zaključak kako se pozitivnom kritikom Divkovićeve gramatike Maretić zapravo obračunavao sa svojim pravim, koncepcijskim protivnikom - Veberom, jer Veber odbija biti "historičkim gramatikom, komu je predmet sve, što je postojalo i postoji u jeziku" (VEBER 1887: 454-455), već odlučuje biti "didaktičkim gramatikom, koji uči samo ono, što je u jeziku najobćenitije i najpravičnije" (VEBER 1887: 454-455), i zato ne može (i ne želi)¹⁵ slijepo slijediti Daničićev i Miklošičev jezikoslovni nauk. Stoga po Maretićevu mišljenju Divkoviću je valjalo dati prednost pred Veberom jer "ako nesliediš,

¹⁴ Veber umire 1889. godine, dvije godine nakon objelodanjivanja drugoga izdanja Divkovićeve *Oblika*.

¹⁵ "... hrvatska se slovnica mora pisati Miklošičevim načinom, jer je on u tom uzornik. Zašto da mora? Zar u načinu stoji nauka? Zar mi svi da samo prepisujemo Miklošića?" (VEBER 1887: 455)

urgira očevidno pisac (Maretić, napomena *D.S.*), Daničićeva i Miklošičeva načina, nisi u skladu s pravom naukom", ironično Veber parafrazira Maretića.

I tako je Divkovićeve školska gramatika dobila prolaznu ocjenu - jedva, ali ju je dobila. Pomalo je potiskivala Veberovu, da bi ju na koncu vrlo ubrzo oštro napao upravo onaj koji ju je promicao i dao joj pozitivnu ocjenu - sam Tomo Maretić. Naime, Maretićeva je nakana bila da se probije zapravo njegova školska gramatika, koja je objelodanjena iste 1899. godine kada izlazi novo, osmo izdanje Divkovićeve *Oblika i sintakse hrvatskoga jezika*, a i osmo mu izdanje *Rečenice za školu*. I tako uskoro Maretić i Divković postaju pravi "takmaci u objavljivanju hrvatskih školskih gramatika"(VINCE 1986: 411).

"Tako je dakle kraj posljednjeg desetljeća 19. stoljeća u znaku oštrih polemika između dvaju autora školskih gramatika: Mirka Divkovića, gimnazijskog profesora, koji je svojim gramatikama dominirao više od dvaju desetljeća, i Tome Maretića, sveučilišnog profesora." (VINCE 1986: 412) No Divković nije bio ni izbliza gramatičar takve znanstvene snage i stručnosti kao Maretić.

Novija pak istraživanja pokazuju kako su se Divkovićeve gramatike kao školski udžbenik upotrebljavale čak pedesetak godina - "nekoliko godina uz Veberove školske slovnice; a poslije Veberove smrti 1889. umjesto Veberovih slovnica." (HAM 2006: 136)¹⁶ Povlačenju Divkovićeve gramatike iz školskih programa na koncu su presudile Maretićeve školske gramatike, koje su ih zamijenile.

Zaključak

U prosvjetnim je krugovima Mirko Divković s pedagoškoga gledišta ocijenjen kao „jedan snažan orač na njivi hrvatske prosvjete, koji je ostavio iza sebe duboke i trajne brazde“.¹⁷ Međutim, o njegovu djelu u našoj suvremenoj literaturi pisalo se rijetko, najčešće u okviru kakva povijesnoga pregleda hrvatskoga jezikoslovlja.¹⁸ U ostalim jezikoslovnim radovima¹⁹ spominjan je obično usputno, tek da bi se izrazio suodnos s njegovim jezikoslovnim suvremenicima koji su ostavili snažniji trag u hrvatskoj jezikoslovnoj povijesti od Divkovićeve i između čijih su gramatičkih uradaka Divkovićeve

¹⁶ Z. Vince postavlja zanimljivo pitanje: "Kako je tako dugo vremena mogla Divkovićeve gramatika izlaziti u novim izdanjima s toliko mnogo stvarnih pogrešaka." (VINCE 1986: 415)

¹⁷ Iz nekrologa koji je Mirku Divkoviću posvetio učitelj Bogumil Toni (Samoborski list, 1924.)

¹⁸ Općenito o njegovu mjestu u hrvatskom jezikoslovlju na prijelazu stoljeća može se doznati iz zapisa Z. Vincea (2002.), a podrobniji osvrt na Divkovićeve slovnicaarski rad daje samo S. Ham u svojoj *Povijesti hrvatskih gramatika* (2006.).

¹⁹ Spominju ga u prikazu jezikoslovnih strujanja toga vremena Lj. Jonke i B. Tafta, te ponovno Z. Vince.

srednjoškolske gramatike značile tek prijelaz jer su donosile "konceptijsku novinu u hrvatskoj gramatičkoj tradiciji" (SAMARDŽIJA 2004: 140-141). U hrvatskoj je gramatičarskoj povijesti zapamćen kao „školski i školnički gramatičar“ (HAM 2006: 144) koji je u srednje škole uveo vukovsku gramatičku normu te fonološki pravopis, priklanjajući se pravopisnim rješenjima Ivana Broza.

Djelujući na prijelazu stoljeća, doživio je osobnu mijenu od gramatičara koji je pisao normom zagrebačke škole do potpunoga vukovca i tako je slijedom te svoje mijene gotovo zrcalno odslikao slijed normativne promjene koja je zahvatila hrvatski književni jezik na prijelomu 19. u 20. stoljeće.

Literatura

- BOSANAC 1924 = BOSANAC S. Mirko Divković // Nastavni vjesnik, № XXXII. 1924. 5-9.
- BROZ 1892 = BROZ I. Hrvatski pravopis. Zagreb, 1892.
- DIVKOVIĆ 1879a = DIVKOVIĆ M. Odgovor na sud g. Vebera // Narodne novine, 1879. 226-235.
- DIVKOVIĆ 1879b = DIVKOVIĆ M. Hrvatske gramatike I. dio. Oblici. Zagreb, 1879.
- DIVKOVIĆ 1881 = DIVKOVIĆ M. Hrvatske gramatike II. dio. Sintaksa za školu. Zagreb, 1881.
- DIVKOVIĆ 1902 = DIVKOVIĆ M. Ima li u gimnaziji preterećivanja? // Nastavni vjesnik, № X. 1902. 483-496.
- DIVKOVIĆ 1924a = Mirko Divković 1843.-1924. // Nastavni vjesnik, № XXXII. 1924. 161-170.
- DIVKOVIĆ 1924b = Mirko Divković // Samoborski list, № 2, od 15. siječnja 1924.
- HAM 2006 = HAM S. Povijesni pregled hrvatskih gramatika. Zagreb, 2006.
- HRVATSKI BIOGRAFSKI LEKSIKON = Hrvatski biografski leksikon, knjiga 3, Leksikografski zavod "Miroslav Krleža". Zagreb, 1993.
- JONKE 1956 = JONKE Lj. Veberove zasluge za naš književni jezik // Rad JAZU, 1956. № 309. 33-80.
- SAMARDŽIJA 2004 = SAMARDŽIJA M. Iz triju stoljeća hrvatskoga standardnog jezika. Zagreb, 2004.
- TAFRA 1993a = TAFRA B. O hrvatskim vukovcima iz drugoga kuta // Rasprave Zavoda za hrvatski jezik, 1993a. № 19. 363-388.
- TAFRA 1993b = TAFRA B. Gramatika u Hrvata i Vjekoslav Babukić. Zagreb, 1993b.
- VEBER 1876 = VEBER A. Slovnica hrvatska za srednja učilišta. Zagreb, 1876.
- VEBER 1887 = VEBER A. Djela Adolfa Vebera, III. Zagreb, 1887.
- VINCE 1986 = VINCE Z. Mirko Divković i Tomo Maretić – takmaci u objavljivanju hrvatskih školskih gramatika // Filologija, 1986. № 14. 411-417.
- VINCE 2002 = VINCE Z. Putovima hrvatskoga književnog jezika. Zagreb, 2002.

Тюнде Сабо
(Сомбатхей, Венгрия)

ДВОЙНАЯ ДИНАМИКА СЮЖЕТА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Л. УЛИЦКОЙ
«ВЕСЕЛЫЕ ПОХОРОНЫ» И «ИСКРЕННЕ ВАШ ШУРИК»

Abstract: This study examines the manifestation of the dual (linear and cyclical) plot structure as described by Y. Lotman in two of Ulitskaya's works. Besides the thematic similarities, the shared cyclical plot line constitutes the most significant connection between the two works. This analysis will show that the cyclical plot lines of *The Funeral Party* and *Sincerely Yours, Shurik* are not connected to an ancient mythical model, as Lotman suggested, but rather the characteristic plot line of the late Middle Ages, the *danse macabre*, and so instead of the semantics of the eternal cycle of death and resurrection, that of the absolute end is activated in the text.

Keywords: Ulitskaya, Alik, Shurik, linear plot line, cyclical plot line, *danse macabre*

В одной из своих работ Ю. Лотман писал о том, что «современный сюжетный текст – плод взаимодействия и интерференции двух исконных в типологическом отношении типов текстов» – линейного и циклического (ЛОТМАН 1992: 226). А в другом месте ученый утверждал, что в сюжетном пространстве русского романа XIX века преобладает второй, восходящий к мифологическому мышлению тип – циклический (ЛОТМАН 1988).

В последующем мне хочется продемонстрировать описанную Лотманом двойную динамику и также особенность циклической организации сюжета в двух произведениях Л. Улицкой «Веселые похороны» и «Искренне ваш Шурик».

Выбор именно этих произведений не случаен: они довольно близки в тематическом плане, поскольку в обоих ставится вопрос о сущности любви и смерти. В центре обоих сюжетов стоят молодые люди – Алик и Шурик, окруженные женщинами. Оба они женолюбивы, и в их отношениях к женщинам эротическая, телесная любовь тесно взаимосвязана со смертью. В сюжетах явно обнаруживается двойная динамика, описанная Лотманом. Но циклическая организация сюжета восходит не к исконно мифологическому мышлению, как предполагал Лотман в своей теории, а

к распространенному в средневековой Европе жанру «пляски смерти», что придает особый смысл циклической организации текстов.

Повесть «Веселые похороны» вышла в свет в 1997-ом году. Действие происходит в среде русских эмигрантов в Нью-Йорке, которых связывает нечто «неотменимо общее: пересеченная граница, пересеченная, запнувшая линия жизни, обрыв старых корней и выращивание новых...» (УЛИЦКАЯ 2013: 133). Главной метафорой этого неопределенного состояния является смерть художника Алика. Процесс умирания является центральным событием сюжета и, с одной стороны, изображается как абсолютный конец, а, с другой стороны, как переворот, переход из одной сферы в другую. Двойственный характер смерти Алика ярче всего показан в восприятии его жены Нинки. «Со дня смерти Алика она понимала только две вещи: что он выздоровел и что его больше нет. Эти вещи не совместились бы в обычном человеческом сознании» (УЛИЦКАЯ 2013: 196). Они, однако, отлично совмещаются в сюжете, который определяется именно этим двойственным восприятием смерти.

Факт смерти человека – как об этом также писал Ю. Лотман – придает доминантную роль началу и концу художественного произведения (ЛОТМАН 1993). В повести Улицкой начало и конец маркируется самим Аликом, который пользуется нецензурным выражением «пиздец», обозначающим, в числе прочих коннотаций: «провал, конец, смерть». В начале сюжета слово появляется на майке дочери, как сделанная героем декорация, а в конце сюжета как последнее слово Алика, которым он обращается к друзьям на поминках. С помощью повтора этого слова замыкаются начало и конец сюжета и создается кольцевая структура, в центре которой – умирающий герой.

Такая структура лежит в основе всех населенных многочисленными персонажами сцен повести¹. Алик всегда находится в центре: «[его] посадили в кресло, обложив со всех сторон подушками. Это было всегдашнее его место, и все медленно вращались по квартире...» (УЛИЦКАЯ 2013: 65). Однако, этот центр характеризуется все нарастающей пустотой, отсутствием чего-либо. С одной стороны, на физиологическом уровне герой постепенно лишается способности ощущать окружающий мир. Сначала наступает мышечная дистрофия, потом он теряет вкус еды, потом пропадает зрение и голос. С другой стороны, происходят определенные изменения и на психическом и на метафизическом уровнях. Ирина упрекает его в отсутствии положительных, с точки зрения деловой жизни, качеств, в беспечности и безответственности, и ставит под сомнение его способность любить.

¹ См. еще: «Судьба Алика, изломанная линия его жизни выстраивает все повествование по принципу концентрических кругов, то бесконечно расширяясь в прошлое, в глубины памяти, то снова стягиваясь к «точке умирания», к моменту настоящего» (ПОЛУПАНОВА 2013).

Встреча со священником и раввином подчеркивает в образе Алика отсутствие связи с метафизическим миром. Во время беседы с отцом Виктором Алик остро ощущает «отсутствие присутствия Третьего» (УЛИЦКАЯ 2013: 73), а Реб Менаше определяет героя как «пленного ребенка», который лишен Торы и поэтому живет оторванным «от той жизненной основы, которую он [раввин] признавал исключительно за Торой» (УЛИЦКАЯ 2013: 91).

Кольцевая структура ярче всего проявляется в сцене с латиноамериканскими музыкантами. Они входят в мастерскую как раз в начале агонии Алика, на них висят «скелетики», их инструменты – черепа и маленькие косточки. Они выстраиваются гуськом, двигаются по кругу, и их древняя музыка – как догадывается Алик – представляет собой пляску смерти, смысл которой – «буквальный рассказ об умирании тела... В ней присутствовал стук сердца, дыхание легких, движение воды и даже ворчащие звуки пищеварения» (УЛИЦКАЯ 2013: 154). Все это вполне совпадает с наблюдением Анны Леонавичус, которая в анализе стихотворения А. Блока «Как тяжело мертвецу среди людей», пишет следующее: «В свою очередь, мотив пляски смерти как бы отождествляет все бытие человека с жизнью его тела, смерть ассоциируется с потерей тела, всей сферы чувств и человеческой индивидуальности. Логика мотива тем самым предполагает отсутствие или недостаточность духовного бытия, как будто в земной жизни изображенных персонажей не существует духовное, невещественное измерение» (ЛЕОНАВИЧУС 2015: 86). Кроме основной роли тела, Й. Хейзинга, в своей книге «Осень средневековья» подчеркивает эротический элемент в связи с женскими образами в сюжете «пляска смерти» (ХЕЙЗИНГА 1988). В повести Улицкой эротика явно присутствует в общении с Аликом полуобнаженных женщин. Например, Валентина «положила палец ему между сухих губ... Похоже, это была последняя ночь их любви... Он сказал очень тихо: – Умру прелюбодеем...» (УЛИЦКАЯ 2013: 112).

«Пляска смерти» – это распространенный в средневековой Европе сюжет, прежде всего в иконографии, а также в поэзии XIV-XVI вв. В нем выражается представление о неизбежности конца, о равенстве всех перед лицом смерти, независимо от рода, возраста, чина и социального статуса. Смерть в этих произведениях «предстает в образе мумифицированного трупа, жнеца, птицелова, охотника с аркебузой» (РЕУТИН 2003), а в более поздних вариантах как скелетон. «Подобные образы смерти объединяются в самостоятельный мифопоэтический ряд, отдельный от догматики христианства и отчасти дублирующий функции ее персонажей...» (РЕУТИН 2003). В иконологии сюжет часто воплощается в хороводе разного статуса людей со смертью вокруг ямы – отсюда кольцевая структура, которая ассоциируется, как правило, с жанром «пляски смерти».

Подобная картина вырисовывается на похоронах Алика, где около гроба и заранее вырытой ямы собирается такой пестрый народ, что даже опытный владелец кладбища, Робинс не может определить, к какой национальности и профессии относится его «клиент». Эта картина в принципе повторяет вышеописанную кольцевую структуру в мастерской Алика, где около умирающего героя собираются персонажи самых разных национальностей и профессий. На основе всего этого можно сказать, что в сюжете повести «Веселые похороны» активно присутствует визуальный код сюжета средневекового искусства – «пляска смерти» как выражение абсолютного конца.

Линейная динамика сюжета в повести представляется как особое возрождение, как переход из одной сферы в другую. Это – и возрождение Алика в своей дочери, Тишорт; это – и счастливый поворот в судьбах женщин и друзей Алика после его похорон; это – и переворот в истории России, как на это указывают московские события за которыми герои следят по телевизору; это – и смена парадигм в большом историко-культурном временном пространстве. Этот процесс отец Виктор определяет как «созидание нового народа», Алик – как рождение новой культуры. Даже Рев Менаше готов признаться в том, что происходит определенный процесс, который он воспринимает как «большую победу язычников».

Новое состояние человека в процессе смены парадигм в повести выражается, с одной стороны, с помощью кода магического мышления, характерного для первобытных народов и также для маленьких детей. С другой стороны, оно маркируется мощным сюжетом-символом конца средневековья – «Божественной комедией» Данте².

В романе «Искренне ваш Шурик», вышедшем в 2004-ом году, линейная динамика сюжета проявляется совсем по-другому. Тут мы имеем дело с воспитательным романом, который представляет собой третий тип по системе Бахтина, в котором «становление происходит в биографическом времени, оно проходит через неповторимые, индивидуальные этапы. Оно может быть типичным, но это уже не циклическая типичность. Становление здесь является результатом всей совокупности меняющихся жизненных условий и событий, деятельности и работы. Создается судьба человека, создается вместе с нею и он сам, его характер. Становление

² Тема линейной динамики сюжета в повести Улицкой детально разработана мною в докладе «Театрализация смерти (Л. Улицкая: «Веселые похороны»)», прозвучавшем на международной конференции «Взаимодействие литератур в мировом литературном процессе», в городе Гродно в сентябре 2016.

жизни-судьбы сливается со становлением самого человека» (БАХТИН 1979).

Развитие характера героя, формирование его судьбы происходит в Москве в определенную историческую эпоху (1950-1980-ые гг.), от его рождения до тридцатилетнего возраста. В жизни Шурика мало событий, долгие периоды даже не отмечены нарратором. Выделяются только те моменты, которые обозначают новую фазу в «мужской жизни» героя, например, отдельная комната, или вечеринка для одноклассников в последнем учебном году. Главным таким моментом является встреча с первой любовью, Лилей, которая, однако, вскоре покидает героя навсегда. Ее исчезновение тесно связывается со смертью бабушки Шурика. «Отъезд Лили так прочно соединился в его памяти со смертью, что... ему все казалось, что хоронят Лилию» (УЛИЦКАЯ 2010: 73). После этого Шурик практически служит только случайным женщинам, судьбы которых переплетаются с его биографией, а он при этом теряет самого себя. Когда Шурику исполнилось тридцать лет, он, глядя в зеркало «вдруг заметил, что за ним следит из зеркала незнакомый ему мужчина, немолодой, довольно мордастый, с намечающимся вторым подбородком и мятыми подглазьями. Было мгновение какого-то ужасного неузнавания себя...» (УЛИЦКАЯ 2010: 526).

Такой, неудовлетворительный результат линейного развития, становления героя можно объяснить циклической организацией сюжета, главными особенностями которой Ю. Лотман выделил «подчиненность циклическому временному движению», «единство между отдаленными сферами мира» и «тенденцию к безусловному отождествлению различных персонажей» (ЛОТМАН 1992: 225).

В романе Улицкой обнаруживаются все три эти особенности: циклические повторы некоторых событий (например, рождественских спектаклей), изоморфизм внешних сфер, где герой одинаково обслуживает своих женщин и отождествление разных персонажей. Отождествлены в определенном смысле женщины, с которыми имеет дело Шурик, и он сам отождествляется с разными членами семьи и выполняет разные роли в семье. Его имя повторяет имя отца, и также дедушки. Тем не менее, роль отца выполняет бабушка, «мужественная», воспитанная в Европе, Елизавета Иванова. После ее смерти Шурику достается эта же самая роль, и он становится в одном лице мамой и папой своей матери. «Произошла окончательная смена ролей – Вера поставила сына на место своей покойной матери» (УЛИЦКАЯ 2010: 98). В то же время Шурик выполняет и роль мужа, когда нужно, фиктивно, а когда понадобится, – на практике. Девочка из фиктивного брака носит его фамилию, а его родному ребенку от Валерии не суждено появиться на свет. Девочка из фиктивного брака возбуждает в маме Шурика материнское чувство, она «испытала смутно-приятное чувство: как будто

Мария их с Шуриком дочь» (УЛИЦКАЯ 2010: 458). Эти разные изоморфизмы циклической организации сюжета в итоге приводят к релятивизации мужской роли, и, благодаря этому, линейное развитие героя оказывается неудачным.

Тем не менее, позиция героя среди женщин образует кольцевую структуру, также, как и в повести «Веселые похороны». В кругу женщин центром является Шурик, как дома, так и вне его. «У Шурика выработалось неосознанное чувство, что и само добро есть начало женское, находящееся *вовне и окружающее его, стоящего в центре*» (УЛИЦКАЯ 2010: 38) и «ему представлялось, как все они [женщины] *его обступают* [выделено мною – Т.С.]» (УЛИЦКАЯ 2010: 409).

Однако этот центр, в образе Шурика, также, как и в образе Алика, определяется пустотой – отсутствием отца, смертью бабушки, исчезновением настоящей любви, и, в конце концов, недостатком мужской личности. И, хотя, на первый взгляд, сексуальное обслуживание женщин показывается как позитивная энергия, на самом деле, эта энергия также является компенсацией чего-то. По мере того, как растет количество женщин, становится все более очевидно, что сексуальность Шурика имеет пассивный характер. Инициаторами всегда выступают женщины, а Шурик прежде всего испытывает жалость к ним. «Он давно уже догадался, что это и есть главное чувство мужчины к женщинам – жалость» (УЛИЦКАЯ 2010: 203).

В семантическом поле слова «жалость», среди прочего, присутствует и семантика смерти, о чем свидетельствуют этимологические словари³. Если принять во внимание эту семантику вместе с кольцевой структурой, то можно сказать, что и в этом произведении Улицкой присутствует сюжет «пляски смерти», в которой персонажи разного пола, возраста и социального статуса окружают хороводом яму, куда их по очереди уносит олицетворенная смерть. С этой точки зрения не удивительно, что судьбы вращающихся около Шурика женщин развиваются неблагоприятно: Алю сбивает машина, Валерия и Светлана умирают, Стомба со своей девочкой бесследно исчезает.

Связь образа Шурика со смертью подтверждается и мифологическим прототипом: бог Танатос, олицетворяющий смерть и разрушение в греческой мифологии, тоже родился и рос без отца. Взаимосвязь Танатоса с Эросом в образе Шурика дает основу и для психоаналитической интерпретации героя – но это тема уже другой статьи.

³ Индоевропейский корень *g^wēl- содержит семантику «смерть», которая сохранилась в англосаксонском и прусском вариантах слова. Старославянская форма «жалъ» имела значение «гробница», тогда как старорусский вариант «жалыникъ» обозначал «кладбище». (См. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ 1969: 221 и ЧЕРНЫХ 1993: 291.)

Если рассмотреть эти два произведения Улицкой в структурном плане, можно заметить, что в них явно присутствует двойная динамика сюжета, взаимодействие линейного и циклического принципов. Однако они выступают не просто как структурные принципы, а имеют определенную функцию и также семантику – благодаря чему создаются совсем разные сюжеты.

Линейная динамика различна в двух произведениях. В повести «Веселые похороны» она проявляется как переход из одного состояния в другое, как на уровне личной жизни героев, так и в большом историко-культурном времени. В романе «Искренне ваш Шурик» линейная динамика определяет сюжет воспитания, становления личности и судьбы главного героя.

То, что роднит эти два произведения Улицкой – это связь циклической организации сюжета не с исконным мифологическим мышлением, а с «пляской смерти», сюжетом-символом конца средневековья. В «пляске смерти» акцентируется неизбежность и окончательность смерти и исчезновение тела, и, таким образом, маркируется не постоянное возрождение, а абсолютный конец – изменяя тем самым изначальный смысл циклической организации рассмотренных текстов.

Литература

- БАХТИН 1979 = БАХТИН М.М. Роман воспитания и его значение в истории реализма (по Гете). Постановка проблемы романа воспитания. <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/bahтин-roman-ego-znachenie/postanovka-problemy-romana-vozpitaniya.htm> (Последний доступ: 30. 06. 2016.)
- ЛЕОНАВИЧУС 2015 = ЛЕОНАВИЧУС А.В. Бал как пляска смерти у А. Блока и русских романтиков // Вестник РГГУ № 8 (151), М., 2015. 85-99.
- ЛОТМАН 1988 = ЛОТМАН Ю. Сюжетное пространство русского романа XIX столетия // В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., Просвещение, 1988. 325-348.
- ЛОТМАН 1992 = ЛОТМАН Ю. Происхождение сюжета в типологическом освещении // Статьи по семиотике и топологии культуры. Избранные статьи в трех томах. Т.1. 224-243.
- ЛОТМАН 1993 = ЛОТМАН Ю. Смерть как проблема сюжета // Studies in Slavic Literature and Poetics, Vol. XX; Literary Tradition and Practice in Russian Culture, Amsterdam - Atlanta, 1993. <http://refdb.ru/look/2143603.html> (последний доступ: 03. 06. 2016)
- ПОЛУПАНОВА = ПОЛУПАНОВА А.В. Игра и театрализация действительности как принципы организации текстового пространства в повести Л. Е. Улицкой «Веселые похороны» // Филологические науки. Вопросы теории и практики Выпуск № 11-1 (29) / 2013. 158-161. <http://cyberleninka.ru/article/n/igra-i-teatralizatsiya-deystvitelnosti-kak-printsipy-organizatsii-tekstovogo-prostranstva-v-povesti-l-e-ulitskoy-veselye-pohorony> (Последний доступ: 14. 05. 2016.)

- ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ 1969 = ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ А.Г. Этимологический словарь русского языка в 2 т. Т. 1. Москва: Гос. изд. иностранных и национальных словарей, 1969.
- РЕУТИН 2003 = РЕУТИН М.Ю. Пляска смерти // Словарь средневековой культуры. М., 2003. стр. 360-364. <http://www.fedy-diary.ru/html/032011/13032011-05a.html> (Последний доступ: 17. 07. 2016.)
- УЛИЦКАЯ 2010 = УЛИЦКАЯ Л. Искренне ваш Шурик. Москва: Эксмо, 2010.
- УЛИЦКАЯ 2013 = УЛИЦКАЯ Л. Веселые похороны. Москва: АСТ, 2013.
- ХЕЙЗИНГА 1988 = ХЕЙЗИНГА Й. Осень средневековья. <http://lib.ru/FILOSOF/HUIZINGA/osen.txt> (Последний доступ: 30. 06. 2016.)
- ЧЕРНЫХ 1993 = ЧЕРНЫХ П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка в 2 т. Т. 1. Москва: Русский язык, 1993.

Татьяна Викторовна Воронченко
(Чита, Россия)

РОССИЙСКАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА: ВЕНГЕРСКАЯ ТЕМА
В ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЕЙ ЗАБАЙКАЛЬЯ

Abstract: Transbaikal Literary history is an integral part of the Russian culture's centuries-long history. The article deals with publicist writings and literary works of art of Transbaikal authors focused on October Revolution in Russia (1917) and the Russian Civil War (1918-1922). The author of the article traces the birth and development of the "Red Magyars" theme and its importance for Transbaikal regional literature.

Keywords: Russian literature, Transbaikal literature of Russia, Red Magyars, Siberian writers

Обращение к русской классике и современной российской литературе неизбежно влечёт за собой необходимость рассмотрения понятий «национальная литература» и «региональная литература». Под национальной литературой понимается совокупность словесных произведений, созданных народом и отражающих его дух. Русская национальная литература передаёт особенности менталитета русского народа, его многовековую историю, отличается подлинным гуманизмом и несёт человечеству всеобъемлющую христианскую идею победы добра над злом. В национальную литературу входят литературы региональные. Термин «региональная литература» находит различные определения. А.Н. Власов включает в региональную литературу произведения, «созданные местными авторами и востребованные местными читателями» (РЯБИНИНСКИЕ ЧТЕНИЯ 1997: 12). А.Н. Николюкин в «Литературной энциклопедии терминов и понятий» (2001) определяет региональную литературу как совокупность «произведений писателей, концентрирующих свое внимание на изображении определенной местности (обычно сельской) и людей, ее населяющих» (НИКОЛЮКИН 2001: 864).

Помимо этого, литературоведы предлагают синонимичные определения термину «региональная литература». Так, в «Литературном энциклопедическом словаре» (1987) зафиксировано понятие «местный колорит» (от франц. *couleur locale*) как «воспроизведение в художественной литературе особенностей национального быта, пейзажа,

языка, свойственных сугубо определенной местности или области» (ВЕНТЦЕЛЬ 1987: 217). В этом же издании приводится ссылка на бытописательную тенденцию костюмбризма (от испан. *costumbrismo*, *costumbre* – нрав, обычай), в котором запечатлено стремление к максимально точным описаниям природы определённой местности, особенностей национальной жизни в центре и на периферии страны, нередко с идеализацией патриархальных нравов и обычаев (ЛАКШИН 1987: 169). Отчасти однородным с костюмбризмом понятием становится и веризм (от итал. *vero* – правдивый). Веристы при описаниях быта различных социальных слоёв широко использовали народный язык и его диалектные проявления, что было необходимым средством иллюстрации натуралистической близости описываемых явлений и событий к реалиям не приукрашенной художественными средствами истинной человеческой природы. Кроме этого, существует понятие «регионализм» (от англ. *regional* – региональный) и другие.

Представление о национальной литературе хорошо развито в российской академической науке, в то время как развитию региональных литератур России до сих пор не уделялось особого внимания. Научные работы по исследованию региональной литературы как важной составляющей корпуса российской словесности появляются в отечественной науке сравнительно недавно (в последней четверти XX века). Теория регионализма в культуре и литературе достаточно полно разработана в литературоведении США, в котором пристальное внимание учёных уделяется региональным культурным пространствам (Юг, Юго-Запад, Дальний Запад, Калифорния). В российском литературоведении разработка подходов, связанных с изучением региональных литератур, требует дальнейшего осмысления.

Обращение к забайкальской литературе неслучайно. Исторический опыт, отражённый в произведениях забайкальской литературы с XVII по XXI века, уникален. Территория Забайкальского края издавна является контактной зоной взаимодействия народов, где в сложном узоре переплетались судьбы различных этносов. Это место огромного переселения народов, где пролегали пути исторических миграций, смешения культур. Забайкалье – «фронтальный регион», форпост России на Востоке, формирующий особенное художественно-философское мышление писателей. Привлечение внимания общества к писателям – представителям забайкальской региональной литературы как части Русского мира в азиатском пространстве России видится необходимым условием обогащения знаниями об историческом развитии литературного процесса.

История забайкальского литературного движения и книжного дела – неотъемлемая часть многовекового культурного процесса России. В период после восстания декабристов (дворянских революционеров против самодержавия и крепостничества в Петербурге 1825 года (ДЕКАБРИСТЫ

2000)) в русскую литературу вошли произведения писателей-декабристов (поэзия Вильгельма Кюхельбекера и Александра Одоевского, мемуары Дмитрия Завалишина, проза братьев Михаила и Николая Бестужевых) о жизни в сибирской ссылке, по своей полноте не имеющие аналогов. Младший брат Вильгельма Кюхельбекера – Михаил – жил в Забайкалье, в Баргузине, вплоть до своей кончины в 1859 году. Согласно преданию и устным свидетельствам местных жителей, в 1850-е годы с ним тесно общался Шандор Петёфи, который по одной из бытующих версий чудесным образом остался в живых после сражения при Шегешваре 31 июля 1849 года, был взят в плен и отправлен в сибирскую ссылку в Баргузин, где жил под своим данным при рождении именем Александр Петрович до своего ухода из жизни в 1856 году. Существует две основных взаимоисключающих версии гибели Шандора Петёфи. Одна из них – что он погиб в сражении при Шегешваре в 1849 году, вторая – что его захоронение находится в Баргузине вблизи могилы Михаила Кюхельбекера (НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ 2015).

Настоящий взлёт проза и поэзия Забайкальского края получают после Октябрьской революции 1917 года, во время романтических устремлений к переустройству мира и в трагические годы Гражданской войны (1918-1922). С этим периодом связано рождение и дальнейшее развитие темы «красных мадьяр» в публицистике и художественном творчестве забайкальских писателей и журналистов. Авторы воспроизводят прошлое, показывают судьбы реальных людей, доносят до современных читателей имена героев, которые жили в нашем крае – яркую страницу этой истории занимают представители венгерского народа, которых местные жители любовно называли «красными мадьярами». Так, в газете «Гудок» от 5 февраля 1987 года, журналист Е. Куренная образно описывает первые встречи забайкальцев с венграми: «...В один из осенних дней 1918 года на станциях Могоча и Амазар Забайкальской дороги послышалась слишком уж непривычная для слуха местных жителей речь. Решительная, горячая, она звучала как приказ военного времени. Буквально все слова: «Байкал¹», «Лазо²», «Даурия³» на этом непонятном языке произносились с ударением на первом слоге. А слово «Сибирь» у них звучало и вовсе странно: «Сиберио»... Что за люди на забайкальских станциях? – Мадьяры, – отвечали любопытным красногвардейцы и их командиры и

¹ Байкал – озеро на юго-востоке Сибири, занимающее площадь 3,15 млн. га, признано самым древним (25 млн. лет) и самым глубоким (около 1700 м) озером планеты (БАЙКАЛ).

² Лазо Сергей Георгиевич (1894-1920), один из советских руководителей в Сибири и Приморье, участник Гражданской войны (ЛАЗО).

³ Даурия – историческая, географическая область в Восточном Забайкалье и частично в Приамурье (ДАУРИЯ 1969)

старались этим одним словом выразить всё своё восхищение боевыми товарищами, такими надёжными и благородными» (КУРЕННАЯ 1987).

Об академическом интересе к развитию венгерской темы, «красных мадьяр» в Забайкалье, пишет известный академик Алексей Павлович Окладников во введении к книге «Венгерские интернационалисты в Сибири и на Дальнем Востоке 1917-1922 гг.» (1980), выпущенной издательством «Наука», Москва: «Задача ближайшего будущего – создать капитальные монографии об интернационалистах, сражавшихся за Советскую власть в Сибири» (ОКЛАДНИКОВ 1980: 8). Такие научные труды, считает он, могли бы появиться в результате совместной работы сибирских учёных и коллег из стран Восточной Европы. Но планам Окладникова не суждено было сбыться. После распада СССР исследования взаимодействия венгров и русских в годы Гражданской войны в России фактически не продолжились.

Большой интерес и резонанс тема «красных мадьяр» вызывала во времена Советского Союза, о чём свидетельствует то, что преимущественное количество публикаций, посвящённых этому историческому событию, приходится на 1960-1980 годы. В этот период выходят публикации в крупных российских литературно-художественных и общественно-политических журналах «Байкал», «Дальний Восток», «Дружба народов» и газетах «Северянка», «Путь к коммунизму», «Пограничник Забайкалья», «Забайкальский рабочий», «Могочинский рабочий», «Гудок», «Правда», «На боевом посту», «Комсомолец Забайкалья», «Правда Бурятии», «Советская Россия», «Рабочая трибуна», «Красное знамя», «Красная звезда». Однако уже начиная с 1990-х годов публикации на эту тему практически отсутствуют. Этот факт вызывает закономерный интерес к дальнейшему исследованию феномена «красных мадьяр» в Забайкалье тем более, что в последние годы много говорится о глобализации и межкультурной интеграции, проявления которых, несомненно, очевидны на сложных поворотах истории в начале XX века. Венгерская исследовательница Ангелика Молнар в статье, опубликованной к проведению X международных дней славистики в Сомбатхее, пишет о сходстве двух народов, отмечаемом учёными: «В венгерской критике вообще распространилось мнение, что восточное происхождение венгров и завоевание славянских территорий венграми сближает их со славянскими народами, их менталитетом, особенно с точки зрения силы воли» (МОЛНАР 2013: 367). В связи с этим видится, что встреча и диалог культур в контексте событий Первой мировой войны, Октябрьской революции и Гражданской войны в России, которые имели место в 1918-1920 и последующих годах на забайкальской земле – являются ярким примером культурных интеграционных процессов. Поэтому, а также с учётом отсутствия исследований темы «красных мадьяр» в Забайкалье с точки зрения встречи культур, хотелось бы обратиться к этой теме и выяснить, что объединяет эти два народа, две

культуры, удалённые друг от друга географически на 8000 километров (расстояние от Читы до Будапешта).

Мировая история показывает, что русский язык на протяжении своего пути развития сплачивает народы многонационального государства, а также служит средством общения и взаимообогащения представителей разных стран, является каналом связи с мировой культурой. История Забайкальского края содержит примеры стихийного освоения русского языка иностранцами в ситуациях, продиктованных жизненной необходимостью. Во время Гражданской войны в Забайкалье в боях за Советскую власть сражались почти три тысячи воинов – интернационалистов, эти отряды состояли из бывших военнопленных германской и австро-венгерской армий – венгров (мадьяр), немцев, австрийцев (КОНСТАНТИНОВ). Около 2 % выживших венгров после окончания военных действий женились на местных русских женщинах, и их потомки до сих пор живут в Забайкалье (VORONCHENKO, CHUGUNOVA). Пример тому – судьба венгра Арпада Хорвата, описанная в повести забайкальского писателя Евгения Голубева «В бой за Советы мадьяры идут» (ГОЛУБЕВ 1969). Арпад Хорват и его товарищи сражались в 1918 года вместе с русскими красногвардейцами против белогвардейцев и интервентов на станции Мысовская (Байкал, Бурятия): «Настороженно смотрят мадьяры вперёд, по сторонам. И тогда Арпад вполголоса запекает всем хорошо знакомую «Национальную песню» – гимн венгерской революции 1848 года, автором которой был выдающийся поэт-революционер Шандор Петефи <...>:

Вставай, мадьяр! Зовёт Отчизна!

Выбирай, пока не поздно:

Примириться с рабской долей

Или быть на вольной воле.

Лица товарищей светлеют. Песню подхватывают уже все. И она звучит, как суровый гимн, как клятва верности чужой земле, за свободу которой они едут сражаться» (ГОЛУБЕВ 1969: 66).

После окончания военных действий Арпад Хорват остался в Забайкалье, в Верхнеудинске. В книге рассказывается, что он сначала работает кочегаром, помощником машиниста, механиком, заводит семью, растит сына и дочь. Уже после выхода на пенсию Хорват встречается с венгерским журналистом Петером Вайдой, приехавшим в Забайкалье для подготовки книги об участии интернационалистов в Гражданской войне. После публикации очерка Вайды о Хорвате в венгерской газете “Nepszabadsag” («Непсабадшаг») с Арпадом связались близкие родственники, до этого считавшие его погибшим. В 1960-х годах в возрасте 72 лет Арпад Хорват предпринимает трёхмесячную поездку в Венгрию, где встречается также и со своими боевыми товарищами: «И когда в ответ на расспросы товарищей Хорват рассказывал о преобразованной земле Забайкалья, о новых заводах, театрах и школах, об

огнях новостроек, – Ласло, Медеши и Имре в один голос восклицали: «О, это здорово! Значит, мы не напрасно в восемнадцатом году стали на сторону большевиков и проливали свою кровь». Вернувшись в Улан-Удэ, Арпад Иванович в свою очередь рассказывал о том, как хорошо его встретили на родине, о тех больших изменениях, которые произошли в жизни венгерского народа за последние годы. И в словах его звучала гордость» (ГОЛУБЕВ 1969: 72).

События, связанные с деятельностью интернационального отряда в период Гражданской войны в Восточной Сибири, положены в основу поэмы Юния Гольдмана «Мадьярский пережат» (1962). Мадьярским пережатом называют пережат на реке Тунгир, в 80 км от села Тупик Тунгиро-Олекминского района Забайкальского края. Это место названо так в 1920-е годы забайкальцами в память интернационального отряда, сражавшегося за советскую власть и погибшего здесь в годы Гражданской войны. Отряд состоял из бывших военнопленных германской и австро-венгерской армий – венгров (мадьяр), немцев, австрийцев и представлял собой одну из наиболее боеспособных частей Красной армии (КОНСТАНТИНОВ). Поэт представляет судьбу венгерского отряда, погибшего в борьбе за власть Советов в Забайкалье, лирически переосмысливает темы интернационализма, мужества, дружбы русских и венгров:

Ах, повеите, ветры,
за быстрый Дунай!
Вам нравится, венгры,
сибирский край?
Ингода⁴-красавица –
Тисе под стать?
Нравится не нравится –
надо воевать!
Молодцом держится
Ковач-венгр.
Жди его, Эржика,
жди и верь! (ГОЛЬДМАН 1962: 10-11)

В тексте поэмы содержится указание на этническое разнообразие населения Забайкальского края, сложившегося исторически:

А на правом фланге –
русский брат.
А на левом фланге –
китайский отряд.
И там же, на левом, –
отряд бурят –

⁴ Крупная река в Забайкальском крае, протекает в том числе по территории столицы края, города Читы.

красные ленты
на шапках горят...(ГОЛЬДМАН 1962: 12)

Гольдман акцентирует внимание на особенностях характера венгров, их мужестве, стойкости и преданности своим устремлениям:

Откуда в людях эта сила –
стоять смертям наперекор
на дальнем севере России,
у этих страшных берегов?
Стоять, когда и нет надежды,
когда враги –

рукой подать,
когда не то что Будапешта –
жилья людского не видать (ГОЛЬДМАН 1962: 20-21).

Сохранились заявления интернационалистов о готовности оказать содействие и помощь красной России в революционной борьбе, окрашенные романтическим пафосом: «Мы, интернационалисты, никогда не отделяли себя от русских товарищей. Мы боролись в ваших рядах и будем бороться... Мы уйдём в тайгу, проведём там зиму, а потом... когда борьба возобновится, мы опять будем драться рядом с вами» (ПОЗНАНСКИЙ 1980: 64). Юний Гольдман в поэме «Мадьярский пережат» описывает то, каким на самом деле суровым испытанием для интернационалистов стали особенности холодного климата забайкальской земли:

Что такое забайкальский север?
Это значит
в воздухе осеннем
листьев золотая кутерьма,
это,
снежную крупу просеяв,
подкрадётся

в сентябре

зима (ГОЛЬДМАН 1962: 14-15).

Документальная повесть Николая Ященко «Красные мадьяры» (ЯЩЕНКО 1979) посвящена описанию организации интернационального отряда на территории Западной Сибири в Омске, состоящего из венгров, немцев, чехов, поляков, румын. Это военнопленные, которые во время Октябрьской революции и Гражданской войны в России обрели здесь вторую родину и бок о бок с русскими красногвардейцами сражались за советскую власть в Сибири. Главные герои повести – командир интернационального отряда венгр Карой Лигети и его жена, комиссар отряда, 18-летняя полька Зофия Венцкович.

Рассматриваемые в статье публицистические, художественные и документальные произведения объединяет неизменно героико-романтический тон. Забайкальские авторы показывают как трагедию, так

и романтику революции, военных действий, борьбы, а главное – удивительную встречу языков и культур в исторически трагическом периоде войн и революций начала XX века. Данная статья намечает пути дальнейшего исследования темы культурного общения венгерского и русского народов на материале корпуса публицистических и художественных текстов, посвящённых пребыванию венгров в Забайкалье в революционные годы XIX-XX веков.

Литература

- БАЙКАЛ = Байкал // Список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО <http://whc.unesco.org/ru/list/754>).
- ВЕНТЦЕЛЬ 1987 = ВЕНТЦЕЛЬ Т.В. Местный колорит // Литературный энциклопедический словарь. Под общ. ред. В.М. Кожевникова и П.А. Николаева. М., 1987.
- ГОЛУБЕВ 1969 = ГОЛУБЕВ Е.А. В бой за Советы мадьяры идут // Голубев Е. Герои рядом с нами. Бурятское книжное издательство, 1969. 62-72.
- ГОЛЬДМАН 1962 = ГОЛЬДМАН Ю.С. Мадьярский перекал. Чита: Читинское книжное издательство, 1962.
- ДАУРИЯ 1969 = Даурия // Мельхеев М.Н. Географические названия Восточной Сибири. Иркутская и Читинская области. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1969. http://www.endic.ru/toponyms_sibir/Dauriya-266.html.
- ДЕКАБРИСТЫ 2000 = Декабристы // Большой энциклопедический словарь, 2000. dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/115246/Декабристы.
- КОНСТАНТИНОВ = КОНСТАНТИНОВ А.В. Мадьярский перекал // Энциклопедия Забайкалья. <http://www.encycl.chita.ru/encycl/concepts/?id=8600>.
- КУРЕННАЯ 1987 = КУРЕННАЯ Е. Десант на Мадьярском перекале // Гудок, 1987. 5 февраля.
- ЛАЗО = Лазо Сергей Георгиевич // Большая советская энциклопедия. <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-encycl-term-30043.htm>.
- ЛАКШИН 1987 = ЛАКШИН В.Я. Костумбризм // Литературный энциклопедический словарь. Под общ. ред. В.М. Кожевникова и П.А. Николаева. М., 1987. 169.
- МОЛНАР 2013 = МОЛНАР А. Восприятие творчества Гончарова в Венгрии с 1980-х годов // Studia Slavica Savariensia 2013/1-2. Szombathely, 2013. 366-377. DOI: [10.17668/SSS.2013.1-2.366](https://doi.org/10.17668/SSS.2013.1-2.366)
- НИКОЛЮКИН 2001 = НИКОЛЮКИН А.Н. Региональная литература // Литературная энциклопедия терминов и понятий. Под ред. А.Н. Николюкина. М., 2001. 864.
- НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ 2015 = Новые материалы о пребывании Петефи в Сибири // Редакция краеведческого журнала Забайкалья «Баргуджин-Токум», 2015. 3-12. URL: <http://uuchurch.ru/Petefi.pdf>.
- ОКЛАДНИКОВ 1980 = ОКЛАДНИКОВ А.П., ПАХ П.-Ж. Венгерские интернационалисты в Сибири и на Дальнем Востоке, 1917-1922 гг.: к истории советско-венгерских интернациональных связей. Москва: Наука, 1980.
- ПОЗНАНСКИЙ 1980 = ПОЗНАНСКИЙ В.С. Подвиг интернационального отряда на Тунгире // Окладников А. П., Пах П.-Ж. Венгерские интернационалисты в

- Сибири и на Дальнем Востоке, 1917-1922 гг.: к истории советско-венгерских интернациональных связей. Москва: Наука, 1980. 64.
- РЯБИНИНСКИЕ ЧТЕНИЯ 1997 = Рябининские чтения: Материалы международной научной конференции «Рябининские чтения 1995». Сборник научных докладов // Музей-заповедник «Кижы». – Петрозаводск, 1997.
- ЯЩЕНКО 1979 = ЯЩЕНКО Н.Т. Красные мадьяры. Документальная повесть. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во., 1979.
- VORONCHENKO, CHUGUNOVA 2012 = VORONCHENKO T., CHUGUNOVA S. The English and the Russian Languages in Russia-Europe Integration Process // *Translatologia Pannonica III*. Pecs, 2012. 154-160.

Cs. Jónás Erzsébet
(Nyíregyháza, Magyarország)

PÉTER MIHÁLY: *OROSZ VERSEIM*.
EGY TERVEZETT KÖLTÉSZETI SZEMINÁRIUM ANYAGA.
BUDAPEST, DOLCE FILOLOGIA XVI, 2016. 115 PP.

Péter Mihály neve, szuggesztív és az egyetemi hallgatókhoz szeretettel, empátiával odaforduló tanáregyénisége a 20. század második fele óta meghatározó a magyar ruszisztikában. Olyan polihisztor filológus ő, aki a bölcsészettudomány minden ágát kiválóan ismeri, s a pszichológia befogadóra figyelő attitűdjével közelít az orosz irodalomhoz, az orosz kultúra minden darabjához. Nem véletlenül idézi Belinszkijt az *Orosz verseim* című könyve elején: „Egy költő tanulmányozása nemcsak azt jelenti, hogy elmélyült és ismételt olvasással megismerkedünk műveivel, hanem azt is, hogy átérezzük, átéljük azokat... [A] megértéshez csak úgy juthatunk el, ha az elragadtatott lelkesedéstől áttérünk a hidegvérűen nyugodt szemlélethez; ám a költő iránti lelkesedés az első és nélkülözhetetlen mozzanat tanulmányozásának folyamatában”(7). Péter Mihály jelen munkája olyan kevéssé ismert, félreértelmezett, elhallgatott vagy másként elemzett orosz művek, korábbi korszakok nem eléggé méltatott értékeihez nyúl, amelyek egy alkotói pályakép megismerését a magyar olvasók számára is gazdagítják, finom ecsetvonásokkal árnyalják. Elemzései ahhoz kínálnak segítséget, hogy a versek szövegének alapos vizsgálata útján még jobban eljussunk a költői szándékhoz, a „szerzői olvasathoz”.

A nyelv olyan élő entitás, amelynek dinamikus változásai, karakteres jegyei a temporalitás, a szocio-kulturális, nyelvhasználati dimenziók és a szubjektív modalitás mentén a költői nyelvben, annak jelentésképzésében sajátosan és egyedileg reprezentálódnak. Péter Mihály elemzései ezekre a sajátos és egyedi jegyekre irányítják a figyelmünket. Eközben a rá jellemző finom tapintattal pótolja a szerző háttérismereti hiányosságokat, amelyek a Biblia, a klasszika-filológia, a történettudomány, az irodalomtörténet, az eszmetörténet, a poétika, a verstan s a fordításstiliztika területén vélhetően sokuknál határok közé szorítják a teljes befogadást, a sokszínű jelentésképzés aspektusrendszerét. A kötetbeli mintegy huszonöt verselemzés tematikus tagolásban négy nagy fejezetbe rendeződik: *I. Mozgás és nyugalom*, *II. Szerelem*, *III. Háború*, *IV. Hétköznapok tragikumai*.

Nem véletlen, hogy a *Mozgás is nyugalom* című nyitófejezetben a két fogalom dialektikus együttállásának harmóniáját Puskin bolgyinói

epigrammáiban fedezheti fel az olvasó (12-27), hiszen Péter Mihály Puskin lírájának, alkotói magatartásának korábban is jelentős munkákat szentelt (vö. Péter 1999, Péter 2005). Amíg ott a nagy epikai alkotások közül központi helyet foglalt el Puskin Anyeginjének világa, fordítási értelmezései, itt a személyes líra apró remekeinek jelentésrendszere tárul fel. A verstani rímképletek, a hangok, a lexikai egységek és szintaktikai szerkezetek alakzatai sorra a jelentésrétegek feltárásához járulnak hozzá.

Puskin az 1830-as év őszét családja birtokán, Bolgyinóban töltötte, s az ekkor 31 éves költő számára ez a három hónap egyik legtermékenyebb korszakának bizonyult. Az Anyegin utolsó fejezetei, a Belkin elbeszélések mellett ekkor születnek azok az epigrammák, amelyekből a szerző nyolcat vesz szemügyre a bennük foglalt jelentéstöbblet alapján. Miközben a *Рифма*, a *Царскосельская статуя*, a *На статую играющего в бабку*, a *На статую играющего в свайку*, a *На перевод Илиады*, az *Отрок* és a *Труд* című epigrammák elemzésében a mitologikus gondolkodás klasszikus-allegorikus elemeivel a költő világfelfogásához enged közelebb férni, a szerző sorra veszi a gondolati tartalom mellett a verstani, hangszimbolikai, zenei, lexikális és szövegkonstrukciós szintek jelentésképző, stilisztikai elemeit is. A világtér és világbraázolás utánozhatatlan, Puskinra jellemző egyéni szintézise egyértelművé teszi, hogy e lírában a hangok, az érzések és gondolatok hármas egysége mellett jellemző a tömörség és plaszticitás. „Puskin a mozgás és nyugalom, múlt és jelen, jelen és jövő, öröm és bánat, az ellentétek folytonos egymásra hatásában fedezte fel és írta le a dolgok, a jelenségek lényegét” (25).

A második témakör a *Szerelem* címet kapta (28-67). Az ösztön és érzelem, szerelem és emlékezete, valóság és látomás olyan verseken keresztül nyer költői megvilágítást, mint Puskin *«Нет, я не дрожу...»*, *«На холмах Грузии...»*, *«Я вас любил...»*, Tyutsev *«Люблю глаза твои...»*, Lermontov *«Расстались мы...»*, Blok *Незнакомка* című alkotásai. Puskinra az afrikai szenvedélyesség ugyanúgy jellemző volt, mint a szerelemnek az egyéniség érzelmi, szellemi szférájába bevont humanizált formái. A hangszimbolika, a grammatika, a lexika mindezek megjelenítésére szolgálnak. Különös ajándék a művek továbbélésének során, ha a fordítók ezekhez fogható adekvát eszközrendszerrel rendelkeznek a célnyelvi változatokban is. A verstani finomságokon túl az elemzésekben a költők életrajzi kapcsolódásai is megvilágítást kapnak. Olyan életrajzi mozzanatokra derül fény például Puskin verseiből – párhuzamban a mi Petőfink életeseeményeivel –, mint az a versből kibomló adalék, hogy saját esküvője környékén sem állt tőle távol egy új szerelemre való nyitottság. Ez a költői én itt tárgyalt lírai önvallomásban lel kifejezést (*«На холмах Грузии...»*) (43).

A világirodalom létezmódja a műfordítás. De hogy ki milyen nyelvi potenciállal nyúl az eredeti szöveghez, ez már nem csak a nyelvismeretről, hanem a fordító társzerzői művészetéről is vall. Így veszi nagyító alá a Péter Mihály az orosz klasszikusok ismert magyar tolmácsolói, Galgóczy Árpád, Szabó Lőrinc, Lányi Sarolta, Gáspár Endre, Franyó Zoltán, Weöres Sándor,

Lator László és mások az adott versnél fellelhető szövegváltozatait. Ám ahol nincs publikált magyar fordítás, ott maga Péter Mihály adja meg a finom stílusérzékkel kidolgozott, egy saját költői alkotói tevékenység részeként is felfogható magyar változatot.

A tárgyalt verseket sorra véve Tyutcev szerelem-ábrázolása tónusát tekintve sötétebb, mint Puskiné. Harmonikus egységében Tyutcev mégis méltó követője nagy elődjének. Lermontov a gondolatok képi megjelenítése terén szintén az orosz tizenkilencedik század géniuszai közé sorolható. A szerelem és emlékezés dialektikus kapcsolatáról úgy vall, hogy a kimondott szavakban érvényesíteni tudja az implicit szinteket is, amelyek értelmező feltárásához a befogadó aktív közreműködése szükséges.

Blok a huszadik század elejét képviseli ebben a sorban. A kötetben tárgyalt verse a valóság és látomás kettősségét szólaltatja meg Szolovjovnak, a misztikus filozófusnak és szimbolista költőnek a hatását mutatva. A hangszerelés, a szintaktika és a lexika a narratíva szolgálatában áll, s ezek – a *Незнакомка* címben is megjelenő – grammatikai jelentésképző elemekkel együtt a fordítók számára izgalmas megoldási feladatot hordoznak.

A *háború* témaköre a harmadik fejezetben bomlik ki. A szerelem mellett sokszínű, jelentős gondolati keretet képez, amelyet a kötetben tárgyalt versek bontanak ki. Az orosz lírát, s a világirodalmat egyaránt ez a narratíva a klasszikusoktól kezdve napjainkig foglalkoztatja (68-89). Ám azok a versek, amelyeket Péter Mihály elemzés alá vesz, a háborúnak nem a hősiességét, hanem az egyszerű katona áldozati szenvedéstörténetét hozzák közelebb. Blok *«Петропавловское небо мутилось дождем...»*, Szimonov *«Ты помнишь, Алеша...»*, Szurkov *В землянке* és Tvardovszkij két verse, a *Две строчки* és a *«Я знаю, никакой моей вины...»* tartoznak ide.

Az első világháború megrendítő élménye Blokot is megérintette. A harcba induló jókedvű katonák lelkesedése antitezist képez a búcsúzóik lelkiállapotával. A baljós sejtelmek végül háttérbe szorítják a hazafias optimizmust. Blok művészi érzékenységének realizmusa Szimonov kiválasztott verségen is visszaköszön. A második világháború első tragikus ütközetében a szovjetek visszavonulása kapcsán írja ezt a vallomást a bajtárs Szurkovhoz. A vers pátosza a szorongatott lét, az egyszerű ember tragédiájának felidézésében mutatkozik meg. A filmszerűen pergő látványkockákat, s a mélyen átélt poétikus együttérzést harmonikus egységbe foglalja a vers zeneisége. Szurkov, aki szintén frontharcos tudósítóként vett részt a nagy honvédő háborúban, egy földbevájt fedezékben szorongó fiatal katona szerelmi ábrándozását írja le. A beszédszerű, társalgást idéző verselés az irodalmi köznyelvből merít, egyetlen emelkedett stílusárnyalatú kifejezést se tartalmaz. Gáspár Endre fordítását vizsgálva Péter Mihály kritikusan megállapítja, hogy „stiláris szempontból a fordítás szókinése megfelel az eredetinek, az alakzatok tolmácsolása azonban hagy kívánnivalót” (80).

A háború témakörét Tvardovszij, a 20. század orosz költői nyelve egyik kiváló művészenek két verse zárja. Tvardovszkij költészete a kor emberének

nyelvén szólal meg, de ismeri és felhasználja az orosz klasszikusok szövegkezelő hagyományait is. Első verse az itt tárgyaltak közül egy elesett fiatal katona látványát örökíti meg, akit hóban fagyva talált a haditudósító. A mozgás és mozdulatlanság együttállását rögzíti a kép, amikor a szinte gyerekarcú katonát úgy láttatja, mintha még mindig futna, miközben a hóba fagyott köpenye szárnyánál fogva visszatartja. A költői reflexió a szánakozó együttérzést szólaltatja meg: Mintha a költő maga feküdne holtan, töpörödötten, összefagyva, elhagyottan a harctéren. Az elemzés kitér a műfordítói munkára is elismeréssel szólva a magyar átültetéséről: „A kiváló költő és műfordító, Áprily Lajos fordítása Tvardovszkij lírája magyar nyelvű megszólaltatásának egyik gyöngyszeme” (84).

A második vers rövidege ellenére egy hosszan tartó, régtől gyötrő gondolat megvallása a háború utáni szovjet idők orosz önmarcangoló gyötrődéséről: Bár nem a mi hibánk – írja a költő –, hogy az ifjak, vének közül sokan nem tértek vissza, nem rajtunk múltott, hogy mi meg élünk, „nem erről van szó. Mégis, mégis mégis...” – zárul Rab Zsuzsa fordításában Tvardovszkij verse (*Речь не о том, но все же, все же, все же...*).

A háború mindenkit érintő tragikumát a zárófejezet a *hétköznapok tragikumát* vizsgálja (90-113). Nyekraszov *«Вчерашний день...»* című verse, Blok két alkotása, a *«Весенний день прошел без дела...»* és a *«Ночь, улица. Фонарь, аптека...»*, majd Jevtusenko közismert költeménye, az *«Окно выходит в белые деревья...»*, végül Vinokurov lírai vallomása, a *«Когда-нибудь однажды в гастрономе...»* került itt egy csokorba.

Ahol az élet, ott a költészet, vallja Belinszkij, s az élet minden hétköznapi tragikumát is megszólaltatható a líra hangján. Nyekraszov ennek a sűrítő tömörítésnek nagy mestere. Az itt bemutatott verse a régmúlt idők szomorú jelenetét idézi, amikor a város főterén egy fiatal parasztnyecske megkorbácsolását nézi végig. A kegyetlen büntetést némán tűró fiatal nőt Nyekraszov fájdalmas megrendüléssel a Múza testvérének nevezi. Blok a szorongó lelkiállapot megszólaltatója. Az itt bemutatott versében a hangulati mélypont kilátástalan állapotában az életet áttekintve, azt befejezettnek érzi. A költő magánéleti krízise, s kiterjesztett egyetemes aggodalma hazájának sorsa fölött mindkét versben hitelesen szólal meg Lator László hangulatilag és stílusárnyalatait tekintve is sikeres fordításában.

Az utolsó két vers, amelyet Péter Mihály kedves orosz versei között fímon árnyalással elének kínál, a múlandó idő megélésének, az emberi élet alkonyának két szép, lírai közelképe. Jevtusenko az idős professzor feledékenységének lélektanilag is pontos történetmesélésében a lappangó tragikumot sejteti. Pszichológusi hitelességgel ábrázolja az idős tanár kényszeres cselekvését, megjelenését, mozgását, a hallgatónak a látvány fölötti mély érzelmi megindulását. Áprily Lajos fordítása magyarul is együtt rezdül az eredetivel. A fordítás szókincese, szintaktikai szerkezete az eredetihez hasonlóan a mindennapi beszéd ritmusát, lexikáját, szerkezetét követi.

Vinokurov kiválasztott versében egy idős ember véletlen, villanásnyi találkozását rögzíti fiatalkori szerelmével. Banális hétköznapi szituációban, egy élelmiszerbolt pultjánál sorba állva pillantja meg ifjúkori szerelmét, aki mint ő maga is kopottá, törékennyé, hajlott korúvá öregedett. Kíméletlen realitással és mély megindulással nyugtázza a vers az idő múlását. Közelítő optikával láttatja a foszladozó, lógó gombú kabátot, a kopott, elázott kis kalapot, a kifordult esernyőt, a ráncokat, a borostát, a görnyedt hátat. A hervadás jelei ezek a fizikai állapotban, s a vizuális megjelenésben, a ruházatban, a tárgyi világ kellékeiben egyaránt. Ugyanakkor a régi érzések egy utolsó, melengető, de fájdalmat is keltő felvillanását éli meg az idős ember az élet alkonyán.

Péter Mihály könyve egy tervezett költészeti szeminárium anyagának készült. Potenciális hallgatóközönségének reális befogadói horizontját tágítja, amikor szelíd megértéssel pótolja azokat az ismeretbeli hiányosságokat, amelyek a mai fiatal nemzedék általános műveltségét, filológiai, verstani, stilisztikai, nyelvhasználati, irodalomtörténeti, ruszisztikai ismereteit korlátok közé szorítják. Következetes aprólékossággal elemzi a versszövegek hangszimbolikai, lexikai, mondatszerkezeti stiláris felépítését, a műveknek a verstani képletek, a retorikai alakzatok körében kevesek által ismert világát, s a gondolati összetevők mellett a jelentésképzés ezekhez kapcsolódó, szövegsemantikai síkjait.

Megkülönböztetett figyelemmel kíséri a szerző a versek fordításainak tartalmi és stiláris adekvátságát. A műfordítás az idegen nyelvi irodalmi szövegek létezmódja. Az írott kommunikatív beszédcselekvés olyan sajátos formája, amely egyrészt folyamatként, másrészt e folyamat eredményeként értelmezhető. A stilisztika, a nyelvhasználat, a pragmatikai tudatosság döntő szerepet játszik a műfordítás létrejöttében. A stíluseszközök közül az alakzatok és szinonimák fogalmi keretének kitöltésére, a beszélők nyelvhasználatára, a koherencia eszközeire, s a kulturális reáliák fordítására kell gondolnunk többek között, ha egy fordítást értékelünk. Benne olvasás közben az eredeti szöveg mellett a vele diszkurzív viszonyban levő fordítói magatartást, a szövegmegértést, a szövegértelmezést, az eltelt idő miatt a temporális dimenziót, s végül a fordító által feltételezett olvasói horizont nyelvi leképeződését figyelhetjük meg. A fordítás elemzésével a világ kultúránként különböző nyelvi képéről alkothatunk véleményt. Ugyanakkor a fordítások beépülnek saját irodalmi kultúránkba is új színekkel gazdagítva azt.

Míndezenek mellett meggyőződéssel állíthatjuk, hogy ennek a kis kötetnek a verselemzéseken túl több, egyetemesebb, nemesebb funkciója is van. Elmélyült gondolkodásra, önismeretre tanít. Az olvasó, amikor végére jutva leteszi a kezéből, jobbnak, nemesebbnek érzi magát. A fiatal Puskin találó epigrammáitól Jevtusenko és Vinokurov megrendítő záró verseivel záruló elemzések a személyiségen végzett elmélyült szellemi belső munka elsajátítható nyereségével szembesítik az erre fogékony olvasót. Ez az elemzésfüzér állomásaival az élet útszimbolikáját adja. Az életszakaszok versbe öntött, versekből kiolvasható feladatainak méltósággal megélt, nagy

tapasztalattal megértett, s finom nyelvi eszközökkel megfogalmazott tanulságait összegezve vezeti a szerző kézen fogva a fiatait: Arra int, hogy így is lehet és kell a szerelemről, az erotikáról, a csalódásokról, a szenvedésről, az örömökről, az életről vélekedni, beszélni. Így kell vállalni az életet, s – Péter Mihály tanár úr tanításait követve – még ha közben botladozva, tükör által homályosan látjuk is a részleteit, de végül a nagy egészbe illesztve, színről színre, tiszta szívvel, elfogadó szeretettel kell magunkhoz ölelni a világot.

Irodalom

- PÉTER 1999 = PÉTER M. „Pár tarka fejezet csupán...” Puskin „Jevgenyij Anyegin”-je a magyar fordítások tükrében. Budapest: Nemzeti Tankönyvkiadó, 1999.
- PÉTER 2005 = PÉTER M. Nyelv, stílus, költői beszéd. Válogatott tanulmányok. Budapest: Tinta Kiadó, 2005.

TARTALOMJEGYZÉK

Gadanji Karel: Pogled na konferencije preteklih 35 let.....	3
Dr. Simonné Pável Judit: Pável Ágoston szlavisztikai munkásságának áttekintése	7
Аманбаева Галина Юсуповна: Витальность русского языка в современном геополитическом пространстве.....	13
Балаж Л. Габор: К морфологической типологии славянских языков	20
Balić Silvestar: Nakladnička djelatnost Hrvata u Mađarskoj – pristup korpusu, izazovi, interpretacijske mogućnosti	30
Baloghné Petkevič Olga: Белорусский язык: реальность или утопия?	38
Barić Ernest: Po čem se razlikuje najnoviji hrvatsko-mađarski rječnik od prethodnih	45
Бароти Юдит – Шиллер Эржебет: К вопросам биографии Леонида Пастернака в свете воспоминаний – его и других	51
Blažeka Đuro: „Razlikovni rječnici“ između 2 bliska mjesna govora.....	57
Bošković Timea: Aktualni zadaci jezične politike Hrvata u Mađarskoj.....	72
Božić Bogović Dubravka: Osobna imena u matičnoj knjizi krštenih južnobanarske župe Zmajevac za hrvatsko naselje Podolje u drugoj polovici 18. stoljeća.....	78
Черняк Валентина Даниловна: О чем говорят названия словарей? (Социокультурные аспекты современной лексикографии).....	85
Ч. Йонаш Эржебет: О новом переводе романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» на венгерский язык	91
Догнал Йосеф: К вопросу о добре в повести М.П. Арцыбашева «Смерть Ланде».....	100
Dudás Előd: Mađarski utjecaj na razvoj kajkavske grafije	108
Dudás Mária: A harag koncepciója a magyar és a bolgár frazeológiában	113
Dziewońska-Kiss Dorota: A nő és a férfi nyelvi képe a magyar és a lengyel nyelvben (a frazeológiai kapcsolatok tükrében).....	120
Emberšič Škaper Elizabeta – Dončec Merkli Ibolya: Kmetijsko izrazje na samooskrbovalni porabski kmetiji.....	127
Феринц Иштван: Образ Константина-Кирилла в исследованиях профессора Имре Х. Тота	136
Glavanić Kristina: Kult Weidingerera u Hrvatskom Židanu.....	146
Дьёрфи Беата: Развитие синтаксического статуса местоимений <i>это</i> и <i>то</i>	155
Hajszan Robert: Stazama sv. Martina u Francuskoj	163
Ham Sanda: Sklonidba brojeva u jeziku Josipa Kozarca	168
Huszár Attiláné Fábriánkovits Erzsébet: A Magyarországon élő grádistyei horvátok komplex, transznacionális identitásának jellemzői	179
Игнац Жанна: Фольклорные традиции в творчестве Владимира Высоцкого	186
Янкович Мария: Состояние перевода в России во второй половине XIX века.....	194
Ясаи Ласло: О роли суффиксов <i>-к(a)</i> и <i>-ик</i> в образовании имен существительных	203
Jesenšek Marko: Jezikovne značilnosti slovenskih pesmi Avgusta Pavla	211
Josić Ljubica: Poetizmi u jednojezičnim općeleksičkim rječnicima hrvatskoga jezika.....	221
Józsa György Zoltán: Эдип или Тесей? Две альтернативы индивидуализации в романе Мережковского «Петр и Алексей».....	228
Ююкин Максим Анатольевич: Этимология топонима <i>Череповец</i>	239
Калафатич Жужанна: Образ Ункрады в различных интерпретациях (Анализ интермедияльных процессов в творчестве А. Ремизова и Н. Рериха)	244

Kanizsai Mária: A zalai kaj-horvát ragadványnevek (Kutatási téma ismertetése).....	252
Khalykov Kabyl: Communication and dialogue of the art texts as the philosophical problem.....	258
Kocsis Mihály: Megjegyzések a modern ukrán helyesírás születéséhez.....	266
Колева-Златева Живка: Об одной группе славянских названий картофеля	274
Kozar-Mukič Marija: Lepa Vida s kačo v madžarskem prevodu Avgusta Pavla in porabski pravljici.....	282
Krekić Tomislav: Bunjevačke fraze i poslovice u Gari	292
Krumes Irena: Knjižica shtijenja, i molitvah za vojnike iz 1835. u kontekstu povijesnog razvoja hrvatskoga jezika.....	297
Meršić Žuža – Njari Denis: Prezimena u Vladislavcima u 19. stoljeću.....	307
Моисеенко Виктор Ефимович: Из истории одного восточнославянского выражения.....	317
Молнар Ангелика: Образ Обломова в свете ролевой поэзии Андраша Петоца.....	324
Няголова Наталия: „Карта Африки” в театральной Чеховиане рубежа XX-XXI вв.....	333
Pavičić Mladen: O Pavlovem <i>A szlovén irodalom vázlatos áttekintése</i>	341
Пчелкина Татьяна – Фрешли Михай: «Кочевники» в культурной сети – Толерантность как показатель сформированности личности.....	349
Пожгаи Иштван: Употребление дательного самостоятельного в «Слове о законе и благодати» Илариона по списку первой редакции	354
Ráduly Zsuzsanna: Az eponimák fonológiai és morfológiai adaptációja a magyar, a lengyel és a horvát nyelvben.....	362
Сабитова Зинаида: Казахские и русские культурные коды в поэтических сравнениях Олжаса Сулейменова.....	370
Шаур Йосеф: Изображение государства в современной русской литературе (Т. Толская и В. Сорокин)	378
Smajić Dubravka: Mirko Divković – ravnatelj zagrebačke gimnazije i hrvatski gramatičar na prijelomu hrvatske jezične norme.....	386
Сабо Гюнде: Двойная динамика сюжета в произведениях Л. Улицкой «Веселые похороны» и «Искренне ваш Шурик»	397
Воронченко Татьяна Викторовна: Российская региональная литература: венгерская тема в творчестве писателей Забайкалья	405
Cs. Jónás Erzsébet: Péter Mihály: <i>Orosz verseim. Egy tervezett költészeti szeminárium anyaga.</i> Budapest, Dolce Filologia XVI, 2016. 115 pp.	414